

ЖЕНСКИЙ АЛЬМАНАХЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
№ 1-64
5851

Научно-Литературный

СБОРНИКЪ

ПО ВОПРОСАМЪ

женской жизни.

Издание М. М. Лукашевского

Под редакцией
Проф. А. Н. Дервицкого
и П. М. Терис-Виноградского.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ:

Книгоизд. Л. М. Лукашевского и К^о.

Одесса, Ришельевская. 39.

печатано въ типографіи
"Исаковичъ и Бейленсонъ"

Одесса, Гаванная ул. соб. домъ. № 10.

Введенскій

Дозволено цензурою. Одесса, 13 Іюня 1901 года.

САМАЯ ОБШИРНАЯ
Мануфактурная Торговля

на Югъ Россіи

В. Т. ПТАШНИКОВА

ВЪ ОДЕССѢ
главный оптовый складъ
и розничное отдѣленіе
на углу Успенской и Александровской ул.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

Модныхъ Шелковыхъ и Шерстянныхъ матерій

суконъ, полотна, коврово-мебельныхъ

и другихъ всевозможныхъ мануфактурныхъ товаровъ.

Всѣ поименованные товары имѣются также и въ другихъ моихъ магазинахъ въ Одессѣ, Ялтѣ,
Алупкѣ, Херсонѣ, Никольскѣ (Уссурийскомъ), Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ.

Ассортиментъ товаровъ пополняется ежедневными полученіями изъ фабрикъ Москвы,
Лодзи, Бѣлостока и другихъ, а также и изъ заграницы.

Торгово-Промышл. Товарищество

ПРЕЕМНИКЪ

ЧАИ

АЛЕКСѢЯ ГУБКИНА, А. КУЗНЕЦОВА и К^о

Основной капиталъ **10.000.000** р.

ПРАВЛЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ.

Одесское отдѣленіе: Греческая, у. Ришельевской д. № 12¹/₂₃.

МАГАЗИНЪ

Ф. Кальмейеръ

ВЪ ОДЕССѢ.

Дерибасовская улица, домъ Вагнера.

Готовое мужское, дамское и дѣтское

БѢЛЫЕ

и полное приданное.

Полотна, столовое бѣлье, чулки, носки,
платки, одѣяла и проч

Моднѣйшія дамскія шерстяныя и шелковыя
блузки и юбки

по послѣднимъ заграничнымъ моделямъ.

И. БЕРЗОНЪ

Одесса, Дерибасовская.

ПОСТОЯННО

НОВѢЙШІЯ МОДЕЛИ

Дамскихъ

Нарядовъ

Maison de confection & commandes

J. BERSON

Odessa, rue Deribas

Robes manteaux jaquettes & Amazones.

ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ

СТЕПАНА ТЕРТУСА

СУЩЕСТВУЕТЪ ВЪ ОДЕССѢ. СЪ 1864 ГОДА.

Главная контора и складъ ВЪ ОДЕССѢ, Александровская площадь, д. № 18. Телефонъ № 1160.

Магазины помѣщаются: ВЪ ОДЕССѢ: 1-й—Дерибасовская улица, д. Веде. 2-й—Новый Базаръ, Торговая ул., д. Кухта. 3-й—Александровская улица, уг. Б. Арнауцкой. ВЪ ВАРШАВѢ: 4-й—Миршпковская, № 119. ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ: 5-й—Дворцовая ул., Городской д. ВЪ КИШИНЕВѢ: 6-й Александровская ул. прот. Пожарнаго Дѣла.

Пересылка ЧАЯ по почтѣ, не менѣе 5 ф. въ предѣлахъ Европ. Россіи принимается на счетъ фирмы.

Оптовымъ покупателямъ соотвѣтственная скидка. Прейсъ-Куранты по востребованію высылаются БЕЗПЛАТНО.

Fankoni
CONFISEUR

rue Catherine, maison Grigorieff,
ODESSA.

Bonbonnières & Coffrets, Haute Nouveauté.

Dragées, Fondants & Chocolat.

Fruits Glacés, Pâtisserie & Petits Fours,
Glacés & Sorbets.

Liqueurs & Vins étrangers.

Services complets pour Bals
& Soirées.

Кондиторская
Fankoni

въ Одессѣ.

Екатерининская ул., домъ Григорьевой.

КОНДИТОРСКІЯ ПЕЧЕНЬЯ.

Конфеты десертныя, шоколадъ, драже,
засахаренные фрукты, мороженное, ор-
шадь, шербетъ.

ВИНА,
ЗАГРАНИЧНЫЕ ЛИКЕРЫ.

БИЛЛЯРДЪ.

Кондиторская освѣщается электричествомъ. Пол-
ная сервировка десертныхъ столовъ для
баловъ и вечеровъ.

Шоколадная и Конфектная
ФАБРИКА

„ПРОГРЕСЪ“
въ Харьковѣ.

Шоколадъ, Карамель, Монпасье, Мармеладъ, Пастила и т. д.

Ф а б р и к а

Екатерининская, соб. домъ № 6.

Телефонъ № 811.

Оптовъ-розничный магазинъ

Рыбная улица, домъ Головой.

Телефонъ № 816.

ЕДИНСТВЕННАЯ въ Юго-Западномъ **КРАѢ**,

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФАБРИКА

Бѣлья и Галстуковъ * * * *

КІЕВЪ, Телефонъ № 282.

Исключительно своего производства

постоянно

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

БѢЛЫЯ

Мужскаго, Дамскаго
и Дѣтскаго.

Прорѣзная 4.

КІЕВЪ.

Р. М. ГЕРШМАНЪ.

ОДЕССА, Ланжероновская 17.

Полотна

ЯРОСЛАВСКІЯ РАЗНЫХЪ ФАБРИКЪ.

ГАЛСТУКИ,

помочи, перчатки, чулки, носки, платки, пелотенца, простыни, наволочки, фуфайки, зонты, мужскія палки и запонки.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

передѣлка и мѣтка **БѢЛЫЯ**

Торговля и Склады

А. ИЛЬЯШЪ

въ Кіевѣ.

Уголъ Крещатики и Лютеранской ул., д. № 29, въ Бель-этажѣ, парадный ходъ съ Брещатики.

Русскія кружева, мережки и вышивки;

издѣлія женскаго ручного труда:

Костромскія и Ярославскія полотна и столовое бѣлье:

Бумажныя издѣлія: шертингъ, батистъ, мадаполамъ и бѣлыя бумазей.

Чулки, фуфайки, кальсоны, юбки, гамачи, готовое бѣлье и приданное; Тюль гардинный, бархатные ковры, скатерти и дорожки. Макаты, одѣялы, пледы, платки и пр. и пр.

Выборъ, свѣжесть, прочность и цѣны вѣ конкуренціи.

Иногородныя требованія выполняются добросовѣстно и скоро съ наложеннымъ платежемъ.

КІЕВЪ, Уг. Крещатики и Лютер. ул., д. № 29, въ Бель-этажѣ.

ЛЕЧЕБНИЦА

СЪ ПОСТОЯННЫМИ КРОВАТЯМИ,

для хирургическ. и женск. болѣзней

СЪ РОДИЛЬНЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Одесса, Елисаветинская, 17. Телѣф. № 937.

ПРИЕМЪ хирургическихъ и женскихъ больныхъ,
а равно беременныхъ и роженицъ во всякое время.

ПОСУТОЧНАЯ ПЛАТА ОТЪ **3** РУБ.

При лечебницѣ постоянный врачъ.

Заразные больные не принимаются.

Завѣдующіе врачѣ:

(*Я. В. Зильбербергъ, И. С. Гешелнъ*
(*и А. Я. Триеръ.*

Удостоенная на всемирн. Парижской выставкѣ 1900 г.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

палестинскія ВИНА и коньяки

Товарищества „КАРМЕЛЬ“

Палестинское вино недавно только появилось на рынкѣ, всего нѣсколько лѣтъ, и за короткое время успѣло зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны, удостоившись восторженныхъ отзывовъ всѣхъ тѣхъ, которые пробовали его.

Благодаря превосходнымъ климатическимъ условіямъ Палестины въ высшей степени благоприятствующимъ культивированію и разведенію винограда самыхъ лучшихъ породъ и достоинствъ, равно и тому обстоятельству, что наши вина и коньяки приготавливаются и выдерживаются въ Палестинѣ въ специально по послѣднему слову техники, устроенныхъ и усовершенствованныхъ погребахъ Барона Ротшильда мы съ полной увѣренностью можемъ рекомендовать наши вина, какъ неуступающія своими превосходными качествами, приятнымъ вкусомъ и ароматомъ всякимъ другимъ отборнѣйшимъ заграничнымъ маркамъ.

Палестинское вино Товарищества „Кармель“ продается въ самомъ чистомъ натуральномъ видѣ, согласно строгимъ анализамъ Варшавской Врачебной Управы, Парижскаго профессора Пуша и профессора Вериго, анализы которыхъ и отзывы прилагаются къ каждой бутылкѣ.

Во избѣжаніе фальсификацій мы продаемъ наше вино только въ бутылкахъ, снабженныхъ печатью и пломбой, и фирма гарантируетъ натуральность каждой такой бутылки.

Палестинское вино Товарищества „Кармель“ введено для употребленія во многихъ больницахъ и принято врачами, какъ наилучшее вино.

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ:

Одесса, Ришельевская, д. Барбаша.

Варшава, Гусья, 11.

Частная Лечебница

— и —

ПРИЮТЪ

для Душевно-Больныхъ

ДОКТОРА

С. Г. ШТЕЙНФИНКЕЛЯ

въ Одессѣ,

Средне-Фонтанская улица, № 16.

Телефонъ № 485.

ПРИ ЛЕЧЕБНИЦѢ

Гидропатическое Заведеніе

Врачъ-Консультантъ

М. П. Симоновичъ.

TRADE MARK

ФАБРИЧНАЯ МАРКА.

**Важно для всѣхъ дамъ, кто желаетъ имѣть
изящную легкую обувь. * ***

Фабрика Вѣнской Обуви А. ЛИСЯНСКАГО ОДЕССА.

Спеціально изготовляетъ дамскую ОБУВЬ

по самымъ новѣйшимъ фасонамъ заграницы,

для чего имѣется на фабрикѣ исключительно иностранные мастера изъ ВѢНЪ.
Товаръ также получается специально заграничныхъ фабрикъ.

P. S. Всѣмъ, купившимъ обувь моего производства, если таковое окажется недоброкачественнымъ въ теченіи нѣкотораго времени, представляю возможность замѣнить во всѣхъ тѣхъ магазинахъ гдѣ имѣется таковое новыми. Производство находится во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Юга Россіи и Кавказа.

МОДНЫЯ

ВЫКРОЙКИ

по послѣднимъ моделямъ 1901/2 г.,

на средней разм. въ натуральн. велѣч. и на плотной бумагѣ:

Лифъ съ повѣш. рукавомъ . . . 40 к.	Капоть-пренесезъ . . . . . 10 к.
Англійская рубашечка . . . . . 35 "	Платъ пренесезъ . . . . . 5 "
Кофточка матинэ со складк. . . 40 "	Ротонды разныя . . . . . по 60 "
Юбка для гулянья . . . . . 3 "	Жакетъ-сакъ . . . . . 40 "
Юбка бальная и подвѣсн. . . 50 "	Полупальто-сакъ . . . . . 50 "
Юбка для визитовъ . . . . . 35 "	Пальто сакъ . . . . . 60 "
Юбка-амазонъ . . . . . 75 "	Шуба-сакъ . . . . . 60 "

На заказъ по присланои мѣркѣ каждая выкройка на 20 к. дороже. Также имѣются выкройки: дѣтскія (для мальчиковъ и дѣвочекъ) отъ 3) коп. за полный костюмъ и мужскія (для штатскихъ, военныхъ и духовенства)—по каталогу. За пересылку одной выкройки заказною бандеролью взимается 11 к., а за каждую слѣдующую добавляется по 1 к. Дешги можно высылать почтовыми марками. Наложнымъ платежомъ выкройки не высылаются. Выписывающимъ сразу отъ 5 и болѣе разныхъ выкроекъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 25 к. съ руб.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

вѣсѣхъ модныхъ журналовъ

И. А. ПОЗИНА

МОСКВА, Александровскій пассажъ

Каталоги журналовъ и выкроекъ высыл. бесплатно.

Греческая Кондиторская

К. АМБАРЗАКИ

ВЪ ОДЕССѢ.

Существуетъ съ 1872 года.

1 й магазинъ Греческая ул., близъ Преображенской № 47.
2 й магазинъ уг. Ришельевской и Н-Рыбной ул.

Конфеты въ 50, 60, 80 к и 1 р. ф. Бонбоньерна отъ 50 к. и дороже.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

Принимаются заказы на пирамиды, торты кремъ, мороженное и всевоз. кондиторск. принадлежности, какъ город. такъ иногород. по весьма умѣрен. цѣнамъ. Иногород. заказы принимаются отъ 3 руб.

Рахатъ Локумъ

съ миндалемъ . . . . . 25 к. ф.	шоколадный . . . . . 25 к. ф.	съ орѣхами . . . . . 25 к. ф.	съ фишкашк. . . . . 30 к. ф.	чис. безъ м. . . . . 20 к. ф.
---------------------------------	-------------------------------	-------------------------------	------------------------------	-------------------------------

Халва

сахарная . . . . . 27 к. ф.	медовая . . . . . 25 к. ф.	шоколадная . . . . . 23 к. ф.	орѣховая . . . . . 25 к. ф.
-----------------------------	----------------------------	-------------------------------	-----------------------------

Халва караимск.

съ миндал. . . . . 45 к. ф.	съ орѣхами . . . . . 40 к. ф.	шоколадная . . . . . 40 к. ф.	Шер. раз. сор. . . . . 30 к. ф.	Нуга . . . . . 50 к. ф.
-----------------------------	-------------------------------	-------------------------------	---------------------------------	-------------------------

Восточн. сладости

Короб. бакл. . . . . 50 к. ф.	Баклава мин. . . . . 40 к. ф.	Баклава орѣх. . . . . 40 к. ф.	Катаифъ . . . . . 45 к. ф.	Татар. бак. . . . . 5 к. ш.	Тригона . . . . . 5 к. ш.
-------------------------------	-------------------------------	--------------------------------	----------------------------	-----------------------------	---------------------------

Разные сиропы

Бутылка . . . . . 1 . . . 80 к	1/2 бут. . . . . 40 к	Гренадинъ . . . . . 1 р.	Оршадъ 1 бут. . . . . 90 к.	1/2 бут . . . . . 45 к.
--------------------------------	-----------------------	--------------------------	-----------------------------	-------------------------

Варенье

Вишневое . . . . . 25 к. ф.	Розовое . . . . . 25 к. ф.
-----------------------------	----------------------------

Кизиль . . . . . 35 к. ф.	Смородина . . . . . 35 к. ф.	Апельсиновое . . . . . 35 к. ф.	Айва . . . . . 25 к. ф.	Лимонное . . . . . 35 к. ф.	Клубника . . . . . 40 к. ф.	Крыжовн. . . . . 40 к. ф.	Желе изъ айвы . . . . . 40 к. ф.	Малина . . . . . 40 к. ф.	Абрикосов. . . . . 40 к. ф.	Орѣхъ . . . . . 40 к. ф.
---------------------------	------------------------------	---------------------------------	-------------------------	-----------------------------	-----------------------------	---------------------------	----------------------------------	---------------------------	-----------------------------	--------------------------

Варенье восточн.

Щер. мас. . . . . 30 к. ф.	Китровое . . . . . 40 к. ф.	Финикъ . . . . . 50 к. ф.	Лимончики . . . . . 45 к. ф.	Померанчики . . . . . 45 к. ф.
----------------------------	-----------------------------	---------------------------	------------------------------	--------------------------------

При кондиторской роскошная кофейня и билларды. Телефонъ № 565.

Мастерская Художницы-Скульптора
А. Я. ДЕНИСЕВИЧЪ

Одесса, Кузнецкая, 27.

Исполняетъ всевозможныя художественныя декоративныя работы: памятники, статуи, медальоны, бюсты, кар-
рютиды и проч. изъ мрамора, бронзы, дерева, бетона, гипса, терракоты и другихъ матеріаловъ.

Первая на Югѣ Россіи

Формовская пособій для рисованія

при художественно-скульптурной мастерской

А. Я. ДЕНИСЕВИЧЪ,

Одесса, Дерибасовская, 27.

Формовская снабжена моделями изъ первоисточниковъ. Статуи, бюсты, маски, части тѣла, архитектурные мотивы, орнаменты. Недорого и въ
большомъ выборѣ. Учебнымъ заведеніямъ скидка. Для занимающихся на дому абонементъ по самымъ доступнымъ цѣнамъ. Иностраннымъ
заказы исполняются скоро и аккуратно, за упаковку и пересылку взимается съ заказчика только ихъ дѣйствительная стоимость.

Скульптурно-Художественныя Заведенія
Вольфмана и Лукашевскаго

ВЪ ОДЕССѢ,

*уг. Старопортофранковской и Колонтаевской,
домъ Гуза № 72.*

ВЪ КИШИНЕВѢ,

Фонтанный переулокъ, домъ Цимпелевича.

Телефонъ № 121.

Архитектурныя украшенія для построекъ:

Розеты, поддуги, бурты, фасадныя украшенія по рисункамъ и собственнымъ моделямъ.

ДЕКОРАЦІЯ КОМНАТЪ

въ классическихъ и новѣйшихъ стиляхъ.

ГИПСОВЫЯ НЕСТОРАЕМЫЯ ДОСКИ

для потолковъ, стѣнъ и простѣнковъ

Спеціальныя доски для уничтоженія сырости. Всевозможн. бетонныя работы.

ПУХЪ и ПЕРЬЯ

Громадный выборъ Пуха и Перьевъ для подушекъ

А. ШТИГЛИЦЪ

ОДЕССА, Гулевая улица № 10.

Всѣ сорта очищаются на патентованныхъ машинахъ. Гарантируется. Отсутствіе запаха и пыли.

ПУХЪ и ПЕРЬЯ

MAISON DE LUXE

Дерибасовская улица, домъ Новикова № 12.

Мужское, дамское и дѣтское
БѢЛЫЕ,

Полотно, столовое бѣлье
и галстуки.

LINGE & TROUSSEAU

Моднѣйшія дамскія, шерстянныя и шелко-
выя блузки и юбки

по послѣднимъ заграничнымъ
МОДЕЛЯМЪ.

Т. и К. Брейтбартъ, Одесса.

Фирма существуетъ съ 1871 г.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

МОДНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ СООТВѢТСТВУЮЩ. СЕЗОНАМЪ

Розничное отдѣленіе: Екатерининская ул., д. Вагнера.
Телеф. № 315.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ

заграничныхъ и русскихъ галантерейныхъ товаровъ.

Александровск. просп., соб. д. № 14. Телеф. № 316.

Nouveautés

Mercerie

MAGASIN „A LA PARISIENNE“

Дерибасовск., уг. Гаван., д. Ралли. Телефонъ № 1296.

Громадный выборъ
МОДНЫХЪ ТОВАРОВЪ

Новости получаютъ ежедневно.

CONFLECTIONS

БЫВШ.

МАКСИМАДЖИ и ГУРОВИЧА

ОДЕССА, уг. Дерибасовской и Ришельевской ул., домъ Пурица.

Большой выборъ Сибирскихъ, Камчатскихъ и Заграничныхъ **МЪХОВЪ**.

Постоянно большой выборъ: Мантильи, Ротонды, Шубы, Пелерины, Кофточки, Жакеты, Ватерпруфы. Юбки верхнія,
Юбки нижнія, Матине, Рубашечки.

Constamment grand choix de mantilles, rotondes, pelisses, pélerines, jaquettes, waterproofs, jupes, jupons, matinées, chemises.

Работы выполняются въ собственной фабрикѣ.

Единств. больш. золотая медаль
за русск. аптекарск. товары.
На парижск. Всемирн. Выставкѣ
въ 1889 году.

Торговый Домъ
И. Б. СЕГАЛЬ
ВИЛЬНА-ОДЕССА.

Главный складъ для всей Россіи
КРЕМА МЕТАМОРФОЗА КАЗИМИ
ПРОТИВЪ ВЕСНУШЕКЪ.

Отдѣленіе въ Одессѣ: Гаванная, ул. Дерибасовской, собств. домъ.

ТЕЛЕФОНЪ № 996.

Оптовый складъ и розничный магазинъ: Аптекарскихъ, Москательныхъ и Парфюмерныхъ това-
ровъ, Перевязочныхъ средствъ, Хирургическихъ инструментовъ, медицинскихъ винъ,
минеральныхъ водъ и проч.

К. ФАБЕРЖЕ

придворный поставщикъ

ФАБРИКАНТЪ

бриллиантовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій.

С.-Петербургъ. Москва.

ОДЕССА, Дерибасовская, домъ № 33.

Телеграммы: **фаберже Одесса.**

Телефонъ № 1198.

Гидропатическое Заведеніе

— (* и *) —

САНАТОРІЯ

ДОКТОРА

В. И. АБЕЛЯ и Я. Н. ВАЛИКА

открыто съ 8-го января 1902 года.

Уголъ Преображенской и Елисаветинской.

ФАБРИКА и МАГАЗИНЪ

Дамскаго конфексіона

— и —

ПЛАТЬЕВЪ

А. И. ОСЯТИНСКАГО

ВЪ ОДЕССѢ.

Ришельевская улица, Городской домъ, близъ Городского театра.

Школа
  Рисованія

Художника

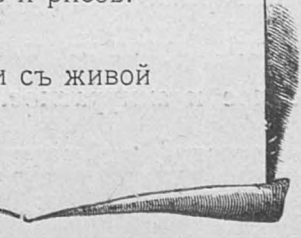
А. А. ОСТРОМЕНЦКАГО

Одесса, Мъжинская, 58.

Преподается

ЖИВОПИСЬ И РИСОВАНИЕ.

ПРОГРАММА:

-
-
-
- I. классъ рисов. геометр. тѣлъ.
  - II. классъ рисов. орнаментовъ.
  - III. классъ рисов. съ гипсовыхъ головъ.
  - IV. классъ рисов. съ гипсов. фигуръ и рисов. съ живой природы.
  - V. классъ живопись nature morte и съ живой природы.

Спеціальний Конфекціонъ
САВЕЛІЯ САЛОМОНОВИЧА
МАНГУБИ

НАСЛѢДНИКА

„Саломона Мангуби“

на Дерибасовской ул. д. Исановича, противъ Ведде.

Вниманію Дамъ!

Новооткрытъ специальный **первоклассный конфекціонъ**, отличающійся изысканными Парижскими моделями, пальто, саковъ, жакетъ, мантиль и костюмовъ, по которымъ копируются и принимаются заказы изъ матеріаловъ высокаго качества лучшихъ заграничныхъ и русскихъ фабрикъ. Исполненіе добросовѣстное и аккуратное.

Въ магазинѣ имѣются всевозможные мѣха. Готовыя шелковыя блузки и юбки.

Съ почетомъ **С. С. Мангуби**

ОДЕССКОЕ АГЕНТСТВО

ТОВАРИЩЕСТВА

СЫЗРАНСКАГО АСФАЛЬТОВАГО ЗАВОДА

Торговый Домъ

Лурицъ и Рудикштейнъ
ВЪ ОДЕССѢ.

Принимаетъ на себя всякаго рода

АСФАЛЬТОВЫЯ РАБОТЫ:

Изоляцію фундаментовъ отъ сырости, устройство мостовыхъ, подъездовъ, тротуаровъ, половъ и пр.

ПРОДАЖА ПРИРОДНАГО АСФАЛЬТА и ГУДРОНА

Кровельный толь Т-ва А. Науманъ и К^о въ С.-Петербургѣ.

Контора помещается въ д. Ралли, на углу Ришельевской и Дерибас. ул. Телефонъ № 529.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Корзинныхъ издѣлій, садовой мебели
и дѣтскихъ возковъ

Э. КРЕЙЦЪ

ОДЕССА.

ул. Ришельев. и Еврейск., д. Писпаса № 25.

Принимаются заказы и починки.

Исполненіе скорое и аккуратное.

Къ лѣтнему сезону имѣется большой выборъ садовой мебели, дѣтскихъ колясокъ и дорожныхъ корзинъ, съ обивкой и безъ оной.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

Торгового Дома

М. РАУШЪ

Одесса, Полицейская ул., соб. домъ, № 35. Телеф. № 402.

Рояли, Пиахино и Фисгармоки,
АНГЕЛЮСЪ-ОРГАНЪ.

Единственный механический инструментъ, играющій на роялѣ или пиахино въ сочетаніи съ органными регистрами, дающій слѣдующія звуковыя комбинаціи:

1) рояль соло, 2) органъ соло, 3) оба инструмента одновременно, удивительное богатство и красота тембровъ
Репертуаръ нотныхъ роликковъ болѣе 10,000 муз. пьесъ всѣхъ родовъ сочиненій старой и новой классической оперной и легкой музыки.

Американское пиахино системы Crown

7/4 ОКТАВЪ чрезвычайно пѣвучаго, мощнаго тона, легкое эластичное туше, превосходная репетиція. Пиахино Crown снабжено четырьмя педалями дающ. звуки арфы, мандолины, цитры, гитары. Клавиатура мгновенно можетъ быть обращена въ нѣмую.

СОЧЕТАНІЕ пиахино «Crown» съ Ангелюсомъ даетъ цѣлую массу новыхъ инструментальныхъ эффектовъ.

ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ:

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

для нѣжности и свѣжести лица

Косметика А. Энглундъ.

Цѣна за фаянсовую банку 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. ЭНГЛУНДЪ—красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

Печатано было въ „Правительствен. Вѣстникѣ“, въ № 88 за 1898 г.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ софѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ перес. 6 кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. ЭНГЛУНДЪ—красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

Печатано было въ „Правительствен. Вѣстникѣ“ въ № 54, за 1892 г.

Бальзамъ ЭЙКАЛИПТИ для волосъ

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ

уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу. Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись: А. ЭНГЛУНДЪ—красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи.

Главныя Агентства и склады фирмы: для Европы Эмиль Веръ, Гамбургъ; для Южной и Сѣверной Америки—Нью-Йоркъ, Л. Мишнеръ. Главный складъ для всей Россіи—А. Энглундъ Бассейнал. № 27, С.-Петербургъ.

Печатано было въ „Правительствен. Вѣстникѣ“ въ № 88 за 1898 г.

Къ Вниманію Хозяекъ! КЕРОСИНОВОЕ МЫЛО

ЗАВОДА

Т-ва Х. Трапезонцевъ и К^о

ВЪ Г. РОСТОВѢ НА ДОНУ.

Отличное мыло для стирки бѣлья въ холодной и теплой водѣ значительно экономнѣе обыкновеннаго мыла; замѣчательно дезинфицируетъ бѣлье и выводитъ пятна.

Цѣна за кусокъ въ 1 фунтъ 12 коп.

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

Бр. ГОЛЬДФЕЛЬДЪ,

ОДЕССА,

Почтовая, 45, (близъ Преображенской).

ПОДНЫЕ КОМПЛЕКТЫ

столовой, спальнй, кабинетной, гостиной и будуарной мебели въ разныхъ фасонахъ. Зеркала, англійскія желѣзныя кровати и вѣнская гнутая мебель лучш. фабрикъ. Мягкая мебель въ разн. стилихъ и фасонахъ.

Торговый Домъ

АДРИАНЪ ОБОРИНЪ и К^о.

ОДЕССА,

ул. Гаванной и Дерибас., д. Исаксвича.

Фирма сущ. съ 1876 г

ЧАИ развѣшан. подъ казен., бандеролью, собств. выписки изъ Китая.

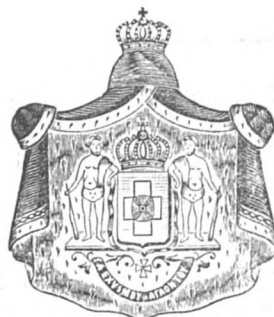
ЧАИ въ боксахъ по 2^{1/2} ф. съ пломбами самаго высокаго качества.

Шоколадъ и какао Абрикосова, Амстердамское
Какао Корфа, Кофе Эйнемъ и др.

Конфеты фабрики Рамонскаго сахар. завода
Е. И. В. Принцессы Е. М. Ольденбургской.

НОВОСТЬ:

КОНФЕТЫ „XX ВѢКЪ“

ПАРОВАЯ
колбасная и консервная фабрика

Бр. НЕОФИТЪ

ВЪ ОДЕССѢ.

НА КОЛБАСНОЙ ФАБРИКѢ ИМѢЕТСЯ большое количество собственнаго производства отборныхъ окороковъ (пломбированныхъ). Разныхъ сортовъ колбасъ, вареныхъ и копченыхъ.

ПОКУПАЮЩИМЪ ОКОРОКА—ОТВАРКА БЕЗПЛАТНО.

На консервной фабрикѣ

Рыбные и овощные консервы, приготовленные по новѣйшему способу, изъ лучшихъ матеріаловъ.

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ:

на фабрикѣ по Хуторской улицѣ. № 20.—Телефонъ № 636.
при магазинѣ на Ст.-Базарѣ Ялов. площ. № 121.

Съ истиннымъ почтеніемъ Бр. Неофитъ.

ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

съ курсомъ

прогимназиі

и профессиональн. отдѣломъ

К. Л. МАКОВСКОЙ

Прохоровская, 14.

ПРИЕМЪ ЕЖЕДНЕВНО отъ 9 до 2-хъ час.

ЖЕНСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

съ графическимъ отдѣломъ и пансіономъ Мин. Фин.

УЧРЕЖДЕННОЕ

АННОЙ ВЛАДИМИРОВОЙ ПОЛИКАРПОВОЙ—

Козленко.

Курсъ гимназическій и Коммерческія науки вводятся съ 7 класса. Ученицы, окончившія 7 классовъ училища, пользуются правами поступления въ высшія уч. зав., награждаются зол. и серебр. медал. При учил. имѣется 8 дополн. специальн. классовъ. Приемные экзамен. ежедневно. Приемъ ежедн. съ 10—2 ч. Троицкая ул., д. № 47, (уг. Преобраз.).

ОДЕССКОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

съ курсомъ прогимназиі

МИН. НАР. ПРОСВ.

М. Лейбензонъ

Янсская, 82, кв. 3.

ПРИЕМЪ ЕЖЕДНЕВНО отъ 9 до 2 час. дня.

**Берегите
Здоровье
Учащихся**

въ школахъ и дома

привилегирован. гигиеническими изобрѣтеніями

С. Г. АКЕРРОЙТА,

Одесса, Екатерининская, домъ Вагнера,
ПРОТИВЪ ФАНКОНИ.

Женское 7-ми классное Коммерческое Училище

Министерства Финансовъ

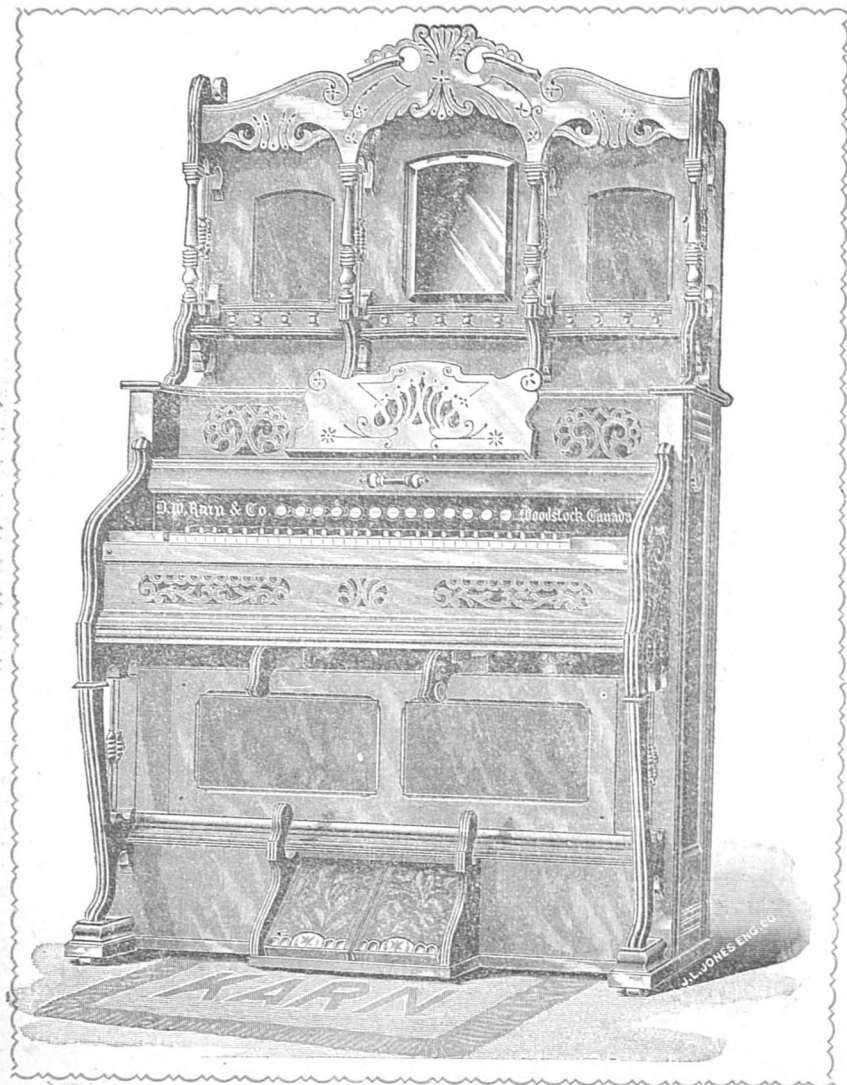
Е. А. БУХТЪЕВОЙ

Одесса, Почтовая, улица № 13.

При училищѣ пансіонъ для дѣвицъ и приготовительные классы для дѣтей
обоюго пола.

Приемъ прошеній во все классы ежедневно отъ 9 до 2 час.

ОКОНЧИВШІЯ курсъ въ женскомъ коммерческомъ училищѣ, относительно поступления въ
высшія учебныя заведенія пользуются правами, предоставленными окончившимъ курсъ въ жен-
скихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежд. Императрицы Маріи.

Рояли,

Піано,

Фисгармоніи,

Симфонія,

Органы

**СТРУННЫЕ и ДУХОВЫЕ
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.**

Главное Депо

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Г. И. ИНДРЖИШЕКЪ

Основано въ 1882 г.

КІЕВЪ

ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ БАКУ.

Крещатикъ, 58.

Милютинская.

М е т а.

Въ столовой вдругъ стало тихо послѣ бурно пронесшагося запальчиваго спора.

Александра Алексѣевна и Валя на разныхъ концахъ стола доканчивали свой завтракъ. Голова матери, только что старательно причесанная граціозными очертаніями, выражала гнѣвъ, хоть лица нельзя разглядѣть—она сидѣла спиной къ окнамъ; неуловимое выраженіе въ позѣ, движеніяхъ, въ томъ какъ она, не сгибаясь, подносила къ губамъ чашку или кусала таблетку печенья, точно боялась сломать себѣ зубы. Бѣлый свѣтъ зимняго петербургскаго дня переливался на лиловомъ шелку ея платья изящныхъ тусклыхъ оттѣнковъ.

Лицо дѣвушки было, напротивъ, все въ свѣту. Оно казалось свѣжѣе обыкновеннаго, потому что съ него еще не сбѣжала краска волненія, подня-

таго неприятной неожиданностью. Глаза блестяли и прятались въ пушистыхъ рѣсницахъ, уголки губъ вздрагивали. Валя одѣта въ модную кофточку свѣтлаго сукна съ темно-краснымъ галстукомъ, падающимъ длинными концами изъ подъ полотнянаго воротничка.

Валя нервно сжимала брови, отчего по бѣлому лбу каждый разъ пробѣгала волнистая морщинка. Она видимо не умѣла справиться съ неожиданностью: все, какъ всегда—а вдругъ выходитъ неприятность. Каждый годъ въ началѣ поста madame Aline присылаетъ свой счетъ—вѣдь не ея же это вина, если на этотъ разъ и старый счетъ почему то оказывается неуплоченнымъ.... Ну, и, разумѣется, выходитъ очень крупная сумма, но мама не желаетъ объ этомъ разсуждать, а только повторяетъ патетически итогъ.

— Вѣдь и у меня тоже будутъ какіе нибудь счета!— Я не могу же совсѣмъ перестать одѣваться, — и безъ того я дѣлаю для себя только самое необходимое! — восклицаетъ она, пренебрежительно обдергивая лиловые складки.

При этомъ въ памяти Вали съ удивительной быстротой промелькнули всѣ изысканные туалеты мамы... Однако, сегодняшній счетъ доказываетъ наглядно, что и модная простота барышни обходится немногимъ развѣ дешевле шелковъ и кружевъ, въ какіе всегда „замотана“ татап, какъ выражается между собою критически молодежь.

Вотъ это то собственно и разсердило Александру Алексѣвну: скромный „tailleur“ не оправдалъ ея ожиданій, — она допила свой кофе, взяла со стола сложенный вчетверо листъ крѣпкой бумаги и, не торопясь, поднялась со стула.

— Передай сама этотъ счетъ отцу.

Дѣвушка испуганно пятилась передъ протянутой бумагой, точно передъ ядовитымъ насѣкомымъ.

— Но мама... съ какой же стати!... Отчего вдругъ теперь я должна сама... лепетала она совсѣмъ по дѣтски, со слезами въ голосъ.

— Ха! ça me plaît! ты, кажется, не затрудняешься сама заказывать Aline все, что тебѣ вздумается? — Я одна должна быть въ отвѣтъ за всѣхъ!

— Но татап... Отчего же прежде? Почему же вдругъ теперь?! настаивала безсмысленно дѣвочка.

Полныя щеки татап дрогнули и начали розовѣть подъ искуснымъ налетомъ пудры.

— Вѣдь вы всѣ взрослые! — Съ вами ни въ чемъ больше ни сговоришь! — По крайней мѣрѣ и отвѣчайте за себя сами, j'en ai assez! Ты, душа моя, всего скорѣе научись благоразумію, когда испытываешь на себѣ всю разницу—заказывать туалеты или платить по счетамъ.

Съ этимъ неоспоримымъ доводомъ Александра Алексѣвна ушла изъ столовой, очень довольная своимъ дипломатическимъ маневромъ.

... Такъ будетъ короче, — досказывала она уже мысленно себѣ одной: — тамъ все равно ничего не втолкуешь, упрутся по обыкновенію на своемъ возлюбленномъ бюджетѣ, — не угодно ли жить по смѣтамъ и бюджетамъ, какъ какая нибудь казенная канцелярія! Ну а съ дѣвочкой какіе же разговоры!....

Валя, одна, бросила недопитую чашку и развернула злополучный счетъ. Онъ обнималъ цѣлый годъ времени, и не было никакой возможности теперь разобраться въ этихъ лаконическихъ французскихъ графахъ. Набросанныя небрежно и полныя недописокъ и сокращеній, онѣ показывали, какъ мало значенія придавалъ имъ тотъ, кто ихъ писалъ. Только итогъ на каждой страницѣ выведенъ старательными крупными цифрами.

Валя вздохнула и снова тщательно сложила бумагу. Все равно ничего не поймешь! Она позвонила горничную и спросила, уѣхалъ ли отецъ.

Въ ней волновалось безотчетное нетерпѣнье новичка.

Коротенькое слово *счетъ*, скользившее до сихъ поръ безъ всякаго выраженія въ ея ушахъ, теперь гудѣло, точно выстрѣлъ.

Горничная доложила, что баринъ, должно быть, нездоровы: она два раза про завтракъ докладывала, а они и съ мѣста не тронулись.

Валя думала, что отца нѣтъ дома. То есть, она это только сейчасъ подумала, а раньше просто не обращала вниманія.

Дѣвушка спрятала счетъ въ карманъ и отправилась въ комнату мальчиковъ. Зато ужъ тутъ она была au courant всего. У Виктора скоро начинаются экзамены, оттого онъ и сидитъ дома. Борисъ все еще лежитъ съ ногой на оттоманкѣ. Въ этой исторіи ночнаго паденія изъ саней для Вали тоже немного таинственнаго, хотя конечно ей ничего не рассказываютъ, только хохочутъ и переговариваются глупыми намеками, но она и сама понимаетъ, что Боря возвращался съ какого нибудь кутежа, — откуда же иначе можно возвращаться на разсвѣтъ?

Не могъ самъ подняться на лѣстницу, оттого и вышелъ скандалъ. Но за докторомъ послали только утромъ,—для того, чтобы отецъ не узналъ.

Молодежь уже кончила завтракать, когда пришла Валя. Борисъ курилъ, приподнявшись на локтѣ, въ растегнутой тужуркѣ безъ галстука. Ноги прикрыты тигровымъ плюшевымъ пледомъ для катанья.

Отъ противоположной стѣны, изъ-за выступающей темной драпировки, за которой братья спятъ, слышался плескъ воды и стукъ педали.

„Викторъ моется, сейчасъ гулять отправится“, соображала Валя. Погода не дурная. Она съ удовольствіемъ прошла бы съ нимъ по набережной, если-бъ удалось его упротить. Но это было мгновенное желаніе, Валя вспомнила про свое нежданное огорченіе.

Съ Борисомъ она поздоровалась за руку.

— Ну, что?—показала она глазами на больную ногу.

Онъ издалъ нетерпѣливый звукъ носомъ и повыше потянулъ пледъ.

— Однако, до чего это скучно! Ты и сегодня не пробовалъ ходить?

— Не приставай! Видишь сама, что лежу, оборвалъ онъ съ досадой.

Викторъ вынырнулъ изъ-за драпировки, задѣвъ за складки своими торчащими, сильно смоченными волосами.

— Что это ты кислая?—кинулъ онъ сестрѣ на ходу къ зеркалу.

Валя смотрѣла, какъ онъ принялся работать надъ прической, усердно зачесывая вверхъ двумя щетками. Волосы быстро высохали, но отчего то на нихъ остался красивый лоскъ.

Оба красивые, по крайней мѣрѣ Валѣ они ужасно нравятся; особенно Боря съ его немного надменными манерами.. Только теперь злой, не подступись!

Валинъ счетъ здѣсь произвелъ эффектъ умѣренный. Братья взяли сторону матери; она дѣйствительно не обязана представлять счетовъ, разъ что Валя сама распоряжается своими туалетами. Но относительно стараго счета они были другого мнѣнія,—только теперь мудрено ужъ это раздѣлить, то есть, Валя сдѣлать этого не сумѣетъ. Имъ мамашѣ, конечно, не удалось-бы прикинуть стараго счета!

— Histoire de s'en débarrasser!—выпалилъ Викторъ и громко расхохотался.

Бориса раздражало, что Валя „трусить“, точно маленькая дѣвочка. Что же отецъ съ нею сдѣлаеть?

— И даже, я тебѣ скажу, такъ оно для него же лучше, заплатитъ твой счетъ juste.. Надо думать, что мамаша,—ха, ха!—не пропустила бы случая скруглить цифры.

— Да, мамашенька не промахъ по этой части, подхватилъ Викторъ, лукаво перемигиваясь съ цвѣтущей рожицей въ глубинѣ стекла. Валя, не успокоенная, а еще больше встревоженная отъ этого тона, хотѣла знать, *какъ бываетъ*, когда они, мальчики, просятъ денегъ у отца.

Молодые люди на мигъ добросовѣстно призадумались надъ вопросомъ:

— Да, собственно говоря, ровно ничего не бываетъ. Совсѣмъ просто: вынетъ деньги тутъ же изъ стола, или скажетъ сквозь зубы: „придешь завтра въ десять часовъ“.

Борисъ сталъ припоминать, какъ онъ въ первый разъ явился къ отцу „за чрезвычайной субсидіей“. Признаться, онъ и самъ тогда порядкомъ нервозничалъ! Требовалось двѣсти рублей заимообразно, съ тѣмъ чтобы производить ежемѣсячный вычетъ изъ его жалованья.

— Отцу это необыкновенно какъ понравилось,—честное слово!—вмѣшался хохоча Викторъ: такъ онъ былъ доволенъ, какъ будто заемъ дѣлалъ Борькѣ необыкновенную честь!..

— Какъ ты глупъ! оборвалъ офицеръ.

— Вотъ еще! самъ же ты рассказывалъ. Да вообще у него послѣ этого совсѣмъ другой тонъ сдѣлался.

— Ну, и что же?—вычиталъ?—спросила Валя, глядя въ упоръ серьезными глазами.

— Ну вотъ еще!—въ слѣдующій же мѣсяцъ выдалъ жалованье полностью.

— И ты не напомнилъ?! ты взялъ?! вскрикнула Валя.

— А-а-а? Ты должно быть, не взяла бы?

Борисъ Петровичъ нахмурился. Собственно говоря, онъ того мнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ самое естественное—это задать здоровую головоломку за безпутство.

— Я по крайней мѣрѣ своимъ сынкамъ мирволить не намѣреваюсь!—объявилъ онъ неожиданно, гримасничая отъ боли въ ногѣ, или, можетъ быть, только продѣлывая это для вида.

Викторъ громко фыркнулъ.

— Да, конечно, ты не будешь такимъ... и мы всѣ... никто не будетъ, какъ папа!—сказала страннымъ голосомъ Валя.

Борисъ съ раздраженіемъ сталъ развивать свою мысль: съ какой это стати одинъ человѣкъ долженъ работать, выбиваться изъ силъ для цѣлой семейки лодырей?

— Вотъ славно! тогда зачѣмъ жениться, заводить семью?—горячился Викторъ.

— Очень просто—для всего должны быть сроки. Я служу, и уже два года какъ я обязанъ обходиться собственными средствами.

— Ха, ха, ха, тебѣ хватаетъ твоего жалованья на извозчиковъ?

— Тѣмъ хуже. Вольно же было лѣниться и угодить въ офицеры.

— Скажите на милость, какъ разсуждаетъ Борисъ Петровичъ! Должно быть, болѣзнь располагаетъ къ строгой морали!—насмѣшничалъ Викторъ.

Онъ серьезно сердился: это же нахальство!

Борисъ пустилъ въ потолокъ кольцо дыма, съ удовольствіемъ человѣка, которому удалось разозлить.

— Моя воля поступать, какъ мнѣ угодно,—но на то я не дуракъ, чтобы понимать чужое положеніе, выговорилъ онъ съ апломбомъ.

— Нѣтъ, тогда уже и поступать!... Нѣтъ, зачѣмъ ты такъ говоришь—вѣдь это не правда!—чуть не плакала Валя. Бориса задѣла искренность ея волненія:

— Ахъ, она такъ находить?—Ну, а сама она не понимаетъ, должно быть, сколько они съ мамашей вдвоемъ перемалываютъ денегъ на свои тряпки?

Но Валя наконецъ тоже разсердилась: развѣ красиво одѣваться не лучше, чѣмъ проигрывать въ карты, кутить?

Теперь всѣ злились, и каждый старался перекричать другихъ. Разумѣется, у мужчинъ не было и тѣни сомнѣнія, что проиграть и прокутить деньги гораздо „осмысленнѣе“, чѣмъ разсорить по магазинамъ.

Имъ конечно и на умъ не приходило соображеніе, что туалетныя ухищренія нерѣдко составляютъ единственныя пріятныя впечатлѣнія дѣвическихъ существованій. Когда Валя скучаетъ,—ихъ это злитъ, какъ какая то блажь. Разумѣется, они интересуются женщинами совсѣмъ иного сорта, чѣмъ благовоспитанныя барышни, обманывающія собственную тоску безобидной возней съ тряпками.

— А еслибъ я дурно одѣвалась, ты бы первый злился на это,—сказала она Борису.

— Очень нужно! Я бы не показывался съ тобой ни въ театрахъ, ни на прогулкахъ,—voilà tout.

Викторъ улыбнулся ей въ зеркалѣ.

Онъ вретъ! разумѣется, сестра должна быть хорошо одѣта.

Хоть Викторъ относится къ сестрѣ несравненно добрѣе, но любимцемъ Вали, какъ и матери, всегда былъ неумолимый эгоистъ Боря. Борису Петровичу всѣ льготы и извиненія и субсидіи не въ зачетъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ офицеръ. Какая разница, позвольте спросить, если этотъ офицеръ изъ экономическихъ соображеній живетъ въ его комнатѣ? Вотъ и сейчасъ къ экзаменамъ нельзя готовиться.

Впрочемъ такія мысли изрѣдка только залетаютъ въ беззаботную голову Виктора. Само собой, вдвоемъ веселѣе, и ему то что за дѣло до чужихъ дѣлъ?

Викторъ отправился гулять, а Борисъ ждалъ къ себѣ товарища и безцеремонно выпроводилъ сестру.

Совѣщаніе съ братьями обогатило Валу однимъ облегчительнымъ свѣдѣніемъ: отецъ выдаетъ безпрекословно деньги по счету. Но тѣмъ не менѣе на сердцѣ у нея точно лежалъ камень. Точно ей чего то страшно стало.....

Петръ Николаевичъ сидѣлъ на оттоманкѣ въ глубинѣ угла, который образуетъ большой книжный шкафъ. Въ свѣту были только некрасивыя сухія руки, вытянутыя на перекрещенныхъ колѣняхъ.

— Папа,—могу я къ вамъ?

Фигура на оттоманкѣ метнулась порывистымъ движеніемъ человѣка, вырваннаго внезапно изъ глубокой задумчивости.

— Валя!?! выговорилъ тихо изумленный голосъ.

Изъ тѣни выставилась голова съ небольшой лысиной и сильно посѣдѣвшей немодной круглой бородкой. Глаза напряженно мигали, точно онъ провѣрялъ себя.

Валя какъ то разомъ все увидала—и розоватую лысину, и бѣлую бороду, и все широкое лицо съ неправильными мягкими чертами. Лицо показалось ей темнымъ, а не блѣднымъ, какъ она считала.—И не такимъ старымъ.

Никогда она еще не смотрѣла на отца съ этимъ

страннымъ, тревожнымъ желаніемъ разглядѣть.—Она сдѣлала шагъ отъ двери.

— Папа—вы, кажется, нездоровы?

Онъ быстро поднялся на ноги.

— Кто сказалъ, что я нездоровъ?

— Нѣтъ, это Стеша думала — вы сегодня не завтракали!... Нѣтъ, я только думала...

Валя запуталась, не зная сама почему.

— Тебя мать прислала посмотрѣть, не боленъ ли я?

Отецъ на нее не глядѣлъ, когда говорилъ, точно для него это не составляло вопроса; и потому онъ не видалъ, какъ щеки Вали слабо вспыхнули.

— Нѣтъ, я сама,—сама! Мама... мамы тутъ не было, когда Стеша сказала.

Онъ смотрѣлъ на нее подозрительно.

— Ну, все равно,—чтожъ, садись, коли такъ. Ты меня навѣстить пришла?

Онъ взялъ ее за руку и подвелъ къ оттоманкѣ. Одна бровь поднялась выше другой и судорожно дергалась.

На оттоманкѣ лежалъ листокъ бумаги и карандашъ. Петръ Николаевичъ взялъ листокъ и поднесъ его къ своимъ близорукимъ глазамъ, какъ будто не самъ онъ набросалъ всѣ эти запутанныя цифры.

— Вы занимались... я помѣшала вамъ, сказала дѣвушка стѣсненнымъ тономъ, точно чужому.

Онъ не отвѣтилъ, сѣлъ на оттоманку съ ней рядомъ.

Напротивъ, на стѣнѣ, висѣли въ рядъ три большихъ портрета: Валя, дѣвочкой лѣтъ шести, въ завитыхъ свѣтлыхъ локонахъ и пышномъ голубомъ платьѣцѣ; мальчики, въ одинаковыхъ морскихъ костюмчикахъ съ большими бѣлыми воротниками.

Съ минуту Петръ Николаевичъ всматривался въ маленькую голубую Валу... потомъ взоръ скользнулъ на барышню въ красномъ галстухѣ, сидѣвшую рядомъ съ напряженнымъ лицомъ.

... Зачѣмъ она пришла къ нему?

Маленькія круглыя ушки какъ будто стремятся сравняться цвѣтомъ съ моднымъ галстучкомъ.

Вдругъ въ глазахъ отца мелькнула тревога. Онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

— Валя! можетъ быть ты хочешь что нибудь сказать мнѣ?—спросилъ онъ тихо.

Такъ задаютъ вопросъ, который не можетъ быть непонятнымъ.

Валя думала о своемъ счетѣ и вздрогнула отъ испуга. Она думала, что стыдно заговорить о деньгахъ... вѣдь отецъ понималъ, что она беспокоилась объ его здоровьѣ... а она и не пришла бы, еслибъ не было счета.

Отецъ всегда здоровъ; но если нездоровится — все равно нельзя замѣтить. Вдругъ Кириловъ пріѣдетъ „навѣстить“, и они отъ него только узнаютъ, что отецъ былъ боленъ. Одинъ только разъ, Валя помнила,—онъ пролежалъ недѣлю. Въ кабинетъ никого не пускали; Кириловъ два раза оставался ночевать. Это было давно.

Валѣ вдругъ стало безмысленно страшно: точно—хоть она и молчитъ, отецъ все таки можетъ угадать, зачѣмъ она явилась въ кабинетъ. Отвратительный страхъ стыда...

Она тупо смотрѣла на складку платья, скрывавшую карманъ... Вотъ,—вотъ,—вотъ рука протянется къ карману...

А Петръ Николаевичъ смотрѣлъ на ея смущеніе: „такъ и есть—несомнѣнно это!“ подумалъ онъ съ горечью и вздохнулъ.

Взоръ его опять поднялся къ маленькой фигуркѣ съ

неестественно подогнутыми розовыми пальчиками. Веселые сѣрые глазки смотрѣли прямо на него.

Какъ горячо они любили другъ друга, вотъ съ этой маленькой дѣвочкой въ локонахъ!.. Какъ бывало весело въ его кабинетъ, когда она въ немъ шумно хозяйничала по своему (не въ этомъ кабинетѣ,—въ другомъ, тѣсненькомъ и простенькомъ)! Ничего не осталось отъ дѣвочки въ локонахъ... Степенная дѣвица разговариваетъ, подыскивая слова. И самъ онъ давно ужъ не умѣетъ съ ней разговаривать.

Всю жизнь молодыя дѣвицы были для него существами самыми затруднительными и чуждыми. Въ юности онъ ихъ трепеталъ—двухъ фразъ не могъ сказать благополучно, чтобы не получить ожога явной или тайной насмѣшки. Дѣвичій смѣхъ для него всегда звучалъ насмѣшкой... Точно ступаешь надъ какой то пропастью по гибкимъ жердочкамъ, вотъ-вотъ сорвешься. По жердочкамъ надо приловчиться ходить—только и всего,—тогда не будетъ страха, а будетъ огромное наслажденіе. Онъ это понималъ, потому что видѣлъ, какъ другіе наслаждаются. Теперь онъ знаетъ, что женщины жестоки.

Въ нечастыхъ сношеніяхъ съ модной барышней, носящей имя Вали, отецъ каждый разъ призываетъ на помощь образъ беззаботной крошки стараго портрета. Трогательнымъ воспоминаніемъ онъ старается защититься отъ органической антипатіи, связанной для него со всей этой искусственностью, которая называется граціей, женственностью, еще какъ нибудь. Онъ зналъ только, что изъ-за искусственности никакъ не разглядишь настоящаго человѣка. Во времена нѣжной дружбы съ крошкой-Валей онъ почему то никогда не думалъ о томъ, что и она тоже должна превратиться въ взрослую дѣвицу, не задавался вопросомъ — какая будетъ его Валя, когда выростетъ. Не думалъ, какъ не думаешь заранѣе, что неизбежно въ опредѣленный срокъ изживешь свою жизнь.

Съ поразительной ясностью запечатлѣлся въ памяти тотъ день, когда Валя въ первый разъ вбѣжала въ кабинетъ въ скучномъ коричневомъ платьѣ гимназистки. Ворвалась по своему обыкновенію смѣло и шумно и засыпала одушевленными разсказами. Разсказы небывалые, слова незнакомыя, неуклюжія съ непривычки путались на быстрыхъ губкахъ... Она была такъ поглощена новизной этой собственной, отдѣльной отъ всѣхъ жизни, что забыла даже приласкаться къ нему. Когда она убѣжала, отецъ... онъ заплакалъ. Онъ вдругъ ощутилъ остро, ярко и неотразимо, что съ этой минуты онъ потерялъ свою единственную радость: Валу взяла школа—потомъ возьметъ жизнь... Какая будетъ эта жизнь,—онъ зналъ. Слабые люди часто одарены даромъ проривдѣнія.

Все такъ и сбылось. Потому, быть можетъ, что онъ это заранѣе предрѣшилъ. Онъ не боролся. Онъ всегда былъ безсознательнымъ фаталистомъ. Онъ не понималъ, что дѣтское чувство—все равно, что слабая живая струйка, бьющая изъ земли, потечетъ по той ложбинкѣ, гдѣ свободенъ путь. И никогда, ни въ чемъ онъ не умѣлъ постоять за себя: непобѣдимая мучительная застѣнчивость сторонила, загоняла въ глубь себя... Бесиліе цѣлой жизни!.....

Появленіе Вали въ кабинетъ въ другое время поразило бы гораздо сильнѣе: сегодня Валя попала въ такую минуту, когда ничего удивительнаго не существуетъ, когда всѣ реальныя условія мало по малу точно растворяются въ грезы... Странное состояніе находить все чаще, длится больше, не то грезы—не то сны... Минутами совсѣмъ опредѣленное ощущеніе, что все, что было до сихъ поръ,—не настоящее,

не серьезное...тягостное недоразумѣніе...Настоящая жизнь вся впереди—онъ придетъ, день освобожденія!

И онъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ уйдетъ отъ всего теперешняго,—куда онъ уйдетъ... Хотя то, чего хочется всего сильнѣе и съ каждымъ днемъ непобѣдимѣе,—это очень странно, пожалуй, даже смѣшно... Потому что вѣдь какой же онъ педагогъ!—И откуда такая увѣренность, откуда эта странная мысль?

... Своихъ дѣтей даже не пытался воспытывать... А-а! своихъ! Въ томъ то и дѣло, что когда же дѣти были его? Для него сразу не оказалось мѣста въ ихъ жизни. Другіе думаютъ, что это его жизнь, — спрашиваютъ у него про сыновей, Валю... Вотъ если спросить, сколько тысячъ въ годъ необходимо выколотить, чтобы „дать возможность семьѣ жить прилично“,—это онъ во всякую минуту можетъ сосчитать по записямъ въ коричневомъ портфель съ ключикомъ. Можно подумать, что когда нибудь ему придется предъявить кому то эти записи... въ свое оправданіе....

... Что же еще онъ знаетъ? Офицеръ... студентъ... офицеръ могъ бы быть студентомъ или студентъ офицеромъ,—и это не удивило бы, не зналъ-бы, почему такъ, а не иначе. Офицеръ какъ будто умнѣ студента. Оба совершенно чужіе.

... Только бы уйти, ничего больше не зная!... Готовится. Покупаетъ всѣ выходящія сочиненія по педагогикѣ, слѣдитъ за отчетами съѣздовъ и конгрессовъ, посѣщаетъ педагогическія общества, родительскіе кружки, пишетъ конспекты, проекты. Вниманіе все больше и больше уходитъ изъ жизни, обязанности исполняются машинально, по заведенному.

Мечта давно вылилась въ опредѣленную, неизмѣнную форму. Онъ видитъ себя не иначе, какъ въ большомъ прекрасномъ саду, среди цвѣтущихъ картинъ...Дѣти...дѣти...дѣти всѣхъ возрастовъ... На лужайкахъ гимнастическіе приборы: качели, игры, сѣтки,—подъ тѣнистыми деревьями столы парты, кафедры. Садъ всегда одинъ и тотъ же, какъ будто онъ когда нибудь его видѣлъ въ дѣйствительности. Надъ садомъ зеленая гора. И горы тоже всегда. Отчего горы? Точно это не Россія. Но онъ никогда не бывалъ нигдѣ кромѣ Россіи,—и никогда не видалъ горъ.

Приходъ Вали вернулъ въ кабинетъ. Показалось, что онъ угадываетъ причину ея страннаго смущенія. Да мудро ли угадать?—ихъ жизнь вся на поверхности, всѣ пружины оголены... Легковѣсная, ржавая, пружины никакой серьезной тяжести не выдержатъ...

— Но вотъ, пришла! Никогда она такъ не приходитъ къ нему, безъ дѣла, для него самого. Сердце рванулась къ дѣтскому образу, улыбающемуся со стѣны. Съ Валею онъ часто испытываетъ мучительную двойственность—раздраженія и нѣжности, нѣжности къ тому, что должно было быть и чего не было,—точно приходишь въ себя отъ какого то кошмара...

... Онъ ли это? Развѣ когда нибудь онъ думалъ о свѣтскомъ домѣ, модной обстановкѣ, о нарядныхъ дамахъ и блестящихъ молодыхъ людяхъ?—Онъ, Петръ Николаевичъ Кустаревъ, другъ Кирилова? Развѣ было когда нибудь въ помыслахъ вѣкъ свой работать на какія то *чистыя препріимія* для того, чтобы оплачивать французскій нарядъ, велосипеды, лихачей, тотализаторы, курорты, кутежи?—Когда это началось? Что онъ долженъ былъ сдѣлать, чтобы это не началось?...

Праздные вопросы! Александра Алексѣевна взяла манеру сразу поднимать голосъ до высшаго crescendo. Когда

женщины кричатъ—онъ умолкаетъ; разомъ теряетъ способность разсуждать, доказывать... Само собой что то налаживалось. Укоренялось неотразимой силой совершившихся фактовъ.

Теперь разговоры упрощены до послѣдней степени: въ нѣсколькихъ словахъ излагается, что именно въ данную минуту требуется отъ привилегированной роли главы семьи Петръ Николаевичъ безпрекословно соглашается, или Петръ Николаевичъ предъявляетъ сначала свои возраженія и послѣ того соглашается. Случай простой—или случай сложный. Къ чему разговоры?

У себя въ кабинетѣ Петръ Николаевичъ переводить все это на безстрастный языкъ теоретическихъ классификацій и обобщеній—и успокаивается...

Валя забыла о лежащемъ въ ея карманѣ счетѣ. Точно впервые въ эту минуту у нея раскрываются глаза. Господи, какая скучная, мрачная комната! Онъ тутъ сидитъ всегда одинъ—какая тоска! За сколько лѣтъ даже ни одной новой вещицы не прибавилось...Книги...

... Къ гостямъ почти никогда не выходитъ. Всѣ призывки; серьезный чловѣкъ, — занятъ, *труженникъ*. Одинъ разъ Валя услышала именно это слово, сказанное объ отцѣ. Ей стало такъ противно, что она поспѣшила оттолкнуть отъ себя, забыть глупое выраженіе.

И вотъ, теперь оно потянулось изъ глубины памяти—длинное—неуклюжее... Аккомпаниментомъ къ нему раскатывается распушенный хохотъ Виктора, журчитъ безстрастно-циничная рѣчь Бориса.

— „Ахъ, какая неправда, что нельзя иначе!“ думала тревожно дѣвушка. Прежде еще хуже было: ссоры—брань—крики... Да, больше не ссорятся. Развѣ лучше? Совѣмъ точно чужой“.

Мать постоянно жалуется, что „все лежитъ на ней одной“: ему до всего—хоть трава не расти. Они, дѣти, такъ привыкли, что даже и на умъ не придетъ обратиться къ нему съ чѣмъ нибудь своимъ или отъ него ждать вопросовъ. Онъ ни о чемъ не спрашиваетъ. Такъ сложилось давно. Если-бъ кабинетъ не напомнилъ вдругъ смутно самыхъ лучшихъ минутъ ея дѣтства,—казалось бы, что такъ было всегда. Странная, неожиданная мысли толпились въ взволнованномъ умѣ Вали.

— „А вотъ, когда деньги нужны, тогда небось идти больше некуда. И всегда только эти противные разсчеты... Сколько спросить денегъ...Какъ лучше сказать... Сколько отецъ „отвалитъ“?.. Совѣщаются—хитрятъ... Мальчики—мужчины!—и не стыдно?! У самихъ столько самолюбія! Стыдно ѣздить не на лихачѣ, стыдно торговаться въ магазинахъ стыдно отставать отъ богачей товарищей.—Борисъ поручился за товарища, кучу денегъ пришлось заплатить,—отца даже не предупредили. Борисъ, значить, чужое обѣщаль—и еще какъ гордился.“

Не въ первый разъ подобныя мысли (отдѣльно, въ разбродѣ) приходятъ въ голову Валѣ; но теперь впервые онѣ сливались во что то цѣльное, точно какая то сила ихъ притягивала другъ къ другу. И на сердцѣ ныло, ныло — какъ стыдно, что никогда раньше не задумывалась серьезно!.. Его любимица! Мелькнетъ мысль—и забудется. Пустяки одни... глупая птица!.

... Стоило и сегодня матери, какъ обыкновенно, взять самой счетъ Aline,—и конечно не подумала бы придти узнать, не боленъ ли,отчего не вышелъ завтракать... Господи,—откуда взялось въ ихъ семьѣ столько бездушія,—отчего!?..

Валя сидѣла красная, глаза ея тоскливо скользили по комнатѣ. А Петръ Николаевичъ ждалъ: онъ предчувствовалъ

о чемъ она заговорить. О Поморскомъ—пришла сказать, что приняла наконецъ его предложеніе. Удивительно, что пришла сама Валя! Александра Алексѣевна по обыкновенію изрекаетъ ультиматумъ, когда уже все безповоротно рѣшено, остается только высчитать, сколько нужно доставить денегъ на приданое.

— За человѣка, надъ которымъ сами издѣваются за спиной,—а въ глаза любезничаютъ. Еще бы!—домъ въ Коношенинъ и конскій заводъ въ Воронежской губерніи.

Въ этотъ мигъ ему страстно захотѣлось отдѣлать,—на всегда отдѣлать,—взрослую барышню, собравшуюся замужъ, отъ дорогого дѣтскаго образа,—и стало больно, что нельзя сдѣлать; противъ воли обѣ сливаются въ одномъ мучительномъ ощущеніи.

Вдругъ Валя спросила съ безпокойной улыбкой, какой отецъ не зналъ у нея:

— Папа, развѣ вамъ не скучно такъ сидѣть тутъ —одному?.

Петръ Николаевичъ зажмурилъ глаза и помахалъ рукой, точно пытаясь задержать что то.

— Да нѣтъ,—развѣ много сидишь безъ дѣла! Некогда сидѣть, ничего, ничего.

— Всегда, всегда за работой...

— А то какъ же? Хорошо, что хоть часть работы можно сдѣлать дома.

— Развѣ всѣ... работаютъ такъ много... какъ вы?—допрашивала Валя, запинаясь.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Какъ сказать? И меньше... А многіе куда еще больше чѣмъ я. Да развѣ въ томъ дѣло—сколько? О! совсѣмъ, совсѣмъ не въ этомъ, досказалъ онъ точно самому себѣ.

— Какъ вы должны презирать насъ! — прошептала какъ то нечаянно Валя.

Она вся внутренно содрагалась, какъ отъ внезапныхъ толчковъ, отъ напора разнородныхъ ощущеній, хлынувшихъ въ душу.

Отецъ встрепенулся, близко склонился къ ней и заговорилъ совсѣмъ тихо, робко, боясь спугнуть:

— Отчего ты такое слово сказала, Валя? Послушай,—если ужъ сама сказала, значитъ, ты сознаешь это? Тогда—зачѣмъ же, Валя?!

Она въ смятеніи поняла его слова по своему.

— Зачѣмъ! Конечно вы должны спрашивать... Отчего? что я могу сказать?! Оттого что не думала... Потому что и другіе тоже кругомъ... Только нѣтъ, нѣтъ! не хочу этимъ оправдываться!... мнѣ девятнадцать лѣтъ, пора самой думать...

Онъ жадно ловилъ ея слова, весь просіялъ—и схватилъ ее за руки.

— И довольно этого, довольно! Значитъ, все спасено.

Онъ вдругъ заговорилъ скороговоркой и почти шепотомъ:

— Откажись,—откажись сейчасъ же—только не бойся! Не вѣрь... Никому не вѣрь!... Лучше поступить теперь жестоко, чѣмъ изуродовать цѣлую жизнь. Да! передъ нимъ ты виновата! Все равно, тутъ измѣнить ничего нельзя, пока вы будете думать, что женщина можетъ не быть честной,—слова для этого особенныя выдуманы! И пенять не на кого! Не будь дуракомъ, не воображай, что тебя, неуклюжаго, невзрачнаго, можно полюбить!... За душевныя свойства—ха, ха! Изъ душевныхъ свойствъ бальнаго платья не сошьешь! О, Господи, сколько вздора въ головахъ,—что вы сдѣлали изъ жизни!

Онъ схватился обѣими руками за голову.

Валя то краснѣла, то не могла удержать улыбки. Какъ смѣшно они запутались! Онъ это про Поморскаго говорить. Ей стало совсѣмъ легко.

Петръ Николаевичъ нахмурился на ея улыбку.

— Уговариваютъ, да? Еще бы! Не надо, не говори, все знаю наизусть.

Валя вскочила съ оттоманки.

— Ну, папа, тогда вы, значитъ, больше моего знаете! За Поморскаго я пока еще не собираюсь. И не вспомнила о немъ сегодня.

Отецъ остановился, какъ шель, пораженный. А она вдругъ загорячилась—порывомъ, какъ вскипаетъ совсѣмъ зеленая юность.

— А я вотъ что скажу,—мнѣ это легче было бы,—гораздо легче! Ну, уговорили, согласилась—такъ вѣдь на каждомъ шагу такъ дѣлается! Не могу же я влюбиться въ него, когда у него отвислая губа? Что же дѣлать, если надо выходить замужъ? Вѣдь у меня нѣтъ приданого.

Онъ такъ грубо схватилъ ее за обѣ руки, что она покачнулася.

— Ложь, ложь! Не смѣй повторять этой низкой лжи!... Не теперь—когда нибудь, крошкой, была моя Валя... И тебя отняли! Все отняли, изуродовали!... Довольно, довольно!... Живите, какъ знаете,—только уйти—бѣжать отъ васъ...

Онъ былъ страшно блѣденъ. Отбросилъ ея руки и схватилъ листочекъ съ цифрами.

— Гляди сюда: два вѣка никто не живетъ, тетка умереть,—вотъ твое приданое! Не торопись себя продавать... Все до послѣдняго гроша, все вамъ!.. Мнѣ ничего не надо.

Онъ весь дрожалъ отъ напряженія. А черезъ минуту безъ силъ опустился на оттоманку. По лицу разливалась мечтательная улыбка.

Валя, растерянная, инстинктивно угадывала, что тутъ кроется что то страшное, и лепетала безсвязные вопросы: Уйти?. Что это значитъ... Куда?... А какъ же они?. Какъ можно уйти?

Но онъ черезъ минуту поглядѣлъ на нее совсѣмъ спокойно, какъ человѣкъ, вдругъ очнувшійся. Подвинулся, давая ей мѣсто около себя, и медленно провелъ рукой по волосамъ; подъ волосами лобъ былъ совсѣмъ мокрый.

— Сядь сюда, поговоримъ, хочешь? Забрела ко мнѣ,—хоть нечаянно, все равно. Слѣдуетъ.

— „Не нечаянно—въ томъ то и ужасъ, что не нечаянно! Нѣтъ, нѣтъ—не надо теперь объ этомъ, это послѣ, послѣ“—удерживалась Валя. И безъ этого такъ страшно сегодня.

А Петръ Николаевичъ весь измѣнился: точно сбросилъ съ себя напряженность и давалъ волю чему то, скрытно живущему въ душѣ.

Разгорающійся свѣтъ. Сіяніе завѣтной думы.

Странныя рѣчи переходили во что то непонятное, для Вали совсѣмъ туманное.

— Зачѣмъ онъ все говорить о воспитаніи? терялась она: поздно теперь ихъ воспитывать.

Увлекается все больше. Чьи то слова, цитаты... Имена... заглавія книгъ. Онъ столько читалъ?!

Все возвращается къ дѣтямъ—къ дѣтству...

— Вѣчныя ошибки, которыя повторяются поколѣніями одно за другимъ... мертвая рутина. Не хотятъ понять, что каждая живая душа требуетъ особыхъ приемовъ, свою атмосферу... Какъ растенію, нужно извѣстное число градусовъ. Психологомъ нужно быть прежде всего. Всѣ школы никуда не годятся. Страшный вредъ, душитъ каждый сво-

бодный ростокъ и поневолю прокладываетъ свой путь вкривь и вкось, большими уродливыми наростами. Не гнуть, а выростить въ каждомъ силу быть самимъ собой. Взросите такъ, какъ его собственная природа указываетъ, и тогда только судите, чего онъ стоитъ...

Валя напрасно усиливалась какъ нибудь связать потоки разсуждений съ дѣйствительностью.

— Вы огорчаетесь... что насъ худо воспитывали? да? — удалось ей вставить въ минутную паузу.

Отецъ строго поднялъ въ воздухъ руку.

— Не думай, я себя не выгораживаю. Виноватъ кругомъ. Еслибъ я тогда разсуждалъ, какъ теперь, — а—а! все было бы совсѣмъ иначе!. Это дало бы мнѣ силы, — я чувствую, что дало бы... Простишь ли ты меня, Валя??

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо скорбными глазами, какъ глядятъ на обреченныхъ.

— Папа...

— Я искуплю! Свой долгъ выплачу. Въ другомъ мѣстѣ—чтожъ! Какъ будто это не безразлично для культуры, для человѣчества? Я больше сдѣлаю: не одну маленькую свою семью, — а столько, сколько силъ хватитъ. О,—о! не можетъ быть никакихъ сомнѣній—тамъ будутъ и люди, и средства! Мы сплотимся! тамъ есть готовыя общества — союзы — опыты.

— Гдѣ—гдѣ это? папа! о чемъ вы говорите?! — готова была заплакать растерянная дѣвочка.

— Въ свободной землѣ, Валя. Свободное дѣло... Свободная мысль... Горы..

Его восторженный взоръ уходилъ вверхъ, точно онъ видѣлъ озаренныя солнцемъ вершины вмѣсто закоптѣлаго потолка душевной комнаты.

— Боже мой... я боюсь!.. О чемъ вы говорите?!

Еще разъ Петръ Николаевичъ очнулся. Онъ крѣпко потеръ рукой лобъ.

— Ничего, ничего. Я немного увлекался. Это бываетъ со мной, не бойся.—это ничему не мѣшаетъ.

Но пораженная дѣвушка не могла оторваться сразу отъ промелькнувшаго страннаго видѣнія.

— Вы туда уѣхать хотите—въ горы? Это Швейцарія, да? Что же вы тамъ будете дѣлать?!

— То, что я сказалъ.

Какъ странно, теперь Валя мѣшаетъ вернуться къ дѣйствительности...

— Боже мой, я ничего не понимаю! Учить... дѣтей учить, да? да? Вы хотите сдѣлаться... учителемъ?!

Онъ кивнулъ головой снисходительно, какъ человѣкъ, который не можетъ питать надежды поднять чужое понимание до своего уровня и довольствуется крохами.

Сердечко Вали замирало отъ смутнаго страха. Она ближе придвинулась къ нему по оттоманкѣ и стала просить его не выѣзжать вовсе сегодня.

— Позвольте мнѣ еще немножко посидѣть съ вами, просила она наобумъ первое, что подсказывала непривычная тревога.

Его лицо вдругъ засвѣтилось радостью.

— Тебѣ интересно?? Кто бы могъ этого ожидать! Превосходно! Ты увидишь, что объ этомъ стоитъ помечтать—о! я объясню, объясню тебѣ—сейчасъ, сейчасъ.

Отрывочными словами, восторженными фразами онъ рисовалъ ей свою идиллію.

— Разумѣется, у него мало знаній—но развѣ это важно? Онъ будетъ не одинъ. Другіе дадутъ факты—знаніе дается всего легче... знаній черезчуръ много. Онъ обладаетъ

главнымъ, — самымъ важнымъ: непоколебимымъ сознаніемъ, что жизнь, вся, какова она есть, не стоитъ того чтобы приживаясь къ ней, калѣчить живыя души. Сколько, сколько искалѣченныхъ душъ! Поколѣнія! И что же покупается такой цѣной? Плѣнь, — только одинъ плѣнь . . .

— Вотъ ты мечтаешь — домъ, конскій заводъ . . .

— Неправда, я вовсе не мечтаю объ этомъ!—перебила обиженно Валя.

— Все равно, другіе за тебя мечтаютъ, — убѣдятъ въ концѣ концовъ. Опутаны, какъ сѣтми, нелѣпыми, выдуманными потребностями!. Ты сжилась съ роскошью; твоей жизни не сдѣлаешь безъ кучи денегъ. Кто нибудь долженъ для этого выбиваться изъ силъ на работѣ, какъ каторжникъ. Или готовыя деньги... Но что это значитъ—*готовыя деньги*? Значитъ — чья то каторга въ прошломъ, вся и разница! Чей то плѣнь. Тутъ все бесполезно! Нужно сдѣлать другихъ людей.

Валя съежилась въ уголокъ дивана и глядѣла оттуда, какъ затравленный звѣрекъ, только что беззаботно прыгавшій по цвѣтушей лужайкѣ: но вотъ звѣрекъ уже не можетъ сдѣлать ни одного прыжка, чтобы не очутиться въ какихъ нибудь когтяхъ.

Безпомощно всплываютъ въ ея умѣ обрывки мыслей похожихъ на то странное, дикое, что отецъ говоритъ съ такимъ юношескимъ пыломъ. Случайно когда нибудь прочитанное въ книгѣ, газетѣ, проскользнувшее въ чужомъ спорѣ... но вызываетъ мысли, живое и ясное ощущеніе, страшно быстро растущее въ душѣ: ощущеніе глубокаго стыда.

Петръ Николаевичъ возбужденно кружился взадъ и впередъ мимо оттоманки, уже всецѣло во власти этой *второй* жизни, гдѣ все иначе: все по свободнымъ влеченіямъ, по прямому голосу совѣсти. Мечта, какъ чужеяное растеніе обвилась вокругъ дѣйствительности и вытягиваетъ изъ нея живыя соки.

Вдругъ за дверью раздались шаги, и на порогѣ появилась Стеша.

— Барыня васъ просятъ въ будуаръ, сказала она барышнѣ.

— „Счетъ!“ — вспыхнуло сейчасъ же точно огненными буквами въ умѣ Вали. Она совершенно позабыла, зачѣмъ она пришла въ кабинетъ.

Валя угадала. М-me Aline прислала свою старшую мастерицу получить деньги по счету. Въ этой настоятельности сказывалась боязнь осторожной француженки, какъ бы и на этотъ разъ его не постигла прошлогодняя участь.

— „Madame, malheureusement fort genée, presente ses excuses“. Но Александра Алексѣевна этими excuses ни мало не обманывалась и вспыхнула отъ досады, когда Валя созналась, что она еще не успѣла сказать отцу.

— Какъ не успѣла!! да вѣдь она два часа просидѣла въ кабинетѣ! Что же они тамъ дѣлали?..

Валя оправдывалась: „Было неудобно“, былъ „не такой разговоръ“.

Ее отослали назадъ въ кабинетъ съ приказаніемъ сію минуту принести деньги. Нельзя держать чужого человѣка.

Отецъ по прежнему кружился по комнатѣ, когда Валя вернулась, — очень скоро, но съ пятнами на лицѣ и съ мучительно бѣгающими глазами.

— Что такое? Случилось тамъ что нибудь?

Она держалась въ карманѣ за жесткую бумагу и бессмысленно боролась, какъ человѣкъ, который неизбежно долженъ прыгнуть въ холодную воду. Стыдно, — до духоты стыд-

но! Она не сознавала, какъ, наконецъ, она вынула изъ кармана руку,—и отецъ взялъ у нея бумагу.

— Ну, вотъ, — вотъ онъ и узналъ, зачѣмъ дочка вдругъ явилась къ нему съ небывальми заботами.

Валя сѣла на оттоманку и закрыла лицо руками.

Петръ Николаевичъ перевернулъ листъ, отыскивая итогъ, и привычнымъ жестомъ потеръ себѣ лобъ.

— Ты — не знаешь, это сейчасъ нужно? Валя.. Что ты?.. Что съ тобой?

Онъ бросилъ бумагу на столъ.

— Ты плачешь!? Что такое — вдругъ?.

Валя соображала, что онъ еще не понимаетъ; онъ думаетъ, что ей только что тамъ дали этотъ счетъ.

— Оставить такъ? — Никогда не узнаетъ,—и не будетъ стыдно!

Слезы высохли, но страхъ лжи сковывалъ ледяными путами. Она не могла сообразить, опасно или нѣтъ такъ солгать.

Но вотъ губы ея точно сами собой выговариваютъ:

— Сейчасъ, если можно, — тамъ ждутъ.

Петръ Николаевичъ поспѣшно сѣлъ въ кресло и выдвинулъ ящикъ стола.

— Это, право, удивительно, я всѣхъ просилъ предупредить заранѣе, когда чтонибудь нужно не по бюджету. Хорошо, коли найдется столько,—для другого приготовлено.

Онъ говорилъ точно самому себѣ, безъ всякаго выраженія... вложилъ деньги въ конвертъ...

— Ты придешь опять — да? Ты мнѣ скажешь отчего ты плакала? — спросилъ онъ ласково, какъ будто робко.

Давно рѣшено, что не нужно пытаться проникать въ загадочный женскій міръ. Безцѣльное не можетъ быть нужно. Дѣти сливались въ одно съ той, которая давно была лишь воспоминаніемъ жизненнаго плѣна. Растетъ свобода внутренняя и вмѣстѣ съ нею яснѣе призрачность формъ.

Но теперь въ внезапномъ появленіи Вали, въ ихъ разговорѣ, въ ея слезахъ — что то живое и мучительное... Что то мѣшающее вернуть свободу... свободу мечты...

~~~~~
Валѣ велѣно было одѣться, чтобы сдѣлать визитъ, — она обрадовалась предлогу не возвращаться въ кабинетъ.

Цѣлый день всѣ спрашивали, что съ нею сегодня, — такой у нея былъ поглощенный и растерянный видъ. У К — выхъ дразнили Поморскимъ.

— Ужъ не влюблена ли она послѣ цѣлаго года напасныхъ ухаживаній? Ça arrive des fois — хорошо то, что хорошо кончается... Когда же? — Не секретъ?.

И всѣ были поражены тѣмъ, какъ нетерпѣливо дѣвушка отбивалась отъ этихъ невинныхъ шутокъ.

Въ каретѣ мать все время бранила за невоспитанность. Вотъ и результаты неумѣстной дружбы съ взрослыми молодыми людьми, — она вѣдь говорила, что это не общество для молодой дѣвушки... У нея становятся невозможны манеры...

Валя слушала разсѣянно и думала — о другой жизни. Не о Поморскомъ, нѣтъ... О горномъ ландшафтѣ въ странныхъ мечтаніяхъ отца.

Въ первую минуту ей все это казалось какимъ то большимъ бредомъ, — теперь иначе... Почему непременно бредъ? Развѣ каждый не можетъ желать чего нибудь совсѣмъ другого?

Она только не понимала, какого наслѣдства отецъ ждетъ, чтобы осуществить свои планы. — Можетъ ли быть, чтобы братья не знали про наслѣдство? — Охъ, какъ это было бы чудесно! О, да пусть, пусть бы онъ могъ ухъать, куда ему хочется... отдохнуть... пожить для себя, по своему.

... Сквозь странныя мысли несмѣло пробивалась блѣдная, точно забытая нѣжность... И жалость. Только жалость не робкая, а колючая... Жалость связывала нѣжность.

... Въ ней точно открывается совсѣмъ новая способность пониманія... Она радостно ощущала въ себѣ это новое, сознательное...

Чѣмъ обиднѣе раздавались въ ухахъ язвительные упреки матери, тѣмъ больше крѣпнеть увѣренность, что должно наступить другое. Еще бы! вѣдь онъ не барышня! Если бы она была мужчина — о! она ничего, ничего рѣшительно не стала бы терпѣть — ни для кого! Только Валя не умѣла представить себѣ, какъ измѣнится тогда ихъ жизнь. Бѣдь у нихъ все зависитъ всегда только оттого, сколько денегъ можно тратить.

— „До послѣдняго гроша все вамъ отдамъ, — мнѣ ничего не надо“. Откупится и уйдетъ. Развѣ кто нибудь будетъ горевать?..

Ихъ жизнь будетъ себѣ идти по старому, только ей кажется (и это поднимало въ сердцѣ глухую тревогу) — кажется, что все таки будетъ какъ нибудь не совсѣмъ такъ. Точно она ощущала уже пустоту мрачнаго кабинета, гдѣ отецъ живетъ своей отдѣльной жизнью, ни для кого не интересной. Въ сердцѣ шевелится обидное и жуткое ощущеніе потери — чего то, что она сама проглядѣла... не узнала... и что на всегда потеряно.

А Александра Алексѣевна по взволнованному лицу Вали разсудила, что на этотъ разъ выговоръ произвелъ достаточное впечатлѣніе.

За обѣдомъ Валя не могла ѣсть и сидѣла съ красными щеками, точно у нея начинается лихорадка. Она напряженно слѣдила за всѣмъ минута за минутой.

Здороваться нѣтъ обычая. Отецъ пришелъ, когда всѣ уже собрались, и прямо сѣлъ на свое мѣсто. Никто не поинтересовался, почему онъ не выходилъ къ завтраку. Точно Валя не знала, что именно такъ будетъ, — ждала. Отецъ спросилъ про Бориса, ему отвѣтилъ Викторъ:

— Немного лучше.

Мать сейчасъ же начала раздражительно бранить докторовъ; это ужасно какъ дорого стоитъ — докторъ, аптека, фельдшеръ.

Виктору надоѣло слушать одно и то же, и онъ спросилъ Валу:

— Ты отчего какая то смѣшная сегодня?

Она замерла отъ страха: онъ услышитъ и спроситъ опять, о чемъ плакала давеча, но онъ только смотрѣлъ на нее съ странной мимолетной улыбкой.

Съ внезапной ясностью Валя чувствовала живую связь съ нимъ, о комъ не думала до этого дня, и непріятное, удивлявшее ее равнодушіе къ Виктору. Разговоръ на оттоманкѣ клочками всплывалъ въ памяти. Съ его мыслями какъ ему скучно сидѣть здѣсь и слушать разговоры о скачкахъ, скандалахъ, театрахъ!..

Александра Алексѣевна спросила про какое то новое назначеніе въ высшихъ сферахъ, о которомъ говорили утромъ у К — выхъ.

Петръ Николаевичъ про назначеніе отъ нея впервые слышитъ. Она разсмѣялась своимъ непріятнымъ напряженнымъ смѣхомъ.

— Ну, само собой разумѣется, это можно было впередъ знать! Всегда въ обществѣ въ глупѣйшемъ положеніи, потому что у насъ никто ничѣмъ не интересуется! Кажется ужъ, это своя сфера — служба.

Она поспѣшно поднялась съ мѣста, какъ человѣкъ, не

желающей слышать возражений на брошенное замѣчаніе. Благодарить за обѣдъ тоже нѣтъ обычая. Отъ стола всѣ расходятся въ разныя стороны.

Валя проскользнула въ комнату мальчиковъ, чтобы захватить, пока Викторъ не уѣхалъ въ балетъ. Она не въ силахъ была побороть гложущаго нетерпѣнія спросить—что они знаютъ о наслѣдствѣ?...

Къ ужасу Вали оказывалось, что у нихъ даже и нѣтъ въ живыхъ никакой тетки! Возможно ли допустить, чтобы они не знали, если бы существовала богатая тетушка и они наслѣдники?

-- Но, наконецъ, не во снѣ же мнѣ то это приснилось!—волновалась до крика Валя.

Викторъ подмигнулъ ей въ зеркалѣ.

— Очень просто—отцу вздумалось подшутить надъ тобой.

— Какой вздоръ,—когда только на этомъ основаны всѣ его планы!

— Какъ? что? какіе такіе планы? что такое?—посыпалось на нее съ двухъ сторонъ.

Валя спохватилась: не слѣдовало передавать этого разговора. Но отецъ не предупредилъ ее; только у нея самой вдругъ пропала охота рассказывать. Стало тревожно, точно... точно это ея собственное, завѣтное, какъ будто она боится холодныхъ глазъ Бориса, паясничанья Виктора.

Борисъ объяснялъ, что тетка Марья Николаевна умерла, когда онъ еще не былъ въ корпусѣ. Дядя Степанъ Николаевичъ служить гдѣ то на Кавказѣ.

— Наслѣдство... ха! Pas de danger! Этотъ коли и оставить наслѣдство—такъ кучу долговъ. Или чего добраго какіе нибудь живые плоды развеселой жизни.

Викторъ хихикнулъ: Н-да! Уродятся же такіе контрасты!

Но слово „наслѣдство“ все таки застряло въ мозгу Бориса Петровича, жаль сейчасъ же разстаться съ нимъ. Онъ сталъ допрашивать, навѣрное ли Валя помнитъ, что отецъ говорилъ про тетку,—можетъ быть какая нибудь другая родственница? И по какому поводу у нихъ вышелъ подобный разговоръ?

Валя была полна раскаянья. Она сказала, не сводя строгихъ глазъ съ красиваго лица, которое такъ любила:

— Сказалъ, что все до гроша отдастъ намъ, себѣ не возьметъ ничего.

На это Борисъ Петровичъ только повелъ слегка плечами, какъ бы говоря: о чемъ тутъ говорить, это разумѣется само собою.

Къ настоящему ужасу Вали Виктору пришла „блестящая идея“ сію минуту потребовать мать, — она должна же знать что нибудь. Въ ужасѣ (хоть сама еще не отдавая себѣ отчета почему) Валя спорила, сердилась, наконецъ расплакалась. Но онъ все таки убѣждалъ, а Борисъ на нее прикрикнулъ: неужели она не понимаетъ, что такими вещами не шутятъ? Не угодно ли будетъ мамашѣ расхлебать эту кашу: не имъ же поднимать съ отцомъ подобные разговоры, коли Валя такъ глупо упустила отличный случай допросить толкомъ.

Александра Алексѣевна сейчасъ же пришла, сильно возбужденная извѣстіемъ,—и бѣдная Валя попала подъ формальный трехсторонній допросъ. Въ эту минуту она съ радостью отреклась бы отъ собственныхъ словъ. Отъ нея потребовали, чтобы она повторила весь свой разговоръ съ отцомъ, и были невыразимо возмущены ея рѣшительнымъ

отказомъ. Какое она имѣетъ право скрытничать въ дѣлѣ, которое касается всей семьи?!

Защищаясь сама и защищая отца, Валя противъ воли все болѣе проговаривалась.. безсвязно... Проскользнувшихъ какъ то безсознательныхъ словъ о Швейцаріи никакъ ужъ нельзя было затушевать... Швейцарія особенно встревожила Александру Алексѣевну. А потомъ только для того, чтобы опровергнуть нелѣпныя подозрѣнія—(„нынче вѣдь въ модѣ вторая молодость!“)—чтобы доказать, какая это возмутительная клевета, Валя должна была разъяснять дальше, какъ умѣла въ своемъ переполохѣ.

...Что это! Что такое! *недипломатическое призваніе*... поп, c'est trop fort, par exemple! Такой ахинеи навѣрное никто не слыхивалъ!...

Викторъ безцеремонно хохоталъ; Борисъ злился и кричалъ на него. Можетъ быть, надо пригласить психіатра—такой бессмыслицы не говорятъ въ пятьдесятъ лѣтъ, будучи въ здоровомъ умѣ... Они съ матерью обмѣнялись безпокойными взглядами, и оба сразу какъ то притихли. Ни о какомъ наслѣдствѣ Александра Алексѣевна никогда не слыхала. Впрочемъ, обдумавъ, она нашла, что само по себѣ это обстоятельство еще ничего не доказываетъ. Наслѣдство могло выясниться позднѣе, когда они съ Петромъ Николаевичемъ были уже на столько далеки, что онъ не посвящалъ ее въ свои дѣла. Всячески, это необходимо выяснить, и выяснить сейчасъ, немедленно. На практичность Петра Николаевича плохая надежда послѣ всего, чего они наслушались сегодня.

Валю по просту никто больше не хотѣлъ слушать, когда она умоляла пощадить ее.

...Что же она надѣлала, Боже мой! Пошла и сейчасъ же все разболтала, насплетничала, навлекла на него неприятности. Зачѣмъ? Для чего?.. Развѣ она этого хотѣла!?!.. Поднять какой-то переполохъ!

Она наконецъ въ слезахъ убѣжала отъ нихъ къ себѣ въ комнату. Въ смятеніи она громко говорила сама съ собой.

— Что отецъ подумаетъ обо мнѣ? Одинъ разъ... въ первый разъ заговорилъ какъ съ взрослой дѣвушкой, меня же образумить хотѣлъ!... А-а-а! Что, что онъ долженъ думать!...Обрадовалась наслѣдству,—опасается за что то... Или ничего не поняла, какъ послѣдняя дурочка!

Она неотступно видѣла передъ собой мечтательное лицо съ сосредоточеннымъ взоромъ, поднятымъ къ ея портрету. Слышала голосъ... Не тотъ, какимъ онъ всегда говорить—нѣжный... точно счастливый! Горный ландшафтъ, набросанный нѣсколькими восторженными фразами, врѣзался въ ея воображеніе, какъ картина, которую она только что видѣла.

Потрясенная недисциплинированная мысль производила поразительныя опустошенія.

Поздній зимній разсвѣтъ засталъ дѣвушку надъ письмомъ, которое она дописывала съ лихорадочной быстротой...

На другое утро Петръ Николаевичъ только что успѣлъ выпить кофе, по обыкновенію, у себя въ кабинетѣ, какъ дверь нерѣшительно подалась подъ чьей то рукой. Онъ бросился къ двери, не вѣря себѣ.

...Да,—Валя! Блѣдное личико, глаза красные. Одѣта, причесана какъ вчера. Случилось что нибудь!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Борисъ не ходитъ на службу, никто у нихъ и не поднимается раньше завтрака.

Онъ тревожно спрашивалъ: заболѣлъ кто нибудь? она сама не больна ли?

Валя отрицательно трясла головой и кусала губы. Вотъ—вотъ сейчасъ расплачется.

По неубранной душевной комнатѣ, гдѣ онъ и спитъ на оттоманкѣ, разливался тусклый полусвѣтъ изъ за тяжелыхъ зеленыхъ гардинъ. На письменномъ столѣ на подносѣ неряшливо поданный кофейный приборъ. Она, точно пугаясь безпорядка, не согласилась отойти отъ двери.

Онъ, желая помочь ей, продолжалъ угадывать.

— Ее послали къ нему—что то нужно сію минуту? Можетъ быть, деньги нужны? Можетъ быть, Викторъ проигрался?

— Н-н-нѣтъ... Оставьте, оставьте!.. Непремѣнно деньги... Господи!... Только одни деньги!... уже рыдала Валя.

Онъ, пристыженный своей безтактностью, беспомощно топтался вокругъ нея, не смѣя больше спрашивать, не зная рѣшительно, что съ нею дѣлать.

Но Валя наконецъ собралась съ силами и сунула ему въ руку какіе то листики. Потомъ порывисто схватила его руку и поцѣловала. И убѣжала...

Въ сумерки въ кабинетѣ горитъ каминъ. На оттоманкѣ, забравшись съ ногами, сидитъ Валя, прижавшись къ отцу, положивъ ему на грудь свѣтлую головку.

Онъ водитъ рукой по мягкимъ волосамъ, нагибается и нѣжно касается губами низкаго лобика, гладкаго точно атласъ. На лицѣ дѣвушки дрожитъ розовый отблескъ; влажные горячіе блики сияютъ въ глазахъ. Это придаетъ лицу что то дѣтское, и скорченная фигурка кажется совсѣмъ крошечной.

Они говорятъ безъ умолку, перебивая другъ друга, иногда оба говорятъ въ одно время, но все таки схватывая смыслъ того, что говоритъ другой, и говорятъ возбужденными притихшими голосами, похожими на шепотъ; спѣшаютъ, точно остерегаясь, чтобы ихъ не услышали.

Уже третій день подрядъ Валя забирается такъ послѣ обѣда въ кабинетъ, и каждый разъ отецъ ждетъ ее, занятый запалкой камина. Онъ только что вернулся домой. И сейчасъ же начинаются туманныя мечтанія о далекой странѣ, гдѣ ни одинъ изъ нихъ никогда не бывалъ... Необыкновенное все возрастающее возбужденіе не пугаетъ Валу, напротивъ ея душа раскрывается на встрѣчу—впитываетъ въ себя жадно новыя свѣтлыя ощущенія. Она чувствуетъ, какъ въ ней быстро растетъ какая то сила. Отъ этой силы ей жутко и радостно.

Въ листочкахъ Вали написано, что она не хочетъ больше жить празднымъ существомъ, вести пустую жизнь свѣтской барышни, мечтающей о женихахъ. И замужъ она пойдетъ не иначе, какъ по любви,—настоящей, на всю жизнь. Это когда то еще будетъ! Она хочетъ ухаживать съ нимъ въ Швейцарію. Она будетъ работать, также какъ онъ. Развѣ она тоже не можетъ учить дѣтей? Только сначала сама поучится хоть немного. Она разыщетъ лексиконъ и съ сегодняшняго же дня начнетъ читать нѣмецкія книги.

Въ листочкахъ написано еще много, много другого... О стыдѣ за прошлое—и о счастьѣ будущаго...

Послѣ бурной сцены съ рыданьями, раскаяніемъ, съ объятіями и изліяніями,—они оба почувствовали такой приливъ счастья, точно внезапно отыскалось что то давно потерянное... свое... родное... Такое настоящее и несомнѣнное, что, когда разстались, съ отуманенными головами и разбитыми нервами,—то не вѣрилось, что такъ долго, долго этого могло не быть: они могли жить точно чужіе!..

Жизнь дома распалась на два враждебныхъ лагеря, и Валя безъ колебаній измѣнила своимъ недавнимъ кумирамъ. Она увидала, что никакой собственной жизни у нея не было, было только подобострастное подчиненіе чужимъ понятіямъ

и вкусамъ. И то, что теперь влекло ее къ отцу, казалось первой сознательной любовью. Любовь, разоженная тяжелымъ чувствомъ виновности.. И то, что отецъ никого не обвиняетъ,—а ихъ (ее и мальчиковъ) только жалѣетъ и сокрушается о собственномъ безсиліи,—такая глубина доброты умиляла до тревоги, до муки... Точно въ сердцѣ у нея открылась живая ранка, и боль не проходитъ и теперь, когда такъ хорошо подружились съ отцомъ. И въ тоже время въ этой боли какъ будто таится радость: въ ней открывается смыслъ жизни, какого раньше не было. И, можетъ быть, онъ и никогда не открылся бы, еслибъ не эта ранка...

Петръ Николаевичъ сталъ для всѣхъ невидимъ; онъ уже нѣсколько дней не обѣдалъ дома.

— Не хочу отвлекаться. Дай мнѣ насладиться тобой!—говорилъ онъ дочери, какъ говорятъ влюбленные.

Въ тоже время настроеніе другого лагеря не имѣло ничего общаго съ влюбленной атмосферой кабинета. Здѣсь тоже ежедневно сходились, совѣщались и спорили,—въ комнатѣ мальчиковъ, потому что Борисъ все еще не могъ ходить. Александръ Алексѣевичъ не удавалось объясниться съ мужемъ: его или небыло дома, или онъ запирается съ Вали—разумѣется, она изъ самолюбія не желала нарушить идилліи. Надъ новоиспеченной идилліей подтрунивали, но въ сущности было вовсе не до остроумія, и загадочное поведеніе Вали всѣхъ сердило. Дѣвочка вдругъ вздумала проявлять какую то самостоятельность! Отмалчивается—отказывается отвѣчать—позволяетъ себѣ какіе то намеки... Одинъ Викторъ со своей неисправимой безшабашностью и тутъ находилъ поводъ для потѣхи.

...Онъ не прочь былъ бы послушать у дверей, о чемъ шепчутся въ кабинетѣ „заговорщики“—еслибъ не честь снѣга воротника... Шпіонство.. Чортъ возьми, неловко стѣнъ. Онъ предлагалъ подкупить Степаниду. Они положительно зѣваютъ—можетъ быть, уже давно пора принять мѣры безопасности...

Борисъ ругался, но студентъ не унимался: какое отсутствіе самообладанія! Борисъ Петровичъ не въ состояніи даже скрыть, до какой степени его волнуетъ миѣическое наслѣдство.

— Довольно! Кончите, я васъ прошу! вмѣшивалась мать: говорятъ вамъ, это невозможно, не съ неба же свалится какое то наслѣдство!

— По-озвольте! почему?!—не смущался ни мало Викторъ:—существуютъ на свѣтѣ или нѣтъ всѣми забытые американскіе дядюшки съ милліонами, розыскивающіе наслѣдниковъ? Почему невозможны столь же пріятныя тетушки? Я васъ спрашиваю—усматривается ли тутъ, такъ сказать, физическая невозможность?

Александра Алексѣевна начинала колебаться.

— Положимъ, нѣтъ... Почему въ самомъ дѣлѣ невозможно?! Мало ли что бываетъ! Но въ такомъ случаѣ, пока мы тутъ только болтаемъ—тамъ, чего добраго, составляются уже по всѣмъ правиламъ завѣщанія, дарственныя записи, est-ce qu' on sait! За запорами, съ шушуканіемъ не совершается ничего законнаго!

Отъ такихъ разговоровъ воображеніе разыгрывалось до такой степени, что Александра Алексѣевна перестала спать по ночамъ и начала грезить на яву милліоннымъ богатствомъ. Тогда она рѣшилась на послѣднюю мѣру, переселивъ въ себѣ отвращеніе.

Рано утромъ она, собственной своей персоной, появилась на порогѣ кабинета, когда Петръ Николаевичъ еще не успѣлъ совершенно проснуться. Опасаясь, какъ бы пе-

редъ ею не повернули ключа, если она отступить за порогъ,—она пригласила не стѣсняться ея присутствіемъ и усѣлась передъ письменнымъ столомъ переждать, пока за ея спиной оригинальный плѣнникъ совершитъ кое какъ необходимый туалетъ....

Результаты внезапнаго супружескаго объясненія были таковы, что Александра Алексѣевна на цѣлый день заперлась у себя въ комнатѣ. Она не обѣдала и никого не хотѣла допустить до себя, она писала письма и плакала. Два письма относилъ посыльный, а съ третьимъ Степанида ѣздила въ Царское Село и вернулась только вечеромъ.

Викторъ отъ скуки „закатился“ на цѣлый день. Валя въ сильнѣйшемъ смущеніи одна наскоро пообѣдала и поспѣшила скрыться къ себѣ.

Наконецъ Борисъ Петровичъ ошалѣлъ отъ тоски лежать въ одиночествѣ и ничего не знать; онъ рѣшился встать, не обращая вниманія на то, что не могъ еще ходить, не хромая.

Только благодаря этому обстоятельству мать впустила его къ себѣ („пусть ей дадутъ по крайней мѣрѣ собраться съ мыслями!“) Видъ у нея былъ такой, точно она сразу постарѣла на десять лѣтъ.

...Да, Борисъ угадалъ вѣрно:—отецъ боленъ, быть можетъ, давно ужъ боленъ! Это крушеніе всего.

Дальше Александра Алексѣевна не желала разговаривать и отослала своего любимца, раздражительно и нетерпѣливо. Но когда онъ уже уходилъ, прихрамывая, жалкій,—она вдругъ вернула его.

— Съ условіемъ—*pas un souffle*, понимаешь? Главное ни одного слова Виктору... *c'est pas pour jaser cette fois...*

— А она... Валя, вы думаете, не замѣчаетъ?—спросилъ Борисъ, хмуря брови.

— Разумѣется, нѣтъ! Онъ совершенно, совершенно здраво говоритъ. Вѣдь я сужу только потому, что онъ говоритъ о Марѣ Степановнѣ, какъ о живой, ты понимаешь? Мы же вмѣстѣ съ нимъ были на ея похоронахъ—*вмѣстѣ!* О! Это ужасъ, ужасъ... Только этого и не хватало! Когда я попробовала возражать... О! Нѣтъ, нѣтъ... оставьте меня! Я не могу...

Она рыдала нѣсколько минутъ.

— *Se fut une attaque...* Пароксизмъ бѣшенства... не знаю. Я, разумѣется, врагъ—подкапываюсь подъ его счастье—отъ меня наслѣдство скрывается.

— Наслѣдство? повторилъ необдуманно Борисъ.

— Ахъ, теперь ты тоже глупъ! Вѣдь ясно, что онъ и воскресилъ ее только для того, чтобъ мечтать объ этомъ наслѣдствѣ. Вотъ они—*чудаки!* Всѣ такъ особенно снисходительны, принято защищать, а вотъ что подъ этимъ кроется! Не понимаю, какъ онъ въ состояніи служить до сихъ поръ!

Они поглядѣли испуганно въ глаза другъ другу, и мать опять заплакала.

— До поры до времени, процѣдилъ сквозь зубы офицеръ.

— Конечно... *Idée fixe*. Вѣдь бываютъ тихіе...

Юноша въ волненіи водилъ рукой по своему элегантно подстриженному затылку.

— Однако, надо же скорѣе пригласить доктора!

Александра Алексѣевна вскочила и въ волненіи заходила по комнатѣ.

— А-а! Это я напередъ знала. Доктора! Разумѣется, это всего проще, а черезъ часъ вся жизнь перевернута. Ты воображаешь, что это удивительно какъ умно?

Александра Алексѣевна совершенно логично рассуждала: коли тянется благополучно неизвѣстно сколько уже времени, значитъ, можемъ потерпѣть и еще немного, пока удастся выяснитъ, въ какомъ онъ положеніи. Вѣдь всѣ эти должности должны же давать хоть какія нибудь права! Человѣкъ долженъ быть обезпеченъ сколько нибудь,—объявить сумашедшимъ недолго, и все взлетитъ на воздухъ! Завтра же на его мѣстѣ будетъ другой... Но что же будетъ съ ними!? Да еще съ такой обузой на рукахъ... Пожалуй, на цѣлые годы!

Неустрашимая логика приводила хладнокровнаго Бориса въ невольное смущеніе. Да, разумѣется, когда человѣкъ сходитъ со сцены, то необходимо подумать о судьбѣ тѣхъ, чье существованіе мгновенно разваливается отъ внезапной бреша. Однако, въ эту минуту противъ воли одно выступило на первый планъ и заслоняло собою все другое.

Какъ могло случиться, что никто ничего не замѣтилъ?

Сынъ порылся въ собственной памяти и не нашелъ тамъ ничего кромѣ обыденныхъ разсѣянныхъ встрѣчъ за обѣденнымъ столомъ да краткаго обмѣна дѣловыхъ фразъ.

Конечно, дѣти замѣчали, что домашняя атмосфера становилась несравненно легче по мѣрѣ того, какъ между родителями прекращались всякія столкновенія. Давно отецъ ни противъ чего больше не возстаетъ, какъ бывало прежде, но они тогда были дѣтьми и понимали во всемъ этомъ только одинъ крикъ. Онъ становился все сговорчивѣе, равнодушнѣе: „добрѣе“ называлось это у нихъ... Но вѣдь это подготавливается медленно—издалека.

— Надо поговорить съ Кириловымъ! Кириловъ долженъ знать!—вырвалось само собой у Бориса.

Безъ сомнѣнія. Мать прежде всего написала Кирилову и съ минуты на минуту ждетъ отъ него отвѣта. Только подобныхъ разговоровъ съ ненавистнымъ ей другомъ Петра Николаевича она не желаетъ вести у себя дома. Она просила назначить часъ, когда она можетъ пріѣхать къ нему... Да, да! Кириловъ долженъ знать...

... Долженъ знать чужой, чего дома у насъ и не подозревали! Я—отвѣтилъ Борисъ Петровичъ, ни при какихъ, обстоятельствахъ не теряющій своей саркастической зоркости.

Викторъ явился домой только ночью, очень веселый. Даваясь отъ смѣха и слегка заплетающимся языкомъ онъ старался рассказать брату содержаніе вѣнской оперетки, но все путался въ обрывкахъ разговоровъ своихъ компаньоновъ по ложѣ. Какой то „Сашка“ изощрялся въ островахъ такого сорта, что Викторъ, захлебываясь отъ хохота, въ нѣсколько пріемовъ не могъ досказать анекдота до конца.

Борисъ долго сумрачно молчалъ. Но наконецъ не выдержалъ передъ искушеніемъ окатить ледяной водой эту безпутную голову.

— Къ чорту! Будетъ когда нибудь конецъ твоимъ сальностямъ?! Нашелъ время. Отецъ съума сходитъ—ты понимаешь? Сумасшедшій!.. Тебѣ, любезный другъ, предстоитъ бѣгать по урокамъ, а не по кафе-шантанамъ!

Черезъ минуту Борисъ Петровичъ посылалъ къ чорту самого себя—рѣшительно, сегодняшній день вышибъ таки его изъ колеи. Онъ наотрѣзъ отказался пускаться въ какія нибудь разъясненія и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ...

Валя получила отъ отца письмо на многихъ листахъ. Листы, не пронумерованные, были очевидно перебиты; почеркъ, до того спѣшный и небрежный, что съ непривычки она долго не умѣла разобрать ни одной фразы. А потомъ [приглядѣвшись и принаровившись угадывать, какъ бываетъ всегда съ трудными почерками], чѣмъ она больше разбирала,

тѣмъ меньше понимала, зачѣмъ отецъ все это пишетъ ей...

Страстныя, взволнованныя жалобы... Характеристики матери, такія мѣткія и откровенныя, что Валя въ испугѣ бросила, не дочитавъ. Но черезъ нѣсколько строкъ оказывалось, что рѣчь вовсе не о матери—вообще о женщинахъ,—о русскихъ женщинахъ. Онъ умолялъ Валю *не доврять никому*,—эти слова нѣсколько разъ подчеркнуты, — молилъ не проговориться,—тогда все погибнетъ. [Что? Отчего?] Рѣчь какъ будто о какомъ то бѣгствѣ (*ея бѣгство*)? И по всей этой путаницѣ огненными точками разсыпаны жгучія жалобы... взрывы отчаянія... О чьей мести онъ говоритъ со страхомъ, который заражаетъ Валю? Систематическая месь цѣной жизни... Но онъ все побѣдитъ, лишь бы она, его единственное счастье, не измѣнила ему! Только бы она не перешла на сторону его враговъ...

... Господи, Боже мой, — и чего, и чего онъ могъ это подумать?!

Такая мысль до того обижала Валю, что все содержаніе страннаго письма померкло передъ этимъ огорченіемъ. Вѣдь въ эти дни Валя чувствовала его счастье, оттого что онъ опять нашель свою дѣвочку. Это ощущеніе исходящаго отъ нея счастья и было то совсѣмъ новое, незнакомое и восхищавшее, отчего она чувствовала себя точно перерожденной.

Утромъ Викторъ собрался въ университетъ. Ночныя воспоминанія не располагали „торчать на глазахъ“ у блѣднаго и мрачнаго Бориса,

Въ столовой, къ своему удивленію, онъ нашель Валю. На столѣ передъ нею лежала какая то старая книга, прислоненная для удобства къ молочному кувшину. Студентъ остановился и посвисталъ надъ такимъ необычнымъ зрѣлищемъ.

Валя сказала „здравствуй“ съ короткимъ предостерегающимъ взглядомъ.

Онъ взялъ стулъ, сѣлъ къ столу и вздохнулъ.

Валя взглянула на него.

— Ты знаешь, конечно! процѣдилъ онъ зловѣщимъ шепотомъ.

Она вздрогнула и переспросила:

— Что?...

— Объ отцѣ... Степанида, принесите, пожалуйста, еще сливокъ.

Какъ только закрылась дверь за высланной горничной, Валя схватила его за руку.

— О чемъ ты говоришь? случилось что нибудь?!

Она вдругъ почувствовала, что сердце ея полно страха.. Не отъ его словъ, нѣтъ—*страха письма*, о чемъ она старается не думать...

— Ну?... Да ну же! говори, пока можно! торопила она Викторъ въ изумленіи поднявъ плечи.

— Ты, стало быть, ничего не знаешь!? Странно! Вѣдь ты одна была съ нимъ эти дни... Ничего не понимаю! Какъ же ты меня вдругъ спрашиваешь?...

— Нѣтъ, я не видала его вчера... Весь день не видала—ну, что же? отчего ты не хочешь сказать?!

Ея волненіе сердило Виктора. Онъ съ утра искалъ, на что бы ему рассердиться.

— Помилуй,—если ты ничего не замѣтила... ты, стало быть, такъ—таки ничего не замѣтила?—да вѣдь это чрезвычайно какъ важно! О чемъ же они толкуютъ послѣ этого?

— Папа заболѣлъ?! Когда?—угадывала съ отчаянія Валя.

— А вѣдь этимъ прекрасно все объясняется. Эта ваша новоиспеченная идиллія! Ты тоже хороша: три дня—ничего не расчухала!

Валя вскочила и топнула ногой.

— Что за мучительство! Не хочу отгадывать... ты долженъ мнѣ сказать...

Викторъ посмотрѣлъ въ ея искаженное страхомъ лицо и выразительно хлопнулъ себя рукой по лбу.

Къ столу подходила Стеша съ молочникомъ. Она ушла не сразу, покосилась раза два на молодыхъ господъ.

— Неправда!.. неправда!.. Кто тебѣ сказалъ? Этого не можетъ быть... Кто это выдумалъ?... вскрикивала, тиская изо всѣхъ силъ свои руки, Валя.

Она бросилась изъ комнаты, чтобы распросить Бориса. По тому, какъ она ворвалась въ его комнату, вся бѣлая, съ вытаращенными глазами, Борисъ сейчасъ-же понималъ, что она узнала.

Такимъ образомъ къ тому времени, когда Александра Алексѣевна вышла изъ своей комнаты, то, что она считала своей тайной, уже было извѣстно всему дому. Она торопилась уѣхать и только махнула безнадежно рукой на объясненія сконфуженнаго Бориса.

Валя молчала про полученное отъ отца письмо, хоть именно письмо, и только оно одно, заставило противъ воли сейчасъ же повѣрить.

Въ памяти оживала вся эта внезапная, необычная близость съ отцомъ, когда она ничему не удивлялась, не критиковала, а только принимала радостно. Конечно, все это было необычайно, но потому именно и увлекло такъ беззавѣтно. Эти дни она точно была влюблена.

Теперь, охваченная ужасомъ и жалостью, она все токи возвращалась къ милымъ мечтаніямъ на оттоманкѣ, передъ пылающимъ каминомъ. И не могла повѣрить, что то былъ только безумный бредъ. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ. — Это было такъ возвышенно, такъ красиво. У него было такое свѣтлое лицо, тихій счастливый голосъ, онъ такъ любилъ свою Валю.

Она думала о томъ, о чемъ онъ не говорилъ: онъ не упрекалъ никого. Неужели такъ нужно, такъ должно быть, чтобы одинъ безъ отдыха надрывался на скучной, немилой работѣ, а всѣ кругомъ взрослые люди ничего не дѣлали, только забавлялись, транжирили эти чужія деньги? Отчего никто никогда не говорилъ съ нею объ этомъ? Зачѣмъ мама помогала Борису кутить на счетъ отца, когда даже онъ самъ сознаетъ это? Почему имъ необходимо одѣваться у француженки? Какіе же они богачи, если у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ его труда? А они всегда, всегда жили какъ богачи..

Теперь объ этомъ всѣ кричали въ ужасѣ, точно вдругъ открылось что то неожиданное.

— Мы нищѣ! Эта проклятая частная служба не даетъ даже пенсіи... Годовой окладъ—подачка! Не хватить, чтобы расплатиться съ долгами...

— Развѣ мама не знала всего этого раньше? Она только теперь узнала отъ Кирилова? спросила Валя Бориса. Онъ посмотрѣлъ на нее злыми глазами.

— А ты сама то грудной младенецъ, что ли? О смерти никто не думаетъ, пока живетъ. Отецъ не старикъ.

— Онъ давно боленъ. Докторъ сказалъ.

— Да, теперь все очень просто, когда „сказалъ докторъ“! А сама ты отчего же не замѣтила, когда сидѣли обнявшись?

У нея задрожали губы отъ боли.

— Боря, вспомни,—всего только нѣсколько дней! О, какъ мы нелѣпо жили, пошло! Отчего не понимала? Оттого что я глупая дѣвчонка, хоть мнѣ девятнадцать лѣтъ! Отто-

го что голова набита вздором! Оттого что никто мнѣ не сказалъ умнаго и честнаго слова, вотъ отчего!

Валя закрыла лицо руками и разрыдалась. Борисъ помолчалъ.

— Скажи, какую пользу ты хочешь извлечь изъ своихъ вѣчныхъ допросовъ,—почему, кто, когда? Важенъ фактъ. Мнѣ, коли хотите знать, всего проще: переведусь въ армію и уѣду въ полкъ готовиться въ академію.

Онъ повернулся и ушелъ, прихрамывая, въ свою комнату.

Докторъ пожелалъ поговорить съ барышней; присутствовавшій при этомъ Кириловъ смотрѣлъ на нее печальными задумчивыми глазами.

Докторъ потребовалъ, чтобы она рассказала все, что можетъ припомнить. Кириловъ по временамъ вставлялъ не громко:

— Да, знаю... Это давнишнее!

— Ну, да, такъ... всегда это твердилъ.

Иногда онъ просто кивалъ утвердительно головой.

Иногда докторъ прерывалъ Валю и задавалъ вопросы Кирилову.

— Теперь живого человѣка розыскиваемъ точно потерянную вещь,—и только одинъ чужой знаетъ сколько нибудь, отвѣтила Валя рѣзко на разспросы Бориса.—А знаешь, еслибъ кого нибудь изъ насъ --ну, на улицѣ раздавили, что ли... тоже самое, никто бы и не зналъ, что сказать.. только та разница, что про насъ и сказать нечего.

Борисъ, ошеломленный, смотрѣлъ ей вслѣдъ.

...Что нынче за тонъ у Вальки!—къ допросу требуетъ, рацеи читаетъ..!

Александрѣ Алексѣевнѣ некогда заниматься разговорами: она развѣзжала по разнымъ превосходительствамъ, сочиняла памятные записки,—которыя Борисъ старательно переписывалъ своимъ красивымъ четкимъ почеркомъ,—и вела сильно волновавшую ее дѣловую переписку съ Царскимъ Селомъ. Борисъ сталъ выѣзжать по ея порученіямъ, не обращая вниманія на ногу. Викторъ присмирѣлъ и аккуратно ѣздилъ въ университетъ.

Петра Николаевича увезъ Кириловъ.

Онъ непременно хотѣлъ проститься съ Валею. Кирилова выслали изъ комнаты.

Валя не видала отца нѣсколько дней. Онъ страшно исхудалъ и былъ очень возбужденъ.

Сколько дѣвушка ни увѣряла себя, что не будетъ трусить—она побѣлѣла какъ бумага, когда онъ тяжело опустилъ обѣ руки ей на плечи и заговорилъ негромкой, связанной скороговоркой, гдѣ она отъ страха ловила только отдѣльные слова.

...Приходится смириться на время,—что дѣлать! Надо усыпить бдительность, быть какъ можно смиреннѣе. Валя не должна показывать вида... О! она хитрая, хитрая... ее обмануть не легко! Онъ дастъ знать... Кириловъ будетъ пересылать письма въ Швейцарію. Дѣло о наслѣдствѣ скоро кончится, Она оспариваетъ завѣщаніе,—не бѣда, она проиграетъ. Это сказалъ самъ прокуроръ.

Слово „прокуроръ“ онъ таинственно прошепталъ въ самое ухо и пригнулся такъ близко, что Валя чуть не вскрикнула. Онъ смотрѣлъ на нее съ блуждающей улыбкой и хитро подмигивалъ.

Не понимаетъ? Нарочно назвался докторомъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Это все Кириловъ заупрямился... Онъ ему говорилъ, что неловко, чтобы самъ прокуроръ пріѣхалъ. Упрямецъ Кириловъ! Ну, конечно, конечно! Валя тоже не поняла, приняла за чистую монету.

Богъ знаетъ, сколько времени онъ продержалъ бы такъ Валю, пригвоздивъ къ полу, еслибы въ комнату не вошелъ Кириловъ...

Страхъ прошелъ, но въ душѣ Вали осталась неожиданная горечь. Въ этомъ послѣднемъ свиданіи не было и слѣда той трогательной нѣжности, съ какой раньше къ ней относился отецъ.

Онъ былъ занятъ своими летучими мыслями, ощущеніями, онъ точно забывалъ, кто съ нимъ... не простился... не поцѣловалъ ея.

Валя поняла, что это кончено навсегда: нѣтъ больше того человѣка, который такъ быстро увлекъ ее за собой и оторвалъ отъ ея прежнихъ привязанностей. Огонь, обогрѣвшій, оттаявшій сердце,—самъ погасъ навсегда. Она осталась совсѣмъ одна, съ тревожнымъ гнетомъ едва намѣтившихся влеченій, промелькнувшихъ ощущеній...

Сбывалось то, что страшно волновало Валю послѣ перваго памятнаго разговора съ отцомъ: кабинетъ Петра Николаевича стоялъ пустой. Вокругъ него быстро распалась вся эта сложная жизнь, державшаяся на плечахъ одного человѣка и въ которой онъ почти не принималъ участія.

На окнахъ прекрасной квартиры бѣлѣли билетки. Чужіе люди приходили смотрѣть квартиру или покупать лишнюю мебель...

Александра Алексѣевна уже второй день таинственно совѣщается съ Борисомъ. Поморскій возобновилъ свое предложеніе, узнавъ объ обрушившемся несчастіи.

Со свойственной ему зоркостью Борисъ не сомнѣвался, что Валя опять откажетъ.

Мать выходила изъ себя при первомъ словѣ. Этотъ бракъ являлся единственнымъ выходомъ. Вдвоемъ съ Викторомъ они еще какъ нибудь устроятся. Можно пустить жильцовъ, такъ многіе дѣлаютъ. Но что же дѣлать съ молодой дѣвушкой?!

Рѣшено было попытаться подѣйствовать на Валю черезъ Кирилова. О! не будь это вопросомъ всей судьбы—къ послѣднему она обратилась бы къ этому человѣку!

...И не вышло ничего кромѣ напраснаго униженія.

Кириловъ отнесся въ высшей степени сдержанно. Конечно, онъ не могъ оспаривать, что Поморскій—прекрасная партія и доказалъ свою сердечную привязанность. Онъ повторялъ банальную истину; что это „вопросъ чувства Валеріи Петровны“,—какъ будто для этого нужно было прибѣгать къ его помощи!

Валю позвали.

Дѣлая неимоверныя усилія, чтобы казаться хладнокровной, мать начала съ выясненія всей безвыходности ихъ положенія.

Эта женщина, не признававшая въ жизни ничего кромѣ внѣшняго блеска и умѣвшая только тянуться выше своихъ средствъ,—теперь ударились въ противоположную крайность: она говорила о нищетѣ, хоть остатки прежней роскоши, съ какими ей предстояло начинать новую жизнь, для многіхъ представляли недостижимое благополучіе.

Валя сидѣла, крѣпко сжавъ губы. По временамъ медленно взмахивала пушистыми рѣсницами и смотрѣла тревожно и внимательно въ взволнованное лицо матери. Потомъ переводила тотъ же взглядъ на непроницаемое лицо Кирилова.

Онъ задумчиво перебиралъ пальцами свою длинную, слегка сѣдѣющую бороду и намѣренно не смотрѣлъ на нее.

Съ нимъ рядомъ Валѣ видѣлось въ воздухѣ другое лицо... И ей хотѣлось плакать.

Мать слѣдила за игрой ея лица. При имени Поморскаго розовая волна залила Валю, и она сдѣлала безпокойное движеніе.

— Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—вырвалось у нея.

Да, разумѣется такъ! Неужели Валя могла думать, что человѣкъ, который такъ горячо любилъ ее, могъ не откликнуться въ такую тяжелую минуту? Поморскій еще разъ предлагаетъ ей все, чего можетъ желать женщина: любовь—заботу—богатство.

Кириловъ посмотрѣлъ на Валю. На ея губахъ дрожала напряженная усмѣшка.

— Да, мама, онъ предлагаетъ *еще разъ*—въ этомъ все дѣло! Одинъ разъ я уже отвѣтила, что не люблю его. Неужели вы хотите, чтобы теперь... Да развѣ мои чувства могли измѣниться только оттого, что измѣнилось все остальное! Чтобы онъ подумалъ... подумалъ...

Кириловъ выпустилъ изъ пальцевъ бороду и поправился въ креслѣ. Глаза его засвѣтились.

Александра Алексѣевна уловила это и повернулась къ нему, блѣдная отъ гнѣва.

— Можетъ быть, вы, какъ другъ отца, съ своей стороны скажете что нибудь? Это вопросъ цѣлой жизни!

Валя вздохнула. Другъ отца смотрѣлъ на нее съ неумовимой улыбкой въ глубинѣ сѣрыхъ глазъ.

— Валя,—простите, что такъ, по старой памяти!—вы, можетъ быть, захотите взвѣснить еще разъ всѣ преимущества такого брака? Нѣтъ надобности спѣшить. Мнѣ кажется, что вы въ состояніи дать себѣ совершенно ясный отчетъ,—не правда ли?

— О, да!..

— Цѣну матеріальной обезпеченности вы должны знать хорошо. Значеніе брака безъ любви—также, до нѣкоторой степени.

Александра Алексѣевна сдѣлала рѣзкое движеніе. Онъ вѣжливо склонился въ ея сторону.

— Позвольте... надо, чтобы зло нашей собственной жизни приносило по крайней мѣрѣ пользу вполнѣ достовѣрнаго опыта. Не бойтесь, Александра Алексѣевна,—я не даю совѣтовъ. Я только приглашаю поразмыслить безъ дѣтскаго легкомыслія надъ тѣмъ, что слишкомъ важно. Семья—не вопросъ матеріальной обезпечности или роскоши. Это вопросъ счастья или несчастья живыхъ душъ. Ихъ она должна охранять—или можетъ убить. Пусть Валя подумаетъ.

Если въ ней возможна истинная нѣжность къ этому человѣку... Сколько я знаю, это безобидное, жалкое существо... Любовь дѣлаетъ чудеса.

Александра Алексѣевна шумно вскочила съ мѣста и вышла стремительно изъ комнаты, бросая въ воздухъ безсвязныя, бѣшенныя восклицанія...

Валя бросилась къ Кирилову и, прежде чѣмъ онъ понялъ, схватила и поцѣловала его руку.

— Вмѣсто папы! Онъ сказалъ бы тоже самое.

Кириловъ взялъ ея голову въ обѣ руки и поцѣловалъ мокрые голубые глазки.

— Вы мнѣ поможете, Николай Николаевичъ, вѣдь правда?

— Помогу, Валя.

— Я возьму мѣсто гувернантки... для начала только... подготавливаться на курсы... Времени хватить—какъ вы думаете?

— Думаю, что хватить. Но я, можетъ быть, смогу найти вамъ другое мѣсто... Я навѣрное найду другое мѣсто, Валя.

Она смотрѣла на него, во всю ширину раскрывъ прозрачные глаза.

— А я никогда не выйду замужъ безъ любви,—даю вамъ мое слово.

— Да, Валя—этого не дѣлайте. Нельзя знать, что станетъ съ человѣкомъ. Вѣдь не у всякаго найдется мечта, которая поможетъ нести ярмо, когда воображаемое счастье лопнетъ какъ мыльный пузырь.

— Мечта!.. повторила благоговѣнно дѣвушка.

Кириловъ испытующе смотрѣлъ на нее, точно взвѣшивая,—нужно ли говорить. Взглядъ его отуманился; онъ долго, глубоко вздохнулъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, что и я узналъ это только теперь... Нѣтъ, дитя мое—давно. Давно слѣдилъ, пока росло—завладѣвало—очень медленно. Будьте покойны, Валя, я говорилъ не разъ съ врачами. Я поступалъ вполнѣ сознательно. Безъ этого, все равно, онъ не могъ бы... не могъ бы, еслибъ былъ здоровымъ человѣкомъ! Я тоже навѣрное не могъ бы, а мы всегда ощущали одинаково. Я думаю, что каждое глубокое несчастье, больше или меньше, но смѣщаетъ человѣка съ его нормальнаго мѣста... Та же способность приспособленія! А вотъ, настоящихъ то силъ и не нашлось: радость сломила...

Валя горько рыдала, упавъ лицомъ на руки...

Ольга Шапиръ.

1.

Вступленіе наше въ жизнь. О, какъ необычайны,
 Какъ сладостны для насъ явленія бытія!
 Мы всѣ покоимся на лонѣ кроткой тайны
 И упиваемся улыбкою ея,
 Не зная перемѣнъ, не вѣдая пространства.
 Намъ близки небеса, какъ матери черты,
 И мнится, что достать мы можемъ съ высоты
 Любую звѣздочку небеснаго убранства.
 Какъ сладостна намъ глубина твоя,
 О жизнь, о бездна бытія!

2.

Все изумляетъ насъ въ эфирѣ золотистомъ,
 И лиліи цвѣты въ большомъ саду тѣнистомъ
 Напоминаютъ намъ высокіе стволы,
 Однообразное жужжаніе пчелы—
 Напѣвъ малиновки межъ свѣжею листвою,
 А пташки пѣніе — архангеловъ хвалы.
 Деревья, въ небеса ушедшіе главою, —
 Подножье дивное для ангеловъ святыхъ,
 Тамъ возсѣдающихъ на тронахъ золотыхъ...

3.

Достигнувъ юности, которой страхъ невѣдомъ,
 Во всеоружьи силъ стремимся мы къ побѣдамъ,
 И возглашаютъ кличъ восторженный уста:
 — О, правда вѣчная! святая красота! —
 Звенить оружіе, и дышетъ грудь отвагой....
 Румяныя уста мы освѣжаемъ влагой
 Пурпурною вина, и кровь кипитъ ключемъ,
 А солнце съ высоты насъ жжетъ своимъ лучемъ
 И наслажденіе равняется страданью.
 Въ погонѣ безъ конца за вѣчной красотой
 Взбираемся мы вверхъ тропинкою крутой
 И въ бездну падаемъ, — пока, будя къ сознанью,
 Въ лицо безчувственнымъ архангелъ не дохнетъ
 И не развѣетъ онъ на насъ лежащій гнетъ.

4.

Своею чередой идутъ надъ нами годы,
 Какъ неизмѣнныя въ своемъ теченьи воды.
 О духъ позабывъ, мы съ каждымъ новымъ днемъ
 Находимъ новыя и новыя забавы:
 Съ оленемъ молодымъ несемся чрезъ дубравы,
 И съ рыбой плаваемъ, и мчимся мы съ конемъ,
 Бьемъ вмѣстѣ съ соколомъ, съ собаками порскаемъ,
 Бываемъ сгоряча мы ранены порой
 И, увлеченные любимую игрой,
 Мы клики торжества такъ громко испускаемъ,
 Что раздающійся вокругъ со всѣхъ сторонъ
 Намъ братьевъ страждущихъ не слышенъ тихій стонъ.
 На жизненномъ пиру цвѣтущихъ розъ красую
 Мы наглое чело вѣнчаемъ безъ стыда
 И умываемся ихъ чистою росой,
 Но чистыхъ слезъ росы не знаемъ никогда.
 Манящая къ себѣ загадочной красой,
 Прекрасна-ль глубина твоя,
 О жизнь, о бездна бытія?

5.

Съ теченьемъ времени себѣ мы ставимъ цѣли:
 Для дикихъ табуновъ готовится узда,
 Мы жаждемъ огибать опаснѣйшія мели,
 И подвиги свершать, и строить города.
 Мы жаждемъ пламенно скрестить мечи съ мечами —
 Пусть туча съ тучею сойдется грозовой!
 Когда паритъ орелъ побѣды огневой,
 Увѣнчанъ молніи сверкающей лучами, —
 Какое дѣло намъ, что сожжены хлѣба?
 Но вотъ окончена борьба.
 „Я—въ пурпурѣ, я на престолѣ,
 Меня вѣнчаетъ ореолъ,
 По трупамъ я къ величію прошелъ
 И все вокругъ—моей покорно волѣ.
 Служи мнѣ, человѣкъ, и будь со мною, Богъ!
 Я въ мірѣ—божество, и славень мой чертогъ.
 Когда вѣщаю я изъ тучъ мои велѣнья —
 Въ отвѣтъ изъ устъ рабовъ я слышу восхваленья,
 А дерзкіе въ цѣпяхъ лежатъ у этихъ ногъ!“

6.

Но мыслью мы растемъ: во тьмѣ къ вершинамъ духа
 Мы, восходя стезей ея,
 Почти касаемся границы бытія;
 Все недоступное для взора и для слуха —
 Мы чувствуемъ душой. Мы знаемъ, что аидъ
 Волнами вѣчными таинственно и глухо
 Тамъ, гдѣ-то въ вышинѣ и въ глубинѣ шумитъ,
 Покуда жизни мостъ несокрушимо прочный
 Не заколеблется. Чѣмъ ближе часъ урочный, —
 Тѣмъ чаще въ шумѣ волнъ, ихъ рокоть заглушивъ,
 Изъ міра вѣчнаго намъ слышится призывъ,
 И тайны бытія мы ищемъ въ немъ разгадки.
 Къ видѣніямъ святымъ взываемъ мы тогда,
 Мы тщетно молимъ ихъ приблизиться сюда
 И приподнять покровы складки,
 И пѣснямъ научить, безсмертнымъ пѣснямъ ихъ...
 Пускай отвѣта нѣтъ, но мы въ мечтахъ своихъ

Имъ улыбаемся: мечты для сердца сладки.
 Мы видимъ множество чудесъ
 И вносимъ свѣтъ любви въ житейскую темницу,
 И пѣсню въ высь мы шлемъ, какъ птицу.
 Гдѣ бьется крылышкомъ она въ окно небесъ,
 Въ закрытое окно, вымаливая свѣта.
 Межъ небомъ и землей витаетъ мысль поэта,
 И сладостна намъ глубина твоя,
 О жизнь, о бездна бытія!

7.

Тогда, предъ братьями смиряя силу нашу,
 Свою мы отдаемъ наполненную чашу
 И молимъ Господа:—„Мой трудъ благослови,
 Я смертный межъ людьми и жажду ихъ любви;
 На пользу страждущимъ—моимъ посильнымъ даромъ
 Да будетъ нынѣ жизнь моя!“
 И въ путь готовится ладья,
 Но движется она не вѣтромъ и не паромъ, —
 Лишь мысли творческой неугасимымъ жаромъ.
 До самой глубины спускается она,
 Гдѣ міра внѣшняго бываетъ откликъ глуше,
 Гдѣ суета его отъ насъ удалена,
 И эта глубина—людей живыя души.
 Мы указуемъ путь межъ множества дорогъ,
 Великіе слова: Свобода! Правда! Богъ! —
 Какъ звеня чуждыхъ имъ до той поры понятій —
 Соединяются въ умѣ у меньшихъ братій
 Въ сверкающую цѣпь, которая позднѣй
 Охватитъ цѣлый міръ и посреди затмения
 Блеснетъ миллионами сіяющихъ огней!
 И вотъ, какъ будто бы звуча изъ отдаленья
 Невѣдомыхъ міровъ,—иного поколѣнья
 Послышится отвѣтъ: Свобода! Правда! Богъ!
 И славы намъ тогда раскроется чертогъ,
 А имя избѣжитъ печальнаго забвенья.
 Какъ сладостна намъ глубина твоя,
 О жизнь, о тайна бытія!

8.

„Взываю къ Господу и людямъ! Жизни силы
 Уходятъ отъ меня, и смерть закралась въ жилы;
 Изъ тѣла брэннаго спѣшатъ исторгнуть духъ
 Страданія мои. Мирясь съ судьбой моею,
 Не плачу, не скорблю, но быстро яслабѣю.
 Я смѣль и духомъ бодръ, мой разумъ не потухъ,
 Въ сознаніи добра, съ незатемненнымъ взглядомъ,
 Съ Господнимъ ангеломъ итти я могъ-бы рядомъ
 Къ вершинамъ истины. Какъ въ прежніе года,
 Душа безсмертная бодря и молода,
 Но плоть изнемогла: съ высокой колесницы,
 Поводья выпустивъ и стоны заглуша, —
 Вдругъ падаетъ она. Ты мчишься легче птицы,
 О колесница,—о душа!
 И вотъ *безбрежнаго* достигла ты границы...
 Странна и сладостна намъ глубина твоя,
 О смерть, покой небытія!

Елизавета Барретъ-Броунингъ.

Имя Елизаветы Барретъ, въ замужествѣ Броунингъ, одно изъ очень громкихъ въ англійской поэзіи XIX вѣка. Она жила въ періодъ высокаго расцвѣта поэзіи, когда Шелли, Байронъ и Китсъ создали такъ называемое „возрожденіе лирической поэзіи.“ Вслѣдъ за ними выступилъ цѣлый рядъ новыхъ высокодаровитыхъ поэтовъ,—Тениссонъ, Робертъ Броунингъ, Россети, Свинборнъ и другіе. Прославиться въ кругу такихъ блестящихъ писателей казалось бы весьма трудно,—много талантливыхъ поэтовъ того времени забыты, ихъ затмило величіе гениальныхъ современниковъ. Но слава Елизаветы Броунингъ не пострадала отъ столь опаснаго со-сѣдства, благодаря обособленности ея дарованія. Она отме-жевала себѣ особую область въ поэзіи. Все, что она писала лучшаго, относится къ лирикѣ чувства,—она воспѣвала любовь. Казалось бы, что въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго и, такъ сказать, небывалаго. Во всѣ времена любовь вдохновляла поэтовъ,—ее прославляли на родинѣ Елизаветы Броунингъ и мятежный Байронъ, и меланхолическій, изысканный Китсъ, и чувствительный Тениссонъ. Но у Елизаветы Броунингъ есть своя, исключительно ей принадлежащая нота. Она воплотила въ поэзіи стихію женственности. Когда рѣчь идетъ о выдающихся женщинахъ-писательницахъ—ихъ много во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Англии—то нужно раз-сматривать ихъ не какъ женщинъ, а какъ писателей съ из-вѣстной индивидуальностью, менѣе всего обусловленной женской психологіей. Джоржъ Эліотъ, какъ и французенка Жоржъ Зандъ,—крупные романисты своего времени, и въ нихъ ничто не противорѣчитъ избраннымъ ими мужскимъ псевдонимамъ. Среди поэтессъ и Луиза Аккерманъ съ ея философской поэзіей, и полу-символистка Дебордъ-Вальморъ, и благочестивая англійская поэтесса Христина Россети такъ же, какъ и другія,—поэты съ большимъ или меньшимъ талан-томъ, и только пристрастная критика можетъ въ похвалу или въ порицаніе имъ говорить о нихъ, какъ о женщинахъ. Для того, чтобы найти примѣръ обособленныхъ женскихъ чертъ въ лирикѣ любви, нужно обратиться къ глубокой древности, къ великой греческой поэтессѣ - Сафо. Нельзя забывать, говоря о Сафо, что она женщина, такъ же, какъ нужно помнить, оцѣнивая Гейне, что онъ былъ евреемъ,—потому что это характерныя черты ихъ творчества. Въ такомъ смыслѣ и Елизавета Броунингъ—женщина въ поэзіи, психо-логическій типъ, выразившійся очень опредѣленно. Такъ какъ въ литературѣ рѣдко встрѣчается такое цѣльное и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливое воплощеніе женской души со всѣми ея особенностями, то вполне справедливо отношеніе, создавшееся въ англійской критикѣ къ Елизаветѣ Броунингъ. Есть много гораздо болѣе крупныхъ поэтовъ, болѣе оригинальныхъ по мыслямъ, съ болѣе выдающимся поэтическимъ талантомъ, но Елизавета Броунингъ не уступаетъ имъ въ литературномъ значеніи: она внесла въ поэзію то, чего никто

кромѣ нея дать не могъ. Едва-ли было-бы справедливо счи-тать ярко-выраженную женственность Елизаветы Броунингъ чѣмъ-то уничижающимъ ея талантъ, умаляющимъ широту и цѣльность ея творчества. Женственность одна изъ силъ че-ловѣческой души, такое-же отраженіе связи съ вѣчностью, какъ и противоположное властное начало, которое стремится покорять себѣ, а не покоряться. Именно такого рода жен-ственность, источникъ таинственной покорности и судьбѣ, и чувствамъ, наполняла душу Елизаветы Броунингъ, и ее она отразила въ своей поэзіи. Это не суетность и ограниченная чувствительность, которую почему-то считаютъ женскимъ свойствомъ, хотя оно скорѣе присуще всѣмъ ограниченнымъ натурамъ, а особаго рода пассивность, инстинктъ гармоніи, примиренности, успокоеніе, наступающее безъ борьбы, только въ силу прирожденной покорности. Женственность въ этомъ истинномъ своемъ значеніи можетъ выразиться и выражалась и въ мужскомъ творествѣ,—она часть душевной полноты. Но у женщины-поэта она сказывается тѣмъ полнѣе, что она выдѣлена изъ всего остального и властно царитъ въ душѣ.

Вся жизнь Елизаветы Броунингъ была типичнымъ жен-скимъ существованіемъ. Крупныхъ событій въ жизни ея не было, но въ ней было все, что только могло усилить ос-новную черту ея натуры и ея таланта. Была въ ней скорбь, болѣзнь и любовь.

Елизавета Барретъ была дочерью зажиточнаго лондон-скаго коммерсанта, и юность ея, протекала безъ всякихъ осо-быхъ событій. Судя по портретамъ ея и по воспоминаніямъ друзей, она отличалась той специально англійской нѣжной красотой, которая вдохновляла англійскихъ живописцевъ конца прошлаго вѣка, Рейнольдса и Гэнсборо. Нѣжная, стройная, съ узкими длинными руками, съ разсыпавшимися по плечамъ темными кудрями, съ большими темными гла-зами она, какъ большинство англійскихъ красавицъ, произ-водила впечатлѣніе не страстности, а скорѣе задумчивости и безмятежности. Таковъ характеръ англійскихъ женскихъ лицъ, что и брюнетки среди нихъ не демоничны, а ан-гелоподобны. На всѣхъ портретахъ Елизаветы Броунингъ кроткая улыбка освѣщаетъ нѣсколько грустное лицо. Въ юности Елизавета Барретъ изучала греческихъ поэтовъ, писала философскіе стихи; эсхиловскаго Прометея она пере-вела, когда ей еще не было двадцати лѣтъ. Она сама по томъ вспоминала въ письмѣ къ своему другу Горну о своихъ занятіяхъ поэзіей въ ранней юности. „Я писала стихи“, раз-сказываетъ она въ одномъ письмѣ, „очень рано,—въ восемь лѣтъ и даже раньше, и тогда уже дѣтская фантазія соче-талась у меня съ твердой рѣшимостью отдаться навсегда поэзіи, жить ею. Я бы могла очень разсмѣшить васъ, еслибы рассказала вамъ о поэмахъ, одахъ и дидактическихъ стихо-твореніяхъ, написанныхъ мною въ дѣтствѣ“.

Поэтическими упражненіями въ духѣ поэзіи Поппа

Елизавета Барретъ занималась только до двадцати лѣтъ. Тогда начался для нея рядъ испытаній, ставшихъ источникомъ всего, что есть цѣннаго и оригинальнаго въ ея поэзии. Первымъ ударомъ судьбы была болѣзнь, у нея стала развиваться чахотка, и доктора послали ее на югъ, на английскую Ривьеру, въ Торквэй. Но тамъ случилось второе, надолго омрачившее ея душу событіе, — любимый ею старшій братъ утонулъ, катаясь на лодкѣ, причемъ несчастіе случилось недалеко отъ берега, противъ дома, въ которомъ жила Елизавета. Она сейчасъ-же уѣхала изъ Торквэя, или вѣрнѣе ее привезли едва живую въ Лондонъ къ отцу. Послѣ того болѣе восьми лѣтъ она провела взаперти. Отъ чахотки она вылѣчилась, но прежняя болѣзнь смѣнилась новой — нервнаго характера. Дѣвушка должна была лежать въ полутемной комнатѣ, мракъ которой, какъ говоритъ одинъ критикъ, освѣщался только блескомъ ея большихъ темныхъ глазъ. Она полюбила досугъ, созданный болѣзью, и наполнила его усиленной умственной работой. По прежнему греческая поэзія составляла ея любимое занятіе. Она переводила древнихъ авторовъ, писала стихи о мертвомъ Панѣ, анакреотическія оды, сонеты, проникнутые античными настроеніями, поэмы, черпая вдохновеніе не изъ жизни, а изъ книгъ. Все, что она писала въ теченіи этихъ долгихъ, мрачныхъ лѣтъ, носитъ странный характеръ отрѣшенности отъ жизни: въ изображеніи чувствъ нѣтъ создаваемого жизнью многообразія и сложности. Она жила въ неживой атмосферѣ и въ поэзии могла только отражать чужія вдохновенія. Байронъ, Шелли и Кольриджъ стали ея образцами, а впоследствии она увлеклась и Тениссономъ, не подражая ему, а примыкая внутреннимъ чутьемъ къ его настроеніямъ. При этомъ у нея естественно развилась склонность къ учености въ поэзии, къ придумыванію или воспроизведенію трудныхъ и сложныхъ метровъ. Первые сборники стиховъ Елизаветы Барретъ не представляютъ ничего оригинальнаго, — только изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя истинно-поэтическія вещи, въ которыхъ чувствуется индивидуальное настроеніе, нѣжность и преданность, составляющія основу женственнаго таланта Елизаветы Броунингъ. Таковъ на примѣръ сонетъ подъ заглавіемъ „Непоправимое“, полный нѣжной примиренности и тяготѣнія къ грустнымъ переживаніямъ: „Я провела весь день въ лугахъ и тамъ собрала эти цвѣты. Душа была полна пѣсенъ, какъ у птичекъ или пчелъ, вылетающихъ на поле въ майское утро. Но теперь цвѣты завяли въ моихъ рукахъ, и чѣмъ крѣпче я сжимала ихъ въ теплыхъ рукахъ, тѣмъ скорѣе они должны были завянуть. Въ душѣ рыданія, а не пѣсни. Что скажете вы, милые совѣтчики и добрые друзья? Пойти мнѣ снова въ поле и собрать еще цвѣтовъ? Пусть это дѣлаетъ, кто хочетъ, послѣ меня. Мое сердце устало, нѣтъ у меня силы. Руки мои полны цвѣтовъ, собранныхъ раньше, и я буду держать ихъ мертвыми, пока сама не умру“.

Любовь вырвала Елизавету Барретъ изъ круга внѣ-жизненной поэзии, изъ міра книгъ, въ которомъ она провела свою молодость. Она воскресла для живаго и сильнаго творчества. Она полюбила простой, лишенной всякихъ осложненийъ любовью, безъ драмъ, безъ сложной психологіи; полнота чувства не нарушалась ни борьбой, ни страданіями; но именно такая простая любовь, которая, быть-можетъ, притупила-бы менѣе поэтическую душу и создала-бы атмосферу буржуазнаго благополучія, нужна была возвышенно-женственной душѣ поэтессы для проявленія стихійныхъ силъ ея таланта. Драматическій элементъ отсутствуетъ въ этой любви, но въ ней смогла тѣмъ не менѣе проявиться изысканная нѣжность женской души, сочетаніе страсти и самоотреченія.

Любовь въ такихъ натурахъ, какъ Елизавета Броунингъ, единственный источникъ активной жизни, и потому она въ своей инстинктивной боязни всего живого, боялась надвигающагося чувства, какъ катастрофы.

Съ Робертомъ Броунингомъ Елизавета Барретъ долго вела переписку, прежде чѣмъ онъ пришелъ къ ней, уже глубоко заинтересованный больной молодой поэтессой. Она ему писала по поводу нѣкоторыхъ его поэмъ, но избѣгала видать его у себя. Послѣ года переписки наступилъ день, когда Ричардъ Броунингъ въ маѣ 1846 г. позвонилъ у дома подъ № 50 на улицѣ Walpole-Street въ Лондонѣ, — тамъ жила Елизавета Барретъ въ полномъ уединеніи, съ отцомъ, сухимъ коммерсантомъ, котораго совершенно не интересовалъ душевный міръ его дочери. Въ семьѣ всѣ примирились съ мыслью, что Елизавета проведетъ всю жизнь на положеніи больной, и никакихъ перемѣнъ въ ея судьбѣ не ожидали. Поэтесса приняла Броунинга у себя въ домѣ только потому, что нуждалась въ литературномъ руководителѣ и не могла представить себѣ болѣе подходящаго, чѣмъ гениальный поэтъ, которому она такъ поклонялась. Вскорѣ однако она убѣдилась, что ихъ связываетъ не дружба, а любовь, и тогда напрягла всѣ силы своей души, чтобы бороться противъ пугавшаго ее счастья. Главнымъ орудіемъ въ этой борьбѣ было сознаніе болѣзни. Когда Броунингъ сталъ говорить ей о любви, — она отвѣчала ему, что осуждена быть больной всю жизнь и что любовь не ея удѣлъ. Она прибавляла при этомъ, что благословляетъ судьбу за болѣзнь, которая дѣлаетъ возможными свободныя, дружескія отношенія между ними, исключая всякія бурныя чувства. Дружба казалась ей оплотомъ. Въ первыхъ письмахъ къ Броунингу она умоляетъ его не отказывать ей въ дружбѣ, потому что это отнынѣ единственный источникъ жизни для нея. Она говоритъ, что ее связываетъ съ нимъ только преклоненіе предъ его гениемъ, а не что-либо другое. Ихъ отношенія принимаютъ литературный характеръ. Она предпринимаетъ подъ руководствомъ своего друга переводъ Эсхила, они собираются развѣ въ недѣлю и работаютъ вмѣстѣ.

Только послѣ года знакомства характеръ ихъ отношеній измѣнился; Елизавета Барретъ стала писать своему другу частыя письма, каждый день, иногда по нѣсколько разъ въ день. Теперь эти письма изданы по желанію Роберта Броунингъ, который завѣщаль своему сыну изданіе переписки. Онъ понималъ, что въ этихъ письмахъ поэтической талантъ его жены сказывается съ такой-же стихійной силой, какъ въ ея литературныхъ сочиненіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, женственная любовь Елизаветы, для которой обожаніе любимаго человѣка становится центральнымъ чувствомъ, доходимымъ до полнаго забвенія личныхъ желаній, выражено въ письмахъ съ глубокой поэтической силой. „Не въ васъ я сомнѣваюсь, а въ самой себѣ“, пишетъ она. „Къ вамъ относятся всѣ мои опасенія, всѣ мои тревоги. Жизнь моя отравлена мыслью, что встрѣча со мной потревожила ваше существованіе. Эта единственная забота о васъ, — не доказываетъ-ли она силу моей страсти?“ Преклоненіе предъ Броунингомъ все болѣе и болѣе усиливается въ дальнѣйшихъ письмахъ. „Я могу сказать, какъ м-мъ де-Сталь“, пишетъ она: „никогда меня такъ не любили, какъ я люблю. Изъ глубины пропасти звѣзды кажутся еще болѣе яркими. Вы изъ тѣхъ, которые заставляютъ поклоняться себѣ. Въ сердцѣ моемъ сила любви безпредѣльна“. Писаніе любовныхъ писемъ становится для Елизаветы Барретъ занятіемъ, которому она отдается съ чисто английской страстью, вкладывая всю нервность экзальтированной души въ свою покорную, но страстную любовь.

„Простите мнѣ“, пишетъ она въ одномъ письмѣ, „мое не-терпѣніе. Я только спутываю нити, стараясь ихъ разобрать“. Все болѣе страстными становятся слова любви. „Я страдаю, когда вы мнѣ дѣлаете комплименты. Не льстите мнѣ; меня ужасаетъ, что я готовлю вамъ разочарованія,—любите меня. Есть-ли въ мірѣ что-нибудь равное счастьемъ быть любимой вами? Развѣ я когда-либо говорила вамъ, что моя любовь имѣетъ какую-нибудь цѣну? Если я это говорила, то это было безуміемъ. Не можетъ быть на свѣтѣ женщины, будь ея сердце даже изъ стали, которая устояла бы противъ васъ. Пока сердце мое бьется, я ваша. Я вамъ пишу это сегодня въ третій разъ“. Таковъ тонъ этихъ писемъ. Ихъ страстность еще болѣе поражаетъ, если принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ они писались. Елизавета Барретъ была не молода — она вышла замужъ 36 лѣтъ,—и всю жизнь до того она провела среди книгъ, въ одиночествѣ, чуждая живыхъ чувствъ. Она, очевидно, по натурѣ принадлежала къ разряду *grandes amantes*, какъ Элоиза, какъ экзальтированная св. Тереза или въ болѣе близкомъ отъ насъ времени француженка Леспинасъ. Но у тѣхъ страсть питалась обстоятельствами, препятствіями, страданіями, а Елизавета Барретъ писала любимому человѣку, за котораго и вышла замужъ, въ любви котораго была увѣрена. Тѣ скорбныя ноты, тотъ крикъ безнадежности, который слышится въ ея письмахъ, обусловлены не обстоятельствами, а только силой чувства, сознаниемъ невозможности воплотиться во всей своей силѣ; она ищетъ словъ, чтобы скрыть мучительное сознаніе безсилія. Въ двухъ томахъ писемъ звучатъ и другія струны, кромѣ напряженной, трагичной по своей глубинѣ любви. Есть въ нѣкоторыхъ письмахъ и лиризмъ, и разныя человѣческія слабости, въ нихъ есть наивность, иногда женское лукавство, иногда женская партійность, какъ напр. въ упрямыхъ нападкахъ на Ворсворта. Елизавета Броунингъ очень искренна, она не рисуется, не изображаетъ изъ себя героиню, а кажется очень человѣчной со всѣми своими порывами и слабостями. Она женщина въ полномъ и прекрасномъ значеніи этого слова, носительница женскаго элемента человѣческой души, и ея поэтическое дарованіе дало ей возможность полно и ярко воплотить всю красоту своего типа.

Съ выходомъ замужъ жизнь Елизаветы Броунингъ измѣнилась. Она перестала жить уединенно, много путешествовала со своимъ мужемъ и жила большею частію съ нимъ и своимъ единственнымъ сыномъ въ Италіи, во Флоренціи, въ той *Casa Guidi*, на которой теперь красуется мраморная доска въ память долготѣняго пребыванія въ ней четы поэтовъ. Они жили тамъ въ бурное время гражданскихъ смутъ, предшествовавшихъ объединенію Италіи, и за этой борьбой Елизавета Броунингъ слѣдила съ глубокимъ интересомъ. Ея большая поэма „*Casa Guidi's Windows*“ выражаетъ ея симпатію къ народу, борющемуся за независимость. Всякаго рода общественныя событія и въ особенности страданія жертвъ общественнаго неурядиства вызывали въ ней сочувствіе и любовное пониманіе. Она написала еще до замужества свой знаменитый „Плачь дѣтей“ по поводу начавшейся агитаціи противъ работы дѣтей на фабрикахъ. Поэтическихъ достоинствъ эта поэма совсѣмъ не представляетъ; она написана тяжело, прозаично и съ очень банальными восклицаніями по адресу бѣдныхъ дѣтей,—образами, въ которыхъ нѣтъ ничего художественнаго. Елизавета Броунингъ не была подготовлена къ той кипучей общественной жизни, которую стала вести послѣ замужества. *Casa Guidi* стала центромъ для пріѣзжающихъ въ Италію

англичанъ, художниковъ, писателей и общественныхъ дѣятелей. У нея и у ея мужа были друзья среди представителей прогрессивныхъ политическихъ партій. Борьба за свободу, все прогрессивное, идущее впередъ, вызывало сочувствіе въ нихъ обоихъ и отражалось въ поэзіи какъ мужа, такъ и жены. Но Елизавета Броунингъ не умѣла справляться съ вопросами общественными. Все, что имъ посвящено въ ея поэзіи, безцвѣтно — она рождена была для любви и для сложныхъ оттѣнковъ чувствъ, связанныхъ съ любовью. Счастливая супружеская жизнь еще болѣе укрѣпила въ ней эту основу ея души. Счастье любви длилось для нея шестнадцать лѣтъ: она умерла въ 1861 году. Ей было тогда 52 года, и въ сущности только годы замужества и были для нея тѣми, въ которые она жила полной жизнью. До 20 лѣтъ длился подготовительный періодъ, потомъ наступили мрачныя годы болѣзни. Выйдя замужъ, она окрѣпла, хотя нервная болѣзнь не совсѣмъ прошла. Она продолжала быть болѣзненной—переселеніе Броунинговъ во Флоренцію было вызвано именно слабостью ея здоровья; но это не мѣшало ей жить очень полной жизнью, интересоваться всѣмъ окружающимъ и чувствовать себя счастливой. Вся полнота таланта Елизаветы Броунингъ сказалась въ двухъ произведеніяхъ, отразившихъ расцвѣтъ ея женственности. То, что есть прекраснаго въ ея письмахъ, воплотилось въ „Сонетахъ съ португальскаго“ и въ стихотворномъ романѣ „Аврора-Ли“. Это ея самобытный вкладъ въ англійскую поэзію.

Сонеты—лучшее, что написала Елизавета Броунингъ, и это тоже характерно для внутренняго содержанія ея поэзіи. Въ большихъ поэмахъ она или предается разсужденіямъ, или слишкомъ занята литературными задачами, разработкой сложныхъ стихотворныхъ размѣровъ. И то, и другое ей не удается. Разсужденія ея сводятся къ общимъ мѣстамъ, для стихотворной виртуозности ей недостааетъ природнаго богатства поэтическихъ формъ. Въ сонетахъ-же сказывается ея чисто эмоціональная натура, и такъ полно чувство, наполняющее ея душу, что получается совершенная гармонія между глубиной содержанія и красотой формы. Сонеты Елизаветы Броунингъ принадлежатъ къ лучшимъ въ англійской поэзіи. Оригинальность ихъ заключается въ томъ, что всѣ они построены на одной основной мелодіи. Вѣрность, экстазъ самоотреченія, обоготвореніе любви и безпредѣльная нѣжность—вотъ струны, которыя звучатъ въ пламенныхъ при всей своей сдержанности пѣсняхъ любви Елизаветы Броунингъ. Любовь ей кажется безконечной, и отъ смерти любимаго существа не можетъ изсякнуть родникъ чувства: „я проливала слезы надъ неподвижнымъ трупомъ и, рыдая, прощалась съ нимъ. Но боль сердца была менѣе страшною чѣмъ слова: я любила. Кто говорить: я любилъ? Навѣрное не ангелы и не Ты, Христось, преисполненный любовью. „Я любилъ“—величайшее святотатство и паденіе. Никогда не говорите о любви прошедшей, не говорите, что любили“.

Въ „португальскихъ сонетахъ“ Елизавета Броунингъ окутываетъ свое пламенное чувство прозрачной дымкой вымысла, чтобы тѣмъ свободнѣе воплотить всю сосредоточенность пламенной страсти. Англійское пуританство не позволяло ей отъ своего имени выражать то, что могло быть высказано подъ видомъ перевода съ португальскаго. Всѣ 44 сонета—одинъ сплошной крикъ любви, облагороженный тѣмъ, что въ нее введенъ трагическій элементъ. Большая часть сонетовъ обращены къ умершему возлюбленному. Изъ двухъ роковыхъ силъ, любви и смерти, торжество на сторонѣ любви. Смерть бессильна. Любовь къ умершему такъ же сильна и жива, какъ до его смерти. Въ сонетахъ нѣтъ ни

жалобъ, ни печали, а только хвалы нетлѣнной любви, торжествующей побѣду надъ смертью. Въ двухъ сонетахъ (VI и VII) любовь, побѣждающая смерть, воспѣта ярко и страстно:

„Ты ушелъ отъ меня, но я чувствую, что отнынѣ буду всегда оставаться въ твоей тѣни. Никогда болѣе я не буду одна стоять у порога жизни, никогда не смогу безмятежно радоваться солнечному свѣту, не чувствуя былого прикосновенія твоей руки къ моей. Какъ ни велико пространство, которое судьба поставила между нами, мы не разлучены, потому что твое сердце бьется въ двойномъ пульсѣ моего. Все, что я дѣлаю и о чемъ мечтаю, включаетъ тебя, какъ въ винѣ заключенъ вкусъ винограда, изъ котораго оно выжато. И когда я взываю къ Богу о себѣ, Онъ слышитъ твое имя и видитъ въ моихъ глазахъ двойныя слезы“.

Мертвый продолжаетъ жить въ любви покинутой имъ на землѣ любящей его женщины; она слилась съ нимъ, отказавшись отъ себя, и потому продолжаетъ отражать его и послѣ его смерти. Онъ живетъ въ ней, какъ вѣчно живетъ Божество, отраженное въ помыслахъ людей. Для того, чтобы являть собою Бога, люди должны думать о Немъ, а не о себѣ, т.-е. быть женственными въ своемъ чувствѣ, какъ женственна Елизавета Броунингъ въ своей любви. И тѣмъ, что она поднялась на эту высоту, сдѣлала свою женскую любовь, любовь отраженій и покорности, символомъ поклоненія Божеству, сонеты ея приобрѣтаютъ трагическую красоту. Образцомъ слиянія любящей души съ основой ея жизни, т.-е. съ любимымъ существомъ, вѣчно живымъ въ ней и послѣ смерти, является сонетъ VII: „Мнѣ кажется, что весь мѣръ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ впервые я почувствовала тихое, удаленіе твоей души, переходящей за страшный предѣлъ смерти. Но я въ своемъ кажущемся паденіи была подхвачена любовью и научилась познавать жизнь въ новомъ свѣтѣ. Я рада испить чашу страданій, которую Господь даетъ мнѣ для новаго крещенія. Я восхваляю ея сладость, зная, что ты около меня. Все измѣнилось, названіе мѣстъ и небо... Мнѣ нужно знать лишь о томъ, гдѣ ты и гдѣ будешь—здѣсь или тамъ. Мои пѣсни и моя лира, любимыя вчера, мнѣ дороги лишь потому, что твое имя во всемъ, что онѣ говорятъ“.

Во всѣхъ сонетахъ чередуется восхваленіе умершаго возлюбленнаго съ умаленіемъ того, что она можетъ дать и что она давала въ отвѣтъ на его божественные дары. Онъ ей кажется щедрымъ и царственнымъ, расточителемъ, принесшимъ ей золото и пурпуръ своей нетронутой души. Себя оно называетъ холодной и неблагоприятной, или вѣрнѣе нищей, которая принесла ему только слезы. Въ порывѣ женственнаго экстаза она хотѣла - бы быть расprostертой на землѣ, чтобы онъ топталъ ее ногами. Она все время говорить о томъ, что недостойна его, что вся она его создание; она проситъ любить ее только во имя любви, а не во имя какихъ-нибудь достоинствъ, — которыхъ въ ней не можетъ быть. Есть сонеты, звучащіе гимнами къ возлюбленному, воспѣвающіе его царственную власть. Она называетъ его поэтомъ, который можетъ воплотить всѣ звуки, существующіе въ мѣрѣ между началомъ и концомъ жизни. Она говоритъ и о нѣжныхъ подробностяхъ любви, о локонѣ, который ему дала, о первомъ поцѣлуѣ—и говоритъ, какъ женщина, гордая любовью того, кто въ душѣ ея сливается съ Богомъ. Она чувствуетъ себя живой только въ слияніи съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ сонетахъ воспѣвается любовь, не омраченная смертью. Предпоследній сонетъ заканчивается исповѣдью, въ которой сила любви отождествляется съ тѣмъ, что для души наиболѣе священно,—исканіемъ конечной цѣли бытія, съ любовью чело-

вѣчества къ истинѣ, съ чистой любовью, не требующей награды, съ дѣтской вѣрой и съ той силой страданія, которая вложена въ челоуѣка. „Я люблю тебя всѣмъ дыханіемъ, всѣми улыбками и слезами своего существа, и если Господь позволитъ, буду любить тебя еще больше послѣ смерти“.

Непосредственнымъ продолженіемъ этихъ сонетовъ любви являются стансы, озаглавленные „Катерина къ Камюэнсу“. Въ нихъ тоже страсть одухотворена близостью смерти. Возлюбленная Камюэнса, умирающая вдали отъ него, воспоминаетъ его любовь къ себѣ и его знаменитыя строфы, посвященныя красотѣ ея глазъ. Поэма соткана изъ нѣжности и граціи, и, какъ всегда, когда Елизавета Броунингъ говоритъ о любви, стихъ ея мелодиченъ и прекрасенъ. Умирающая Катерина напоминаетъ поэту о его стихотвореніи (каждая строфа заканчивается словами стихотворенія Камюэнса „Sweeter eyes were never seen“). Катерина сама радуется красотѣ своихъ глазъ, потому что они были для него прекрасны, и скорбитъ о томъ, что скоро ихъ покроетъ могильный мракъ. Скорбь ея изысканно нѣжная. Не ея собственная смерть печалитъ ее, а смерть красоты, воспѣтой любимымъ поэтомъ.

Вотъ то, что создала Елизавета Броунингъ прекраснаго и сохраняющаго значеніе навсегда. Все это относится къ лирикѣ любви и воссоздаетъ въ нѣжныхъ и пламенныхъ стихахъ покорность души божественной силѣ любви. Стихотворный романъ „Аврора-Ли“ написанъ на ту-же тему женской любви въ различныхъ ея проявленіяхъ и въ связи съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ социальныхъ и художественныхъ. Рескинъ настолько восторгался этимъ романомъ, что считалъ его „величайшей поэмой XIX-го вѣка“. Это мнѣніе конечно преувеличено. Романъ очень не ровенъ, въ немъ много длиннотъ; разсужденія о борьбѣ классовъ, разговоры о цѣляхъ искусства большею частію весьма наивны. Кромѣ того стихотворная форма иногда совершенно не поэтична. Но основное содержаніе романа, изображеніе различныхъ видовъ женской любви, отличается тѣмъ проникновеннымъ пониманіемъ женственности, которое характерно для всего творчества Елизаветы Броунингъ. Герой романа Ромней-Ли, молодой народолобецъ или вѣрнѣе филантропъ, англійскій лордъ съ благородной душой. Онъ посвящаетъ свою жизнь тому, чтобы загладить вину аристократіи передъ рабочимъ угнетеннымъ классомъ, жертвуетъ своимъ состояніемъ и готовъ пожертвовать своими личными чувствами для исполненія того, что онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ народомъ. Онъ не только пишетъ книги, произноситъ рѣчи, но и стремится самъ слиться съ народомъ,—онъ предлагаетъ руку и сердце бѣдной работницѣ, не потому что любить ее, а во имя своей искупительной миссіи. Къ счастью для него сама дѣвушка въ послѣднюю минуту отказывается стать его женой, хотя и не вполне понимаетъ мотивы его поступковъ. На нее подѣйствовали слова свѣтской дамы, влюбленной въ Ромнея-Ли: она объяснила бѣдной дѣвушкѣ, что молодой энтузіастъ только изъ великодушія хочетъ на ней жениться, на самомъ-же дѣлѣ любить женщину своего класса. Дѣвушка отказывается отъ жертвы, и Ромней свободенъ для дальнѣйшихъ экспериментовъ. Они ведутъ къ неудачамъ,—его намѣренія ложно истолковываются, и въ концѣ концовъ рабочіе въ его помыслахъ сжигаютъ его замокъ. Всѣ эти неудачи и катастрофы пагубно отражаются на его здоровьѣ; онъ переноситъ тяжкую болѣзнь, но зато наступаетъ для него нравственное просвѣтленіе. Онъ понимаетъ, что нельзя оказывать благодѣянія только по убѣжденію и безъ любви. Онъ все время

шелъ противъ себя, насилуя свои чувства. Безнадежно любя одну женщину, онъ изъ филантропіи хотѣлъ жениться на другой—и всѣ эти начинанія бесплодны. Тогда наконецъ онъ понимаетъ, что помогать другимъ можно лишь тогда, когда достигнута гармонія въ самомъ себѣ; онъ понимаетъ, что всякую реформу нужно начать съ самого себя. Печальная исторія его общественной дѣятельности является путемъ къ самоусовершенствованію, и онъ достигаетъ просвѣтлѣнія, соединясь послѣ долгихъ страданій съ Авророй-Ли, кузиной, которую онъ любилъ съ дѣтства. Эта центральная фигура романа,—герой, котораго любятъ разной любовью всѣ выведенныя въ романѣ женщины,—неудачна. Онъ является суммъ теоретикомъ, ходячей добродѣтелью безъ всякихъ живыхъ чувствъ. Елизавета Броунингъ не обладала настолько объективнымъ дарованіемъ, чтобы возсоздать чуждую ей психологію филантропа, для котораго идеи выше требованій чувства. Она только хотѣла показать несостоятельность теоретическаго отношенія къ долгу и показала это на конечномъ результатѣ стремленій Ромнея; но самый типъ теоретика ей не удался. За то въ изображеніи женскихъ чувствъ она въ этомъ романѣ стоитъ почти на такой-же высотѣ, какъ въ сонетахъ. Всѣ струны женскаго сердца задѣты въ разныхъ женскихъ типахъ романа. Въ героинѣ, Аврорѣ-Ли, много автобиографическихъ чертъ. Елизавета Броунингъ рисуетъ себя въ лицѣ поэтессы, которая хочетъ спастись отъ любви, какъ отъ катастрофы. Аврора - Ли любитъ своего кузена Ромнея съ перваго момента, когда онъ признается ей въ любви, ей, совсѣмъ молоденькой дѣвушкѣ, сиротѣ, живущей въ домѣ своей тетки. Но Аврора-Ли отказываетъ своему кузену. Ей кажется, что онъ изъ великодушія хочетъ жениться на ней, и она изъ гордости отвергаетъ его. Ей кажется, что Ромней недостаточно цѣнить самостоятельность въ женщинѣ, видитъ въ ней только подругу мужчины, пассивное существо, рожденное для домашняго обихода. Она же стремится прежде всего къ самостоятельности и не хочетъ любви, она даже глумится надъ человѣкомъ, котораго въ глубинѣ души любить,—все это для того, чтобы доказать силу и самобытность женщины. Печальная повѣсть жизни Авроры-Ли является доказательствомъ того, что путь, по которому она пошла—невѣрный, что только чувство и подчиненіе ему можетъ дать счастье, что полнота жизни наступаетъ лишь при полной гармоніи между требованіями чувства и дѣятельности ума. Аврора, отказавши Ромнею, начинаетъ вести самостоятельную жизнь, становится писательницей, имѣетъ успѣхъ, окружена лестью общества, но сама глубоко несчастна. Она постоянно думаетъ о кузенѣ, котораго не видитъ цѣлыми годами, слѣдитъ издали за его дѣятельностью, убѣждая себя, что дѣлаетъ это изъ дружбы.

Она не осуждаетъ его—какъ это дѣлаетъ все свѣтское общество—за намѣреніе жениться на Маріаннѣ Эрль. Напротивъ того, она отправляется къ молодой дѣвушкѣ и съ большимъ участіемъ относится къ ея судьбѣ. Когда предполагаемый бракъ съ Маріанной разстраивается, она страдаетъ за своего кузена. Ей больно, что все совершилось такъ грубо: день свадьбы былъ назначенъ, въ церкви собралось знатное общество, начались обычные свѣтскіе пересуды, но невѣста медлила своимъ появленіемъ. Наконецъ, какой-то маленькій оборвышъ принесъ Ромнею письмо, въ которомъ Маріанна

объясняла своему жениху, что не можетъ принять его жертвы и что отнынѣ онъ ее никогда не увидитъ. Аврора послѣ этого опять долго не видитъ Ромнея, но слѣдитъ издали за его жизнью и скорбитъ, когда узнаетъ о его неудачахъ. Наконецъ до нея доходитъ слухъ, что онъ женится на молодой красавицѣ-вдовѣ, лэди Вольдемаръ. Аврора знаетъ ее. Она являлась къ ней, говорила ей о своей любви къ Ромнею и просила помочь разстроить бракъ съ Маріанной. Аврора, которой она тогда не понравилась, вѣритъ однако, что Ромней ее полюбилъ. Она убѣждаетъ себя, что радуется его счастью, но видѣть ее вблизи она не въ состояніи. Написавъ обоимъ поздравительныя письма,—она это дѣлаетъ изъ чувства гордости,—Аврора уѣзжаетъ изъ Англии. Въ Парижѣ она случайно сталкивается съ Маріанной и узнаетъ отъ нея, какую предательскую роль сыграла лэди Вольдемаръ. Она отослала Маріанну за границу съ какой-то служанкой, которая завезла несчастную дѣвушку въ притонъ разврата. Въ Парижѣ Маріанна очутилась одна съ ребенкомъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Аврора принимаетъ ее и ея ребенка къ себѣ, поселяется съ ними во Флоренціи, надѣясь, что въ ея уединеніе не проникнутъ никакіе слухи о семейной жизни ея кузена. Она живетъ тихо во Флоренціи и по письмамъ изъ Англии имѣетъ невѣрное представленіе о жизни Ромнея. Но онъ самъ является къ ней въ Италію. Оказывается, что на лэди Вольдемаръ онъ не женился, и теперь наконецъ, послѣ долгихъ испытаній, и она сознается въ своей любви къ нему, и для обоихъ наступаетъ гармонія счастья. Вдвоемъ они будутъ дѣйствовать на пользу человечества, понявъ, что источникъ всякаго живого дѣла—любовь, и признавъ, что законъ Христа выше социальныхъ теорій Фурье и Конта. Онъ понялъ, что нужно меньше теорій и меньше программъ, а больше любви—и эту мудрость преподала ему Аврора. Въ лицѣ Маріанны и лэди Вольдемаръ представлены другіе виды женской любви. Маріанна рождена быть жертвой и глубоко женственна въ своей покорности судьбѣ, въ своемъ преклоненіи передъ Ромнеемъ, котораго она слишкомъ обожаетъ, чтобы любить его. Лэди Вольдемаръ тоже любитъ, но это типъ женщины-змѣи, обаятельной и коварной, эгоистичной и суетной. Эту психологію Елизавета Броунингъ очертила очень искусно, съ пониманіемъ всѣхъ струнъ женской души.

Такимъ образомъ этотъ романъ со всѣми своими теоретическими элементами, большими и довольно сухими отступленіями, въ которыхъ высказываются наивныя истины о несправедливости къ рабочему классу, или-же объ искусствѣ, о народной психологіи, о различіи національнаго характера англичанъ и французовъ, объ Италіи и т. д., сводится въ сущности къ основной мелодіи всего творчества Елизаветы Броунингъ. Это исторія заблудшихъ душъ, возвращающихся къ основному закону своего существа, къ торжеству чувства надъ всѣми искушеніями разума. Этотъ мотивъ разработанъ поэтессой со всей нѣжностью и страстностью ея дарованія.

Такимъ образомъ и въ единственномъ эпическомъ произведеніи Елизаветы Броунингъ подтверждается то, что мы говорили о ея лирической поэзіи. Она поэтесса любви; въ любви она видитъ основу гармоніи жизни и во имя любви требуетъ покорности и самоотреченія.

Энн. Венгерова.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нашихъ выдающихся публицистовъ-соціологовъ выразилъ мысль, что женскаго вопроса нѣтъ и быть не должно отдѣльно отъ вопроса „народнаго“ или „рабочаго“.

Въ этой мысли мы видимъ два утвержденія: первое, что женскаго вопроса нѣтъ, и второе, что его не должно быть отдѣльно... etc.

И то, и другое утвержденіе не можетъ считаться вѣрнымъ.

Что женскій вопросъ есть, это—простой *фактъ*. Женское движеніе существуетъ и растетъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Мало этого, какъ я указывалъ въ своихъ статьяхъ о Китаѣ („Новости“ за май 1900 г.), онъ возникъ даже и въ этой странѣ застоя съ той поры, какъ тамъ появились христіанскіе миссіонеры. Они принесли съ собою въ Китай взглядъ на женщину, какъ на человѣка. Между тѣмъ до ихъ прихода никому не приходило въ голову считать эту половину человѣческаго рода чѣмъ-нибудь больше простой вещи, которую можно даже проиграть.

Правда, въ Китаѣ въ силу вышеизложеннаго обстоятельства женскій вопросъ слился съ вопросомъ христіанскимъ, и многіе знатоки Китая видятъ въ этомъ обстоятельстве главный источникъ ненависти китайцевъ къ европейскимъ миссіонерамъ. Даже основныя причины теперешней войны, начавшейся избіеніемъ китайцами миссіонеровъ и туземцевъ христіанъ, многіе объясняютъ не политическими соображеніями (которыя совершенно чужды китайскому народу), а чисто *бытовой* ненавистью къ тѣмъ новшествамъ, которыя невольно влечетъ за собою обращеніе въ христіанство, особенно во взглядъ на женщину и ея положеніе въ семьѣ.

Я заговорилъ о Китаѣ потому, что здѣсь мы имѣемъ наиболѣе наглядное представленіе о сущности женскаго вопроса, въ его наиболѣе чистомъ видѣ, не искаженномъ позднѣйшими примѣсами, а еще болѣе клеветами и ложью его противниковъ. Основной элементъ женскаго вопроса есть стремленіе женщины сдѣлаться „человѣкомъ“ изъ существа, которое по природѣ есть человѣкъ, но по историческимъ условіямъ было превращено во что-то среднее между домашней вещью и животнымъ, служащимъ для забавы, наслажденія, а еще чаще для рабскаго труда на своего властелина.

Обыкновенно для обозначенія первобытнаго положенія женщины, сохранившагося и донинѣ въ нѣкоторыхъ классахъ европейскаго общества, употребляли слово „рабыня“. Но это—черезъ чуръ мягкое выраженіе для ея дѣйствитель-

наго состоянія: рабъ у античныхъ народовъ могъ оставаться *человѣкомъ*, потому что отъ него во многихъ случаяхъ требовали только труда и лишь въ исключительныхъ—дѣлали его забавой, игрушкой, предметомъ наслажденія.

Женщинѣ-же прямо и преимущественно ставилось это послѣднее требованіе. Она не только должна была работать, — что было-бы еще не большой бѣдой, такъ какъ работа—дѣло вполне нравственное, а потому и человѣческое. Нѣтъ, она должна была еще удовлетворять и такимъ требованіямъ мужчины, которыя, — если они противны желаніямъ самой женщины,—развращаютъ ее, лишаютъ человѣческаго достоинства, отнимаютъ у нея самое основное отличіе человѣка отъ животнаго, — мораль и даже право быть моральной. Въ самомъ дѣлѣ, какое право быть нравственной признаетъ за женщиной мужъ-китаецъ, когда проигрываетъ ее первому забулдыгѣ и такимъ образомъ передаетъ въ его полное обладаніе?

Отсюда очевидно, что *женскій вопросъ въ его первоначальномъ, психологическомъ источникѣ есть вопросъ о правѣ быть нравственной и въ этомъ-то смыслѣ—быть человѣкомъ, т. е. нравственнымъ существомъ*.

Клеветники счумѣли исказить этотъ вопросъ до такой степени, что вывернули его совершенно на изнанку, такъ что вышло, будто-бы женскій вопросъ есть вопросъ о правѣ женщины быть безнравственной!

Что можетъ быть нелѣпѣе такой клеветы? Да развѣ женщина въ своемъ первобытномъ состояніи или даже въ варварскомъ состояніи,—какъ теперь въ Китаѣ,—могла быть нравственной?! Загляните въ древнюю исторію, и вы увидите, напр., обычай, существовавшій въ Вавилонѣ, по которому каждая женщина должна была, хотя однажды въ жизни, посѣтить храмъ Астарты и тамъ отдаться иностранцу.

Возьмемъ феодальный періодъ, когда существовало jus primaе noctis, по которому каждая дѣвушка, выходящая замужъ, должна была наканунѣ замужества являться къ своему помѣщику...

Возьмемъ обычай, существующій и до сихъ поръ у многихъ народовъ, предлагать гостю, въ числѣ другихъ угощеній, и свою жену...

Еще на дняхъ былъ сообщенъ фактъ, что нашъ знаменитый романистъ и гуманистъ И. С. Тургеневъ увидѣлъ однажды въ Москвѣ, у своей родственницы, красивую горничную и купилъ ее за огромную сумму, чтобы сдѣлать своей любовницей...

Спрашиваю васъ: какъ могла женщина, находившаяся

въ такихъ условіяхъ, не только быть нравственной, но и обладать какимъ-либо понятіемъ о нравственности?

Мнѣ могутъ сказать, что на послѣднемъ примѣрѣ (изъ біографіи Тургенева) видна лучше всего справедливость словъ публициста, упомянутого выше, который сказалъ, что нѣтъ женскаго вопроса отдѣльно отъ нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ: такъ, въ данномъ случаѣ, было необходимо освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтобы вывести женщину изъ того положенія, при которомъ она становилась невольной игрушкой лица, способнаго заплатить за нее господамъ требуемую сумму.

Несомнѣнно, на этомъ примѣрѣ выясняется связь между женскимъ вопросомъ и положеніемъ въ обществѣ не только женщины, но и цѣлаго класса, къ которому она принадлежитъ по рожденію. Однако представьте себѣ, что крѣпостное право отмѣнено, что никто уже не можетъ прямо купить дѣвушку, понравившуюся ему. Но не осталась-ли та-же купля-продажа женщины въ другихъ формахъ?

И, прежде всего, положеніе женщины въ современномъ обществѣ было недавно еще таково, что она не имѣла возможности жить иначе, какъ отыскавъ себѣ мужа. Иными словами, почти всѣ пути трудовой жизни были для женщинъ закрыты. Что было въ результатѣ? А то, что женщина должна была, во что бы то ни стало, иногда совершенно вопреки своей воли и влеченію, отдаваться на всю жизнь тому человѣку, который обязывался, какъ мужъ, содержать ее, кормить, одѣвать... При этомъ родительская власть, а иногда и личное честолюбіе, расчетъ, жажда роскоши, блеска и т. п., заставляли ее не останавливаться надъ вопросомъ, каковъ человѣкъ, къ которому она шла: хорошей-ли онъ или дурной, здоровый или больной, нравственный или безнравственный, молодой или совершенно дряхлый, лишь-бы она знала, что онъ можетъ ее „обезпечить“, что онъ занимаетъ въ обществѣ извѣстное экономическое или іерархическое положеніе...

А знаете-ли вы, какіе результаты имѣло это положеніе для всей человѣческой расы?

Вырожденіе!

На это обратили вниманіе два знаменитѣйшихъ біолога нашего вѣка,—Чарльзъ Дарвинъ и Альфредъ Уоллесъ.

Впрочемъ, — не они одни: то-же явленіе вырожденія, зависящее отъ ненормальнаго положенія женщины въ обществѣ, подмѣтили Франсисъ Гальтонъ, Грантъ Алленъ и Горали Стэнли. Но наиболѣе интересны конечно мнѣнія Дарвина и Уоллеса.

Можно считать фактомъ вполне доказаннымъ, что европейская раса быстрыми шагами идетъ къ упадку. Увеличеніе нервныхъ и психическихъ болѣзней, уменьшеніе роста, размѣровъ груди, множество наслѣдственныхъ болѣзней, а въ нѣкоторыхъ странахъ (напр., во Франціи) прямой регрессъ въ цифрѣ народонаселенія,—все это показываетъ, что европейское общество охвачено какимъ то тяжкимъ недугомъ.

Первый задумался надъ этимъ Чарльзъ Дарвинъ, справедливо рассуждая, что внѣшнія, гигиеническо-санитарныя условія жизни въ Европѣ безпредѣльно улучшились въ послѣднее время, а стало быть, раса должна-бы улучшаться, а не падать. Конечно, какъ біологъ, Дарвинъ обратился прежде всего къ своей специальности, біологіи. Она же отвѣтила ему вотъ что: во всемъ царствѣ животныхъ улучшеніе породы и вообще эволюція имѣетъ своимъ факторомъ подборъ родителей. Этотъ подборъ идетъ двумя путями:

1) Путемъ *вырожденія* наименѣ приспособленныхъ т. е. слабыхъ, больныхъ, хилыхъ, неспособныхъ, и, стало быть, наоборотъ, путемъ сохраненія, пережитка сильныхъ, здоровыхъ, способныхъ, наиболѣе принаровленныхъ къ условіямъ жизни. Это природный подборъ (natural selection),

2) Путемъ такъ называемаго „половаго подбора“ (sexual selection). Этотъ послѣдній дѣйствуетъ также двумя путями: первый путь состоитъ въ томъ, что животныя инстинктивно выбираютъ себѣ супруговъ наиболѣе красивыхъ, здоровыхъ и сильныхъ; второй—въ томъ, что въ борьбѣ за супругу одерживаютъ естественно верхъ также наиболѣе сильные, здоровые.

Что же мы замѣчаемъ въ современномъ европейскомъ обществѣ?

Явленіе совершенно обратное.

Я не буду здѣсь касаться извращенія въ нашемъ обществѣ даже перваго фактора, т. е. природнаго подбора: онъ извращается уже тѣмъ, что далеко не самые сильные, способные и здоровые обставлены лучшими условіями жизни, а, вѣрнѣе сказать,—наоборотъ. Но насъ этотъ вопросъ въ настоящей статьѣ не касается. Намъ важно разсмотрѣть второй факторъ (половой подборъ), стоящій въ прямой связи съ женскимъ вопросомъ.

Я уже намѣтилъ выше кратко, какъ отражается зависимое положеніе женщины на ея выборѣ супруга. Теперь подробнѣе перечислю извращенія этого фактора прогресса. Во 1-хъ,— какъ справедливо замѣчаетъ и Дарвинъ,— при теперешнемъ экономическомъ положеніи женщины, когда она должна искать средствъ существованія только въ мужѣ, она принуждена выходить замужъ, какъ можно раньше, изъ боязни потерять подвернувагося жениха. Отъ этого масса браковъ совершается для дѣвушекъ преждевременно, когда ихъ организмы еще недостаточно готовы для нормальнаго и здороваго рожденія дѣтей. Отсюда цѣлый рядъ самыхъ потрясающихъ послѣдствій для человѣческой расы,—не говоря уже о томъ, что въ результатѣ получается еще и рядъ женскихъ болѣзней, болѣзни нервовъ и т. п., которыя дѣлаютъ женщину послѣ перваго же ребенка совершенно искалѣченной. Какое потомство можетъ дать такая искалѣченная мать,—судите сами.

Во 2 хъ, въ послѣднее время замѣчено, что не всѣ женщины даже приспособлены къ обязанностямъ материнства по самому анатомическому устройству своего тѣла. Среди нихъ находятся такія, которыя чувствуютъ инстинктивно отвращеніе къ браку, и такой инстинктъ—вовсе не баловство, а выраженіе какихъ-нибудь несознаваемыхъ органическихъ дефектовъ, вредныхъ для будущихъ поколѣній. Если-бы такой типъ женщинъ былъ обезпеченъ самостоятельными средствами къ жизни, какъ обезпечены мужчины, онъ конечно устранился-бы отъ замужества. Но теперь и эти женщины должны поневолѣ вступать въ бракъ. А въ результатѣ опять таки является вырожденіе, больные потомки, т. е. пониженіе человѣческой расы.

3) Но еще больше вліяетъ на пониженіе расы то, что дѣвушка подъ гнетомъ своей зависимости отъ средствъ мужчины должна совершенно игнорировать свое естественное влеченіе, въ которомъ проявляется инстинктъ вполне законный, инстинктъ правильнаго подбора (sexual selection), сдѣлавшаго эволюцію въ животномъ царствѣ. Боясь остаться безъ мужа, она соглашается идти замужъ и за старика, и за человѣка явно больного, и за человѣка завѣдомо безнравственнаго, и даже за физическаго уроды или калѣку, лишь бы онъ удовлетворялъ требуемому социальному положенію.

4) Такимъ образомъ уничтожается и второй элементъ полового подбора, — элементъ борьбы за супругу: здѣсь вмѣсто конкурса силы, здоровья, способностей, происходитъ конкурсъ матеріальныхъ средствъ, соціального положенія, т. е. совершенно устраняется нормальный ходъ процесса.

Какія-же средства предлагали противъ этого зла великіе и невеликіе биологи?

Начнемъ съ невеликихъ, такъ какъ они предложили весьма нелѣпныя средства, превосходно опровергнутыя великими.

Такъ, Гальтонъ предлагалъ для улучшенія расы прибѣгнуть къ системѣ „отличій“ за семейныя качества, т. е. за здоровье, разумность и нравственность супруговъ.

Государство должно поощрять ранніе браки такихъ лицъ раздачею имъ „приданого“ въ размѣрѣ, который достаточно обеспечивалъ-бы браки такихъ паръ.

Необдуманность этого проекта очевидна. Не говорю уже объ огромныхъ налогахъ, которыми государству пришлось-бы обложить все остальное населеніе для этихъ „избранныхъ“, — развѣ этотъ способъ могъ бы улучшить расу въ ея цѣломъ? Наоборотъ: тѣ пары, которыя были-бы найдены достойными награды, быть можетъ, и дали-бы сильное, здоровое, способное поколѣніе, но онѣ и выдѣлялись-бы изъ остальной толпы, какъ городъ на горѣ. А остальная-то толпа? Въ ней все осталось-бы по прежнему, сила продолжала-бы мельчать и вырождаться, и въ концѣ концовъ человѣческая раса раздѣлилась-бы на двѣ крайнія противоположности: огромное большинство больныхъ и хилыхъ карликовъ и небольшая группа сильныхъ атлетовъ!

Это возраженіе сдѣлалъ Гальтону Уоллесъ, и, конечно, каждый присоединится къ нему: важно вѣдь не то, чтобы создать кучку сильныхъ среди массы хилѣющихъ и вырождающихся; важно то, чтобы спасти всю расу отъ гибели и вырожденія.

Гирамъ Стенли предлагаетъ, какъ нѣкогда Платонъ, установить нѣчто въ родѣ искусственнаго подбора родителей государствомъ: „пьяница, преступникъ, больной и нравственно слабый не должны бы никогда вступать въ брачный союзъ“, — говоритъ онъ... „Привиллегія быть родителями должна считаться почестью, удѣляемой сравнительно немногимъ... Такимъ образомъ не появится въ свѣтъ ни одно дитя, которое не только не будетъ здорово тѣломъ и душою, но которое будетъ ниже средняго уровня физическихъ способностей и нравственныхъ силъ“.

Этотъ проектъ еще менѣе осуществимъ, чѣмъ проектъ Гальтона: кто же это подчинится подобнымъ требованіямъ добровольно? А какими же мѣрами можно заставить подчиниться имъ насильно?! Не назначить-ли за каждымъ гражданиномъ тайный надзоръ, выслѣживающій каждый его шагъ съ утра и до поздней ночи? Сколько же нужно такихъ надзирателей? Столько, сколько гражданъ? А кто же будетъ надзирать за надзирателями? Да и кто согласится на утвержденіе такого закона?

Грантъ Алленъ предлагаетъ проектъ еще болѣе нелѣпый и притомъ отвратительный своей безнравственностью, а именно — дать женщинамъ абсолютную свободу, но забываетъ при этомъ, что такая мѣра освободила-бы только мужчинъ отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей по отношенію къ женѣ и дѣтямъ. Спрашивается, чѣмъ-же стала-бы существовать женщина сама и чѣмъ могла бы содержать дѣтей?

Я уже не говорю о томъ, что этотъ безнравственный проектъ идетъ даже противъ физиологическаго закона; онъ привелъ бы къ такимъ патологическимъ явленіямъ, которыя остановили-бы совершенно размноженіе человѣческаго рода,

а вмѣстѣ съ тѣмъ развили-бы въ немъ массу самыхъ ужасныхъ болѣзней.

Посмотримъ теперь, что совѣтуютъ „великіе“.

И Дарвинъ, и Уоллесъ приходятъ къ выводу, что необходимо совершенно измѣнить общественное положеніе женщины, и только этимъ путемъ человѣчество избавится отъ грозящей ему бѣды.

Въ чемъ-же должно состоять это измѣненіе?

Прежде всего каждой женщинѣ должна быть обеспечена возможность самостоятельнаго экономическаго положенія. А для этого ей должна быть открыта возможность самаго широкаго и всесторонняго образованія, а затѣмъ открыты всевозможныя карьеры для труда, конечно не идущаго въ разрѣзъ съ особенностями ея пола и организаци.

Но этого мало: *нѣтъ* женщинъ, которыя не могли себѣ отыскать работы послѣ окончанія подготовительнаго образованія, — а также тѣхъ женщинъ, которыя временно или постоянно отвлечены отъ работы обязанностями матери, государство или общество должно поддерживать своими средствами.

Образованіе женщины должно продолжаться значительный періодъ времени, приблизительно лѣтъ до 22-хъ, т. е., когда можно сказать съ достаточной увѣренностью, что ея организмъ готовъ для роли матери. До этой поры необходимо устранять браки. Конечно этого ограниченія лучше достигать не силой, а общественнымъ мнѣніемъ и солиднымъ, научно обоснованнымъ убѣжденіемъ самихъ женщинъ: ранній бракъ долженъ разсматриваться и женщиной, и общественнымъ мнѣніемъ, какъ дѣйствіе безнравственное по отношенію къ грядущимъ поколѣніямъ и судьбѣ человѣческой расы.

Если это убѣжденіе прочно войдетъ въ сознаніе общества и самихъ женщинъ, оно будетъ дѣйствовать такъ же, какъ теперешнія правила морали, но только сильнѣе: вѣдь, это новое моральное требованіе будетъ серьезно и безспорно обосновано данными біологіи и статистики, доказывающими бѣдствія раннихъ браковъ.

Образованіе женщинъ должно стать государственнымъ или общественнымъ, то есть бесплатнымъ. При этомъ оно должно распадаться на два періода: 1) общеобразовательный и 2) специальный или профессиональный.

Первый періодъ долженъ продолжаться до такого возраста, когда дѣвушка въ состояніи вполне разумно и сознательно рѣшить, къ какой специальности она болѣе способна и чувствуетъ влеченіе.

На этотъ проектъ можетъ быть только одно возраженіе: если женщинамъ будетъ открытъ болѣе широкий доступъ ко всякимъ карьерамъ, чѣмъ теперь, то куда же дѣваться мужчинамъ?

Однако противъ этого возраженія есть уже отвѣтъ въ самомъ проектѣ Уоллеса. Тѣ женщины, которыя не полагаютъ отказаться отъ роли исключительно материнской, и даже тѣ дѣвушки, которыя рѣшили-бы, что онѣ не склонны ни къ какой профессіи кромѣ профессіи жены и матери, поддерживаются общественными или государственнымъ средствами (конечно, если не имѣютъ иныхъ источниковъ для жизни).

Но этотъ пунктъ проекта значительно сократитъ (даже, быть можетъ, сравнительно съ нашимъ временемъ) число женщинъ, конкурирующихъ съ мужчинами на поприщѣ труда. Но разница будетъ та, что семейству будутъ себя посвящать только женщины, дѣйствительно чувству-

юція къ этому влеченіе, призваніе. Остальныя-же (а ихъ не будетъ очень много) отойдутъ въ кадры безбрачныхъ, займутся общественными профессіями, общественнымъ образованіемъ и воспитаніемъ.

Но если-бы мужчинамъ и пришлось немножко потѣсниться, чтобы дать среди себя мѣсто своимъ сестрамъ, то вотъ что по этому поводу говоритъ величайшій мыслитель нашего вѣка, Гербертъ Спенсеръ, въ своей книгѣ „Justice“: „женщина по своимъ силамъ слабѣе мужчины, а потому лишать ее искусственно какихъ-либо выгодъ въ борьбѣ за существованіе въ высшей степени несправедливо. Поэтому не должно ставить женщинамъ никакихъ препятствій относительно занятій, профессій или иныхъ путей дѣятельности (careers), какія онѣ могли бы пожелать взять на себя“.

Изъ всего вышензложеннаго читатель легко можетъ видѣть, что женскій вопросъ имѣетъ глубочайшіе корни въ требованіяхъ не только нравственныхъ (о которыхъ я говорилъ выше), но и біологическихъ. Онъ связанъ съ вопросомъ о вырожденіи нашей расы. И нѣтъ ничего удивительнаго, что и требованія біологіи, и требованія морали совершенно сошлись въ томъ. Этого и слѣдовало ожидать: вѣдь только нашъ умъ все расчленяетъ, отдѣляя духовное отъ тѣлеснаго, мораль отъ біологіи, мысль и чувство отъ фізіологіи. Въ природѣ-же и въ жизни все это тѣсно связано и переплетено взаимно. Только надо быть истинно великимъ ученымъ (каковы Дарвинъ, Уоллесъ, Спенсеръ), чтобы ясно понимать это, охватывая широкимъ взглядомъ весь безграничный горизонтъ жизни и природы. Только узкіе умы, узенькія точки зрѣнія такъ увлекаются какой-нибудь одной стороной жизни (напр., біологической), что уже не видятъ ея полной связи съ моральной стороной. Это и случилось въ проектѣ Грантъ Аллена, отчасти Гальтона и Стенли.

Великіе умы тѣмъ и велики, что они объединяютъ (синтезируютъ) такія области, которыя на первый взглядъ кажутся не только чуждыми, но и враждебными.

Благодаря той-же поразительной узости взгляда, и женскій вопросъ казался еще не особенно давно противнымъ нравственности, тогда какъ онъ именно есть осуществленіе наиболѣе чистой и высокой морали.

Эту мораль признаетъ и наша церковь, требующая, чтобы браки не заключались по принужденію, а вытекали, слѣдовательно, изъ свободнаго выбора двухъ душъ и сердецъ.

Но этотъ основной корень женскаго вопроса конечно ясенъ только историку и мыслителю. Мало-по-малу отъ этого корня развились побочныя вѣтви, какъ то и слѣдовало. Такъ женщины западной Европы и Америки ведутъ теперь агитацію за избирательное право и слѣдовательно за косвенное (а въ иныхъ мѣстахъ и за прямое) участіе въ законодательствѣ.

Но если вы внимательно подумаете и объ этомъ требованіи новѣйшаго феминизма, вамъ не трудно будетъ замѣтить, что онъ цѣликомъ входитъ и въ чисто біологическій проектъ Дарвина-Уоллеса.

Вѣдь мы видѣли, что по этому проекту для правильнаго развитія расы необходимо допущеніе женщинъ ко всевозможнымъ карьерамъ. Ergo: это стремленіе феминистокъ есть только частный случай болѣе общаго требованія великаго біолога, хотя тѣ женщины, которыя требуютъ права участія въ законодательствѣ, могутъ совсѣмъ и не думать, и даже не подозрѣвать, что это также и одна изъ ступеней для спасенія расы отъ вырожденія.

Ихъ мотивы могутъ быть совершенно иными. Напр.,

онѣ думаютъ, что государство, управляемое только мужчинами, развивается неизбѣжно лишь въ одну сторону, въ сторону потребностей и особенностей мужской половины человечества.

И онѣ совершенно правы, хотя правъ и Уоллесъ-Дарвинъ.

Повторяю еще разъ: въ жизни все сплетается взаимно, и только узкій умъ не замѣчаетъ этого.

Справедливость не только не должна противорѣчить истиннымъ началамъ біологіи или фізіологіи, но наоборотъ она должна непремѣнно совпадать съ ними: вѣдь всѣ истинныя требованія справедливости въ концѣ концовъ вытекаютъ изъ натуральной (т. е. біолого-фізіологической и психо-фізіологической) организациіи чловѣка. Стало быть, какъ-же они могутъ не оказаться едиными при правильномъ взглядѣ на тѣ и на другія?

Приведемъ наглядный примѣръ: новѣйшая фабричная инспекція требуетъ, положимъ, чтобы помѣщенія на фабрикахъ были свѣтлы, чисты, хорошо вентилированы, чтобы въ фабричныхъ жилищахъ оба пола раздѣлялись и т. п.

Но вѣдь это требованіе есть сразу и требованіе справедливости, и требованіе морали, и требованіе гігіены (т. е. біологіи).

Однако несомнѣненъ тотъ фактъ, что были поборники женскаго вопроса, которые вели его въ направленіи не только не нравственномъ, но прямо—безнравственномъ. Таковы были нѣкоторые французскіе реформаторы XVIII и начала XIX вѣка. Да зачѣмъ далеко ходить: мы видѣли сейчасъ проектъ Грантъ Аллена, полагающій разрѣшеніе женскаго вопроса въ разнузданной свободѣ чувства, т. е. въ отмѣнѣ женской нравственности.

Никто не причиняетъ больше зла какому-нибудь вопросу, какъ такіе его „услужливые медвѣди“. Они пугаютъ общество, порождаютъ въ публикѣ недовѣріе къ вопросу и роняютъ въ грязь самое святое дѣло.

Но какъ-же имъ удастся такъ извратить это святое дѣло, что оно обращается въ безнравственное?

А мы видѣли, какъ это случилось у Грантъ Аллена: это было просто плодомъ односторонности. Было обращено вниманіе только на одну сторону задачи и совершенно упущены изъ виду другія, не связаны, однимъ словомъ, въ синтезъ разные ея элементы.

Такіе односторонніе умы думаютъ всегда чисто отрицательнымъ способомъ, то есть: видятъ онѣ, на примѣръ, что кто-нибудь застрѣлился, онѣ готовы запретить револьверы; видятъ онѣ, что отсутствіе у женщинъ свободы выбора создаетъ вырожденіе, онѣ, не задумываясь долго, объявляютъ абсолютную свободу выбора. А тутъ-же упускаетъ, что этимъ уничтожается та самая цѣль, во имя которой онѣ все это выболтали: у голодной, необезпеченной женщины, да еще съ ребенкомъ на рукахъ, отнимается и послѣдняя свобода выбора, и она падаетъ до уровня голодной проститутки, для которой господиномъ является каждый встрѣчный...

Нѣтъ большаго зла, какъ этотъ отрицательный способъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ.

Онѣ обыкновенно практикуется мало-культурными умами,—чего конечно нельзя сказать вообще о Грантъ Алленѣ,—и особенно распространенъ въ мало-культурныхъ обществахъ. Эти послѣднія держатся во всемъ системы запрещеній, думая, что это лучший способъ бороться со всякимъ зломъ.

Къ счастью, мы начинаемъ выходить изъ этого періода, а еще недавно было время, когда дѣвушкѣ не дали-

бы читать книжки по гигиенѣ, потому что биологія и физиологія считались врагами морали!!

И такихъ примѣровъ можно-бы привести тысячи.

Кстати, возвращусь къ стремленію женщинъ участвовать въ законодательствѣ.

Исторія даетъ примѣры крупныхъ законодательницъ и даже правительницъ: наша великая княгиня Ольга, Екатерина II, Елизавета англійская и пр.

Конечно въ ихъ правленіи могутъ быть указаны противниками и нѣкоторые промахи, но развѣ у законодателей-мужчинъ ихъ не было?

А между тѣмъ въ тѣхъ штатахъ Сѣв. Америки, гдѣ женщины добились участія (хотя бы и незначительнаго) въ управленіи, дѣла идутъ замѣчательно хорошо. И прежде всего, конечно, каждая мѣстность, въ которой женщины участвуютъ въ управленіи, не станеть терпѣть у себя пьянства и разврата, на что мужчины склонны смотрѣть сквозь пальцы.

А развѣ это мало?! Вѣдь пьянство, какъ и развратъ, это—одно изъ важнѣйшихъ условий вырожденія націи!

Здѣсь мы опять видимъ, какъ мораль и биологія дружно идутъ рука-объ-руку.

Еще нагляднѣе полное совпаденіе требованій морали съ требованіями истинныхъ законовъ экономической науки.

Нѣмецкія феминистки ставятъ женскій вопросъ преимущественно на экономическую почву. Одна изъ нихъ, г-жа Кеттлеръ, предлагаетъ рядъ нижеслѣдующихъ вопросовъ, превосходно дополняющихъ проектъ Уоллеса-Дарвина наглядной иллюстраціей:

Вопр. Что будетъ съ нашими дочерьми?

Отв. Конечно онѣ выйдутъ замужъ.

Вопр. Безусловно-ли вѣрно, что онѣ выйдутъ замужъ?

Отв. Нѣтъ, большая часть нашихъ дочерей не выйдутъ замужъ.

Вопр. А когда онѣ выходятъ замужъ, обезпечиваются ли онѣ этимъ на всю жизнь?

Отв. Нѣтъ, такъ какъ забота о нихъ и объ ихъ дѣтяхъ есть дѣло ихъ мужей: если мужъ умретъ или станеть неспособнымъ работать, это грозитъ существованію жены

и дѣтей. Даже если жена принесла съ собою средства, мужъ можетъ ихъ расточить, и тогда она съ дѣтьми — безпомощна.

Вопр. Значитъ, замужество нашихъ дочерей не представляетъ никакихъ гарантій, что онѣ обезпечены на всю жизнь?

Отв. Нѣтъ.

Вопр. Итакъ какія гарантіи мы предоставляемъ своимъ дочерямъ, если онѣ выйдутъ замужъ?

Отв. Никакихъ.

Вопр. А какія гарантіи мы даемъ имъ, если онѣ не выйдутъ замужъ?

Отв. Тоже никакихъ.

Послѣ ряда такихъ вопросовъ должны задуматься отцы и матери, даже и не обладающіе блестящей сообразительностью.

~~~~~

Теперь мы можемъ отвѣтить на вторую половину рѣшенія того почтеннаго русскаго публициста, который полагалъ, что женскаго вопроса не *должно* быть отдѣльно отъ общенароднаго или рабочаго...

Это—глубокая ошибка.

Общенародный и рабочій вопросы конечно могутъ быть ступенью и къ рѣшенію въ жизни женскаго вопроса. И тѣмъ не менѣе они совершенно самостоятельны: можно на практикѣ рѣшить любой изъ нихъ, хотя-бы и несовершенно, безъ рѣшенія другихъ.

Женскій вопросъ стоитъ особо уже потому одному, что въ немъ объединяются женщины всѣхъ классовъ, а вовсе не одного рабочаго или земледѣльческаго класса.

Это—особая группа, гигантская по своимъ размѣрамъ, такъ какъ она включаетъ половину всего человѣчества, всякихъ званій, общественныхъ положеній, степеней богатства и бѣдности, труда и праздности.

Кромѣ того, какъ мы видѣли, этотъ вопросъ наиболѣе тѣсно связанъ съ вопросами биологіи и морали,

Эта связь есть и въ остальныхъ вопросахъ. Но тамъ она менѣе очевидна и непосредственна.

Л. С. Оболенскій.

ДОМОВОЙ.

I.

— Что?.. Опять нѣтъ?..

— Эхъ, ваше благородіе, должно, судьба наша такая. Битый часъ уже съ вами безъ толку ѣздимъ! Слава Богу, что хоть снѣжокъ выпалъ, все таки легче бѣднымъ лошадушкамъ...

— И принесъ же меня чортъ сюда! пробормоталъ съ раздраженьемъ рослый, здоровый офицеръ-казакъ, кутаясь въ кавказскую бурку и снова садясь въ сани.—Ну, братъ, трогай!

— Да куда ѣхать то?—все, чай, объѣздили. Въ гостиницахъ номера отъ пяти рублей—дорого, сами знаете... мебелированныхъ ни одной нѣтъ слободной...

— Ты, братъ, поменьше болтай! Вотъ туда сверни, въ ту улицу,—можетъ быть, тамъ найдемъ комнату.

— Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, увольте! Негодится солидному человѣку тамъ стоять.

Сказавъ это, извозчикъ обернулся и посмотрѣлъ въ лицо своему сѣдоку, какъ будто желая удостовѣриться, въ правду ли передъ нимъ степенный, серьезный человѣкъ.

— Не годится! самая пакостная улица—одни трактиры, пояснилъ онъ и тронулъ возжи: лучше поѣдемъ въ другое мѣсто.

— Чтobъ чортъ подавился вашимъ Петербургомъ!—яростно выругался офицеръ, когда сани медленно тронулись.—Провалиться ему совсѣмъ!..

— Провалиться? — какъ то сразу насторожившись, переспросилъ извозчикъ.—Оно и правда,—кто о своей душѣ заботится да спасительнаго ищетъ, тотъ отсюда бѣги, потому суета, соблазнъ, — никакого покою. Тутъ вотъ и въ домахъ нечисто, — всякая погань заводится. Не далеко хо-

дить,—въ одномъ домѣ, доложу вамъ, нечистый такое твориль...

— Да ты, братъ, лучше по сторонамъ смотри! Экій ты краснойбай!.. замѣтилъ сурово сѣдокъ и, еще ниже надвинувъ на лобъ пушистую папаху, плотнѣ укутался въ бурку. Онъ былъ не въ духѣ. Разбитый путешествіемъ, онъ теперь, блуждая по Петербургу въ поискахъ за пристанищемъ, особенно сильно чувствовалъ свою усталость. Путешествіе, которое онъ продѣлалъ, было не шуточное. Полкъ стоялъ въ горахъ, близъ аула. Прежде чѣмъ онъ добрался до полотна желѣзной дороги, ему пришлось переправляться верхомъ на лошади, рискуя жизнью, и трястись на перекладныхъ,—все это отняло у него около двухъ недѣль времени. Онъ ѣхалъ по дѣламъ службы, въ душѣ радуясь возможности попасть въ столицу и вволю повеселиться, но теперь онъ былъ сильно раздраженъ. Его энергичное, загорѣлое лицо выражало одно неудовольствіе, черныя густыя брови сдвинулись, а губы плотно сжались подъ темными, длинными, запорошенными снѣгомъ усами.

— Сами посудите, ваше благородіе, коли человѣкъ правила никакого не соблюдаетъ, какъ тутъ грѣху не быть?—продолжалъ извозчикъ, нисколько не смущаясь нелюбезностью своего невольнаго собесѣдника. — Вотъ Митришна, дворничиха, сказывала, на Гороховой въ одномъ домѣ нечистъ завелась, — шутъ ли, домовой ли, кто его разбереть... Маленькій онъ такой, на бѣлку смахиваетъ, а лицо человѣчье, все прыгъ да прыгъ, лапками постукиваетъ, зубами прищелкиваетъ, да посмѣивается... Да какъ ему, мерзости, не смѣяться то, когда кругомъ все не по божьему, все!..

— Полно врать!—послышался недовольный голосъ офицера, которому эта болтовня начинала надоѣдать.

— Зачѣмъ врать? врать нехорошо. Правду сказываю... Не по божьему, сударь! — продолжалъ извозчикъ съ еще большимъ жаромъ, свернувъ направо въ маленькій и узенькій переулокъ. — Все объ своей утробѣ, а не объ душѣ безсмертной здѣсь думаютъ: всю ночь кутежъ, пьянство, карты... Вотъ онъ и прыгаетъ, окаанный, зубами щелкаетъ. Бога забыли, онъ и радъ... тѣфу!..

— А на селѣ у васъ развѣ лучше? его что ли нѣтъ?—уже мягче спросилъ сѣдокъ, а его длинные усы, слабо дрогнувъ, скрыли насмѣшливую улыбку, пробѣжавшую по румянымъ губамъ.

— Что грѣха таить, и въ селѣ бываетъ, почесавъ затылокъ, послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ извозчикъ и придержалъ лошадей.—Да тамъ въ рѣдкость, и выкурить можно скорѣй: соблазну меньше... А здѣсь, почитай, въ кажинномъ домѣ онъ водится... Гляньте ка, домъ-отъ, высокой, черный, продолжалъ онъ, показавъ кнутомъ. — Въ немъ безпремѣнно есть.. Да вы, сударь, никакъ смѣтаетесь?—обидѣлся вдругъ извозчикъ, услышавъ за собой веселый, молодой смѣхъ.—Страшно это, а вы...

Но офицеръ уже его не слушалъ. Ловко выпрыгнувъ на ходу изъ саней, онъ быстро подходилъ къ воротамъ, гремя оружіемъ. Домъ, о которомъ говорилъ извозчикъ, былъ большой, четырехэтажный, непривѣтливый съ виду. Онъ привлекъ вниманіе офицера тѣмъ, что къ деревяннымъ воротамъ было прибито какое то объявленіе. Стеннѣло—и офицеру пришлось зажечь спичку, чтобъ разобрать мелкій, неровный почеркъ:

„Въ тихомъ семействѣ отдается теплая, свѣтлая комната. Во дворѣ, направо, кв. № 24“.

— Авось, хоть здѣсь посчастливится, думалъ онъ, подымаясь черезъ минуту по узкой деревянной лѣсенкѣ во второй этажъ. На лѣстницѣ уже было совсѣмъ темно. Освѣтивъ спичкой невысокую дверь за № 24, обитую черной, ветхой клеенкой, и криво приколотую къ ней визитную карточку: „Зинаида Петровна Калашникова“,—онъ дернулъ звонокъ. Звонокъ отозвался какимъ то долгимъ, неприятнымъ дребезжаніемъ по всей квартирѣ. Вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ послышалось шлепанье туфель. Кто то подошелъ къ двери, отодвинулъ какой то тяжелый, желѣзный засовъ, подумалъ и рѣшилъ, повидимому, пока не открывать.

— Вамъ кого надо?—спросилъ изнутри женскій нелюбезный голосъ.

— У васъ, кажется, комната отдается?

— Барыня! комнату спрашиваютъ... объявилъ тотъ же голосъ, и дверь открылась со скрипомъ.

Въ передней было не свѣтлѣе, чѣмъ на лѣстницѣ,—очевидно, хозяева скупались и берегли керосинъ.

— Однако, у васъ темно, замѣтилъ офицеръ, входя и сразу натолкнувшись въ темнотѣ на какой то сундукъ.

— Барыня! А, барыня! звала между тѣмъ неизвѣстно гдѣ обрѣтавшаяся служанка. —Выходите, что ли!

Дверь, выходящая изъ передней въ какую то комнату, неслышно открылась, и высокая, худая женщина,—сама хозяйка,—мягко ступила черезъ порогъ, держа въ правой рукѣ зажженную свѣчку.

Офицеръ увидѣлъ теперь маленькую переднюю, въ которой кромѣ высокаго, стариннаго сундука, окованнаго желѣзомъ, да одного плохонькаго зеркальца въ деревянной оправѣ ничего не было.

Въ углу, около входныхъ дверей, стояла служанка въ засаленномъ розовомъ платьѣ изъ дешеваго ситца, въ синемъ коленкоромъ передникѣ и, низко опустивъ свою голову, повязанную цвѣтнымъ узорчатымъ платкомъ, исподлобья съ любопытствомъ разсматривала вошедшаго офицера.

— Барыня! развѣ та дама не приходила?—сказала она, взглянувъ съ особеннымъ выраженіемъ на хозяйку.

Хозяйка казалась немного встревоженной неожиданнымъ приходомъ офицера и, чувствуя себя, повидимому, неловко, молчала, собираясь съ мыслями.

Это была немолодая женщина лѣтъ около сорока, одѣтая бѣдно, но чисто. На ней была черная, суконная юбка, кое гдѣ потертая, и свободная кофточка-распашонка изъ коричневой бумазеи. Русые волосы, гладко и немодно причесанные, обрисовывали ея красивую и хорошо поставленную голову.

Поднявъ свѣчу такъ, чтобы свѣтъ упалъ прямо на лицо вошедшаго, она глядѣла на него большими карими глазами.

— Извините, господинъ офицеръ! — сказала она, немного смутившись:—Мы комнату сдали одной дамѣ...

Ему ничего не оставалось, какъ откланяться, и онъ былъ уже готовъ уйти, взбѣшенный новой неудачей.

— Была бы моя воля,—я бы въ поѣздъ и домой!—вырвалось у него совершенно неожиданно.

— Такъ вы пріѣзжій? — нерѣшительно спросила хозяйка.

— Конечно, пріѣзжій.

— Откуда вы?

— Я уже двѣ недѣли въ пути. — Я живу въ Дагестанѣ.

— Повеселиться, значить, приѣхали? спросила она опять, вся насторожившись, и вдругъ покраснѣла, почувствовавъ неловкость своего вопроса.

— Нѣтъ-съ! По дѣламъ службы!

Она опять покосилась на его черную бурку, косматую папаху, на весь этотъ нарядъ, который, повидимому, внушалъ ей какое то недовѣріе, и нерѣшительно покачала головой.

— У насъ, видите ли, живутъ серьезныя женщины... Тутъ Марья Арсеньевна съ дѣвочкой-дочкой (она указала рукой вправо), тамъ Дарья Михайловна... Мы любимъ тишину...

— Да помилуйте, какой же я внесу шумъ?—энергично запротестовалъ офицеръ.—Я человѣкъ смирный, водки не пью, товарищей у меня здѣсь нѣтъ, самъ въ первый разъ попалъ въ столицу... Что это вы, право!..

Она начала колебаться.

— У насъ деньги надо платить впередъ. Комната идетъ въ 20 рублей.

— Мнѣ все равно, какъ платить.

Она опять немного подумала и затѣмъ, глубоко вздохнувъ, сказала: Посмотрите! можетъ быть, вамъ не понравится...—И, мягко ступая, повела его за собой.—Комната небольшая, но за то чистая, теплая, а главное, у насъ такъ спокойно... Маланья! Зажги лампу.

Комната дѣйствительно оказалась свѣтлой, чистой и даже хорошо обставленной.

Пока прислуга зажигала лампу, хозяйка, стоя въ дверяхъ, говорила тихимъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Вчера только жилецъ выбрался, еще несовсѣмъ убрали... Ну, и жилецъ! Денегъ не платилъ, а еще буйствовалъ... Вѣдь я беззащитна... Что я могу?..

Все ея худое и блѣдное лицо, озаренное свѣчкой, выражало усталость и отвращеніе. Губы нервно подергивало.

— Пришлось и въ полицію, и къ мировому, рассказывала она, все больше волнуясь и уже не въ силахъ остановиться.—Бывало, что и гости у него до утра, и кутежъ! Я ему говорила, зачѣмъ вы скандалите?.. Не даете никому спать... Всякій, кто беретъ комнату, хочеть имѣть покой, не такъ ли?.. А онъ, какъ начнетъ! Видно, что привыкъ имѣть дѣло со всякими петербургскими хозяевами... Да и вправду сказать, всякія хозяйки бываютъ, добавила она послѣ нѣкотораго раздумья и грустно поникла головой.

Прислуга, поднявъ со стола лампу, показывала комнату.

— Ужъ сколько изъ-за него барыня слезъ пролили-съ, сказала она вполголоса, обращаясь къ будущему жильцу.

— Посмотрите, баринъ!.. Тутъ диванъ пружинный, объясняла она, освѣщая то одну стѣну, то другую.—Въ нишѣ за занавѣской умывальникъ, у окна письменный столъ, у дивана круглый столъ... вотъ и ширма, за ней кровать... въ уголкѣ комодъ... все, какъ слѣдуетъ.

Офицеру комната очень понравилась.

— Можно вамъ заплатить за мѣсяцъ впередъ?—осторожно освѣдомился онъ, доставая изъ бокового кармана бумажникъ и догадываясь, что вся исторія съ дамой, взявшей комнату, была ложью и что просто его боялись впустить, опасаясь неприятностей.

— Вамъ, можетъ быть, будетъ неудобно? У насъ уже въ 11 часовъ всѣ спятъ,—произнесла хозяйка, нерѣшительно принимая отъ него деньги и пристально глядя ему въ глаза.

— И потомъ гости позже 12-ти часовъ вечера оставаться не могутъ.

Онъ былъ на все согласенъ.

— Вотъ и мой видъ на жительство, сказалъ онъ, отдавая ей свои документы.—Позвольте кстати отрекомендоваться—Михаилъ Николаевичъ Вороновъ.

— Зинаида Петровна Калашникова, отвѣчала она и, пожавъ его руку, тихо вышла изъ комнаты.

Михаилъ Николаевичъ приказалъ прислугѣ отпустить извозчика и, снявъ съ себя бурку, папаху, саблю, удобно усѣлся на диванѣ, закурилъ папироску и сталъ изучать свое новое жилище. Небольшая комната, освѣщенная желтоватымъ свѣтомъ керосиновой лампы, съ ея старой, полинявшей, но все еще хорошей мебелью, располагала къ покою. Какъ разъ противъ него, подлѣ стѣны, отгородивъ небольшое пространство, чернѣла невысокая ширма изъ темнаго атласа, разрисованная рукой неопытнаго, но смѣлаго художника. Рисунокъ изображалъ большую, бѣлую цаплю, стоящую на одной ногѣ въ зеленомъ болотѣ и спрятавшую подъ крыло свою голову. Воздухъ въ комнатѣ былъ разнѣживающей, теплый отъ только что протопленной печки, дверцы которой все еще стояли открытыми, позволяя видѣть небольшие, яркіе куски раскаленнаго угля, покрытые уже кое гдѣ бѣлымъ пепломъ.

Молодой человѣкъ невольно закрылъ глаза и сталъ дремать. Шумно открывшаяся дверь заставила его сильно вздрогнуть.

— Тише, Маланья!—произнесъ уже знакомый ему голосъ Зинаиды Петровны.—Ну вотъ и разбудила...

— Нѣтъ, нисколько... я только такъ... отвѣтилъ онъ, чувствуя, что его глаза опять начинаютъ слипаться.

— Спи! Спи!.. Маланья, поставь сюда, въ уголъ, чемоданъ Михаила Николаевича,—вотъ такъ!.. Теперь можешь подать самоваръ. Онъ у тебя готовъ?

— Кипить.

— Постой!.. виновата, Михаилъ Николаевичъ, я, кажется, васъ толкнула.

Онъ отодвинулся и открылъ глаза. Противъ него Зинаида Петровна накрывала столъ чистой, полотнянной скатертью. Отодвинувъ въ сторону горящую лампу, она теперь заботливо разставляла посуду, стаканъ, тарелочки, блюдечко. Ея лицо было хорошо освѣщено лампой, и Михаилъ Николаевичъ, разсматривая это умное и грустное лицо съ потухшими глазами, невольно подумалъ, что эта женщина, должно быть, изъ хорошей семьи и привыкла прежде иначе жить.

Прислуга ставила на столъ самоваръ, который весело зашумѣлъ на всю комнату.

— Баринъ! Гдѣ у васъ чай и сахаръ?

— Тсс... Оставь, Маланья!.. Ты вѣдь видишь, какъ Михаилъ Николаевичъ усталъ... возьми у меня... да захвати кстати и холодное мясо изъ шкафа...

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ-же... всполошился Михаилъ Николаевичъ и даже поднялся было съ дивана.—Можно послать...

— Пустое, отвѣтила она, и все ея лицо вдругъ потемнѣло, какъ будто эта щепетильность напоминала ей о чемъ то гадкомъ, невыносимомъ, съ чѣмъ не мирилась ея широкая натура.

Когда чай былъ готовъ, она въ послѣдній разъ обвела хозяйскимъ взглядомъ всю комнату и, увидѣвъ, что все въ порядкѣ, громко сказала:

— Кажется, все!..

Дверь неслышно за ней закрылась.

— А что, баринъ! У насъ хорошо!—звонкимъ, молодымъ голосомъ спросила Маланья, наливая чай.—Вотъ какъ спится... даже очнуться не можете.

Онъ дѣйствительно дремалъ, прикурнувъ на диванѣ, чувствуя, что въ этой теплой, чистой комнатѣ, гдѣ хлопотуть о немъ какія то чужія, но добрыя женщины, онъ можетъ спокойно лѣниться.

— Хорошо то, хорошо!—молвилъ онъ съ добродушной серьезностью и, вспомнивъ свой недавній разговоръ съ извозчикомъ, въ шутку спросилъ:—да вотъ одно, нѣтъ ли у васъ домовыхъ?

— Чтой то вы, баринъ!— испугалась она. Откуда имъ взяться?

— Да откуда? Богъ знаетъ, какіе люди тутъ жили, шутилъ онъ, забавляясь ея волненіемъ. — Неладно у васъ. Вотъ какъ чужого человѣка пускать боитесь.

Иной человѣкъ хуже домового, оттого и боимся, отвѣтила она съ сердцемъ, и ея румяное лицо сразу вспыхнуло.—Вотъ тотъ, что здѣсь до васъ жилъ, грозился сегодня прійти, скандалъ учинить—мы и боимся. Домовой что? Попугаетъ только, а лихой человѣкъ... Эхъ!.. Ужъ срамилъ онъ, срамилъ на судъ нашу барыню: и такая, и сякая,—плель, плель... вотъ и страшно!

— Что же онъ говорилъ? — любопытствовалъ Михаилъ Николаевичъ.

— Да такъ, мерзость... враль... Некому за нашу барыню постоять, а сама она за себя постоять не можетъ, добрая очень, всѣхъ жалѣетъ. Не такъ жила прежде, да вотъ разорился баринъ.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Вѣстимо гдѣ, сидитъ въ желтомъ домѣ, ума лишился. Все хуже ему, а барыня надѣется... Эхъ!.. горя то сколько, а вы вотъ о домовыхъ.

— Маланья!—позвалъ тихій голосъ изъ корридора. — Марья Арсеньевна пришла, озябла, чаю просить.

— Иду, барыня!

Послышались легкіе шаги, и опять все затихло; только одинъ самоваръ громко и радостно говорилъ.

II.

Михаилъ Николаевичъ уснулъ, какъ убитый, не смотря на то, что длинное путешествіе давало себя сильно знать. Кровать качалась, какъ быстро бѣгущій вагонъ, въ ухахъ стоялъ шумъ колесъ и гулъ тормоза, передъ глазами неслись одна за другой знакомыя картины.

Вотъ весь серебряный хребетъ убѣгающихъ въ даль Кавказскихъ горъ, здѣсь маленькія, чистыя степныя рѣчки, уснувшія въ своихъ берегахъ, тамъ широкій Донъ, лѣниво вздымающій свою мутную волну подъ высокимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Наконецъ, все смѣшалось, звуки и образы, все спуталось, оставалось одно легкое убаюкивающее качанье кровати. Михаилъ Николаевичъ уснулъ крѣпкимъ сномъ и такъ бы проспалъ всю ночь, еслибы не одно странное обстоятельство, которое стало вдругъ ни съ того, ни съ сего тревожить его покой. Что это было, онъ сквозь сонъ не могъ разобрать, но онъ чувствовалъ одно — его комната не оставалась, какъ прежде, спокойной: въ ней кто былъ, двигался,—и Михаилъ Николаевичъ, заметавшись въ постели, сразу проснулся.

— Кто тамъ?—закричалъ онъ громко и открылъ глаза. Въ это время что то быстрое метнулось въ другую сторону, испуганное окрикомъ, забилось въ страхъ возлѣ стѣны и притихло.

— Крыса, подумаль теперь значительно успокоенный Михаилъ Николаевичъ, зажегъ свѣчу и поднялся съ постели. Тихо было вокругъ, такъ тихо, что каждый шорохъ былъ ясно слышенъ. Гдѣ то за стѣной громко и монотонно стучали часы, потомъ вдругъ какъ будто бы смолкли и, долго собираясь съ силами, кряхтя отъ старости, пробили звонко полночь.

Комната, озаренная свѣчкой, бросавшей неровный свѣтъ, вся наполовину спрятанная тѣнью, словно укутанная сѣрымъ прозрачнымъ вуалемъ, казалась таинственной и хранила загадочное молчаніе.

Металлическія дверцы остывшей и выгорѣвшей до тла печки стояли широко раскрытыми.

— Можетъ быть, вѣтеръ шумить въ неплотно закрытой трубѣ, говорилъ себѣ Михаилъ Николаевичъ, плотнѣе закрывая трубу и дверцы. Никакихъ признаковъ крысы онъ, не смотря на всѣ свои тщательные поиски, не нашель.

— Необъяснимо, думаль онъ.— Должно быть, это кошмаръ.

Отодвинувъ въ сторону ширму такъ, чтобы можно было видѣть всю комнату, Михаилъ Николаевичъ вернулся въ постель и легъ, удивляясь странному ощущенію, отъ котораго онъ никакъ не могъ избавиться. Онъ все таки чувствовалъ, что онъ въ комнатѣ не одинъ, что за нимъ наблюдаютъ, ждуть, что онъ будетъ дѣлать дальше, и онъ, разозлившись не то на себя, не то на кого то другого,—сердито задулъ свѣчку, произнеся пару далеко непривѣтливыхъ словъ.

Блѣдно-голубой свѣтъ луны пробивался сквозь бѣлую, прозрачную стору, ложился на диванъ и чертилъ бѣлую полосу на паркетѣ. Въ квартирѣ было тихо и подъ однообразное тиканье часовъ Михаилъ Николаевичъ снова крѣпко уснулъ, но вдругъ почувствовалъ, что вотъ опять началось... громче, смѣлѣе, настойчивѣе. Это были странные, необъяснимые звуки, похожіе на движеніе по полу быстрого деревяннаго шара, который, пройдя опредѣленное пространство и отдохнувъ, мчался обратно, опять останавливался и снова начиналъ свое путешествіе сначала. Деревянный шаръ двигался не самъ по себѣ, а, повидимому, подчинялся чужой волѣ. Вдругъ что то большое и легкое радостно прыгнуло вверхъ и, пролетѣвъ въ воздухѣ, стало на мягкія лапы, прыгнуло снова обратно, очертивъ дугу, и вслѣдъ затѣмъ вдоль стѣны побѣжалъ, громко стуча по полу, деревянный шаръ,—все скорѣе, все быстрѣе...

— Что за чортъ! бормоталъ Михаилъ Николаевичъ, который, проснувшись, долгое время не шевелился и слушалъ, затаивъ дыханіе.—Необъяснимая исторія!.. Не схожу ли я съ ума?.. И опять, но на этотъ разъ уже невѣрной рукой, словно опасаясь увидѣть призракъ, Михаилъ Николаевичъ сталъ зажигать свѣчу, нечаянно опрокинувъ въ темнотѣ стулъ.

За стѣной громко и внятно часы пробили три. Кромѣ однообразнаго стука быстро движущагося маятника, другихъ звуковъ не было, — комната молчала, но уже Михаилъ Николаевичъ не вѣрилъ ея безмолвію и, сидя на кровати, осматривалъ ее подозрительнымъ взглядомъ. Она ему показалась какой то непріятной.

Онъ всталъ съ постели и, вздрагивая отъ ночной сырости (остывшая печь уже больше не грѣла), высоко поднявъ свѣчку, освѣтилъ всѣ углы. Никого не было, но онъ уже не удовлетворился этимъ бѣглымъ осмотромъ, зажегъ лампу и сталъ отодвигать мебель, но и здѣсь ничего не нашель,

Михаилъ Николаевичъ не могъ рѣшиться лечь спать. Онъ умылся холодной водой, сѣлъ на диванъ и сталъ ждать.

— Ну, выходи, братъ! Покажись, каковъ ты есть!

Игра въ прятки продолжалась. Было тихо,—того, кого Михаилъ Николаевичъ такъ настойчиво приглашалъ явиться, не оказывалось. Это былъ вызовъ смѣлаго и честнаго солдата, брошенный коварному и низкому трусу, который, гдѣ то спрятавшись, торжествовалъ въ этой неравной борьбѣ несомнѣнную побѣду. Михаилъ Николаевичъ, прождавъ тщетно около получаса, погасилъ свѣтъ и вернулся въ постель, взволнованный и неспокойный.

— Я боленъ. Это бредъ,—говорилъ онъ себѣ, но уже спать больше не могъ. Всѣ нервы были напряжены, сердце, неровно билось, въ вискахъ стучало.

Робко и нерѣшительно двинулся опять шаръ, словно прислушиваясь къ дыханію Михаила Николаевича, его бѣгъ разсыпался въ воздухъ быстрой деревянной трелью, и опять высоко поднялось въ воздухъ что то большое и стало на мягкія лапы.

Ночь увеличивала эти странные, необъяснимые звуки,—приближала ихъ. Шарикъ громко и нагло стучалъ.

Жутко было Михаилу Николаевичу; эта встрѣча съ чѣмъ то таинственнымъ, необъяснимымъ его взволновала не на шутку.

Нѣтъ, это былъ не бредъ, не галлюцинація слуха. Здѣсь, въ пустой комнатѣ, гдѣ былъ онъ одинъ, у его изголовья, расплываясь въ ночной темнотѣ, что то безформенное и страшное ожило, рядомъ съ нимъ свершая какое то бессмысленное дѣло. Оно уже не боялось кашля, смолкало только на секунду, чтобы съ еще большимъ рвеніемъ продолжать прежде, торопясь въ виду приближающагося утра. Нечистая сила?.. домовой?..

Михаилу Николаевичу начинало казаться, что въ этой темнотѣ уже стало подвигаться къ нему привидѣніе и, чѣмъ громче былъ звукъ, тѣмъ ближе было оно, вотъ-вотъ прыгнетъ къ нему на постель и побѣжитъ по подушкѣ пустой деревянный шаръ.

Вся комната, укрытая тьмой, дѣлалась страшной, и одинокій лунный лучъ бросалъ обманчивый, неприятный свѣтъ,

— Хороша спокойная комната, съ досадой думалъ онъ, удивляясь тому, что весь домъ безмятежно спитъ.

Странный шумъ не прекращался, и Михаилъ Николаевичъ весь замеръ, зная, что только тьма рождаетъ эти прыжки и что при свѣтѣ все сразу исчезнетъ, надвигающійся таинственный образъ растворится въ воздухъ и звуки растаютъ. Въ комнатѣ кто то жилъ, и предъ нимъ Михаилъ Николаевичъ, сильный, молодой казакъ, чувствовалъ себя беззащитнымъ. Подозрительной казалась ему теперь эта тихая квартира, хозяйка, сначала непривѣтливая, потомъ заботливая, наивная болтовня прислуги о буйномъ жильцѣ, который что то плелъ на судѣ...

А шаръ все катился... гремѣлъ... Что то высоко прыгнуло, дрогнуло и оборвалось. Стало тихо.

— Надо взять себя въ руки!..

Михаилъ Николаевичъ рѣшилъ начать свои розыски сначала, но на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ осторожнѣй. Онъ уже не зажигалъ свѣчи, одѣвался неслышно въ потемкахъ. Захвативъ на всякій случай заряженный револьверъ, который онъ по старой привычкѣ держалъ подлѣ себя, на столикѣ, онъ безшумно сошелъ съ постели, прокрался къ двери и тихо ее открылъ. Небольшой узкій корридоръ къ его удивленію не былъ темнымъ, въ него выходили стек-

лянные двери изъ двухъ комнатъ, и эти комнаты были освѣщены. Въ одной изъ нихъ дверь была полуоткрыта, и у образа, въ уголкѣ, тлѣла и мигала голубая лампадка. Въ другой комнатѣ горѣла яркая лампа, и, не смотря на то, что двери были плотно закрыты, Михаилъ Николаевичъ, притаившись, услышалъ, что тамъ не спятъ. Кто то жалобно и робко оправдывался, объясняя что то невнятнымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Ночью?.. да вы съ ума сошли!.. прервалъ, наконецъ, объясненіе нервный, знакомый голосъ хозяйки: что вы говорите?

И опять послышались тихія, грустныя и невнятные слова оправданья.

— Я не могу... не могу... перебивала, волнуясь, Зинаида Петровна.—Слышите?

Кто то въ отвѣтъ глухо заплакалъ и задалъ какой то вопросъ. Все на мгновенье затихло, хозяйка, растерявшись, молчала.

— Ахъ! дѣлайте, что хотите!.. закричала она.— Не умѣю я съ вами!.. и вдругъ, тоже заплакавъ, выбѣжала въ корридоръ и, чуть не задѣвъ Михаила Николаевича своимъ платьемъ, скрылась у себя въ комнаткѣ, озаренной голубой лампадой.

Михаилъ Николаевичъ очутился передъ открытой дверью и увидѣлъ небольшую, бѣдно обставленную комнату, гдѣ шелъ подслушанный имъ разговоръ.

Невысокая и сутуловатая женщина стояла, прислонившись къ столу, и вытирала платкомъ набѣжавшія на глаза слезы,—ее, повидимому, застали врасплохъ, и она была полуодѣта, въ короткой нижней юбкѣ, въ разстегнутой, ночной бѣлой кофтѣ. Волосы, совершенно растрепанные, упали на плечи

— Ахъ, мама!—вотъ и опять... съ горечью произнесъ откуда то изъ уголка дѣтскій простуженный голосокъ.—Кончай же!.. тянешь..

Она покорно сѣла къ столу, и тихіе, робкіе звуки невнятной трелью дрогнули въ воздухъ.

— Мама!.. да закрой же двери!.. Ты увидишь, завтра офицеръ на тебя будетъ жаловаться... увидишь...

— Я... нѣтъ... я прислушиваюсь... онъ крѣпко уснулъ...

Перепуганная женщина сорвалась со стула и бросилась закрывать дверь,—офицеръ успѣлъ только увидѣть на столѣ пишущую машину, бѣлые листы бумаги и блѣдное, усталое, желтое лицо съ огромными, грустными, голубыми глазами. Снова какъ будто-бы издалека понеслись знакомые звуки ударяемыхъ кнопокъ и передвигаемыхъ строкъ.

Михаилъ Николаевичъ вернулся къ себѣ и легъ. Его кровать выходила къ той стѣнѣ, подлѣ которой съ другой стороны стоялъ столикъ съ пишущей машиной,—на ней работали, и Михаилъ Николаевичъ понялъ, что только ночь и безмолвіе, царящее вокругъ, могли сдѣлать эти звуки загадочными и громкими, — въ сущности они были такъ слабы ..

Онъ лежалъ, прислушивался и думалъ: „Вотъ онъ—домовой!“.. И ему становилось жутко, словно во всей квартирѣ чувствовалось присутствіе нечистой силы. Она будила хозяйку, не давала спать грустной голубоглазой женщинѣ. Эта нечистая сила была настоящимъ властелиномъ этой квартиры, днемъ и даже ночью распоряжалась въ ней, какъ тиранъ, не боясь слезъ, жалобъ. Она была куда страшнѣй сказочнаго домового старинныхъ русскихъ преданій, не боялась, какъ тотъ, благочестивой молитвы, имя ей было — нужда.

И Михаилъ Николаевичъ прислушивался къ тихому звуку, который шелъ изъ сосѣдней комнаты, и снова вспомнилъ грустную, перепуганную женщину, которая, робко прислушиваясь къ каждому шороху, стерегла его сонъ,— боялась всѣхъ, и хозяйки, потому что работала въ поздній неурочный часъ, и заказчика, которому она въ срокъ не представить работы, и офицера-сосѣда, который вотъ-вотъ проснется, устроить скандалъ и будетъ правъ. Но она все таки работала, повинуюсь нуждѣ, жалѣя своего ребенка и озираясь пугливо, какъ заяцъ.

А рядомъ съ ней властно запрещала ей эту работу другая такая-же слабая и несчастная женщина, опасаясь

лишиться квартиранта, остаться безъ денегъ, боясь неприятностей.

Тихо и слабо дрожали клавиши, прыгали строки, усталые пальцы уже не имѣли силъ, путали, останавливались...

Михаилъ Николаевичъ всталъ на другой день очень поздно и на заботливый вопросъ хозяйки: „Какъ вы провели ночь?“—не задумываясь, отвѣтилъ: „Благодарю, прекрасно. Я уснулъ, какъ убитый, и не просыпался“. И когда онъ это сказалъ, ему показалось, что гдѣ-то въ корридорѣ дѣтскій голосокъ шепнулъ:

— Слава Богу!..

Е. Богрова.

ВОПРОСЫ.

Что значить жизнь? скажи, въ чемъ сущность свѣта,
 Который всѣхъ и грѣетъ и живить?
 — Никто, мой другъ, того не объяснитъ.
 На твой вопросъ напрасно ждать отвѣта.
 — Откуда тотъ невѣдомый эфиръ,
 Что мелкій нашъ, печальный, жалкій міръ
 Съ громадами міровъ объединяетъ?
 — Никто того не знаетъ,
 Откуда тотъ невѣдомый эфиръ.
 — Несетъ любовь намъ радость и страданье...
 Но кто она, посланница небесъ?
 — Какъ свѣтъ, эфиръ,—загадка мірозданья,
 Какъ жизнь сама, какъ вѣра, упованье,—
 Одно изъ тайныхъ міровыхъ чудесъ.
 — Любовь-ли то, когда зефиръ роняетъ
 Незримо пыль съ цвѣточка на цвѣтокъ,
 И къ лепестку онъ каждый лепестокъ,
 Какъ чародѣй, безопасно наклоняетъ?
 Любовь-ли то, когда тепла потоки
 На краткій мигъ сгоняютъ мотыльковъ,
 Подъ листьями трепещущей осоки
 Зажгутъ во тьмѣ огнями свѣтляковъ?
 Любовь-ли то, когда покорный власти
 Могучихъ силъ, незыблемыхъ, какъ рокъ,
 Стремится левъ ко львицѣ въ бурной страсти,
 Въ гнѣздо летитъ къ голубкѣ голубокъ?
 Любовь-ли то, когда, какъ рабъ послушный,
 Закованный въ цѣпяхъ изъ вѣка въ вѣкъ,—
 Ярмо влача природы равнодушной,
 Прильнетъ къ своей подругѣ человѣкъ?
 Любовь-ли то, когда упившись милой,
 Спѣшитъ къ другой онъ жажду утолить,—

Гонимый той же грубой, тайной силой,
Спѣшить къ другой фіалѣ страстей испить?
— Не спрашивай! Живи безъ колебанья.
Живи, дыши, подругу обнимай!
На новый зовъ горячаго желанья—
Покинь ее, другую избирай!
Но чувство то, какъ хочешь, называй,
Любое дай ему названье,—

Лишь именовъ любви

Его ты не зови.

Живи, дыши съ спокойною душою,
Какъ всѣ мы, всѣ,—презрѣнные рабы,
Что съ кротостью подъ властною пятою
Природы грозной ждуть своей судьбы.
Не можешь ты,—такъ удались отъ міра,
Изъ омота земли умчись ты въ высоту,
Туда, въ края лазурнаго эфира,
Люби одну лишь чистую мечту.

И. Гриневская.

Эрнстъ Альгрень.

(Викторія Бенедиктсонъ).

ОЧЕРКЪ

ЭЛЛЕНЪ КЕЙ

Fa in the veindrawn, ashencoloured palm
Death's hollow hand holds water of sweet draught
To sip and slake dried mouth sat, as a deer,
Specked red from thorns, laps deep and loses pain.

I.

Среди сказочныхъ сокровищъ всѣхъ народовъ встрѣчается, измѣняясь по характеру народа, глубокомысленное преданіе, символизирующее общую мысль о невѣрности всѣхъ человѣческихъ расчетовъ. Это—сказка о злыхъ и добрыхъ силахъ судьбы, встрѣчающихся у колыбели ребенка: одна изъ нихъ кладетъ въ нее прекраснѣйшіе дары, другая присоединяетъ къ каждому изъ нихъ проклятіе.

Это роковое состязаніе силъ судьбы разыгралось и надъ колыбелью Эрнстъ Альгрень.

Она родилась съ горячими запросами души поэта, съ стремленіемъ къ развитію, общенію съ родственными натурами, богатой смѣнѣ впечатлѣній, движенію, словомъ широкой жизни,—а была вынуждена провести всю свою жизнь „въ глухомъ углу“, томясь въ обыденныхъ мелкихъ условіяхъ шведской провинціальной жизни.

Она горѣла любовью къ свободѣ,—и ей суждено было всю жизнь сталкиваться съ цѣпями предрасудковъ; она любила истину, — и съ дѣтства была вынуждена притворяться; она была свободной натурой, и воспитаніе заставило ее застыть въ неподвижности и молчаніи; она была по природѣ своей цѣльнымъ существомъ — и вся ея жизнь была жизнь раздвоеннаго существа.

Ея идеаломъ была любовь въ бракѣ; въ ея жизни любовь и бракъ разошлись; материнство тѣла не слилось въ ней съ материнствомъ сердца.

Она была легко-подвижнымъ, жаждавшимъ воздуха полей существомъ, съ активными, дѣятельными наклонностями—и цѣлые годы она была прикована къ постели, всю жизнь не разставалась съ костылями; въ ней было сильно стремленіе къ работѣ, но у нея не хватало для нея силы; она мечтала о созданіи совершенныхъ поэтическихъ изданій, но никогда она не выполняла поставленной себѣ задачи въ ея цѣломъ; ея лучшія поэтическія творенія остались отрывками.

Съ силой художественнаго темперамента она стремилась къ непосредственному широкому наслажденію жизнью, она любила распространять вокругъ себя радость и довольство — и ее мучили мелкія заботы о пропитаніи, мучилъ страхъ предъ необезпеченностью. Она была создана для того, чтобы господствовать надъ обстоятельствами—и обстоятельства сломили ее. Она любила жизнь здоровой, глубокой

любовью, а кончила ее, неизлечимо утомленная ею. Она трепетала при мысли о мукѣ смерти и покончила съ собой мучительной смертью.

Причина этой развязки отчасти лежитъ въ столкновеніи всѣхъ этихъ противоположностей.

Какой то врачъ нашель въ себѣ достаточно силы, чтобы на пользу науки записать часъ за часомъ процессъ своего добровольнаго умиранія.

Эрнстъ Альгрень попыталась сдѣлать нѣчто подобное, но силы ее покинули; изъ задуманнаго ею описанія осталось только нѣсколько строкъ. Врачъ, о которомъ мы только что говорили, замѣчаетъ, что вся его предшествующая жизнь казалась ему только подготовленіемъ къ заканчивавшей ее добровольной смерти—и то же чувство рокового, неотвратимаго придаетъ свой оттѣнокъ всему тому, что сообщаетъ Эрнстъ Альгрень о своемъ душевномъ состояніи за послѣдніе годы жизни. Это у нея неотвязная мысль, обвивающая золотую нить ея творческихъ радостей и свѣтлую нить ея любви къ жизни, затемняющая и творчество и жизнь.

Но это настроеніе не вытекало только изъ глубоко таившагося въ темпераментѣ писательницы мрачнаго настроенія,—къ нему приводило ее все теченіе ея жизни.

Эрнстъ Альгрень боялась, что послѣ ея смерти ея жизнь дастъ поводъ къ созданію ряда полубогатыхъ рассказовъ, какіе обыкновенно слагаются на почвѣ трагедіи человѣческой жизни. Ей естественно не хотѣлось, чтобы современники или потомство—ложно понимали ее. Какъ большинство продуктивныхъ натуръ, она чувствовала, что ея жизнь принадлежитъ не ей одной, но и человѣчеству. Ей хотѣлось по мѣрѣ своихъ силъ воплотить испытанія своей жизни въ формѣ поэтическихъ произведеній.

Но и тогда, когда она увидѣла, что въ ней нѣтъ силъ для того сильнаго душевнаго подъема, котораго требуетъ эта высшая форма автобіографіи, она не отказалась отъ мысли послужить современникамъ результатами опыта своей жизни — и она сообщала ихъ письменно и устно своимъ друзьямъ.

Эти признанія носятъ на себѣ отпечатокъ неподкупной правдивости умирающаго, они возникли изъ страстной любви къ жизни приговореннаго къ смерти. Именно эта

любовь сдѣлала для нея потребностью завѣщать потомству испытанія своей жизни, какъ это сдѣлалъ умиравшій врачъ, о которомъ мы говорили.

Другіе друзья покойной сдѣлали много цѣннаго для выясненія ея личности. Я присоединю къ созданному ими только нѣсколько чертъ; она сама желала, чтобы я рассказала исторію ея жизни.

* * *

Эрнстъ Альгрень какъ-то сказала своимъ своеобразнымъ, медлительнымъ, тихимъ тономъ, оставлявшимъ неизгладимые слѣды въ памяти людей: „отвращеніе къ жизни съ самаго моего рожденія и благодаря моему рожденію таинственнымъ образомъ примѣшалось къ моему характеру. Я появилась на свѣтъ безъ достаточнаго основанія — и жизнь никакъ не можетъ ухватиться за меня надлежащимъ образомъ; нить, привязывающая меня къ жизни, хрупче, чѣмъ у другихъ людей“.

И она рассказала о своемъ рожденіи. Ея родители въ теченіе почти 20 лѣтъ жили на разныхъ половинахъ и встрѣчались только въ столовой. Когда состоялась помолвка ея старшей сестры, они помирились, но „это былъ очень короткій миръ, потому что съ моимъ появленіемъ на свѣтъ скоро вновь начался раздоръ“. Сначала спорили изъ-за имени ребенка, потомъ изъ-за его воспитанія.

Ея отецъ, Туре Брузелиусъ, происходившій изъ извѣстной пасторской семьи, мечталъ о военной карьерѣ, но не могъ послѣдовать своему влеченію и поневолѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ немъ были кое-какія изъ тѣхъ чертъ, которыя потомъ въ усиленномъ видѣ проявились у его дочери — темпераментъ, вмѣстѣ и холерическій и меланхолическій, съ цѣлымъ міромъ неудовлетворенныхъ стремленій въ глубинѣ души. Мать была очень религіозной, строго преданной принципамъ натурой, отличавшейся силой воли; дочь унаслѣдовала отъ нея свою энергію, свое рѣдкое самообладаніе и отчасти свои поэтическія наклонности: мать ея написала нѣсколько религіозныхъ стихотвореній. Уже съ ранняго дѣтства дѣвочка стала замѣчать царившій въ домѣ раздоръ. Отецъ, нашедшій себѣ внѣ дома утѣшеніе въ домашнихъ непріятностяхъ, иной разъ, побуждаемый желаніемъ примиренія, приходилъ къ женѣ, но та совершенно безучастно отстранялась отъ него, когда онъ рыдалъ у ея ногъ. Дѣвочка никогда не забывала этихъ сценъ, какъ неизгладимо осталось въ ея памяти то чувство стыда, которое вызывали въ ней подарки матери, — какихъ нибудь 25 эрѣ или тому подобное, — разсчитывавшей ими подкупить дочь и отвлечь ее отъ отца и женщины, бывшей ея соперницей. Всѣ эти неясныя, противорѣчивыя впечатлѣнія произвели роковое вліяніе на душу ребенка. Они вызвали въ немъ и подозрительность и ту неодолимую и преувеличенную жажду рефлексіи, которая встрѣчается только у людей, имѣющихъ за собой печальное, тяжелое дѣтство.

Между этими столь отличными другъ отъ друга родителями проходила жизнь ребенка. Шесть часовъ въ день она принадлежала матери, которая, обладая необыкновенно большимъ для своего времени образованіемъ, сама воспитывала свою дочь. „Но“, какъ рассказываетъ она, „въ мои свободныя минуты я убѣгала къ отцу; онъ обладалъ двумя качествами, которыя меня неотразимо привлекали: любовью къ жизни подъ открытымъ небомъ и талантомъ рассказчика. Онъ выучилъ меня ѣздить верхомъ, бороться, стрѣлять изъ пистолета, и другимъ мужскимъ упражненіямъ; въ общемъ онъ обращался со мной, какъ съ мальчикомъ“. При его меланхолическихъ разсказахъ дѣвочка неудержимо плакала;

но стоило ей подумать о томъ, что мать можетъ увидѣть ее съ отцомъ, она соскальзывала съ его колѣнъ, и, когда мать спрашивала ее, почему она плакала, она отвѣчала: „безъ причины“!

„Но чаще всего его рассказы отличались чарующимъ увлекательнымъ юморомъ, и эта юмористическая сторона всегда привлекала меня больше, чѣмъ трагическая. Мать была всегда трагичной, — строго трагичной, безъ слезъ. Ребенкомъ я иной разъ слышала отъ нея, что она въ своей молодости плакала. Я не вѣрила этому; мнѣ это казалось столь же невѣроятнымъ, какъ чудеса библейской исторіи, которымъ я тоже не вѣрила. Вражда родителей дѣлала мое отношеніе къ нимъ обоимъ неестественнымъ. Я хотѣла быть въ ладу съ обоими — и я должна была лгать имъ обоимъ; эти впечатлѣнія дѣтства сдѣлали, когда я выросла, мою правдивость излишне рѣзкой и почти грубой. Вообще своеобразныя условія, при которыхъ я выросла, оставили во всей моей жизни глубокіе слѣды“...

...„Ребенкомъ я была вынуждена вести себя, какъ взрослый человекъ; благодаря этому во мнѣ навсегда зацѣло что-то дѣтское; я могу слѣдовать условностямъ въ моемъ поведеніи, но не въ моихъ чувствахъ и мысляхъ“.

Уже давно (въ „Реалистѣ“) Эрнстъ Альгрень описала эту раздвоенность своей жизни; въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ очеркахъ раскрываются кое-какія и другія черты изъ исторіи страстей и страданій этой замкнутой дѣтской души. Къ этимъ страданіямъ принадлежали и тѣ безпрестанныя препятствія, которыя встрѣчали ея желанія; на каждомъ шагѣ ей напоминали, что она дѣвочка. Разница между правами и преимуществами дѣвочки и мальчика мучила ее еще тогда, когда она такъ охотно разыгрывала роль „папина мальчика“; эта противоположность между кругомъ правъ и обязанностей мужчины и женщины сыграла затѣмъ во всей ея жизни выдающуюся роль.

Ея послѣдняя исповѣдь „Изъ мрака“ сконцентрировала исторію всѣхъ тѣхъ страданій, которыя она перенесла только потому, что она была женщиной, т. е. „паріей, который никогда не можетъ вырваться изъ своей касты“.

Мѣстность, гдѣ выросла Эрнстъ Альгрень, старый домъ въ плоской Треллеборгской равнинѣ, не могла впечатлѣніями природы сгладить впечатлѣнія того гнета, который окружалъ ее. Ея эстетическое чувство не находило себѣ пищи въ красотахъ природы, вызывающихъ мечты и лирическія настроенія. Чувство природы у жителей долины бываетъ обыкновенно живописнымъ, не поэтическимъ. Они отличаются способностью яснаго и опредѣленнаго наблюденія, чутьемъ формы и красокъ, развиваемымъ однообразіемъ того, что встрѣчаетъ глазъ. Именно таково было чутье природы у нашей писательницы. Ея описанія природы сдѣлали бы честь живописцу, — лиризма въ нихъ нѣтъ. Но эти описанія не представляютъ собой сильной стороны ея таланта. Ея сильнѣйшія впечатлѣнія не умозрительнаго, а дѣятельнаго характера. Спортъ былъ для нея лучшимъ средствомъ входить въ соприкосновеніе съ природой. Но для нея, какъ для женщины, свободное общеніе съ природой было до извѣстной степени недоступно; въ послѣдствіи болѣзнь препятствовала ей отдаваться наслажденію природой — да болѣзнь же и дѣлала его болѣе мягкимъ, болѣе созерцательнымъ. Выздоровѣвши послѣ своей опасной болѣзни, она потеряла чувствительность къ успокаивающему воздѣйствію природы. Она сознавала эту перемену въ себѣ и ощущала ее какъ часть той пустоты, на которую она постоянно жаловалась. Больше всего она всегда интересовалась жизнью

людей и животных. Она могла отвернуться отъ великолѣпнѣйшаго пейзажа, чтобы присмотрѣться къ самому ничтожному проявленію человѣческой жизни,—и это ея основная черта становится въ ней ясной еще въ дѣтствѣ. Пріятнѣйшіе часы, о которыхъ она вспоминала, были тѣ, когда она вопреки запрету спускалась въ людскую (описанную ею въ ея рассказахъ и наброскахъ). Эти украдкой производимыя посѣщенія рано развили въ ней то пониманіе народной жизни, благодаря которому ея сцены изъ народной жизни отличаются такимъ гениальнымъ чутьемъ народнаго характера, не окрашиваемаго ни „господскимъ настроеніемъ“, ни „господскимъ языкомъ“. Ей не приходилось устранять идеализаціей черты грубости народа, чтобы вызвать въ себѣ сочувствіе къ истинно человѣческимъ его сторонамъ,—ея полный любви взоръ открылъ существенное, и оставилъ въ сторонѣ наносное. Она сама была убѣждена, что безъ этой юности, проведенной въ деревнѣ, гдѣ немногочисленныя впечатлѣнія именно въ силу своей немногочисленности становились особенно сильными, безъ этихъ экскурсій въ людскую, ея поэзія не имѣла бы одной изъ наиболѣе характерныхъ своихъ чертъ, свойственныхъ и ея личному характеру,—своего истинно народнаго направленія. Она легко пріобрѣтала сердечное довѣріе простыхъ людей; она не смотрѣла на нихъ и условія ихъ жизни сверху внизъ, наоборотъ она чувствовала въ себѣ больше душевной близости съ поденщиками, чѣмъ съ людьми ея собственнаго общественнаго слоя, праздность котораго, особенно замѣтная среди женщинъ, была для нея ненавистна. Ея житейской философій было: работа и лишенія, пока работа не доставитъ средствъ для пользованія благами жизни. Она больше всего боялась страсти къ наслажденіямъ сильной несмотря на экономическую зависимость. „Это становится несчастіемъ молодого поколѣнія“, говорила она часто, „благодаря этому оно подвергается искушеніямъ, измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ; я буду преслѣдовать эту слабость непримиримо... если я только останусь въ живыхъ“.

Въ 1887 году она пишетъ: „Я чувствую, что я *underclass*, если этого и нельзя сказать по моему внѣшнему виду; я груба по своей природѣ, по склонности, изъ протеста противъ унаслѣдованной мной отъ отца и матери чиновничьей спѣси. Вотъ почему во мнѣ подымается чувство возмущенія всякій разъ, когда я встрѣчаюсь съ людьми, которые любятъ только красоту и гармонию; въ душѣ своей я глубокая демократка“.

„Если бы я неизмѣнно слѣдовала своимъ склонностямъ, я жила бы очень по-спартански, мои комнаты походили бы на монастырскія кельи. Но выходить не такъ. У меня талантъ устраиваться—я стараюсь дѣлать все возможно болѣе изящнымъ, мягкимъ, пріятнымъ. Почему? У меня есть чутье красокъ—и это все. Я ненавижу роскошь—и все таки я могла бы окружить себя ею, еслибы имѣла на то средства. Это—маленькая непослѣдовательность, надъ которой я сама смѣюсь. — Я ненавижу шелестъ шелка въ моихъ собственныхъ платьяхъ,—и все таки ношу шелкъ. У меня потребность дѣлать жизнь для тѣхъ, кого я люблю, возможно болѣе пріятной и удобной“.

Она не была бы женщиной и художницей, не будь въ ней этой „непоследовательности“.

Едва ли нужно указывать на то, что не грубость сама по себѣ привлекала Эрнстъ Альгрень къ народу. На нее производили неотразимое впечатлѣніе естественность, простота, сила, величіе жизни, посвященной труду. Она любила

работу не потому только, что она давала для жизни хлѣбъ,—она была для нея „хлѣбомъ жизни“. Работу она считала великой, строгой воспитательницей, ведущей человѣка къ истинному наслажденію жизнью. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ она восхваляла трудъ—нигдѣ не сдѣлано это лучше, чѣмъ въ „Маріаннѣ“, книгѣ посвященной не столько любви вообще, сколько любви къ труду. Правда, Маріанну заставляетъ работать ея любовь къ Бойе, но эта работа, безсознательно для нея, но вѣрно ведетъ ее къ нравственному обновленію. Эта подкладка книги понята только немногими.

Совмѣстная работа и любовь — вотъ какъ понимала Эрнстъ Альгрень счастье въ бракѣ. Въ этомъ отношеніи она далеко опередила большинство своихъ современниковъ въ своихъ требованіяхъ реформы существующаго. Она думала, что многія черты прежней романтики въ отношеніяхъ между полами уступятъ мѣсто дѣйствительной общности стремленій. Роль этого реформатора брачныхъ отношеній должна была выпасть на долю труда.

„Я желаю Вамъ“, писала она одной молодой писательницѣ передъ ея выходомъ замужъ, „здороваго, полного внутренняго счастья, которое могло бы мириться и съ некрасивымъ, и съ прозаическимъ и все таки цвѣло бы, когда на него сіяетъ солнце“.

Вѣра Эрнстъ Альгрень въ силу труда граничила съ суевѣріемъ. „Ты несомнѣнно будешь счастлива, такъ какъ ты любишь работу“; „ты не можешь быть совершенно несчастна, — ты умѣешь трудиться“ — такъ говорила она часто. Если бы она сама сохранила свою работоспособность, она сохранила бы достаточно любви къ жизни, чтобы быть въ состояніи жить.

* * *

Эта основная черта темперамента Эрнстъ Альгрень съ рѣдкой опредѣленностью проявилась въ ней еще въ первые годы ея молодости. Она хотѣла имѣть собственную работу, собственную цѣль жизни. Въ то время для молодой дѣвушки состоятельной семьи это было очень необыкновеннымъ желаніемъ. Помимо ея художественной натуры и энергическаго стремленія къ труду, этому направленію ея стремленій въ сторону внѣшней дѣятельности способствовали еще особыя обстоятельства. Она не мечтала, какъ другія молодыя дѣвушки, о любви и счастіи домашняго очага—она никогда не знала семейныхъ радостей, семейнаго покоя; даже любовь родителей была для нея отравлена ихъ несогласіемъ и раздоромъ. Она не думала, что ей суждена любовь. Ее воспитали въ убѣжденіи, что она отталкивающе безобразна; ея длинная худощавая фигура въ безвкусномъ платьѣ,—въ дѣтствѣ ее одѣвали на половину какъ мальчика, на половину какъ дѣвочку,—была для нея источникомъ постоянныхъ страданій, усиливавшимъ никогда не оставлявшія ея робость и замкнутость. Во время своего долговременнаго пребыванія въ Стокгольмѣ въ 1885 г. она писала: „Меня угнетаетъ дѣйствительное несчастіе: я не могу говорить. Да, вы смѣтаетесь, но для меня это вовсе не смѣшно, что я не въ состояніи высказаться устно. Вы не поймете, какимъ одинокимъ можетъ сдѣлать человѣка такой природный недостатокъ; но я бы могла, пожалуй, примириться съ этимъ, еслибы это былъ дѣйствительно природный недостатокъ; на самомъ дѣлѣ это мучительная робость, развившаяся во мнѣ благодаря моему несчастному дѣтству. И эта привитая робость находится въ противорѣчій съ моимъ смѣлымъ характеромъ. „Но“, заключаетъ она, „кто знаетъ, быть можетъ, этотъ недостатокъ языка сдѣлалъ меня писательницей“.

Эта никогда и впоследствии не побѣжденная ею застѣнчивость въ годы ея юности была такъ велика, что общественная жизнь была для нея пыткой; хотя она иной разъ страстно мечтала о томъ, чтобы чувствовать себя непринужденной и веселой, какъ другія молодыя дѣвушки, но ей и въ голову не приходило, что что-нибудь, кромѣ искусства, о которомъ она денно и ночью думала, можетъ сдѣлать ее свободной и счастливой. Эти наивныя мечтанія юности она впоследствии изобразила въ „Деньгахъ“, — исторія обманутой надежды Сельмы списана съ собственной исторіи писательницы.

Когда Викторія Бруцелиусъ попросила у родителей позволенія развить свои способности къ рисованію въ академіи художествъ или по крайней мѣрѣ въ школѣ художественной промышленности въ Стокгольмѣ, ей опять пришлось натолкнуться на то препятствіе, которое такъ часто становилось уже ей поперекъ дороги, когда возникалъ вопросъ о самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ,—это ей съ дѣтства столь хорошо знакомое препятствіе: ты дѣвушка—и къ тому же дѣвушка изъ хорошей, состоятельной семьи. Въ такихъ семьяхъ изъ дочекъ обыкновенно не дѣлаютъ художницъ—онѣ украшаютъ семейный очагъ родителей, пока не создадутъ свой собственный. Это было приличнымъ, подходящимъ для дѣвушки, а стало быть—и наиболѣе естественнымъ и наиболѣе желательнымъ для нея.

Но Эрнстъ Альгрень не обладала необходимыми для этой роли задатками. Когда родители отказали ей въ деньгахъ на ея образованіе, она отвѣтила, что сама будетъ для этого зарабатывать,—она надѣялась, что сопротивленіе основывалось на денежномъ вопросѣ и на сомнѣніяхъ въ рѣшительности ея намѣреній. Она добыла себѣ мѣсто гувернантки въ знакомой семьѣ и бодро начала работать, чтобы создать себѣ будущее художницы.

Въ эти три года—отъ семнадцати до двадцати—началась ея юность. Ей пришлось испытать многое, что по колебало тотъ взглядъ на себя, который она себѣ составила. Такъ напримѣръ она рассказывала, какъ впервые было польщено ея самолюбіе, когда она однажды во время короткаго пребыванія въ Мальме, услышала шопотъ двухъ молодыхъ людей: Глядите, какая красивая дѣвушка! У нея закружилась голова, ей казалось, что вся улица колеблется и дома вокругъ нея пляшутъ. Быть можетъ, то мучительное чувство, которое вызывало въ ней мысль о томъ, что она лишена всѣхъ женскихъ прелестей, было только плодомъ одной изъ многихъ ошибокъ ея воспитанія? Была ли она въ дѣйствительности непохожа на другихъ женщинъ? Не могла ли и она возбуждать любовь, удѣлять счастье?

Съ этого часа она какъ будто попала словно въ болѣе теплый климатъ. Она начала немного освобождаться отъ своей застѣнчивости; она—хотя все же не безъ стѣсненія—стала давать волю своему молодому стремленію къ веселости и непринужденности. Въ это время она пережила небольшой романъ, кончившійся недоразумѣніемъ,—ни одна изъ сторонъ не поняла чувства, которое къ ней питала другая,—быть можетъ, и своего. Онъ уѣхалъ въ Америку; она—какъ всѣ дѣвушки моложе двадцати лѣтъ при первомъ шагѣ въ преддверіе святилища Эроса,—думала, что она навсегда закончила исторію своей любви. Тѣмъ неуклоннѣе обратились ея мысли къ мечтаніямъ объ искусствѣ.

Но когда она опять вернулась къ родителямъ и сказала имъ, что она себѣ дѣйствительно заработала столько, чтобы прожить годъ въ Стокгольмѣ, и надѣется, что они теперь убѣдились въ серьезности ея рѣшенія, она встрѣтила тотъ же отвѣтъ, что и въ первый разъ. Неужели же ей

никогда не предстояло найти исходъ для своихъ дѣятельныхъ силъ, найти цѣль своей жизни? Она должна была создать себѣ такую цѣль, должна была завоевать себѣ свободу.

И она думала, что достигнетъ и того, и другого, когда настойчивый поклонникъ вторично предложилъ ей свой домъ и свою любовь.

Онъ былъ на 28 лѣтъ старше ея, былъ вдовецъ, имѣвшій пятерыхъ дѣтей, пользовался репутаціей честнаго и дѣльнаго человѣка. Его возрастъ и опытность несомнѣнно произвели свое впечатлѣніе на молодую расцвѣтавшую учительницу, подарившую ему свое полное довѣріе. Несмотря на всѣ возраженія семьи, недовольной разницей возрастовъ пары, она наконецъ дала свое согласіе. Раньше ей помѣшали самой опредѣлить свою будущность и карьеру—теперь она хотѣла рѣшать сама.

Все то короткое время, когда она была невѣстой, ее больше всего занимала мысль о томъ, что она теперь будетъ освобождена отъ гнета ея собственной семьи, что она найдетъ уютный домъ и широкую дѣятельность—она была проникнута искреннѣйшими намѣреніями быть доброй и полезной. О томъ, что бракъ принесетъ съ собою другого рода гнетъ, она и не думала,—тѣмъ болѣе, что не имѣла никакого представленія о бракѣ. Ее воспитали въ обычномъ невѣдѣніи великихъ естественныхъ условій жизни, считаемомъ невинностью. Она не получила честнаго разъясненія того, что не могло не вызывать ее на размышленія, и поэтому составила себѣ собственное фантастическое объясненіе, очень мало походившее на дѣйствительность.

Осенью 1871 года Викторія Бруцелиусъ обвѣнчалась въ Гѣрби съ бывшимъ тогда директоромъ банка и почтмейстеромъ Хр. Бенедиксономъ. Что она испытала въ этомъ бракѣ, объ этомъ можно судить уже потому, что ея первая попытка самоубійства относится къ первымъ годамъ ея замужества; характерно и ея замѣчаніе, что, когда она схоронила одного изъ двухъ дѣтей, которыхъ родила въ этомъ бракѣ, она испытала не горе, а только облегченіе.

Эрнстъ Альгрень не могла никогда коснуться вопроса, близкаго къ области этихъ ея личныхъ испытаній, безъ того, чтобы ея голосъ не задрожалъ отъ прилива глубокаго страстнаго чувства, душиваго ее; ея взглядъ омрачался, ея губы сурово смыкались.

Въ такія минуты казалось, что все ея существо проникалось ненавистью—ненавистью противъ условной pruderie, сдѣлавшей возможной такую печальную судьбу, какой была ея судьба,—и эта ненависть нашла свое сильнѣйшее выраженіе въ „Деньгахъ“, книгѣ, которая не рассказываетъ ни о характерѣ, ни объ исторіи жизни автора, но которая безъ этой исторіи не возникла бы.

Конецъ „Денегъ“ она впоследствии находила нехудожественнымъ и собиралась въ случаѣ новаго изданія переработать его. Но именно тотъ духъ возмущенія, которымъ дышетъ все какъ бы застывшее существо Сельмы, былъ полнымъ выраженіемъ глубочайшихъ страданій писательницы, былъ самой дѣйствительной правдой жизни, которая когда бы то ни было проявлялась въ творествѣ.

Для *моногамической натуры* — такъ называла себя Эрнстъ Альгрень—*совершенно невозможно*, отдавши часть своей личности, не попытаться привести свое сожитіе съ мужчиной въ нѣкоторое согласіе съ тѣмъ, что ей казалось настоящимъ бракомъ. Подобныя попытки часто создаютъ основаніе для вѣрности въ неудачномъ бракѣ, который иначе кончился бы разводомъ. Чаще всего женщина стремится спасти послѣднюю возможность поддержать отношенія, въ

которыя она вступила, не будучи въ состояніи отдать все мужу или получить взаменъ полную любовь.

И Викторія Бруцелюсъ старалась сдѣлать свою жизнь съ мужемъ возможно болѣе содержательной. Чтобы создать хотя бы нѣкоторое подобіе общности интересовъ, она прибѣгла къ своему универсальному средству—**работѣ**, она стала помощницей мужа въ его занятіяхъ по управленію отдѣленіемъ банка въ Гёрби. Благодаря этому она приобрѣла многостороннее знаніе людей и знакомство съ практической жизнью,—всѣ ея произведенія свидѣлствуютъ объ этомъ.

Въ остальномъ ничто не измѣнилось. Никакая добрая воля не могла примирить непримиримыхъ противоположностей. Будь хотя бы одна общая точка, будь хоть немного взаимнаго пониманія и симпатіи, стараніямъ одной изъ сторонъ, быть можетъ, удалось бы постепенно измѣнить отношенія. Безъ этого разстояніе между супругами увеличилось изъ года въ годъ. Викторія Бенедиктсонъ старалась заполнить свою сердечную пустоту работой, чтеніемъ, развлеченіями, — все было хорошо, лишь бы не имѣть свободнаго времени, лишь бы не сидѣть, отдаваясь все возрастающему раздраженію, чувству униженія и возмущенія.

Больше всего ей помогали переносить тягость жизни дѣти мужа. Она была имъ подругой, товарищемъ, воспитательницей; она старалась сдѣлать имъ и ихъ друзьямъ домъ пріятнымъ и уютнымъ; она была еще такъ молода, что и сама съ радостью принимала участіе въ тѣхъ скромныхъ развлеченіяхъ, которыя она имъ устраивала.

Она все еще рисовала и писала, хотя начинала понимать, что ея собственныя способности указываютъ ей не этотъ путь,—впослѣдствіи она впрочемъ какъ-то писала, что ея занятія живописью не оказались бесполезными для ея литературной дѣятельности, такъ какъ развили въ ней наблюдательность.

Въ большомъ провинціальномъ городкѣ Гёрби и нѣсколькихъ близъ лежавшихъ дворянскихъ усадьбахъ общественныя отношенія были довольно оживленныя. Вездѣ, гдѣ г-жа Бенедиктсонъ появлялась, она вызывала уваженіе и удивленіе. Она не только внѣшнимъ образомъ была головой выше всѣхъ другихъ, — и ея характеръ заставлялъ людей смотрѣть на нее снизу вверхъ. У иныхъ эта необходимость вызываетъ симпатію, многихъ она отталкиваетъ.

Тѣ, которые при случайныхъ свѣтскихъ встрѣчахъ считали Викторію Бенедиктсонъ неподвижной, гордой, холодной, чувствовали себя согрѣтыми ея сердечной добротой, когда ихъ сближали съ ней радость или горе, которыя она могла раздѣлить.

Но за то сплетенъ она никогда не любила; въ собраніяхъ, гдѣ именно эти сплетни оживляли кружокъ дамъ, она старалась спастись среди молодежи. Она садилась за фортепiano и неумоимо играла танцы на радость благодарной молодежи. Радостная сидѣла она среди нея — и молодые люди окружали ее, наперерывъ выражали ей свою любовь и свой восторгъ. Ея власть надъ молодежью была безгранична. Дѣти ея мужа обожали ее и гордились ею. Именно ея таинственная замкнутость очаровывала людей; она умѣла управлять ими взглядомъ, удерживать ихъ словомъ, счастливить своей рѣдкой похвалой или еще болѣе рѣдкой лаской. Ея неодобреніе дѣйствовало уничтожающимъ образомъ; ея доброта всегда дѣйствовала болѣе сердечно, чѣмъ у кого бы то ни было другого.

Не только дѣти и молодые люди испытывали неотразимую привлекательность этой тихой глубокой природы. Молодая жена состарившагося мужа нерѣдко вызывала покло-

неніе другихъ мужчинъ, поклоненіе, которое по крайней мѣрѣ однажды стояло на границѣ болѣе сильнаго чувства. Эта дружба внесла въ ея жизнь много симпатіи, возвышающаго обмѣна мыслей и теплоты. Когда возникли затрудненія, не мужъ поддержалъ ее въ исполненіи ея долга,—на нѣчто подобное указываетъ ея рассказъ „Изъ сумерекъ“. И этотъ случай словно землетрясеніе расширилъ пропасть между супругами.

Было еще обстоятельство, дѣлавшее совмѣстную жизнь особенно тяжелой. Въ Викторіи Бенедиктсонъ пробудилось стремленіе къ поэтическому творчеству, — и она столкнулась съ столь знакомымъ ей дѣтству и юности препятствіемъ, приобрѣвшимъ еще большую силу.

Развѣ она не была супругой и матерью? Развѣ женщина имѣетъ право пренебрегать своими прямыми обязанностями изъ побужденій неженственного честолюбія? Писательство и вообще было неприлично для женщины — оно было недостойно женщины, имѣвшей призваніе супруги. Она не должна была стремиться къ славѣ синяго чулка, она могла оказаться неудачной писательницей, сдѣлать мужа смѣшнымъ и домъ неудобнымъ, не добившись литературнаго успѣха.

И она во второй разъ начала борьбу за свою свободу, болѣе тяжелую, но побѣдоносную. Ея художественная натура нашла наконецъ свое настоящее выраженіе, а въ немъ новую силу для самоопредѣленія.

Здѣсь начинается, собственно говоря, истинная исторія жизни Эрнстъ Альгрень, которую я теперь попытаюсь рассказать.

II.

Въ томъ самомъ крытомъ въ то время соломою одноэтажномъ домѣ, въ которомъ находилось зданіе почты въ Гёрби, находилась и отдѣленная отъ другихъ жилыхъ помѣщеній узкой передней небольшая комната, всегда особенно привлекавшая молодую женщину,—это была книжная лавка Гёрби, представлявшая собой отдѣленіе книжной торговли Кронгольма въ Мальмѣ.

Завѣдывала магазиномъ женская половина семьи; больше всего занималась имъ хозяйка дома, потому что отъ процента съ продажи календарей, катехизисовъ и другого ходкаго въ провинціи товара зависѣло количество такихъ книгъ, которыя она могла выписывать для себя—только она одна и покупала ихъ.

Въ этой миниатюрной книжной торговлѣ съ покрытыми парой обыкновенныхъ досокъ стѣнами стоялъ у окна раскрытый игорный столъ; за нимъ было любимое мѣстечко госпожи почтмейстерши. Здѣсь она чувствовала себя владычицей всѣхъ книжныхъ сокровищъ магазина, здѣсь съ радостью вскрывалась каждая вновь получаемая партія книгъ — уже тогда случалось, что въ ней попадалась та или другая книга изъ числа мало спрашиваемыхъ; впоследствии вошло въ правило присылать одинъ экземпляръ cadaго вновь появлявшагося беллетристическаго произведенія; наконецъ—здѣсь она могла безъ помѣхи отдаваться тѣмъ занятіямъ языками и литературой, которыя ей, самоучкѣ, облегчили потомъ выступленіе на литературное поприще.

Какъ хорошо чувствовала себя Викторія Бенедиктсонъ въ этой скромной комнаткѣ, это впоследствии рассказала Эрнстъ Альгрень въ двухъ маленькихъ рассказахъ: „Послѣ закупокъ“ и „Крупная торговля“. Особенно послѣдній рисуетъ картинку домашней жизни, удачно задуманную и

очерченную парой ударовъ кисти жанровую картинку, тонко передающую настроеніе и изображающую въ главной фигурѣ самого автора.

Всѣ значительныя беллетристическія произведенія Эрнста Альгрена возникли въ книжной лавкѣ. Тамъ, за раскрытымъ игорнымъ столомъ, написана большая часть рассказовъ „Изъ Скоонена“ и большая часть „Денегъ“; здѣсь она пережила первую ожесточенную борьбу мысли со словомъ, здѣсь плодомъ неутомимой умственной работы явились невѣроятныя многочисленныя первые опыты, не выдержавшіе ея собственной критики и поэтому никогда не опубликованные, или выпущенные въ свѣтъ неопытной писательницей продукты періода ея литературнаго броженія, осужденные неизвѣстнымъ строгимъ критикомъ. Постоянная неудача первыхъ лѣтъ литературнаго творчества Эрнста Альгрена оставила въ ея развитіи глубокіе слѣды. Та художественная страсть, которая явилась уже въ тѣ годы, когда она превращалась изъ ребенка въ женщину, и была тогда подавлена властнымъ отцомъ, проявилась теперь опять, болѣе сильно, глубоко, сознательно. И теперь она натолкнулась на сопротивленіе извнѣ, но и теперь, также какъ и раньше, ея мужество не могло быть сломлено. Это было время обманутыхъ надеждъ, но и время упорнаго воспитанія воли, время суровой работы—и въ эти годы неудачъ работа, душевная борьба и страданія довели талантъ Эрнста Альгрена до полной зрѣлости.

Въ тотъ же періодъ жизни началась и болѣзнь, имѣвшая такое глубокое вліяніе на будущность Эрнста Альгрена.

Боль въ колѣнѣ, которую она приписывала ушибу, весной 1881 г. развилась въ опасную болѣзнь, на два года приковавшую ее къ постели, сначала въ Гёрби, затѣмъ въ Лундъ и Мальме. Въ эти годы она перенесла больше физическихъ страданій, чѣмъ большинство другихъ людей во всю ихъ жизнь. Одна за другой слѣдовали мучительныя операціи; врачъ требовалъ примѣненія хлороформа, но изъ предубѣжденія противъ всякихъ одуряющихъ средствъ она не соглашалась на него,—ножъ дѣлалъ свое дѣло, а она лежала стиснувъ зубы, безъ звука, безъ жалобы. Нѣсколько разъ горячка приводила ее на край могилы, но она и предъ великою тайной смерти сохраняла то же спокойствіе, которое потомъ въ долгое время выздоровленія сообщило всей ея душевной жизни характеръ покорности и терпѣливости.

Близость смерти заставила ее полюбить жизнь еще больше, чѣмъ прежде. Въ нашей новѣйшей литературѣ есть очеркъ „Счастье“ (Акселя Лундегарда), несомнѣнно изображающій моментъ изъ этого періода жизни Эрнста Альгрена. Смертельно больная женщина лежитъ въ постели и глядитъ чрезъ окно на старый на половину одичавшій садъ—и въ чрезъ окно на старый на половину одичавшій садъ—и въ ея усталыхъ глазахъ природа отражается въ небываломъ блескѣ. Каждый лучъ солнца, каждый переливъ свѣта, всякій давно извѣстный контуръ въ этомъ саду, въ теченіе многихъ лѣтъ составлявшемъ весь ея горизонтъ,—все это она жадно впитываетъ и чувствуетъ всю прелесть природы такъ глубоко, какъ никогда не чувствовала ея до того. Только слабое чувство печали при мысли о преходимости всего этого омрачаетъ ея радость; единственной слабой дисгармоніей въ ея блаженномъ чувствѣ является мысль о томъ, что вся эта красота природы умретъ вмѣстѣ съ ней, потому что никто другой не будетъ воспринимать ея такъ глубоко, такъ страстно, какъ она, умирающая.

Но на ея изможденныхъ страданіемъ чертахъ все еще покоится слабый лучъ счастья. Она покончила свои счеты

съ жизнью, болѣзнь дала ей то, къ чему она жадно стремилась—свободу, и смерть является во время, какъ заключеніе неудавшейся жизни. И она мечтала нѣкогда о дѣлѣ жизни, о дѣлѣ, ради котораго слѣдовало бы жить или по крайней мѣрѣ умереть, — но она не нашла ничего этого и не могла найти: она была женщиной.

Но болѣзнь даровала Викторіи Бенедиксонъ не одну только свободу; она развила привязанность, которая существовала между ней и ея младшей падчерицей, въ искреннюю любовь, которая впослѣдствіи хотъ отчасти выполняла пустоту ея жизни.

Болѣзнь также окончательно развила ея поэтическій даръ; она придала ей силу, она сообщила ей глубокой, полный настроенія, основной тонъ страданія.

И творческая сила опять пробудилась въ ней, какъ никогда до того; въ ней зародился цѣлый міръ образовъ, сценъ, сюжетовъ, непринужденно облакавшихся въ яркую форму: то была весна ея душевной жизни; съ этой поры она стала поэтомъ.

Во время болѣзни она работала также, какъ всегда впослѣдствіи; она мысленно воплощала создаваемыя ею лица, бесѣдовала съ нимъ, ставила ихъ во всевозможныя положенія, чтобы вполне изучить ихъ, вырисовывала себѣ эпизодъ за эпизодомъ, разговоръ за разговоромъ, концентрировала изложеніе такъ, чтобы выставить наиболѣе характерное на первый планъ—и все это раньше, чѣмъ обмывала перо, чтобы взяться за работу. Такъ напримѣръ „Деньги“ были въ существенномъ готовы уже во время болѣзни, хотя написаны они были много позже.

Только послѣ того, какъ болѣзнь дала ей досугъ и спокойствіе, чтобы выработать эту своеобразную, въ высшей степени медленную манеру работы (*видимымъ* результатомъ ея за цѣлый день иной разъ могло быть не больше пяти-шести строкъ), послѣ того какъ она дала ей возможность развить свой талантъ на свободѣ отъ всякихъ личныхъ столкновеній — только послѣ этого Викторія Бенедиксонъ превратилась въ Эрнста Альгрена, эту столь рѣзко самобытную и опредѣленную поэтическую личность. Этимъ именемъ она всего охотнѣй называла себя, какъ это дѣлали и ея друзья; только для чужихъ она была госпожей Викторіей Бенедиксонъ. Это имя въ ея глазахъ было обозначеніемъ мѣщанской ограниченности и мелочности. „Эрнстъ Альгрена“ означало свободу, широкій умственный горизонтъ, литературную дѣятельность.

Въ 1883 году она выздоравливающей вернулась въ Гёрби; но здоровье ея было во многихъ отношеніяхъ окончательно надломлено; она ходила на костыляхъ, съ которыми она на короткое время разсталась только въ послѣдніе годы жизни.

Она собрала всѣ свои силы, чтобы окончательно опредѣлить свое положеніе въ семьѣ. Она требовала полной свободы, чтобы жить отдѣльно отъ мужа, имѣя самостоятельную дѣятельность, но и неся всѣ необходимые расходы.

Явнаго развода она по различнымъ причинамъ не желала, особенно ради дѣтей, — отношенія между супругами опредѣлились этимъ частнымъ соглашеніемъ.

* * *

Въ маѣ 1881 года въ Гёрби былъ назначенъ новый пасторъ. Какъ многіе люди церкви этого времени, онъ видѣлъ въ своей собственной плоти и крови олицетвореніе современнаго духа отрицанія.

Вполнѣ естественно было, что второй сынъ пастора Лундегарда, Аксель, долженъ былъ стать „некрасивымъ утенкомъ“ городка. До одра болѣзни Эрнстъ Альгрень дошли слухи о молодомъ студентѣ, который смѣло нарушалъ весь принятый въ городкѣ этикетъ, дерзко возставалъ противъ всѣхъ его традиціонныхъ взглядовъ. И онъ конечно слышалъ о больной супругѣ почтмейстера, о литературныхъ склонностяхъ которой тогда еще, правда, не говорили; но за то всѣхъ занимали ея опыты въ живописи.

Личное знакомство завязалось, собственно говоря, только съ весны 1884 года, когда Аксель Лундегардъ (который разошелся съ отцомъ и пытался завоевать себѣ въ Стокгольмѣ самостоятельное положеніе литературнымъ трудомъ) получилъ отъ Эрнстъ Альгрень письмо, начинавшееся словомъ „товарищъ“ и указывавшее на ея интересъ къ его стремленіямъ, которымъ не могла не сочувствовать она, „восемь лѣтъ подѣ различными псевдонимами въ пяти различныхъ газетахъ“ борющаяся съ тѣми же литературными препятствіями, которыя выпали и на его долю.

„Я знала“, писала она, „что наши воззрѣнія во многихъ отношеніяхъ сходны, что мы, по крайней мѣрѣ отчасти, будемъ бороться за одно и то же,—потому что вы вѣдь одинъ изъ нашихъ, одинъ изъ членовъ преданной анаемѣ „молодой Швеціи“. Но если бы это и не было такъ, я все таки считала бы себя вправѣ по товарищески протянуть вамъ руку, такъ какъ ничто мнѣ такъ не противно, какъ духъ касты. Нашей цѣлью должны быть — спокойная, разумная честность и неуклонное стремленіе къ истинѣ. Трудно не измѣнить самому себѣ, но на это должны быть направлены всѣ силы самовоспитанія“.

Это первое письмо уже указываетъ намъ, какого рода дружба завязалась между ними лѣтомъ 1884 года, когда Аксель Лундегардъ заключилъ перемиріе съ отцомъ и вернулся въ Герби. Мѣстомъ встрѣчъ былъ извѣстный намъ маленькій книжный магазинъ.

Только теперь впервые Эрнстъ Альгрень пришла въ живое соприкосновеніе съ идеями новаго времени, въ томъ крайне радикальномъ ихъ видѣ, какъ онѣ складываются въ умъ юноши. Она нашла выраженіе для своего протеста противъ всякой условности, всякаго лицемерія въ человѣческомъ общежитіи, который давно таился въ ней, хотя ей никогда не приходила въ голову мысль о возможности столь рѣшительнаго нападенія на нихъ. Только теперь она освободилась отъ различныхъ женскихъ предрасудковъ относительно дѣйствительной жизни. Они исчезли подѣ вліяніемъ ничѣмъ неприкрытыхъ разсказовъ молодого человѣка о томъ, какъ живутъ мужчины. Въ то же время этотъ мужчина былъ ей въ достаточной степени симпатиченъ, чтобы рѣшиться безъ стѣсненія раскрыть предъ нимъ свое женское міровоззрѣніе. Они открыли другъ въ другѣ родственныя натуры, многое одинаково любившія, одинаково ненавидѣвшія, на одно и то же надѣявшіяся—на будущность поэтввъ. Насколько существенными для своего развитія она считала эти отношенія, ясно изъ слѣдующихъ ея словъ:

„Одинокій мужчина или женщина всегда развиваются односторонне. Они должны находиться въ какой нибудь связи другъ съ другомъ,—я имѣю въ виду связь душъ,—для того чтобы ихъ развитіе достигло всей доступной ихъ индивидуальности полноты. Таково мое рѣшительное убѣжденіе, — больше того, результатъ всего опыта моей жизни. Эта мысль—мой тайный конекъ. Мужчина, который никогда не чувствовалъ себя дѣйствительно близкимъ къ женщинѣ —

матери, сестрѣ, женѣ, дочери, подругѣ, возлюбленной—это все равно, который не былъ къ ней близокъ такъ, чтобы они питали другъ къ другу дѣйствительное, спокойное, истинное довѣріе,—такой мужчина никогда не будетъ такъ гармонично развиваться, какъ онъ могъ бы по своей природѣ. Существуютъ извѣстные нюансы душевной жизни, которые безъ такой близости никогда не проявляются. И то же вѣрно относительно насъ, женщинъ,—быть можетъ, въ еще болѣе высокой степени, такъ какъ все наше воспитаніе съ самаго начала приобрѣтаетъ характеръ, ведущій къ односторонности и ограниченности. Что это за странныя существа! Узкія и жестокія въ своихъ сужденіяхъ, съ своеобразной сухостью души. Они всегда кажутся мнѣ полулюдьми, въ нихъ нѣтъ ничего цѣльнаго и полнаго. Я могу цѣнить такихъ людей за ихъ добрыя качества, но я не могу любить ихъ, я никогда не могу заставить себя не чувствовать себя по отношенію къ нимъ чужой“.

Оба они одинаково нуждались въ другѣ, съ которымъ могли бы совершенно по товарищески обсуждать литературные замыслы, идеи, книги; поэтому ихъ переписка шла непрерывно съ 1884 до 1886 года, когда Аксель Лундегардъ переселился изъ Стокгольма въ Копенгагенъ.

Эта переписка не есть только источникъ для непосредственнаго изученія развитія и жизни обоихъ, она есть сама по себѣ часть исторіи ихъ развитія. Правда, Эрнстъ Альгрень была на десять лѣтъ старше своего друга; болѣзнь и страданія заставляли ее чувствовать себя старше своихъ лѣтъ. Но она полагала, что, несмотря на это, она многому можетъ научиться отъ своего молодого друга, какъ можетъ многому научить и его. Уже ея второе письмо,—отвѣтъ на полное унынія письмо Лундегарда,—указываетъ, въ какомъ направленіи могло проявляться ея вліяніе. Вотъ что пишетъ она между прочимъ:

„Вполнѣ побѣдить судьбу—не во власти человѣка, но я считаю побѣдой завоеваніе каждаго клочка земли, даже если предстоитъ новая борьба, даже новое поражение. Развѣ можно отрицать, что Аустерлицъ былъ побѣдой, хотя за нимъ слѣдовало Ватерло? Какъ могло бы остаться въ живыхъ мое „я“ среди всѣхъ тѣхъ несчастій, въ которыя „приличіе“ запутываетъ свои жертвы, еслибы это „я“ не дышало вѣрой въ честность моихъ намѣреній? Послѣ долгихъ поисковъ я, надѣюсь, нашла это полужадушенное всевозможными условностями „я“ — и я твердо рѣшила не уступать ни частицы его. Теперь я знаю, чего хочу“.

Лундегардъ упоминалъ въ своемъ письмѣ извѣстныя слова Ибсена: „только одинокій силенъ“. Она отвѣчаетъ, что и она понимаетъ эту мысль и что, испытывая потребность въ совмѣстной дѣятельности, она все таки не считаетъ нужнымъ, чтобы „литературная лѣвая“ составляла сплоченную партію, программу которой долженъ былъ бы принять индивидуумъ. „Наоборотъ, мы должны бороться за право и обязанность индивидуума быть самимъ собой. Для меня это по крайней мѣрѣ альфа и омега. Я люблю искусство, но я ненавижу искусственность“. Но, выражая свое сочувствіе къ рѣшительному индивидуализму своего друга, она продолжаетъ:

„Ты говоришь, что нельзя быть всегда благоразумнымъ; это, конечно, правда, но это не мѣшаетъ — пытаться быть имъ, пока возможно. Ты самъ признаешь, что нѣтъ энтузіазма, свобода отъ заблужденій, — такъ оно и есть; но ты вѣдь не станешь отрицать, что слишкомъ многочисленныя заблужденія могутъ вредить дѣлу“.

Въ своемъ первомъ письмѣ она совѣтовала молодому писателю добыть себѣ прочное имущественное положеніе, „потому что при шведскихъ гонорахахъ нерѣдко приходится жертвовать своими убѣжденіями, чтобы не умереть съ голоду“. Онъ отвѣчалъ: „чтобы зарабатывать хлѣбъ, по большей части нужно лгать или скрывать свое мнѣніе; я дѣлалъ бы это, еслибы считалъ жизнь достойной такой жертвы, но я не считаю ея такой“.

Въ отвѣтъ на эти горькія слова она писала:

„Не знаю, чего бы я не дала, чтобы быть въ состояніи опровергнуть это. Но я не могу, не могу! Отъ одной мысли отъ этого можно бы разорвать себя. Какъ часто и наиболѣе преданный истинѣ вынужденъ лицефривать!“

„Но должны ли мы изъ за этого отказаться отъ всего? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я по крайней мѣрѣ я не хочу этого, пока чувствую въ себѣ хоть сколько нибудь силы“.

„А ты—ты, молодой, свободный, сильный,—ты будешь просить прощенія, какъ благодѣтельный наказанный ребенокъ, ты упадешь и рѣшишься умереть, потому что жить не стоитъ? Но если ты это сдѣлаешь, значить, я тебя не знаю, тебя не понимаю, значить, ты не понялъ, что хотѣлъ сказать Ибсенъ своей „трудовой радостью“.

„Я не принадлежу конечно къ тѣмъ, которые полагаютъ, что слѣдуетъ влачить самую несчастную жизнь вмѣсто того, чтобы положить ей быстрый конецъ; но дѣлать это при малѣйшей непріятности—это позорно“.

„Ты могъ бы спросить, что меня привязываетъ къ жизни. Я думаю негодованіе; во всякомъ случаѣ это не страхъ смерти, не привязанность къ моему существованію“.

„Неужели ты не испытывалъ никогда чувства возмущенія, заставляющаго сжимать кулаки и говорить: я могу все, я могу даже пригнуться до самой земли, только за тѣмъ, чтобы имѣть счастье подняться тогда, когда этого меньше всего ожидаютъ? Неужели ты не понимаешь, что именно наше ожесточеніе заставляеть насъ вмѣшиваться въ ходъ дѣлъ міра сего, когда является удобный случай? Неужели ты не видишь, что мы должны завоевывать себѣ эти жалкія деньги, потому что они даютъ намъ силу, потому что сила намъ даетъ свободу? Неужели ты никогда не испытываешь вліянія силъ природы, которыя греки называли демонами“.

„Я говорю о томъ таинственномъ родствѣ, которое существуетъ между нашимъ собственнымъ „я“ и работой, предстоящей намъ, которое съ силой природной необходимости влечетъ насъ къ этой работѣ. Сама по себѣ эта сила не добра и не зла, но наши лучшіе и наши худшіе поступки проистекаютъ изъ этого источника“.

„Неужели ты не понимаешь, что иной разъ приходится именно ради нашего убѣжденія упорно молчать, чтобы имѣть возможность въ другое время громко во всеуслышаніе провозгласить его? Допустишь ли ты, чтобы кто нибудь могъ сказать о тебѣ, что ты ни къ чему не годенъ,—откажешься ли ты отъ возможности когда нибудь доказать, что онъ лгалъ? Тотъ, въ комъ нѣтъ задатковъ ни для добра, ни для зла, дѣйствительно не годится для жизни: нужно мужество, чтобы поднять на себя борьбу за жизнь. И за тѣмъ, наконецъ, неужели ты никогда не сталкивался съ такой возмутительной несправедливостью, что не находилъ покоя, пока не мстил за нее?“

Это письмо—очень характерный показатель душевной жизни Эрнста Альгрена въ то время, когда началась ея литературная карьера, какъ и того литературнаго и этиче-

скаго взаимодействія, которое существовало между обоими друзьями.

Она сама сказала, что не могла бы изображать мужчинъ съ той правдивостью и жизненностью, которая столь существенно отличаетъ ея произведенія отъ произведеній другихъ писательницъ, еслибы жизнь и ея многосторонній опытъ не дали ей знакомства съ міромъ мужчинъ и возможности вполнѣ равноправной совмѣстной работы съ мужчиной. Этотъ товарищъ въ своихъ отношеніяхъ къ ней не проявлялъ ни тѣни мужскаго высокомерія или ухаживанія—и это придавало ихъ отношеніямъ тотъ характеръ полной увѣренности другъ въ другѣ, благодаря которому она не боялась быть самой собою. Онъ былъ такъ же безусловно честенъ въ своей полной глубокаго пониманія критикѣ, какъ щедръ на ободреніе,—она сознавала, что ей нужно и то, и другое—больше всего ободреніе, такъ какъ рядъ неудачъ подорвалъ въ ней довѣріе къ собственнымъ силамъ.

Непринужденно и спокойно продолжали они обсуждать вопросы времени, условія работы, вопросы о задачахъ и средствахъ поэтическаго творчества. Какъ эта совмѣстная работа, такъ и вообще личныя отношенія между Эрнстомъ Альгреномъ и Акселемъ Лундегардомъ, — отношенія, бывшія настолько необыкновенными, что они не могли не подать повода къ ложнымъ толкамъ,—изложены въ полной жизненной правды книгѣ „Мать“. Подробности вымышлены, но характеры соотвѣтствуютъ дѣйствительности, хотя характеристика сына, быть можетъ, нѣсколько потеряла отъ того, что Эрнстъ Альгреномъ не умѣла изобразить въ немъ всѣхъ тѣхъ симпатичныхъ чертъ, которыя хотѣла сообщить ему. За то образъ матери вышелъ полнымъ, цѣльнымъ, правдивымъ—будущее будетъ имѣть въ немъ лучшій портретъ Эрнста Альгрена.

Это сильное взаимодействіе при иныхъ натурахъ друзей могло бы, пожалуй, оказать вліяніе, неблагоприятное для ихъ свободы,—оно могло бы задержать духовный ростъ одного изъ нихъ. Но въ данномъ случаѣ натурѣ одного не доставало, къ счастью, именно того, что могъ ему дать другой; развитіе обоихъ шло настолько параллельно, что одному не приходилось замедлять или ускорять шагъ ради другого; даже въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ проходилъ часть своего пути независимо отъ другого, они впоследствии встрѣчались въ одномъ и томъ же пунктѣ. И это рѣдкое равенство и общность развитія, это никогда не прекращавшееся сознаніе взаимнаго пониманія—помимо того или другого столкновенія или частнаго разногласія во мнѣніяхъ, неизбежнаго при сильно развитой индивидуальности каждаго изъ нихъ—поддерживало въ нихъ чувство духовнаго сродства, все болѣе связывавшаго ихъ. Эта дружба создала себѣ прекрасный памятникъ въ „Матери“, она нашла себѣ и посмертное продолженіе въ литературномъ завѣщаніи Эрнста Альгрена Акселю Лундегарду. Это завѣщаніе, передававшее наиболѣе драгоцѣнное, что можетъ дать человѣкъ чело-вѣку, — задачу истолковать свои мысли, исполнить свои работы, закончить дѣло своей жизни,—вытекало изъ твердаго убѣжденія въ готовности и способности того, кому оно было сдѣлано, достойно выполнить завѣтъ. Часто, въ особенности подъ конецъ жизни, Эрнстъ Альгреномъ выражала радость, съ какою она думала о томъ, что эта связь стала тѣмъ, чѣмъ она должна была быть, и дала то, что она должна была дать. Она не создала никакого трагическаго конфликта, не таила въ себѣ никакого неразрѣшимаго противорѣчія, съ начала до конца она сохранила тотъ характеръ, который опредѣлила Эрнстъ Альгреномъ обращеніемъ своего перваго письма: „товарищъ“,—обращеніемъ, которымъ начинается также и ея

послѣднее письмо къ ея другу, съ полнымъ пониманіемъ дѣлвшему ея работу на той нивѣ, на которой ему приходилось теперь работать одному.

* * *

Время отъ 1883 до 1886 года—время наиболѣе удачной работы Эрнстъ Альгрень. Весной 1884 г., нѣсколько позже вышеприведеннаго письма, появилось „Изъ Скоонена“, заставившее публику съ сильнѣйшимъ любопытствомъ ожидать слѣдующей книги автора.

Этой книгой были „Деньги“ (1885), сразу завоевавшія ей популярность и до сихъ поръ многими считаемаыя ея лучшимъ произведеніемъ. Успѣхъ былъ тѣмъ несомнѣннѣй, что онъ былъ совершенно независимъ отъ критики; публика, какъ впоследствии при „Маріаннѣ“, позволила себѣ прійти въ восторгъ раньше, чѣмъ критика дала на это свое разрѣшеніе. Къ сожалѣнію, читающая масса не всегда такъ смѣла.

Однимъ изъ выражений той всеобщей симпатіи, которую въ самыхъ различныхъ кругахъ вызвали „Деньги“, было приглашеніе г-жи Софіи Адлерспарре погостить у нея въ домѣ. Слѣдя этому приглашенію, Эрнстъ Альгрень осенью 1885 г. отправилась въ Стокгольмъ. Это было ея первымъ долговременнымъ пребываніемъ въ столицѣ, гдѣ она до того была только три раза и на короткое время.

Осенью 1885 г. въ одномъ изъ женскихъ фрейновъ Стокгольма собралось многочисленное общество. Шелъ оживленный разговоръ, когда среди всѣхъ этихъ другъ другу знакомыхъ людей появилась высокая, вся въ черномъ фигура, вокругъ которой сразу притихали рѣчи. Кто была эта чужая?

Благородная голова, маленькая, тонко очерченная, какъ голова античной статуи, покоилась на стройномъ высокомъ станѣ. Темные волосы были связаны въ простой греческій узелъ. Круглыя, словно углемъ выведенныя брови, открытый, говорившій объ умѣ лобъ, рѣзко очерченный носъ, ротъ съ его милымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ выраженіемъ—все это говорило о силѣ и мужествѣ. Но глубокая морщина перерѣзала лобъ посреди близко сросшихся бровей—видно было, что боль не разъ заставляла ихъ сдвигаться; тонкія морщины—слѣды долговременныхъ страданій—легли вокругъ губъ; грусть чувствовалась въ глубинѣ этихъ стальныхъ, пытливыхъ глазахъ. Такой должна была быть трагическая маска, такова должна была быть Электра; улыбка, появившаяся въ эту минуту на ея губахъ, придала всему строгому лицу такое прекрасное выраженіе, что невольно приходилось вспомнить и объ Антигонѣ.

„Госпожа Викторія Бенедиктсонъ, т. е. Эрнстъ Альгрень“...

Такъ вотъ какъ она выглядѣла, эта почтмейстерша изъ прибрежнаго городка, скрывавшаяся подъ мужскимъ псевдонимомъ... Исторія ея жизни не могла не быть еще болѣе поразительной, чѣмъ любая изъ тѣхъ повѣстей, которыя она рассказала.

Часть этой ея исторіи всѣ узнали сейчасъ, когда она взяла лежавшіе подлѣ нея костыли и направилась къ дивану,—и все таки она это дѣлала съ такой гибкостью, съ такимъ изяществомъ, что едва можно было замѣтить, что она двигалась съ этой въ то время для нея неизбѣжной помощью. Общее впечатлѣніе было—и свобода, и сила; казалось, что костыли вовсе не принадлежатъ Эрнстъ Альгрень, что она каждый разъ только случайно пользуется ими.

Простое, но изящное платье, бывшее на ней, было траурнымъ платьемъ. Носить какое нибудь другое было для

нея въ послѣднее время истиннымъ самопожертваніемъ—такъ сильна была въ ней потребность выражать свое душевное состояніе и своей внѣшностью.

Кто приближался къ Эрнстъ Альгрень въ расчетѣ пріятно побесѣдовать, тотъ жестоко обманывался. Въ многолюдномъ кругу не было чловѣка молчаливѣе ея; даже въ небольшомъ обществѣ трудно было услышать ея голосъ. Только съ глазу на глазъ умѣла она высказываться, но за то какъ умѣла она слушать! Съ какимъ умнымъ взглядомъ слѣдила она за бесѣдой; какой быстрой, полной пониманія улыбкой встрѣчала она всякое живое замѣчаніе, всякую оригинальную мысль; какъ легко, какъ пріятно было вызывать ея негромкій, но дѣтски ясный смѣхъ, звучавшій такъ трогательно, говорившій о томъ полузаглушенномъ родникѣ радостнаго чувства, который таился въ глубинѣ ея существа!

Эрнстъ Альгрень обладала рѣдкимъ даромъ собиравать вокругъ себя кружки. Рѣдко въ двухъ ея маленькихъ комнаткахъ бывало пусто; вокругъ полулежавшей въ удобномъ креслѣ хозяйки—въ такомъ положеніи она меньше всего страдала отъ своего большого колѣна—почти всегда собиралась небольшая оживленно болтавшая группа подъ часъ весьма разнообразныхъ людей; фигура хозяйки налагала на всю скромную обстановку ея квартиры отпечатокъ какого то спокойнаго благородства, какой то согрѣвающей уюности.

Она не пыталась имѣть „салонъ“ и вызывать умственные турниры, чтобы играть въ нихъ роль верховнаго судьи. Она оживляла свой кружокъ только тѣмъ, что умѣла цѣликомъ слиться съ нимъ, что она искренно и живо интересовалась каждымъ изъ принадлежавшихъ къ нему, что она вызывала въ каждомъ чувство общительности, заставлявшее каждого непринужденно выказывать лучшія стороны своего характера. Она была такъ полна чувства симпатіи къ людямъ, такъ свободна отъ либеральныхъ и консервативныхъ предрасудковъ и догматовъ, что одинаково благосклонно выслушивала самыя противоположныя возрѣнія. Но если это въ комъ нибудъ вызывало увѣренность въ полномъ сходствѣ ея убѣжденій съ его убѣжденіями, то онъ самъ былъ виноватъ въ своемъ заблужденіи. Эрнстъ Альгрень съ истиннымъ фанатизмомъ боролась за право не быть причисляемой ни къ какой партіи; свобода была необходимою условіемъ ея жизни; она всегда старалась разъяснять своимъ друзьямъ, въ какой степени она чловѣкъ мгновеннаго впечатлѣнія, какъ сильно она живетъ настоящимъ, въ какой степени она обладаетъ умніемъ воспринимать существенныя стороны всякаго разсужденія, дѣлающаго на нее впечатлѣніе искреннаго убѣжденія.

Если людямъ было такъ трудно повѣрить ей въ этомъ, то этому мѣшала главнымъ образомъ ея внѣшность, скрывавшая подъ маской спокойнаго, холоднаго самообладанія горячую импульсивную натуру художницы, скрывавшая ее такъ хорошо, что едва ли кто нибудъ подозрѣвалъ, какая безконечная глубина непосредственной страсти, какая постоянная смѣна неизмѣнно напряженныхъ настроеній таилась подъ этой внѣшностью, которая, казалось, съ такой очевидностью говорила объ исключительно сосредоточенномъ, вполне въ себѣ единомъ характерѣ, о неподкупной, непоколебимо убѣжденной вѣрности принципамъ. Вполнѣ ясную характеристику своей личности она дала въ слѣдующемъ письмѣ:

„Я разъ навсегда говорю, что я слишкомъ художница, чтобы теоретически относиться къ какимъ бы то ни было

„вопросамъ“. Для меня все—относительно; я рассматриваю каждую теорію съ различныхъ сторонъ, но я всегда становилась въ опредѣленное отношеніе къ теоріи, какъ и къ личности или опредѣленному положенію. Если бы я хотѣла дѣйствовать, какъ философъ-моралистъ, это было бы во мнѣ ужасной ошибкой, но моя задача въ томъ, чтобы изображать мое время, а не проповѣдывать ему. Я страстно люблю плоть и кровь. Что для меня всевозможная догматика“?

„Моя симпатія ко всему человѣческому такъ легко увлекаетъ меня смотрѣть глазами того человѣка, съ которымъ я говорю, что я воспринимаю и его ходъ мыслей—именно скорѣе всего, если это человѣкъ, котораго я люблю. Я этимъ не измѣняю отсутствующимъ; это не есть во мнѣ недостатокъ самостоятельности — я умѣю иной разъ одна бороться съ превосходящей меня силой—я это дѣлала здѣсь (въ Герби) въ послѣдніе годы; но тогда дѣло касается не общихъ положеній, а дѣятельности живой жизни. Я не хочу быть отлитой въ опредѣленныя формы: я такъ полна тѣмъ, что изучаю живыхъ людей, каждаго въ отдѣльности, каждаго, какъ индивидуумъ! Я не пишу съ опредѣленной тенденціей, я не могу сложить моихъ нравственныхъ воззрѣній въ систему, я не хочу этого, это не мое дѣло. Если кто захочетъ извлечь такую систему изъ моихъ словъ, моихъ бѣглыхъ, словно въ живомъ разговорѣ появляющихся выраженій (я никогда такъ легко не говорю, какъ въ письмахъ), то эта система не будетъ стоить гроша. Конечно у меня есть и взгляды и принципы, но они существуютъ, такъ сказать, для домашняго употребленія. Я дѣйствую сообразно съ ними и съ своей натурой, но я не испытываю живого желанія прививать ихъ другимъ. Всякое другое стремленіе поглощается во мнѣ жадной мысленно охватить, какъ личность, того, съ кѣмъ я говорю. Я хочу вытащить изъ этой личности кое что, а не навязать ей чтонибудь. Таковъ мой характеръ. Мнѣ нуженъ матеріаль, матеріаль, матеріаль“!

„Мнѣ нужно многообразіе, нюансы, жизнь; какъ только мнѣ приходится бороться за или противъ отвлеченныхъ идей, я никуда не гожусь. Мнѣ кажется, что почти каждый съ своей точки зрѣнія правъ,—и я увлекаюсь ею и смотрю на вещи съ этой точки зрѣнія, пока нахожусь подъ вліяніемъ опредѣленнаго ряда мыслей. Это не непослѣдовательность; когда нужно самостоятельно принять рѣшеніе, я смотрю на вещи собственными глазами“.

Все это доказываетъ, что никакая партія не имѣетъ права причислять къ своимъ рядамъ Эрнстъ Альгрень. Не въ частной личной бесѣдѣ, — не въ умѣренныхъ или крайне радикальныхъ ея выраженіяхъ, проявляется Эрнстъ Альгрень вся, какъ она есть, а только въ ея произведеніяхъ.

Въ особенности относится это къ тому вопросу — вопросу объ отношеніяхъ половъ,—который въ послѣдніе годы занималъ столь видное положеніе среди волновавшихъ общество движеній, вопросъ, въ которомъ, какъ полагали, она принадлежала къ наиболѣе крайнему направленію.

Вотъ что писала она:

„Меня въ высшей степени интересуеетъ слушать объ стороны, но думать, что есть чтонибудь абсолютно вѣрное, что могло бы быть примѣнено къ каждому случаю и къ каждой личности, когда дѣло идетъ объ отношеніи половъ, — нѣтъ, этого я не могу. Если бы меня грозили убить, я все таки не могла бы сказать, къ какому „лагерю“ я принадлежу. Я живу, какъ аскетка, я питаю отвращеніе къ безнравственности. Да. Но я не думаю, что каждый

мужчина, посѣтившій продажную женщину, сталъ распутникомъ, и я знаю, что имъ бываетъ не одинъ, живущій только съ своей женой. Въ подобныхъ вещахъ я имѣю возможность судить иначе, чѣмъ большинство другихъ женщинъ... Онѣ почти всегда такъ односторонни, такъ догматичны“...

„Всѣ, кто интересуется моими взглядами, должны знакомиться съ ними по моимъ произведеніямъ и дѣйствіямъ и не должны принимать во вниманіе то, что другіе выдаютъ за мои мысли. Я слишкомъ замкнута, чтобы ктонибудь могъ знать меня, какъ свой карманъ“.

„Прямо смѣшно диспутировать о томъ, являюсь ли я апостоломъ нравственности или безнравственности. Я никогда не живу въ области отвлеченнаго или абсолютнаго, все для меня относительно“.

Эта черта характера Эрнстъ Альгрень дѣлала ее крайне неспособной высказываться въ защиту или опроверженіе какого бы то ни было теоретическаго положенія. Вотъ какъ мотивируетъ она свою нелюбовь къ подобнаго рода заявленіямъ:

„Надъ своими дѣйствіями я госпожа, болѣе холодная госпожа, чѣмъ большинство другихъ; но мои мнѣнія измѣняются какъ вѣтеръ и волны, я не могу стоять всегда неподвижно, какъ шесть на перекресткѣ, указывая другимъ путь. Въ моихъ жилахъ слишкомъ много непокорной крови моего отца. Быть можетъ, это дѣлаетъ меня писательницей, изобразительницей жизни, не проповѣдницей. Большинство людей не умѣетъ ничего переживать,—я хочу сказать, переживать съ такой интенсивностью, чтобы пережитое имѣло силу облечься въ самостоятельную форму слова. Я обладаю этой способностью; и далѣе, я не труслива, я не боюсь необыкновеннаго, оно привлекаетъ меня,— конечно въ другихъ; я лично дѣлаю все возможное, чтобы быть какъ другіе“.

* * *

Уже во время этого своего пребыванія въ Стокгольмѣ въ ту эпоху, когда казалось, будто она жадно впитываетъ новыя впечатлѣнія, какъ давно высохшая земля воду, будто она съ такимъ живымъ участіемъ относится къ интересамъ другихъ, что ея личную жизненную драму считали навсегда законченной и видѣли въ ней только поэта, всецѣло отдавашагося своимъ творческимъ замысламъ,—уже въ эту эпоху своей жизни она сознательно боролась противъ мыслей объ самоубійствѣ. Во время болѣзни она такъ была близка къ освобожденію смертью, что мысль о свободѣ у нея все еще сливалась съ мыслью о смерти.

Именно та жадность, съ которой она въ Стокгольмѣ завязывала отношенія съ людьми, искала знакомства, искала новыхъ впечатлѣній, вытекала — какъ всегда у нея — изъ живого желанія свить себѣ здѣсь гнѣздо изъ многихъ тонкихъ нитей. Она не желала оставаться „гонимымъ вѣтрами буревѣстникомъ“, она желала побѣдить то чувство пустоты, которое отравляло ей жизнь.

Больше всего она надѣялась на творчество, какъ на силу, которая могла бы заполнить эту пустоту. Она въ свои довѣрчивые часы иной разъ говорила объ этой надеждѣ, какъ говорить мать о сынѣ, который сдѣлается ея опорой, когда она его сдѣлаетъ сильнымъ и хорошимъ человѣкомъ.

Помимо „Маріанны“, она въ то время мысленно уже вполне составила большую повѣсть „Умереть“, матеріаломъ для которой отчасти служила ея душевная жизнь во время болѣзни. Повѣсть эта осталась незаконченной, все это время

богатаго внутренняго развитія оставило по себѣ слѣдъ только въ нѣсколькихъ небольшихъ эскизахъ. Дѣломъ ея жизни, ея „большимъ романомъ“, должна была стать „Леди Макбетъ“: его сюжетомъ была бы трагедія изъ жизни художественно одаренной женщины, трагедія столь глубокая, что она не рѣшилась взяться за эту работу раньше, чѣмъ заняла бы такое литературное положеніе и достигла бы такой художественной зрѣлости, которыя бы дали ей право писать совершенно такъ, какъ она хочетъ.

Изъ всего времени пребыванія въ Стокгольмѣ полное отраженіе въ поэзіи Эрнстъ Альгрень нашло себѣ, собственно говоря, только одно впечатлѣніе, — но за то это отраженіе создало одинъ изъ шедевровъ нашей литературы; я говорю объ „Господинѣ Табасзонѣ“, въ которомъ она рассказала о проведенномъ ею въ Стокгольмѣ Рождествѣ и изобразила одну изъ сторонъ своей личности съ такой яркостью, что и сама она, желая объяснить слова или поступки Эрнстъ Альгрень часто ссылалась на господина Табасзона, смотря на него, какъ на свое „второе я“.

Останься Эрнстъ Альгрень въ живыхъ, она вѣроятно навсегда переселилась бы въ городъ. Какія впечатлѣнія отразились бы тогда въ ея поэзіи, теперь невозможно рѣшить. Одной изъ задачъ, которую она ставила себѣ, было писать все больше и больше для театра, страстно ею любимого, — но несомнѣнно, что въ ту пору, на той стадіи развитія, на которой она стояла, она считала себя по существу изобразительницей провинціи. Ее она считала своей специальной сферой, потому что тамъ она получила наиболѣе сильныя впечатлѣнія, получила ихъ въ годы дѣтства и юности, когда окружающее всего сильнѣй запечатлѣвается въ душѣ человѣка. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, напримѣръ въ ея строгой трудовой морали, ея глубококомъ пониманіи всего человѣческаго, ея сердечномъ юморѣ и оптимистической вѣрѣ въ жизнь — она походила на Джорджъ Эллиотъ, первые годы исторіи развитія которой во многомъ напоминаютъ исторію развитія Эрнстъ Альгрень. Но на долю Джорджъ Эллиотъ во время выпало все то, чего всю жизнь была лишена Эрнстъ Альгрень. Кто знаетъ, насколько приблизилась бы Эрнстъ Альгрень при другихъ условіяхъ къ этой писательницѣ, съ сочиненіями которой она познакомилась только въ послѣдніе годы своей жизни, но которая затѣмъ стала единственной писательницей, внушавшей ей чувство страстнаго преклоненія.

Что касается остальной всемірной литературы, то она своими учителями считала прежде всѣхъ Шекспира и Диккенса, Флобера, Тургенева и Жоржъ Зандъ. Между тѣми интересами, ради которыхъ, какъ она говорила незадолго до смерти, стоило жить — было прочесть Гете, который стоялъ въ ея книжномъ шкапу, но съ которымъ она еще не могла освоиться. Она сильно страдала отъ недостатковъ своего литературнаго образованія, страдала отъ того, что у нея не было ни средствъ на приобрѣтеніе книгъ, ни времени для основательнаго изученія тѣхъ, которыя она имѣла — ей только съ трудомъ и медленно удавалось проникать въ чужое литературное произведеніе. Сила ея собственнаго творческаго таланта заключалась, какъ она сама это хорошо понимала, въ описаніи того, что она вполне пережила, а не въ выраженіи мимолетныхъ настроеній и прямыхъ впечатлѣній.

Она относилась безусловно отрицательно къ тому литературному направленію, которое стремится передавать все пережитое безъ всякаго выбора. Композиція ея произведеній необычайно тщательна, обработка отличается худо-

жественной отдѣланностью; она долго перебирала слова, пока не находила наиболѣе вѣрнаго и подходящаго; она исправляла, добавляла и вычеркивала, пока ей не давалось наиболѣе яркое изображеніе дѣйствительности. Какъ живописецъ наполняетъ свой портфель эскизами, изъ которыхъ только немногіе становятся картинами, такъ и она имѣла свою большую книгу, въ которую вносила бесѣды, описанія природы, характеристики прямо съ натуры, и все это служило этюдами для ея произведеній, которыя безъ этихъ точныхъ снимковъ впечатлѣній дѣйствительной жизни не могли бы производить столь сильнаго своей правдивостью впечатлѣнія. Но она не только списывала жизнь; съ гениальной чуткостью она умѣла дѣлать выборъ изъ своего матеріала, умѣла его перерабатывать — ея произведенія свободны отъ характера случайнаго, они носятъ на себѣ ясную печать художественной переработки.

Слѣдующія ея слова лучше всего характеризуютъ ея способъ работы:

„Обыкновенно я сразу воспринимаю всю исторію характера, воспринимаю ее съ быстротой молніи, получаю какъ подарокъ. Но затѣмъ эта исторія развивается постепенно, я сама не знаю какъ; сами собой образуются сцены, положенія, факты. Эта первая работа, которую я совершаю мысленно, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто укрѣпляющее и оздоравливающее; она отвлекаетъ мысли отъ моихъ собственныхъ мелкихъ заботъ, расширяетъ кругозоръ жизни. Но когда я затѣмъ берусь за перо, мнѣ нужна вся моя сила воли — словъ я не получаю въ подарокъ, мнѣ нерѣдко приходится выжимать ихъ изъ себя. Это есть уже работа, иной разъ попытка, но и эту работу я все таки люблю. Какъ долго я иной разъ ищу и тщательно выбираю среди своего запаса словъ, для того чтобы найти слово, наиболѣе подходящее для выраженія характерныхъ чертъ изображенной мною личности. Мои воспоминанія — вѣрный камертонъ, но какъ трудно иной разъ извлечь изъ всего запаса словъ именно то слово, которое даетъ надлежащій тонъ! Я должна приблизить ухо и долго и внимательно слушать. Но какое счастье тогда, когда вѣрное созвучіе найдено, — это можетъ почувствовать только писатель. Для профановъ одинъ синонимъ равносильенъ другому; я этого не понимаю; по моему среди всѣхъ словъ языка можетъ быть только одно, которое выражаетъ именно то что нужно — и часто въ языкѣ нѣтъ именно этого одного, Я въ отчаяніи, когда вижу, что въ чужомъ языкѣ есть вполне подходящее выраженіе для всего того, что я хочу сказать, между тѣмъ какъ я напрасно ищу его въ своемъ. „S'acharner“ — это незамѣнимое и неоцѣнимое выраженіе извѣстныхъ чувственныхъ сторонъ нашей воли, потому что оно родственно съ словомъ „chair“ — плоть и кровь; бессознательная ассоціація идей вызываетъ въ насъ представленіе о чемъ то сильномъ и дикомъ, представленіе, котораго я не могу вызвать соответствующимъ шведскимъ словомъ. Я въ отчаяніи, что для маленькихъ устъ моей нынѣшней героини (госпожи Маріанны) не могу подыскать выраженія вродѣ „boudeuse“; всѣ соответствующія слова слишкомъ тяжеловѣсны; я напрасно искала въ словарѣ. Слѣдовало въ интересахъ увеличенія числа оттѣнковъ допускать въ литературный языкъ извѣстные провинціализмы“.

Эта крайне добросовѣстная трудовая мораль Эрнстъ Альгрень была той лептой, которую она внесла въ дѣло разрѣшенія женскаго вопроса.

Опытъ ея собственной жизни сдѣлалъ ее горячей сторонницей всѣхъ стремленій, направленныхъ на экономи-

ческое и правовое уравнение мужчины и женщины. Но она полагала, что подобное освобождение дает еще очень немного, если за ним не послѣдует внутреннее ее освобождение, освобождение ее отъ предрасудковъ, какъ и отъ неосновательныхъ притязаній, и къ этимъ послѣднимъ она причисляла мнѣніе, по которому крупное отличие между умственной продуктивностью обоихъ половъ зависитъ только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а не отъ различія естественныхъ дарованій. Она думала, что въ области умственного труда женщина только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ стоять на равной съ мужчиной высотѣ.

„Но“, писала она, „когда человѣкъ достигаетъ всего, чего онъ можетъ достигнуть, онъ дѣлаетъ достаточно, все равно, мужчина ли онъ, или женщина. Будемъ придерживаться этого, не будемъ заходить дальше. Будемъ довольны, если мужчины захотятъ считать насъ своими маленькими, но дѣльными товарищами—я думаю, что къ этому мы предназначены природой. Что та или другая женщина—одна или двѣ въ столѣтіе—возвышается надъ массой, это для насъ, среднихъ людей, ничего не измѣняетъ“.

Всякая переоцѣнка женской работы, какъ таковой, была ей противна. „О равенствѣ можетъ быть рѣчь только тогда, говорила она, когда объ работѣ женщины будутъ судить безъ предвзятыхъ партійныхъ мнѣній, какъ о работѣ мужчины,—когда женщины будутъ предъявлять къ себѣ столь же строгія требованія добросовѣстности и производительности, какія ставятъ себѣ и другимъ мужчины“. Эрнстъ Альгрень возмущалась, какъ отъ личной обиды, когда въ оцѣнкѣ ея литературной дѣятельности принимали въ соображеніе ея полъ, даже въ томъ случаѣ, когда ее хвалили. Къ диллетантски-слабой женской работѣ она сама относилась очень сурово.

Эта строгость къ себѣ проявлялась въ Эрнстѣ Альгрень до послѣднихъ мелочей; она отражалась даже въ ея рукописяхъ съ ихъ ровнымъ, четкимъ, крупнымъ почеркомъ, гдѣ каждая черточка говорила объ любви къ красотѣ и добросовѣстности. И въ этомъ отношеніи внутреннее развитіе Эрнстъ Альгрень проявилось и во внѣшности. Ея первоначальный почеркъ былъ четокъ, но это былъ вполне обыкновенный, почти дѣтскій почеркъ; чѣмъ больше она, какъ писательница, овладѣвала содержаніемъ, тѣмъ болѣе крѣпкъ и ея почеркъ; онъ сталъ опредѣленнымъ, круглымъ, удивительно индивидуальнымъ; ея прямыя буквы можно было читать, какъ печатныя.

Еще большее отвращеніе, чѣмъ диллетантизмъ и претенціозность, внушали Эрнстѣ Альгрень условность и половинчатость, больше всего въ женщинахъ, но и вообще вездѣ, гдѣ она ихъ встрѣчала. Ко всѣмъ другимъ явленіямъ жизни она относилась съ сострадательнымъ чувствомъ, — только противъ этихъ она всегда готова была бороться. Насколько цѣлостенъ человѣкъ въ любви и трудѣ—таковъ былъ вопросъ, съ которымъ она приступала къ оцѣнкѣ любого характера. Отвѣтъ на него рѣшалъ для нея вопросъ объ ея отношеніяхъ къ человѣку; никакое отличие во взглядахъ не могло разрушить въ ней дружелюбнаго чувства къ человѣку, если только этотъ человѣкъ не желалъ ее опекать, не хотѣлъ догматизмомъ своихъ личныхъ взглядовъ налагать цѣпи на ея индивидуальную свободу.

„Двадцать лѣтъ“, говорила она, „я работала, чтобы стать такой, какъ другія; теперь я хочу посвятить остальную свою жизнь на то, чтобы быть самой собою“.

Всякія новыя личныя отношенія она завязывала крайне медленно: „застѣнчивость и душевная теплота боролись

между собой“. Боязнь холодной встрѣчи, боязнь того, что ея собственныя чувства измѣнятся, заставляли ее сдерживать развивавшуюся привязанность и предоставлять времени укрѣпить связь. „Мы даже сами не знаемъ своей природы раньше, чѣмъ она проявится въ дѣйствіяхъ“—это одно изъ ея многочисленныхъ глубокомысленныхъ изреченій. Но разъ она дѣйствительно вступила въ дружбу, она была безусловно откровенна, была благодарна за каждое проявленіе дружелюбныхъ чувствъ. Очень характерно для нея то, что она сказала однажды относительно одной начинавшейся привязанности: любить когонибудь — значитъ снова стать ребенкомъ; быть молодымъ—значитъ чувствовать, что можешь работать.

Работа—была альфой и омегой ея жизни; только немногія личныя отношенія стояли въ ея глазахъ на томъ же высокомъ уровнѣ.

Мы стоимъ здѣсь предъ новымъ противорѣчіемъ въ личности Эрнстѣ Альгрень. Умственно она была такой современной, такой гибкой, она умѣла примѣняться къ самымъ различнымъ темпераментамъ и мнѣніямъ; въ самой глубинѣ своей душевной личности она была въ высшей степени исключительной натурой, не умѣвшей ни подавлять, ни раздѣлять всей силы своихъ чувствъ.

Маленькая черточка укажетъ намъ, съ какой страстностью она способна была отдаваться одному какому либо чувству. Въ „Группѣ изъ севрскаго фарфора“ она изобразила то горе, которое испытала, когда эта художественная вещица была продана. „Пока она была въ нашемъ домѣ, я едва замѣчала все то некрасивое и неудобное, что было въ нашемъ домѣ; группа всему придавала какой то праздничный видъ; я старалась, насколько могла, сдѣлать всю обстановку дома достойнымъ фономъ для нея; теперь ея нѣтъ,—и я не забочусь о домѣ: не стоитъ труда“.

Только немногіе однако умѣли заглянуть въ душу Эрнстѣ Альгрень и подмѣтить эту черту ея характера.

Наоборотъ, обыкновенно она казалась человѣкомъ, близко сходящимся съ другими, охотно дѣлящимся съ ними своимъ душевнымъ достояніемъ. Внѣшнимъ образомъ это и было такъ; внутренне же только немногіе люди значили для нея чтонибудь. Это вовсе не было въ ней признакомъ эгоистической холодности; она умѣла самымъ сильнымъ образомъ дѣлать и радость, и горе другихъ—такъ сильно, что и эта черта была одной изъ тѣхъ, которыя ослабили въ ней силу въ борьбѣ за существованіе, дававшее такъ много поводовъ дѣлать горе, такъ мало — дѣлать радость. Но въ глубинѣ своей души она была существомъ того типа, который описанъ въ „Матери“.

„Такихъ людей, какъ я, слѣдовало бы убивать при рожденіи; мы не годимся для жизни. Мы слишкомъ чутки, мы привязываемся сердцемъ къ чемунибудь одному — и если насъ оторвать отъ этой одной привязанности, мы истекаемъ кровью“.

Кругъ, къ которому Эрнстѣ Альгрень ближе всего примкнула въ Стокгольмѣ, былъ той группой писателей восьмидесятыхъ годовъ, которую называютъ „молодой Швеціей“. Ее влекли туда и ея міровоззрѣніе, и ея личныя симпатіи. Съ Густавомъ афъ Гейерстамомъ, котораго свѣтлая и открытая натура, какъ полагала она, благотворнымъ образомъ восполняла ея натуру, „мрачную и замкнутую“, она завязала въ 1885 г. тѣсную дружбу, которую поддерживала усердной перепиской. Тѣ же отношенія установились съ Георгомъ Норденсваномъ. Особенно она цѣнила въ обоихъ ихъ товарищеское къ ней отношеніе; ей

дорого было то, что къ ней относились просто, какъ къ человѣку. Эрнстъ Альгрень такъ же легко писала, какъ неохотно она говорила.

Въ послѣдніе годы жизни она писала столь многимъ лицамъ и въ такомъ различномъ тонѣ, что тотъ, кто пожелаетъ себѣ составить объ ней ясное представленіе по ея письмамъ, долженъ точно различать, что существенно въ выраженныхъ ею настроеніяхъ, что мимолетно, что вытекаетъ изъ ея характера, что навѣяно тѣмъ лицомъ, съ которымъ она переписывается. Никогда не притворяясь, она невольно и безсознательно подчинялась стремленію въ бесѣдѣ съ симпатичнымъ ей человѣкомъ принимать тотъ тонъ, который, какъ она знала, встрѣтитъ наиболѣе сильный откликъ въ его душѣ.

Неизмѣнной основной чертой ея характера слѣдуетъ считать ея повсюду прорывающееся, страстное стремленіе къ свободѣ, мѣшавшее ей дѣйствовать вмѣстѣ съ другими, даже съ тѣми, которые, какъ и она, боролись противъ стараго міровоззрѣнія. Это одиночество самостоятельности было въ значительной мѣрѣ причиной того страха, съ которымъ она ждала будущаго, — страха, который заставилъ ее въ концѣ концовъ убѣжать отъ этого будущаго.

* * *

Позднимъ лѣтомъ 1886 г. Эрнстъ Альгрень вернулась изъ Стокгольма въ Герби, гдѣ принялась за свою „Госпожу Марианну“. Это былъ одинъ изъ сравнительно счастливыхъ моментовъ ея жизни въ Герби, когда пыль работы заставляла ее забывать всѣ мелкія неприятели, отсутствіе участія среди окружающихъ, мелочность и узкость условій жизни. Долгіе часы прогуливалась она на своемъ любимомъ лугу или въ тѣнистой аллеѣ высокорасположеннаго кладбища, съ котораго открывался широкой видъ на прекрасныя окрестности. Но ее влекло къ болѣе широкимъ горизонтамъ.

„Я испытываю“, писала она, „чувство непреодолимаго стремленія куда то. Я хотѣла бы жить на вершинѣ горы, откуда былъ бы далекий видъ на залитую солнцемъ равнину. Мнѣ хотѣлось бы видѣть на горизонтѣ рѣзко очерченную полосу моря—все то, къ чему я привыкла съ дѣтства. Для насъ, жителей равнинъ, необходима безграничная полоса земли; ничто не должно задерживать нашего взгляда—намъ кажется, будто такое препятствіе обрываетъ ходъ нашихъ мыслей... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мои мысли заходили далеко, далеко, какъ только можно“.

Подарокъ, который она въ это время получила отъ неизвѣстнаго мецената-женщины, далъ ей возможность устроить себѣ двѣ небольшихъ комнаты во флигелѣ дома, гдѣ она жила. При той свѣжей способности радоваться всему чисто дѣтской радостью, которая освѣщала мрачныя стороны ея натуры, какъ солнце морскія пучины, такое событіе могло стать для нея богатымъ источникомъ наслажденій. Имѣть дѣйствительный кабинетъ, комнату съ книжными полками, диваномъ, ковромъ, висячей лампой и прежде всего съ хорошимъ письменнымъ столомъ — было давно ея горячимъ желаніемъ, — и долго еще его исполненіе казалось ей какой то прекрасной сказкой.

Одно изъ писемъ, написанныхъ ею изъ Герби, выражаетъ, такъ сказать, въ сконцентрированномъ видѣ все то, что ее радовало и огорчало дома. Она говоритъ о привязанности дѣтей, мужа, прислуги, объ ихъ готовности предупредить ея желанія, о своемъ садѣ съ его вѣчно колеблющейся зеленью, сквозь которую видно небо, какъ сквозь густыя кружева, о той радости, которую доставляетъ ей тишина, любимая ею, какъ родная стихія, о ничѣмъ не на-

рушаемомъ спокойствіи, съ которымъ она работаетъ, о томъ счастьи, которое доставляетъ ей мысль о томъ, что ей удалось побѣдить всѣ препятствія, стоявшія предъ нею на пути къ литературной дѣятельности.

Но она говоритъ и о той тревогѣ, съ которой думаетъ о томъ, что она не сможетъ жить своей работой, не сможетъ работать, о гнетущемъ ее чувствѣ одиночества, неизбѣжномъ въ средѣ, гдѣ никто не любилъ того, что любила она; она испытывала чувство душевнаго оскудѣнія, неподвижности, „какъ животное, которое пустили пастись на обнаженномъ отъ травы лугу“.

Ее мучило „обыденность всего того, что было вокругъ нея“, она тосковала „по чему то чужому,—новому, новому, новому“, ей хотѣлось впитывать жизнь всѣми своими порами. Но больше всего тяжело было ей отвращеніе къ самому мѣсту, отвращеніе, которое объяснялось тѣмъ что „въ этомъ мѣстѣ она страдала столько, когда была молода, когда ей слѣдовало быть счастливой“.

Эта смѣна чувствъ симпатіи и отвращенія къ родному уголку сдѣлала настроеніе Эрнсты Альгрень въ послѣдніе годы ея жизни столь измѣнчивымъ. Оттого получались то теплыя выраженія, говорившія о домашнемъ уютѣ, то вопли и проклятія противъ „душившаго ее“ Герби, то она стремилась туда, то она мечтала о томъ, какъ бы поскорѣй оттуда вырваться. Всѣ эти столь быстро смѣнявшіяся настроенія связаны съ ея все болѣе усиливавшимся душевнымъ страданіемъ, которое, какъ кажется, значительно усилилось подъ вліяніемъ новыхъ условій, какъ будто у нея не хватало тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, чтобы выносить всѣ тѣ новыя впечатлѣнія, по которымъ она всегда тосковала. Они вывели ее изъ равновѣсія; несмотря на всю привлекательность, они ее переутомляли.

Это переутомленіе побуждало ее возвращаться въ Герби, гдѣ она въ теченіе нѣкотораго времени наслаждалась чувствомъ тишины и спокойствія.

Но воздухъ въ Герби былъ для нея слишкомъ тяжелъ. Каждый разъ, когда она послѣ долгаго отсутствія возвращалась домой, на нее сыпались мелкія язвительныя колкости. Онѣ все болѣе раздражали ее—и она рвалась вонъ изъ дому. Она такъ долго подавляла законныя потребности своей природы, что теперь ея основное стремленіе жить свободно прорывалось всегда рѣзко, пожалуй, даже эгоистично.

Она не исполнила лежавшихъ на ней обязанностей матери, — это она сознавала; но она сознавала также, что должна спасти самостоятельность своей духовной жизни, свое поэтическое призваніе—она не умѣла соединить этихъ обѣихъ обязанностей. Она не принадлежала къ тѣмъ людямъ, у которыхъ узы крови вліяютъ на чувства вообще или чувство долга. Дѣйствительно важное значеніе могли для нея имѣть только тѣ отношенія, которыя возникали на почвѣ свободнаго выбора.

Семейныя связи, по ея собственнымъ словамъ, никогда не имѣли для нея значенія. Слѣдующія слова ея покажутъ, что къ своему поэтическому призванію она относилась, какъ къ священному долгу матери.

„Я легко переношу все, что мнѣ не мѣшаетъ работать, что не мѣшаетъ мнѣ жить среди тѣхъ образовъ, которые населяютъ мой собственный міръ. Когда я чувствую себя разрываемою на части, какъ преслѣдуемое охотниками животное, для меня единственный отдыхъ, единственная радость—погружаться въ мою работу или цѣлыми часами ходить по кладбищу и слѣдить за тѣмъ, какъ въ моей фантазіи развивается сцена за сценой то, что должно быть

мною создано, если я не умру, слушать хорошо знакомые голоса создаваемых мною людей. Это меня успокаивает и укрѣпляет. Большаго зла, чѣмъ отнять у меня это, мнѣ нельзя было бы причинить. Не думай, что я эгоистична, что я экзальтирована. Право нѣтъ, — я даже не особенно честолюбива. Я пишу немного, пишу медленно, съ напряженіемъ. Но въ глубинѣ души моей живутъ люди,—люди, которыхъ я видѣла или—сама не знаю какъ—создала; я вижу, я слышу ихъ, для меня они живы, облечены въ плоть и кровь. При одной мысли о томъ, чтобы заставить ихъ умереть, я замираю; мнѣ кажется, что я налагаю руку на нѣчто дѣйствительно живое, на все, что мнѣ было дорого, — сдѣлать это было бы для меня тѣмъ же, что для Гедвиги убить дикую утку".

„Пойми меня: я не думаю, что я гений, мнѣ просто на просто нѣтъ дѣла до того, что я, лишь бы только я могла слѣдовать велѣніямъ моей собственной природы, — а она приказываетъ мнѣ придавать опредѣленные образы всему, что поразило мои чувства. Что я сдѣлаю на выбранномъ мною поприщѣ, этого я не знаю, но что это мое поприще, ясно для меня; и въ неизмѣнности, честности, твердости моего стремленія я убѣждена — а дальше пусть будетъ, что будетъ. Я маленькое колесо на опредѣленномъ мѣстѣ. Колесо въ механизмѣ не спрашиваетъ, зачѣмъ оно, — оно работаетъ, пока цѣло“.

Если бы дѣйствительно работа была ея единственной страстью, ея дальнѣйшая жизнь могла бы сложиться весьма просто. Но въ ней жило и страстное стремленіе къ личному счастью; юношеская вѣра въ богатство жизни соединялась въ ней съ чувствомъ приближающейся старости и сознаниемъ того, что на ея долю ничего не выпало изъ того, чего она такъ сильно желала, для чего она была создана.

Такимъ образомъ ея жизнь становилась все сложнѣе, чувство душевной пустоты все сильнѣй.

* * *

Съ осени 1886 г. Эрнстъ Альгрень начала наѣзжать въ Копенгагенъ, послѣдніе два года она главнымъ образомъ жила тамъ; только отъ времени до времени она на короткое время пріѣзжала въ Герби, дважды ѣздила въ Парижъ. Въ эти годы впервые встрѣтила удовлетвореніе ея неутомимая жажда эстетическаго развитія, утонченнаго общества художниковъ и мыслителей, разнообразія жизни. Но новыя впечатлѣнія вызвали и новую жизненную борьбу, губительную для ея гордой и цѣльной натуры. Къ тому же, чѣмъ больше утончались и усложнялись ея потребности, тѣмъ сильнѣй чувствовала она непрочность своего матеріальнаго положенія; она должна была жить на свой заработокъ, доходы семьи уменьшились, и то, что прежде было только желательнымъ, стало теперь необходимымъ.

Будь Эрнстъ Альгрень моложе и здоровѣе, ея положеніе было бы лучше положенія большинства молодыхъ писателей. Она получала сравнительно высокіе гонорары, и все, что она писала, охотно вездѣ принималось—въ послѣдній годъ къ этому присоединилась поддержка шведской академіи. Но ея физическая слабость, дѣлавшая невозможной напряженную работу, медленность способа ея работы, сильная потребность въ полномъ отдыхѣ дѣлали ее болѣе не-обезпеченной, чѣмъ другіе. Эта необезпеченность и была

тѣнью, преслѣдовавшей ее въ послѣдніе годы жизни. Она мечтала о томъ, чтобы не писать изъ-за хлѣба; чтобы создать что нибудь хорошее, она должна была работать своимъ своеобразнымъ, спокойнымъ способомъ. Судя по ея неоднократнымъ весьма опредѣленнымъ словамъ, забота о матеріальныхъ средствахъ была главной причиной ея ранней смерти. Конечно ея слова, какъ и у большинства людей, не всегда были свободны отъ противорѣчія—каждый чувствуетъ всего сильнѣе то одну, то другую сторону гнетущихъ его условій жизни. Но въ этомъ отношеніи то, что она говорила въ разное время, настолько неизмѣнно, что мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать: еслибы Эрнстъ Альгрень была матеріально обезпечена, еслибы она была свободна отъ заботъ о деньгахъ, еслибы она могла жить свободно, среди домашняго уюта, среди симпатичныхъ ей людей, она, вѣроятно, была бы сохранена для нашей литературы.

Два слѣдующихъ отрывка изъ ея писемъ характерны для той апатіи отчаянія, въ которую она впадала, когда чувствовала, что бѣдность отрѣзываетъ ей пути къ развитію, какъ и для той эластичности, съ которой ей удавалось воспринять духомъ, когда она замѣчала малѣйшія проблески счастья.

„У меня полная увѣренность, что какой нибудь меценатъ устроитъ такъ, чтобы я могла выписывать себѣ книги, которыя нужны мнѣ для моихъ занятій. Ахъ, почему нѣтъ стипендіи, которую можно бы получить?! Въ прошломъ году я получила прекрасный анонимный подарокъ, но теперь опять та же бѣда. Подумай, у меня нѣтъ Шекспира! Мнѣ иной разъ до безумія хочется его... Видишь, жить то я, пожалуй, могла бы моимъ перомъ, но книги? Нѣтъ. И я поразительно невѣжественна. Это иной разъ доводитъ меня до отчаянія“.

Эти строки дошли до свѣдѣнія мецената въ юбкѣ, о которомъ было упомянуто выше, и имъ былъ написанъ почтовый переводъ съ подписью „Шекспиръ“. Эрнстъ Альгрень сейчасъ же писала:

„Моей первой мыслью было не то, отъ кого получена посылка,—нѣтъ, я думала о томъ, что было написано: Шекспиръ, Шекспиръ! Мои чувства выразились въ затаенномъ возгласѣ: „Я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ“. Именно это я чувствовала. Ни мысли о томъ, кто сдѣлалъ подарокъ, только страстное ощущеніе доброты всѣхъ людей ко мнѣ; мнѣ казалось, что на мою голову дождемъ льются благословенія неба, что я, долгіе годы мечтавшая о любви, встрѣчаю повсюду распростертыя объятія. Никто не можетъ себѣ вообразить, какъ дика, безумна, глупо счастлива я, когда вижу, что кому нибудь до меня дѣйствительно есть дѣло. Мнѣ недостаетъ только одной вѣры. Я такъ привыкла къ противоположному вѣтру, что дрожу и въ мятель — мнѣ кажется, что противный вѣтеръ только переводитъ духъ — но это пройдетъ, если я только привыкну къ хорошей погодѣ“.

„У меня голова закружилась отъ этого сюрприза. Я едва знаю, что пишу теперь, я такъ рада, такъ безумно рада. Есть на свѣтѣ люди, которые любятъ меня, эти слова—мелодія той боевой пляски, которую отплясываютъ мои мысли“.

Бѣдность, составляющая несчастье, почти неизбѣжное среди литераторовъ нашей страны, и соединившаяся у нея съ неизлѣчимою болѣзнью и исключительно интензивной восприимчивостью ко всякому страданію—вотъ причина, кото-

рой одной было бы достаточно, чтобы создать ея трагическую судьбу.

Среди многочисленных замѣчаній Эрнстъ Альгрень, относящихся къ послѣднему полугодію ея жизни, приведу одно, показывающее, какую роль въ этомъ трагизмѣ ея судьбы игралъ денежный вопросъ.

„Какъ счастливъ тотъ, кто въ состояніи писать только тогда, когда пишется, а не писать въ другое время. Но этотъ ужасный гнетъ необходимости писать, необходимости добывать деньги — какъ тяжело испытывать его тогда, когда не можешь писать, когда нуждаешься въ отдыхѣ“!

„Но объ этомъ говорить не стоитъ. Деньги не сломятъ меня. Я не прибѣгну къ борзописанію, — я слишкомъ горда и правдива для этого. Значитъ, я и не буду въ состояніи прокормить себя. Пусть же никто не стряпаетъ изъ этого романтическихъ исторій — когда нибудь въ будущемъ. Я слишкомъ прозаична; пусть не видятъ во мнѣ жертвы сентиментальности — все дѣло въ деньгахъ“...

„Не думай, что можно бы что нибудь придумать. Правда, въ данный моментъ мои дѣла сносны, — я могу прожить еще 4 мѣсяца, но рано или поздно моя усталость дойдетъ до того, что я должна буду во что бы то ни было отдохнуть. А тогда... вѣдь весь мой заработокъ дѣло не прочное — кусокъ хлѣба, чтобы сейчасъ же заткнуть имъ ротъ“...

„Какъ это странно быть такой одинокой, нигдѣ не пустившей корней, жить по волѣ волнъ и вѣтра, какъ придется. Но лучше это, чѣмъ не быть свободной. Во всей моей жизни нѣтъ момента, который я предпочла бы нынѣшнему. Мнѣ теперь лучше, чѣмъ я могла надѣяться; я свободна, дѣйствительно свободный человѣкъ — лучше ничего быть не можетъ, — это лучше, чѣмъ быть богатой и имѣть возможность отдохнуть; я не желаю возвращенія того времени, когда у меня были полны денегъ руки — ни за полъ-милліона“.

„Я такъ устала, что у меня въ ухахъ словно два церковныхъ колокола звонятъ. Но я *соберусь* съ силами. Я не хочу еще дойти до шаха и мата. Бывало и хуже, я уставала и больше“.

„Бѣдные богачи! Они не знаютъ, какъ былъ бы сладокъ отдыхъ — полный, беззаботный отдыхъ; они никогда не терпѣли такъ, какъ мы, которыхъ повсюду преслѣдуетъ забота о деньгахъ“.

„Я гляжу такъ весело — я могла бы заразить своимъ веселымъ выраженіемъ лица цѣлую массу людей. Но стоитъ мнѣ взять перо, — и я почти никогда не умѣю лгать“.

„Другимъ бѣднымъ писателямъ, — мужчинамъ, — у которыхъ, какъ у меня, нѣтъ мужей кормильцевъ, вѣроятно не легче моего; неудивительно, если они иной разъ плохо работаютъ; нужны сверхъ-человѣческія силы, чтобы создать что нибудь сильное“.

Въ томъ отвращеніи къ жизни, которымъ страдала Эрнстъ Альгрень, нѣтъ ни слѣда какой нибудь болѣзненности, лежащей въ основѣ ея міросозерцанія. Наоборотъ — даже послѣднія ея слова дышатъ глубокой любовью къ жизни: жизнь была не сурова, была разнообразна, давала не разъ возможность счастья, хотя и раздавила ее, такъ какъ она „была слишкомъ мягка, чтобы жить“. Люди не были злы, существованіе не было безнадежно; съ молчаливой сердечностью, трогательной, какъ благодарность больнаго жи-

вотнаго, принимала она каждую самую незначительную ласку; она не отворачивалась ни отъ одного луча, который могъ бы освѣтить мракъ ея души; она хотѣла освободиться отъ единственной болѣзни своего духа, — она не хотѣла быть вынужденной умереть; во всемъ, что она говорила и писала, нѣтъ и тѣни кокетничанья своимъ мрачнымъ настроеніемъ. Наоборотъ, оно стояло въ рѣзкомъ противорѣчьи со всѣмъ ея существомъ; она вполне справедливо опредѣляла его, какъ неотвязчивую идею, вызванную ея болѣзнью и ставшую независимой отъ ея воли.

Ничто, — ни даже собственныя слова Эрнстъ Альгрень, — не можетъ *объяснить* этой душевной болѣзни. Мы можемъ слѣдить за ея проявленіями, но не можемъ раскрыть ея главной причины, вызывавшей эти проявленія; таинственныя глубины человѣческой природы принадлежатъ къ области непостижимаго. Возрастающее самоуглубленіе, лихорадочная потребность въ разнообразіи жизни, несоотвѣтствіе между словами и дѣйствіями, способность цѣликомъ, безраздѣльно жить страданіемъ даннаго момента, терзаясь неудачей въ работѣ или нуждой въ деньгахъ, или чѣмъ нибудь подобнымъ — вотъ тѣ черты, которые указываютъ на упадокъ силы воли и рефлексіи съ одной стороны и усиленіе нервной восприимчивости и отзывчивости на всякій внѣшній импульсъ съ другой — связанные, вѣроятно, съ проявленіями какой нибудь психической болѣзни. Говорятъ, что въ ея семьѣ проявлялись подобные симптомы. Трудно рѣшить, отразились ли на ней эти семейныя вліянія или ея душевная болѣзнь явилась результатомъ одного только гнета обстоятельствъ. Во всемъ, что она говорила въ послѣднее время, есть полная послѣдовательность; недостатокъ ея замѣчается только въ той интенсивности, съ которой она соединяетъ въ одно настроенія и побужденія, по существу своему очень отдаленныя. Мы стоимъ передъ загадкой, которой никто еще не рѣшилъ. Я очень далека отъ мысли, что нашла ея разгадку; я надѣялась только дать матеріалъ, который могъ бы послужить къ болѣе правильному представленію объ ея трагической судьбѣ и психологическихъ причинахъ, приведшихъ къ ней Эрнстъ Альгрень.

Но всякій, кто когда бы то ни было займется этой задачей, долженъ руководиться собственными словами Эрнстъ Альгрень:

„Нѣтъ мотива, который былъ бы единственнымъ мотивомъ; онъ только тонкая нить, которая не въ силахъ произвести самое маленькое, самое ничтожное дѣйствіе; побужденіе всегда соткано изъ многихъ тонкихъ нитей, какъ прочный канатъ; приглядитесь къ нимъ — эти нити идутъ въ разныхъ направленіяхъ — и именно потому канатъ и держится. Человѣческая душа — удивительная машина, колеса которой приводятся въ движеніе многими такими силами“.

Кто хоть сколько нибудь знаетъ эти психологическія побужденія, тотъ не можетъ не удивляться, когда слышитъ, что говорятъ, будто недостатокъ религіозности сдѣлалъ для Эрнстъ Альгрень невозможнымъ переносить тяжесть жизни.

Если понимать подъ религіозностью способность отдаваться чему нибудь, что выше тебя самого, то Эрнстъ Альгрень имѣла свою религію, — культъ труда, — и жизнь во всемъ ея многообразіи была богомъ этой религіи. Но Эрнстъ Альгрень не была религіозна, если подъ этимъ словомъ понимать преклоненіе предъ

какойнибудь определенной религиозной формой; этого чувства въ ней не было никогда; она безъ борьбы подчинялась церковной обрядности, но въ міровоззрѣніе христіанства она не вѣрила, равно какъ и не сомнѣвалась въ немъ.

Жизнь во всемъ ея многообразіи была богомъ ея религіи. Даже въ послѣдніе годы жизни она признавала возможность существованія Бога; ея отношеніе къ этому вопросу вполне выясняется изъ словъ ея послѣдняго письма: „Я не думаю, что вѣрю въ Бога; но когда дѣло придетъ къ концу, я буду молиться Ему“, — именно для того, чтобы и тогда „чувствовать близость живого существа“.

„Живое существо“ — въ этомъ словѣ все дѣло. Для нея вопросъ о Богѣ не былъ вопросомъ о помощи, утѣшеніи, милости, прощеніи, — но лишь о томъ, есть ли другая болѣе великая, болѣе напряженная жизнь, проявляющаяся въ нашемъ существованіи или надъ нимъ. Ея развитіе и опытъ ея жизни все болѣе отдаляли ее не только отъ христіанскаго міропониманія, но и отъ этическихъ идеаловъ христіанства. Само собой понятно, она чувствовала всю ту красоту, которая заключается въ идеѣ самоотреченія, жертвы для блага ближняго, терпѣнія и вѣрности, смиренія и отреченія отъ суеты міра, отсутствія себялюбія. Какъ часто ея поэтическія произведенія восхваляютъ именно эти стороны жизни! Но ея личный характеръ въ его наиболѣе глубокихъ сторонахъ не находился въ гармоніи съ этическими требованіями христіанства; наоборотъ онъ былъ очень близокъ къ идеаламъ язычества: культу красоты и жизни грековъ, преклоненію предъ силой — германцевъ.

Эта черта ея характера вполне ясно отразилась въ слѣдующемъ ея замѣчаніи:

„Для самоотреченія я слишкомъ язычница. Все естественное и искалѣченное вызываетъ во мнѣ, правда, состраданіе, но оно мнѣ несимпатично, оно не красиво, оно противорѣчитъ тому идеалу великаго, прекраснаго, естественнаго и здороваго, который есть моя религія“.

„Меня трогаетъ человѣкъ, полный самоотреченія и все таки добрый, но онъ не моей расы, не моей вѣры. Я не говорю о томъ относительно самоограниченіи, которое вытекаетъ изъ власти воли надъ склонностями, — я говорю о томъ отказывающемъ себѣ самоотреченіи, которое видитъ въ самоистязаніи своего рода заслугу, не думая даже о томъ, принесена ли этимъ комунибудь польза, или нѣтъ, я имѣю въ виду трусливую жертву своей личностью, не рѣшающейся завладѣть чѣмъ бы то ни было, сказать: это мое. Эти маленькія души съ ихъ патентованной общепринятой моралью — я люблю ихъ, какъ любятъ муравьевъ и т. п., все, что интересно видѣть, что идетъ къ своимъ маленькимъ цѣлямъ, но чувствовать себя имъ родственной, — нѣтъ, этого я не могу“.

Но, какъ я уже сказала, вполне язычницей она не была, какъ не была вполне христіанкой. Ея міровоззрѣніе было, можетъ быть, скорѣе міровоззрѣніемъ XX вѣка, который, вѣроятно, подвинетъ къ рѣшенію задачи опредѣленія правъ альтруизма и эгоизма, соединенія идеаловъ древности и христіанства.

Я говорю: „можетъ быть“, — потому что тѣ идеи и чувства, которыя служатъ мостами между этими про-

тивсположенностями — напимѣръ, идея солидарности съ современностью и отвѣтственности предъ потомствомъ, — имѣли для нея столь же мало обязательное значеніе, какъ и всѣ другія истины въ области философіи и религіи. Для нея, какъ глубочайшія задачи, такъ и мимолетные спорные вопросы этихъ областей были не важны; она не отрицала, но она и не вѣрила. Для нея жизнь была не жизнью мыслей, а „движеніемъ, чувствомъ, дѣйствіемъ“, какъ писала она не задолго до своей смерти.

Такіе люди существуютъ, — люди, не лишенные потребности въ вѣрѣ, но не нуждающіеся въ опредѣленномъ міропониманіи, люди, для которыхъ относящіеся къ этой области вопросы никогда не приобретаютъ рѣшающаго значенія; но они встрѣчаются такъ рѣдко, что обыкновенно люди всѣхъ направленій понимаютъ ихъ ложно.

Изъ этого языческаго, если такъ можно сказать, міровоззрѣнія Эрнстъ Альгрень вытекала ея непоколебимая увѣренность въ правѣ cadaго покончить муку жизни добровольной смертью, если эта мука оказывается невыносимой.

Граница выносимости этой муки совпадала въ ея глазахъ съ предѣломъ возможности выполненія каждымъ его жизненной задачи. Пока силъ души и тѣла хватало для работы, она готова была жить но затѣмъ она рѣшила умереть.

Цѣлые годы она говорила объ этой смерти, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, говорила объ ней, какъ говорилъ Сенека или какойнибудь другой стоикъ; никто, кто не понималъ ея въ этомъ отношеніи вполне, никто, кто рассчитывалъ повліять на нее чѣмънибудь кромѣ своей привязанности, не могъ бы быть ей близокъ. Эта всегда сознательная, устраняемая только ради труда мысль о смерти образуетъ тотъ темный фонъ, на которомъ такъ ярко выдѣляется ея удивительно развитая способность къ самой свѣтлой жизнерадостности. Она хотѣла взять отъ жизни все, что могла; она не хотѣла умереть, не поживши.

Этотъ контрастъ между стремленіемъ къ жизни и рѣшимостью умереть, какъ и между отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти, есть только кажущееся противорѣчіе.

Болѣзни души, какъ и тѣла, всего легче сокрушаютъ наиболѣе сильныхъ. Когда душевная болѣзнь поражаетъ жизнеспособную натуру, самая ея неистребимая сила обращается на дѣло разрушенія. А между тѣмъ для Эрнстъ Альгрень не было той поддержки, которую даетъ обыкновенно людямъ чисто животная любовь къ жизни, — она была уничтожена болѣзнью. Она нерѣдко говорила, что никто не можетъ измѣрить ни той суммы страданій, которыя причиняло ей съ ея страстной любовью къ жизни подъ открытымъ небомъ лишеніе свободы движенія, ни той громадной затраты силъ, которая требовалась на то, чтобы не пасть духомъ въ борьбѣ съ тѣлесной болѣзнью. Въ концѣ концовъ эти силы истощались, и тотъ небольшой остатокъ энергіи, который пощадила болѣзнь, только усиливалъ напряженность душевныхъ страданій.

Да и что вообще можетъ измѣрить чужія страданія? Всякій страдаетъ по своему, художникъ страдаетъ одинъ столько же, сколько нѣсколько обыкновенныхъ людей вмѣстѣ взятыхъ; уколъ, который едва кос-

нется обыкновенныхъ людей, можетъ для людей художественнаго темперамента превратиться въ неисцѣлимое страданіе.

Во время своего пребыванія въ Копенгагенѣ Эрнстъ Альгрень, какъ раньше въ Стокгольмѣ, приходила въ близкое соприкосновеніе съ той литературной группой, которая служить представительницей современнаго міровоззрѣнія — въ особенности съ Георгомъ Брандесомъ. Эти встрѣчи произвели не малое вліяніе на ея художественное и личное развитіе; ей предстояло переработать массу воспринятаго ею образовательнаго матеріала, но и разрѣшить не мало противорѣчій. Особенно были важны для ея поэтической дѣятельности тѣ строгіе отзывы объ ея сочиненіяхъ, которые исходили изъ этого лагеря. Они усилили то недовѣріе къ собственнымъ силамъ, которое возникло въ ней подъ вліяніемъ ея первоначальныхъ неудачъ. И это недовѣріе не устранено было и дальнѣйшими ея многочисленными успѣхами, даже успѣхомъ ея драмы „По телефону“.

Но ея литературныя способности такъ рѣшительно указывали ей тотъ путь, которымъ ей слѣдовало идти, что эти ея колебанія не могли имѣть важнаго значенія.

Относительно этихъ несогласимыхъ съ ея литературнымъ темпераментомъ вліяній она высказывается слѣдующимъ образомъ:

„Я должна писать такъ, какъ пишу, хоть бы меня до смерти засмѣяли. Это не отъ меня зависитъ. Мнѣ кажется, будто работа забираетъ меня и говоритъ мнѣ: повинуйся! Если бы я и хотѣла превратиться въ копію, я не могла бы сдѣлать это. Мнѣ кажется, что свѣжесть произведенія именно въ томъ, чтобы каждый оставался самимъ собой, оставался вѣренъ своей рѣзко выраженной индивидуальности“.

И даже въ этическихъ вопросахъ, какъ они отразились въ ея первыхъ произведеніяхъ, она до конца не перемѣнила направленія. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти она писала по вопросу, въ которомъ ея взглядъ вызвалъ наиболѣе споровъ:

„Мой характеръ, мои идеи, мой опытъ — все ведетъ меня къ тому, чтобы видѣть идеаль въ единообразіи“.

Если она такимъ образомъ умѣла сохранить полную самостоятельность своей сильной писательской личности и въ формѣ, и въ содержаніи своихъ произведеній, то она таила въ себѣ другую дѣйствительно болѣзненную слабость — недовольство собой, недовѣріе къ себѣ, развивавшееся въ ней въ тѣ долгіе годы, когда она боролась противъ своихъ литературныхъ наклонностей, „какъ противъ стыда и позора“, — когда неудачи, казалось, доказывали, что она ошиблась въ выборѣ призванія.

Все сильнѣй и сильнѣй выступалъ для нея на первый планъ вопросъ, достигнетъ ли она полнаго художественнаго совершенства. Она ненавидѣла всякій дилетантизмъ въ искусствѣ — быть можетъ, ея работа была не лучше?

И чѣмъ больше былъ ея успѣхъ, тѣмъ выше ставила она себѣ цѣли, тѣмъ беспощаднѣй становилась ея самокритика.

Лѣтомъ 1887 г. въ ней впервые зародился страхъ предъ тѣмъ, что ей никогда не удастся совершить ничего великаго. вмѣстѣ съ симъ опять появляются мысли о смерти, — вѣдь жизнь и безъ того такъ часто отвѣчала на ея широкіе запросы столь ничтожнымъ удовлетвореніемъ.

Уже тогда она стояла лицомъ къ лицу съ мыслью о самоубійствѣ; но, какъ ни созрѣло ея рѣшеніе, ей слишкомъ еще хотѣлось жить, и достаточно было проблеска счастья, чтобы на этотъ разъ миновала опасность. Произведеніе, написанное ею въ ночь, предшествовавшую тому дню, который долженъ былъ быть для нея послѣднимъ (Кровь преступника), вылилось изъ глубины трепещущаго сердца.

Лѣто, проведенное ею на родинѣ Густава офъ Гейерстама, и осень въ Стокгольмѣ на нѣкоторое время разсѣяли мрачныя мысли, съ роковымъ постоянствомъ возвращавшіяся, какъ къ центру, къ мысли о смерти, какъ единственному желанному отдохновенію; чтобы разсѣять свое мрачное настроеніе, она написала комедію: „Теорія“.

Осенью она написала: „Отвращеніе къ жизни“. Каждая строчка отражаетъ ея собственную полную мукъ жизнь. Вотъ что пишетъ она здѣсь.

„Рука смерти сильна и тогда, когда она не поражаетъ; вся духовная сторона моего существа есть какая то обливающаяся кровью дрожащая масса, — это сдѣлала однимъ своимъ прикосновеніемъ та рука, которая поразила насъ всѣхъ“... Отъ времени до времени опять всплываетъ мысль о самоубійствѣ: „Ничтожной случайности было бы достаточно, чтобы опять ограничить мою рѣшимость жить“.

Три письма — первое написано ею лѣтомъ 1887 года младшей падчерицѣ — кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ настолько характерными, что я ихъ сообщаю почти цѣликомъ:

„Дитя, — какъ близко сошлись мы въ послѣднее время! Ты развилась, ты стала человѣкомъ, ты понимаешь, что свойственно человѣку. Какъ люблю я тебя! Почему? Потому что ты не требуешь, чтобы я жила. Я хочу оставаться между вами, пока для меня есть работа. Я хочу радоваться на васъ и любить васъ. Но когда я совершенно устану, я засну, сладко усну, не испытывая этого безконечнаго страха ежедневныхъ мукъ, довольная, какъ послѣ длиннаго трудового дня“.

„Будетъ день, когда человѣчество разовьется до такой степени, чтобы видѣть въ этомъ наиболѣе разумное, наиболѣе естественное. Для животныхъ прискиваютъ возможно менѣе болѣзненную смерть, но для человѣка“...

„Ни чести, ни величайшаго успѣха, ни богатства, ни общаго уваженія, ничего изъ того, къ чему стремятся, о чемъ мечтаютъ люди, ничего я не хотѣла бы такъ, какъ тихой безбоязненной, безболѣзненной смерти“.

„Не думай, что я мрачно настроена. Я болѣе довольна и счастлива, чѣмъ была въ твои годы. Но и тогда я несчастна не была“.

„Я не имѣю корней въ жизни. Я только зритель, какъ ни сильно живу и люблю я. Въ этомъ вся тайна“.

„Такова судьба того, кто ни на что не можетъ надѣяться, кто можетъ всего бояться“.

„Хуже мнѣ можетъ быть каждый день, лучше никогда, никогда“.

„Трудись, пользуйся жизнью, дитя мое! Жизнь не сѣра. Не думай этого! Она такъ разнообразна, такъ подвижна, всякій трудъ скрываетъ въ себѣ источникъ интересовъ и удовлетворенія для того, кто любитъ его“.

„Цѣлые годы я носила въ себѣ пустоту. Пустота ни къ чему не можетъ быть годна. Ничто не утомляетъ человѣка, какъ мысль о томъ, что ноша, которую онъ носитъ съ собой, ни къ чему не нужна, никогда не будетъ нужна —

и человѣкомъ овладѣваетъ желаніе сбросить съ себя эту пустую, бесполезную ношу, опуститься на край дороги и мирно заснуть“.

„Когда у тебя въ свою очередь будутъ заботы и страданія,—а они конечно будутъ и у тебя,—сообщи мнѣ тогда о томъ, какъ счастлива ты, что на твою долю не выпало носиться съ такою невидимою заколдованною ношею, съ этой ужасной пустотою“.

„Долго ли буду носиться съ нею я сама, или скоро освобожусь отъ нея,—это не важно; лишь бы мнѣ только знать, что я ее когда нибудь наконецъ сброшу“.

„А до того времени мнѣ надобно еще такъ много написать! Я должна высказаться раньше, чѣмъ уйду“...

„Не теряй бодрости!“

Другія письма писаны оба въ декабрь 1887 года.

„Ты говоришь: жизнь всегда поражаетъ болѣе опасное мѣсто въ нашемъ сердцѣ,—то, черезъ которое мы скорѣе всего можемъ истечь кровью“.

„Это такъ,—но развѣ она не имѣетъ на это права?—вѣдь она же умѣетъ открыть и то мѣсто, въ которомъ таится источникъ всякой радости. Я была такъ бѣдна,—такъ одинока и бѣдна,—и все таки я прощусь со свѣтомъ безъ всякой горечи, напротивъ съ теплымъ чувствомъ глубокой благодарности, если только буду увѣрена, что моя смерть будетъ безболѣзненна. Это сознание меня окрыляетъ надеждою. Тотъ, кто далъ мнѣ морфій, оказалъ мнѣ высшее благодѣяніе, какое только можетъ оказать человѣкъ человѣку. Я чувствую себя такъ, словно послѣ долгой пытки восстанавливается весь мой искалѣченный организмъ, словно ко мнѣ вновь возвращаются прежнія силы и здоровье. Когда жизнь окажется слишкомъ тяжелой для меня,—или я слишкомъ слабой для нея,—вѣдь въ сущности это все равно,—я уйду, прильнувъ къ ея материнской рукѣ прощальнымъ поцѣлуемъ. Но я буду счастлива тѣмъ, что жила,—лишь бы мнѣ не испытывать страха смерти... Я спокойна, я въ полной гармоніи съ собою,—моя жизнь наполнена работою. Но моя драма окончена,—и я начинаю умирать. Я созрѣла для того, чтобы написать это“.

„Вчера мнѣ выдали гонораръ за «Народную жизнь». До марта я могу жить безъ всякихъ заботъ,—насколько это зависитъ отъ денежнаго вопроса,—я буду работать спокойно, равномерно, безъ перерывовъ, какъ я это люблю,—безъ мысли о завтрашнемъ днѣ, безъ боязни критики. Я постараюсь думать лишь объ одномъ,—о томъ, чтобы быть вѣрною правдѣ. А тамъ будь, что будетъ“.

„Я отдохнула, я прекрасно отдохнула, но гнать работу впередъ, торопить ее я не могу,—она отъ этого пострадала бы, а я переутомилась бы и занемогла бы душевно. Всякій, кто знаетъ меня, знаетъ и то, что я не лѣнива, но я по самой природѣ своей не выношу волненій и торопливости. Спокойствіе и уравниженность—вотъ мое нормальное состояніе: единственный способъ работы, который я признаю,—это работа постоянная, но медленная. Если въ моемъ отечествѣ найдется человѣкъ, который пожелаетъ и будетъ въ состояніи сдѣлать что нибудь для того, чтобы обезпечить меня на нѣсколько лѣтъ, я приму это безъ стѣсненія, не чувствуя себя этимъ униженной. Вѣдь я же отдалась стремленію заслужить такую поддержку непрерывнымъ совершенствованіемъ своего художественнаго дарованія, безтрепетной

правдивостію, непоколебимою честностію своихъ произведений и отдалась настолько безраздѣльно, что смотрю на себя, какъ на достояніе отечественной литературы. Все, что я переношу, переживаю, испытываю, есть собственность моей страны, какъ принадлежитъ всему улью медъ, который приготавлила въ своемъ тѣлѣ маленькая пчела“.

„Мое счастье такъ просто,—я могла бы сказать—такъ по-дѣтски, такъ невинно просто. Оно было не продолжительно,—оно, вѣроятно, и будетъ продолжаться не долго. Жизнь можетъ сдѣлать со мною все, что хочетъ. Я словно виноградная ягода въ могучей рукѣ,—и эта исполинская десница жизни на одинъ моментъ подняла меня къ солнцу. Ягода не знаетъ, что рука можетъ сжаться, можетъ ее сжать и раздавить,—и тотъ, кто будетъ пить ея вино, тоже не думаетъ объ этомъ“.

Въ январѣ 1888 года эти мысли о смерти достигли такого напряженія, что Эрнстъ Альгрень сдѣлала неудачную попытку покончить съ собою, принявъ морфій. Какъ тяжела стала уже для нея жизнь,—объ этомъ свидѣтельствуется то горькое чувство, съ которымъ она говорила объ этой неудачѣ. Менѣе глубокое ощущеніе ужаса передъ задачею жизни, разумѣется, было бы исцѣлено ею. Съ того часа силы ея души и тѣла мы можемъ считать истощенными.

Вскорѣ послѣ этой попытки она снова пишетъ:

„Вѣроятно, я не скоро буду въ состояніи работать для денегъ. О, какъ хотѣлось бы мнѣ жить! Я не несчастна, но я разбита. Мое тѣло не выдержало переутомленія и внутренней борьбы. Не забывайте, какъ ослабила меня долговременная борьба“.

„Еслибы я только могла выразить словами, чѣмъ былъ и что есть для меня Аксель Лундегардъ! Онъ знаетъ все, все обо мнѣ,—мы старые друзья, мы жили, какъ товарищи, раньше, чѣмъ кто нибудь зналъ объ Эрнстѣ Альгрень,—раньше чѣмъ появилось „Изъ Скоонена“. Только теперь я сознаю, какъ глубоко пустила корни моя привязанность къ нему“.

„А если бы ты могла слышать, какъ онъ старается меня убѣдить въ томъ, что я должна пользоваться полной свободой, и какъ онъ въ тоже время рукой нѣжнѣйшей любви силится снова связать тѣ нити, которыя оборваны между мною и жизнью! . . . Да, я хочу жить, если только найду въ себѣ силы, если только сумѣю... Но пройдетъ еще немало времени раньше, чѣмъ я соберусь съ силами и съ мужествомъ. Я хотѣла бы имѣть возможность возратить моему вѣрному другу тѣ тысячи благодѣяній, которыя онъ оказалъ мнѣ въ это короткое время“...

„Я не заслужила и половины той любви, которую мнѣ расточаютъ,—и все таки я чувствую себя такой удивительно бѣдной. Къ чему такая притязательность? Я многимъ близка,—ближе всѣхъ... Ближе всѣхъ? О, нѣтъ, у меня не должно быть ничего, кромѣ моей работы“.

„И если бы я могла только достигнуть того совершенства мысли и художественнаго выраженія, къ которому стремлюсь, я готова была бы перестрадать еще разъ столько же, сколько перестрадала,—лишь бы страданіе дало мнѣ возможность постичь и изобразить все человѣческое. Я люблю искусство больше, чѣмъ себя самое, чѣмъ жизнь, чѣмъ всѣхъ, кто былъ мнѣ близокъ. Если бы только мнѣ это

было дано! Я охотно умерла бы, если бы сознавала, что творила вполне правдиво, что создавала образы, полные жизни, которые надолго переживут меня“.

Въ это время хлопотали о томъ, чтобы доставить ей стипендію. Вотъ что писала она по этому случаю:

„Только тотъ, кто свободенъ вполне, можетъ создать нѣчто хорошее. Свобода есть воздухъ художника“.

„Мое стремленіе къ свободѣ болѣе непобѣдимо, чѣмъ когда либо. Я не хочу принадлежать ни къ какой партіи, я не хочу связывать себя ничѣмъ. Законъ гармоніи заложенъ во мнѣ самой,—и это единственный законъ передъ которымъ я преклоняюсь“.

„Я теперь на пути къ выздоровленію. Отчаяніе, къ которому приводила меня нужда и неразлучная съ нею необходимость многописанія, было причиною всего“.

„Лундегардъ все еще замѣняетъ мнѣ и мать, и брата, и товарища,—все, чѣмъ хорошій человѣкъ можетъ быть для такого отшельника, какъ я. Я выздоровѣю, когда мысль о кускѣ хлѣба перестанетъ быть для меня насущной“...

„У меня масса сюжетовъ... Это все маленькія дѣти, одаренныя сердцемъ и жизненною теплотою“...

Вскорѣ затѣмъ она писала, что для разработки этихъ сюжетовъ ей не хватаетъ спокойствія. Тѣмъ не менѣе она старалась упорно работать.

Въ это время возникли „Юлія и ея Ромео“, „Изъ мрака“ и отрывокъ трагедіи. Съ ужасомъ приговореннаго къ смерти она старалась ухватиться за жизнь, ухватиться за каждую руку, протянутую къ ней, чтобы ее удержать.

„Я похожа на собаку, которая чувствуетъ, что ей предстоитъ скоро умереть, и вымаливаетъ у людей ласкъ“,—говорила она незадолго предъ смертью.

Все, съ чѣмъ она сталкивалась въ жизни, превращалось для нея въ какую то нравственную пытку. Трудно было понять, какъ могли волновать ее такъ сильно такіе пустяки! Но существуютъ страданія, которыя ищутъ себѣ пищи во всемъ, какъ огонь находитъ себѣ пищу и въ какойнибудь щепкѣ, и въ цѣломъ лѣсѣ.

Послѣднею ея попыткой уйти отъ мысли о самоубійствѣ была ея поѣздка въ Парижъ вмѣстѣ съ одною изъ ея подругъ, но и эта попытка не удалась. Передъ отъѣздомъ она писала изъ Герби, гдѣ провела нѣкоторое время почти въ полномъ одиночествѣ:

„Я живу, какъ отшельникъ, и это одно можетъ съума свести меня, всегда такъ жадно стремившуюся къ привѣту къ ласкѣ. Вотъ почему я ѣду въ Парижъ, гдѣ у меня есть друзья—между прочимъ Іонасъ Ли и его жена,—превосходные, сердечные люди, которые *умѣютъ* быть привѣтливыми; здѣсь этого не умѣютъ. Я умру отъ духовнаго голода, если буду постоянно видѣть эти сдержанные скооненскія лица, столь похожія на мое... Достаточно одного сердечнаго слова, и вся моя сдержанность исчезнетъ, и я совѣмъ другой человѣкъ“...

„О если бы я могла провести цѣлое лѣто, не думая о работѣ!“

Въ Парижѣ она нашла то радушіе, на которое рассчитывала, но всѣ средства, въ которыхъ она искала спасенія отъ терзавшихъ ее душевныхъ мукъ, оказались без-

сильными. Не задолго до возвращенія она писала своей младшей падчерицѣ:

„Сердцебіеніе и приступы удушья у меня усилились и начинаютъ внушать мнѣ опасенія. Я рѣшительно не въ состояніи работать,—всѣ попытки напрасны... Способность къ труду окончательно потеряна. Когда мы встрѣтимся, не спрашивай меня о моихъ работахъ, не спрашивай: „что ты сегодня написала“ и т. п. Правда, я пачкаю бумагу, — мнѣ нравится писать хотя бы однѣ буквы,—но вся моя энергія исчезла. Я рабочая лошадь, сломавшая себѣ спину. Утѣшать меня тѣмъ, что я могу еще снова окрѣпнуть, значить съ наилучшими намѣреніями причинять мнѣ невыразимыя страданія. Дай старой лошади еще немного побродить на солнечномъ теплѣ, если она можетъ; но сознаніе своей непригодности все же заставляетъ ее безмѣрно страдать“.

„Не требуй, чтобы я надѣялась, чтобы я глядѣла весело. Я оплакиваю то, что было мнѣ всего дороже,—работу“.

„Не говори объ этомъ больше, не упоминай объ этомъ никогда. Всякія распрашиванія меня терзаютъ. Я борюсь съ душевною болѣзною и, чѣмъ больше остаюсь я съ нею съ глазу на глазъ, тѣмъ лучше“...

„Я должна была бы остаться здѣсь. Уѣзжая сюда, я думала никогда не возвращаться“.

„Умереть здѣсь—значило бы такъ легко исчезнуть! Это было бы для моихъ близкихъ лучше всего. Но я еще надѣюсь на выздоровленіе. И средства мои еще не истощились“.

„Никто не повѣритъ, какъ сильно я привязана къ жизни, или лучше сказать къ надеждѣ опять вступить въ союзъ съ жизнью“...

„Я написала здѣсь очень много. Я хочу доказать, что не лѣнь мѣшаетъ мнѣ творить. Но какое странное впечатленіе производитъ все это! Слова, слова, слова, — жизни въ нихъ нѣтъ! Я могу очень много писать, — для печати это не годится. Въ томъ, что я пишу, нѣтъ безсмыслицы, но зато есть слѣды душевнаго оцѣпененія. Это похоже на работу слѣпого,—нѣтъ красокъ,—мертво, какъ дерево,—вырѣзанное, нерасписанное дерево“...

„Впрочемъ, если я говорю, что я душевно больна, то это не значитъ, что я немного помѣшана или хотя бы только „нервна“. Это особая болѣзнь художниковъ,—я назвала бы ее страхомъ работы“.

Она первоначально рассчитывала умереть въ Парижѣ. Но Парижъ казался ей слишкомъ большимъ, какъ Герби—слишкомъ маленькимъ. Она избрала Копенгагенъ, гдѣ она пробыла нѣсколько недѣль, непрерывно, до самаго конца возобновляя отчаянныя попытки работать и бороться со своимъ страданіемъ. Но мысль о смерти,—обольстительная и тяжелая,—не покидала ее. Въ своемъ прощальномъ письмѣ она пишетъ, что сверхчеловѣчскія душевныя страданія столкнули ее внизъ, въ глубину пропасти, сломивъ наконецъ и страстное желаніе жить, и страхъ смерти. Но въ ней еще достаточно самообладанія, чтобы скрыть непреклонность своего рѣшенія отъ всѣхъ, даже отъ Акселя Лундегарда, котораго она посѣтила вечеромъ 21 іюля.

Одинокая, какъ и жила, она умерла отъ собственной руки въ ночь на 22 іюля 1888 года.

* * *

Уже 18 іюля Эрнстъ Альгрень написала нѣсколько словъ „къ остающимся въ живыхъ“. Вотъ какъ они заканчиваются:

„У меня не хватаетъ словъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя я питала къ людямъ, подарившимъ меня своею благосклонностью и добротой. Я прошу всѣхъ, кто былъ мнѣ близокъ, вѣрить, что это происходитъ не отъ безсердечія. Мнѣ тяжело, что я должна ихъ огорчить. Дѣлайте же другимъ то добро, котораго вы желали мнѣ и которое я хотѣла бы дѣлать сама, еслибы чувствовала себя способной жить“.

Въ этихъ предсмертныхъ строкахъ она назначила Акселя Лундегарда своимъ литературнымъ наслѣдникомъ.

Въ письмѣ, которое было найдено на ея столѣ, она передаетъ ему это наслѣдіе, сопровождая свое завѣщаніе нѣсколькими теплыми, дружескими словами благодарности. Тутъ же она высказываетъ желаніе быть схороненной въ Копенгагенѣ.

Тамъ неподалеку отъ моря, покоится она. На ея надгробномъ памятникѣ начертано только имя „Эрнстъ Альгрень“ да два итальянскихъ слова, которыя она сама предназначила для своей эпитафіи:

Imploro pace.

Это было единственное, чего Эрнстъ Альгрень хотѣла отъ жизни. Но на это требованіе жизнь имѣетъ только одинъ отвѣтъ — смерть.

Поэту.

Пѣвецъ! не пой красу полей,
Лазурь небесъ весеннихъ дней,
Огонь чарующихъ очей
Въ уединеніи ночей...
Не сладкой трелью соловья
Пусть пронесется пѣснь твоя...
Но какъ призывный трубный звукъ,
Надъ моремъ зла, страданій, мукъ,
Побѣдоносна и смѣла
Пусть міру явится она!

Вѣра Каменская.

Первый семестръ въ Цюрихъ.

(Письмо русской студентки).

Зимній семестръ кончился. Профессора подписали наши тетрадки, нѣкоторые сухо простились со слушателями, другіе пожелали хорошо провести каникулы, профессоръ ботаники сказалъ намъ рѣчь, въ которой благодарилъ студентовъ за внимательное отношеніе къ его лекціямъ, и мы проводили его аплодисментами. Университетъ опустѣлъ, только въ лабораторіи усердные химики работали еще съ недѣлю.

Теперь я могу подвести итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопились у меня за эти четыре съ половиною мѣсяца, — впечатлѣніямъ отъ университета, отъ цюрихской жизни вообще и отъ жизни той группы иностранцевъ-учащихся, которая носитъ названіе русской колоніи.

Для тѣхъ, кто собирается ѣхать въ Швейцарію учиться, эти свѣдѣнія могутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе; другимъ, можетъ быть, не безынтересно будетъ узнать, какъ складывается за границей жизнь русской учащейся молодежи.

Я пріѣхала въ Цюрихъ въ первыхъ числахъ октября (по новому стилю) и, нѣсколько устроившись, отправилась въ университетскую канцелярію, къ ректору. На душѣ у меня было неспокойно, меня мучилъ вопросъ: буду ли я принята, или нѣтъ? Я знаю, что съ этого года здѣсь вступили въ силу новыя правила, требованія для желающихъ поступить въ университетъ были очень повышены, поэтому масса русскихъ, главнымъ образомъ женщинъ, устремилась въ Бернъ, гдѣ, какъ говорили, принимали только по паспорту. Да и изъ тѣхъ, которые уже раньше были приняты въ цюрихскій университетъ, многіе перешли туда, боясь, что ихъ впослѣдствіи не допустятъ къ докторскому экзамену.

На мой стукъ въ дверь раздалось тихое „herein“, и я вошла въ пріемную. Ректоръ, маленькій, худой человѣчекъ, выслушалъ меня и принялся читать мои бумаги, которыя я заранѣе перевела на нѣмецкій языкъ.

— Такъ вы хотите на основаніи этихъ бумагъ быть принятой студенткой на медицинскій факультетъ? спросилъ онъ.

— Да, и быть потомъ допущенной къ докторскому экзамену.

Ректоръ еще разъ сталъ пересматривать бумаги. У меня былъ гимназическій дипломъ и свидѣтельство о томъ, что я сдала экзаменъ изъ латинскаго языка при мужской гимназіи.

Ректора смущали слова: „домашняя наставница“, переведенныя по нѣмецки „Hauslehrerin und Erzieherin“. Я долго толковала ему, что это только званіе, что другихъ дипломовъ мы не можемъ получить. Онъ все таки недовѣрчиво поглядывалъ на мои бумаги и наконецъ спросилъ:

„Но вы бы не могли быть учительницей въ русской женской гимназіи“? Я отвѣтила, что я въ продолженіе трехъ лѣтъ давала уроки въ одной гимназіи и считалась на службѣ. Это вывело ректора изъ затрудненія. Онъ сказалъ, что ему нужна бумага въ подтвержденіе моихъ словъ и, когда я ее доставлю, то буду принята студенткой; но, чтобы быть допущенной къ докторскому экзамену, я должна въ теченіе года выдержать экзаменъ на швейцарскій аттестатъ зрѣлости. Я вздохнула съ облегченіемъ: все таки я буду принята сейчасъ же и, значитъ, времени не потеряю, а экзаменъ въ такомъ далекомъ будущемъ вовсе ужъ не такъ страшенъ. Я распрощалась съ ректоромъ и, придя домой, принялась за Цицерона: въ виду экзамена латынь все таки не слѣдовало забывать.

Дней черезъ 10 я получила изъ Россіи удостовѣреніе и снова пошла въ канцелярію. Ректоръ еще разъ прочиталъ всѣ мои бумаги, нашель, что теперь все въ порядкѣ, и сказалъ, чтобы въ понедѣльникъ, 15-го октября, ровно, ровно въ 11 часовъ я приходила къ имматрикуляціи. То же повторилъ мнѣ и педель, въ канцеляріи, гдѣ я росписывалась въ большой толстой книгѣ и вносила установленную Gebühr (общая обязательная плата въ пользу университета) въ размѣрѣ 13 франковъ. „Въ этомъ же зданіи, во второмъ этажѣ“, прибавилъ онъ, получая отъ меня деньги.

Не то, что ровно въ 11, а еще много раньше я подходила въ понедѣльникъ къ университетскому зданію, гдѣ должно было происходить это торжество. У воротъ стояло нѣсколько барышень, которыя оживленно бесѣдовали по нѣмецки, и въ сѣняхъ собралось довольно много такихъ же нетерпѣливыхъ новичковъ, какъ и я. Одни ходили, другіе читали разныя объявленія, вывѣшенныя по стѣнамъ на черныхъ доскахъ. Въ сторонѣ стояли двѣ русскія, — я ихъ сейчасъ же узнала по лицамъ, еще прежде, чѣмъ онѣ заговорили. Я прошлась раза три взадъ и впередъ по сѣнямъ, прочитала съ дѣловымъ видомъ нѣсколько объявленій и, когда увидѣла, что одна изъ русскихъ, распрощавшись съ подругой, двинулась по лѣстницѣ во второй этажъ, то подошла къ ней. „Вы не знаете, можно уже войти въ залу?“ спросила я ее. „Кажется, ужъ можно; пойдѣте“. Посреди залы стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, около него торжественные стулья съ высокими спинками. У одной изъ стѣнъ на стульяхъ сидѣло двое студентовъ; одинъ изъ нихъ какъ то странно неподвижно держалъ голову, и глаза у него были какіе то свѣтлые, прозрачные.

— Вы видѣли, — слѣпой студентъ, сказала моя барышня. Мы стали въ уголкѣ, у окна; къ намъ еще подошли три нѣмки или швейцарки и одна русская, съ которой стоявшая со мной барышня раскланялась. Въ залу вошли и

студенты и стали по стѣнамъ; ихъ было человѣкъ 40 или 50 (это была первая имматрикуляція, за которой еще должны были слѣдовать двѣ). Одни совсѣмъ юные, безбородые, какіе то несложившіеся юноши, на которыхъ нескладно сидѣли ихъ довольно пестрые костюмы; другіе постарше, какъ то спокойно и даже безучастно относившіеся къ предстоящему торжеству; былъ одинъ высокій бородатый славянинъ, былъ изящный господинъ въ какомъ-то модномъ сюртучкѣ, съ лихо закрученными черными усами и съ порядочнымъ брюшкомъ. Подъ конецъ появились еще двѣ нарядныя дамы и стали у дверей. Вошелъ ректоръ, всталъ и слѣпой, котораго наставлялъ бывший около него товарищъ. Ректоръ сталъ во главѣ стола, Педель положилъ около него пачку небольшихъ тетрадокъ.

„Meine Herren und Damen“, началъ ректоръ, не волнуясь, но довольно торжественно, — и затѣмъ продолжалъ:

„Вы собрались сюда изъ разныхъ кантоновъ Швейцаріи, изъ разныхъ странъ и государствъ. Передъ вами великая цѣль, къ которой вы должны стремиться: быть совѣтниками, дѣятелями и помощниками того государства, къ которому вы принадлежите, и вы имѣете то огромное счастье и преимущество, что, участь, можете стремиться къ этой цѣли“... И дальше говорилъ ректоръ о чести университета, о томъ, что мы должны стараться избѣгать всего, что можетъ ей повредить. Въ особенности онъ уговаривалъ насъ не драться надуэляхъ и потомъ предложилъ, въ знакъ нашего согласія исполнять всѣ постановленія университета, выходить и пожимать ему руку. Онъ сталъ называть фамиліи, всѣ по очереди подходили къ нему, пожимали его маленькую, сухонькую руку и получали отъ него цѣлую пачку бумагъ: университетскіе статуты, студенческой билетъ и другія. Какъ это все ни было просто, а все таки я съ волненіемъ ждала своего имени, и моя новая знакомая все выступала впередъ, чтобы быть готовой къ выходу. Русскія фамиліи были всѣ очень длинныя и трудныя, но ректоръ довольно благополучно справился съ ними. Мой славянинъ оказался по фамиліи Ивановичъ, какъ называлъ его ректоръ. Подошелъ и слѣпой—его подвелъ товарищъ—и протянулъ руку, неловко двигая пальцами; ректоръ не сразу догадался, но потомъ пожалъ эту ищущую руку и вложилъ въ нее бумаги.

Имматрикуляція кончилась, онъ пожелалъ намъ успѣха въ нашихъ занятіяхъ и вышелъ. Сразу стало шумно, и всѣ двинулись къ дверямъ.

Когда теперь вспоминаешь, какія затрудненія встрѣчались на первыхъ порахъ, что заставляло волноваться и смущаться, то становится смѣшно.

На другой день послѣ имматрикуляціи я пришла въ университетъ слушать лекцію по химіи. Нѣсколько разъ я прошла по сѣнямъ, вошла въ корридоръ, опять вышла и наконецъ рѣшилась обратиться къ кому то изъ студентовъ съ вопросомъ, гдѣ химическая аудиторія. Но я постѣснилась спросить, гдѣ нужно оставить шляпу, зонтикъ и верхнюю кофточку, и вотъ опять я брожу по корридору, тщетно оглядываясь, не видно ли гдѣ-нибудь вѣшалки. А она оказалась въ самой аудиторіи.

Каждый день я ходила въ канцелярію смотрѣть на объявленія профессоровъ; всѣ давно уже начали читать, а отъ профессора физики не было еще никакого анонса. И вдругъ я узнаю, что онъ уже съ недѣлю читаетъ лекціи въ зданіи физиологии и физики, гдѣ своевременно было вывѣшено и объявленіе, и всѣ медики его слушаютъ. А я даже не подозрѣвала о существованіи такого зданія.

Наступило время платить за лекціи, — и я два дня розыскивала на широкой Hirschengraben то зданіе, въ которомъ помѣщается касса университета.

И много времени прошло, пока я освоилась со своимъ положеніемъ студентки и приобрѣла нѣкоторую увѣренность въ себѣ.

Въ первый семестръ мнѣ надо было слушать слѣдующіе предметы (это я узнала отъ одного знакомаго студента-медика, да приблизительно то же стояло и въ Studienplan'ѣ, который мнѣ выдали въ канцеляріи): общую ботанику, физику, неорганическую химію, ученіе о костяхъ и о мускулахъ (начало анатоміи), сравнительную анатомію. Надо было также работать въ химической лабораторіи, но я побоялась брать на первыхъ порахъ слишкомъ много дѣла и отложила занятія въ лабораторіи на лѣто. И безъ того у меня оказывалось 28 лекцій въ недѣлю, да еще химическій Colloquium, да Repetitorium по сравнительной анатоміи, въ которыхъ я рѣшила принимать участіе, хотя это и не обязательно, да демонстраціи по остеологіи и міологіи. Распределены были лекціи довольно удобно: три часа утромъ до обѣда, да три вечеромъ, отъ 4-хъ до 7-ми; только по пятницамъ и субботамъ лекцій было меньше.

Встанешь рано и въ 8 часовъ уже бѣжишь на лекцію физики. Швейцарцы довольно аккуратный народъ, особенно первокурсники, и, несмотря на ранній часъ и на то, что лекціи эти были не особенно занимательны и понятны, аудиторія не пустовала. Между швейцарцами и нами, иностранцами, происходитъ какъ бы молчаливое соглашеніе: они почему то избѣгаютъ первыхъ лавокъ, а мы очень стремимся быть поближе къ профессору: легче понимать, когда ясно слышишь каждое слово. Случалось, конечно, что наше привилегированное положеніе доставляло намъ и нѣкоторыя непріятности: то брызнетъ на насъ струя воды во время опыта, то полетитъ снопомъ искръ, или раскашляешься отъ какого нибудь ѣдкаго газа; швейцарцамъ такіе случаи всегда доставляли огромное удовольствіе.

Кончится лекція физики, и мы расходимся въ разныя стороны; довольно большая группа медиковъ идетъ въ зданіе анатоміи—оно на другой улицѣ, но ходьбы до него немного, всего минутъ пять, а все таки пройдешься, разомнешь ноги и подышешь чистымъ воздухомъ. Въ зданіи анатоміи всегда стоитъ специфическій запахъ разлагающихся проспиртованныхъ труповъ, запахъ непріятный, но къ нему какъ то скоро привыкаешь. По корридору бродятъ студенты въ бѣлыхъ балахонахъ и студентки—большею частью въ темныхъ.

На лекціяхъ по міологіи за четверть часа до звонка намъ ввозили въ аудиторію трупъ, чтобы демонстрировать мускулы. Обыкновенно заранѣ слышно было, какъ маленькая платформа выѣзжала изъ препаровочной и торжественно катилась по корридору. Студенты переглядывались и таинственнымъ шопотомъ говорили: „Es kommt“.

Профессоръ анатоміи, довольно молодой и изящный господинъ, облекался въ бѣлый балахонъ и, подвинувъ носилки вплотную къ первой лавкѣ, начиналъ показывать и объяснять. Послѣ лекціи трупъ опять отвозился въ театръ, и мы шли туда же, чтобы поближе посмотреть на него и послушать еще разъ объясненія, которыя давалъ или самъ профессоръ, или кто нибудь изъ студентовъ.

Многихъ, кто собирается заняться медициной, устрашаютъ анатомическимъ театромъ. Когда послѣ перваго семестра я вернулась домой, то чаще всего мнѣ приходилось

слышать такіе вопросы: „занимались ли вы анатоміей? какое впечатлѣніе произвелъ на васъ анатомическій театръ?“ Стараясь быть насколько возможно правдивою, я отвѣчала: „да недурное“. Помню, что въ первый разъ мнѣ было нѣсколько жутко входить въ эту большую свѣтлую залу, гдѣ на подставкахъ лежали цѣлые трупы и части ихъ, а наклонившись надъ ними, работали студенты и студентки. Но это чувство скоро прошло. Первые трупы, которые я близко видѣла, были темные, сильно пропитанные какой то предохраняющей отъ порчи жидкостью и, когда глядишь на нихъ, то не является представленія о человѣкѣ: это только материалъ, на которомъ мы должны учиться, чтобы проложить себѣ дорогу къ медицинѣ.

Постепенно даются трупы болѣе свѣжіе, но ужъ и они не вызываютъ ужаса. Не знаю,—можетъ быть, для нѣкоторыхъ сильно развитое чувство брезгливости дѣлаетъ такими тяжелыми занятія въ анатомическомъ театрѣ, мнѣ же кажется, что гораздо труднѣе справиться со своими нервами въ клиникахъ, гдѣ приходится видѣть страданія живыхъ людей.

Что еще имѣетъ большое значеніе,—это отношеніе къ этимъ занятіямъ окружающихъ, т. е. главнымъ образомъ учащихся швейцарцевъ. У нихъ вообще нервы много крѣпче и здоровѣе, чѣмъ у нашего юношества, и къ анатомическому театру они относятся очень просто, съ интересомъ и безъ всякаго страха и отвращенія. Такое спокойное отношеніе швейцарцевъ передается и намъ. За все время я видѣла только двухъ русскихъ студентокъ медицины, которыя съ ужасомъ относились къ анатомическому театру: одна изъ нихъ отказалась тамъ вовсе работать и, какъ она говорила, обходила это зданіе за три версты, другая пересилила себя, но всячески избѣгала дотрогиваться до трупа руками. Вынимать препаратъ изъ ящика, раскладывать его на столѣ она предоставляла своей подругѣ, а сама только робко дотрогивалась до него ножичкомъ и пинцетомъ.

Для демонстрацій на лекціяхъ анатоміи одинъ трупъ долженъ быть особенно тщательно отпрепарированъ, что, конечно, требуетъ затраты большого количества времени. Эта работа часто поручается кому-нибудь изъ русскихъ студентокъ, а наградой за нее служатъ похвалы профессора по адресу русскихъ женщинъ. Въ этотъ разъ препарированіе трупа для демонстрацій было поручено тоже двумъ русскимъ, которыя просиживали изъ-за него въ анатомическомъ театрѣ часовъ по 6 въ день. Онѣ же обыкновенно повторяли объясненія профессора послѣ лекціи, болѣею частью по русски, такъ какъ это дѣлалось по просьбѣ насъ, русскихъ студентокъ. Но часто и швейцарцы старались воспользоваться объясненіями. Одинъ разъ они попросили: „Пожалуйста, говорите помедленнѣе, тогда и мы поймемъ по русски“.

Послѣ лекціи анатоміи у меня обыкновенно былъ свободный часъ, а потомъ я шла въ зданіе химіи. Уже на улицѣ около него часто слышится запахъ амміака или другихъ газовъ, но это много пріятнѣе, чѣмъ атмосфера „анатомікума“. Лекціи по неорганической химіи читалъ профессоръ-армянинъ Абелянцъ, говорящій недурно по русски, а большинство русскихъ работаетъ у него въ лабораторіи. Лекція кончается въ 12 часовъ, и, выходя, мы видимъ, какъ изъ всѣхъ зданій университета и политехникума по всѣмъ направленіямъ расходятся учащіеся. Мелькаютъ шапочки корпорацій: красныя, синія, бѣлыя. Довольно тихія въ обычное время Plattenstrasse, Universitätsstrasse и др. дѣлаются шумными и людными: всѣ спѣшатъ къ обѣду.

Зданія университета и политехникума расположены довольно далеко отъ центра города, на горѣ; здѣсь же живетъ и большинство учащихся. Съ этой горы, особенно если стать на площадкѣ около главнаго зданія, открывается отличный видъ на горы, на озера, на городъ, на рѣку Лимматъ, которая его прорѣзываетъ. Мнѣ вообще очень нравится Цюрихъ и своимъ мѣстоположеніемъ, и благоустройствомъ, и старинными зданіями; нравится и то, что учащіеся на своей горѣ какъ то отдѣлены отъ всего остального міра. Но, впрочемъ, сношенія съ нимъ очень удобны: стоитъ только сѣсть на Plattenstrasse на электрической трамвай или на Drahtseilbahn около политехникума, и въ 10—15 минутъ можно очутиться внизу на шумной, людной улицѣ съ большими, разнообразными магазинами.

Вечеромъ у меня было два часа лекцій сравнительной анатоміи и часъ ботаники. Сравнительная анатомія читается для студентовъ университета и политехникума въ аудиторіи послѣдняго. Половина (меньшая) главнаго зданія принадлежитъ университету, другая политехникуму, и, чтобы попасть изъ одного учебнаго заведенія въ другое, надо только перейти площадку передъ Aula (торжественная зала). Но перейдешь эту площадку, закроются двери, и чувствуешь, что попадаешь въ другую атмосферу: въ университетѣ тихо, въ политехникумѣ шумно и людно (число учащихся въ немъ гораздо больше), иногда изъ аудиторіи слышится пѣніе, громкій говоръ. Въ университетѣ, какъ говорилъ одинъ профессоръ, стѣны дѣвственно бѣлыя, въ политехникумѣ испещрены надписями и рисунками.

Профессоръ сравнительной анатоміи Лангъ пользуется большой симпатіей среди своихъ слушателей. Читаетъ онъ не блестяще, по внѣшнимъ пріемамъ, но такъ интересно, что безъ всякаго напряженія слушаешь его вечеромъ два часа. Въ лѣтній семестръ онъ же читаетъ курсъ зоологіи. Во время репетицій и, говорятъ, также на экзаменахъ онъ бываетъ очень простъ, веселъ, спрашиваетъ очень легко и всегда болѣе склоненъ помочь студенту, чѣмъ обличить его въ незнаніи.

Его репетиціи были для меня самымъ интереснымъ часомъ, хотя вначалѣ, ожидая своей очереди отвѣчать, я такъ волновалась, что у меня холодѣли руки. Мы всѣ, записавшіеся на эти репетиціи, были раздѣлены на группы по 12—15 человѣкъ въ каждой.

Въ своей группѣ я была единственная русская и единственная студентка, такъ что, сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ произнести мою фамилію, Лангъ просто сталъ называть меня Fräulein. Отвѣчать у него было не трудно, потому что вопросы онъ ставилъ простые, и отвѣты на нихъ должны были заключаться въ двухъ-трехъ словахъ; ошибаться не совѣстно, потому что ошибались всѣ и, хотя Лангъ и острилъ надъ нѣкоторыми отвѣтами, но дѣлалъ это очень добродушно и никого этимъ не обижалъ.

Хорошему отношенію къ этимъ репетиціямъ много способствовало то, что, какъ профессоръ назначалъ ихъ по доброй волѣ, только желая облегчить студентамъ занятія, такъ и изъ студентовъ шли на нихъ только тѣ, которые этого желали. Обязательныя репетиціи въ политехникумѣ носятъ совсѣмъ другой характеръ.

Вначалѣ меня очень смущалъ вопросъ, какъ же я буду слушать сравнительную анатомію, если я не знаю еще ни зоологіи, ни описательной анатоміи, и за разрѣшеніемъ этого недоразумѣнія я обратилась къ Лангу.

— Это ничего не значить, всё медики поступают такимъ образомъ, это вамъ не помѣшаетъ, сказалъ онъ.

Дѣйствительно въ своихъ лекціяхъ онъ примѣнялся къ такому порядку, и онъ были вполне ясны и понятны.

Чтобы слушать общую ботанику, мы переходили въ университетскую часть зданія или въ большую аудиторію, гдѣ лавки были расположены амфитеатромъ, или изрѣдка въ комнату при ботанической лабораторіи, когда бывали демонстраціи съ волшебнымъ фонаремъ. На этихъ демонстраціяхъ студенты вели себя порядочными ребятами: пользуясь темнотой, они устраивали себѣ разныя развлечения. Одинъ разъ изъ заднихъ рядовъ раздался тонкій пискъ; всё засмѣялись, пискъ повторился еще и еще разъ, наконецъ профессоръ вышелъ изъ себя.

— Was ist da los? сердито крикнулъ онъ, прервавъ свои объясненія. Мы приходимъ сюда учиться, а не глупости дѣлать.—Студенты притихли и остальное время сидѣли чинно и смиренно.

Обыкновенно на лекціяхъ подспорьемъ къ объясненіямъ служили таблицы, а главнымъ образомъ рисованье цвѣтными мѣлами на доскѣ, мы же рисовали въ тетрадкахъ цвѣтными карандашами. Рисовали всё профессора, и нѣкоторые, напр. профессоръ анатоміи Феликсъ, прямо художественно. Эти рисунки такъ подробны и отчетливы, что иногда по нимъ можно готовиться, какъ по запискамъ.

Студенты швейцарцы по большей части рисуютъ очень хорошо, тетрадки ихъ аккуратны и даже изящны. Лекціи, насколько я знаю, не издаются; готовиться къ репетиціямъ и къ экзаменамъ можно только по учебникамъ и запискамъ, и студенты предпочитаютъ послѣднее. Многіе изъ нихъ стенографируютъ, другіе кратко записываютъ и дѣлаютъ это очень разумно. Мнѣ иногда приходилось пользоваться ихъ тетрадами, такъ какъ я не сразу выучилась записывать на лекціяхъ.

Отношенія со швейцарцами студентами у насъ очень недурныя,—говорятъ, оттого, что въ Цюрихѣ русскихъ учащихся женщинъ теперь сравнительно мало, и мы имъ не мѣшаемъ. (Не то, повидимому, въ Бернѣ, гдѣ иностранцы, — или, вѣрнѣе, иностранки,—преобладающій элементъ), У нихъ есть свой маленькій кодексъ правилъ вѣжливости, отъ котораго они не отступаютъ. Такъ напр., проходя, они всегда останавливаются и держатъ намъ двери; сидящіе съ краю на скамьяхъ встаютъ и пропускаютъ насъ въ середину (сами они, какъ ловкіе гимнасты, предпочитаютъ прыгать черезъ столы); но одѣваться они никогда не помогаютъ: если кто нибудь подержитъ верхнюю кофточку, то это навѣрное окажется иностранецъ. Если обратиться къ нимъ съ какимъ нибудь вопросомъ, то они всегда отвѣтятъ очень любезно, но никогда не упустятъ случая посмѣяться, если кто нибудь изъ насъ попадетъ въ смѣшное положеніе. Того, кто опаздываетъ на лекціи и входитъ въ аудиторію послѣ профессора, обыкновенно встрѣчаютъ шарканьемъ, а если опоздавшая—студентка, то они шумятъ особенно громко и радостно. На все смѣшное они очень падки, и приходится зорко слѣдить за собой.

Такъ какъ фамилій студентовъ мы не знали, то, говоря о нихъ, мы различали ихъ по прозвищамъ, которыя давали имъ за какія нибудь отличительныя свойства; такъ были у насъ Долгоносикъ, Говорунъ, Красный Галстукъ и др.

Потомъ мы узнали, что и они даютъ студенткамъ прозвища, не всегда лестныя. Одну болгарку они прозвали „die schöne Galatea“; очень высокая и худая студентка называлась Gespenst, а маленькая нѣмочка, студентка химіи, die hübsche Köchin.

Студентокъ-швейцарокъ немного; со мной на курсѣ было, кажется, три. Одна изъ нихъ, очень неглупая, которая за свою живость была прозвана русскими козой, бывала въ русской колоніи на вечерахъ. Мы часто разговаривали съ ней, и меня всегда удивляло, какъ въ ней могли уживаться рядомъ непосредственность и какая то нѣмецкая условность. Слова nett, fidel, wunderschön такъ и сыпались у нея въ разговорѣ.

Съ нами швейцарцы всегда стараются говорить по нѣмецки; понять ихъ швейцарское нарѣчіе, въ которомъ произношеніе многихъ нѣмецкихъ словъ совсѣмъ искажено, довольно трудно.

Всѣ же лекціи читаются на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, и для тѣхъ, кто нѣсколько знаетъ его, пониманіе ихъ не представляетъ затрудненія.

Изъ швейцарскихъ студентовъ я ближе всего знала двухъ братьевъ: медика четвертаго курса и юриста перваго, которые жили въ томъ же пансіонѣ, гдѣ и я. Они были изъ довольно богатой и интеллигентной семьи (отецъ ихъ докторъ и недалеко отъ Цюриха имѣетъ собственную лечебницу для нервно и душевно больныхъ).

Старшій былъ неглупый и, вѣроятно, способный юноша, типичный швейцарецъ.

Онъ довольно аккуратно ходилъ на лекціи, въ одной клиникѣ былъ под-ассистентомъ, такъ что у него было много дѣла. Но за то дома онъ занимался очень рѣдко. Онъ былъ членомъ одного Verbindung'a и разъ или два въ недѣлю, надѣвъ пеструю ленту черезъ плечо, отправлялся на засѣданія. Изрѣдка тамъ читались рефераты, а больше члены его пили пиво. Въ остальные вечера онъ уходилъ въ театръ, на оперетку или легкую комедію, а чаще въ какой нибудь кафе-шантанъ, которыхъ въ Цюрихѣ довольно много. Тамъ пьютъ пиво или вино, слушаютъ комическое пѣніе и смотрятъ на акробатовъ, фокусниковъ и др. Помню, что какія то дрессированныя обезьяны доставили ему большое наслажденіе, и онъ долго рассказывалъ о нихъ. Возвращался онъ поздно ночью, иногда порядочно шумѣлъ и, когда на другое утро хозяйка упрекала его за это, онъ оправдывался, говоря, что человекъ только разъ въ жизни бываетъ молодъ. Онъ читалъ газеты и слѣдилъ за политикой, но кромѣ газетъ не читалъ ничего.

Одинъ разъ у насъ зашелъ споръ о Швейцаріи, и, чтобы доказать мнѣ, что и въ Швейцаріи есть хорошіе писатели, онъ далъ мнѣ прочесть какую то историческую повѣсть, которую очень расхвалилъ. Признаюсь, эта повѣсть не повысила моего мнѣнія о швейцарской литературѣ.

Былъ у насъ какъ то разговоръ объ идеализмѣ, и онъ сказалъ: „Да, когда то прежде и я былъ идеалистомъ, но теперь вижу всю несостоятельность такого міросозерцанія“. Потомъ онъ началъ развивать свой идеаль жизни: когда онъ окончитъ университетъ, то займется приобрѣтеніемъ денегъ, — ихъ надо имѣть какъ можно больше. Для этого надо много работать.

Я спросила:—Только для этого, а не для того, чтобы приносить пользу? — Да видите ли, если я буду получать много денегъ, то, значить, буду приносить большую пользу, вѣдь не даромъ же мнѣ будутъ ихъ платить. — Когда онъ

накопить много денег и устанеть работать, то станеть путешествовать, причём въ его планы входила также и жена богатой.

Другой братъ былъ еще довольно ребячливъ. Онъ серьёзно говорилъ, что не можетъ слушать всѣхъ лекцій въ университетѣ, потому что онъ, какъ Fuchs (новичокъ), по утрамъ долженъ былъ брать какіе то уроки, чтобы стать достойнымъ членомъ своей корпораціи; кажется, онъ учился фехтовать, пить и т. д.

Когда его принимали въ Verbindung, то крестили, т. е. поливали ему голову пивомъ и при этомъ дали названіе какого то пресмыкающагося. Старшій назывался Apollo, хотя наружностью онъ не очень напоминалъ этого бога.

Одинъ разъ братья пришли къ обѣду очень взволнованные. Въ ихъ Verbindung'ѣ рѣшался важный вопросъ: не соединиться ли имъ съ какимъ то другимъ и не стать ли настоящей корпораціей. Тогда имъ пришлось бы завести знамя, которое, какъ они говорили, стоитъ больше тысячи франковъ, и торжественныя студенческія одѣянія, чтобы принимать участіе въ Fakelzug'ахъ и другихъ процессіяхъ.

Но главное затрудненіе состояло въ томъ, что тогда должны были начаться мензуры (легкія дуэли), а большая часть членовъ была на старшихъ курсахъ, и имъ некогда было этимъ заниматься. Молодежь очень хотѣла такой перемѣны и брала на себя исполненіе этихъ обязанностей. Не знаю, чѣмъ кончилось дѣло; когда я уѣзжала на вакацію, вопросъ еще не былъ рѣшенъ.

Но есть и студенты совсѣмъ другого типа,—абстиненты. Съ однимъ изъ нихъ, моимъ коллегой по курсу, я встрѣчалась иногда и внѣ университета, но долго разговаривать съ нимъ мнѣ не приходилось.

Я жила въ пансіонѣ, т. е. получала отъ своей хозяйки не только комнату, но и кофе утромъ, и обѣдъ, и молоко, и ужинъ съ чаемъ вечеромъ. За все это я платила 135 франковъ въ мѣсяцъ (конечно, за отопленіе приходилось платить отдѣльно). Комната у меня была большая и хорошо обставленная, и кормили меня хорошо. Но для русской студентки по тамошнимъ понятіямъ это очень дорого, большинство живетъ гораздо проще и дешевле. Многіе на всѣ расходы получаютъ 60—70 франковъ въ мѣсяцъ; считается, что тѣ, которые имѣютъ возможность тратить 100 франковъ, живутъ хорошо. За комнату съ прислугой платятъ 20—25 франковъ, а если комната безъ печки, то и 15. Правда, такія комнаты невелики и часто на четвертомъ этажѣ, но обставлены всегда недурно: большая широкая кровать съ периной, столъ, пара стульевъ, комодъ, умывальникъ, зеркало, нерѣдко диванчикъ или мягкое кресло.

Конечно, плохо приходится живущимъ въ комнатахъ безъ печки въ холодные зимніе дни. Морозы въ Цюрихѣ бываютъ до 10 градусовъ и больше; правда, такая температура держится недолго. Утромъ градусникъ показываетъ въ комнатахъ 2—3 градуса тепла, а иногда и вода въ умывальникѣ замерзаетъ. Холодно бываетъ и въ комнатахъ съ печкой, если ее топятъ рѣдко, а топка тамъ стоитъ недешево: 50—60 сантимовъ каждый разъ.

Морозъ безъ снѣгу въ Цюрихѣ, какъ и вездѣ, довольно неприятенъ, но когда выпилъ снѣгъ и побѣлѣли и улицы, и зданія, и окрестныя горы, то стало очень хорошо. Началось катанье съ горы на санкахъ; сначала днемъ катались только дѣти, а взрослые поджидали вечера, а потомъ и они стали кататься днемъ. Какъ то разъ вдругъ передъ обѣдомъ опустѣла вся химическая лабораторія: сту-

денты и студентки съ ассистентомъ во главѣ убѣждали кататься, боясь, что скоро снѣгъ растаетъ и они не успѣютъ насладиться этимъ удовольствіемъ. Я никогда прежде не видала, чтобы каталось столько народу и съ такимъ оживленіемъ: идешь по улицѣ, а съ горы изо всѣхъ переулковъ выѣзжаютъ салазки. Ызды на Zürichberg'ѣ почти нѣтъ, а прохожіе сторонятся, слыша крики: Ab, ab., катятся, сидя верхомъ по двое, по трое на однихъ салазкахъ.

Настоящіе любители катаются лежа, распластавшись на санкахъ, разставивъ руки, которыя служатъ для управленія санками. Бѣда, когда такой любитель налетитъ на заборъ или на другія сани. Несчастныхъ случаевъ изъ-за этого катанья бываетъ много: ломаютъ руки и ноги, прошибаютъ головы.

Этой зимой одинъ студентъ политехникума расшибся до смерти, другой, тяжело раненый, долго лежалъ въ клиникѣ.

Несчастья происходятъ почти всегда со взрослыми, съ дѣтьми гораздо рѣже.

Самое ожесточенное катанье оовершается на такъ называемомъ „Dolder'ѣ“,—довольно высокое загородное мѣсто, куда можно подняться по зубчаткѣ. Мы были тамъ одинъ разъ въ лунный вечеръ, когда снѣгъ только что выпалъ и катающихся было сравнительно немного: тамъ было сказочно хорошо.

Отъ прелестей цюрихской зимы вернусь опять къ жизни русскихъ учащихся.

Обѣдаютъ очень многіе въ русской столовой, гдѣ обѣдъ въ два или три блюда для членовъ стоитъ 60 сантимовъ. Нѣкоторые обѣдаютъ въ другихъ пансіонахъ; за франкъ можно получать хорошей сытный обѣдъ въ три блюда. Ужинъ большею частью русскіе готовятъ себѣ дома и варятъ чай съ помощью спиртовой лампочки..

Русская столовая находится очень близко отъ университета на Plausiusstrasse. Это помѣщеніе въ три комнаты съ кухней.

Каждый день тамъ обѣдаетъ человекъ 50. Провизія безусловно свѣжая, такъ какъ кухонный комитетъ, который вѣдаетъ всѣ обѣденныя дѣла, выбирается изъ самихъ же русскихъ колонистовъ, но все очень просто. Салфетокъ не полагается, приносить кушанья, мѣняетъ тарелки кто нибудь изъ обѣдающихъ—дежурный по столу. Послѣ обѣда можно получать чай по 5 сантимовъ за стаканъ; чай наливаютъ изъ самовара, который, впрочемъ, служитъ только для иллюзіи: онъ не ставится, а въ него прямо наливаютъ горячую воду.

Этимъ „локаломъ“ (Lokal), какъ принято называть это помѣщеніе, русскіе пользуются для засѣданій кассы взаимопомощи, библиотечнаго комитета и др. Въ немъ же, большею частью по субботамъ, читаются рефераты, нѣмецкіе или русскіе, на которые публика сходитъ довольно охотно. Послѣ рефератовъ бываютъ часто оживленныя пренія, иногда вмѣстѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Какъ то одинъ ужъ очень немолодой швейцарскій общественный дѣятель, вообще очень расположенный къ русскимъ, читалъ рефератъ о страхованіи рабочихъ въ Швейцаріи. Когда онъ кончилъ, одинъ изъ колонистовъ попросилъ слова. началъ по нѣмецки, но запутался и

перешелъ на русскій языкъ. Предсѣдатель обратился къ референту:

— Согласны ли вы, чтобы г. N. говорилъ по русски, а потомъ я переведу вамъ его слова? — Нѣтъ, нѣтъ, шутя запротестовалъ старикъ: онъ будетъ меня бранить, а я не пойму.

Есть у русскихъ и другое свое помѣщеніе въ концѣ длинной университетской улицы,—читальная комната, гдѣ можно пользоваться русскими газетами и журналами, и библіотека; но тамъ, по условію съ хозяиномъ, нельзя устраивать собраній.

Если въ Цюрихъ пріѣзжаютъ русскіе, не имѣющіе никого знакомыхъ и не знающіе города и условій жизни въ немъ, то они всегда могутъ обратиться въ русскую колонію, т. е. въ столовую или въ читальню; непременно найдется кто нибудь, кто поможетъ пріѣзжимъ устроиться, нанять комнату, обзавестись несложнымъ хозяйствомъ и дастъ совѣтъ относительно занятій. Часто случается, что пріѣзжаютъ люди совсѣмъ безпомощные, иногда почти не знающіе нѣмецкаго языка, а смотришь,—черезъ недѣлю или много двѣ они уже самостоятельно ходятъ по Цюриху, посѣщаютъ лекціи или берутъ уроки и принимаютъ дѣятельное участіе въ жизни русской колоніи.

Раза два въ семестръ устраиваются русскіе вечера, большею частью въ пользу кассы взаимопомощи.

Въ этомъ году первый изъ вечеровъ былъ неудачный: народу было немного, оживленія не было, но за то второй, устроенный наканунѣ русскаго новаго года, вполне удался. Приготовленія начались задолго: хотѣли поставить мало-россійскій спектакль съ пѣніемъ и танцами. Заранѣе было нанято довольно большое помѣщеніе со сценой. Разучивались роли, шились костюмы, дѣлались бумажные цвѣты. Надо сказать правду, — за нѣсколько дней до спектакля количество русскихъ на лекціяхъ и въ анатомическомъ театрѣ уменьшилось, — у всѣхъ было такъ много хлопотъ.

Публики собралось много: были не только русскіе, но и довольно много нѣмцевъ. Для нихъ было напечатано нѣмецкое либретто къ пьесѣ, представлявшей передѣлку изъ гоголевской повѣсти „Майская ночь или Утопленница“.

Пьеса имѣла большой успѣхъ, особенно хорошо игралъ писарь; танцы исполнялись много разъ,—и на эстрадѣ, и потомъ посреди залы; когда подошло время къ 12 часамъ, то тотъ же старикъ швейцарецъ выступилъ съ рѣчью.

Онъ говорилъ, что передъ его глазами прошло нѣсколько поколѣній русскихъ учащихся женщинъ, и онъ видитъ въ нихъ большую перемѣну: первая пioniрки, которымъ пришлось вести борьбу за свою самостоятельность и право учиться, и на внѣшность переносили это желаніе отдѣлиться отъ другихъ русскихъ женщинъ: онѣ были стриженныя, носили черныя платья и синія очки, а теперь,— и ораторъ оглядѣлъ собравшуюся передъ нимъ толпу: очень нарядныхъ въ ней не было, но многія были въ свѣтлыхъ платьяхъ, и общій видъ былъ праздничный. Рѣчь была, пожалуй, немного наивна, но проста и мила; онъ началъ ровно въ 12 часовъ и поздравилъ всѣхъ насъ съ новымъ годомъ. Тогда всѣ стали поздравлять другъ друга, даже мало знакомые; нѣмцы поздравляли русскихъ.

Сталъ пѣть хоръ, опять начались танцы, празднество продолжалось часовъ до 6 или 7.

Но нѣкоторыхъ, очень потрудившихся во время приготовления, усталость подкосила раньше: *jeune premier* за-

брался за занавѣсъ, разстелилъ на полу свою свитку и, несмотря на музыку и на шумъ, проспалъ нѣсколько часовъ.

Въ Цюрихѣ есть театръ, въ которомъ попеременно ставится драма, опера, а иногда и оперетка, и большое зданіе для концертовъ—*Tonhalle*; цѣны въ нихъ вполне доступныя.

Русскіе ходятъ туда какъ то всѣ сразу; вдругъ театральная галерка наполнится русскимъ говоромъ и смѣхомъ. Выходитъ это такъ: кто нибудь въ столовой расскажетъ, что пріѣзжаетъ Саразате или Арнольдсонъ, и сейчасъ же пишутся письма въ кассу театра, или условливаются, кто пойдетъ за билетами въ театръ. Въ обычное время верхнія мѣста, съ которыхъ отлично видно и слышно, стоятъ 80 сантимовъ на драму и одинъ франкъ на оперу; въ особенныхъ случаяхъ цѣны повышаются до 2 франковъ,—и то на наши деньги выходитъ нѣсколько меньше 80 копѣекъ.

Русскіе ходятъ и на нѣмецкіе *Vortrag*'и, интересуются и событіями швейцарской жизни, но со швейцарской учащейся молодежью связи у нихъ нѣтъ. Женщины оказываются болѣе общительныя, а изъ мужчинъ я знала только одного, который былъ членомъ нѣмецкаго *Verein*'а.

Я нѣсколько разъ бывала на нѣмецкихъ собраніяхъ и съ любопытствомъ присматривалась къ тому, какъ веселятся швейцарцы. Первый разъ я была на праздникѣ гимназическаго абстинентскаго общества.

Въ большой залѣ, нарочно для этого нанятой, стояли покоемъ составленные столы, за которыми сидѣли члены *Verein*'а и гости: студенты изъ абстинентскихъ кружковъ въ разнообразныхъ шапочкахъ и посторонніе приглашенные—гимназическіе учителя, родственники и знакомые абстинентовъ. Всѣ пили чай. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, гимназиста, потомъ онъ передалъ предсѣдательство учителю, тотъ одному профессору и т. д. Каждый новый президентъ говорилъ собранію рѣчь, иногда серьезную, иногда шутивную. Мнѣ очень понравилось, что мальчики говорили такъ просто, не волнуясь,—говорили то, что приходило въ голову тутъ же на собраніи, а не приготовленное и выученное заранѣе. Былъ спектакль—ставили пьесу Мольера въ нѣмецкомъ переводѣ,—были комическіе выходы; одинъ студентъ очень хорошо игралъ на фортепіано, гимназистъ на скрипкѣ, абстиненты хоромъ пѣли свои пѣсни. Потомъ начались танцы.

Другое абстинентское собраніе, на которомъ я была, происходило за городомъ, въ большомъ новомъ зданіи загороднаго пансіона на цюрихской горѣ. Тамъ были собраны представители всѣхъ абстинентскихъ *Verein*'овъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ рѣчь объ успѣхахъ идеи абстинентства. Молодежь ставила пьесу, содержаніе которой было взято изъ университетской жизни. Дѣйствующими лицами былъ молодой профессоръ, его тетушка и четыре студентки. Одну изъ нихъ играла настоящая студентка, дочка профессора физики, съ которой мы встрѣчались на лекціяхъ.

Недѣли за двѣ до Рождества началась серія рождественскихъ праздниковъ. Каждая лабораторія устраивала свою *Kleire* (пирушку), на которую студенты приглашали профессоровъ, ассистентовъ и студентокъ.

Зажигалась елка, раздавались шутивные подарки, одни декламировали, другіе играли или пѣли. Даже въ анатомическомъ театрѣ былъ устроенъ свой *Weihnachtsfest*. И не смотря на то, что разнообразія въ этихъ увеселеніяхъ не

много, а остроты нерѣдко бываютъ довольно плоски, швейцарцы всегда искренно веселятся на этихъ вечерахъ. Они идутъ съ убѣжденіемъ, что тамъ будетъ очень fidel (весело), и едва ли мучаютъ себя вопросами, дѣйствительно ли все это такъ весело и забавно. Очевидно, требованія у нихъ невелики, и они остаются удовлетворенными тѣмъ, что получаютъ.

Я говорила о томъ, сколько стоитъ приблизительно жизнь учащихся въ Цюрихѣ. Сколько стоитъ ученіе, сказать очень трудно: плата зависитъ отъ количества лекцій. Если слушать всѣ лекціи, помѣщенные въ Studienplan'ъ, и заниматься въ химической лабораторіи, то медику въ первый семестръ приходится платить нѣсколько больше 200 франковъ.

Въ цюрихскомъ университетѣ четыре факультета: богословскій, медицинскій, юридическій и философскій съ подраздѣленіемъ на двѣ секціи: первая—философско-историко-словесная, вторая—естественно-математическая.

Какъ поставлены въ Цюрихѣ филологическія и юридическія науки, не могу сказать. Изъ русскихъ мало кто ихъ слушаетъ, и то больше студенты; естественныя же науки и медицинскія, насколько я слышала отъ другихъ и сама могу судить,—поставлены хорошо.

Какія требованія предъявляются къ поступающимъ на другіе факультеты, не знаю; въ правилахъ сказано, что для поступленія надо или имѣть аттестатъ, признанный равносильнымъ аттестату зрѣлости, или сдать въ швейцарской экзаменаціонной комиссіи экзаменъ (на вторую секцію философскаго факультета—безъ латинскаго языка, но съ англійскимъ или итальянскимъ вмѣсто него), но на самомъ дѣлѣ, кажется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ происходитъ пріпирательство съ ректоромъ, стороны торгуются и, повидимому, большею частью это постановленіе какъ то обходится.

Нельзя удивляться тому, что ректоръ оказывается плохо освѣдомленнымъ въ этихъ дѣлахъ. Каждые два года въ этой должности является новое лицо, и разобратъ во всей массѣ свидѣтельствъ и аттестатовъ, которые ему представляютъ иностранцы, дѣло далеко не легкое.

Мы, русскія студентки медицины, черезъ недѣлю или двѣ послѣ поступленія узнали очень пріятную для насъ новость.

Разнесся слухъ, что на университетскомъ совѣтѣ рѣшено принимать на медицинскій факультетъ студентками и допускать къ докторскому экзамену тѣхъ изъ насъ, которыя имѣютъ право поступить въ петербургскій женскій медицинскій институтъ. Въ анатомическомъ театрѣ было большое оживленіе, всѣ обсуждали эту новость. Дождавшись пріемнаго часа декана (въ этой должности въ настоящее время состоитъ профессоръ анатоміи), мы постучались въ его дверь. Онъ принялъ насъ очень любезно и раза два или три терпѣливо объяснялъ намъ, въ чемъ состоитъ новое постановленіе. Но тутъ начались всякіе отдѣльные случаи: у одной не было медали (ректоръ считалъ это условіе очень важнымъ), но за то она кончила фельдшерскіе курсы, у другой медаль была, но латынь она проходила только въ размѣрѣ 4-хъ классовъ мужской гимназіи, а не 8-ми. Кажется, всѣ эти вопросы были рѣшены въ нашу пользу.

Чтобы поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ, не надо никакихъ дипломовъ, но въ такомъ случаѣ въ университетѣ можно слушать только 8 лекцій въ недѣлю.

Кромѣ университета, какъ я говорила, въ Цюрихѣ есть и другое высшее учебное заведеніе, гораздо болѣе многолюдное—это союзный политехникумъ (университетъ—учрежденіе кантональное). Для поступленія туда надо выдержать экзаменъ по довольно обширной программѣ. Лекціи въ немъ читаются наполовину по-французски, наполовину по-нѣмецки.

И въ политехникумъ можно поступать на правахъ вольнаго слушателя, и, кажется, тамъ число лекцій неограничено. Кромѣ обязательныхъ предметовъ въ политехникумѣ читаются многіе необязательные курсы, напр. сравнительная анатомія, политическая экономія, исторія первобытнаго человѣка, и многіе изъ этихъ необязательныхъ курсовъ поставлены очень хорошо и посѣщаются многочисленной публикой. Какъ учрежденіе союзное, политехникумъ располагаетъ большими средствами, и его лабораторіи много больше и роскошнѣе обставлены, чѣмъ университетскія. Но въ своихъ занятіяхъ студенты политехникума не пользуются академической свободой; у нихъ обязательныя репетиціи, отмѣтки, и если кому нибудь изъ нихъ приходится пора austoben (перебѣситься) и онъ бросаетъ на время занятія, то удержаться въ политехникумѣ ему трудно. Отношенія съ профессорами у нихъ бываютъ иногда довольно обостренными, и, желая отмстить профессору за несправедливость или за недостатокъ снисходительности, студенты политехникума устраиваютъ ему ночью подъ окнами кошачій концертъ. Такая месть признается вполне законной и общественнымъ мнѣніемъ, и властями пререждающимися: Вотъ выписка изъ одной цюрихской газеты:

„Eine starke Schar Politechniker brachte Montag abends um 9 Uhr Hr. Prof. Rölli an der Pestalozzistrasse in Fluntern eine Katzenmusik. Vom Kreisgebäude V war ein Peloton Stadtpolizisten ausgerückt, doch gab es für die Gesetzeswächter nichts weiteres zu schaffen, da sich bei Kundgebung innerhalb gewohnheitsrechtlicher Schranken academischer Bräuche hielt“.

Студенты университета не устраиваютъ такихъ Katzenkonzert'овъ своимъ профессорамъ, но дружески помогаютъ политехникамъ выражать свое неодобреніе.

И въ политехникумъ допускаются не только студенты, но и студентки, если онѣ выдержатъ требуемый экзаменъ. Я знаю одну русскую, которая тамъ занимается.

Въ концѣ моего очерка для полноты картины мнѣ хочется сказать о самомъ крупномъ событіи нашей университетской жизни во второй половинѣ семестра,—о поѣздкѣ на фабрику.

Выбравъ хорошій зимній день, профессоръ химіи предложилъ всѣмъ своимъ слушателямъ отправиться на одну загородную фабрику, гдѣ выдѣлывается сода, сѣрная и соляная кислота. Почти всѣ захотѣли принять участіе въ этой поѣздкѣ, и въ назначенный часъ мы собрались на вокзалъ: предстояло проѣхать около часу по желѣзной дорогѣ.

Намъ отвели цѣлый вагонъ; мы ѣхали почти все время по берегу цюрихскаго озера, которое въ этомъ году грозило совсѣмъ замерзнуть. На фабрику мы часа полтора или два бродили по всѣмъ лѣстницамъ и переходамъ, заглядывали всюду, куда было можно, и слушали объясненія: одна группа ходила съ нашимъ профессоромъ, другая съ директоромъ фабрики. На фабрику насъ поразила простота и цѣлесообразность устройства, работы были въ полномъ ходу, а количество рабочихъ совсѣмъ незначительно.

Кончивъ осмотръ, мы вернулись на станцію; оказалось, что поѣздъ пойдетъ только черезъ два или три часа,

и профессоръ предложилъ намъ пойти въ ресторанъ „освѣжиться“. Зала ресторана оказалась довольно обширною; студенты сдвинули столы, передъ каждымъ изъ нихъ поставили по кружкѣ пива, только кто то изъ абстинентовъ попросилъ себѣ лимонада, а мы, студентки,—кофе.

Въ залѣ стояло пианино, и подѣ его аккомпаниментъ началось хоровое пѣніе. Начали съ *gaudeamus igitur*, потомъ перешли къ нѣмецкимъ студенческимъ пѣснямъ. Одинъ изъ студентовъ раздобылъ гитару и, аккомпанируя себѣ на ней, сталъ пѣть свою импровизацію, а хоръ послѣ каждого куплета повторялъ припѣвъ.

Импровизація была довольно удачна; кто то изъ студентокъ обидѣлся тѣмъ, что авторъ насъ затронулъ, заявивъ, что, еслибы дамы не поѣхали, то не поѣхалъ бы и онъ; но это было, если и не умно, то довольно безобидно. Музыканты мѣнялись за роялемъ, мѣнялись и пивныя кружки

на столахъ; приближалось время прихода поѣзда. Мы вышли изъ ресторана на свѣжій морозный воздухъ; чистый, бѣлый снѣгъ блестялъ на солнцѣ. Кому то пришла мысль пустить снѣжкомъ въ товарища; полетѣли снѣжки и въ нашу сторону.

Мы, конечно, стали отвѣчать, и битва была прервана только свисткомъ подходящаго поѣзда. Красные, обсыпанные снѣгомъ сѣли мы въ вагонъ; студенты чувствовали себя съ нами проще чѣмъ обыкновенно, весело болтали и декламировали стихи. На цюрихскомъ вокзалѣ мы поблагодарили профессора и разошлись...

Мой очеркъ конченъ. Я сказала вначалѣ, что хочу собрать впечатлѣнія, накопленныя за одинъ семестръ; очень можетъ быть, что, когда я поживу въ Цюрихѣ подольше, то взгляды у меня на многое измѣнятся; поэтому я воздерживалась отъ заключеній, которыя могутъ быть опровергнуты дальнѣйшимъ знакомствомъ съ Цюрихомъ.

Н. Турпигникова.

Причины нервности нашихъ дѣвушекъ.

Повсюду слышны жалобы на непрерывно возрастающее развитіе нервныхъ болѣзней среди такъ называемой интеллигенціи. Нѣтъ почти дома, гдѣ не было бы человѣка, страдающаго болѣе или менѣе сильнымъ расстройствомъ нервной системы. Главнымъ образомъ это расстройство выражается не въ формѣ какой-либо опредѣленной болѣзни, а въ видѣ общаго пораженія ея, въ формѣ такъ называемой неврастеніи и истеріи. Послѣдняя чаще всего встрѣчается у женщинъ и дѣвушекъ, хотя и мужчины годъ отъ году все чаще и чаще поражаются ею. Ненормальная возбудимость и раздражительность нервной системы, чѣмъ характеризуются обѣ названныя болѣзни, отражаются на всѣхъ жизненныхъ процессахъ организма: на пищевареніи, кровообращеніи, дыханіи, мышечной системѣ, органахъ чувствъ и т. д. Истерія-же кромѣ того весьма сильно отзывается и на психической сферѣ, почему многіе невропатологи съ знаменитымъ Шарко во главѣ причисляютъ ее даже къ разряду душевныхъ болѣзней.

Ненормальное состояніе нервной системы, какъ только что было сказано, отпечатлѣвается на всемъ организмѣ человѣка. Конечно, какъ и всѣ болѣзни, неврастеніи и истерія выражаются въ различныхъ степеняхъ, отъ самой легкой до самой тяжелой, такъ сказать, очевидной для всѣхъ. Если женщина падаетъ въ судорогахъ и начинаетъ изгибать свое тѣло на подобіе дуги, — всякому ясно, что эта женщина ненормальна, но ненормальна также и та женщина или дѣвушка, у которой расположеніе духа мѣняется независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, которая то раздражается и сердится на окружающихъ безъ всякаго съ ихъ стороны на это повода, то точно также безъ всякой осязательной причины дѣлается чрезмѣрно веселой и т. д.

Нервность нашей женской молодежи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Поэтому интересно было-бы познакомиться съ тѣми причинами, которыя вызываютъ эту ненормально повышенную раздражительность и возбудимость нервной системы.

Если число нервныхъ мальчиковъ и юношей очень велико, то число нервныхъ дѣвушекъ еще больше. Чтобы не быть голословной, обратимся къ какому-либо статистическимъ даннымъ. Я буду при этомъ руководствоваться послѣднимъ медицинскимъ отчетомъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи за 1896—97 уч. годъ.

Къ первому августа 1896 года во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ означеннаго вѣдомства состояло 9014 воспитанницъ и 1943 воспитанниковъ, —цифры довольно почетныя, изъ которыхъ можно сдѣлать весьма интересные выводы, не боясь особенно крупныхъ ошибокъ. Просматривая этотъ отчетъ далѣе, можно видѣть, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ есть много такъ называемыхъ слабосильныхъ и

слабыхъ здоровьемъ дѣвочекъ и мальчиковъ. При этомъ мы врядъ-ли рискуемъ особенно ошибиться, если всѣхъ слабосильныхъ и слабыхъ здоровьемъ воспитанниковъ и воспитанницъ отнесемъ къ числу болѣе или менѣе слаонервныхъ, —неврастениковъ и истеричныхъ. Для петербургскихъ учебныхъ заведеній число такихъ дѣтей равняется 55,66%, при чемъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ число это было выше, напр.: Смольный институтъ далъ 76,2% такихъ воспитанницъ, Александровскій и Ксеніинскій институты—64,4% и т. д. Для губернскихъ институтовъ процентъ слабосильныхъ гораздо меньше, а именно онъ равняется 43,13%.

Если мы обратимся теперь къ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, то наткнемся уже на иныя, болѣе благопріятныя въ гигиеническомъ отношеніи цифры, а именно средній процентъ слабосильныхъ мальчиковъ въ теченіи 1896—97 учебнаго года равнялся 24,33%, т. е. былъ болѣе чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ процентъ такихъ-же дѣвочекъ.

Впрочемъ отчетъ говоритъ, что врядъ-ли эта цифра соответствуетъ дѣйствительности, —что по всей вѣроятности число слабосильныхъ мальчиковъ больше. Въ Александровскомъ лицее число слабосильныхъ достигаетъ 38,5% — и эта цифра считается отчетомъ болѣе или менѣе вѣрною, такъ какъ она установлена многократными опросами.

Изъ этихъ цифръ съ очевидностью вытекаетъ, что во всякомъ случаѣ число слабыхъ дѣвочекъ и дѣвушекъ значительно выше такого-же числа мальчиковъ.

Обращаясь къ дальнѣйшему разсмотрѣнію вышеназваннаго отчета, замѣчаемъ, что число собственно нервныхъ больныхъ, т. е. съ явственнымъ пораженіемъ нервной системы, во всѣхъ институтахъ, какъ столичныхъ, такъ и губернскихъ, равнялось 590 человѣкъ, т. е. нѣсколько болѣе, чѣмъ 6%. Не надо забывать, что здѣсь дѣло идетъ уже не объ одной только слабости нервной системы, а объ явственно выраженныхъ заболѣваніяхъ ея. Среди мальчиковъ число нервныхъ больныхъ было 50, т. е. 2,6%, —стало быть, почти вдвое менѣе. Итакъ и здѣсь мы видимъ, что нервная система мальчиковъ почти вдвое крѣпче, чѣмъ нервная система дѣвочекъ. Цифры изъ вышеназваннаго отчета приведены впрочемъ только для наглядности, что-же касается сильнаго распространенія нервныхъ болѣзней среди лицъ женскаго пола, то это стало аксіомой, врядъ-ли требующей какихъ-либо дальнѣйшихъ доказательствъ.

Такая слабость и неустойчивость нервной системы, какъ само собою понятно, явленіе въ высшей степени нежелательное, которое надо всѣми силами стремиться устранить. Громадный процентъ слабосильныхъ дѣвочекъ и дѣвушекъ, какой мы встрѣчаемъ напр. въ петербургскихъ институтахъ, долженъ поразить всякаго мыслящаго человѣка. Напр. въ Смольномъ институтѣ, какъ мы видѣли, % этотъ доходитъ до 75,2%. Болѣе чѣмъ три четверти будущихъ

женъ и матерей обладаютъ слабымъ здоровьемъ, почти неразрывно связаннымъ съ ненормальною болѣзненною возбудимостью и раздражительностью нервной системы!

Развѣ не поразительно это явленіе? Развѣ не должно явиться стремленіе подробно изучить тѣ причины, которыя приводятъ къ столь печальнымъ результатамъ? Будутъ ли эти нервныя дѣвушки женами, или-же просто должны будутъ сами принятъ за какое-либо занятіе, чтобы содержать себя,—во всякомъ случаѣ какими слабыми, невооруженными выступаютъ они на житейское поле, приступая къ борьбѣ за существованіе! А между тѣмъ это борьба серьезная, не знающая пощады! Могутъ возразить, что здѣсь дѣло идетъ о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ съ ихъ далекой отъ настоящей жизни, тепличною обстановкою. Обратимся тогда къ цифрамъ того-же отчета, но относящимся уже къ гимназіямъ, т. е. учебнымъ заведеніямъ открытымъ, причемъ воспитывающіяся тамъ дѣти живутъ въ семьѣ, при обычной обстановкѣ.

Число ученицъ въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи за 1896—97 учебн. годъ было 3814. Слабосильныхъ показано во всѣхъ гимназіяхъ 871 ученица, т. е. 22,8%, — какъ будто значительно меньше, чѣмъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но это только „какъ-будто“, такъ какъ само собою понятно, что въ институтахъ имѣется большая возможность тщательнаго осмотра и надзора за здоровьемъ воспитанницъ, чѣмъ въ гимназіяхъ. По всей вѣроятности, значительная часть слабосильныхъ ускользаетъ отъ вниманія гимназическихъ врачей. Далѣе, съ заболѣваніями нервной системы отмѣчено 308 человекъ, т. е. около 10%,—слѣдовательно, больше, чѣмъ среди воспитанницъ институтовъ (тамъ 6%). Къ сожалѣнію, въ отчетахъ гимназій и институтовъ не помѣчено, какія именно нервныя заболѣванія чаще встрѣчаются среди дѣвочекъ, а для нашей цѣли это было-бы въ высокой степени важно и поучительно. Во всякомъ случаѣ могу замѣтить на основаніи моего личнаго опыта, что многія ученицы гимназій, несмотря на свою ненормальную нервную раздражительность, ускользаютъ отъ медицинскаго надзора. Да и трудно сдѣлать этотъ надзоръ въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе точнымъ, такъ какъ изслѣдованіе нервной системы требуетъ не только долгаго времени, но еще и постояннаго наблюденія, что совершенно невозможно въ гимназіяхъ и другихъ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ бы то ни было, не одни только статистическія данныя, но и наблюденія изъ повседневной жизни указываютъ на громадное развитіе нервныхъ заболѣваній среди женской молодежи и на постоянное увеличеніе числа ихъ.

Такое явленіе, конечно, нельзя не назвать въ высшей степени печальнымъ и нежелательнымъ. Слабая здоровьемъ дѣвушка вообще будетъ плохая жена и еще болѣе плохая мать, да и работница она плохая, — поэтому жизнь ея будетъ въ тягость и ей самой, и ея окружающимъ. Дѣвушка же съ ослабленной нервной системой, страдающая такъ называемой неврастеніей, тѣмъ болѣе будетъ и мученицей, и мучительницей своихъ близкихъ. Французскій врачъ Э. Дюваль опредѣляетъ неврастенію, какъ длительное ослабленіе и упадокъ нервной системы. Человекъ, страдающій неврастеніей, по словамъ того-же автора, отличается отсутствіемъ силы воли и логики, различными странностями характера, притворливостью вкусовъ и желаній; онъ всегда находится во власти фантастическихъ и нелогичныхъ идей, его чувства и ощущенія неупорядочны, настроеніе духа печальное, мрачное,

иногда доходящее до отвращенія къ жизни и до мысли о самоубійствѣ. Его мучатъ постоянныя безсонницы, онъ находится то въ состояніи сильнаго возбужденія, нигдѣ не находя себя мѣста и постоянно двигаясь, то, наоборотъ, на него нападаетъ угнетенное состояніе, причемъ онъ становится неподвижнымъ и апатичнымъ ко всему. Истерія весьма сходна по своимъ проявленіямъ съ неврастеніей, только безпорядочность духовной жизни больной (или больного) въ этомъ случаѣ выражена еще сильнѣе.

Обсудите теперь, можетъ-ли человекъ, страдающій неврастеніей или истеріей, быть разумнымъ родителемъ или воспитателемъ и вообще толково вести свои дѣла. Нельзя и сомнѣваться въ томъ, каковъ получится отвѣтъ. Намъ, конечно, возразятъ,—что невозможно всѣхъ слабыхъ здоровьемъ дѣвушекъ причислять къ разряду неврастеничекъ и истеричекъ, что такой выводъ является грубой натяжкой. Однако, къ сожалѣнію, на дѣлѣ такъ оно и есть: слабая дѣвушка въ то же время и нервная дѣвушка. Хотя нервность эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не проявляется до поры, до времени въ рѣзко выраженной формѣ, но тѣмъ не менѣе почва готова, и при малѣйшихъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ изъ слабой и нервной дѣвушки вырабатывается настоящая нервно-больная. Да вѣдь и въ другихъ больныхъ мы видимъ тоже самое,—напр. при легкомъ брюшномъ тифѣ человекъ не лежитъ въ постели, иногда даже обладаетъ порядочнымъ аппетитомъ (при такъ называемомъ „ходячемъ тифѣ“), и тѣмъ не менѣе это настоящій тифъ, который въ каждую данную минуту при извѣстныхъ условіяхъ можетъ перейти въ тяжелую форму и кончиться весьма печально. Во всякомъ случаѣ приведенныя цифры ясно говорятъ, что здоровье нашей русской женщины требуетъ къ себѣ самаго строгаго вниманія.

Причины различныхъ нервныхъ болѣзней многочисленны,—и тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ сложнѣе общественная жизнь вообще и жизнь даннаго больного (или больной) въ частности. Итакъ приступимъ-же теперь къ разсмотрѣнію причинъ, вызывающихъ различныя формы нервныхъ заболѣваній, въ частности-же тѣхъ изъ этихъ причинъ, которыя вліяютъ на ненормальное состояніе нервной системы у нашихъ дѣвушекъ и дѣвочекъ.

Разбирая причины нервныхъ болѣзней, надо на первомъ мѣстѣ упомянуть *о наследственности, о наследственномъ предрасположеніи*. У родителей съ ослабленной нервной системой рождаются и дѣти, у которыхъ стойкость нервной ткани къ сопротивленію различнымъ вреднымъ жизненнымъ вліяніямъ является пониженной въ значительной степени. Всякое уклоненіе отъ гигиеническаго образа жизни у нихъ сказывается сильнѣе и притомъ отражается главнымъ образомъ на нервной системѣ. Люди вообще съ ослабленнымъ здоровьемъ, будетъ ли это зависѣть отъ той или другой болѣзни, отъ старости или отъ истощенія организма вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ усилій, рождаютъ обыкновенно и слабыхъ дѣтей съ предрасположеніемъ къ нервнымъ заболѣваніямъ. Если къ тому-же, какъ это обыкновенно и наблюдается, нервная система ихъ находится въ ненормальномъ состояніи или если они поражены той или другою нервною болѣзью,—то, конечно, тѣмъ болѣе шансовъ, что дѣти ихъ будутъ тоже нервными, а въ худшемъ случаѣ и нервно-большими. При этомъ надо еще принять во вниманіе и то обстоятельство, что обыкновенно дѣти нервныхъ родителей растутъ и воспитываются въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ ничто не дѣйствуетъ такъ вредно на нервную систему дѣтей, какъ постоянное раз-

драженное и возбужденное состояніе родителей или воспитателей, какъ эти ничѣмъ не мотивированные переходы отъ строгости къ излишней слабости, отъ взысканій и наказаній къ самой непонятной снисходительности. Такая система воспитанія, если только можно назвать ее системой, можетъ самымъ вреднымъ образомъ отразиться на нервной сферѣ даже здоровыхъ дѣтей, тѣмъ болѣе она погубна для дѣтей съ наследственно неустойчивой нервной системой.

Родители *алкоголики* обыкновенно рожаютъ нервныхъ дѣтей, причѣмъ нерѣдко нервность эта выражается въ формѣ тяжелыхъ нервныхъ страданій, напр. эпилепсіи, а иногда даже и формѣ той или другой душевной болѣзни. Часто алкоголики производятъ дѣтей и съ ослабленными умственными способностями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и прямо идиотовъ. Если кто-либо изъ родителей пораженъ какой либо психической болѣзью, то обыкновенно при этомъ рожаютъ дѣти, если можно такъ выразиться, съ чрезвычайно ранимой нервной системой. Однимъ словомъ, въ происхожденіи нервныхъ болѣзней у дѣвушекъ громадную роль играетъ наследственное предрасположеніе. Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ *хроническомъ* алкоголизмѣ. Подъ именемъ хроническаго пьяницы подразумѣваютъ обыкновенно такого человѣка, который очень часто напивается, какъ говорится, до „положенія ризъ“. Но это уже высшая степень алкоголизма. Меньшія степени этого порока или, лучше сказать, этой болѣзни между тѣмъ тоже крайне неблагоприятно отражаются на здоровьѣ, какъ самого пьющаго, такъ и его потомства. Напр., если выпивать ежедневно и регулярно 3 — 4 рюмки водки или какого-либо другого крѣпкаго напитка (коньяку, рому, абсенту, ликеру и т. п.), то въ концѣ концовъ получится хроническое отравленіе организма алкоголемъ, которое въ высшей степени вредно отразится на тканяхъ и органахъ тѣла и, главнымъ образомъ, на нервной системѣ. Дѣти такого человѣка, при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ, рождаются съ ненормально возбудимой нервной системой, съ готовымъ предрасположеніемъ къ той или другой нервной болѣзни.

Обдумывая условія, при которыхъ рождаются наши дѣти, нельзя не сознаться, что въ высшей степени часто встрѣчается возможность прирожденной и наследственной передачи слабости и неустойчивости нервной системы. Если со стороны отцовъ виною такого ненормальнаго состоянія нервной сферы дѣтей является хроническій алкоголизмъ, то со стороны матерей здѣсь въ этомъ отношеніи играетъ громадную роль *истерія* и затѣмъ *неврастенія*. Число истеричныхъ и неврастенничныхъ женщинъ въ высшей степени велико, и это хорошо извѣстно врачамъ практикамъ. Громадное распространеніе женскихъ болѣзней служитъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ развитію ненормальной возбудимости и раздражительности нервной системы въ нарождающихся поколѣніяхъ, — и въ свою очередь эти болѣзни переходятъ и къ нимъ. Правда, что въ большинствѣ случаевъ женскія болѣзни ведутъ къ относительному или абсолютному безплодію и такимъ образомъ, женщины, страдающія ими не могутъ передать свое ненормальное нервное состояніе дѣтямъ. Но нѣкоторыя формы женскихъ болѣзней, ограничивая число дѣторожденій, все таки не совершенно лишаютъ женщину возможности имѣть потомство. Вотъ дѣти, рожденныя отъ подобныхъ матерей, и бываютъ поражены наследственной нервной слабостью, чему еще способствуетъ тяжелая бере-

менность и длиннелые трудные роды, обыкновенно наблюдающіеся въ этихъ случаяхъ.

Другая часто встрѣчающаяся причина нервности нашихъ дѣвушекъ—это *умственное переутомленіе*. Хотя программа нашихъ учебныхъ заведеній и не особенно обширна, за то преподаваніе въ нихъ лишено почти всякаго интереса, а это чрезвычайно важно въ психологическомъ отношеніи. Въ сущности у насъ учатъ только *словами*, а настоящихъ, дѣйствительныхъ знаній не даютъ. Какъ часто встрѣчаемъ дѣтей, уткнувшихся въ книгу и не видящихъ ничего, что дѣлается вокругъ, не приученныхъ къ наблюденію окружающихъ явленій, умственно близорукихъ! Такая односторонняя, однообразная и потому неинтересная дѣятельность, имѣющая какой то абстрактный характеръ, въ высшей степени утомительна и не можетъ не переутомлять молодежи, особенно слабыхъ и малокровныхъ дѣвушекъ. Какъ часто приходилось мнѣ наблюдать, что окончательные, выпускные экзамены, предъявляя чрезмѣрные требованія къ умственнымъ способностямъ, доводятъ дѣвушекъ не только до значительнаго физическаго истощенія, но еще и глубоко поражаютъ нервную систему, такъ что нервная слабость и ненормальная возбудимость остаются на долгое время по окончаніи экзаменовъ! Я знаю дѣвушку, которая, кончивъ очень хорошо выпускные экзамены, стала такой нервной и раздражительной, что рыдала каждый вечеръ безъ всякой причины, и это продолжалось цѣлый мѣсяць. Развѣ такое явленіе нормально? И довести семнадцатилѣтнюю дѣвушку до такого состоянія не значитъ ли отнять у нея совершенно естественную жизнерадостность и, можетъ быть, навсегда омрачить ея жизнь тяжкимъ пораженіемъ всей нервной системы? И все это ради какихъ то призрачныхъ знаній, такъ какъ въ сущности эта дѣвушка вынесла изъ учебнаго заведенія не очень то много дѣйствительно цѣнныхъ свѣдѣній. Не слишкомъ ли это дорогая цѣна за такое въ сущности очень малое образованіе? Наша школьная программа настоятельно требуетъ реформы, и очень серьезной, коренной реформы. Весь складъ учебной жизни тоже нуждается въ коренномъ преобразованіи. Кто хоть разъ наблюдалъ, какъ пагубно дѣйствуютъ на здоровье нашихъ дѣвушекъ экзамены вообще, а выпускные экзамены въ частности, тотъ долженъ согласиться, что дѣло обученія дѣвушекъ поставлено не вполне правильно. Какъ худѣютъ и блѣднѣютъ за экзаменационное время наши и безъ того далеко не цвѣтущія дѣвушки какому длительному и тяжелому искусству подвергается ихъ и безъ того слабая, неуравновѣшенная нервная система! Дѣло, конечно, не въ количествѣ знаній, которыхъ дается очень мало, да и то въ очень несовершенномъ видѣ, а въ системѣ преподаванія, въ системѣ сообщенія этихъ знаній,—въ системѣ сухой, безжизненной, неинтересной. Умственное переутомленіе въ школѣ, постоянное напряженіе психическихъ способностей для усвоенія неинтересныхъ вещей, къ тому же часто при дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ, не прекращается и дома, такъ какъ, послѣ кратковременнаго отдыха, приходится готовить непосильные уроки и письменныя работы. Дѣвочки и дѣвушки отдыхаютъ только во время сна, который вслѣдствіе того же переутомленія нерѣдко бываетъ беспокойнымъ, прерывистымъ, не дающимъ достаточно отдыха нервной системѣ. И такъ изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день. Если канцелярская работа утомляетъ людей взрослыхъ именно тѣмъ, что она не интересна, то какъ-же должна отразиться такая неинтересная работа на несформировавшейся еще, слабой и неустойчивой нервной системѣ

дѣвочек! Гигіеническія условія, при которыхъ производится эта непосильная работа, тоже въ высшей степени неудовлетворительна: классный воздухъ полонъ пыли, духоты и міазмовъ, движенія нѣтъ никакого, если не считать кратковременной рекреации тоже въ пыльномъ рекреационномъ залѣ, питаніе недостаточное, одежда тѣсная и неудобная — все это, взятое въ совокупности, крайне неблагоприятно отзывается на здоровьи женской молодежи.

Къ этому надо еще добавить дополнительные, почти неизбежные въ каждой семьѣ, уроки музыки и иностранныхъ языковъ. Многимъ и многимъ дѣвушкамъ рояль разстроилъ нервы, при этомъ вдобавокъ не научивъ ихъ музыкѣ, а нерѣдко даже внушивъ отвращеніе къ этому искусству. Занятія музыкой безспорно отнимаютъ много времени у дѣвушекъ. Между тѣмъ, если бы они не велись такъ безжизненно, то могли бы даже принести нѣкоторую пользу, служа отдохновеніемъ послѣ утомительныхъ умственныхъ занятій. Дѣло однако въ томъ, что каждая учительница, каждый учитель музыки смотрятъ на своихъ ученицъ, какъ на будущія знаменитости или по крайней мѣрѣ на будущихъ профессоровъ консерваторіи. Потому гаммы смѣняются скучнѣйшими экзерсисами, экзерсисы гаммами — и въ концѣ концовъ все это приводитъ къ утомленію, а затѣмъ и къ отвращенію къ музыкѣ. Далеко не всѣ обладаютъ музыкальными талантами, и потому нельзя примѣнять ко всѣмъ одинаковыя требованія. Если у ребенка есть желаніе учиться музыкѣ, — учите его, но соображайте свои требованія съ его музыкальными способностями и не мучьте безъ нужды гаммами и скучными пальцеломными упражненіями. Разъ у дѣвочки нѣтъ никакого желанія учиться музыкѣ, — оставьте ее въ покоѣ.

Иностранные языки должны преподаваться въ школѣ. Но конечно въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ практически иностраннымъ языкамъ *при нынѣшней системѣ обученія* научиться невозможно. Правда, практическія занятія языками утомить сами по себѣ не могутъ, но все же лучше за нихъ приняться въ то время, когда дѣвочку еще не отдали въ учебное заведеніе, т. е. въ дошкольный возрастъ. Къ тому же чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ легче ему даются языки. Въ не очень рѣдкихъ случаяхъ дѣвочекъ до того замучиваютъ, какъ школьными, такъ и приватными занятіями, что на нихъ становится жалко смотреть.

Право, иные хозяева гораздо больше жалѣютъ своихъ лошадей, чѣмъ дѣвочекъ въ нѣкоторыхъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ семьяхъ, особенно матеріально плохо обеспеченныхъ. Желая дать дѣвочкѣ большую сумму знаний, чтобы въ будущемъ обезпечить ей порядочный заработокъ, достигаютъ какъ разъ обратнаго результата: разрушая общее здоровье и нервную систему дѣвочки, такіе родители дѣлаютъ свою дочь совершенно неспособной къ тяжелой житейской борьбѣ за существованіе! Итакъ умственное переутомленіе надо поставить въ число важныхъ и главныхъ факторовъ въ дѣлѣ нарушенія здороваго состоянія нервной системы.

Неблагоприятная жизненная обстановка — вотъ еще часто встрѣчающаяся причина нервныхъ заболѣваній у дѣвушекъ. Эта неблагоприятная обстановка можетъ быть моральная и физическая. Начнемъ съ послѣдней. Гигіеническія условія жизни даже зажиточныхъ и богатыхъ семействъ заставляютъ желать много лучшаго. Квартиры наши очень часто темны и лишены хорошаго воздуха, кромѣ того онѣ нерѣдко заставлены громоздкой и совершенно ненужной мебелью. Удаленіе пыли и грязи въ квартирахъ также про-

изводится далеко несовершеннымъ образомъ. Пища — въ высшей степени раздражающая нервную систему: чуть не съ перваго мѣсяца жизни ежедневно дается чай, а затѣмъ къ концу перваго года ребенокъ уже угощается и кофе. Чай, кофе, вино — вотъ что изо дня въ день разрушаетъ нервную систему нашей дѣвушки, причемъ, чѣмъ дѣвушка слабѣе, тѣмъ чаще поятъ ее виномъ, предполагая, что вино *укрѣпляетъ* организмъ. Но совершенно неотразимо въ настоящее время доказано, что спиртъ есть нервный ядъ, что онъ разрушаетъ нервную систему. Чѣмъ крѣпче вино, чѣмъ больше оно содержитъ алкоголя, тѣмъ оно разрушительнѣе дѣйствуетъ на нервы. Чрезмѣрное употребленіе мясной пищи тоже не проходитъ безслѣдно для нервной системы. Злоупотребленіе мясной пищею надо поставить въ ряду очень частыхъ и очень важныхъ причинъ нервноности нашихъ дѣвушекъ. Мы уже изъ предыдущаго изложенія видѣли, что при наследственной слабости и при наследственномъ предрасположеніи организма къ нервнымъ заболѣваніямъ очень часто создаются въ немъ такія условія, при которыхъ самой незначительной причины достаточно, чтобы вывести нервную систему изъ состоянія равновѣсія. Между тѣмъ употребленіе мясной пищи въ излишество никоимъ образомъ нельзя назвать незначительной, а тѣмъ болѣе слабой причиной.

Многу не разъ въ различныхъ статьяхъ было выражаемо мнѣніе, что наша пища вообще содержитъ въ себѣ слишкомъ много раздражающихъ нервную систему составныхъ частей. Измѣнить современный пищевой режимъ насущно необходимо, — слишкомъ ужъ много развелось болѣзней, которыя и вызываются и поддерживаются негигіеничнымъ образомъ жизни, въ томъ числѣ и неправильнымъ, нецѣлесообразнымъ питаніемъ. Мясная пища дается у насъ въ разныхъ видахъ — и въ видѣ непрожаренныхъ ростбифовъ и бивштексовъ, и въ видѣ консервовъ, т. е. колбасъ, соленаго и копченаго мяса и т. п. Кромѣ того потребляется во вредъ здоровью черезчуръ много поваренной соли. Растительная же пища, содержащая какъ разъ тѣ минеральныя соли, которыя намъ необходимы для правильнаго кроветворенія и нормальнаго состоянія тканей нашего организма, находится въ полномъ загонѣ. Овощи употребляются по большей части лишь какъ приправа къ мясу, а на употребленіе ягодъ и фруктовъ смотрятъ какъ на роскошь и лакомство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти вещества насущно необходимы нашему организму. Въ пищевой діетѣ господствуетъ еще много предрассудковъ. Напр., до сихъ поръ общество не можетъ отвыкнуть отъ стариннаго, всѣми врачами теперь оставленнаго взгляда на бульонъ, какъ на очень хорошее пищевое вещество, питательныя свойства котораго въ прежнее время значительно переоцѣнивались. Теперь пришла очередь мясной пищи. Несомнѣнно, что въ 20-мъ столѣтіи значеніе ея понизится и количество ея въ пищѣ грядущихъ поколѣній въ значительной степени уменьшится. Если жъ только представить себѣ, какъ часто происходитъ раздраженіе нервной системы нашихъ дѣвушекъ различными пищевыми веществами, въ томъ числѣ и пряностями, то приходится удивляться не тому, что нервность такъ часто встрѣчается, а тому, что есть еще крѣпкія нервами дѣвушки, хотя число таковыхъ, увы! — очень незначительно. Отчего дѣвушки изъ купеческой среды обыкновенно крѣпче здоровѣемъ, чѣмъ дѣвушки изъ интеллигенціи? Оттого, что онѣ живутъ обыкновенно нормальнѣе, менѣе переутомляются ученіемъ, такъ какъ состоятельное купечество не придаетъ слишкомъ большаго значенія экзаменаціоннымъ и инымъ отміткамъ и дипло-

мамъ и нерѣдко не допускаетъ дочерей до выпускныхъ экзаменовъ. Много значитъ также и то, что среди купечества все еще соблюдаются посты, а посты, съ преобладаніемъ растительной пищи надъ животной, несомнѣнно имѣютъ гигиеническое значеніе. Но тамъ, гдѣ, бросивъ старыя завѣты отцовъ, купеческія семьи начали жить по „современному“ въ смыслѣ питанія, образованія и пр.,—тамъ тоже все чаще и чаще начали появляться нервныя заболѣванія среди женскаго персонала семьи. Недаромъ московское купечество жалуется на пониженіе уровня здоровья своихъ дѣвушекъ и женщинъ.

Неправильная культура очень вредна и пагубнымъ образомъ отражается на организмѣ. А въ большинствѣ случаевъ наша культура—оказывается культурою неправильною. У интеллигентнаго человѣка всѣ органы чувствъ притупились,—и кто знаетъ?—не будетъ ли это притупленіе прогрессировать и далѣе! Зрѣніе у насъ не можетъ и сравниться съ острымъ зрѣніемъ некультурнаго человѣка, который отчетливо видитъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Слухъ, по сравненію съ слухомъ людей некультурныхъ, тоже является значительно пониженнымъ. А вѣдь культура должна бы была заключаться въ улучшеніи и повышеніи *всѣхъ* природныхъ способностей и свойствъ организма. Только такая культура и была бы настоящею культурою тѣла. Правда, говорятъ, что у культурныхъ людей зато культивированы умственныя способности и вообще душевныя свойства. Конечно, умъ культурнаго человѣка глубже и тоньше ума некультурнаго, но истинная культура должна, наряду съ умственными свойствами, развивать и тѣлесныя качества, — только тогда получится полная гармонія между тѣломъ и духомъ, отвѣчающая всей суммѣ представлений, соединяемыхъ нами со словомъ „культура“.

Наша культура портитъ зрѣніе молодежи, и огромный процентъ ея по окончаніи средняго образованія за школьное время приобретаетъ близорукость въ большей или меньшей степени, что конечно должно неблагоприятно отозваться и на умственномъ обликѣ всякаго близорукаго субъекта, тогда какъ школа и вообще воспитаніе должны направлять всѣ свои старанія не только на то, чтобы сохранить глазу его врожденныя свойства, но и на то, чтобы еще и улучшить зрѣніе, укрѣпить и развить его. Тоже касается и слуха, который при должномъ вниманіи и стараніи можетъ быть, какъ и все въ нашемъ организмѣ, развитъ и въ значительной степени улучшенъ. Тоже наконецъ касается и осязанія. Въ большинствѣ же случаевъ наши дѣти, слушая, ничего не слышатъ, и смотря, ничего не видятъ, потому что ни органы чувствъ, ни наблюдательность, ни вниманіе вовсе не подвергаются улучшенію, не подвергаются истинной культурѣ...

Итакъ вернемся снова къ питанію. Питаніе современной дѣвушки требуетъ полной реформы,—какъ дома, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ,—и на это должно быть обращено самое строгое вниманіе. Если при уходѣ за растеніями такъ строго и внимательно слѣдятъ, чтобы свойства почвы какъ разъ подходили къ данному сорту растенія, чтобы ему предоставлено было соответствующее удобреніе, чтобы оно росло и развивалось при надлежащей температурѣ, чтобы поливка, смотря по роду растеній, не была черезчуръ скудной, ни черезчуръ обильной, — если все это, говорю я, принято при уходѣ за растеніями, то во сколько же разъ человѣкъ важнѣе растенія, а между тѣмъ какъ мало изучены тѣ физическія качества окружающей его обстановки, которыя наиболѣе подходятъ къ его природѣ, и какъ мало все это значитъ въ глазахъ современныхъ педагоговъ и воспитателей!

Пища значитъ очень многое. Пища и воздухъ—вотъ два главныхъ фактора охраны для здоровья. Повторяю, все раздражающее нервы должно быть изгнано изъ стола современной дѣвушки, если хотятъ, чтобы женское поколѣніе наше окрѣпло вообще, а въ частности,—чтобы окрѣпла нервная система дѣвушекъ.

Мы уже упоминали о томъ, что квартиры нашихъ большихъ городовъ въ большинствѣ случаевъ очень негигиеничны въ смыслѣ освѣщенія и чистоты воздуха. Эти недостатки могли бы быть компенсированы, если бы дѣвочки и дѣвушки большую часть дня проводили на открытомъ воздухѣ и на солнцѣ. Всякій, кому знакомъ образъ жизни городской дѣвушки, хорошо знаетъ, что ничего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, что дѣвушки почти не пользуются свѣжимъ воздухомъ и нѣкоторыя изъ нихъ даже не гуляютъ, не находя для этого достаточно времени. Постоянное пребываніе въ душномъ спертomъ комнатномъ воздухѣ наряду съ недостаточнымъ дневнымъ освѣщеніемъ должно самымъ гнетущимъ образомъ дѣйствовать на нервную систему дѣвушки, и всякій наблюдательный человѣкъ, долженъ сознаться, что такъ именно и бываетъ въ дѣйствительности. Дѣвушки всегда менѣе живы и жизнерадостны, чѣмъ мальчики, которые все же больше пользуются воздухомъ и движеніемъ,—онѣ вообще болѣе нервны, болѣе воспримчивы. Недаромъ въ обществѣ сложилось выраженіе: „мой сынъ такой нервный, точно дѣвочка!“ Такъ что нервность въ глазахъ публики является какъ бы необходимымъ свойствомъ организма дѣвочки.

Недостаточное пользованіе чистымъ воздухомъ и полное отсутствіе физическихъ упражненій слѣдуетъ называть одной изъ важныхъ причинъ, нарушающихъ нервное равновѣсіе дѣвушекъ. Всякій по себѣ знаетъ, что, если на человѣка найдетъ грустное настроеніе, то самое лучшее пройти по чистому воздуху, подышать имъ полною грудью. И тогда въ большинствѣ случаевъ грустное настроеніе проходитъ и замѣняется добрымъ, веселымъ. Дѣвушки не имѣютъ возможности, по своему образу жизни, прибѣгнуть къ этому средству, чтобы стряхнуть съ себя подавленное или раздраженное состояніе нервной системы, и въ концѣ концовъ изъ временнаго, мимолетнаго, оно дѣлается прочнымъ, сильнымъ—и неврастенія готова. Жительницы небольшихъ провинціальныхъ городовъ въ этомъ отношеніи поставлены въ гораздо лучшія гигиеническія условія, поэтому и уровень ихъ здоровья лучше и уровневѣшенность нервной системы больше, чѣмъ у дѣвушекъ столичныхъ или большихъ провинціальныхъ городовъ.

Итакъ неподходящія жилища, несоотвѣтствующая требованіямъ организма пища, недостаточное пользованіе свѣжимъ открытымъ воздухомъ,—вотъ что губитъ здоровье нашего женскаго поколѣнія и разстраиваетъ нервную систему его.

Но этимъ не исчерпывается еще вся совокупность причинъ его нервности, эти причины кроются и въ одеждѣ, и съ образѣ жизни, и въ развлеченіяхъ, и въ обстановкѣ,—словомъ, въ общемъ режимѣ, въ общемъ складѣ бытовыхъ условій, въ тиранніи модъ, вредныхъ привычекъ и дурныхъ примѣровъ.

О необходимости реформы женской одежды было говорено мною уже ни одинъ разъ,—но конечно до поры до времени это остается гласомъ вопіющаго въ пустыни. Люди не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей и не видятъ того, что ясно, какъ Божій свѣтъ,—конечно, не понимаютъ потому, что не хотятъ понимать, и не видятъ потому, что не хотятъ видѣть. Вѣдь совершенно понятно, что, если растеніе за-

вязать со всѣхъ сторонъ, то оно роста не будетъ или ростъ его приметъ неправильную форму. Въ иныхъ случаяхъ при подобныхъ обстоятельствахъ оно просто на просто погибаетъ. Но то, что ясно въ примѣненіи къ растеніямъ, дѣлается совершенно непонятнымъ, когда дѣло идетъ о чело-вѣкѣ!..

Для того, чтобы ростъ организма происходилъ правильно и чтобы правильно шли въ немъ всѣ жизненные процессы, надо, чтобы его ничто не стѣсняло. Современная же одежда женщинъ стѣсняетъ организмъ и мѣшаетъ его физиологическимъ процессамъ. Объ этомъ много разъ было и говорено на лекціяхъ, и писано, — и все это принесло очень мало практической пользы, хотя несомнѣнно принесло. Но послѣдняя Парижская выставка, вѣроятно, значительно поможетъ въ дѣлѣ реформы женскаго костюма въ благоприятномъ для охраны здоровья направленіи. Дѣло въ томъ, что среди француенокъ тоже теперь явилось стремленіе въ гигиенической одеждѣ. Такъ какъ Франція до сихъ поръ является законодательницею моды и такъ какъ французское изящество стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и внѣ всякой конкуренціи, то, по всей вѣроятности, дѣло теперь пойдетъ на ладъ. Въ Парижѣ открывается мастерская гигиеническихъ и въ то же время изящныхъ женскихъ костюмовъ m-me Бишопъ (Bishop), которая заручилась согла-сіемъ на приготовленіе подобныхъ костюмовъ многихъ выдающихся парижскихъ фирмъ, а кромѣ того и д-ръ Marechal, извѣстный популяризаторъ гигиены въ Парижѣ, тоже обѣщаль ей свое содѣйствіе.

Однако и то надо сказать, что мода плохой союзникъ гигиены, такъ какъ она очень часто идетъ въ разрѣзъ со здоровымъ смысломъ, да къ тому же она непостоянна и капризна. Лучше, еслибы русская женщина совсѣмъ согласилась отрѣшиться отъ рабскаго поклоненія передъ этой всемірной владычицей или, по крайней мѣрѣ, научилась бы критически относиться къ издаваемымъ ею повелѣніямъ. Важно однако уже то обстоятельство, что какъ разъ въ Парижѣ основывается мастерская гигиенической женской одежды, важно это въ глазахъ многихъ и многихъ женщинъ. Корсетъ и неправильный покрой талій много надѣлалъ вреда женскому здоровью — это несомнѣнно.

Особенно въ связи съ прочими неблагоприятными условіями много вреда наносятъ нервной системѣ и общему состоянію здоровья неправильный покрой и фасонъ одежды у маленькихъ дѣвочекъ и молоденькихъ дѣвушекъ, у которыхъ организмъ еще не совсѣмъ сформировался. Здѣсь все, — начиная съ нецѣлесообразной, тяжелой и большой шляпы, кончая неправильной, не по ногѣ сшитой обувью, вредитъ здоровью женщины. Все — все: шляпы, воротники, нижнее бѣлье, юбки, корсеты, лифы, чулки, подвязки, ботинки — все несовершенно, все ведетъ къ неправильному кровообращенію, вызываетъ застои крови, препятствуетъ свободному дыханію, стѣсняетъ органы пищеваренія и проч. Напрасно такъ мало обращается вниманіе на одежду, вообще и на женскую одежду въ частности. Значеніе одежды для охраны здоровья цѣнится слишкомъ низко, на нее смотрятъ большею частью, какъ на нарядъ, на украшеніе, поэтому гигиеническое свойство ея не принимается во вниманіе даже тѣми, кого, казалось бы, это непосредственно касается, а именно педагогами и врачами.

Образъ жизни нашихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ тоже таковъ, что скорѣе разстраиваетъ здоровье, чѣмъ оберегаетъ его. До школьнаго возраста часто не наблюдается никакого порядка въ распредѣленіи дня, — нѣтъ тоже опре-

дѣленнаго часа для вставанія, или же этотъ опредѣленный часъ наступаетъ очень поздно, — въ 10, 11, 12 часовъ. Такое позднее вставаніе съ постели крайне вредно отражается на нервной системѣ дѣвочекъ, ведетъ къ ослабленію ея и къ пониженію ея жизненной энергіи. Большая часть дѣвочекъ до-школьнаго возраста изъ матеріально хорошо обеспеченныхъ семействъ встаетъ очень поздно. Тоже надо сказать и объ окончившихъ свое образованіе дѣвушкахъ. Онѣ спятъ обыкновенно неправильно, — нельзя сказать, чтобы очень много, такъ какъ обыкновенно онѣ и ложатся поздно, но именно неправильно, т. е. и ложатся не во время, и встаютъ часовъ въ 11—12. Отъ послѣдствій неправильнаго распредѣленія времени особенно страдаютъ дѣвочки школьнаго возраста, которыя принуждены своими учебными занятіями вставать рано, чтобы въ девятомъ часу утра уже быть въ школѣ. Между тѣмъ обычный распорядокъ жизни конецъ театральнаго представленія, поздній приходъ гостей и т. д., — таковъ, что всѣ въ домѣ ложатся поздно, — потому дѣвочки и дѣвушки школьнаго возраста тоже ложатся поздно. Это служитъ причиною, что дѣти являются въ школу усталыми, сонными, вялыми и бываютъ не въ состояніи сосредоточить свое вниманіе на преподаваемыхъ предметахъ, причѣмъ еще и самый способъ преподаванія обычно не отличается живостью и особеннымъ интересомъ. Недостаточный, неправильный, нерѣдко тревожный сонъ въ связи съ умственнымъ переутомленіемъ, конечно, является важной причиною различныхъ ненормальныхъ явленій со стороны нервной системы и ведетъ къ ослабленію ея, къ столь знакомой намъ неврастеніи. Кто хоть сколько нибудь освоился съ жизнью русскихъ семействъ, тотъ долженъ согласиться, что въ словахъ моихъ нѣтъ никакого преувеличенія. Между тѣмъ недостаточный покой и постоянное раздраженіе нервной системы, не могутъ не оказать въ концѣ концовъ крайне вреднаго на нее вліянія, и причину слабости нервовъ у многихъ и многихъ женщинъ должно искать именно въ неправильно проведенныхъ дѣтствѣ и юности. Праздничное и каникулярное время тоже обыкновенно протекаетъ крайне негигиенично. Напомню хоть о Рождественскихъ каникулахъ, во время которыхъ дѣти почти каждый день ложатся поздно, усталыя, не высыпаются и послѣ окончанія праздниковъ являются на школьныя занятія несколько не отдохнувшими. Лѣтнія каникулы нерѣдко тоже проводятся негигиеничнымъ образомъ: такой-же неправильный сонъ, тѣ-же празднества, гулянья, неудобные наряды, вредное ухаживаніе мальчугановъ за дѣвочками и т. д.

Конечно, есть счастливыя дѣти, которыя проводятъ свои лѣтнія каникулы въ деревенской тиши, на это сравнительно меньшинство. Всѣ же наши кишаци дѣтьми и подростками дачныя мѣстности, какъ лежащія близъ Петербурга Озерки, Шувалово, Теріюки, Павловскъ и т. п. оказываютъ иногда прямо тлетворное вліяніе на дѣтей. То же надо сказать и о нашихъ курортахъ: кавказскихъ водахъ, Старой Русѣ, Липецкѣ и т. п. Взрослые тамъ обыкновенно подають весьма дурной примѣръ дѣтямъ, и многія семьи оплакивають тотъ часъ, когда имъ пришла въ голову мысль поселиться на томъ или другомъ курортѣ или въ той или другой населенной дачной мѣстности.

Тамъ, гдѣ распорядокъ дня неправиленъ, чаще всего встрѣчается нервность дѣвушекъ. Маленькія дѣвочки до школьнаго возраста гуляютъ очень мало, чинно прохаживаясь по городскимъ улицамъ, одѣтыя въ неудобную тяжелую одежду, стѣсняющую ихъ движенія. Тутъ родители мало чѣмъ могутъ помочь — гулять нашимъ дѣтямъ въ большихъ горо-

дахъ положительно негдѣ, а тѣмъ болѣе порѣзвиться и поиграть. Только на дачѣ или въ деревнѣ дѣти могутъ вполне удвѣлительную свою потребность къ движеніямъ. Но такъ какъ дачное или деревенское житье продолжается рѣдко болѣе трехъ мѣсяцевъ, то продолжительное девятимѣсячное бездѣйствіе мышечной системы не можетъ не отразиться не нервахъ крайне вреднымъ образомъ. Энергичныя мышечныя движенія успокаивающимъ образомъ дѣйствуютъ на нервную систему, унося изъ крови всѣ ядовитыя вещества, продукты неполнаго окисленія азотистыхъ веществъ. Дѣвочки небольшого возраста нерѣдко довольствуются, въ качествѣ мышечнаго упражненія, хожденіемъ въ школу и обратно, отговариваясь неимѣніемъ времени для сколько нибудь продолжительныхъ прогулокъ. И эта отговорка для большинства изъ нихъ, т. е. для одаренныхъ средними способностями, совершенно справедлива. Маленькія дѣвочки дошкольнаго возраста большую часть времени тоже проводятъ, сидя въ комнатахъ и занимаясь своими куклами. Всякая рѣзвость, всякое чрезчуръ сильное тѣлесное движеніе строго преслѣдуется словами: „что это за шалости, ты вѣдь не мальчикъ!“ Слѣдовательно съ самаго ранняго дѣтства жизнь дѣвочекъ идетъ неправильнымъ образомъ и плохо обставляется въ гигиеническомъ отношеніи. Дѣвочки, выросшія на волѣ, въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, обыкновенно бываютъ здоровѣе, и нервная система ихъ крѣпче.

Итакъ, если въ школѣ гигиеническія условія далеки отъ совершенства, то не лучше дѣло обстоитъ и дома, гдѣ нерѣдко царятъ полный хаосъ и беспорядокъ. Кончивъ свое ученіе въ среднемъ учебномъ заведеніи, дѣвушка чаще всего не знаетъ, куда дѣваться отъ бездѣлья и внутренней неудовлетворенности. Немалое число дѣвицъ поступаетъ теперь въ высшія учебныя заведенія, но здѣсь жизнь ихъ нерѣдко дѣлается еще сложнѣе и тяжелѣе прежняго. Недостаточно обеспеченныя въ матеріальномъ отношеніи принуждены бываютъ содержать себя уроками и положительно надрываютъ свое здоровье и въ частности свою нервную систему въ непосильномъ трудѣ. Обеспеченныя тоже страдаютъ очень часто и малокровіемъ, и слабонервностью. Рѣдко дѣвушка устраиваетъ свою жизнь такъ, чтобы она шла рука объ руку съ законами природы. Отчего-же не крѣпнеть здоровье тѣхъ дѣвицъ, которыя по окончаніи курса наукъ ничѣмъ не заняты и вслѣдствіе хорошей матеріальной обстановки могутъ устраивать свою жизнь по желанію? Между тѣмъ среди подобныхъ то дѣвицъ очень часто и встрѣчаются нервнобольныя, истерички и неврастенички, какъ это могутъ подтвердить врачи-практики. Тутъ наряду съ неправильнымъ распредѣленіемъ времени, неправильнымъ питаніемъ, недостаточными физическими движеніями, негигиеническою одеждою играетъ первенствующую роль нравственное неудовлетвореніе, внутренняя пустота. Всякій человѣкъ стремится ограничить свою работу, стремится къ праздности и къ ничегондѣланію, а между тѣмъ праздность несетъ съ собою внутреннюю пустоту, скуку, неудовлетворенность, какъ это можетъ подтвердить каждая праздная хорошо обеспеченная дѣвушка или женщина. Только въ любимомъ трудѣ находится источникъ жизнерадостности и внутренняго довольства, т. е. источникъ счастья.

Наряды, развлечения—все это не можетъ наполнить жизнь дѣвушки, и, чѣмъ она умнѣе, развитѣе, сердечнѣе и вдумчивѣе, тѣмъ тяжелѣе становится для нея существованіе, несмотря на видимое довольство и счастье. Иной отецъ

или иная мать не могутъ доискаться причины тоски и нервности ихъ дочери, которой они, казалось бы, предоставили все для счастливой и спокойной жизни, а причина этого и лежитъ именно въ пустотѣ и праздной жизни.

Моральная обстановка, среди которой воспитывается наша женская молодежь, вообще заставляетъ желать во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго. Всякіе семейные нелады отражаются на болѣе нѣжномъ, слабомъ и впечатлительномъ организмѣ дѣвочки сильнѣе, чѣмъ на организмѣ мальчика. Такъ напримѣръ: гдѣ отецъ предается неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, онъ вноситъ не только неурядицу въ свою семью, не только причиняетъ ей большое горе, но и служитъ причиною слабости нервной системы дочерей, хотя бы онъ и не перадалъ имъ этой слабости путемъ наслѣдственности.

Внезапный испугъ, неожиданное горе, сильный страхъ и тому подобныя сильныя и непріятныя психическія аффекты могутъ служить причиною сильнаго потрясенія нервной системы, и обусловливать то, что психиатры называютъ *психической тревогой*. Подобныя психическія тревоги могутъ на долгое время вывести нервную систему изъ состоянія равновѣсія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обусловить тяжелое нервное заболѣваніе. Нерѣдко такіе моменты у predisposedныхъ къ тому личностей служили причиною напр. пляски св. Витта въ другихъ случаяхъ они вызываютъ припадки падучей болѣзни (эпилепсіи) и т. д.

Не только пьянство родителей,—конечно, чаще отца, чѣмъ матери,—но и всякія ссоры между ними кладутъ неизгладимый отпечатокъ на нервную систему дѣвочки, и отпечатокъ этотъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дѣвочка воспримчивѣе и вдумчивѣе. Наоборотъ замѣчено, что, если нервную дѣвушку перенести въ спокойную и упорядоченную сферу, то нервная система ея быстро успокаивается. Я лично изъ своего опыта знаю нѣсколько въ высшей степени поучительныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ. Приведу одинъ изъ нихъ, какъ особенно рельефный и особенно ясно запечатлѣвшійся въ моей памяти. Дѣло шло о молоденькой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, росшей въ лучшихъ гигиеническихъ условіяхъ, въ имѣніи своихъ родителей, на полной свободѣ. Несмотря на это, дѣвочка заболѣла тяжелой истеріей, выражавшейся въ высшей степени разнообразными явленіями, но главнымъ образомъ тяжелой формой астмы,—дѣвушка постоянно задыхалась, и дыханіе ея было столь тяжелымъ и громкимъ, что слышалось черезъ нѣсколько комнатъ. Оказалось, что въ семьѣ ея между отцомъ и матерью происходили частыя нелады, постоянныя ссоры, и это крайне вредно отразилось на нервной системѣ дѣвушки. Къ тому же родители наперерывъ баловали дѣвушку и не имѣли въ глазахъ ея никакого авторитета. Полное отсутствіе всякой дисциплины тоже оказывало свое пагубное вліяніе на ея нервы.

Дѣло шло все хуже и хуже, никакія лѣкарства не помогали, никакія ванны не повели къ желанному облегченію. Астма дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, припадки нервнаго возбужденія становились все чаще и чаще. Только полное удаленіе больной изъ родительскаго дома и помѣщеніе ея въ интеллигентную, строго выдержанную и дисциплированную семью повело къ совершенному выздоровленію безъ помощи какихъ бы то ни было лѣкарствъ. Каждый разъ, когда дѣвушка возвращалась въ родительскій домъ и оставалась тамъ болѣе или менѣе долгое время,—нервная система ея начинала снова расшатываться, и она снова становилась раздражительной и легко возбуждалась. Это-ли не рѣзкій примѣръ вреднаго воздѣйствія среды и семейныхъ

условій на нервную систему? Развѣ онъ не показываетъ, что вредное моральное вліяніе можетъ очень рѣзко отразиться на здоровьѣ дѣвушки, хотя бы и обставленной вполне хорошо въ гигиеническомъ отношеніи? А вѣдь, какъ я говорила, такихъ примѣровъ множество. И при этомъ не столько вліяетъ недостаточность средствъ и даже бѣдность, какъ именно семейная неурядица, семейные раздоры, не дающіе ни минуты душевнаго покоя. Вслѣдствіе неправильной постановки женскаго воспитанія и образованія дѣвушка является на житейскую борьбу совершенно неподготовленной, и неизбежная борьба эта наноситъ тяжелый ударъ ея по большей части слабому здоровью, ея уже расшатанной нервной системѣ. Поэтому большинство нашихъ дѣвушекъ, принужденныхъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, страдаютъ разстройствомъ нервной системы, слабонервностью, истеріей и неврастенией.

Здѣсь нелишнимъ считаю напомнить о связи, которая существуетъ между нервной системой и половой сферой женщинъ. Очень часто нервность развивается на почвѣ, если не женской болѣзни въ прямомъ значеніи этого выраженія, то во всякомъ случаѣ неправильнаго кровообращенія въ этой области. Я не разъ говорила въ своихъ прежнихъ работахъ о сильномъ распространеніи женскихъ болѣзней среди нашихъ дѣвушекъ. Самая частая форма заболѣванія—это воспаленіе яичниковъ. Смѣло можно сказать, что эта болѣзнь наблюдается по крайней мѣрѣ у 20 проц. дѣвушекъ, воспитывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Связь воспаленія яичниковъ съ истеріей общеизвѣстна. Лѣтъ десять тому назадъ даже предполагали лѣчить тяжелыя формы истеріи кастраціей, т. е. вырѣзываніемъ, удаленіемъ яичниковъ. Причинами этой столь часто встречающейся среди дѣвушекъ женской болѣзни слѣдуетъ считать неправильную одежду, т. е. тугое шнурованіе, тяжесть юбокъ и т. п., сидячій образъ жизни, простуду и промачиваніе ногъ, неправильное пищевареніе и т. п. Такъ или иначе, но большой процентъ нашихъ дѣвушекъ страдаетъ болѣзнями половыхъ органовъ, тяжело отражающимися на ихъ нервной системѣ. Правда, въ медицинскихъ отчетахъ по женскимъ учебнымъ заведеніямъ процентъ женскихъ болѣзней ничтоженъ, но это зависитъ отъ того, что и врачи еще не придаютъ этому фактору большого значенія, да и эмпирически считается почти невозможнымъ, чтобы дѣвушки страдали болѣзнями половой сферы. Обратимся все-таки за справками по этому вопросу къ тому же отчету вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи за 1896—97 гг. Оказывается, что во всѣхъ 13 петербургскихъ институтахъ, со включеніемъ С.П.Б. Александровскаго Сиротскаго Дома, число воспитанницъ, страдавшихъ болѣзнями въ области половой сферы равнялось 43, т. е. меньше 1 проц., въ московскихъ — 6, т. е. $\frac{1}{2}$ проц., въ губернскихъ — 58, т. е. около полутора процента. По моему мнѣнію, цифры эти очень далеко отстаютъ отъ дѣйствительности, и зависитъ это отъ трудности распознаванія женскихъ болѣзней у дѣвушекъ, отъ трудности изслѣдованія ихъ, отъ конфузливости и скрытности дѣвушекъ, отъ того, что имѣть женскую болѣзнь для дѣвушки считается чѣмъ-то позорнымъ. Многія болѣзни, фигурирующія теперь въ рубрикѣ „общихъ разстройствъ питанія“ и „болѣзней нервной системы“ слѣдуетъ отнести именно къ группѣ болѣзней половой сферы. Но обратимся снова къ отчету и посмотримъ, сколько болѣзней половой сферы зарегистрировано гимназическими врачами въ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Въ

петербургскихъ гимназіяхъ такихъ больныхъ записано 9 на общую сумму всѣхъ болѣвшихъ въ 2937, т. е. около 0,3 проц. Въ московскихъ гимназіяхъ такихъ больныхъ за такой же промежутокъ времени отмѣчено 11 на общую сумму всѣхъ больныхъ въ 1369, т. е. почти 1 проц. Въ губернскихъ гимназіяхъ число такихъ больныхъ уже достигаетъ 28 (на 955 всѣхъ больныхъ), т. е. уже почти 3 процента!

Если принять во вниманіе, что большинство петербургскихъ дѣвушекъ живетъ въ гораздо худшихъ гигиеническихъ условіяхъ, чѣмъ воспитанницы провинціальныхъ гимназій, то превышеніе числа заболѣваній половой сферы въ этихъ послѣднихъ въ десять разъ сравнительно съ петербургскими уже а priori кажется невѣроятнымъ! Но и вообще надо замѣтить, что, если въ институтахъ трудно діагносцировать женскую болѣзнь у воспитанницъ, то тѣмъ труднѣе это сдѣлать по отношенію къ воспитанницамъ гимназій, гдѣ и наблюденіе, и изслѣдованіе безконечно затруднителнѣе, чѣмъ въ институтахъ. На основаніи личнаго семнадцатилѣтняго опыта утверждаю, что число больныхъ женскими болѣзнями дѣвушекъ во всякомъ случаѣ должно быть несравненно больше, чѣмъ показано въ отчетѣ.

Обращаясь въ заключеніе еще разъ къ причинамъ, вредно дѣйствующимъ на нервную систему дѣвушекъ, посмотримъ нельзя-ли, основываясь на этихъ данныхъ, попытаться что либо сдѣлать, какъ для поднятія общаго здоровья ихъ, такъ и для укрѣпленія ихъ нервной системы, въ чемъ, какъ я твердо убѣждена, существуетъ настоящая надобность.

На первомъ планѣ мною были упомянуты: 1) *наследственность*, т. е. главнымъ образомъ *наследственное предрасположеніе*, 2) потомъ *умственное переутомленіе* и 3) вообще *неблагопріятная жизненная обстановка*, какъ въ смыслѣ гигиеническомъ, такъ и въ смыслѣ нравственномъ, моральномъ. Антигигиеническая обстановка выражается, во первыхъ, нецѣлесообразными въ смыслѣ сохраненія здоровья жилищами, нецѣлесообразнымъ питаніемъ, неправильнымъ распредѣленіемъ времени, негигиенической, вредной одеждой недостаточнымъ пользованіемъ свѣжимъ воздухомъ, отсутствіемъ или недостаткомъ физическихъ упражненій. Подъ неблагопріятной обстановкой въ нравственномъ отношеніи я разумѣю семейныя безурядицы, ссоры и раздоры, недостойное поведеніе родителей, напр. пьянство ихъ, матеріальную недостаточность. Не будемъ касаться подробно такъ называемыхъ *психическихъ тревогъ*, т. е. испуга, страха, горя и т. д., которыя, какъ мы видѣли, могутъ вызывать иногда тяжелыя заболѣванія нервной системы,—это все случайныя явленія, которыхъ трудно, даже невозможно избѣжать. Точно также нельзя принимать въ разчетъ разныя болѣзни, продолжительныя или тяжелыя, которыя несомнѣнно очень вреднымъ образомъ отражаются на нервной системѣ,—напр. порокъ сердца, инфекціонныя болѣзни, заболѣваніе глазъ, ушей и т. п. Для насъ важны не эти частныя причины, а другія, болѣе общія, которыя вызываютъ разстройство нервовъ не у одиночнаго человѣка, а у цѣлой группы людей, подчиненныхъ ихъ вліянію. Что сдѣлать напр., противъ наследственности или же наследственнаго предрасположенія? Конечно, дѣти, отягощенные такимъ предрасположеніемъ, требуютъ болѣе тщательнаго ухода за собою, болѣе тщательнаго тѣлеснаго и нравственнаго воспитанія. Какъ можно побѣдить наследственное предрасположеніе къ чахоткѣ,

такъ можно справиться и съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ нервности или даже къ психическому заболѣванію. На практикѣ это конечно въ высшей степени трудно осуществить, т. к. отъ нервныхъ родителей и при нихъ невозможно добиться правильнаго воспитанія дѣтей. Какъ дѣти туберкулезныхъ родителей очень часто становятся жертвой бугорчатки именно потому, что при наслѣдственномъ предрасположеніи къ этой болѣзни они находятся постоянно въ зараженной бугорковыми микробами атмосферѣ, такъ и дѣти нервныхъ родителей находятся какъ разъ въ той обстановкѣ, которая имъ вредна, которая раздражаетъ и расслабляетъ ихъ нервную систему. И точно также, какъ для охраны здоровья больныхъ, предрасположенныхъ къ бугорчаткѣ, надо удалять ихъ изъ заразнаго гнѣзда, — надо удалить и предрасположеннаго къ нервной болѣзни ребенка изъ вредной для него среды. Вотъ это-то обыкновенно и является невозможною вещью, если только сами родители не сознаютъ того вреда, который они причиняютъ своимъ дѣтямъ. Поэтому бороться съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ болѣзнямъ нервной системы—трудное, но нельзя сказать, чтобы невозможное дѣло. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нервность рѣзко выражается уже въ дѣтскомъ возрастѣ, дѣтей необходимо помѣщать въ особыя учебныя заведенія, специально посвященныя нервнымъ, слабымъ или отсталымъ дѣтямъ. Можно заранѣе поручиться, что такія школы пустовать не будутъ. Чѣмъ раньше удалить дѣвочку изъ нервной семьи, тѣмъ для нея будетъ лучше, тѣмъ больше шансовъ, что нервная система ея окрѣпнетъ и она вырастетъ въ здоровую женщину. Иные нервные родители сами хорошо сознаютъ весь тотъ вредъ, который они приносятъ своимъ дѣтямъ. Мнѣ чрезвычайно часто приходится слышать отъ своихъ пациентовъ сѣтованіе на свой характеръ, на свою раздражительность, отъ которой страдаютъ дѣти. Конечно, мѣсто ребенка въ семьѣ, но если семья ненормальна, то изъ двухъ золъ все таки приходится выбирать меньшее.

Какъ же бороться съ другой причиной, вызывающей расстройство нервной системы у дѣвушекъ, а именно съ переутомленіемъ?

Умственное переутомленіе, какъ мы уже видѣли изъ изложеннаго выше, не только зависитъ отъ трудности изученія тѣхъ предметовъ, которые входятъ въ программы нынѣшнихъ учебныхъ заведеній, сколько, если позволено такъ выразиться, или отъ нецѣлесообразности ихъ, или отъ слишкомъ большой книжности и малой наглядности преподаванія. Дѣвочекъ можно научить и лучше, и скорѣе, и притомъ съ меньшимъ напряженіемъ силъ, съ меньшей затратой умственной энергіи, если сдѣлать обученіе болѣе нагляднымъ и даже практическимъ. При этомъ необходимо было бы дать больше простора естественнымъ наукамъ, преподаваніе которыхъ легко сдѣлать нагляднымъ. Если при этомъ составить школьное распредѣленіе уроковъ съ такимъ расчетомъ, чтобы наиболѣе трудные приходились на начало учебнаго дня, а затѣмъ шли все болѣе и болѣе легкіе—то этимъ тоже было бы оказано немалое противодѣйствіе школьному переутомленію. Школьный день долженъ всегда заканчиваться такими предметами, которые требуютъ не слишкомъ большого умственнаго напряженія, на примѣръ уроками рисованія, чистописанія, рукодѣлія, танцами или вообще такими, которые нравятся дѣтямъ и потому не утомляютъ ихъ. Школьному переутомленію далѣе въ высшей степени благоприятствуетъ тотъ душный, грязный, спертый воздухъ, которымъ дѣвочки дышатъ въ классахъ.

Извѣстно всѣмъ, какъ дурно дѣйствуетъ спертый воздухъ на организмъ человѣка. Даже въ театрѣ, присутствуя на какомъ либо интересномъ представленіи, можно чувствовать себя чрезвычайно утомленнымъ, если воздухъ наполненъ продуктами выдыханія и пылью. А вѣдь при этомъ дѣло идетъ о взрослыхъ людяхъ, у которыхъ потребность въ кислородѣ и чистомъ воздухѣ не такъ велика, какъ у дѣтей, къ тому-же собравшихся не для напряженной умственной работы, а для развлечения. Если хорошенько позаботиться объ удовлетворительной вентиляціи школьныхъ помѣщеній, о чистотѣ воздуха въ классахъ, то и количество такъ называемыхъ „школьныхъ головныхъ болей“, и число переутомленныхъ дѣтей уменьшится въ значительной степени. Когда въ школьную программу будутъ введены игры, физическія упражненія на открытомъ воздухѣ, — это тоже будетъ въ высокой степени содѣйствовать укрѣпленію общаго здоровья и успокоенію нервной системы. Ничто такъ благотворно не дѣйствуетъ на нервную систему, какъ цѣлесообразныя физическія упражненія. Этого нельзя сказать о гимнастикѣ, которая требуетъ со стороны исполнителей большого вниманія и потому можетъ сильно утомлять, слѣдовательно вмѣсто пользы принести вредъ, такъ какъ приведетъ къ двойному утомленію. Необходимо, чтобы подвижныя игры доставляли дѣтямъ удовольствіе, только тогда онѣ будутъ служить отдохновеніемъ. Поэтому весьма важна роль руководителя или руководительницы этихъ игръ. Необходимо, чтобы они прониклись важностью своей задачи и притомъ относились бы къ своему дѣлу съ любовью и терпѣніемъ. Необходима отмѣна экзаменовъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ которой они практикуются въ настоящее время. Мы раньше видѣли, какъ сильно дѣйствуютъ особенно выпускные экзамены на болѣе слабыхъ нервныхъ дѣвушекъ, надолго разстраивая равновѣсіе ихъ нервной системы. Ничего не давая въ замѣнъ, экзамены эти разрушаютъ наиболѣе дорогое для женщины достояніе—ея здоровье. Но вѣдь не даромъ говорится, что здоровье женщинъ есть богатство народовъ. Поэтому, если школа будетъ выпускать въ свѣтъ слабыхъ, нервныхъ женщинъ, то она тѣмъ самымъ станетъ подрывать благосостояніе всего народа. Наконецъ система задаванія и приготовленія уроковъ тоже требуетъ пересмотра и реформы.

Изъ моихъ словъ однако отнюдь не слѣдуетъ выводить того заключенія, что я требую устраненія изъ школьной жизни всего труднаго, всего требующаго извѣстнаго напряженія энергіи, извѣстной умственной работы. Такая школа была-бы, пожалуй, хуже нынѣ существующей. Школа должна не только учить, но и воспитывать, — воспитывать людей сильныхъ духомъ и тѣломъ, а это невозможно безъ извѣстной дисциплины и безъ серьезнаго труда. Школа должна требовать отъ ученицъ, чтобы онѣ серьезно и сознательно работали, чтобы онѣ даже уставали (такъ какъ безъ усталости нѣтъ настоящей работы), но чтобы работа эта давала дѣвушкамъ извѣстное нравственное удовольствіе, а усталость отнюдь не превращалась въ переутомленіе. И школа, и семья не должны выпускать въ жизнь больныхъ тѣломъ и слабымъ духомъ женщинъ. Ничто не вліяетъ такъ тлетворно на нервную систему, какъ отсутствіе дисциплины, строгой послѣдовательности и выдержанности въ воспитаніи дѣтей. Энергичный человѣкъ легко можетъ взять верхъ надъ своими нервами и не дать себѣ, какъ выражаются, распуститься. Школьная программа должна быть строго обдуманна, въ ней не должно быть ничего лишняго, но за то все, что въ ней стоитъ, дѣйстви-

тельно должно быть пройдено основательно и серьезно, безъ малѣйшаго послабленія. Отсутствіемъ выдержки мы не рѣдко грѣшимъ не только въ семьѣ, гдѣ это случается на каждомъ шагу, но и въ школѣ. Школа для дѣвочки должна быть храмомъ, куда бы она шла не только съ радостью, но и съ благоговѣніемъ. Система отмѣтокъ, практикуемая теперь, тоже должна быть оставлена, такъ какъ отмѣтки вызываютъ нерѣдко чувство обиды, зависти, нервнаго раздраженія и возбужденія, чувство злобы на учителей и учительницъ,—однимъ словомъ, вызываетъ рядъ такихъ ощущений, которыя въ школьной жизни должны быть строго избѣгаемы. Точно также должны быть уничтожены всякіе знаки поощренія, до медалей включительно. Сколько здоровья тратится на добываніе этихъ медалей, причемъ любознательность и любовь къ наукѣ отступаютъ на самый послѣдній планъ, давая мѣсто честолюбію, и честолюбію совершенно нелогичному и нецѣлесообразному, такъ какъ золотая медаль напр. никакихъ особенныхъ преимуществъ дѣвушкамъ не даетъ, но за то причиняетъ много-много зла ихъ здоровью!

Работа изъ-за хорошихъ отмѣтокъ и медалей въ высшей степени способствуетъ переутомленію, а слѣдовательно и ослабленію нервной системы.

О вредномъ вліяніи такъ называемыхъ добавочныхъ предметовъ, т. е. уроковъ рисованія, музыки, иностранныхъ языковъ и т. д. было уже сказано выше. Разъ не будетъ на домъ задаваться уроковъ, то дѣло и съ добавочными предметами уладится само собою. Очень важно, какъ объ этомъ было уже упомянуто, чтобы преподаваніе этихъ предметовъ сообразовалось со способностями дѣвочки. Нѣтъ ничего хуже, какъ *принуждать* ребенка учиться музыкѣ, если при этомъ нѣтъ не только таланта, но ни способности, ни призванія, ни музыкальнаго слуха. Такое насиліе, причиняемое организму, въ большинствѣ случаевъ не проходитъ даромъ и тяжело отзывается на нервной системѣ. Каждая музыкально-образованная мать сама можетъ разобраться, есть ли у ея дочери хоть какая нибудь способность къ музыкѣ. Если нѣтъ, то лучше и не мучить ребенка и щадить его нервную систему, которая въ высшей степени сильно разстраивается тѣми уроками игры на роялѣ, которые теперь практикуются почти въ каждой семьѣ. Но разъ у ребенка есть призваніе, а тѣмъ болѣе если у него есть талантъ къ музыкѣ, то никакого принужденія и не потребуются, и ребенка самого нельзя будетъ оторвать отъ инструмента. Такая работа конечно утомлять его не будетъ. Само собой разумѣется, то-же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ отрасляхъ искусства или вообще знанія. Есть дѣти, которымъ чрезвычайно легко даются языки, и потому практическіе уроки иностранныхъ языковъ, вызывая въ ребенкѣ извѣстное удовольствіе, не будутъ его утомлять. Каждая мать или воспитательница и должны поставить себѣ задачей внимательно и вдумчиво слѣдить за ребенкомъ, подмѣчать особенности его физической и умственной жизни и предъявлять ему лишь такія требованія, которыя онъ въ состояніи выполнить, не переутомляясь. Это — великая задача воспитанія. Если, какъ мы видѣли, школа наша поставлена неправильно и преподаваніе въ ней вызываетъ сильное утомленіе головного мозга и всей нервной системы вообще, то хоть дома долженъ компенсироваться тотъ вредъ, который наносится нервной системѣ школою. Добавочныя же занятія обыкновенно къ одному уже и безъ того сильному утомленію прибавляютъ другое — и въ результатѣ получается весьма печальный финалъ въ видѣ болѣе

или менѣе глубокаго разстройства нервной системы. Нисколько не поощряя въ дѣтяхъ праздности, надо сумѣть такъ комбинировать занятія, чтобы по возможности въ ребенкѣ поддерживалось веселое и жизнерадостное настроеніе — этотъ самый сильный врагъ неврастенія и истеріи. Ранѣе было упомянуто, что наиболѣе успокоительное на нервную систему дѣйствіе производятъ разныя физическія упражненія на открытомъ воздухѣ: плаваніе, бѣганье на конькахъ, иногда велосипедная ѣзда, лыжный спортъ, игры въ лаунъ-теннисъ, крокетъ и т. п. Относительно велосипедной ѣзды для дѣвушекъ я здѣсь должна сдѣлать нѣкоторую оговорку, а именно: велосипедная ѣзда полезна далеко не всѣмъ дѣвушкамъ или дѣвочкамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше ея не пользоваться. Періодъ наиболѣе сильнаго роста организма наименѣе пригоденъ для велосипедной ѣзды. Въ это время организмъ предъявляетъ слишкомъ усиленныя требованія къ сердцу, заставляя его работать съ чрезвычайною напряженностью. Въ этотъ періодъ жизни дѣвочка ощущаетъ частое сердцебиеніе и страдаетъ одышкою при сколько нибудь сильныхъ движеніяхъ, велосипедная же ѣзда легко вызываетъ переутомленіе сердца, при томъ почти не замѣтно для катающагося. Послѣ усиленной ѣзды не разъ замѣчалось *острое* расширеніе сердца, которое спустя нѣсколько часовъ исчезало, и границы сердца вновь становились нормальными. Если, несмотря на подобную серьезную аномалію продолжать усиленно ѣздить на велосипедѣ, то въ концѣ концовъ это въ началѣ лишь временное расширеніе сердца можетъ сдѣлаться постояннымъ, и постепенно разовьется порокъ сердца. Это явленіе наблюдается у взрослыхъ и здоровыхъ людей при злоупотребленіи велосипедной ѣздой. Что касается до растущей дѣвушки, въ возрастѣ отъ 12—15 лѣтъ, у которой границы сердца и безъ того уклоняются отъ нормы, то здѣсь велосипедная ѣзда — даже, казалась бы и умѣренная, — можетъ быстро повести къ сильному переутомленію сердца со всѣми его фатальными послѣдствіями. Точно также и періодъ полового развитія требуетъ извѣстной осторожности въ пользованіи велосипедомъ. Но, такъ какъ усиленный ростъ организма нерѣдко совпадаетъ съ періодомъ полового развитія и въ нашемъ климатѣ наступаетъ на 13-мъ — 16-мъ году жизни, то вотъ именно этотъ-то возрастъ дѣвочки и требуетъ наибольшаго къ себѣ вниманія со стороны матери или воспитательницы. Къ несчастію, наши дѣвочки такъ обременены школьными занятіями, что имъ трудно бываетъ найти свободный часокъ для игръ и *здоровыхъ* развлеченій.

Для здоровыхъ — да, трудно, но какъ-то такъ бываетъ, что для развлеченій, вредно вліяющихъ на организмъ и на нервную систему, напр. для посѣщенія баловъ, вечеровъ, театральныхъ зрѣлищъ и т. д., всегда находится времени вполне достаточно. Большая часть театральныхъ зрѣлищъ дѣйствуетъ очень вредно на нервную систему дѣвочки, не говоря уже о томъ, что всѣ спектакли у насъ въ Россіи кончаются очень поздно. Даваемая теперь въ театрѣ пьесы рѣдко оставляютъ послѣ себя бодрящее, здоровое впечатлѣніе. Чаще всего содержаніе театральныхъ пьесъ вертится на разныхъ перепетіяхъ любовной страсти, измѣны супруговъ и т. п., что можетъ только вредно дѣйствовать на нервы дѣвушекъ, вызывая въ нихъ преждевременное любопытство къ такимъ явленіямъ жизни, которыя не соотвѣтствуютъ ни ихъ возрасту, ни развитію ихъ организма. Пьесы классическаго репертуара и историческія, конечно, не могутъ въ большинствѣ случаевъ оказывать

дурное вліяніе на организмъ дѣвушки, но духота театральнаго зала и поздній вечерній часъ все же принадлежать къ числу негигіеническихъ сторонъ театра. Вообще строгій выборъ пьесъ для дѣвушекъ и дѣвочекъ необходимъ, и грязный, хотя и веселый, фарсъ не останется безъ вреднаго вліянія на сколько нибудь живую и наблюдательную дѣтскую натуру.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о чтеніи. Чтеніе многихъ современныхъ романовъ вредно можетъ отозваться на наклонностяхъ, характерѣ и нервной системѣ дѣвушекъ. Только очень и очень обдуманно слѣдуетъ давать книги въ ихъ руки. Никто не сможетъ взвѣсить или вычислить всего того вреда, который грязные романы принесли современной женщинѣ,—но тѣмъ не менѣе вредъ этотъ несомнѣненъ, и его отрицать нельзя. Очень часто дѣвочки съ жадностью читаютъ все, что имъ попадаетъ подъ руку, — и многимъ матерямъ эта любознательность доставляетъ большое удовольствіе и удовлетвореніе. Значеніе книгъ въ дѣлѣ воспитанія отрицать нельзя,— оно велико и при *надлежащемъ выборѣ* книгъ чтеніе вліяетъ въ высшей степени благотворно, но только при *надлежащемъ* выборѣ. Даже и при этомъ условіи чрезмѣрное чтеніе имѣетъ свои невыгодныя стороны. Во первыхъ, оно требуетъ неподвижности тѣла: дѣвочка каждую свободную минуту сидитъ гдѣ нибудь въ уютномъ мѣстечкѣ и читаетъ. Во вторыхъ, оно вызываетъ напряженіе глазъ, что въ концѣ концовъ можетъ повести къ близорукости, особенно, какъ это часто бываетъ, если чтеніе это производится при недостаточномъ освѣщеніи. Въ третьихъ, дѣвочка совершенно отучается наблюдать. Много читающія и мало живущія настоящею жизнью дѣлаются близорукими не только физически, но и умственно, а это конечно невыгодно отзывается на всей жизни дѣвушки.

Вина того, что большая часть нашихъ дѣтей растетъ въ условіяхъ неблагоприятныхъ для правильнаго развитія организма, для сохраненія и поддержанія здоровья, лежитъ въ маломъ распространеніи гигиеническихъ знаній. Поэтому даже въ очень состоятельныхъ семьяхъ дѣти иногда живутъ среди очень негигіеничной обстановки, какъ физической, такъ и моральной. Гигіенѣ въ ряду учебныхъ предметовъ слѣдуетъ дать болѣе обширное и болѣе почетное мѣсто, чего она по справедливости вполне заслуживаетъ. Сравнительно столь медленное распространеніе знаній, входящихъ въ область гигиены, надо отнести именно почти къ полному пренебреженію этой важной науки. Не только у насъ въ Россіи, но и въ западной Европѣ только за самое послѣднее время стали обращать вниманіе напр. на гигиеническую постройку школъ, на достаточное и цѣлесообразное освѣщеніе ихъ, на величину классныхъ комнатъ, на вентиляцію. Точно такъ же сравнительно недавно заговорили и о необходимости тѣлесныхъ упражненій и игръ на свѣжемъ воздухѣ. По аналогіи съ прошлымъ надо рассчитывать, что мы снова отстанемъ въ этой области отъ странъ съ болѣе старою культурою. Преподаваніе гигиены, по инициативѣ Е.И.В. Принцессы Ольденбургской, у насъ введено въ видѣ опыта лишь въ гимназіяхъ вѣд. учрежд. Императрицы Маріи. Это доброе начало, которому, надо надѣяться, въ скоромъ времени послѣдуетъ и мин. народ. просвѣщенія. Введеніе гигиены въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ тоже въ высшей степени необходимо и желательно. При этомъ конечно важно, чтобы преподаваніе гигиены было обставлено, какъ слѣдуетъ, т. е. достаточно наглядно. Одни слова, какъ бы они ни были краснорѣчивы, при преподаваніи этой важной науки неубѣдительны, недостаточны и даже не дадутъ тѣхъ результатовъ, кото-

рыхъ можно ждать отъ изученія гигиены въ надлежащей постановкѣ.

Заграницей отлично понимаютъ важное значеніе гигиеническихъ знаній,—преподаваніе этой науки вводится во всѣ учебныя заведенія, мужскія и женскія, высшія и нисшія. Теперь, когда гигиеническія знанія такъ скудны, или, вѣрнѣе сказать, когда даже среди образованныхъ классовъ общества о нихъ почти и понятія не имѣютъ, устроить свою жизнь на гигиеническихъ началахъ въ высшей степени трудно. Начиная съ квартиры и кончая одеждой, все требуетъ преобразованія, чтобы было соблюдено соотвѣтствіе съ законами здравоохраненія.

Улучшеніе здоровья женщины вообще и укрѣпленіе и оздоровленіе ея нервной системы въ частности только тогда пойдетъ съ надлежащей энергіей и быстротой, когда за это дѣло возьмется правительство и вообще лица, власть имѣющія. Значеніе частнаго почина конечно также отрицать нельзя, и энергичный человекъ многое можетъ сдѣлать, многого можетъ достигнуть, именно благодаря своей настойчивости и энергіи, какъ въ своей личной жизни, такъ и на общественномъ поприщѣ. Но все таки это будутъ лишь единичные случаи, не имѣющіе большого вліянія на все теченіе общественной жизни. Между тѣмъ зло назрѣло и достигло громадной силы,—это всѣ понимаютъ, съ этимъ всѣ согласны.

Число нервныхъ женщинъ черезчуръ велико, чтобы оно не пугало мыслящаго и наблюдательнаго человека. Что будетъ дальше, если развитіе нервнои и нервныхъ болѣзней все будетъ усиливаться? Какова будетъ будущность общества? Какія будутъ грядущія поколѣнія? И теперь уже всѣ дома для душевнобольныхъ переполнены, множество психическихъ больныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, не находятъ себѣ въ нихъ ни пріюта, ни надлежащаго ухода. А сколько теперь женщинъ истеричныхъ и неврастеничныхъ! Нѣтъ почти ни одной интеллигентной семьи, гдѣ бы не было подобной больной, хотя болѣзнь можетъ выражаться различнымъ образомъ, иногда только чрезмѣрною возбужденностью и раздражительностью, относительно которыхъ затрудняешься, куда ихъ отнести,—къ ослабленію ли нервной энергіи, или просто къ невыдержкѣ, къ дурному характеру. Нервныя женщины произведутъ конечно и дѣтей съ наклонностями къ нервнымъ заболѣваніямъ, иногда прямо съ прирожденною болѣзненною слабостью нервовъ.

Составляютъ-ли перечисленныя причины нервнои женщинъ нашу національную особенность, или же онѣ одинаковы съ причинами, наблюдающимися среди заграничныхъ женщинъ? Число нервныхъ женщинъ несомнѣнно увеличивается заграницею. Имущественное положеніе многихъ женщинъ въ Западной Европѣ обыкновенно хуже, чѣмъ у насъ. Вліяніе наркотическихъ ядовъ тамъ не менѣе, а въ большинствѣ случаевъ даже болѣе сильно, чѣмъ у насъ. Злоупотребленіе алкогольными напитками и табакомъ тамъ встрѣчается въ высшей степени часто. Особенно велико число нервныхъ и истеричныхъ женщинъ среди французенокъ. Франція, надо сознаться въ этомъ, несомнѣнно идетъ къ вырожденію, и, если тамъ не будетъ обращено вниманіе на надлежащее воспитаніе и образованіе женщины, на укрѣпленіе ея здоровья, на оздоровленіе ея нервной системы, если привольный взглядъ на женщину, столь обычный во Франціи, не уступитъ мѣста серьезному отношенію къ ней, стремленію развитъ ее, то несомнѣнно, что въ сравнительно короткое время французская нація сойдетъ съ исторической сцены, какъ сошли съ этой сцены древніе греки и римляне. Иногда ничего нельзя подѣлать съ тѣмъ

разрушеніемъ организма, которое производитъ болѣзнь въ человѣкѣ. Несмотря на то, что въ защиту жизни поднимаются природныя силы организма, болѣзнетворныя начала иногда бываютъ такъ сильны, что организмъ не въ состояніи съ ними справиться, — и человѣкъ погибаетъ. Тоже происходитъ и съ цѣлыми государствами. Несмотря на борьбу отдѣльныхъ личностей съ разными вредными и нездоровыми сторонами общественной жизни, общее направленіе ея таково, что они ничего не могутъ подѣлать, и весь народъ неудержимой силою вещей стремится къ гибели и смерти. О Россіи этого сказать нельзя. Это молодой, крѣпкій, полный силы организмъ, болѣзнь не можетъ его осилить, и, сдѣлавъ надлежащее усиліе, мы можемъ оздоровить и укрѣпить общественное здоровье, которое всецѣло зависитъ отъ состоянія здоровья женщины.

На нашу русскую женщину несомнѣнно наложилъ извѣстное клеймо переломъ, вызванный отмѣною крѣпостного права, съ которымъ мы еще такъ недавно разстались. Въ прежнее время, когда дворянство наше жило все время или-же большую часть года въ помѣстьяхъ, дѣвочки росли несомнѣнно въ гораздо лучшихъ *физическихъ* условіяхъ, чѣмъ теперь. Деревенская свобода, правильная жизнь, здоровый воздухъ, отсутствіе умственного переутомленія, — это все такіе факторы, которые оказывали благопріятное вліяніе на нервную систему дѣвочекъ и ея общее здоровье. Правда, нравственная атмосфера въ то время вліяла въ большинствѣ случаевъ подавляющимъ образомъ на психическую сторону женщины, — и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ женщина была лучше, интеллигентнѣе, впечатлительнѣе. Но все-же дѣти въ то время выросли въ несравненно лучшихъ физическихъ условіяхъ, чѣмъ дѣти современной интеллигенціи, когда всѣ покинули помѣстья, разстались съ землею и перѣехали на городское житъе. Переходное время, когда люди еще не могли приспособиться къ новымъ условіямъ существованія, когда вдругъ появилась забота о хлѣбѣ насущномъ и о завтрашнемъ днѣ, которая въ крѣпостное время не сказывалась съ такою неотразимостью сейчасъ же отразилось на здоровьѣ слѣдующихъ поколѣній. Теперь внучки и правнучки бывшихъ богатыхъ помѣщиковъ должны жить и расти въ городѣ, въ негигіеничной обстановкѣ, безъ воздуха и солнечнаго свѣта, а сдѣлавшись взрослыми, взять на себя тяжелое бремя материнскихъ заботъ. Поэтому здоровье ихъ пошатнулось и нервная система ослабѣла, — наступила эпоха истеричныхъ и неврастеничныхъ женщинъ. Государство, принявъ на себя заботу о воспитаніи женщины, должно позаботиться не только объ охраненіи ея здоровья, но и объ укрѣпленіи его. Укрѣпить это здоровье необходимо, такъ какъ оно ослаблено съ момента рожденія, — или даже съ момента *зарожденія*, — разными неблагопріятными внѣшними и внутренними причинами. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ дѣвушки не только получаютъ образованіе, но гдѣ онѣ живутъ, т. е. въ институтахъ, особенно важно поставить дѣло дѣйствительно строго гигиенично. Въ такихъ случаяхъ институты не только бы охранили и укрѣпили здоровье женщины, но и служили бы кромѣ того прекрасными практическими школами гигиены. Дѣвочки не только бы жили въ здоровой обстановкѣ, но онѣ наглядно обучились бы наукѣ объ охраненіи здоровья, этой самой важной изъ всѣхъ наукъ и знаній. А между тѣмъ, — увы! — наши институты не только не охраняютъ и не укрѣпляютъ здоровья вѣрннхъ ихъ попечительству дѣвочекъ, — они очень часто вліяютъ на него вреднымъ образомъ. Число слабыхъ здоровьемъ и нервами ученицъ съ

годами пребыванія въ ихъ стѣнахъ не уменьшается, а увеличивается. Правда, иногда природа беретъ свое и, несмотря на неблагопріятную гигиеническую обстановку, здоровье дѣвушки крѣпнетъ. Но на этихъ дѣвицъ надо смотрѣть не какъ на правило, а какъ на счастливыя исключенія. Въ общемъ же уровень здоровья дѣвочекъ въ институтахъ ухудшается. Требуется строгій пересмотръ всей обстановки этихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывается болѣе четырнадцати тысячъ дѣвочекъ и дѣвушекъ. Вліяніе открытыхъ учебныхъ заведеній на физическое и нравственное здоровье дѣтей конечно гораздо слабѣе, но и тутъ школа безъ сомнѣнія можетъ сдѣлать многое. Уроки школы тогда только будутъ благотворны и принесутъ ту пользу, которой отъ нихъ ожидаютъ, когда теорія и практика пойдутъ рука объ руку. Нельзя дѣвочкамъ внушить довѣріе къ пользѣ физическихъ упражненій, если на самомъ дѣлѣ онѣ ими никогда не пользуются. Нельзя заставить ихъ серьезно относиться къ требованіямъ гигиены одежды, если отъ нихъ никто не требуетъ свободнаго, ловко сидящаго платья, а среди своихъ учительницъ и классныхъ дамъ онѣ видятъ только дурной примѣръ въ этомъ отношеніи.

Только широкое распространеніе гигиеническихъ познаній во всѣхъ классахъ общества, серьезная постановка преподаванія гигиены въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, изученіе науки о здравоохраненіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ поведетъ къ улучшенію общественнаго здоровья вообще и къ укрѣпленію нервной системы въ частности.

Женщины могутъ и сами многое сдѣлать для благопріятнаго разрѣшенія этого жгучаго вопроса. Мы на многочисленныхъ примѣрахъ видимъ, какъ много значить частная инициатива, какъ вслѣдъ за отдѣльнымъ энергичнымъ лицомъ, берущимъ на себя починъ, идетъ цѣлое общество. Вспомнимъ хотя бы учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, которые основаны были немногими твердо проникнутыми сознаніемъ правоты своего дѣла лицами, — и вотъ высшіе курсы окрѣпли, процвѣтаютъ и понемногу начинаютъ прививаться и въ другихъ городахъ Россіи... Такихъ примѣровъ можно привести множество.

Пусть женщины учреждаютъ частныя учебныя заведенія, въ которыхъ постановка дѣла была бы благопріятна укрѣпленію здоровья воспитывающихся въ нихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ, — это самое главное за что надо прежде всего взяться. Добрые результаты будутъ видны воочію, и несомнѣнно, что такія училища встрѣтять и симпатіи общества, и его поддержку. Кромѣ того, взрослыя женщины и дѣвушки пусть серьезно примутся за изученіе гигиены, чтобы проводить эти знанія въ жизнь и служить добрымъ примѣромъ для окружающихъ. Никакая медицинская помощь немыслима тамъ, гдѣ пренебрегается гигиена. И, наоборотъ тамъ, гдѣ гигиенѣ отведено соотвѣтствующее ея значенію мѣсто, медицина даже будетъ отступать на второй планъ, т. е. тамъ будетъ меньше слабыхъ и больныхъ. Женщины должны помнить, какъ велико можетъ быть ихъ вліяніе на все общество, — онѣ должны проникнуться сознаніемъ, что ихъ долгъ и обязанность подумать о будущихъ поколѣніяхъ и сдѣлать въ этомъ смыслѣ все, что только для нихъ возможно, все, что только онѣ въ силахъ сдѣлать, а будущія поколѣнія женщинъ, конечно, не забудутъ имени тѣхъ, которыя первыми взялись за великое дѣло охраненія здоровья женщины.

За что?

(Нѣсколько словъ о воскресн. школахъ).

Тотъ, у кого чутка совѣсть, не можетъ жить спокойно, заботясь лишь объ удовлетвореніи личныхъ своихъ потребностей; его тревожитъ постоянное сознание того, что тутъ, рядомъ съ нимъ, живутъ люди въ худшихъ, чѣмъ онъ, условіяхъ,—люди, которымъ онъ можетъ быть полезенъ. И вотъ такой человѣкъ вступаетъ въ работу, имѣющую цѣлю облегчить положеніе своего ближняго. Каждый выбираетъ себѣ родъ работы по своимъ вкусамъ и взглядамъ, каждый удѣляетъ ей время по мѣрѣ силъ—одинъ больше, другой меньше. И мы видимъ ряды людей, которые, только-только разставшись со школьной скамьей, а иногда еще и не вполне покончивъ съ ученіемъ, идутъ между прочимъ въ просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, созданныя усиліями частныхъ лицъ. Пускай взгляды у нихъ еще не выработаны, пускай вкусы ихъ не опредѣлились—это придетъ со временемъ и, можетъ быть, повернетъ ихъ на другой путь; но ихъ гонитъ сюда то лучшее, что есть въ натурѣ человѣка, то, что мѣшаетъ ему *заспокоиться* на личномъ благѣ. Это лучшее живетъ въ человѣкѣ,— намъ хотѣлось бы сказать „въ *каждомъ* человѣкѣ“, еслибы мы не боялись упрека въ излишнемъ оптимизмѣ; только часто оно такъ глубоко зарыто всякими наносными впечатлѣніями и вліяніями, что иной разъ такъ и не проснется, — вѣдь жизнь то слишкомъ неприглядна, слишкомъ узка, слишкомъ давить,—всякій попадаетъ въ ея тиски, всякій калѣчится, уродуется ею, большинство подчиняется, даже порабощается ея требованіями, и только наиболѣе сильные выносятъ изъ этой борьбы чуткое сознание того, что есть что то выше личнаго благополучія. Они ищутъ практическаго примѣненія этому сознанию и въ своихъ поискахъ часто наталкиваются на наши общественныя учрежденія, въ которыхъ и приступаютъ къ работѣ. Конечно, далеко не у всѣхъ стремленіе поработать для другихъ такъ сознательно, такъ ясно: иныхъ гонитъ лишь какое то смутное чувство неудовлетворенности, но и для нихъ, въ большинствѣ случаевъ, наступаетъ проясненіе, и тогда они дѣлаются болѣе цѣнными работниками.

Между учрежденіями, созданными частной инициативой, видно мѣсто занимаютъ воскресныя школы, которыя мы смѣло называемъ дѣломъ русской интеллигентной женщины: по послѣднимъ подсчетамъ среди участниковъ воскресныхъ школъ женщины составляютъ 39%. Для того, кто знакомъ съ организаціей воскресныхъ школъ, съ ихъ духомъ, вполне ясно, почему онѣ такъ привлекательны для молодыхъ силъ: это прежде всего учрежденія свободныя въ томъ отношеніи, что съ обѣихъ сторонъ люди идутъ туда

по своей волѣ, безъ всякаго принужденія. Однихъ гонитъ желаніе учиться, другихъ—учить, одни приходятъ получать знанія, другіе — дѣлиться своими знаніями съ тѣми, кто ими обездоленъ. Это добровольное участіе въ дѣлѣ создаетъ атмосферу, въ которой легко работается. Стоитъ войти въ дружную, веселую толпу, наполняющую воскресную школу, взглянуть въ этихъ людей, стремящихся къ знанію, чтобы проникнуться искреннимъ желаніемъ внести въ это дѣло и свою долю работы. Слѣдя за развитіемъ воскресныхъ школъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что большинство школъ переполняется учащимися тотчасъ по открытіи, было бы только мѣсто и преподаватели. Мы знаемъ случаи, когда сразу желающихъ поступить въ школу являлось больше, чѣмъ она можетъ вмѣстить; такъ напр. въ м. Смѣлѣ, Кіевской губ., извѣстіе объ открытіи воскресной школы вызвало 400 желающихъ поступить въ нее, мужчинъ и женщинъ, все взрослыхъ; принять оказалось возможнымъ только 200. И это случай далеко не единичный.

Народъ стремится въ школу,—это теперь не требуетъ уже доказательствъ, это признано всѣми. Онъ стремится къ знанію, отдавая ученью единственный свой свободный день, забывая только что пройденную тяжелую трудовую недѣлю, отрывая время отъ сна и отдыха. Для иллюстраціи беремъ выдержку изъ дневника учительницы одной изъ провинціальныхъ воскресныхъ школъ: „Господи“, пишетъ она про одного изъ своихъ взрослыхъ учениковъ: „что за упрямая настойчивость и желаніе учиться и учиться у этого человѣка! Нѣсколько разъ ему отказывали отъ мѣста, такъ какъ нерѣдко онъ бросалъ хозяйское дѣло и, присѣвъ гдѣ нибудь за бочкой или на краю гряды, углублялся въ книгу или тетрадь. Уроковъ никогда не пропускалъ. Только разъ во время ростепели не пришелъ мой Черный; въ слѣдующее воскресенье опоздалъ такъ, что почти пропустилъ двухчасовой урокъ русскаго языка. „Что это, спрашиваю, Черный? совсѣмъ на тебя не похоже!“ — „По низинамъ у насъ вода не пускаетъ. А прошлый разъ я чуть не затопъ: выше брюха было, такъ я и вернулся“. Смотрю на него—онъ весь мокрый. „Какія низины? Что это ты рассказываешь?“ (Городъ на горѣ стоитъ). „А я давно уже не въ городѣ,—отвѣчаетъ,—а въ П—нѣ. Съ солнцемъ вышелъ, а все таки опоздалъ, — трудно теперь очень брести“. — „А что, спрашиваю, ты берешь что нибудь съ собой поѣсть? Вѣдь пока теперь доберешься опять домой, будетъ совсѣмъ темно“. — „Нѣтъ, отвѣчаетъ, изъ экономіи хлѣба не даютъ, а я тутъ договорился у одного сапожника,—по 20 к. за воскресенье, и меня кормятъ“.

„П—но отстоитъ отъ города за 12½ верстѣ. Итакъ, чтобы пользоваться уроками, Черный послѣ трудовой недѣли дѣлалъ въ воскресенье 25 верстѣ пѣшкомъ и за кормленіе платилъ 80 коп. въ мѣсяцъ, что при четырехрублевомъ жалованіи составляетъ почти четверть мѣсячнаго содержанія. Очевидно уроки обходились ему недешево. Зато и дорожилъ же онъ ими! Стоило ему только уткнуть носъ въ книгу или тетрадь, все окружающее переставало для него существовать: что бы ни говорили вокругъ него, кто бы ни проходилъ, онъ никогда не подымалъ головы. Отъ насъ онъ требовалъ не менѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу.“

Въ отчетѣ тифлисской школы мы читаемъ: „Вотъ молоденькая дѣвушка—швея, очень красивая, круглая сирота; въ модномъ магазинѣ, гдѣ она работаетъ, она видитъ только самыя непривлекательныя стороны жизни. Однажды ее увидѣла на улицѣ горько плачущей одна дама, приняла въ ней участіе, позвала ее къ себѣ и спросила, въ чемъ она нуждается.—„Научи меня грамотѣ, и твое дѣло будетъ сдѣлано“, отвѣтила дѣвушка (она грузинка и несовсѣмъ владѣетъ русскимъ языкомъ), и та привела ее въ школу. Для Нины М—зе не существуетъ на свѣтѣ ничего, что бы такъ занимало ея мысли, такъ привлекало бы ее, какъ ученіе. Учиться и учиться—это ея единственное горячее желаніе. Послѣ длиннаго 12-ти-часоваго рабочаго дня она отправляется на другой конецъ города къ учительницѣ и безстрашно возвращается отъ нея въ 12-мъ часу ночи въ свою одинокую каморку“.

И откройте вы любой отчетъ воскресной школы, любую ученическую тетрадку, вы всякій разъ найдете что нибудь рисуемое эту жажду знанія, начиная отъ наивной фразы въ біографіи ученика: „занимаюсь каретнымъ ремесломъ и имѣю счастье быть ученикомъ воскресной школы“, и кончая цѣлымъ серьезнымъ трактатомъ о пользѣ просвѣщенія и своемъ отношеніи къ ученю.

Одни хотятъ учиться, другіе учить—какъ это просто! Казалось бы, что всякій,—и простой смертный, а тѣмъ болѣе власть имѣющій,—долженъ содѣйствовать этому. На дѣлѣ же оказывается противное, и воскресныя школы слишкомъ часто встрѣчаютъ желаніе какъ нибудь затормозить дѣло, какъ нибудь помѣшать ему, даже выдумать какое нибудь препятствіе, если подъ руку не подвертывается подходящаго. Человѣку непосвященному трудно даже и представить себѣ тотъ рядъ мытарствъ, который приходится пройти чуть-ли не всякому затѣвующему воскресную школу. Уже желаніе открыть школу въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а не въ духовномъ вѣдомствѣ,—желаніе, казалось бы, такое невинное, иногда встрѣчаетъ затрудненіе.—Помилуйте, съ какой стати разрѣшать лишнее учебное заведеніе, за которымъ надо наблюдать, брать на себя лишнюю обузу? Отъ нея всячески отрещиваются, и васъ направляютъ въ духовное вѣдомство, ссылаясь на циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 4 сентября 1891 года, по которому воскресныя школы отнесены къ этому вѣдомству вопреки Высочайше утвержденному Положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года, 2 ая и 10-ая статьи котораго причисляютъ всѣ воскресныя школы къ учрежденіямъ, разрѣшаемымъ инспекціей народныхъ училищъ. Тогда вы пытаетесь найти какую нибудь изъ ежедневныхъ школъ, при которой вы имѣете право открыть воскресную школу въ свѣтскомъ вѣдомствѣ. Не тутъ то было! Вы или не находите такой школы (вѣдь завѣдующіе начальными училищами люди маленькіе, трепещущіе передъ начальствомъ, да и какъ имъ не трепетать,—для нихъ тутъ

вопросъ о кускѣ хлѣба), или вамъ заявляютъ: да, вы можете открывать воскресную школу, но къ преподаванію въ ней мы допустимъ только учительскій персоналъ той школы, при которой вы открываете воскресную! Или случается еще что нибудь въ этомъ родѣ, вами не предусмотрѣнное. И вы, скрѣпя сердце, направляетесь въ духовное вѣдомство, гдѣ начинается новый рядъ хлопотъ, неудачъ, въ воскресающихъ, то потухающихъ надеждъ,—вы всячески изворачиваетесь, кланяетесь, льстите. И если черезъ годъ—два—и вы получаете разрѣшеніе на школу, то даже радость столь трудной побѣды не можетъ затушить въ васъ чувства нравственной тошноты отъ того ряда компромиссовъ, черезъ который вы прошли, причѣмъ несомнѣнно страдало въ васъ чувство человѣческаго достоинства, чувство правды и справедливости. И иной разъ невольно возникаетъ вопросъ,—да полно, стоитъ ли игра свѣчъ, имѣешь ли ты право унижать въ себѣ человѣка изъ за той микроскопической пользы, которую принесетъ твоя побѣда? Не больше ли ты теряешь, чѣмъ выигрываешь? И немудрено, что у многихъ не хватаетъ силы, а можетъ быть, вѣрнѣе, слабости пройти этотъ путь. Не одинъ махнетъ рукой на начатое дѣло и отойдетъ съ оскорбленнымъ чувствомъ поруганнаго добраго порыва. И вправѣ ли мы винить его?!

Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ объясненіе такого страннаго положенія вещей; это завело бы насъ слишкомъ далеко, да и было бы, пожалуй, врядъ ли исполнимо,—отчасти по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ. Но намъ кажется все же нелишнимъ дать здѣсь нѣсколько иллюстрацій именно такого положенія вещей, чтобы не вызвать упрека въ сгущеніи красокъ отъ тѣхъ, кто еще на собственныхъ своихъ плечахъ не извѣдалъ всей тяготы нашей дѣйствительности.

Большой вопросъ для воскресныхъ школъ это вопросъ о помѣщеніи. Ежедневныя учебныя заведенія весьма часто не даютъ своихъ помѣщеній подъ воскресныя занятія,—по какимъ мотивамъ,—право, не всякій пойметъ. Часто здѣсь говоритъ чувство собственника, не желающаго дѣлиться своимъ достояніемъ, часто ссылаются на порчу помѣщенія воскресниками, дорожа сохранностью половъ гораздо больше, чѣмъ открытіемъ новаго просвѣтительнаго учрежденія. И такой взглядъ составляетъ привиллегию далеко не однихъ глухихъ провинціальныхъ угловъ. Мы знаемъ, напр., что харьковская женская воскресная школа, пользующаяся широкой извѣстностью, въ 1889 году должна была начать свои занятія на два мѣсяца позже потому что въ занимаемомъ ею тогда помѣщеніи были выкрашены полы въ ожиданіи какого то высокопоставленнаго лица, для котораго они и должны были сохраняться во всей своей красотѣ. А на дняхъ намъ пришлось прочесть слѣдующее письмо одной изъ участницъ воскресной школы: „Эти два воскресенья, что я занималась, мнѣ пришлось свою группу неграмотныхъ въ 25 человѣкъ увести на школьный дворъ и тамъ, чертя на песокъ буквы и складывая тутъ же слова изъ разрозненной азбуки, учить подъ взорами любопытныхъ обывателей; иначе намъ пришлось бы заниматься, стоя въ тѣсной душной комнатѣ. Не знаю, какъ школа обставлена въ прочихъ отношеніяхъ, но заниматься безусловно трудно вслѣдствіе большого наплыва ученицъ и крайней тѣсноты помѣщенія“. Вы, можетъ быть, читатель, думаете, что рѣчь идетъ о какомъ нибудь захламленномъ городкѣ, гдѣ просторнаго школьнаго помѣщенія совсѣмъ и не имѣется. Нѣтъ, мы въ Москвѣ, гдѣ столько обширныхъ школьныхъ зданій, столько среднеучебныхъ за-

веденій, но... они не пускаютъ воскресныя школы въ свои стѣны. Какъ это просто! Но попробуйте сказать объ этомъ любому европейцу,—васъ или не поймутъ, или не повѣрятъ вамъ.

А вотъ еще мытарства по вопросу о помѣщеніи воскресной школы въ одной изъ большихъ станицъ области войска донскаго. При учрежденіи школы ее помѣстили въ церковно-приходской школѣ; это маленькій домикъ, имѣющій три комнаты, низкія и тѣсныя, и съ трудомъ помѣщающій въ себѣ 60 учениковъ. Воскресницъ было помѣщено тамъ 70, но заниматься оказалось чрезвычайно тяжело: учительницамъ дѣлалось дурно, ученицамъ также, дышать было нечѣмъ; притомъ приходилось отказывать цѣлой массѣ ученицъ по недостатку мѣста. Годъ кое какъ просуществовали; на слѣдующій рѣшили просить другое училище,—станичное, занимающее хорошей просторный домъ: въ верхнемъ этажѣ классы, внизу живетъ учитель. Онъ то и воспротивился допущенію въ это зданіе воскресной школы. Тогда школа стала проситься въ окружное училище, гдѣ тоже мѣста достаточно. Это было въ сентябрѣ. Между тѣмъ желающихъ поступить въ воскресную школу явилось больше ста. Надѣясь, что директоръ народныхъ училищъ дастъ помѣщеніе окружнаго училища, ученицамъ не отказывали, а такъ какъ школьная хата перваго помѣщенія не вмѣщала всѣхъ принятыхъ, то ихъ раздѣлили на двѣ партіи—съ одной занимались до двѣнадцати часовъ, съ другой послѣ двѣнадцати. Такъ бѣдствовали цѣлый мѣсяць. Наконецъ, директоръ народныхъ училищъ удостоилъ отвѣтить, что онъ находитъ „неудобнымъ“ помѣстить воскресную школу въ зданіи окружнаго училища. Почему? Аллахъ вѣдаетъ! Тогда, не обращая вниманія на нежеланіе учителя станичной школы, обратились прямо въ училищный совѣтъ, который и разрѣшилъ воскресной школѣ занять это помѣщеніе. Но учитель сталъ требовать, чтобы ему уплачивали 30 руб. на топливо и могущую потребоваться починку мебели вслѣдствіе порчи ея ученицами. Хотя школа и очень бѣдна, но согласились и на это. Прошло двѣ недѣли, и учитель сталъ требовать, чтобы воскресная школа платила ему уже 60 руб. Школа отказалась. Здѣсь мы опускаемъ, какъ предосторожностей должна была придерживаться школа, сколько неудобствъ испытывать для того, чтобы не беспокоить учителя. И тѣмъ не менѣе черезъ годъ, благодаря проискамъ и клеветамъ того-же учителя, училищный совѣтъ отказалъ школѣ въ помѣщеніи. Просили предсѣдателя совѣта, нельзя ли еще хоть одно воскресенье заняться, пока найдется помѣщеніе, но онъ отвѣтилъ: „ни одного воскресенья!“ И вотъ въ ближайшее воскресенье учительницы на площади разобрали свои группы: кто имѣлъ возможность, тѣ взяли своихъ ученицъ къ себѣ на квартиры и тамъ занимались, кто же не могъ, тѣ отправились въ домъ священника-распорядителя. Подъ впечатлѣніемъ этого воскресенья у одной изъ учительницъ вырывается прямо таки крикъ отчаянія въ видѣ слѣдующихъ строкъ: „Неужели же придется погибать нашей школѣ?!“ пишетъ она. „Я такъ огорчена, что даже захворала. Да нѣтъ! погубить наше дѣло мы не дадимъ! Мы поѣдемъ къ наказному атаману, къ попечителю въ крайнемъ случаѣ!“ Стали просить смотрительницу 4-хъ класснаго женскаго училища принять школу въ свое помѣщеніе, но, такъ какъ надо было опять обращаться къ тому самому директору народныхъ училищъ, который въ прошломъ году отказалъ, то надежда на успѣхъ была слаба. Однако послѣ долгихъ переговоровъ, просьбъ и даже поѣздки распорядителя къ директору школа получила помѣщеніе.

Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробности, мы изложили эту исторію кратко, опустивъ тотъ безконечный рядъ мелкихъ неприятностей, уколовъ, оскорбленій даже, которые пришлось перенести школѣ въ своихъ долгихъ поискахъ за помѣщеніемъ. Невольно напрашивается вопросъ: за что? Не за то же, что нѣсколько дѣвушекъ сговорились удѣлять часть своего времени для того, чтобы обучать бесплатно сотню-другую маленькихъ и большихъ работницъ, для которыхъ закрыть всякій другой способъ обученія?

Но вопросъ о помѣщеніи—вѣдь это только одна изъ многихъ сторонъ дѣла, одно изъ многихъ мытарствъ, переживаемыхъ воскресными школами. Иной разъ доходитъ дѣло до того, что самимъ участникамъ приходится закрыть школу. Мы знаемъ двѣ школы, мужскую и женскую, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, которыя энергично работали въ теченіе 8 лѣтъ, привлекая ежегодно въ общемъ до 300 учащихся. Правда, работа ихъ съ самаго начала шла не безъ неприятностей: такъ напр. послѣ перваго же года былъ отстраненъ отъ обязанностей священникъ, предсѣдатель педагогическаго совѣта школъ, успѣвшій полюбить дѣло и много работавшій въ немъ, — и устраненъ за рѣчь, произнесенную въ школѣ на тему о пользѣ просвѣщенія и показавшуюся мѣстному архіерею слишкомъ смѣлой. Въмѣсто него былъ назначенъ другой священникъ, тяготившійся дѣломъ настолько, что возбуждалъ даже вопросъ о закрытіи школъ, а когда это не удалось, просившій увольненія, о чемъ съ своей стороны ходатайствовалъ и совѣтъ школъ. Но со всѣмъ этимъ можно было еще мириться, и школы мирились, пока положеніе не стало невыносимымъ: архіерей поручилъ предсѣдателю совѣта упорядочить дѣло воскресныхъ школъ и привести ихъ въ лучшее положеніе. Не справляясь съ мнѣніемъ совѣта, священникъ, считая себя полновластнымъ предсѣдателемъ его и полномочнымъ устройтеlemъ судьбы воскресныхъ школъ, составилъ свой проектъ и вошелъ съ нимъ въ епархіальный училищный совѣтъ. Проектъ былъ принятъ и утвержденъ архіереемъ. По этому проекту совѣтъ, до тѣхъ поръ ведшій все дѣло, упразднился, а завѣдывать школами должны были исключительно священники, сносясь по всѣмъ вопросамъ съ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. При преподаваніи главное вниманіе должно было быть обращено на славянскій языкъ и церковное пѣніе; въ случаѣ недостатка преподавателей, предполагалось призывать воспитанниковъ высшихъ классовъ духовной семинаріи и воспитанницъ женскаго епархіальнаго училища. Что же касается прежнихъ преподавателей, создавшихъ дѣло, то имъ милостиво предлагали, если они того пожелаютъ, вступать преподавателями въ воскресныя школы, но не иначе однако, какъ по прошеніямъ, подаваемымъ въ епархіальный училищный совѣтъ. Въ отвѣтъ на такой проектъ преподаватели закрыли свои школы.

И сколько такихъ исторій переживается въ разныхъ концахъ нашего благословеннаго отечества! Случается, что изъ воскресной школы изгоняются грамотныя группы, такъ какъ начальству кажется, что достаточно, если учащіяся воскресныхъ школъ научатся кое-какъ читать и писать: вѣдь говорилъ же инспекторъ народныхъ училищъ одного изъ университетскихъ городовъ, посѣтивъ воскресную школу, что ему „симпатичнѣе всего группы неграмотныхъ и, *пожалуй*, малограмотныхъ ученицъ“ (странные вкусы!); а въ другомъ городѣ инспекторъ, изгоняя изъ воскресныхъ

школь грамотную группу, на протесты учительницы не усумнился изречь: „Положимъ, ученицы неграмотно пишутъ, а на что дѣвушкѣ грамотное письмо?“ Этотъ же инспекторъ въ концѣ концовъ добился закрытія школы, на что требовалось даже гражданское мужество, такъ какъ попечительницей школы состояла жена губернатора. Въ томъ же самомъ городѣ и архіерей отличался органическимъ отвращеніемъ къ воскреснымъ школамъ, такъ что сердился при одномъ упоминаніи о хлопотахъ по открытію воскресной школы. Благодаря такому единомыслию обоихъ вѣдомствъ, городъ былъ надолго застрахованъ отъ воскресныхъ школь.

И какихъ, какихъ только курьезовъ не бываетъ: то напр. при вопросѣ о разрѣшеніи воскресной школы ставится условіемъ, чтобы ни учителя, ни ученики не были членами общества трезвости; то не допускаются къ преподаванію лица, окончившія университетъ, на томъ основаніи, что они не имѣютъ званія народнаго учителя, и требуется, чтобы они сдавали соотвѣтствующій экзаменъ,—оказывается, что человекъ имѣетъ право преподавать въ гимназіи, въ воскресной школѣ—нѣтъ. Одинъ врачъ, ведшій въ воскресной школѣ бесѣды по гигиенѣ, былъ удаленъ за то, что „давно не говѣлъ“; а въ другомъ мѣстѣ свидѣтельство о благонадежности преподавателей оказалось недостаточно, и были потребованы свидѣтельства объ ихъ *церковности* (хотя бы ужъ о религіозности!). Въ одной воскресной школѣ было запрещено упоминать о мрачныхъ страницахъ русской исторіи, такъ напр. нельзя было говорить о царствованіи Іоанна Грознаго. Былъ случай, когда, послѣ отказа по всѣмъ инстанціямъ, учредительница обратилась съ прошеніемъ къ министру, прося, какъ милости, чтобы ей разрѣшили открытіе воскресной школы въ видѣ награды за ея 20-тилѣтнюю безкорыстную дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія; прошенію дали ходъ, и школа была открыта. Въ одномъ городѣ инспекторъ народныхъ училищъ разрѣшилъ воскресную школу, но это вызвало запросъ со стороны окружнаго начальства и даже почему то губернатора, и школу съ трудомъ отстояли,—и то только потому, что завѣдывалъ ею генералъ, а попечителями школы состояли предводитель дворянства и городской голова. Начальство ограничилось тѣмъ, что переименовало воскресную школу въ праздничную, а потомъ въ воскресные „классы“ и успокоилось... И на томъ спасибо!

Постоянно доходятъ свѣдѣнія о томъ, что начальники учебныхъ заведеній запрещаютъ своимъ преподавателямъ участвовать въ воскресной школѣ. Если это дѣлаетъ начальница епархіальнаго училища, какъ это имѣло мѣсто въ одномъ изъ университетскихъ городовъ, то это еще можно кое какъ понять, но когда такъ поступаютъ директора гимназій, то это выходитъ ужъ совсѣмъ зазорно. Впрочемъ въ одномъ случаѣ запрещеніе начальницы гимназіи носило даже характеръ весьма трогательной заботы объ учительницахъ: она находила, что учительницамъ не подобаетъ учить „мужиковъ“, это моль, народъ испорченный,—они, могутъ задавать такіе вопросы, на которые учительницы не найдутся отвѣтить. Тамъ же директоръ мужской гимназіи полагалъ, что преподавателямъ по воскресеньямъ слѣдуетъ заниматься не въ воскресной школѣ, а съ неуспѣвающими гимназистами. Эхъ, горькое! Описывая свои неудачи, одна воскресная школа заканчиваетъ свой отчетъ словами: „Утѣшаться въ такихъ случаяхъ приходится лишь тѣмъ, что всякаго рода злослю-

ченія есть пока общій удѣлъ всѣхъ почти воскресныхъ школь“. Плохое утѣшеніе!

Какъ бы то ни было, никакъ, никакими мѣрами, никакими притѣсненіями воскресныя школы нельзя втиснуть въ узкія рамки казеннаго учрежденія,—этому мѣшаетъ вся сущность воскресной школы, основной чертой которой является простота въ общеніи между учащими и учащимися, составляющая всегда неотъемлемую принадлежность истинно человѣческихъ равноправныхъ отношеній. Въ тифлисскомъ отчетѣ мы читаемъ: „Свойственная ученицамъ простота была такъ велика, что бывали даже и такіе случаи: ученица, войдя въ классъ и поздоровавшись съ учительницей, подавала за одно руку и директору или инспектору народныхъ училищъ, которые время отъ времени посѣщали школу“. Въ другой школѣ былъ такой случай: разъ инспекторъ народныхъ училищъ, осматривая школу, оказался чѣмъ то не доволенъ, что и не преминулъ выразить очень рѣзко, сильно возвысивъ голосъ; одна маленькая воскресница, забѣжавъ за классную доску и показывая оттуда на инспектора пальцемъ, воскликнула: „У...у...злюка!“ Эти эпизоды кажутся намъ весьма характерными: они говорятъ о томъ, что воскресная школа свободна отъ всякой казенщины, и въ этомъ объясненіе ея живучести, несмотря ни на что.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ стоятъ воскресныя школы, удивительно ли, что дѣло это развивается туго? Дѣйствительно, что значать 300 воскресныхъ школь, насчитанныхъ къ 1900 году на всѣ города Россіи! Еслибы открытіе воскресныхъ школь встрѣчало не препятствія, а содѣйствіе и поддержку, то несомнѣнно это дѣло быстро развилось бы, такъ какъ въ желающихъ работать недостатка не было бы: чѣмъ благопріятнѣе условія работы, тѣмъ больше является работниковъ. А что школы нужны, объ этомъ излишне и говорить. Густая сѣть воскресныхъ школь могла бы сыграть видную роль въ дѣлѣ просвѣщенія роднаго края. Теперь же воскресныя школы представляютъ собой лишь отдѣльныя свѣтлыя точки, просвѣщая лишь единицы, и въ общемъ, вслѣдствіе малочисленности, не представляя силы. И это тѣмъ болѣе обидно, если мы заглянемъ въ интимную жизнь воскресной школы: сколько тамъ любознательности, сколько жажды знанія, сколько признательности и даже любви среди учащихся за тѣ крохи, которыя онѣ получаютъ въ школѣ. Любознательность учениковъ мужской воскресной школы и разносторонность ихъ интересовъ вполне вѣрно, на нашъ взглядъ, рисуетъ слѣдующая выдержка изъ одного отчета: „Ближе сходясь съ учениками“, читаемъ мы тамъ, „приходится удивляться широтѣ ихъ запросовъ, обширности ихъ интересовъ. Часто, не обладая спеціальными знаніями, очень трудно удовлетворить ихъ любознательность. У насъ много слесарей, и нѣкоторые изъ нихъ увлеклись физикой и механикой, начали заниматься ею самостоятельно. Зная на практикѣ довольно много, они покупали себѣ книги по своей спеціальности и донимали учительницу просьбами объяснить имъ непонятныя мѣста, которые часто были настолько же непонятны учительницѣ. Приходилось самой просить объясненія у знающихъ людей и затѣмъ уже объяснять ученикамъ. Въ старшихъ группахъ послѣ уроковъ часто приходится удѣлять часъ-полтора на разговоры по поводу или урока, или большей частью заранѣе приготовленныхъ вопросовъ (нѣкоторые ученики приносятъ даже бумажки съ записанными вопросами). Я нахожу, что время, проведенное въ разговорахъ о предметахъ, не входящихъ въ нашу программу, не пропадаетъ даромъ, хотя большею частью разговоры эти

чисто случайные: трудно намъ, учительницамъ, сообразить, что больше интересуется учениковъ, какіе вопросы на ихъ взглядъ важнѣе. Въ старшей группѣ ученики взрослые, пришедшіе въ школу съ извѣстными запросами, довольно развитые (нѣкоторые много читаютъ и читаютъ довольно серьезно), интересуются газетами. И эти сверхпрограмные разговоры все болѣе выясняютъ требованія, предъявляемыя учениками къ школѣ, эти бесѣды сближаютъ учительницу съ учениками, приучаютъ ихъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ учительницѣ, обращаться къ ней со своими сомнѣніями и вопросами. О чемъ только не спрашиваютъ ученики! Приведу нѣсколько примѣровъ: говорятъ они и о народномъ образованіи, и о судѣ присяжныхъ и о войнѣ Японіи съ Китаемъ, и о народныхъ университетахъ въ Швеціи, и о высшей народной школѣ въ Финляндіи, и о томъ, чему вообще въ университетахъ учатъ, и о гипнотизмѣ, и объ идеѣ какого нибудь произведенія, и о критикѣ вообще, и о русскихъ критикахъ въ частности, о значеніи поэзіи и печати, что такое культура, о живописи и картинахъ Еерещагина (по поводу читанной однимъ ученикомъ газетной статьи), о Нансенѣ, Рентгенѣ, вообще о всякой злобѣ дня. Я перечисляю только небольшую часть вопросовъ, которыми задаются ученики и на которые учительница волей-неволей должна отвѣчать. И ученикъ, какъ его описываетъ учительница въ нижеприводимой выдержкѣ изъ ея дневника, совсѣмъ не исключительное явленіе въ городской воскресной школѣ: „К—въ отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ интересовъ: въ прошломъ году напр. его «смущало», что земля вертится, и онъ прочиталъ все, что нашлось у меня популярнаго по астрономіи, и прочиталъ съ большимъ толкомъ. Каждое воскресенье онъ приносилъ мнѣ списокъ вопросовъ, о которыхъ желалъ со мной „побесѣдовать“. Въ началѣ этого года онъ просилъ у меня „сводъ законовъ“, чтобы узнать, „за какое дѣло какъ судятъ“. Сегодня онъ пришелъ ко мнѣ домой и говоритъ: „Вотъ въ прошломъ году вы мнѣ показывали микроскопъ и говорили, что въ него видно тѣхъ звѣрей, отъ которыхъ бслѣзни происходятъ,—инфузорій что-ли. Такъ вотъ мнѣ бы объ этихъ звѣряхъ почитать“. Въ читальнѣ читаетъ Бальфура Стюарта; говоритъ—трудно, но очень занимательно. Вообще онъ всегда опредѣленно указываетъ, о чемъ именно ему хотѣлось бы почитать. Ходитъ въ школу замѣчательно аккуратно—почти не пропускаетъ уроковъ. Онъ кузнецъ и единственный свой день,—воскресенье, проводитъ частью въ школѣ, частью въ читальнѣ, гдѣ сидитъ часовъ съ 5 до 9.

Но воскресная школа въ равной степени нужна и неграмотному человѣку. „Какъ пить хочется въ страду, въ жаръ, такъ грѣмѣтъ научиться мнѣ хочется“. гсеорить одна деревенская воскресница. „Благодарю васъ, что вы мнѣ дали вѣрную подругу—книгу, съ ней я забываю свои горести“, пишетъ другая. «Школа заставила меня какъ бы жить и чувствовать», читаемъ мы у третьей ученицы, проучившейся въ воскресной школѣ нѣсколько лѣтъ: «раньше я смотрѣла безъ вниманія на все окружающее меня, въ настоящее же время могу снимать, различать и придавать значеніе тѣмъ или другимъ предметамъ.»—«Не могу и выразить той благодарности», пишетъ одинъ ученикъ своему товарищу, «которую питаю ко всѣмъ, поддерживающимъ воскресную школу и тѣмъ самымъ дающимъ намъ возможность быть похожими на людей.»—«Воскресная школа для бѣднаго народа все равно, что манна въ ветхомъ завѣтѣ», восклицаетъ другой ученикъ. «Ужъ для школы то я все сдѣлаю!» Въ такомъ отношеніи учащихся къ школѣ преподающія черпаютъ силы

для работы; въ немъ они находятъ поддержку въ тѣхъ непріятностяхъ, которыхъ, какъ мы видѣли выше выпадаютъ на ихъ долю немало.

Взаимными близкими отношеніями учащихся и учащихся обусловливается и то вліяніе которое воскресная школа несомнѣнно имѣетъ на своихъ учениковъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Въ одной воскресной школѣ былъ ученикъ—старикъ лѣтъ 70-ти. Разъ наблюдатель школы получаетъ письмо отъ его дочерей, въ которомъ онѣ пишутъ, что отецъ ихъ, человекъ крутого характера, гроза семьи, сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу своихъ сыновей, не оставляя дочерямъ ничего. Онѣ просятъ священника повліять на отца, чтобы онъ не обижалъ дочерей, высказываютъ увѣренность, что преподающіе въ воскресной школѣ будутъ имѣть на него хорошее вліяніе, такъ какъ онъ сталъ гораздо мягче съ тѣхъ поръ, какъ посѣщаетъ воскресную школу. Наблюдатель бесѣдовалъ съ этимъ старикомъ, и тотъ видимо былъ растроганъ и обѣщавалъ поступить «по божески». Такъ именно онъ и сдѣлалъ.

Конечно наиболѣе ярко сказывается вліяніе воскресной школы на учащихся отъ природы талантливыхъ, носящихъ въ себѣ добрые задатки. Для такихъ людей посѣщеніе воскресной школы часто имѣетъ рѣшающее значеніе въ жизни, пробуждая въ нихъ съ особой силой все то хорошее, что, быть можетъ, иначе долго бы таилось въ нихъ подъ спудомъ. Тутъ мнѣ невольно вспоминается ученица, которую отчетъ тифлисской воскресной школы описываетъ такъ: „Груня поступила въ школу 12-тилѣтней дѣвочкой. Она ничѣмъ повидимому не выдѣлялась изъ среды подругъ и, поучившись въ школѣ два года, исчезла. Я и не замѣтила, ея ухода изъ школы и едва узнала ее въ высокой стройной дѣвушкѣ, явившейся снова гда два спустя въ школу. «Вы не узнаете меня?» спросила она: „вѣдь я училась у васъ и по глупости перестала ходить въ школу,—подруги меня сманили,“ добавила она своимъ груднымъ голосомъ, смѣло глядя на меня. Съ этого времени Груня стала неизмѣнной посѣтительницей школы, страстно отдавшись ученью. Для меня съ поступленіемъ ея въ школу начался также полный особаго интереса періодъ школьной жизни. Я нашла въ ней такую ученицу, какихъ не бывало у меня до тѣхъ поръ. Она жила школой, жила всѣмъ своимъ существомъ. Въ школу она вела всѣ свои духовныя силы. Жадно ловила она все новое, чутко воспринимала каждое живое слово, мыслью и чувствомъ охватывала все, что давала ей книга, бесѣда, общее теченіе школьной жизни. Быстро развивалась она умственно все болѣе и болѣе приязывалась къ учительницѣ. Мы видѣлись и дома,—она приходила ко мнѣ заниматься въ будни, когда у нея бывало время. Дома мы проходили грамматику, въ школѣ занимались географіей, исторіей, впоследствии литературой. Она готовила мнѣ массу уроковъ, писала большія сочиненія, подавая каждое воскресенье цѣлую исписанную тетрадь. Наши уроки географіи давали канву для бесѣды, возбуждали съ ея стороны цѣлый рядъ вопросовъ, которыми она засыпала меня на каждомъ урокѣ. Въ связи съ географіей и исторіей естественно выступалъ вопросъ о просвѣщеніи, о значеніи грамотности,—по поводу этого я говорилъ много, а она слушала съ удивленіемъ. Вліяніе Груни стало замѣтно въ школѣ. Всѣ ученицы добровольно признавали ея авторитетъ, подчинялись невольно ея доброму, свѣтлому настроенію, ея уму. Вскорѣ въ школѣ стали появляться ученицы Груни, которыхъ она выучила грамотѣ. Разъ она привела послѣ каникулъ 8 такихъ дѣвочекъ, которыхъ мы

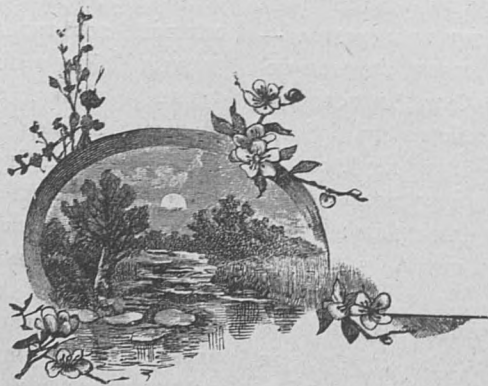
прозвали потомъ «выводкомъ» Груни. Любимой темой ея разговоровъ были мечты о будущемъ,—что она будетъ дѣлать, какъ жить. Это будущее рисовалось ей самыми свѣтлыми красками. У Груни обнаружилась несомнѣнная педагогическія способности и всѣ качества, необходимыя для того, чтобы быть хорошей учительницей,—энергія, живость ума, подвижность, здравый смыслъ, способность увлекаться дѣломъ, любовь къ дѣтямъ и умѣніе обращаться съ ними. Груня и во снѣ, и на яву мечтала о деревнѣ, о роли сельской учительницы».

А тотъ сапожникъ-ученикъ воскресной школы, по инициативѣ и трудами котораго открылось общество трезвости въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ,—развѣ не подъ влияніемъ школы выросъ онъ въ общественнаго дѣятеля съ горячимъ и вполнѣ сознательнымъ стремленіемъ вносить свѣтъ въ свою среду? Придя въ школу малограмотнымъ, онъ усердно посѣщалъ ее въ теченіи трехъ лѣтъ. „Съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я объ этомъ времени“, говорилъ онъ впослѣдствіи: „хорошо тогда было! какъ много я тогда читалъ и какъ тогда много и хорошо думалось!“ Совершенствуясь въ то же время въ своемъ ремеслѣ, онъ сталъ завѣдывать сапожной мастерской и не могъ не обратить вниманія на ремесленниковъ, работавшихъ въ ней. „Какой тамъ народъ несчастный!“ говорилъ онъ «оборванные, грязные, пьяные, полуголодные—ничего они не понимаютъ, ни о чемъ не думаютъ. А ихъ семьи? Горькую нужду терпятъ всегда семья пьяницы! Вѣдь зналъ я это и раньше, но теперь на меня все такъ дѣйствуетъ

точно я въ первый разъ вижу. Тяжело! И вѣдь нельзя сказать, чтобы они были дурные люди; какъ начнемъ говорить съ ними про ихъ жизнь, такъ вѣдь они слушаютъ, понимаютъ, соглашаются. Жалкіе они, несчастные!...» И въ результатѣ явился проектъ учредить общество трезвости. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на томъ, сколько хлопотъ, труда и времени потребовало осуществленіе этой мысли; но въ концѣ концовъ въ городѣ народилось общество, которое стало вносить свѣтъ въ бѣдную и невѣжественную среду. Общество развилось: кромѣ чайной, оно имѣетъ бібліотеку-читальню, чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ, устраиваетъ спектакли, лѣтомъ дѣтскія игры. А создатель всего этого—сапожникъ, ученикъ воскресной школы. И онъ не заспокаивается на успѣхъ своего перваго дѣла: его тревожитъ мысль, какъ улучшить матеріальное положеніе своихъ товарищей — у него рождается новый проектъ—учредить артель сапожниковъ,—новыя хлопоты, тревоги, неудачи и, будемъ думать, новая побѣда. И по собственному его признанію рѣшающее вліяніе имѣла на него школа. „Какъ я поступилъ въ школу, такъ очень много измѣнился. Я всѣмъ обязанъ школѣ!“ категорически заявляетъ онъ.

И вотъ, если-бы воскресныя школы имѣли возможность шире распространяться, какъ расширился бы кругъ ихъ вліянія, какъ выросло бы число тѣхъ отраднѣхъ фактовъ, на которыхъ мы останавливались выше! Какъ же не пожелать, чтобы для нихъ поскорѣ наступили лучшія времена,—чтобы ихъ сомнительное настоящее смѣнилось болѣе свѣтлымъ будущимъ!

М. Салтыкова.

* * *

Огромный садъ, густой, тѣнистый...

Изъ за деревьевъ серпъ луны

Глядитъ печально серебристый.

Аллеи въ мракъ погружены.

Вдали грохочетъ глухо море;

Его далекій, грозный ревъ

Звучитъ въ какомъ то дикомъ хорѣ,

Какъ бурь разгнѣванныхъ напѣвъ.

И мгла душистая въ аллеѣ,

И моря шумъ, и блѣдный свѣтъ,

Все близко сердцу, все живѣе

Въ немъ будитъ призракъ прошлыхъ лѣтъ.

Встаетъ онъ блѣдный и тоскливый

Въ сіяньи скорбной красоты —

И вновь съ невѣдомою силой

Проснулись прежнія мечты...

И вновь тоска, и вновь сомнѣнье,

И боль, и муки, и любовь,

И вновь въ душѣ кипитъ волненье,

И раны въ ней открылись вновь!

С. Д. Полевая.

* * *

СѢните землю мглой, ночныя тѣни.
 Скройте мракомъ тихимъ горечь думъ моихъ;
 Приходи скорѣе, ночь успокоенья,
 Ночь мечтаній чудныхъ, сумракъ тайнъ нѣмыхъ!

Надъ моей постелью, ангеломъ летая,
 Въ ризѣ, сотканной изъ радужныхъ надеждъ
 Опустися тихо, словно вечеръ мая,
 И коснись моихъ отяжелѣвшихъ вѣждъ...

И мои прозрѣвшія во мракъ очи
 Новый міръ увидятъ вдругъ передъ собой,
 И обвѣянь тихими крылами ночи
 Я въ тиши забуду свой недугъ дневной!

И. Звонкинъ.

НЕУДАЧА. * * *

— Бываетъ, что корабль самой прочной постройки, оснащенный самымъ заботливымъ образомъ, величаво выходитъ изъ гавани, гордо распустивъ паруса, и возвращается въ нее жалкимъ, разбитымъ остовомъ. Остріе подводнаго камня, какойнибудь ничтожный случай, какойнибудь недосмотръ — превращаетъ мощное судно, казавшееся живымъ и дышащимъ, въ мертвую грудю дерева и желѣза. Печальное зрѣлище! Жестокая судьба! Я всегда страшился послѣдствій слѣпыхъ неудачъ. Когда я снаряжалъ свой житейскій корабль, я всегда имѣлъ въ виду возможность гибельнаго конца и старательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ его составныя части находились въ полной исправности, были смазаны, вычищены, цѣлы... Съ зоркостью ястреба я замѣчалъ еще издали малѣйшую опасность и тщательно ее обходилъ. Я управлялъ моимъ судномъ съ самой ранней молодости, какъ истый „морской волкъ“, какъ называютъ старыхъ моряковъ. Но вотъ когда мой корабль, раздувъ паруса, мощно разсѣкалъ волны, когда нужно было еще одно усиліе, чтобы побѣдоносно войти въ широкую, спокойную гавань и уже съ обновленными силами устремиться оттуда къ новой заманчивой цѣли, — онъ налетѣлъ на мель и застрялъ на ней.

Но оставимъ метафоры, — высокій стиль, который употребляютъ извѣстнаго рода счастливыя, воображающіе, что ихъ дѣла представляютъ нѣчто такое, о чемъ слѣдуетъ говорить не иначе, какъ на языкѣ боговъ. Въ переводѣ на обыкновенную житейскую рѣчь — суть вотъ въ чемъ: мѣсто, которое было предметомъ многолѣтнихъ моихъ стремленій, исходнымъ пунктомъ моего дальнѣйшаго благополучія, мѣсто, ради котораго я летѣлъ въ Москву съ экстреннымъ поѣздомъ, трепеща отъ радостнаго ожиданія, — выскользнуло изъ моихъ рукъ самымъ нелѣпымъ образомъ. Оно было мнѣ обѣщано давно, я давно считалъ его за собой. Совершая переѣздъ изъ Петербурга въ Москву, — я точно ошупывалъ въ моемъ кармафѣ бумагу о назначеніи на желаемую должность. Сидя на извозикѣ, который везъ меня въ гостиницу, а потомъ и къ будущему моему начальнику, я уже принималъ осанку важнаго чиновника, какимъ мнѣ предстояло сдѣлаться не болѣе, какъ черезъ полчаса. Одновременно съ заманчивыми чиновничьими перспективами я предвосхищалъ дивный апоѳеозъ, которымъ долженъ былъ завершиться мой романъ съ одной прекрасной дѣвушкой.

Я летѣлъ на московскомъ ванькѣ къ моему начальнику, какъ на крыльяхъ, готовя красивую благодарственную рѣчь, которая должна была казаться ему вылившейся прямо изъ души. Я остался ею очень доволенъ. Это былъ одинъ изъ моихъ chefs d'oeuvre'овъ всегда помогавшихъ мнѣ въ моемъ преуспѣяніи.

Вотъ и подъѣздъ. Проворно соскакиваю съ извозика, влетаю бодро и развязно въ знакомый домъ, привычнымъ

энергичнымъ движеніемъ сбрасываю шубу, которую лакей подобострастно подхватываетъ и вѣшаетъ на мѣсто. Вхожу въ кабинетъ, къ лицу, державшему въ своихъ рукахъ мое благополучіе.

— Какими судьбами! любезно воскликнулъ мой покровитель, поднимаясь со стула и предупредительно направляясь мнѣ на встрѣчу. Когда же я отвѣтилъ ему, безпечно улыбаясь, что я пріѣхалъ «самыми обыкновенными судами», — пріѣхалъ, чтобы вступить въ обѣщанную мнѣ должность, онъ испуганно вытаращилъ глаза, точно узрѣлъ привидѣніе, и воскликнулъ:

— Голубчикъ, вѣдь я вчера, только вчера назначилъ на это мѣсто Н. Отчего вы мнѣ раньше не сказали, не предупредили? .

— Вы же сами, давно уже, приказали мнѣ пріѣхать въ декабрѣ, еле проговорилъ я, похолодѣвшими губами.

Забылъ, ей Богу забылъ!.. воскликнулъ онъ такимъ образомъ, какъ будто дѣло шло о носовомъ платкѣ. — Вы молчали, не давали о себѣ знать.. Я забылъ, повторилъ онъ, играя какимъ то затѣйливымъ брелокомъ, висѣвшимъ на его цѣпочкѣ.

Забылъ или хотѣлъ забыть! Я молча опустилъ голову. Что я могъ сказать этому человѣку, который не былъ мнѣ ни женой, ни сестрой, ни слугой, а былъ лишь лицомъ, отъ котораго зависѣло назначеніе на хорошія мѣста? Какъ я могъ выразить ему мое негодованіе за его неумѣстную забывчивость и сорвать на немъ досаду за мою оплошность?

Я молчалъ. Но это было не то молчаніе, когда, какъ говорятъ, рождаются геніи ума и таланта, а молчаніе, во время котораго пріобрѣтаются зародыши тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ годами ѣздятъ лѣчиться въ заграничныя и отечественныя курорты. Въ минуту подобнаго молчанія мой дядя получилъ прочный недугъ печени, который свелъ его въ могилу.

Было отчего прійти въ отчаяніе! Было отчего получить зачатки многихъ заболѣваній, перечисленіе которыхъ излишне.

Не только желанное мѣсто оказалось не за мной, но оно досталось Н., моему сопернику и врагу, человѣку, постоянно становившемуся мнѣ на дорогѣ, лицу, по способностямъ и другимъ качествамъ далеко меня не стоившему, — такъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ.

Я откланялся молча, несмотря на мое стараніе сказать чтонибудь.

— Простите меня, голубчикъ, проговорилъ любезно мой забывчивый начальникъ на прощанье. — Пожалуйста, простите! Знаете, вотъ сколько дѣла, прибавилъ онъ, показавъ на свою шею.. Голова идетъ кругомъ.

— Помилуйте, — вот все, что я могъ выдавить изъ моего горла, въ которомъ еще трепетала моя благодарственная рѣчь.

Я вышелъ на улицу Декабрьскій воздухъ сурово обдалъ меня холодомъ, а день, похожій на сумерки, смотрѣлъ на меня, какъ молодая мачиха глядитъ на взрослую падчерицу.

Первой моей мыслью было — бѣжать къ ней. Она къ счастью, уже около двухъ мѣсяцевъ жила въ Москвѣ у родныхъ. Между мной и ею еще ничего не было, но все могло быть. Надъ нами высоко виталъ уже брачный вѣнецъ. Нуженъ былъ только благоприятный моментъ, чтобы онъ опустился и прочнымъ кольцомъ обвилъ наши головы.

Я отправился къ ней не на извозчикѣ, а пѣшкомъ. Мнѣ надо было выгадать время, обдумать мое положеніе, осмотрѣть поврежденіе въ моемъ кораблѣ, оправиться отъ удара, чтобы явиться къ ней не въ жалкомъ видѣ неудачника. Я чувствовалъ, что тутъ подобный видъ успѣха имѣть не можетъ. Женщины съ правильно развитымъ инстинктомъ самосохраненія не любятъ побѣжденныхъ.

Когда я подошелъ къ дому, гдѣ жила она, я оправился на столько, что могъ позвонить, имѣя наготовѣ выгодное для моего самолюбія объясненіе случившейся со мной неудачи и созрѣвшій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Я думалъ, что могу изложить передъ ней и то, и другое безъ всякаго ущерба для себя, безъ опасенія, что мой пьедесталь пошатнется въ ея глазахъ. Еще на лѣстницѣ до меня долетѣли звуки знакомой музыкальной пьесы въ знакомомъ мнѣ исполненіи. Пьесу эту она играла мнѣ, когда я въ первый разъ вошелъ въ ея домъ. Ею, какъ я потомъ замѣтилъ, она дебютировала предъ всякимъ, кому она особенно хотѣла понравиться. Эта пьеса была однимъ изъ ея лучшихъ козырей, съ котораго она ходила въ рѣшительный моментъ. Знакомые звуки напомнили мнѣ одну изъ лучшихъ страницъ моего романа и унесли меня далеко отъ грустной дѣйствительности. И я мысленно рѣшилъ сегодня же закрѣпить нашъ романъ обычнымъ предложеніемъ руки и сердца.

Когда я вошелъ въ переднюю, я сразу почувствовалъ себя точно свергнутымъ съ высокой башни въ глубокую пропасть. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза и что подѣйствовало на меня, какъ ударъ молота по головѣ, были калоши съ знакомой мнѣ ненавистой буквой Н.

— Зачѣмъ онъ здѣсь и что ему тутъ нужно?

Мнѣ недолго пришлось оставаться въ неизвѣстности.

Чуть я вошелъ въ гостинную, мнѣ стало ясно, зачѣмъ онъ здѣсь и что ему нужно. Было до противности очевидно, что и тутъ моя позиція занята. Я отступилъ безъ боя, ретировался безъ шума и фразъ, съ достоинствомъ полководца, привыкшаго къ побѣдамъ и уступающаго только непреоборимымъ, непредвидѣннымъ стихійнымъ силамъ.

Изъ дома, гдѣ, казалось мнѣ, я такъ успѣшно насаждалъ для себя безмятежный рай, — я вышелъ разбитымъ, униженнымъ. Злоба, зависть, негодованіе — эти спутники несчастія терзали мою душу и тѣло. Я шель, сгибаясь подъ тяжестью теплой шинели, казавшейся мнѣ всего за часъ легче пуха.

Я шель съ чувствомъ глубокаго возмущенія противъ несправедливой судьбы, кидающей однимъ по своему капризу цѣлыми пригоршнями тѣ блага, которыя должны были бы принадлежать по праву другимъ. Себя я, конечно, считалъ жестоко обиженнымъ, несправедливо обиденнымъ. Куда направить шаги? Взять въ гостинницѣ вещи и съ первымъ поѣздомъ поѣхать въ Петербургъ? Вернуться къ

знакомымъ и роднымъ, которые только вчера вмѣстѣ со мною радовались будущему моему назначенію и пили за здоровье дамы моего сердца, когда мое назначеніе оказалось пухомъ, а моя дама выказала такое пренебреженіе къ моему сердцу?..

Одинъ изъ моихъ многочисленныхъ друзей, дѣлившихъ мои веселые досуги, — жилъ въ Москвѣ. Я направился къ нему — не въ надеждѣ найти у него утѣшеніе, а просто по старой привычкѣ.

Мой путь лежалъ черезъ Кремль. Я шель по улицамъ и закоулкамъ, терзаемый только что испытанными неудачами, погруженный въ горькія размышленія. Я думалъ о нашемъ страшномъ одиночествѣ, — объ одиночествѣ, которое особенно чувствуется въ минуты бѣдствій и невзгодъ. Перебирая въ памяти всѣхъ моихъ пріятелей, всю эту рать поклонниковъ успѣха. — я не находилъ среди нихъ ни одной истинно доброй души. Въ тяжелые дни — я могъ встрѣтить въ нихъ только хулителей и остроумцевъ.

Занятый своими мыслями, жмурясь отъ крутившагося въ воздухѣ мелкаго снѣга я сбился съ пути. Закоулочекъ, въ которомъ я очутился, оказался совершенно пустыннымъ, и не у кого было спросить дорогу. Вдругъ изъ-за угла на встрѣчу мнѣ показалась женщина. Она приближалась, шлепая калошами, надѣтыми на босую ногу. Это была, очевидно, одна изъ тѣхъ бабъ — поденщицъ, которыя нанимаются для домашнихъ черныхъ работъ: мытья оконъ и половъ, стирки кухоннаго бѣлья и т. п. Ситцевая полинялая красная юбка съ желтыми цвѣтами, вся въ заплаткахъ, широкая и короткая кофта, а на головѣ зеленый легкій шерстяной платокъ съ висѣвшею ключьями бахрамой должны были плохо защищать ее отъ стужи. Однако, не смотря на чрезмерную легкость покрывавшей ее одежды, женщина эта шла бодро, непринужденно. — можно сказать, весело, не стараясь потеплѣе закутаться, — въ растегнутой на груди кофтѣ, какъ будто это былъ не декабрьскій, а июльскій теплый лѣтній день, какъ будто для нея одной откуда то исходилъ свѣтъ и лилась теплота.

Тетушка, тетушка, окликнулъ я ее, когда она быстро прошла мимо меня, — какъ пройти къ Тайницкимъ воротамъ? И обращаясь съ вопросомъ къ этой бѣднѣйшей изъ бѣдныхъ женщинъ, я вынулъ портмонэ съ цѣлью щедро наградить ее за указанія.

— Некогда, некогда, батюшка. — долго рассказывать, отвѣтила она мнѣ звонкимъ, бодрымъ голосомъ, заправляя выбившіеся изъ подъ платка волосы. Некогда, — къ Царицѣ Небесной спѣшу! Когонибудь другого спроси.

И, проговоривъ на ходу эти слова, она быстро удалилась, шлепая резиновыми калошами.

Я повернулся и, постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ въ недоумѣніи, пошелъ за этой простой босоногой бабой, веселой и довольной на зло суровой стихіи, на зло жестокой судьбѣ. Я пошелъ за этой женщиной, еле волоча ноги въ высокиихъ теплыхъ кожаныхъ калошахъ, кутаясь въ дорогую мѣховую шинель. Я больше не искалъ Тайницкихъ воротъ. Не все ли равно было для меня, куда ни идти? Я шель за моей счастливой незнакомкой въ заплатанной легкой кофтѣ, въ ситцевомъ платьѣ, то раздуваемомъ порывомъ вѣтра, то болтавшемся вокругъ ея обнаженныхъ ногъ. Я вошелъ за ней въ храмъ, къ Царицѣ Небесной.

Внувъ изъ тряпокъ копѣйку, она купила свѣчку и, крестясь, поставила ее передъ иконой Богоматери. Движенія ея были быстры и бодры, какъ у человѣка, которому досталось неожиданно богатое наслѣдство или свалился круп-

ный выигрышъ. Поставивъ копѣчную свѣчу, она принялась молиться. Она молилась, то склоняясь къ церковному полу, то поднимая голову къ Той, къ Которой она только что шла съ такой поспѣшностью. Въ выраженіи ея обвѣтреннаго лица, на которомъ нельзя было даже различить возраста, не было скорби, мольбы обездоленнаго человѣка, жалобы удрученной души, обиды существа несправедливо обойденнаго, — въ немъ было радостное благодареніе, которое возносится къ небу за ниспосланныя особья благодѣянія...

Что значили мои неудачи въ сравненіи съ жалкимъ существованіемъ этой женщины, умѣвшей однако находить въ глубинѣ своей простой вѣрующей души живые источники радости и довольства?

Были ли блага, о потери которыхъ я сокрушался такъ значительно, что безъ нихъ человѣкъ не могъ-бы обойтись въ жизни?

Стоя рядомъ съ этой нищенски одѣтой, но довольной и счастливой работницей, я почувствовалъ, что прелести этихъ благъ какъ то померкли въ моихъ глазахъ.

Мѣсто, къ которому я такъ неудержимо стремился, показалось мнѣ уже не такимъ заманчивымъ, какъ прежде, а музыкальная пьеса, разыгрываемая измѣнившейся мнѣ дѣвушкой, далеко не такой очаровательной. И неожиданно для себя я самъ сталъ повторять давно не произносимыя мной слова благодарственной молитвы. Щемящее чувство огорченія, точно клещами охватившее мое сердце, исчезло, и кровь горячей волной полилась по моимъ жиламъ.

Я какъ то сразу помирился съ моей неудачей. Даже Н., похитившій и мое мѣсто, и мою невѣсту пересталъ возбуждать во мнѣ чувство злобы и непріяни.

Постоявъ нѣкоторое время передъ кротко и съ благоволеніемъ глядѣвшей на насъ Царицею Небесной, я вышелъ на паперть и сталъ ждать мою незнакомку.

Вскорѣ она показалась изъ дверей, еще болѣе веселая и благополучная, чѣмъ раньше.

--Ты, дяденька, не туда пошелъ! Тайницкія то ворота тамо, за церковью, направо будутъ, сказала моя путеводи-

тельница торопливымъ голосомъ, скользнувъ по мнѣ свѣтлымъ взоромъ.

— Нѣтъ, я *туда* пошелъ, отвѣтилъ я ей, опять вынима портмонэ, чтобы дать ей нѣсколько монетъ... „дѣтишкамъ на молочишко“, какъ я хотѣлъ ей сказать. Но и на этотъ разъ не успѣлъ я произнести слова, какъ моя убогая богачка исчезла въ надвигавшейся снѣжной мглѣ, очевидно, спѣша теперь къ своему дѣлу, которое ее такъ жалко прикрывало и такъ скудно кормило.

Въ воздухѣ крутиль снѣгъ, а въ небѣ сквозь пелену тумана свѣтили звѣзды.

Я направился домой, ступая теперь также легко и бодро, какъ и та босоногая богомолка. Мнѣ кажется, что я даже что то напѣвалъ, простивъ начальнику его забывчивость, а дѣвицѣ—ея легкомысліе и измѣну.

Съ тѣхъ поръ призраки счастья, за которыми я гнался сломая голову, перестали меня прельщать.

Когда насталъ часъ, я безъ ропота и сожалѣнія пересѣлъ съ гордаго корабля въ уютную лодку. Теперь я несусь на ней безъ всякихъ мудрствованій по волѣ вѣтра и моря. Когда волна закружитъ челнокъ, небо покроется тучами и мнѣ становится и жутко, и тяжело, и больно—я вспоминаю мою московскую незнакомку, ея бодрый веселый возгласъ: „Къ Царицѣ Небесной, къ Царицѣ Небесной спѣшу“,—и я снова спокойно продолжаю свое странствіе...

Этотъ рассказъ стараго, когда то ретиваго общественнаго дѣятеля,—отрывокъ изъ его воспоминаній о полной бурѣ и тревогѣ жизни. Мы говорили о руководящихъ идеяхъ, которыя поэты воплощаютъ въ геніевъ съ крыльями, золотистыми волосами и въ бѣлоснѣжныхъ античныхъ туникахъ

-- И у меня есть такой геній, замѣтилъ онъ съ легкой усмѣшкой,—только безъ крыльевъ и не въ туникѣ, а совсѣмъ другого вида, далеко не столь изящнаго.

И онъ рассказалъ мнѣ свою встрѣчу съ его геніемъ въ красной ситцевой юбкѣ, въ заплатанной кофтѣ, въ резиновыхъ калошахъ, одѣтыхъ на босыя ноги... но съ яснымъ взоромъ на огрубѣломъ лицѣ.

И. Гриневская.

САФО.

Очеркъ изъ исторіи греческой культуры.

„Lathē biōsas“ — таковъ девизъ, поставленный утомленному и разлагавшемуся греческому міру эпикурейцами. Проживи такъ, чтобы никто и не замѣтилъ твоего существованія.

Но для того, чтобы дойти до этого идеала отчаянія, греки должны были пройти черезъ рядъ великихъ подвиговъ и позорныхъ паденій. Раньше, чѣмъ отказаться отъ дѣятельности, они прошли черезъ длинный періодъ могучей культурной работы.

А между тѣмъ уже за много лѣтъ до появленія эпикурейскаго ученія тотъ же идеалъ, та же цѣль были поставлены цѣлой, пожалуй, большей половиной человѣческаго рода, — женщинъ. Живи, не оставляя за собой никакого слѣда кромѣ произведеннаго тобой на свѣтъ потомства, — твоей лучшей, твоей единственной славы — вотъ кругъ, изъ котораго не было выхода греческой женщинъ.

Отношеніе къ ней могло мѣняться и мѣнялось по мѣстамъ, народамъ, эпохамъ. Гесиодъ увѣрялъ, что зло въ мірѣ появилось оттого, что Зевсъ послалъ людямъ прекрасную, одаренную всеми чарами женскаго обольщенія Пандору. Древнѣйшая версія этого преданія ничего не знаетъ о пресловутомъ сосудѣ, заключавшемъ въ себѣ всѣ существующія бѣдствія и будто бы открытомъ на несчастіе людямъ Пандорой, — это позднѣйшее хитроумное наслоеніе. Творецъ древнѣйшей формы преданія былъ болѣе грубъ, наивенъ, откровененъ: женщина есть зло сама по себѣ, какъ женщина — тѣмъ большее зло, чѣмъ она прекраснѣе.

Злой Гиппонактъ увѣрялъ, что жена доставляетъ мужу два счастливыхъ дня, — когда она входитъ въ его домъ въ день свадьбы и когда ее изъ него выносятъ въ день похоронъ.

Эврипидъ, — въ жизни горячій поклонникъ женщинъ, знавшій ихъ внутренній душевный міръ лучше кого бы то ни было изъ грековъ, — въ поэзіи является ихъ злѣйшимъ врагомъ. Его Гипполитъ (въ трагедіи того же имени, послужившей первообразомъ для знаменитой расиновской „Федры“) не можетъ простить Зевсу созданіе этого злаго рода, женщинъ. Правда, онъ, къ сожалѣнію своему, не можетъ отрицать того, что женщины нужны для продолженія человѣческаго рода, но вѣдь Зевсъ всемогущъ, — стоило ему захотѣть, онъ сумѣлъ бы устроить такъ, чтобы дѣти появлялись на свѣтъ божій безъ участія женщинъ. Люди покупали бы въ храмахъ сѣмя будущихъ дѣтей за опредѣленную плату, смотря по качеству, и въ домѣ своемъ жили бы свободными, безъ тяжкой обузы въ видѣ жены.

Комики неистощимы въ своихъ нападкахъ на женщинъ. Аристофанъ посвятилъ рядъ комедій специально описанію женскихъ пороковъ. Остроумный Менандръ считаетъ женщину во всякомъ случаѣ зломъ, — вся задача разумнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы выбрать возможно меньшее. И рядомъ съ этимъ мы находимъ у древнихъ и удивительныя по нѣжности и благородству выраженія, показывающія, какъ высоко умѣли цѣнить женщинъ греки, — вѣдь они же создали несравненный образъ Антигоны!

Феогнидъ, обращаясь къ своему любимцу Кирну, увѣряетъ его, что онъ не найдетъ въ жизни ничего болѣе „сладкаго“, чѣмъ хорошая жена.

Ксенофонтъ въ своемъ поучительномъ повѣствованіи о воспитаніи Кира рассказываетъ между прочимъ романъ Абрадаты и Пантеи. Пантея — такой же недосыгаемый высшій образецъ героической добродѣтели, какъ Антигона. Но Ксенофонтъ заходитъ дальше Софокла Абрадату молить отца боговъ и людей сдѣлать его достойнымъ Пантеи. Мужчина можетъ быть и *недостойнымъ* женщины — дальше этого греки не заходили.

Взгляды на женщину мѣнялись въ самой Греціи. Немудрено, что различные изслѣдователи положенія женщины въ древнемъ мірѣ могли прійти къ самымъ различнымъ выводамъ; въ то время какъ одни рисовали это положеніе элизіумомъ, другимъ оно казалось тартаромъ. Но при всѣхъ отличіяхъ, какія не могли не существовать на протяженіи пестраго греческаго міра, на разстояніи тысячелѣтнаго развитія греческой культуры, одно было вѣчно неизмѣнно въ одномъ сходились и гомеровскій рыцарь, и современникъ Перикла, и ученикъ Платона и Аристотеля, и хитрый Граескулъ римскихъ временъ: *lathe biōsasa*, — живи незамѣтно, живи въ тѣсномъ кругу своего дома, не проявляй себя во внѣ, какъ личность, ибо ты и не личность, ибо женщинамъ все слѣдуетъ дѣлать при посредствѣ мужчинъ, если онѣ хотятъ соблюдать велѣнія мудрости (Эврипидъ). Символь женщины черепаха (Плутархъ), — она всегда носитъ на себѣ свой домъ, никогда не выходя изъ него, — кое гдѣ только фигурально, почти всегда — въ точномъ смыслѣ этого слова.

Гомеровскія поэмы выводятъ предъ нами цѣлую галерею прекрасныхъ женскихъ типовъ. Передъ глазами читателя проходятъ и трогательная въ своей любви къ мужу Андромаха, и нѣжная Брисеида, и величавая царица и мать, госпожа и повелительница своего дома Арета, и наивно-чистая Навсикая, и пассивно-героическая Пенелопа, идеаль

древне-греческой супруги и матери. Сынъ никогда не отказываетъ ей въ должномъ почтеніи, но стоитъ ей попытаться выйти изъ своей пассивной роли, стоитъ появиться среди жениховъ, чтобы самой усовѣстить ихъ,—и почтительный сынъ превращается въ властнаго опекуна своей матери, твердо приказывающаго ей:

.... Удались, занимайся, какъ должно, порядкомъ
хозяйства,

Пряжей, тканьемъ, наблюдай, чтобъ рабыни при-
лежны въ работѣ

Были своей, *говорить же не женское дѣло, а
дѣло*

Мужа, а нынѣ мое. У себя я одинъ повелитель.

Точно такъ же, какъ софокловскій Аяксъ рѣзко отвѣчаетъ своей Текмессѣ, упрашивающей его не отправляться на задуманное имъ безумное дѣло, все тою же вѣчной пѣснью: „Молчи, женщина,—женщину украшаетъ молчаніе!“...

Ямбографъ Семонидъ даетъ цѣлую женскую зоологію всю построенную на одномъ основномъ принципѣ: женщина и разумъ—двѣ несомѣстимыя величины. Различныя женщины происходятъ отъ свиньи, собаки, земли, моря, осла, ласки, лошади, обезьяны,—всѣ онѣ—великое зло, лучшая женщина происходитъ отъ пчелы, счастливъ тотъ, кому достается такая. Въ чемъ же однако ея достоинства? Въ томъ, что она рождаетъ хорошихъ дѣтей и не выходитъ изъ дому. А для того, чтобы она поменьше изъ него выходила есть простое, удобное, испытанное средство. Фокилидъ его намъ и рекомендуетъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ дѣвушкамъ: держать за запоромъ.

Эсхиль вырисовываетъ во весь ростъ могучій образъ Клитемнестры, величественной при всей своей преступности, истинной царицы, рядомъ съ которой ея возлюбленный Эгистъ кажется безконечно жалкимъ. Но и Клитемнестра считаетъ необходимымъ соблюдать тотъ этикетъ, который предписываетъ греческой женщинѣ ступать, представляя рѣшать и дѣйствовать мужчинѣ. Ея роль—роль привѣтливой хозяйки, которой надлежитъ достойнымъ царскаго дома образомъ принять гостей.

Прелестную картинку внутренней жизни афинской семьи рисуетъ Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи объ управленіи домою. Каковы общіе руководящія взгляды трактата, ясно уже изъ того сравненія, которымъ вводитъ свое разсужденіе главное лицо діалога Сократъ, сторонникъ наиболѣе «либеральнаго» взгляда на женщину: если скверна овца, мы обвиняемъ пастуха; за недостатки лошади мы возлагаемъ отвѣтственность на всадника; за недостатки жены должна отвѣчать не она, а ея мужъ. Это уже и само по себѣ, съ точки зрѣнія греческихъ взглядовъ, новость—конечно, не безотвѣтность жены, а отвѣтственность мужа. Мужъ знаетъ обыкновенно только объ обязанностяхъ жены. Нѣтъ свободнаго существа, на которое возлагалось бы столько обязанностей, сколько ихъ несетъ жена,—нѣтъ существа, съ которымъ мужъ меньше разговаривалъ бы, чѣмъ съ женой.

Ксенофонтъ рисуетъ блистательное исключеніе,—идеальный союзъ. Идеаль этотъ не особенно высокъ, поразительное въ немъ заключается только въ томъ, что на этотъ разъ пастухъ созналъ свою отвѣтственность за ввѣренную ему овцу,—мужъ счелъ своимъ долгомъ воспитать свою жену. А какъ она нуждается въ воспитаніи! Ей было пятнадцать лѣтъ, когда родители выдали ее замужъ. Она умѣла только соткать платье и раздать работу рабынямъ. Всю свою жизнь она провела подъ заботливымъ надзоромъ род-

ной семьи, направленнымъ на то, чтобы она „возможно меньше видѣла, возможно меньше слышала, возможно меньше спрашивала“. И этому то наивно невѣжественному, совершенно неподготовленному къ жизни ребенку мужъ начинаетъ развивать свою теорію совмѣстной трудовой жизни, совмѣстной работы на общее благо дома и семьи,—его онъ призываетъ къ задачѣ союзника и товарища! Неудивительно, если бѣдный ребенокъ беспомощно складываетъ свои слабыя ручки и трогательно спрашиваетъ: „чѣмъ могу тебѣ помочь? Какая моя сила, въ чемъ можетъ быть мое значеніе? Все зависитъ отъ одного тебя, а мое дѣло,—такъ учила меня матушка,—одно: быть *умницей*“. Именно этотъ отѣнокъ имѣетъ здѣсь непереводаемое греческое слово „sôfrôn“.

Таково положеніе, таковы взгляды въ Афинахъ,—въ томъ центрѣ, который создаетъ умственную атмосферу Греціи. Въ существенномъ они тѣ же, хотя и въ нѣсколько ослабленномъ и измененномъ видѣ, повсюду. Нѣсколько большей свободой пользуется женщина у дорянъ. Мы знаемъ только, какъ жилось ей въ Спартѣ,—здѣсь дѣвушка жила внѣ дома, какъ и юноша, но Спарта въ культурную жизнь Греціи не внесла ничего кромѣ хорошихъ рядовыхъ мушинъ и превосходныхъ кормилицъ-женщинъ. Свободнѣй также была, вѣроятно, женщина и у Эолянъ, но и тутъ мы почти ничего о ней не знаемъ.

Итакъ—живи незамѣтно, въ домѣ и для дома, въ семьѣ и для семьи, за стѣной, отгораживающей тебя отъ внѣшняго міра,—таковы тѣ желѣзныя цѣпи, которыя налагались на жизнь греческой женщины греческими воззрѣніями.

И все таки находились отдѣльныя представительницы женской половины человечества, выходившія за предѣлы этого круга, прорывавшія освященное вѣками правило *lathe bídsas*, прожившія очень замѣтно и для современниковъ, и для потомства. Чаще всего путь женщины, выходившей за грань сластливой безвѣстности, проходилъ черезъ домъ гетеры; иногда онъ вводилъ въ храмъ безсмертія, иногда проходилъ «вѣковъ завистливую даль».

Первая и наиболѣе великая изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ раскрылся этотъ второй путь,—Сафо. Солонъ разсказываетъ преданіе, услышавъ на пиру пѣснь Сафо, поспѣшилъ заучить ее, „чтобы не умереть, не зная ея“. Слово «поэтесса» безъ ближайшаго обозначенія имени обозначало Сафо, какъ тотъ, кто, не называя имени, говорилъ о поэтѣ, имѣлъ въ виду Гомера. Платонъ называлъ ее десятой музой, Эресъ и Митилена, города родного ея Лесбоса, украшали свои монеты ея изображеніемъ, ея статуя стояла на площадяхъ далекихъ отъ ея родины городовъ, Катуллъ переводилъ ея произведенія, Горацій подражалъ размѣрамъ и содержанію ея стихотвореній, Овидій воспѣвалъ ее самое,—и до нашихъ дней тянется рядъ произведеній, изображающихъ ее и ея судьбу.

Правда, эта слава досталась ей или, лучше сказать, ея памяти не дешево. Величайшая изъ поэтессъ была и наиболѣе оклеветанной изъ женщинъ. За смѣлость, съ которой она,—сама, пожалуй, того не сознавая—вышла изъ роковой стѣны безвѣстности, она заплатила цѣлымъ потокомъ грязи, излитымъ на нее литературной сплетней. На ней какъ будто желали показать справедливость извѣстнаго правила греческой мудрости: лучшая женщина—это та, о которой меньше всего говорятъ.

При жизни, пожалуй, о Сафо и немного говорили. Она принадлежитъ къ наивной эпохѣ, когда личность только едва начинаетъ сознавать свою особность, когда она прячется за свое дѣло. Эолийскія дѣвушки поютъ пѣсни

Сафо, какъ поютъ сотни народныхъ пѣсень, мало интересуясь авторомъ. Историко-литературный интересъ еще не проснулся. Литература пока только творитъ, но не изучаетъ созданнаго. Публика наслаждается созданнымъ, но не анализируетъ его. Живутъ произведенія, живутъ имена авторовъ, память объ ихъ личности исчезаетъ. Вотъ почему мы почти ничего не знаемъ о жизни Архилоха, Алкмана, Алкея, — почти ничего кромѣ незначительныхъ замѣтокъ не знаемъ и о Сафо. Даже время ея рожденія, — конецъ 7-го вѣка до Р. Х., — можетъ быть восстановлено только по догадкамъ, основаннымъ на случайныхъ замѣчаніяхъ, встречающихся среди тѣхъ жалкихъ отрывковъ, которые по счастью еще уцѣлѣли изъ богатаго оставленнаго ею литературнаго наслѣдія.

Сафо, — на ея родномъ эолийскомъ нарѣчій ея звали Псапфо, — родилась въ маленькомъ городкѣ Эресѣ, на островѣ Лесбосѣ. Мы мало знаемъ исторію этого острова. Но греки не раздѣляли мнѣнія Шиллера, — грекъ предпочитаетъ, если государство непохоже на женщину, и о немъ говорятъ, и чѣмъ болѣе говорятъ о родномъ городѣ грека, тѣмъ болѣе радуется его сердце. Лесбосъ славился своимъ благословеннымъ климатомъ, своимъ горячимъ виномъ, своими пѣснями, красотой своихъ женщинъ, — политически онъ никогда не играетъ крупной роли. Онъ входитъ въ аѣинскій морской союзъ, какъ одинъ изъ наиболѣе богатыхъ и важныхъ его членовъ, но постоянно не прочь пококлетничать съ Спартой. Его горячіе, легко подвижные граждане очень легко рѣшаются на возстаніе противъ притязательнаго господства аѣинянъ, но аѣиняне сравнительно легко подавляютъ эти возстанія. Лесбосъ умѣетъ довести врага до крайней степени раздраженія, но не умѣетъ создать для него серьезной опасности.

На островѣ, — и во время аѣинскаго господства, и за предшествующее ему время, къ которому относится жизнь Сафо, — царитъ вѣчное непрерывное волненіе. Аристократы и демократы поочередно рѣжутъ и изгоняютъ другъ друга, — въ этомъ вся исторія острова. Ко времени Сафо эта взаимная рѣзня доходитъ до своего апогея.

На островѣ, какъ и вездѣ въ Греціи въ древнѣйшую эпоху, господствуютъ знатные роды, — рыцарская знать, желающая жить и наслаждаться жизнью. Но жить — и хорошо жить — желаетъ и народъ, — тѣ вышедшіе изъ него люди, которымъ удачная торговля и мореходство дали на то средства. Эти люди легко находятъ себѣ вождя, часто изъ среды тѣхъ же отважныхъ, но легко и безпринципно живущихъ аристократовъ и на островѣ кипитъ война. Аристократы побѣждаютъ, — и эта побѣда даетъ имъ на короткое время возможность жить, какъ имъ жилось раньше; но народъ не успокаивается и опять начинается борьба, и опять льется кровь, — аристократы бѣгутъ съ родныхъ пепелищъ туда, гдѣ нуженъ ихъ добрый мечъ, чтобы продать его тому, кто лучше заплатитъ: для хорошаго бойца всегда найдется покупатель. А дома буря далеко еще не улеглась, — и только окончательно утомившись безконечной поножовщиной, враждующія стороны рѣшаютъ помириться и поручаютъ совершить дѣло примиренія одному изъ наиболѣе испытанныхъ въ бояхъ и дѣлахъ правленія гражданъ, — мудрецу Питтаку, герою народныхъ пѣсень и преданій. Питтакъ стремится разумно примирить несогласимыя противорѣчія, онъ весь отдается своему дѣлу, съ полнымъ безкорыстіемъ истиннаго мудреца. На время наступаетъ миръ, который только неохотно и не безъ попытокъ нарушить его переносятъ знатные герои копья, желающіе воли только для самихъ себя.

Среди этой насыщенной ненавистью и кровью атмосферы живетъ вся таки широко и весело. Суровые идеалы дорійской знати съ ея строгой классовой моралью и военной выдержкой не могли заглушить на эолийской почвѣ благодатнаго острова старыхъ гомерическихъ традицій. Аристократы Лесбоса были прямыми потомками жизнерадостныхъ и немного легкомысленныхъ гомеровскихъ героевъ. Буря воетъ, высокія волны отовсюду вздымаютъ свои гребни, — среди шума бури по потемнѣвшему морю несется безъ руля, съ разорванными парусами корабль, но тѣ, кто ввѣрили свою жизнь этому утлому кораблю, не теряютъ присутствія духа, ибо не слѣдуетъ поддаваться несчастію и лучшее лѣкарство въ бѣдѣ — пить и опьяняться, — пить, ибо Вакхъ и Семела дали людямъ вино на усладу сердець, пить, когда гремитъ буря войны, пить, когда на дворѣ трещитъ морозъ, чтобы убить долгую зимнюю ночь у привѣтно горящаго огня, пить, когда растрескавшаяся отъ жары земля жаждетъ влаги, когда Сириусъ жжетъ голову и колѣни, когда въ сухомъ воздухѣ раздается сладостная музыка кузнечика, — пить, пѣть и любить. Недаромъ боги даровали Лесбосу прекрасное вино и прекрасныхъ женщинъ, недаромъ на Лесбосѣ краше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Греціи, звучатъ пѣсни, — пѣсни любви, пѣсни веселья.

Свободные отъ душной монотонности жизни дорянъ, не затронутые тѣмъ глубокимъ умственнымъ движеніемъ, которое одухотворило жизнь іонянъ, живутъ лесбосцы своей легкой, не весьма нравственной жизнью, среди всѣхъ наслажденій, которыя имъ доступны, раздѣляя ихъ и со своими женщинами. Радости любви — высшія радости, какія доступны лесбосцу, — и на этомъ полѣ на островѣ больше свободы, чѣмъ въ остальной Греціи. Культъ красоты и любви широко процвѣтаетъ на немъ. Въ храмѣ Геръ ежегодно происходятъ состязанія, — женщины спорятъ изъ-за вѣнка красоты, — премированныя красавицы не избрѣтены нашимъ временемъ.

На этой же почвѣ распускается пышный цвѣтокъ эолийской лирики. Люди вездѣ и всегда поютъ, но гдѣ поютъ они свободно, какъ птицы, внѣ рамокъ опредѣленной музыкально-литературной традиціи, внѣ строго установленныхъ правилъ? Такъ называемая безыскусственная народная поэзія также подчинена имъ, какъ лирика наиболѣе искусственнаго изъ миннезингеровъ, — быть можетъ, и больше. И чѣмъ дальше вглубь исторіи поэзіи, — въ предѣлахъ, доступныхъ нашему непосредственному наблюденію, — уйдемъ мы, тѣмъ сильнѣе будетъ эта связанность поэзіи, эта ея зависимость отъ традиціи и правилъ.

Вся греческая поэзія выходитъ изъ школы, какъ изъ нея же по самому своему существу не можетъ не выходить и музыка. Эолийская пѣснь есть неразрывное соединеніе слова, ритма и мелодіи. Какъ и вся остальная поэзія и музыка, она развивается въ спеціальной музыкально-поэтической школѣ. Мастеръ окруженъ учениками, которые учатся у него, какъ учатся ученики любого художника чинквечентиста.

Все, что мы по существу знаемъ достовѣрнаго о Сафо, и заключается въ томъ, что она сочиняла пѣсни, что у нея была школа, были ученицы, „hetairai“, „подруги“. Изъ этихъ пѣсень, изъ факта существованія школы, изъ злыхъ сплетенъ построено все, что рассказываетъ древность о нашей поэтессѣ. О самой школѣ мы знаемъ очень немного, знаемъ только изъ самыхъ пѣсень имена нѣкоторыхъ изъ подругъ, знаемъ изъ литературной традиціи, что школа Сафо привлекала поклонниковъ поэзіи и ея великой представительницы

изъ самыхъ различныхъ областей Греціи. Всего этого очень мало, но значеніе и роль школы все таки ясны.

Никакое празднество въ Греціи не обходится безъ торжественнаго хора, никакой хоръ не обходится безъ хормейстера. Хормейстеромъ былъ напр. Алкманъ; мы имѣемъ отрывки его пѣсенъ, въ которыхъ онъ обращается къ дѣвушкамъ своего хора.

Такіе торжественные хоры существовали и на Лесбосѣ, — хоры дѣвушекъ; хормейстеромъ ихъ была Сафо. Въ ея открытомъ музамъ домѣ собирались ея подруги ученицы для подготовки къ исполненію праздничнаго хора, для посвященія въ тайны поэзіи и музыки.

Между учительницей и ученицами, естественно, образовалась близкая связь. Но какова эта связь, каковъ ея характеръ, ея значеніе, — этотъ вопросъ самый больной во всей исторіи Сафо. Его нужно рѣшить прямо, открыто и честно, даже если бы это рѣшеніе и разрушило тотъ возвышенный образъ Сафо, который такъ дорогъ всякому, любящему ея поэзію.

Отвѣтъ намъ дастъ сама поэтесса, — традиція насъ только сбивала бы.

Судьба сохранила намъ цѣликомъ, или почти цѣликомъ, два стихотворенія Сафо. Оба они говорятъ о любви. Первое изъ нихъ будетъ приведено впоследствии, приведемъ теперь второе:

О, какъ боги въ высотѣ небесной,
Счастливы тотъ, кто образъ твой прелестный
Непрестанно видитъ предъ собой,
Сладкій звукъ рѣчей твоихъ вливаетъ
И въ улыбки устъ твоихъ читаетъ,
Какъ глубоко онъ любимъ тобой!
Лишь въ умѣ твой образъ пронесется
Предо мной, какъ сердце вдругъ забьется,
На моихъ устахъ замрутъ слова,
И языкъ мой станетъ нѣмъ, какъ камень,
Пробѣжитъ по членамъ бурный пламень,
Вся въ огнѣ кружится голова.
Шумъ въ ухахъ, туманъ застелетъ зрѣнье,
И въ тревожномъ трепетѣ волненья
На ногахъ не въ силахъ я стоять;
Я холоднымъ потомъ обливаюсь,
Какъ трава поблекшая склоняюсь,
Гасну, таю, не могу дышать.

Переводъ принадлежитъ перу Э. Е. Корша. Переводъ, несомнѣнно, сдѣланъ превосходно, но онъ все таки нѣсколько грѣшитъ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ ослабляетъ бурно-чувственный характеръ подлинника. Это не любовь, это какая то горячка, неотразимо захватывающая влюбленнаго. Всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ своимъ могучимъ, здоровымъ, согрѣтымъ горячей южной кровью тѣломъ, всѣми нервами, всѣми порами реагируетъ онъ на впечатлѣніе, производимое на него видомъ любимаго существа. Тутъ не можетъ быть борьбы, не можетъ быть сдержанности, не можетъ быть и попытки рефлекса. Это всеограшающій пожаръ, — и этотъ пожаръ описанъ съ здоровымъ, наивнымъ реализмомъ, напоминающимъ былинныя описанія Чурилы Пленковича и влюбляющихся въ него женщинъ, — конечно эти описанія гораздо болѣе грубы по формѣ, но сущность таже, — таже чувственная страсть во всей ея безудержности.

Но есть и другая ошибка перевода. Перечтите стихотвореніе, — оно стоитъ того, стоитъ многократнаго прочтенія, — вы не замѣтите въ немъ ничего необычнаго. Одно изъ

тысячъ подобныхъ стихотвореній, особенно хорошо написанное, поражающее силой и непосредственностью чувства, — и только. Катуллъ перевелъ его съ нѣкоторыми дополненіями, — почти точно такъ же, какъ Э. Е. Коршъ, и его переводъ не остановитъ вашего вниманія.

А между тѣмъ въ этомъ стихотвореніи въ подлинномъ видѣ есть особенность, которая ставитъ втупикъ каждому современнаго читателя, которая вызвала среди современныхъ изслѣдователей цѣлую бурю споровъ, — стихотвореніе посвящено женщиной женщинѣ, мы имѣемъ въ немъ описаніе страсти, которую питаетъ женщина къ женщинѣ. Этотъ фактъ неоспоримъ, — онъ подтверждается нѣкоторыми другими отрывками нашей поэтессы. Въ многообразной исторіи извращеній человѣческаго чувства есть и такое, — даже въ Греціи оно встрѣчается не часто, но оно есть. Это новая загадка для историка-психолога, загадка тѣмъ болѣе сложная, что это извращеніе находится въ рѣзкомъ противорѣчьи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о душевной жизни Сафо. Человѣческая природа сложнѣй всѣхъ нашихъ соображеній. Мы должны признать существованіе многого изъ того, чего мы не понимаемъ. На нашей поэтессѣ лежитъ темное пятно, — и смыть его нельзя, несмотря на рыцарскую попытку Велькера „освободить Сафо отъ господствующаго предразсудка“. Когда старый честный Schulmeister Теодоръ Канъ въ порывѣ восторга передъ великимъ поэтическимъ гениемъ доходитъ до того, что въ лицѣ Сафо привѣтствуетъ «уважаемаго коллегу», учительницу, воспитывающую грядущія поколѣнія и относящуюся къ своимъ ученицамъ съ теплымъ любовнымъ чувствомъ истиннаго педагога, то это болѣе трогательно, чѣмъ справедливо. Видѣть въ отношеніяхъ Сафо къ ея подругамъ аналогію той игрѣ въ любовныя отношенія, которая такъ характерна для Сократа, которая такъ опоэтизирована и углублена въ «Федръ» и «Пиръ» Платона, значитъ смѣшивать различныя эпохи, различныя типы отношеній, различныя міропониманія. Вся пылкость греческой фантазіи, вся та яркость красокъ, которой блистаетъ палитра Сафо, не можетъ создать изъ чисто духовныхъ, „платоническихъ“ отношеній ту картину рѣзко чувственной страсти, которую рисуетъ намъ стихотвореніе Сафо. Все, что приводитъ въ защиту Сафо Велькеръ, дѣлаетъ великую честь ему, но не оправдываетъ Сафо и бросаетъ очень темную тѣнь на нравы Греціи. Правда, въ древней литературѣ мы почти, — но только почти, — не находимъ указаній на эту сторону жизни Сафо, но это будетъ доказательствомъ не ея незапятнанности, а только равнодушія древности къ тѣмъ извращеніямъ естественнаго чувства любви, которыя вызываютъ въ насъ ужасъ и отвращеніе. Древняя сплетня на счетъ Сафо развилась не на этой почвѣ — она нашла себѣ другой поводъ обрызгать Сафо всей грязью гнусной клеветы. Быть можетъ, ей этой грязи казалось достаточно.

Такова, значитъ, была школа Сафо — школа поэзіи, музыки, страсти — страсти не всегда чистой, но въ этой школѣ развилась эолийская поэзія, и пятно, лежащее на поэтессѣ, не пятнаетъ ея поэзіи, — поэзіи сильной, глубоко чувствующей личности, перваго образца истинной лирики.

Лирика, по нашимъ учебникамъ, всегда субъективна. Это правда, но не всегда она субъективна въ одинаковой мѣрѣ. Въ своихъ началахъ греческая лирика служитъ отголоскомъ однихъ только наиболѣе общихъ, — лучше сказать, наиболѣе общественныхъ чувствъ. Патриотизмъ, героизмъ воина, партійная ненависть, — все то, что человѣкъ имѣетъ общаго съ другими, въ чемъ онъ чувствуетъ свою съ другими общ-

ность,—вотъ содержаніе того, о чемъ поютъ Каллинь, Тиртей, Солонъ. Тѣ стороны жизни, тѣ чувства, въ которыхъ человѣкъ сознаетъ свою отъ другихъ особность не имѣютъ въ глазахъ древняго поэта такого крупнаго значенія, чтобы онъ испытывалъ потребность излить ихъ.

Здѣсь не мѣсто слѣдить за развитіемъ субъективности въ греческой лирикѣ. Для нашей цѣли достаточно будетъ установить, что эоійская пѣсня достигаетъ значительной высоты ея. И любовь есть чувство общее всѣмъ людямъ, и она у грековъ является далеко не индивидуализованной, и здѣсь греки изображаютъ скорѣе типичнаго любящаго, чѣмъ любящаго индивида, но это происходитъ оттого, что самая личность мала индивидуализована, что она мало чувствуетъ себя таковой въ своей особности отъ другихъ. Но все таки любить человѣкъ, какъ „я“, не какъ часть группы, любить для себя, внѣ своей связи и общности съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Его любовь есть *его* любовь, *его* личное, индивидуальное чувство, хотя мало отличающееся отъ подобнаго же чувства окружающихъ его людей, какъ мало отличается отъ нихъ и онъ самъ.

Съ этими ограниченіями эоійская лирика можетъ быть названа лирикой вполнѣ субъективной. Она отмежевала себѣ тотъ уголокъ, который отмежевала въ полное распоряженіе личности общественная группа, въ особенности общественная группа іонійско-эоійской культуры съ ея сравнительно слабымъ развитіемъ государственности. Мой домъ, моя семья, моя возлюбленная, моя радость, мое горе, моя любовь, моя ненависть—вотъ ея содержаніе. Немного людей которые умѣютъ такъ безраздѣльно ненавидѣть, какъ Теогида, но эта ненависть не личности къ личности, а партіи къ партіи, оскорбленнаго въ своихъ классовыхъ правахъ и интересахъ аристократа къ демосу. И Алкей ненавидитъ Миртилу, главу враждебной ему демократической партіи, но эта ненависть уже спустилась изъ атмосферы *партійныхъ* интересовъ въ область *личнаго* чувства, это ненависть *Алкея* къ Миртилу, и лично, всей силой своей легко возбудимой природы ненавидитъ онъ своего врага, лично торжествуетъ онъ, готовъ пить и дико плясать, когда этотъ врагъ умираетъ. Но Алкей боевая натура; жизнь ключемъ бьется вокругъ него, подвижная, бурная, хотя и неглубокая жизнь небольшой, мечущейся въ партійной борьбѣ греческой республики. Общественные интересы иной разъ противъ воли выводятъ его изъ круга личной жизни, личныхъ интересовъ.

Сафо—женщина, греческая женщина, и женщиной она остается. Политика не для нея. Если преданіе говоритъ о томъ что и ее борьба партій заставила оставить родину, то это только догадка, во всякомъ случаѣ это преданіе не говоритъ о личномъ участіи ея въ политической борьбѣ. Сафо остается въ своемъ домѣ; личная жизнь ея сердца—вотъ тотъ кругъ, которымъ исчерпывается содержаніе ея поэзіи. Въ этомъ ограниченіи ея сила. Она развила до полнаго совершенства именно тотъ элементъ, въ которомъ лежитъ отличительная черта эоійской лирики, элементъ непосредственной жизни личнаго чувства.

Личность въ центрѣ міра, не какъ опредѣляющій его смыслъ и значеніе факторъ, а какъ отражающее его зеркало,—въ этомъ лежитъ существо эоійской лирики. Но зеркало это само по себѣ не безразлично, оно не отражаетъ лучей неизмѣненными, а окрашиваетъ ихъ въ свой строго опредѣленный цвѣтъ. Міръ представляется поэту не такимъ, каковъ онъ объективно есть, а такимъ, какимъ поэтъ его желаетъ видѣть и можетъ видѣть при данномъ состояніи своихъ душевныхъ силъ, своихъ воспринимающихъ способ-

ностей. Онъ отражается въ немъ не весь а постольку, поскольку онъ входитъ въ соприкосновеніе съ міромъ его мечтаній, желаній, стремленій, то положительно, то отрицательно, въ счастливѣйшей гармоніи и въ нарушающей душевное равновѣсіе дисгармоніи.

Эпикъ видитъ міръ другими глазами; онъ существуетъ для него самъ въ себѣ, безъ отношенія къ его интересамъ, къ его жизни; онъ изображаетъ его, не расцвѣчивая красками, которыя существуютъ только въ его душѣ. Вошло въ обычай отрицать у древнихъ чутье природы,—это далеко не вѣрно. Въ иномъ эпитетѣ Гомера больше пониманія ея, чѣмъ на многихъ страницахъ столь модныхъ въ настоящее время описаній; но у древнихъ въ природу не влита чело-вѣческая душа, и чело-вѣческая душа не сливалась у нихъ съ природой. Поэтъ описываетъ паденіе оливковаго дерева, долго стоявшаго во всей своей красотѣ, описываетъ бурю, мгновенно вырвавшую его съ корнями, но дерево у него не стонетъ, дерево у него не живетъ. Онъ увидѣлъ картину, она отпечаталась въ его фантази, и онъ описалъ ее. Ему, очевидно, жаль этого дерева, но эта жалость не выливается въ слова, потому что поэтъ не умѣетъ еще внести въ картину настроеніе. Грозно и спокойно, какъ тучи на вершинѣ горы, стоятъ данайцы, —и тучи мастерски описаны, но въ душахъ данайцевъ ихъ нѣтъ. Двѣ картины вырисовались въ душѣ художника,—параллельныя, но не слитныя.

Совершенно иначе видятъ и представляютъ себѣ природу поэты лирики,—совершенно иначе изображаютъ они ее, —она существуетъ для нихъ не сама по себѣ, а только въ отношеніи къ тому центру, къ которому обращаются и изъ котораго исходятъ всѣ ихъ мысли,—ихъ собственной личности. Параллельные образы сливаются. Лирики разгадали тайну того языка, на которомъ природа говоритъ душѣ чело-вѣка. Тутъ уже не картинки природы, а ея настроенія. Алкеманъ рассказываетъ, какъ спитъ природа. Мы не знаемъ связи, въ которой находится описаніе, — до насъ дошелъ только отрывокъ,—но настроеніе охватываетъ насъ съ той же силой, какъ въ знаменитомъ гетевскомъ *Wanderlied* („Горныя вершины спятъ во тѣмѣ ночной“ и т. д.):

Спятъ высокихъ горъ вершины,
Спятъ ущелья въ темной мглѣ,
Волны дремлющей пучины
И червякъ въ сырой землѣ.
Въ дебри звѣрь зайдя глухія
Грезитъ въ чуткомъ полуснѣ,
И удовища морскія
Спятъ въ соленой глубинѣ.
Листьевъ шопотъ, пчель жужжанье
Стихи, спитъ глубокимъ сномъ
Птичка, рѣзвое созданье,
Въ тепломъ гнѣздышкѣ своемъ...

И для Сафо природа жива. Для нея сіяетъ мѣсяць, журчитъ ручей, шумитъ листва деревьевъ, реветъ прибой моря, поютъ соловьи, благоухаютъ розы. Верховная ея богиня, богиня любви и красоты—Афродита рисуется ей среди чашечекъ пышныхъ цвѣтовъ, которыми одѣваетъ землю южная благодатная природа ея острова. Среди прекрасныхъ тихихъ картинъ этой богатой красками природы Сафо умѣетъ находить радость и отдыхъ. Сладкое усыпленіе охватываетъ ее на берегу холоднаго журчащаго ручейка, среди мирно шепчущихъ листьевъ. Но и тогда, когда буря страсти бушуетъ въ ея груди, она умѣетъ находить откликъ въ природѣ, она, какъ родственная ей душа, прислушивается къ завыванію вѣтра. И онъ, какъ Гомеръ, сравниваетъ явле-

нія человѣческой жизни съ явленіями окружающей ее природы, но какую теплоту личнаго чувства умѣетъ она внести въ это сравненіе! Она сравниваетъ одинокую дѣвушку съ яблокомъ, одиноко краснѣющимъ на самой верхушкѣ дерева: собиравшіе съ яблока плоды забыли объ немъ... Нѣтъ, они не забыли объ немъ, они не могли достать до него, оно было слишкомъ высоко для нихъ. И вы видите, какъ это яблоко оживаетъ предъ вами, — вы начинаете интересоваться имъ самимъ, его собственной судьбой, помимо его сходства съ тѣмъ предметомъ, для сравненія съ которымъ оно приведено. Гиацинтъ раздавленъ грубыми ногами пастуховъ, и погибъ пурпурный цвѣтокъ! И этотъ короткій вздохъ показываетъ вамъ, какъ жаль поэту прекраснаго цвѣтка, и вамъ самимъ становится жаль его. Злые люди ранили птичку, и поэтъ описываетъ, какъ цѣпенѣтъ бѣдная птичка, какъ беспомощно опускаются ея легкія крылья.

Прекрасная дѣвушка затмеваетъ своей красотой всѣхъ своихъ подругъ, и поэтесса изображаетъ это такъ:

Свѣтъ луны средь темной ночи
Засіяетъ въ вышинѣ,—
Яркихъ звѣздъ блѣднѣютъ очи,—
Какъ свѣтитъ имъ при лунѣ?

Луна—любимое свѣтило Сафо, къ ней она возсылаетъ свои молитвы, въ ея свѣтѣ рисуются ей наиболѣе прекрасныя, наиболѣе дорогія ея сердцу картины любви и счастья.

Весна, соловей, цвѣты—у нея неразрывныя темы. Цвѣтами усѣянь весь тотъ путь, который проходитъ она въ своихъ мечтахъ. Ея богини—Афродита, музы и хариты, — прекрасныя молодыя богини. Афродита покоится среди розъ, хариты благосклонно смотрятъ на дѣвушекъ, увѣнчанныхъ цвѣтами; онѣ отворачиваются отъ нихъ, если на нихъ нѣтъ вѣнковъ. Прекрасная дѣвушка рисуется ей въ образѣ цвѣтка, но и среди цвѣтовъ, въ пышномъ вѣнкѣ на кудряхъ. „Увѣнчанной фіалками Сафо“ называетъ ее ея поклонникъ Алкей.

Но природа занимаетъ въ душевной жизни Сафо только сравнительно скромное мѣсто; она только аккомпаниментъ, только фонъ, на которомъ развивается эта душевная жизнь. Ея главный властелинъ — „нѣжная страсть“, Эротъ, мучительный, непобѣдимый, всепобѣждающій. Она вся во власти Афродиты, и къ ней она прибѣгаетъ со своей молитвой:

Съ высоты многоцвѣтнаго трона,
Строя хитрыя козни въ тиши,
Не отвергни молящаго стона
Удрученной тоскою души.

О, приди—вѣдь и въ годы былые,
На мольбу мою слухъ преклоня,
Громовержца чертоги златые
Ты покинуть могла для меня.

Голубей многокрылая стая
Колесницу твою понесла
И, ээира струи разсѣкая,
Полетѣла къ землѣ, какъ стрѣла.

И, сіяя безсмертной красою,
Вдругъ предстала ты мнѣ на яву
И спросила, что случилось со мною,
И тебя для чего я зову.

Говорила: „чего же ты хочешь?
Иль скорбишь, безъ отвѣта любя?
Кто упрямый, о комъ ты хлопочешь?
Кто не цѣнить,—о, Сафо, тебя?.

Пусть теперь онъ тобою не занятъ:
Онъ полюбитъ тебя безъ ума;
Пусть дичится,—потомъ не отстанетъ,
Хоть бы ты охладѣла сама“.

Такъ приди же и нынѣ, благая,
Мою злую кручину разсѣй.
И, желанья мои исполняя,
Будь союзницей вѣрной моей.

Сафо страдаетъ отъ нераздѣленной любви, страдаетъ не впервые; съ теплой вѣрой молить она о помощи Афродиты, испытанную союзницу и покровительницу. Мы знаемъ, какъ сильно она умѣла любить,—мы знаемъ теперь, какъ сильно она умѣла и страдать. Страданія нераздѣленной любви, неудовлетворенной страсти, горькія муки ревности—все это выпало ей на долю, все это вылилось въ ея стихахъ. И отъ всего этого богатства намъ остались только скудные отрывки, по которымъ мы едва можемъ различить слабый контуръ той картины, которая приводила въ восторгъ Горация и которую, по его словамъ, любовались даже тѣни умершихъ въ подземномъ царствѣ.

Мы знаемъ уже, какова была любовь Сафо,—мы знаемъ объ ея отношеніяхъ къ ея подругамъ. Каковы были ея отношенія къ мужчинамъ намъ трудно съ увѣренностью сказать. Говорится ли въ только что приведенномъ нами стихотвореніи о мужчинѣ, или о женщинѣ, мы тоже не знаемъ: толкованіе покоится на слишкомъ зыбкой почвѣ догадки. Э. Е. Коршъ, которому принадлежитъ переводъ и этого стихотворенія, принялъ эту догадку, но это дѣло личнаго взгляда. Текстъ оригинала не даетъ яснаго отвѣта.

Уже Аристотель зналъ о маленькомъ романѣ, разыгравшемся между двумя величайшими представителями эолийской лирики,—Алкеемъ и Сафо.

Алкей посвятилъ Сафо стихотвореніе, изъ котораго сохранился отрывокъ:

Прекрасная, чистая, съ свѣтлой улыбкой Сафо!
Сказалъ бы я слово, но стыдъ заставляетъ
умолкнуть... *)

На это робкое признаніе Сафо отвѣтила стихами:

Коль были бы чисты твои желанья,
Открыто рѣчь бы съ устъ твоихъ лилась,
Въ стыдѣ ты не искалъ бы оправданья,
Въ смущеніи не опускалъ бы глазъ.

Отвѣтъ, быть можетъ, не заслуженный, но во всякомъ случаѣ вполне достаточный, рисующій намъ Сафо далеко не съ той стороны, съ которой мы знаемъ ее по ея любовнымъ стихотвореніямъ. И это не единственный случай. Не одного Алкея очаровала свѣтлая улыбка Сафо. Уже немолодого она умѣла привлекать сердца, но въ этомъ позднемъ романѣ у нея хватило такту, чтобы заявить молодому вздыхателю:

Ты мнѣ милъ, но страсти ложе
Для другой ты приготовь,—
Пусть другая, помоложе,
Подарить тебѣ любовь.

*) Собственно говоря, сохранилось два разрозненныхъ отрывка. Приведенное въ текстъ соединеніе обязано своимъ происхожденіемъ весьма правдоподобной догадкѣ.

Сознать себя постарѣвшей, умѣть удержаться при видѣ молодой горячей страсти, — въ этой благоразумной, чистой матронѣ мы едва узнаемъ пламенную Сафо. Но мы и еще въ одномъ случаѣ подмѣтимъ въ ней ту же черту спокойнаго благоразумія. Геродотъ рассказываетъ, что младшій братъ Сафо Хараксъ, торговавшій лесбосскимъ виномъ, во время одного изъ путешествій попалъ въ Навкратисъ, — греческую колонію въ нижнемъ Египтѣ, — и тамъ влюбился въ знаменитую въ то время гетеру, еракійскую рабыню, которую ея поклонники называли Родопидой (розошкой). Увлечение его было такъ сильно, что онъ выкупилъ ее у ея господина, отпустилъ на волю, привезъ на родной островъ и тамъ разорялся на жадную и безстыдную гетеру. Его поведеніе настолько возмутило и встревожило его знаменитую сестру, что она попыталась наставить его на путь истинный особымъ стихотвореніемъ. Насколько дѣйствительно было вліяніе этого нравоучительнаго произведенія десятой музы, мы не знаемъ; не знаемъ мы также, какія соображенія руководили ею, не знаемъ, боялась ли она за карманъ или за нравственность своего брата, — стихотвореніе не сохранилось. Но что и одни чисто-нравственныя соображенія могли руководить ею, это показываютъ многія изъ отрывковъ ея стихотвореній, проникнутыхъ высокой нравственной чистотою. Дочь чувственной Эоліи строго различаетъ между внѣшней красотой, которая чаруетъ только мимолетный взглядъ, и внутреннимъ достоинствомъ добродѣтели, которая сама по себѣ даетъ красоту. Женщина, съ такой правдивостью и рѣшительностью описывавшая чувственную страсть, — и свою чувственную страсть во всей ея силѣ, — умѣла воспѣть и испугъ молодой невѣсты, клянущейся, что она вѣчно сохранитъ свою дѣвственную чистоту, и прекрасный румянецъ стыда, заливающий ея щеки.

Но Эротъ всесилень. Какъ бурный вѣтеръ, разыгравшійся въ горахъ, колеблетъ вершины сосенъ, такъ Эротъ потрясаетъ душу дѣвушки, — ей не въ моготу сидѣть за прялкой, подлѣ „сладкой“ матушки, — ее влечетъ непобѣдимая любовь прочь отъ нея, къ прекрасному юношѣ, — она не можетъ уйти отъ власти нѣжной Афродиты:

Милая матушка.
Прясть не могу я,
Мнѣ не сидится.
Ноя, тоскуя,
Сердце томится
Здѣсь въ заперти!
Ниточки рвутся,
Руки трясутся...
Милая матушка,
Дай мнѣ уйти.

И сама поэтесса не ушла отъ этой власти, не всегда и не всѣмъ отвѣчала она такъ, какъ отвѣтила Алкею, не всегда оставалась она нечувствительной къ мужской красотѣ, — и она пережила „волненья страсти нѣжной“, и у нея былъ другъ, въ прекрасные глаза котораго она глубоко заглядывала. Была ли она женой, мы не знаемъ. Если наши памятники называютъ намъ имя ея мужа, то всякій, знакомый съ греческимъ языкомъ, сразу разглядитъ, что въ этомъ имени скрывается грязная насмѣшка надъ поэтессой. Но любовницей и матерью она была несомнѣнно; пятно, которое налагаетъ на нее ея страсть къ многочисленнымъ „подругамъ“, отчасти смыто тою нѣжной любовью, которую она питаетъ къ своей маленькой дочери Kleidѣ, своей прекрасной дѣвчкѣ, похожей на золотыя почки цвѣтовъ, своей

единственной радости, за которую она не взяла бы всей Лидіи со всѣми ея богатствами.

Древніе знаютъ цѣлый рядъ именъ любовниковъ Сафо. Если мы захотимъ смыть съ нея обвиненіе въ неравнодушіи къ подругамъ, то Овидій заставитъ насъ признать ея жизнь сплошнымъ рядомъ любовныхъ исторій съ мужчинами. Въ древности ходили рассказы объ ея связяхъ съ Архилохомъ, Анакреонтомъ, Гиппонактомъ, — но Архилохъ умеръ гораздо раньше, чѣмъ родилась она, Гиппонактъ и Анакреонтъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще не родились, когда она умерла. Древняя сплетня искала именъ, — по общему ея квази-ученому характеру она старалась связать во едино событіями личной жизни представителей одного рода поэзии. Какъ интересно было вообразить себѣ связанными узами любви двухъ величайшихъ пѣвцовъ ея, — Анакреонта и Сафо! Но если именъ искали, то очевидно, что въ самихъ произведеніяхъ Сафо ихъ не было, — ихъ измышляли. Сплетня живуча, — она дожила до нашихъ временъ. И это не удивительно: она нашла себѣ геніальныхъ представителей, наложившихъ печать своего генія на всю дальнѣйшую умственную и культурную жизнь Греціи.

Въ Афинахъ въ періодъ высшаго расцвѣта ихъ политическихъ и художественныхъ силъ господствовала полная, неограниченная свобода слова. Не было столь высоко стоящаго во мнѣніи народа, не было политически столь властнаго лица, до котораго эта свобода не могла бы добраться. Не было столь интимнаго уголка личной жизни, который былъ бы священенъ и недоступенъ для любопытнаго взора не всегда благосклоннаго сосѣда, который былъ бы огражденъ отъ острыхъ языковъ кишащей на рынкахъ досужей толпы. Планы похода въ Сицилію, требовавшаго важнаго напряженія силъ афинскаго государства и ставившаго на карту его судьбу, и помои, которыми обливала Сократа Ксантиппа, политическіе замыслы Перикла и тайны алькова Аспази — обо всемъ этомъ одинаково громко и ясно говорились на улицахъ, на площадяхъ, въ лавочкахъ брадобрѣевъ, да даже на сценѣ театра, — именно театръ и былъ главной ареной этой необузданной „parrhesia“, которой такъ гордились афиняне.

Комедія сосредоточила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всю геніальность аттического ума. Вся его безграничная фантазія, вся бьющая ключомъ сила веселаго, неудержимаго смѣха, вся неистощимая живость легко-подвижнаго народного характера, — все это отпечатлѣлось въ ней, — и эта единственная въ своемъ родѣ геніальность захватываетъ и увлекаетъ и насъ, заставляя насъ забыть, что излюбленная этой комедіей область — грязь, что въ эту грязь комики окунули и Перикла, и Еврипида, что ею они забрызгали тотъ божественно-чистый образъ Сократа, который создали Ксенофонтъ и Платонъ. Для комика нѣтъ ничего возвышеннаго, ничего великаго, ничего священнаго. Онъ изображаетъ Діонисія жалкимъ трусомъ, Геракла смѣшнымъ и тупымъ обжорою, онъ заставляеть Зевса вмѣстѣ со всѣмъ сонмомъ Олимпійскихъ боговъ трепетать предъ афинскимъ проходимцемъ. Что же значить для него такая ничтожная вещь, какъ честная память давно умершей женщины?

Но и афинская свобода слова мало по малу начала терпѣть ограниченія. Политическіе дѣятели начали находить неудобнымъ то трепаніе ихъ имени на сценѣ передъ собравшеюся праздничной толпою, которое дѣлало изъ комедіи немаловажное орудіе политической борьбы. Комедіи приходилось сжиматься, приходилось искать объектовъ для своихъ насмѣшекъ среди другихъ менѣе опасныхъ жертвъ.

Касаться Алкивиада, Эрамена, Критія не всегда было безопасно, не всегда и возможно,—недаромъ преданіе рассказываетъ о томъ, что Алкивиадъ утопилъ или только топилъ Евполида.—но Сократа и Еврипида можно было не щадить. Еще легче и безопаснѣе было смѣшить народъ на счетъ тѣхъ, которые не могли платить насмѣшкой за насмѣшку, потому что давно покоились въ могилѣ.

Къ числу послѣднихъ принадлежала и Сафо.

Намъ извѣстно о существованіи цѣлыхъ шести комедій, носившихъ прославленное и обезславленное имя Сафо,—изъ всѣхъ періодовъ историческаго развитія комедіи. Сафо интересовала аттическую публику отъ тѣхъ временъ, когда на ея сценѣ выступали въ каррикатурномъ видѣ первые государственные мужи республики, до той поры, когда ее насеяли веселый народъ рабовъ и гетеръ. Но этимъ не исчерпываются наши свѣдѣнія о Сафо, какъ о героинѣ комическихъ пьесъ. Существовалъ рядъ комедій подъ именами „Левкадянка“ и „Фаонъ“, въ которыхъ нѣкоторую, по крайней мѣрѣ, роль играла наша поэтесса — ея романъ съ Фаономъ и ея трагическая смерть.

Но существенно для комиковъ было другое. Они изображали Сафо женщиной, со всѣмъ разгуломъ дикой чувственности отдающейся Эроту, они окунули ее въ такую глубокую грязь, что еще знаменитый своимъ безпримѣрнымъ трудолюбіемъ александрійскій ученый Дидимъ поставилъ себѣ задачей серьезнаго научнаго изслѣдованія вопросъ о томъ, была ли Сафо продажной гетерой. Мы не знаемъ, какъ отвѣтилъ онъ на этотъ вопросъ, но позорная слава осталась за воспѣтой Алкеемъ „чистой“ Сафо. Позднѣйшіе изслѣдователи греческой древности никакъ не могли согласовать этой сплетни съ тѣмъ образомъ поэтессы, который сложился у нихъ на основаніи другихъ историческихъ преданій и ея собственныхъ произведеній, — они и вышли изъ этого затрудненія столь обычнымъ въ литературной исторіи древнихъ способомъ: они предположили существованіе двухъ Сафо, изъ которыхъ одна,—конечно, не поэтесса—была гетерой. Трудно и вообразить себѣ, въ какихъ краскахъ должны были изобразить эту продажную жрицу любви аттические комики. Вспомнимъ только, что и какъ рассказываетъ Аристофанъ не о гетерахъ, а о честныхъ аѳинскихъ гражданкахъ въ своихъ такъ называемыхъ женскихъ пьесахъ. Аѳиняне не стѣснялись въ выраженіяхъ; какъ всѣ южане они были большими любителями всего прянаго. Не постыжались, вѣроятно, комики и на насмѣшки надъ наружностью поэтессы. Изображали ли они ее синимъ чулкомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, мы не знаемъ, — представленіе о «третьемъ полѣ» вообще было чуждо древности, да съ ролью гетеры это представленіе не особенно вяжется,—но зато они изображали «прекрасно улыбающуюся, увѣнчанную фіялками Сафо» низкорослой, черномазой дурнушкой.

И исторія Фаона и Сафо, какъ мы уже указали, тѣмъ или другимъ путемъ ведетъ свое происхожденіе изъ той-же аттической комедіи. Аттические поэты, сдѣлавшіе изъ Сафо гетеру, создали для нея и ту романтическую славу, которая до сихъ поръ продолжаетъ привлекать сердца и дѣлаетъ изъ эолийской поэтессы любимую героиню поэтическихъ произведеній. Мало кто знакомъ съ пѣснями Сафо, но кому не приходилось слышать о прекрасной поэтессѣ, безнадежно влюбленной въ отвергающаго ее прекраснаго юношу и бросающейся съ вершины скалы въ море, чтобы въ объятіяхъ смерти найти исцѣленіе отъ пожирающей ее несчастной непобѣдимой страсти?

На самомъ дѣлѣ вся эта исторія первоначально вовсе не была такъ поэтична.

Вотъ что рассказываютъ о героѣ этой печальной исторіи.

Фаонъ былъ лодочникомъ, который за небольшую плату перевозилъ путешественниковъ съ Лесбоса на близкій малоазійскій материкъ. Однажды къ нему пришла, принявши образъ бѣдной старухи, сама Афродита и просила перевезти ее. Фаонъ не узналъ богини, но все таки исполнилъ ея просьбу и не потребовалъ у нея платы за провозъ. Въ награду за эту услугу благодарная богиня подарила ему сосудъ съ мазью, сдѣлавшей его самымъ красивымъ изъ мужчинъ. Всѣ женщины Лесбоса влюбились въ него. По другимъ рассказамъ вмѣсто мази онъ получилъ приворотный корень, которымъ приворожилъ къ себѣ Сафо, какъ и другихъ лесбіянокъ.

Фаонъ, любимецъ Афродиты, помолодѣвшій старикъ, личность, очевидно миѳическая, или, по крайней мѣрѣ, мало по малу получившая черты миѳическаго героя,—когда?—это можетъ подлежать спору.

Но Фаонъ сталъ и комическимъ героемъ. Дѣйствительно, самая ситуація носить въ себѣ зачатки комизма. Почтенный, добрый, благочестивый старикъ вдругъ по щучьему велѣнью становится молодымъ красавцемъ, Донъ-Жуаномъ-удачникомъ. Непривычный успѣхъ кружить ему голову—кувшинъ, повадившійся ходить по воду, тамъ себѣ и голову сломилъ.

Но и съ другой стороны можно создать изъ исторіи Фаона сюжетъ для ряда дѣйствительно комическихъ ситуацій. На Фаона какая женщина ни взглянетъ, та и влюбится. Число этихъ влюбленныхъ все растетъ и растетъ,—молодого красавца преслѣдуютъ цѣлыя толпы обезумѣвшихъ лесбіянокъ, даръ Афродиты превращается въ проклятіе, и онъ безъ оглядки бѣжитъ отъ своихъ навязчивыхъ поклонницъ, какъ епископъ Гаттонъ отъ мышей. Съ Лесбоса онъ бѣжитъ на Сицилію, съ Сициліи въ Акарнанію. Толпа влюбленныхъ въ него бѣжитъ за нимъ по пятамъ вплоть до Левкадскаго мыса, на которомъ онъ воздвигаетъ храмъ Аполлону избавителю. Сколько комическихъ сценъ можно было создать между ссорящимися влюбленными женщинами, между робкимъ юношей, которому до смерти пріѣлись страстныя ласки его поклонницъ, и настойчиво преслѣдующими его, обезумѣвшими отъ любви къ нему женщинами. Комедія кончается трагедіей, отвергнутыя имъ поклонницы бросаются въ море съ высоты Левкадской скалы. Впрочемъ, гибнуть ли онѣ тамъ, не вполне ясно. Прыжокъ съ Левкадской скалы можетъ имѣть особое ритуально-очистительное значеніе.

О Левкадской скалѣ существуетъ цѣлый рядъ рассказовъ. Одна изъ несчастно-влюбленныхъ въ Фаона дѣвушекъ покончила свою жизнь и страданія роковымъ прыжкомъ съ этой скалы. Съ тѣхъ поръ, рассказываютъ древніе, ежегодно являются люди, которые бросаются съ этой скалы за извѣстную плату. Ежегодно въ праздникъ Аполлона со скалы сбрасываютъ нѣсколькихъ преступниковъ, но принимаютъ при этомъ мѣры для того, чтобы сдѣлать ихъ паденіе возможно менѣе опаснымъ,—внизу ихъ поджидаютъ люди въ лодкахъ, чтобы вытащить ихъ изъ воды. Обычай есть, очевидно, одна изъ многочисленныхъ въ древности формъ символическаго замѣнительнаго жертвоприношенія Аполлону. Цѣлый рядъ преданій, пріуроченныхъ къ этому обряду, рассказываетъ о немъ, какъ о средствѣ избавиться отъ не-

раздѣленной любви. Апполонъ очищаетъ отъ нея, какъ онъ является спасителемъ отъ всякаго другою безумія.

Въ эту комически-миѣтическую обстановку и поставлена нашимъ преданіемъ исторія Сафо. Молодой любимецъ Афродиты умѣлъ безповоротно плѣнить ея сердце; сдѣлалъ ли онъ эта намѣренно, или она не устояла противъ его красоты, какъ и всѣ другія лесбіянки, — объ этомъ различныя версіи сообщаютъ различно. Точно также различны рассказы и о дальнѣйшемъ теченіи романа. Если одни рассказываютъ, что Фаонъ тотчасъ же отвергъ страсть своей знаменитой поклонницы, то другіе говорятъ о тянущейся нѣсколько лѣтъ любовной связи, кончившейся охлажденіемъ любовника. Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ Сафо отвергнута; и страданія нераздѣленной любви заставляютъ ее броситься съ пресловутой скалы — для того ли, чтобы излѣчиться отъ нея, или чтобы покончить съ собой, этого въ древнѣйшихъ по крайней мѣрѣ версіяхъ съ точностью установить нельзя. Къ слову сказать, древнѣйшая версія восходитъ только къ памятнику начала III-го вѣка до Р. Х. — слѣдовательно, къ сравнительно очень поздней эпохѣ.

Такимъ образомъ вся прославленная исторія Сафо и Фаона становится фантастической, — она есть измышление позднѣйшаго времени. Весь тотъ романическій ореолъ, которымъ она окружаетъ Сафо, основывается на хронологическомъ недоразумѣніи. Сафо во время ея самоубійства должно было бы быть около 60 лѣтъ — изъ прекрасной героини Грильпарцеровской драмы, сіяющей блескомъ красоты, она превратилась бы во влюбленную старуху, преслѣдующую своей запоздалой страстью молодого красавца. Въ этомъ случаѣ правда прекраснѣй вымысла. Мы должны отказаться отъ фантастическаго романа, мы должны отказаться отъ ближайшаго знакомства съ личностью поэтессы, но намъ остается лучшее, что было въ ней, — ея служеніе Афродитѣ, харитамъ, музамъ, служеніе высшей изъ службъ, вѣчными произведеніями искусства.

Красота и поэзія, а не та или другая случайная страсть — вотъ въ чемъ содержаніе ея творчества. И среди ученицъ своей школы она распространяла тотъ же культъ красоты и поэзіи. Ея чарами она скрасила жизнь родного города, благодаря ей облеченнаго и въ нашихъ глазахъ поэтическимъ ореоломъ. Въ ея пѣсняхъ находили лучшее выраженіе своихъ чувствъ лесбосская дѣвушка, жена, мать. Ея пѣсни сопровождали каждое выдающееся событіе личной жизни лесбосца. Къ вѣнку невѣсты, она прибавляла лучшій вѣнокъ своей поэзіи, на могилу молодой дѣвушки она клала цвѣты своего искусства. Къ ея участию прибѣгали при наибольшемъ изъ семейныхъ торжествъ — при торжествѣ чистой дѣвушки, — свадьбѣ. Свадебныя торжества у древнихъ сопровождались полуобрядовыми пѣснями въ честь бога брака Гименя — такія пѣсни составляла Сафо. Каково было ихъ значеніе и ихъ характеръ, объ этомъ мы можемъ судить благодаря произведеніямъ Катулла, отъ котораго сохранились двѣ такихъ пѣсни, два такихъ гименей, изъ которыхъ одинъ несомнѣнно, по крайней мѣрѣ въ значительной части, переведенъ изъ Сафо. Конечно, съ точки зрѣнія современной pruderie въ этихъ гименейхъ можно замѣтить не одну черточку, которая можетъ неприятно поразить излишне щекотливые умы. Здоровый народный юморъ, не сдерживаемый никакими преградами условной скромности, находитъ себѣ въ нихъ полный просторъ; шутки надъ невѣстой и женихомъ весело перемежаются съ серьезными пожеланіями хора, — шутки, то рѣзко пряныя, какъ у Катулла, то наивно игривыя, какъ у Сафо, смѣющейся надъ долговязымъ женихомъ.

Двери повыше, повыше —
Гименей!
Плотники, вы подымите, —
Гименей!
Входитъ женихъ, на Ареса похожій.
Ростомъ изъ самыхъ высокихъ высокій.

Но основное ядро гименей — всегда глубоко серьезно, глубоко нравственно. Въ немъ говорится о жизни дѣвушки, объ ея стыдливыхъ мечтахъ, говорится о любви юноши, о будущей жизни семьи и ея задачахъ, ея счастья — тайна брака вызываетъ самыя чистыя помышленія челоуѣческой души.

Какъ подъ ногой пастуха гіацинтъ на горахъ
погибаетъ,

Съ сломаннымъ стеблемъ къ землѣ преклонивши
свой вѣнчикъ пурпурный.

Сохнетъ и блекнетъ въ пыли и ни чьихъ ужъ
не радуется взоромъ, —

Такъ же и дѣва, утративъ цвѣтокъ цѣломудрія,
гибнетъ:

Дѣвы бѣгутъ отъ нея, а мужчины ее презираютъ.
О, приходи поскорѣе, Гименъ, приходи Гименеосъ!

Какъ на открытой полянѣ лоза виноградная,
прежде

Бывъ одинокою, къ вязу прильнетъ, сочетавшись
съ нимъ бракомъ,

И, до вершины его обвиваясь своими вѣтвями,
Радуется взоръ виноградаря пышностью листьевъ
и гроздій, —

Такъ и жена, сочетавшись въ юности брачнымъ
союзомъ,

Мужу внушаетъ любовь и утѣхой родителямъ
служить.

О, приходи, Гименей, приходи Гименеосъ!

Не на одну радость семьи отзывалась Сафо, — и горе ея въ ней находило отзвукъ. Молодой красавицѣ не суждено было услышать веселыхъ звуковъ Гименя — и вмѣсто него изъ груди Сафо вырывается печальный вздохъ эпитафій:

Подъ этой урной спитъ красавица Тиманта,
Она скончалася, не зная брачныхъ узъ.
Геката приняла ее въ чертоги ада,
А здѣсь объ ней поетъ печальный голосъ музъ.
Подруги въ горести, разставшись съ кудрями,
Которыя досель по персямъ ихъ вились,
Сложили ихъ на гробъ, подъ сонный кипарисъ,
Какъ данъ красавицѣ, межъ юными цвѣтами*).

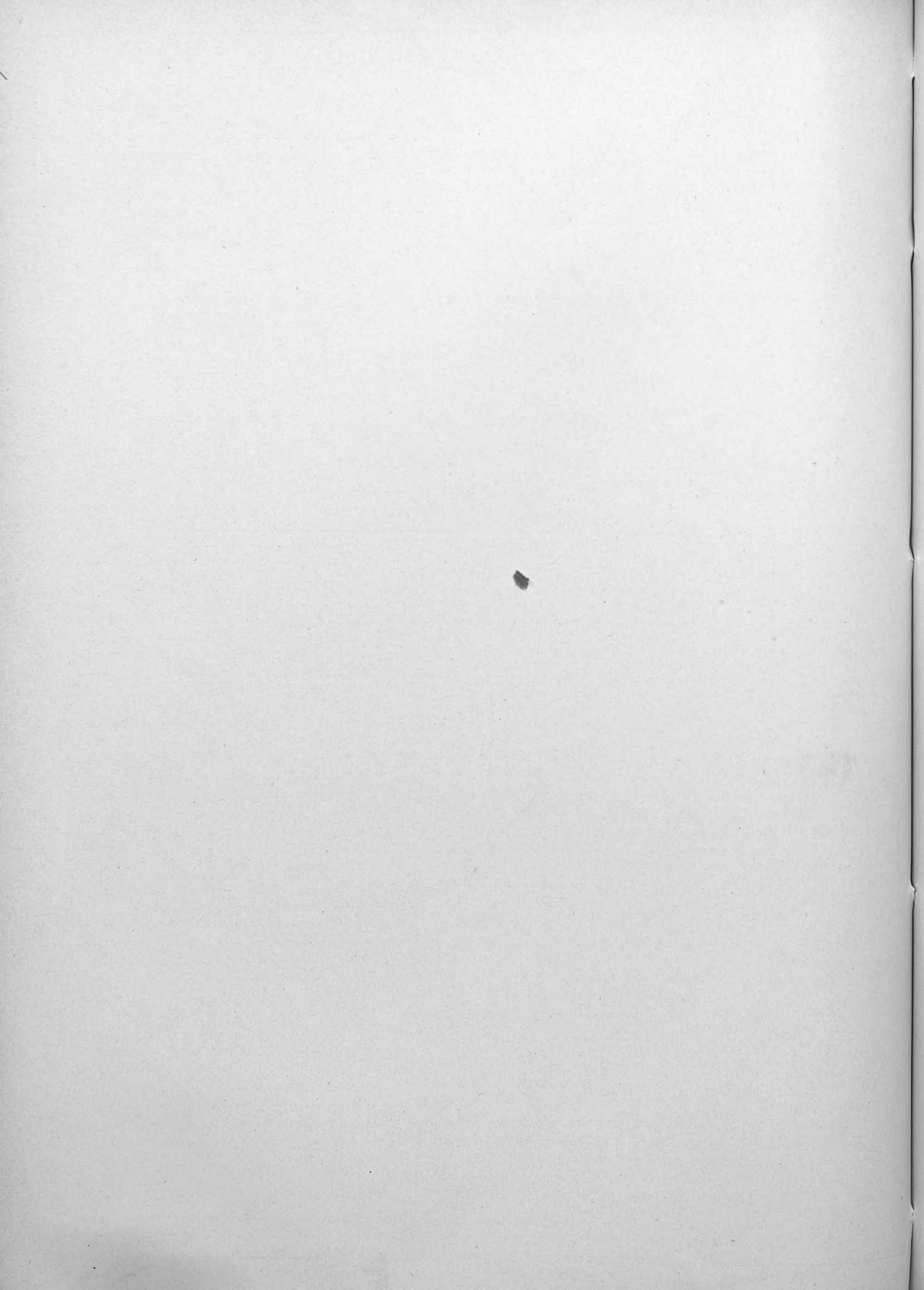
Такова была эта величайшая изъ служительницъ музъ, которая когда бы то ни было рождалась подъ небесами. Она, если не проложила, то утвердила новый путь въ искусствѣ, она сумѣла найти поэзію въ той скромной долѣ, которую судьба удѣлила греческой женщинѣ, сумѣла найти звуки для всего того міра чувства, въ которомъ она жила. Она единственное въ своемъ родѣ явленіе, но явленіе вполне законное. Въ ея лицѣ женщина внесла въ греческую литературу высшій элементъ всякой лирики, — жизнь личнаго чувства.

М. Мандесъ.

*) Подлинность стихотворенія сомнительна.

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Составилъ проф. А. Н. Деревницкій.

I. Высшее образованіе женщинъ въ Россіи.

А. Высшіе курсы.

1. Историческая справка.

Литература. М. Песковскій. Очеркъ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россіи (Наблюдатель. 1882, кн. 4—6). — В. И. Миропольскій. Университетское образованіе женщинъ въ Америкѣ и въ Россіи (Русск. Мысль. 1883, кн. 1). — В. И. Альбицкій. Высшія учебныя заведенія Россіи,—мужскія и женскія. Изд. 2-е. Спб. 1885.—М. Песковскій. Образованіе женщинъ у насъ и за границей (Русск. Мысль. 1886, кн. 7). — Ею же. Университетская наука для русскихъ женщинъ (тамъ же, 1886, кн. 11—12). — Ею же. Основы организаціи высшаго образованія женщинъ (тамъ же, 1887, кн. 1). — Е. С. Некрасова. Изъ прошлаго женскихъ курсовъ (М. 1887). — Высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ. Краткая историческая записка. Спб. 1900 (то же на французскомъ языкѣ: Les cours d'études supérieures pour femmes en Russie. Aperçu historique. Paris. 1900); официальное изданіе.—А. Я(новскій). Женское образованіе (Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI, а).—Л. Столярова. Студенческая жизнь русской женщины (Русск. Бог. 1885, кн. 5—6).—П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь на 1899 г. Спб.—Е. Литвинова. Къ реформѣ высшаго и средняго образованія (Женск. Дѣло. 1899, кн. 6, 11).—В. В. Стасовъ. „Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки“. Спб. 1899.—Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1856—1880 г.). Спб. 1901 г.*).

Главными разсадниками систематическаго общаго высшаго женскаго образованія въ Россіи въ настоящее время служатъ *высшіе женскіе курсы*, существующіе въ С.-Петербургѣ съ 1878 г. и въ Москвѣ—съ 1900 г. Но движеніе въ пользу высшаго научнаго образованія женщинъ началось гораздо раньше, нежели возникли эти курсы, и самому возникновенію ихъ предшествовало появленіе другихъ высшихъ женскихъ школъ не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ.

Мысль объ учрежденіи въ Россіи высшаго учебнаго заведенія для женщинъ зародилась въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Она исходила изъ кружка женщинъ, сгруппировавшихся въ то время вокругъ М. В. Трубиной и Н. В. Стасовой и сообща съ ними организовавшихъ первую русскую женскую артель съ цѣлью изданія переводныхъ сочиненій. Главнымъ же толчкомъ, вызвавшимъ эту мысль, послужило то обстоятельство, что, не находя на родинѣ возможности удовлетворить своей потребности въ высшемъ образованіи, русскія женщины массами устремлялись въ заграничныя университеты и покупали право учиться нѣрѣдко цѣною тяжкихъ нравственныхъ и матеріальныхъ жертвъ и лишеній.

Собственно наиболѣе простымъ и естественнымъ средствомъ удовлетворить проявившемуся въ русскомъ обществѣ запросу на высшее женское образованіе было бы—

открыть для женщинъ наши университетскія аудиторіи. И въ началѣ шестидесятихъ годовъ двери русскихъ университетовъ дѣйствительно на нѣкоторое время раскрылись передъ женщинами. При составленіи университетскаго устава 1863 г. вопросъ о высшемъ научномъ образованіи женщинъ долго и пространно дебатировался въ правительственныхъ сферахъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ циркулярно опросилъ по этому предмету всѣ университеты,—и всѣ они кромѣ московскаго и дерптскаго (нынѣ юрьевскаго) высказались за допущеніе женщинъ къ университетскимъ лекціямъ и за предоставленіе имъ права на соисканіе ученыхъ степеней. Да и московскій университетъ, давая отрицательный отвѣтъ, не подкрѣпилъ его однако ничѣмъ инымъ, какъ лишь предположеніемъ, что совмѣстное со студентами обученіе женщинъ можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій. Съ другой стороны совѣтъ петербургскаго университета находилъ, что „допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ курсовъ могло представить—и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ—*только одно* препятствіе,—новость самаго явленія и историческую привычку къ противоположному порядку вещей“. А университеты харьковскій и кievскій выразили даже готовность принимать женщинъ не только въ качествѣ вольнослушательницъ, но и на правахъ студентовъ**).

*) Интересующихся библиографическими подробностями по вопросу о женскомъ образованіи отсылаемъ къ „Указателю литературы женскаго вопроса на русскомъ языкѣ“ (Сѣв. Вѣстн. 1887, кн. 7—8), №№ 944—1377.

**) Мнѣнія совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій помѣщены во второй части „Замѣчаній на проектъ общаго устава Императорскихъ университетовъ“ (Спб. 1862).

Впрочемъ все дѣло этимъ опросомъ университетовъ такъ и ограничилось. Съ введеніемъ университетскаго устава 1863 г. о высшемъ женскомъ образованіи замолчала даже печать, и русскимъ женщинамъ, нечуждымъ высшихъ духовныхъ стремленій, не осталось ничего болѣе, какъ бѣжать за границу. Это дѣйствительно было „бѣгство“, въ буквальномъ смыслѣ слова: со средствами и безъ средствъ, съ нѣкоторою предварительною подготовкою и безъ подготовки, съ яснымъ сознаниемъ своихъ цѣлей и еще чаще безъ всякаго плана, безъ всякой программы, но съ однимъ лишь смутнымъ влеченіемъ къ свѣту науки, оставляя родныхъ, мужей, семью, иногда тайкомъ,—сотни русскихъ женщинъ отправлялись за границу, въ поиски за высшимъ образованіемъ. Изъ нихъ инымъ удавалось выбиться на настоящую дорогу, но гораздо больше было такихъ, которыя погибали подъ бременемъ обстоятельствъ.

Приходилось серьезно подумать о томъ, какъ помочь бѣдѣ, и починъ въ этомъ дѣлѣ взяла на себя женщина, бывшій редакторъ журнала „Недѣля“ *Евг. Ив. Конради*.*) Въ декабрѣ 1867 г. она обратилась къ собравшемуся въ то время въ Петербургѣ первому съѣзду русскихъ естествоиспытателей съ обстоятельною запискою, въ которой доказывала необходимость устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ. Съѣздъ отнесся къ этой идеѣ съ горячимъ сочувствіемъ и въ послѣдствіи напечаталъ петицію г-жи Конради въ своихъ трудахъ, но по самому существу своихъ ближайшихъ задачъ онъ не могъ входить въ подробное разсмотрѣніе ея и долженъ былъ отвѣтить отказомъ на заключающуюся въ ней просьбу о возбужденіи соответствующаго ходатайства передъ правительствомъ.

Тѣмъ не менѣе дѣло все таки пошло въ ходъ и скоро приняло счастливый оборотъ. Лѣтомъ 1868 года новая петиція за подписью четырехсотъ женщинъ, въ числѣ которыхъ было много представительницъ и высшаго петербургскаго общества, была подана ректору петербургскаго университета, профессору К. Ф. Кесслеру, на имя котораго стали затѣмъ поступать и другія подобныя заявленія съ разныхъ концовъ Россіи. „Мы надѣемся, говорилось въ одномъ изъ этихъ заявленій, что изъ массы русскихъ женщинъ, давно убѣдившихся въ недостаточности своего образованія, найдется не мало личностей, готовыхъ къ сознательному труду, и потому открытіе для нихъ вашихъ аудиторій будетъ истиннымъ благомъ, которое въ послѣдствіи обогатитъ наше общество многими полезными членами и семейный бытъ нашъ болѣе образованными матерями и воспитательницами“.

На этотъ разъ просьбу русскихъ женщинъ подкрѣпили такія лица, какъ Дж. Ст. Милль, Андре Лео (псевдонимъ известной французской писательницы), г-жа Бутлеръ (президентъ сѣверо-англійскаго общества женскаго образованія) и мн. др.

Ихъ письма съ выраженіемъ горячаго сочувствія къ тому дѣлу, за которое ратовали просительницы, были напечатаны и немало содѣйствовали его успѣху. Совѣтъ петербургскаго университета для разработки вопроса о высшемъ женскомъ образованіи избралъ особую комиссію, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ которой былъ профессоръ А. Н. Бекетовъ, и по выслушаніи доклада этой комиссіи постановилъ: 1) выразить свое полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярныя курсы для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) просьбу объ открытіи университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ отклонить и вообще матеріальную часть организациі лекцій предоставить самимъ просительницамъ и 3) по полученіи отъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшенія на открытіе с.-петербургскихъ курсовъ и по представленіи подписавшимися подъ запискою лицами въ совѣтъ университета полнаго плана матеріальной стороны дѣла, заняться пересмотромъ этого плана и принять на себя устройство учебной части. При этомъ многіе члены профессорской коллегіи заявили о своемъ согласіи читать лекціи на предполагаемыхъ женскихъ курсахъ.

Дальнѣйшее направленіе дѣла снова приняли на себя женщины. Былъ окончательно выработанъ подробный проектъ курсовъ, и особая депутація въ лицѣ А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, Е. Н. Ворониной и А. Н. Бекетова, какъ члена университетской комиссіи, представила этотъ проектъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, вмѣстѣ съ просьбою о разрѣшеніи открыть курсы. Разрѣшеніе это было дано, но только въ концѣ 1869 года,—да и разрѣшено то было устройство лишь „общихъ публичныхъ лекцій, т. е. со-

Е. И. Конради.

вокупно для мужчинъ и женщинъ на основаніи существующихъ постановленій о публичныхъ лекціяхъ“, а не правильныхъ, специально женскихъ курсовъ.

Между тѣмъ, пока еще не послѣдовалъ отвѣтъ министра на представленное ему ходатайство, въ Петербургѣ стали возникать частныя женскіе кружки, имѣвшіе своею цѣлью совмѣстныя занятія членовъ по естественнымъ наукамъ, математикѣ, русскому языку и словесности. Занятія эти происходили подъ руководствомъ профессоровъ и известныхъ педагоговъ (А. Н. Бекетова, О. Э. Миллера, С. А. Усова, Д. И. Менделѣева, А. Я. Герда, В. А. Евтушевскаго и др.) либо на частныхъ квартирахъ, либо въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ (у Н. П. Зернова, въ артиллерійской академіи и проч.). А съ 1 апрѣля 1899 г. въ зданіи петербургской пятой мужской гимназіи, у Аларчина моста, были открыты І. И. Паульсономъ съ разрѣшенія властей и публичныя, такъ называемыя *аларчинскіе курсы*. Они имѣли своею цѣлью дать женщинамъ возможность пополнить пробѣлы средняго образованія и отличались пропедевтическимъ харак-

*) Объ этой пионеркѣ высшаго женскаго образованія въ Россіи см. статью В. В. Стасова въ „Новостяхъ“ (1898 г. 18 октяб., № 287); ея же „Воспоминанія о моей сестрѣ“ („Книжки Недѣли“ за 1896 г.); ея же „Надежда Васильевна Стасова“ Спб. 1899. стр. 479 слл.; Е. Барменевоі статья въ „Женскомъ дѣлѣ“ (1899 кн. 1; Е. И. Конради Сочиненія (въ 2-хъ томахъ. Спб. 1899),—біографическій очеркъ въ первомъ томѣ.

теромъ, служа какъ бы переходной ступеню отъ средней къ высшей женской школѣ. Здѣсь преподавались: русскій языкъ, элементарная математика, физика, химія, педагогика, а впоследствии — ботаника, зоологія, математическая и физическая географія.

Въ Москвѣ аналогичное движеніе женщинъ, начавшееся почти одновременно съ петербургскимъ, также привело къ учрежденію подготовительныхъ курсовъ. Эти курсы были открыты уже въ октябрѣ 1869 г. по ходатайству директора второй московской гимназіи Ф. Н. Королева въ зданіи этой гимназіи. Они носили названіе «публичныхъ курсовъ для женщинъ по программамъ классическихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія». Вскорѣ впрочемъ они перемѣстились изъ второй гимназіи въ третью на Лубянку, и получили наименованіе *лубянскихъ**). Ихъ первоначальная программа стала понемногу значительно расширяться, одинъ за другимъ были введены въ нее предметы университетскаго преподаванія (астрономія, химія и пр.), и мало по малу курсы разрослись до предѣловъ физико-математическаго факультета съ отдѣленіями естественнымъ и математическимъ и съ двухгодичною подготовительною школою.

Аларчинскіе курсы въ Петербургѣ и лубянскіе въ Москвѣ были первыми разсадниками болѣе широкаго, — такъ сказать, *полувысшаго* женскаго образованія. Но въ организаціи тѣхъ и другихъ было немало серьезныхъ недочетовъ. Слишкомъ пестрый, смѣшанный составъ аудиторіи, соединявшей въ своихъ стѣнахъ слушательницъ различныхъ возрастовъ и съ весьма различною подготовкою и развитіемъ, невозможность вслѣдствіе этого поставить и самое преподаваніе на надлежащую научную высоту, отсутствіе какихъ либо средствъ контроля надъ занятіями курсистокъ и вообще недостатокъ живого, тѣснаго общенія между обучающими и обучающимися, изъ которыхъ первые могли ограничиваться лишь чтеніемъ лекцій, а вторые — пассивнымъ слушаніемъ ихъ, — все это нѣсколько умаляло ту пользу, которую курсы должны были принести и въ извѣстной степени конечно принесли.

Тоже нужно отчасти сказать и о *владимірскихъ* курсахъ, открывшихся съ 20 января 1870 г. въ Петербургѣ въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ то время случайно оказалось свободное помѣщеніе. Это были собственно общія „публичныя лекціи для мужчинъ и женщинъ“, организованныя тѣми самыми лицами, которымъ принадлежала инициатива въ возбужденіи вопроса о высшемъ женскомъ образованіи. Какъ ни были эти лица обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, когда въ отвѣтъ на ихъ ходатайство, представленное графу Д. А. Толстому упомянутою выше депутаціею, послѣдовало разрѣшеніе на открытіе проектированныхъ курсовъ лишь въ видѣ именно такихъ общихъ публичныхъ лекцій, тѣмъ не менѣе они тотчасъ же энергично взялись за дѣло и, заручившись поддержкою многихъ профессоровъ петербургскаго университета и медико-хирур-

гической академіи, успѣли въ короткое время наладить довольно связное преподаваніе. На курсахъ читались лекціи по русской словесности, всеобщей и русской исторіи, государственному и уголовному праву, ботаникѣ, зоологіи, геологіи, химіи (неорганической и органической), анатоміи и физиологіи человѣка. Занятія происходили обыкновенно по вечерамъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ они переносились въ стѣны университета, въ лабораторіяхъ и кабинетахъ котораго слушательницы курсовъ могли производить подъ руководствомъ профессоровъ практическія работы.

Владимірскіе курсы находились въ завѣдываніи особаго кружка выборныхъ изъ состава ихъ учредителей, и этотъ кружокъ несъ на себѣ всѣ заботы о матеріальной сторонѣ дѣла. А такъ какъ печатать какія либо объявленія о приѣмѣ пожертвованій на устройство курсовъ или о подпискѣ на слушаніе лекцій было формально воспрещено, то веденіе хозяйственной части новаго учрежденія было сопряжено съ немалыми затрудненіями. Существованіе курсовъ было этимъ воспрещеніемъ поставлено въ зависимость лишь отъ случайнаго числа слушателей. Къ счастью, наплывъ желающихъ записаться на лекціи былъ огромный. — въ первый же годъ ихъ оказалось больше 900. Такимъ образомъ, взимая съ cadaго слушателя по 25 р. въ полугодіе или по 5 р. за отдѣльный предметъ, являлась возможность кое какъ покрывать текущіе расходы.

Съ 1872 г. министерство стало оказывать курсамъ нѣкоторую поддержку выдачею ежегодной субсидіи въ 1000 р. Но, какъ бы то ни было, нужда на первыхъ порахъ все таки сильно давала себя знать, и трудность положенія усугублялась еще отсутствіемъ постояннаго, вполне пригоднаго для цѣлей курсовъ помѣщенія. Курсы кочевали съ мѣста на мѣсто, — изъ квартиры министра внутреннихъ дѣлъ въ гимназію при историко-филологическомъ институтѣ, оттуда въ зданіе владимірскаго городского училища, которому они обязаны и самымъ своимъ названіемъ. наконецъ изъ владимірскаго училища въ василеостровскую женскую гимназію. Въ этомъ послѣднемъ помѣщеніи владимірскіе курсы съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія стали исключительно *женскими* и такимъ образомъ окончательно утратили свой первоначальный смѣшанный характеръ.

Распорядительницею курсовъ, для наблюденія за порядкомъ, была избрана Над. Вас. Стасова, имя которой неразрывно связано съ исторіею высшаго женскаго образованія въ Россіи, какъ имя человѣка принимавшаго самое дѣятельное и сердечное участіе въ судьбѣ его. Въ 1875 году преподаваніе на владимірскихъ курсахъ было временно приостановлено, но когда въ 1878 году курсы снова возникли, — уже подъ именемъ *бестужескихъ* и при совершенно иной организаціи, — Н. В. Стасова также снова вернулась къ прежнимъ своимъ обязанностямъ инспектрисы и исполняла ихъ безвозмездно въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ,

Н. В. Стасова.

*) Е. С. Некрасова. Первые женскіе курсы въ Москвѣ, извѣстные подъ именемъ Лубянскихъ. Отеч. Зап. 1880, кн. 7.

до 1889 г., т. е. вплоть до введенія новаго положенія о курсахъ.*]

Временное закрытіе владимірскихъ курсовъ въ 1875 г. послѣдовало въ видахъ кореннаго ихъ преобразования. Дѣло въ томъ, что уже раньше по волѣ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ устраненію причинъ, вызвавшихъ непрерывное стремленіе женской молодежи въ заграничные университеты, была образована особая коммиссія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго учрежденіями Императрицы Марии, и коммиссія эта признала существенно необходимымъ удовлетворить на-рѣвшую въ русскомъ обществѣ потребность въ высшемъ женскомъ образованіи предоставленіемъ русскимъ женщинамъ возможности у себя, дома въ Россіи, получать то образованіе, за которымъ онѣ устремлялись за границу. И вотъ 9 апрѣля 1876 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, предоставлявшее министру народнаго просвѣщенія право разрѣшать открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ университетскихъ городахъ. Тогда учредители „владимірскихъ“ курсовъ, давно пришедшіе къ сознанию, что при прежней постановкѣ дѣла курсы эти не отвѣчали своей задачѣ съ новымъ рвеніемъ принялись за ихъ реорганизацію. Такъ возникли нынѣшніе с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, официальнымъ учредителемъ которыхъ, по желанію самого министра, былъ профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Эти новые *бестужевскіе* курсы были учреждены съ тремя отдѣленіями,—словесно-историческимъ, физико-математическимъ и спеціально математическимъ. Отъ желавшихъ поступить слушательницами требовалось представленіе аттестата объ окончаніи полнаго курса женской гимназіи, института или другаго средне-учебнаго заведенія, дающаго право на званіе домашней учительницы. Допускались и вольнослушательницы, но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Плата за слушаніе была опредѣлена въ 50 р. въ годъ. При этомъ по всѣмъ предметамъ преподаванія организованы были практическія занятія, участіе въ которыхъ было для каждой слушательницы обязательнымъ. Эти занятія состояли на словесно историческомъ отдѣленіи въ составленіи различныхъ сочиненій и рефератовъ, а на отдѣленіи физико-математическомъ кромѣ того и въ лабораторныхъ работахъ.

Степень усвоенія слушательницами пройденнаго про-вѣрялась помимо того на экзаменахъ, которые должны были производиться ежегодно, а степень ихъ подготовки къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ опредѣлялась на основаніи особаго *курсового сочиненія* (или диссертациі), представленіе котораго было непремѣннымъ условіемъ для полученія свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса.

Общее управленіе курсами ввѣрено было педагогическому совѣту, во главѣ котораго въ качествѣ завѣдующаго учрежденіемъ сперва стоялъ проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (до 1881 г.), а потомъ послѣдовательно профессоръ А. Н. Бекетовъ (до 1889 г.), В. П. Кулинъ (до 1894 г.) и Н. П. Раевъ. Внѣшній надзоръ за порядкомъ принадлежалъ, какъ сказано, распорядительницѣ или инспектрисѣ. Что же касается матеріальной стороны, то она была возложена на отвѣтственность особаго общества, которое имѣло своимъ

назначеніемъ доставленіе курсамъ необходимыхъ средствъ и завѣдываніе ихъ имущественною и хозяйственною частью. Уставъ этого общества былъ утвержденъ правительствомъ 4 октября 1878 г. Въ лицѣ своего комитета, состоявшаго изъ 12 членовъ по выбору общаго собранія и представлявшаго исполнительный органъ общества, послѣднее являлось собственно фактическимъ хозяиномъ и распорядителемъ курсовъ, и только сфера чисто-педагогическая была изъята изъ его вѣдѣнія. Но по взаимному соглашенію, состоявшемуся на первыхъ же порахъ между педагогическимъ совѣтомъ и комитетомъ общества, къ присутствованію на засѣданіяхъ совѣта были допущены два члена комитета и наоборотъ—въ засѣданіяхъ послѣдняго стали участвовать два члена совѣта. Эта мѣра тѣснѣ связала между собою оба органа управленія курсами и придала больше единства всей ихъ организаціи.

Курсы открылись въ помѣщеніи Александровской женской гимназіи, но оно скоро оказалось неудобнымъ, и такъ какъ петербургская городская дума отказала въ предоставленіи для этой цѣли одного изъ принадлежавшихъ городу зданій, то пришлось озаботиться наймомъ квартиры въ какомъ нибудь частномъ домѣ. Такая квартира и была найдена въ домѣ г-жи Боткиной (по Сергіевской улицѣ, № 7), наскоро приспособленномъ къ потребностямъ учрежденія; но прошло не больше шести лѣтъ, и комитетъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ нашель возможность приобрести собственный участокъ земли въ 10-ой линіи Васильевскаго острова, гдѣ и было затѣмъ возведено обширное зданіе курсовъ, вполнѣ отвѣчающее всѣмъ надобностямъ этого учебнаго заведенія. Здѣсь устроены были большія, свѣтлыя аудитории, кабинеты для практическихъ занятій по естествознанію, лабораторіи, библіотека, кромѣ того канцелярія, обширные, свѣтлые коридоры и залы, наконецъ столовая для слушательницъ, кухня и прочія службы. Въ 1895 г. при курсахъ была построена небольшая астрономическая обсерваторія, а два года спустя комитетъ приобрѣль по сосѣдству съ прежнимъ новымъ участкомъ земли на которомъ рѣшено было воздвигнуть примѣнительно къ расширившимся учебнымъ нуждамъ курсовъ новый корпусъ, непосредственно прилегающій къ главному зданію. Въ настоящее время эта постройка, вмѣщающая въ себѣ большой актовой залъ на тысячу человекъ, большую аудиторию—на пятьсотъ человекъ, двѣ аудитории—на двѣсти человекъ каждая, новое помѣщеніе для библіотеки и проч., уже закончена и вмѣстѣ съ главнымъ зданіемъ составляетъ собственность, номинальная цѣнность которой простирается до 385 т. р., не считая земли, стоившей въ покупкѣ 36.198 р.

На основаніи правилъ, утвержденныхъ министерствомъ для бестужевскихъ курсовъ, обученіе въ нихъ должно было заканчиваться въ трехлѣтній срокъ, но уже во второй годъ существованія этого учрежденія педагогическій совѣтъ, опираясь на поддержку комитета, возбудилъ ходатайство предъ министерствомъ о продленіи занятій на курсахъ и на четвертый годъ, какъ въ университетахъ, и ходатайство это было уважено. Тогда въ виду столь быстрого роста курсовъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касавшихся учебно-хозяйственной ихъ части, была образована смѣшанная коммиссія изъ четырехъ членовъ педагогическаго совѣта и

*) „Памяти Н. В. Стасовой“ (Сборникъ статей и некрологовъ). Спб. 1896. „Надежда Васильевна Стасова“, біографическій очеркъ въ „Первомъ женскомъ календарѣ на 1900 г.“ П. Н. Аріанъ (стр. 318). П. Стасова „Памяти Н. В. Стасовой“ (Женское Дѣло. 1900, кн. 1—2), В. В. Стасова „Воспоминанія о моей сестрѣ“ (въ книжкахъ „Недѣли“ за 1896 г.) и *его-же* „Н. В. Стасова. Воспоминанія и очерки“ (Спб. 1899).

столькихъ же отъ комитета. Дѣятельность этой комиссіи сказалась въ томъ, что вскорѣ и учебно-вспомогательныя установленія курсовъ были поставлены на должную высоту. Возникла библіотека, насчитывавшая къ концу четвертаго года существованія курсовъ 1009 сочиненій, были устроены и снабжены необходимыми приборами, пособиями и коллекціями кабинеты физической, зоологической, ботанической, минералогической, анатомической и физиологической, наконецъ была организована и оборудована химическая лабораторія.

Естественно возникаетъ вопросъ,—откуда же брались средства, благодаря которымъ въ столь короткій срокъ могло развиваться учрежденіе, бюджетъ котораго, постепенно возрастая, скоро достигъ почтенной цифры 60 тысячъ въ годъ? Прежде всего конечно изъ суммы сбора за слушаніе лекцій: въ 1881—1882 учебномъ году, т. е. къ концу перваго четырехлѣтія на всѣхъ четырехъ курсахъ числилось уже 990 слушательницъ,—изъ нихъ постоянныхъ 938 и вольнослушательницъ 52.

Вторымъ денежнымъ источникомъ служили субсидіи по три тысячи рублей ежегодно отъ казны (съ 1879 г.) и отъ петербургскаго городского общественаго управленія (съ 1882 г.). Но субсидій и взносовъ за право слушанія лекцій не хватало даже на покрытие расходовъ по учебной части, не говоря уже о всѣхъ остальныхъ административно-хозяйственныхъ нуждахъ. Изъ отчетовъ и дѣлъ общества для доставлен. средствъ высшимъ женскимъ

курсамъ явствуетъ, что всѣ издержки, вызываемыя этими нуждами, покрывались исключительно пожертвованіями, которыя широкою волною притекали отовсюду, изъ разныхъ мѣстъ и учреждений, отъ земствъ и отдѣльныхъ лицъ, свѣдѣтельствуя о живомъ и горячемъ сочувствіи русскаго общества къ дѣлу высшаго образованія женщинъ. Одни жертвовали деньгами, другіе—своимъ трудомъ и временемъ: профессора читали даромъ лекціи, архитектора и техники съ полнымъ безкорыстіемъ оказывали услуги при постройкѣ собственнаго зданія курсовъ. И только это неослабное вниманіе общества, всегда готоваго прійти на помощь тому учрежденію, которое ставило своею задачею приобщить русскую женщину благамъ университетской науки, дало курсамъ возможность не только расти вглубь и вширь, но и пережить тяжелый кризисъ, наступившій для нихъ въ 1886 г.

Въ этомъ году по распоряженію министра народнаго просвѣщенія былъ прекращенъ пріемъ слушательницъ на курсы, и такимъ образомъ должны были постепенно закрыться младшія ихъ отдѣленія, бывшія всегда наиболѣе многочисленными, а стало быть и наиболѣе прибыльными. Мотивомъ

для этого распоряженія послужило то обстоятельство, что для разсмотрѣнія общаго вопроса о женскомъ образованіи при министерствѣ была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ товарища министра, которая и должна была выработать новое положеніе о высшихъ курсахъ. Обычное теченіе жизни курсовъ нарушилось. Сумма сбора за слушаніе лекцій значительно сократилась, и чтобы дать возможность слушательницамъ старшихъ отдѣленій довершить свое образованіе, потребовалось крайнее напряженіе всѣхъ средствъ учрежденія. Комитетъ не переставалъ хлопотать хотя бы о временномъ продолженіи пріема слушательницъ впредь до осуществленія задуманной реформы, но лишь черезъ три года послѣ закрытія младшихъ курсовъ и всего только за нѣсколько мѣсяцевъ до выпускныхъ экзаменовъ, съ окончаніемъ которыхъ жизнь курсовъ должна была бы совершенно остановиться, послѣдовало опубликованіе временнаго положенія, которымъ опредѣлялись условія ихъ дальнѣйшаго существованія. Вотъ основныя начала этого положенія:

1) Управленіе курсами должно быть сосредоточено въ лицѣ особаго директора, избирающаго преподавателей, а руководство воспитательною частью—въ лицѣ инспектрисы и ея помощницъ, назначаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

2) При курсахъ можетъ быть образованъ попечительный совѣтъ завѣдующій исключительно хозяйственною частью, причемъ однако расходы по содержанію курсовъ производятся изъ средствъ общества и изъ платы за слушаніе лекцій, по установленному временному штату, и подлежатъ контролю попечителя учебнаго округа.

3) На курсахъ устанавливается комплектъ слушательницъ.

4) Преподаваніе на курсахъ должно быть ведено по установленнымъ министерствомъ учебнымъ планамъ и должно состоять изъ двухъ отдѣленій,—по наукамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, но съ прекращеніемъ преподаванія физиологіи человѣка и животныхъ, естественной исторіи и гистологіи, какъ предметовъ, прямо входящихъ въ кругъ тѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, кои будутъ преподаваться въ проектируемомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ.

5) При курсахъ устраивается, преимущественно для иногороднихъ слушательницъ, интернатъ или общежитіе. Слушательницы должны жить или у родителей и близкихъ родственниковъ, или въ интернатѣ или общежитіи, но не на частныхъ квартирахъ.

Высшіе женскіе курсы въ С.-Петербурѣ.

Правила этой временной организации высших женских курсов вступили в силу с 3 июля 1889 г., а 27 сентября того же года был закончен новый прием слушательниц. Последних было зачислено на первый курс 144,—в том числе на историко-филологическое отделение 107 и на физико-математическое 37. Первоначальный комплект учащихся был установлен в размере 400 человек при 2% вольнослушательниц, а затем (в 1895 г.) увеличен до 600 человек. Но и эта норма скоро оказалась далеко ниже потребностей общества. Громадный наплыв женщин, стремившихся к высшему образованию и не получавших к нему доступа за отсутствием вакансий, несмотря на все свои аттестаты, шифры и медали, неоднократно побуждал директора курсов и попечителя с.-петербургского учебного округа ходатайствовать об увеличении комплекта, и эти ходатайства обыкновенно удовлетворялись. Таким образом число слушательниц в 1898 г., т. е. на десятый год после возобновления приема, простиралось уже до 960 человек, а общий рост количества учащихся за время, протекавшее с тех пор, как было введено новое положение, выражается следующей схемой:

Годы.	Число слушательниц.
1889—1890	144
1890—1891	186
1891—1892	278
1892—1893	385
1893—1894	468
1894—1895	557
1895—1896	695
1896—1897	741
1897—1898	808
1898—1899	960
1899—1900	839
1900—1901	993

В общем, как значится в упомянутой в начале этой статьи „Исторической записке о петербургских высших женских курсах“, откуда почерпнуты главным образом вышеприведенные данные, с 1 сентября 1889 по 1 сентября 1899 г. на курсы было принято всего 2051 человек. Общее число отказов за то же десятилетие равнялось 1253, т. е. из трех подавших прошения могли быть приняты только двое. Окончивших полный курс в тот же период времени было 574, выбывших до окончания курса — 946 человек. Большинство окончивших курс нашло себя занятия преимущественно в городских и земских школах, в воскресных и вечерних школах для детей и фабричных рабочих, в технических и профессиональных школах, в женских учительских семинариях и проч. Некоторые получили место начальниц прогимназий и гимназий, иные открывают свои собственные учебные заведения, очень многие занимаются частными уроками и воспитанием детей. Но вместе с тем некоторые наиболее даровитые из окончивших курс слушательниц уже после первого выпуска были оставлены при курсах для дальнейшего усовершенствования в предметах избранной ими специальности под руководством профессоров и стали ассистентками последних или же самостоятельными руководительницами практических занятий („Краткая историч. зап.“, стр. 12, 20 и др.).

В настоящее время учебно-административная организация курсов представляется в следующем виде: во главе стоит директор, в помощь которому с 1895 г. назначены два руководителя по учебной части, соответству-

ющие деканам университетских факультетов,—один по историко-филологическим, другой по физико-математическим наукам. Всех же профессоров и преподавателей на обоих отделениях в минувшем 1900—1901 учебном году состояло 44, ассистентов 3, руководителей практических занятий 7 (из них 4 в то же время и преподаватели), библиотекарей 3. Среди учебного персонала находится окончивших высшие женские курсы 13, а именно: 5 преподавательниц, 2 ассистентки и 6 руководительниц практических занятий, а кроме того 3 библиотекаря. Надзор за слушательницами вверен инспектрисе и четырем ее помощницам, из которых три окончили высшие женские курсы.

Так как согласно требованиям нового положения о курсах иногородние слушательницы должны были жить либо у родителей, родственников и опекунов, либо в интернате, а отнюдь не на частных квартирах, то с введением этого положения перед обществом для доставления средств высшим женским курсам встала неотложная забота об устройстве такого интерната. Сперва для этой цели приходилось пользоваться исключительно наемными помещениями, но уже в 1895 г. на участке земли, принадлежавшем обществу и непосредственно примыкавшем к зданию курсов, был выстроен собственный дом общежития, а спустя два года приобретен и другой соседний с курсами дом, также приспособленный под общежитие. Таким образом общество имеет возможность в настоящее время дать приют по крайней мере 125 слушательницам в собственном здании, хотя число лиц, нуждающихся в интернате, настолько превышает этот комплект, что напр. в 1899—1900 учебном году обществу все еще приходилось нанимать квартиру на 12 человек в дом Зуна, по 11 линии, напротив здания курсов, несмотря на то, что и в его собственных домах жило в это время не 125, а 142—156 слушательниц.

Обращаясь к попыткам создать разсадники высшего женского образования и в других русских городах, мы должны начать с Москвы, собственно даже, пожалуй, несколько опередившей в этом отношении Петербург, так как в Москве упомянутые выше *люблинские курсы* сформировались в женский физико-математический факультет, а рядом с ними курсы, учрежденные профессором В. И. Герье, сложились в женский историко-филологический факультет раньше, нежели возникли петербургские бестужевские курсы.

14 го ноября 1871 г. учебному ведомству Высочайшим повелением было указано „поощрять женщин на поприще воспитательном, — а буде признается возможным, то—расширить еще круг их деятельности на этом поприще“. Это дало повод профессору московского университета В. И. Герье обратиться к попечителю московского учебного округа с просьбой разрешить ему открытие систематических научных курсов для женщин. Он ссылаясь на то, что и в семьях, и в женских учебных заведениях, число которых непрерывно возрастает, увеличивается спрос на русских, надлежащим образом подготовленных учительниц и наставниц, а между тем наша женская средняя школа такой подготовки не дает. Таким образом проектируемые курсы должны были дополнять и расширять сферу общего образования, получаемого девушкой в гимназии, поднимая общий уровень ее развития и углубляя ее познания. Им предполагалось придать

характеръ цѣльнаго, систематическаго цикла — съ тѣмъ, чтобы требовать отъ слушательницъ вступительнаго и выпускнаго экзаменовъ, причѣмъ первый могъ бы быть замѣненъ соотвѣтственными дипломами или свидѣтельствами.

И попечитель, и ученый комитетъ министерства, въ который затѣмъ проектъ проф. В. И. Герье поступилъ на разсмотрѣніе, отнесли къ нему сочувственно, и 6-го мая 1872 г. было утверждено „въ видѣ опыта на четыре года“ „Положеніе“, коимъ опредѣлялись цѣль и условія существованія курсовъ. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы (§ 2) дать возможность дѣвицамъ, окончившимъ средне-учебныя заведенія продолжать общее образованіе. Курсы должны были находиться въ вѣдѣніи и подъ наблюденіемъ попечителя московскаго учебнаго округа (§§ 1 и 3), а отвѣтственность за ихъ направленіе и дѣйствіе возлагалась на предсѣдателя педагогическаго совѣта, который долженъ былъ избираться *изъ числа извѣстныхъ ученыхъ* (§ 3 и 8). Преподавателями должны были быть *преимущественно* профессора университета.

Изъ нихъ составлялся педагогическій совѣтъ, которому поручалось завѣдываніе всею учебною частью курсовъ и въ видахъ матеріальной поддержки ихъ предоставлялось право принимать пожертвованія. Впрочемъ ради облегченія преподавателей отъ обременительныхъ хозяйственныхъ заботъ при курсахъ учреждался и попечительный комитетъ изъ лицъ, которыя пожелали бы ежегодно вносить не менѣе 50 руб. или пожертвовать заразъ не менѣе 500 р. (§ 8). Обязательными предметами были признаны: исторія—русская и всеобщая, исторія литературъ—русской и западныхъ, исторія цивилизаціи и искусства, физика; для желающихъ — иностранные языки, математика и гигиена. Педагогическому совѣту предоставлялось однако ходатайствовать объ увеличеніи числа обязательныхъ предметовъ (§ 4). Приѣмъ на курсы допускался по свидѣтельству объ окончаніи обученія въ институтѣ, гимназіи или женскомъ училищѣ перваго разряда, а за неимѣніемъ такого свидѣтельства—по экзамену. Кромѣ слушательницъ въ зависимости отъ размѣровъ помѣщенія допускались и вольнослушательницы. Плата для тѣхъ и другихъ за годичный курсъ обязательныхъ предметовъ была установлена въ 50 рублей (§§ 5 и 7). Срокъ обученія принять двухлѣтній (§ 6). По истеченіи же четырехъ лѣтъ учредителю предоставлялось ходатайствовать объ утвержденіи устава высшихъ женскихъ курсовъ съ тѣми измѣненіями, какія оказались бы необходимыми (§ 9).

Торжественное открытіе курсовъ состоялось 1 ноября 1872 г. „Мы начинаемъ,—сказалъ при этомъ проф. В. И. Герье въ своей рѣчи,—съ надеждой, что срокъ, на который

мы испрашивали разрѣшеніе правительства для нашихъ курсовъ, докажетъ ихъ необходимость и обезпечитъ за ними сочувствіе московскаго общества и что черезъ четыре года эти курсы превратятся въ постоянное учрежденіе, прочное и по своимъ средствамъ, и по общему убѣжденію въ его полезности“.

Надежда эта отчасти оправдалась. Курсы были открыты при 58 слушательницахъ, но въ теченіи перваго полугодія число ихъ возросло до 66,—не считая 34 вольнослушательницъ.—а къ концу четырехлѣтняго срока ихъ было уже 117. Кругъ предметовъ, признанныхъ обязательными, также скоро расширился черезъ присоединеніе къ нимъ политической экономіи. На курсахъ велись практическія занятія по исторіи и по литературѣ; слушательницы представляли и письменныя работы въ видѣ сочиненій и рефератовъ. Словомъ, по свидѣтельству самого проф. Герье преподаваніе на курсахъ могло быть поставлено на высоту строго-научныхъ требованій. А вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно

улучшалось и матеріальное положеніе курсовъ: каждый годъ заключался съ небольшимъ остаткомъ и эти остатки къ концу 1874/75 учебнаго года составили капиталъ въ 4104 руб., часть котораго правда, погибла при крушеніи коммерческаго ссуднаго банка. Какъ бы то ни было, къ 1876 г., т. е. къ концу „опытнаго“ четырехлѣтія, курсы все же обладали капиталомъ въ 2997 р. что несомнѣнно свидѣтельствовало о возможности при томъ умѣнніи, съ которымъ велось хозяйство курсовъ, продолжать начатое дѣло безъ риска прекратить его по неимѣнію средствъ.

Несмотря на все это, когда по истеченіи положеннаго срока проф. В. И. Герье, представляя въ министерство проектъ устава московскихъ курсовъ, присоединилъ къ нему ходатайство о присвоеніи имъ названія „женскихъ курсовъ при московскомъ университетѣ“ и о предоставленіи слушательницамъ по окончаніи курса права преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ, то ни то, ни другое ходатайство не было удовлетворено. Не получило также утвержденія и проектированное въ Москвѣ «дамское общество для содѣйствія курсамъ». Такимъ образомъ попытка учредителя „замѣнить личное и частное руководство курсами контролемъ старѣйшей изъ ученыхъ корпорацій въ Россіи и тѣмъ поставить дѣло высшаго женскаго образованія на твердую почву“, какъ и попытка его съ другой стороны прочнѣе обосновать матеріальное положеніе курсовъ, потерпѣла неудачу. Но это не помѣшало молодому учрежденію, таившему въ самомъ себѣ ресурсы своей жизнѣдѣтельности, развиваться съ необыкновенною быстротою и просуществовать четырнадцать лѣтъ. Ко вре-

Домъ общежитія высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ.

мени закрытія курсовъ, послѣдовавшаго въ 1886 г., число слушательницъ увеличилось до 256; курсъ обученія съ 1879 г. сталъ трехлѣтнимъ (съ правомъ для желающихъ оставаться и на четвертый годъ); денежные сбереженія возросли слишкомъ до двадцати тысячъ. На курсахъ читали лекціи такіе крупные представители науки, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ, А. Н. Веселовскій, В. Ѳ. Миллеръ, Н. И. Стороженко, А. И. Соболевскій, В. И. Герье, В. О. Ключевскій, П. Г. Виноградовъ, А. Н. Шварцъ, А. И. Чупровъ и др. Предсѣдателемъ педагогическаго совѣта состоялъ С. М. Соловьевъ.

Московскіе курсы закрылись въ 1886 г. въ силу общаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія о прекращеніи приѣма слушательницъ на всѣ высшіе курсы по причинѣ, о которой говорилось выше. Но общественная потребность, вызвавшая эти курсы къ жизни, разумѣется, продолжала настойчиво заявлять о себѣ, и уже въ 1888 г. въ удовлетвореніе этой потребности при московскомъ обществѣ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ были организованы публичныя лекціи или „коллективные уроки“ для женщинъ сперва по исторіи и литературѣ, а еще черезъ годъ и по математикѣ и естествознанію, причѣмъ число слушательницъ доходило до 400 человекъ. Отсюда, изъ этого зерна, курсы вновь возродились, какъ только представилась къ тому возможность. А такая возможность представилась, благодаря суммѣ въ сто тысячъ рублей, завѣщанной скончавшимся въ 1899 г. инженеромъ В. Н. Астраковымъ на учрежденіе въ Москвѣ „женскаго университета“ съ тремя факультетами. Профессоръ В. И. Герье принялъ дѣятельное участіе въ организациі новыхъ московскихъ курсовъ, и 18 марта 1900 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ утвержденъ уставъ общества для доставленія средствъ этимъ курсамъ, а два дня спустя, 20 марта того-же года, и «положеніе» о нихъ было одобрено государственнымъ совѣтомъ. Курсы учреждены были по образцу петербургскихъ, — съ двумя отдѣленіями, историко-филологическимъ и физико-математическимъ, и съ тою же программой и тою же четырехлѣтнею продолжительностью обученія, что и на петербургскихъ курсахъ. Московское городское управленіе ассигновало 5000 рублей на наемъ помѣщенія, которое и было нанято въ домъ Гиршъ, въ Мерзляковскомъ пер.; тамъ же устроено и общежитіе. Расходъ по надзору за курсами, т. е. содержаніе директора и инспектрисы, былъ принятъ на себя правительствомъ, прочіе же расходы должны покрываться изъ средствъ самихъ курсовъ, т. е. изъ суммы сбора за слушаніе лекцій, изъ субсидіи въ 3000 р., получаемой курсами отъ московскаго общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ, и изъ частныхъ пожертвованій. Открытіе и первое общее собраніе общества для доставленія средствъ московскимъ женскимъ курсамъ состоялось 30 апрѣля 1900 г., а 9 августа закончился первый приѣмъ слушательницъ. Всего было подано 573 прошенія о принятіи на курсы, — въ томъ числѣ на историко-филологическое отдѣленіе 347, на физико-математическое 167, безъ обозначенія отдѣленія 33. Москвичками было подано 186 прошеній, иногородними — 387. Принято было 200 человекъ, причѣмъ при равныхъ условіяхъ предпочтеніе отдавалось лицамъ старшихъ выпускковъ по времени окончанія курса въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а также заявившимъ, что онѣ будутъ жить въ Москвѣ при родителяхъ или въ общежитіи.

Этотъ огромный наплывъ слушательницъ на вновь открытые курсы служить новымъ яркимъ и нагляднымъ до-

казательствомъ того, какъ настойчиво и неотступно стремится русская женщина къ уравненію съ мужчинами въ правахъ на высшее образованіе, съ какою страстностью, съ какою горячею жаждою знанія и самостоятельнаго труда ищетъ онъ доступа въ храмъ науки и какъ мало еще удовлетворяетъ потребность въ женскомъ университетскомъ образованіи то, что у насъ пока сдѣлано въ этомъ направленіи.

Курсы проф. В. И. Герье послужили образцомъ для провинціальныхъ женскихъ курсовъ, существовавшихъ въ Кіевѣ и Казани.

Кіевское общество естествоиспытателей устроило при университетѣ рядъ систематическихъ публичныхъ курсовъ по разнымъ предметамъ еще въ 1870 г. Курсы эти были почти бесплатны и не связаны никакою общою программой, которая придавала бы имъ характеръ цѣльной учебной организациі. Поэтому спустя два года отъ женщинъ, составлявшихъ главный контингентъ посѣтителей аудиторіи, поступило ходатайство о приведеніи чтеній въ болѣе стройную связь и объ открытіи курсовъ по историко-филологическому отдѣлу. Ходатайство это было удовлетворено, но за нимъ послѣдовало вскорѣ второе — о превращеніи курсовъ изъ бесплатныхъ въ платные и изъ смѣшанныхъ въ спеціально женскіе. На этотъ разъ дѣло оказалось сложнѣе, и для осуществленія этой мысли, въ основаніи которой лежало стремленіе создать для кіевскихъ курсовъ болѣе прочное и независимое положеніе, образовался кружокъ болѣе чѣмъ изъ 50 женщинъ, который, обсудивъ вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для учрежденія въ Кіевѣ новаго разсадника высшаго женскаго образованія, составилъ правила и программы предполагаемыхъ курсовъ, примѣнительно къ тому типу ихъ, который успѣлъ уже сложиться въ Москвѣ, — и вмѣстѣ съ прошеніемъ направилъ дѣло въ кіевскій университетъ. Тогдашній деканъ историко-филологическаго факультета проф. Селинъ выразилъ готовность принять на себя личную отвѣтственность передъ министерствомъ за порядокъ проектируемаго учрежденія, къ нему присоединились и другіе профессора, также выразившіе сочувствіе проекту женщинъ, — но ходатайство было оставлено министерствомъ до поры-до времени безъ отвѣта. Этотъ отвѣтъ послѣдовалъ лишь черезъ два года, когда, на основаніи доклада Принца П. Г. Ольденбургскаго, съ цѣлью дать исходъ законному стремленію русскихъ женщинъ къ высшему образованію, состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи профессорскихъ курсовъ или лекцій для женщинъ вообще во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ есть достаточный ученый персоналъ, и по всѣмъ отраслямъ университетскихъ наукъ. Тогда, — это было въ 1876 г., — министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ кіевскому университету съ запросомъ, согласенъ ли совѣтъ на учрежденіе при университетѣ постоянныхъ высшихъ женскихъ курсовъ, о которыхъ онъ возбуждалъ ходатайство въ 1874 г., и совѣтъ вновь поручилъ теоретическую разработку этого дѣла особой избранной имъ комиссіи. Комиссія работала проектъ организациі курсовъ съ двумя отдѣленіями и, по примѣру московскихъ курсовъ проф. В. И. Герье, — съ двухлѣтнимъ срокомъ обученія, причѣмъ выразила желаніе, чтобы окончившимъ высшіе курсы женщинамъ было предоставлено преимущественное право на занятіе вакантныхъ мѣстъ и на преподаваніе въ старшихъ классахъ гимназій и институтовъ. Совѣтъ согласился съ этимъ и въ этомъ смыслѣ представилъ новое ходатайство въ министер-

ство, причѣмъ за смертью проф. Селина отвѣтственнымъ представителемъ администраціи курсовъ согласился быть проф. Гогоцкій.

Прошло еще около года, и наконецъ въ февралѣ 1878 г. было утверждено „положеніе“ о кievскихъ курсахъ, въ силу котораго послѣдніе были подчинены учебно-окружному начальству и за ними, какъ за учрежденіемъ не правительственнымъ, а частнымъ, никакихъ правъ признано не было. Завѣдываніе ихъ хозяйствомъ было возложено отчасти на педагогическій совѣтъ, отчасти на попечительный комитетъ, избираемый изъ лицъ, которыя пожелали бы вносить въ пользу курсовъ не менѣе 25 р. ежегодно. Предсѣдателемъ педагогическаго совѣта былъ избранъ проф. С. С. Гогоцкій, оставшійся въ этой должности до 1881 г.; его преемникомъ былъ проф. В. С. Иконниковъ.

Несмотря на нѣсколько вялое вначалѣ поступленіе пожертвованій, матеріальный успѣхъ дѣла былъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ число явившихся къ подпискѣ на лекціи женщинъ превзошло всѣ ожиданія. Ихъ было 321. Изъ нихъ большинство (187), какъ и вездѣ, избрало курсы историко-филологическаго отдѣленія. Почти всѣ онѣ были мѣстными жительницами; пришлыхъ (изъ Одессы и Харькова) оказалось только 12.

Курсы открылись 4 октября 1878 г. Уже во второмъ учебномъ году они были преобразованы въ трехлѣтніе, а еще черезъ два года—въ четырехлѣтніе, такъ что по продолжительности курса обученія, а равно и по организациіи учебной части приблизились къ типу петербургскихъ бестужевскихъ курсовъ. Подобно столичнымъ они благополучно просуществовали вплоть до рокового для всѣхъ высшихъ женскихъ курсовъ 1886 года. Втеченіе этого времени они имѣли 1098 слушательницъ, изъ коихъ около 200 сдали всѣ требуемые экзамены, а 75 прошли полный четырехлѣтній курсъ, но не подвергались окончательнымъ испытаніямъ. Матеріальный успѣхъ кievскихъ курсовъ за тотъ же періодъ также представляется довольно значительнымъ. По 1-е января 1886 г. педагогическимъ совѣтомъ и попечительнымъ комитетомъ курсовъ было въ общей сложности собрано 167.247 рублей на текущія нужды учрежденія, не считая пожертвованій, имѣвшихъ спеціальныя назначенія и простиравшихся до 21.320 р. Все это, несмотря на нѣкоторую,—впрочемъ довольно крупную—убыль слушательницъ въ послѣдніе годы существованія курсовъ, показываетъ, что и въ Кіевѣ, какъ и въ столицахъ, они отвѣчали дѣйствительной, насущной потребности и имѣли всѣ необходимыя данныя для дальнѣйшаго развитія.

Въ виду этого мысль о возобновленіи курсовъ не покидаетъ и понынѣ кievлянъ, и въ прошломъ году по инициативѣ профессоровъ П. Я. Армашевскаго, А. В. Лучицкаго и Г. А. Покровскаго черезъ попечителя кievскаго учебнаго округа было возбуждено ходатайство объ оказаніи съ его стороны поддержки этому дѣлу. По мнѣнію учредителей будущихъ курсовъ, число дѣвицъ, оканчивающихъ ежегодно среднія учебныя заведенія въ районѣ мѣстнаго округа, настолько велико, что нельзя сомнѣваться въ возможности весьма значительнаго притока слушательницъ на эти курсы. Что касается ихъ программы, то предполагается не отступать отъ типа бестужевскихъ курсовъ съ ихъ дѣленіемъ на историко-филологическій и физико-математическій отдѣлы.

Казанскіе курсы, возникли двумя годами раньше кievскихъ, въ 1876 году, по ходатайству проф. Н. В. Сорокина. Первоначально они были учрежде-

ны по образцу курсовъ В. И. Герье, „положеніе“ о которыхъ было къ нимъ цѣликомъ примѣнено, но въ 1879 г. послѣдовало подраздѣленіе ихъ общеобразовательной программы на двѣ спеціальности,—словесно-историческую и физико-математическую, причѣмъ однако на словесно-историческомъ отдѣленіи продолжали читаться и нѣкоторые курсы по естествознанію (напр. гигиена и исторія физико-математическихъ наукъ), а на отдѣленіи физико-математическомъ—такіе предметы, какъ исторія философіи, англійскій, а съ 1884 г. и латинскій языкъ. Такимъ образомъ въ учебной организациіи казанскихъ курсовъ сказывается та чрезвычайно симпатичная особенность, что въ нихъ спеціальная высшаго образованія мирилась съ цѣлями общеобразовательными. Къ сожалѣнію, исторія десятилѣтняго существованія этихъ курсовъ есть исторія непрерывной борьбы ихъ съ равнодушіемъ мѣстнаго общества и матеріальными невзгодами, подчасъ граничившими съ нищетою. Правда, курсы съ самаго начала пріютились въ зданіи университета и, стало быть, пользовались даровымъ помещеніемъ,—занятія велись съ послѣобѣденное время, въ часы, свободные отъ университетскихъ лекцій; пользованіе кабинетами и лабораторіями университета также служило немалымъ подспорьемъ и сокращало расходы. Но, если принять во вниманіе, что ни попечительнаго комитета, ни какаго нибудь филантропическаго общества при курсахъ не было, что никакихъ пожертвованій въ ихъ пользу никто не дѣлалъ и что даже устраиваемые отъ времени до времени ради ихъ поддержанія благотворительные концерты, спектакли, публичныя лекціи и т. п. иногда давали лишь незначительныя сборы, то слѣдуетъ согласиться, что положеніе курсовъ было трудное. И однако они существовали,—и существовали десять лѣтъ! При этомъ, какъ видно хотя бы изъ отчета о ихъ дѣятельности, напечатаннаго въ августовской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1878 г., научная работа слушательницъ не роняла достоинства того учрежденія, подъ сѣнью котораго курсы нашли пріютъ. Во главѣ педагогическаго совѣта послѣдовательно находились профессоры Н. А. Фирсовъ (1876—1877), Н. А. Осокинъ (1877—1880), С. М. Шпилевскій (1880—1882) и Н. В. Сорокинъ (1882—1886). На курсахъ перебивало 575 женщинъ; изъ нихъ 152 окончили курсъ съ дипломомъ. Въ числѣ этихъ женщинъ были пріѣхавшія изъ Архангельска, Томска, Кіева, Астрахани....

Изъ сказаннаго видно, что, начиная съ 1878 г., изъ нашихъ университетскихъ городовъ не было еще высшихъ женскихъ курсовъ только въ Варшавѣ, Дерптѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Въ *Харьковѣ* вопросъ объ учрежденіи курсовъ поднимался неоднократно,—сперва въ 1873 г., потомъ въ 1878 г., наконецъ въ 1881 г., и на открытіе ихъ однажды даже и воспослѣдовало разрѣшеніе, но воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ не оказалось возможности по неимѣнію достаточныхъ для того средствъ: «не нашлось такой попечительницы, которая, по проекту учредителей, пожертвовала бы десять тысячъ рублей на первоначальныя нужды курсовъ“ (*Лижачева* назв. соч., стр. 617).

Недостатокъ высшей женской общеобразовательной школы въ Харьковѣ былъ отчасти восполненъ въ 1895 г. учрежденіемъ *научныхъ чтеній для женщинъ*, организованныхъ харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ совмѣстно съ обществомъ взаимнаго вспоможенія учительницъ. Чтенія велись профессорами и преподавателями мѣст-

наго университета исключительно по предметамъ гуманитарныхъ наукъ. Программы лекцій не были однако рассчитаны на полный систематическій курсъ по каждой наукѣ. Напротивъ, допускались курсы общіе и спеціальныя. притомъ различнаго объема, но не менѣе, какъ изъ пяти лекцій. Въ первомъ году читались курсы по общему языкознанію, по русской исторіи (введеніе, древній періодъ, исторія московской Руси), по исторіи Афинъ и Рима, по исторіи западныхъ литературъ, кромѣ того — о римской поэзіи, о „Фаустѣ“ Гете, о Пушкинѣ. Такимъ образомъ слушательницы получили возможность познакомиться съ методомъ чисто-научнаго изложенія, которымъ характеризуются университетскія лекціи и которые совершенно незнакомо женщинамъ, не пошедшимъ дальше гимназій и институтовъ. Въ этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ составитель отчета объ этихъ чтеніяхъ, заключалось главное значеніе лекцій помимо той несомнѣнной пользы, какую принесло слушательницамъ самое увеличеніе суммы знаній.

Члены педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества и дѣйствительные члены общества учительницъ (исключительно женщины) слушали лекціи бесплатно, постороннія слушательницы уплачивали за отдѣльные курсы по 1 рублю, за всѣ чтенія вмѣстѣ — три рубля.

Въ *Варшавѣ* кружокъ профессоровъ мѣстнаго университета въ 1881 г. также сдѣлалъ попытку организовать если не высшіе женскіе курсы, то по крайней мѣрѣ публичныя лекціи по образцу петербургскихъ «владимірскихъ», — но и эту попытку постигла неудача: лекціи не были разрѣшены (*Пескоевскій*, назв. соч. «Наблюд.» 1882, кн. 5).

Наконецъ въ *Одессѣ* инициаторомъ въ дѣлѣ учрежденія курсовъ для женщинъ явился въ 1879 г. профессоръ А. С. Трачевскій, опубликовавшій тогда же составленный имъ проектъ устава и программы курсовъ, а въ ожиданіи ихъ утвержденія открывшій 17 января 1879 г. съ разрѣшенія мѣстнаго окружнаго начальства при Одесской третьей гимназіи «подготовительные курсы». Какъ показываетъ самое названіе, цѣль подготовительныхъ курсовъ заключалась въ томъ, чтобы дать возможность женщинамъ ищущимъ высшаго образованія пополнить тѣ пробѣлы и недочеты въ знаніяхъ, которые являются неизбѣжными результатами общей постановки преподаванія въ средней женской школѣ, не рассчитаннаго на какую либо связь съ высшею, университетскою наукою. Основными предметами этихъ пропедевтическихъ курсовъ были математика и языки русскій и латинскій. Наплывъ слушательницъ былъ такъ великъ, что пришлось устроить два параллельныхъ отдѣленія съ занятіями отъ 4 до 8 часовъ вечера, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась и возможность назначить дешевую плату за право слушанія лекцій, — по 10 рублей за полный курсъ обученія, продолжавшійся съ 17 января до 15 іюля.

Мысль проф. А. С. Трачевскаго объ устройствѣ высшихъ женскихъ курсовъ была встрѣчена сочувственно одесскимъ обществомъ. Явились предложенія довольно крупныхъ пожертвованій, явилась даже надежда на исходатайствованіе отъ городского управленія пособія въ 20 т. руб. Но разрѣшенія на открытіе курсовъ не послѣдовало. Это однако не помѣшало сторонникамъ высшаго женскаго образованія предпринять новыя попытки въ томъ же направленіи. Въ маѣ 1882 г. общество естествоиспытателей, состоящее при новороссійскомъ университетѣ, возбудило ходатайство о разрѣшеніи ему открыть съ начала учебнаго

года рядъ систематическихъ чтеній исключительно для лицъ женскаго пола по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Эти чтенія должны были дополнять и расширять тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ женщинамъ средняя образовательная школа. Предполагалось къ слушанію первой серіи лекцій (т. е. въ первомъ году) допускать лицъ, имѣющихъ дипломъ на званіе домашней учительницы, къ слушанію же второй серіи (во второмъ году) — тѣхъ изъ прослушавшихъ лекціи перваго года, которыя на коллоквиумѣ обнаружатъ основательное знаніе прочитаннаго. Плата за годичный курсъ была опредѣлена въ 40 р. («Женское Образов.» за 1881 г., стр. 369). Изъ отчетовъ общества однако не видно, чтобы этотъ проектъ тогда же осуществился. Лишь въ 1895 г. при обществѣ съ разрѣшенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа открылись публичные курсы по математикѣ и естествознанію, но не въ видѣ проектированныхъ ранѣе чтеній исключительно для женщинъ, а скорѣе по образцу петербургскихъ «владимірскихъ» курсовъ для смѣшанной аудиторіи. Въ первомъ году читались лекціи по высшей математикѣ, физикѣ, неорганической химіи, ботаникѣ, бактериологіи, зоологіи и анатоміи человѣка во второмъ кромѣ того по физиологіи и психологіи. Плата опредѣлена въ размѣрѣ 20 руб. за слушаніе всѣхъ предметовъ и 3 р. — за каждый отдѣльный предметъ; для учителей и учительницъ рѣшено было дѣлать, въ случаѣ послѣдовавшаго съ ихъ стороны заявленія о несостоятельности, уступку въ размѣрѣ половинной платы.

Успѣхъ курсовъ превзошелъ всякія ожиданія. Уже въ первое полугодіе число всѣхъ слушателей возросло до 690, во второмъ оно увеличилось до 723, въ третьемъ до 754 человѣкъ. Спросъ на всѣ лекціи былъ великъ, а на нѣкоторыя, какъ напр. по анатоміи человѣка, физиологіи и психологіи, достигалъ даже предѣльнаго максимума, допускаемаго помѣщеніемъ. Въ 1895 г. въ виду несомнѣнной пользы, приносимой публичными курсами общества естествоиспытателей, одесская городская дума назначила послѣднему ежегодную субсидію въ 3000 р. Это существенная помощь, упрочивъ существованіе публичныхъ лекцій по естествознанію, дала вмѣстѣ съ тѣмъ возможность лучше и разнообразнѣе обставлять чтенія соотвѣтствующими научными пособиями. Курсы читаются по вечерамъ, въ актовомъ залѣ и аудиторіяхъ университета. Публика продолжаетъ относиться къ нимъ съ неослабѣвающимъ интересомъ и сочувствіемъ, причѣмъ главный контингентъ посѣтителей составляютъ женщины. Многіе допускаются къ слушанію лекцій бесплатно*).

Но, какъ бы успѣшно ни шло дѣло систематическихъ публичныхъ чтеній въ томъ видѣ, какъ оно организовано обществомъ естествоиспытателей, эти чтенія не могутъ замѣнить собою высшихъ женскихъ курсовъ, какъ учрежденія, въ которомъ не только сообщаются свѣдѣнія по предметамъ университетскихъ наукъ, но и опредѣленнымъ образомъ *направляются и контролируются* самостоятельныя занятія слушательницъ. По отношенію къ нимъ можно повторить тоже, что было сказано выше о недостаткахъ аларчинскихъ, владимірскихъ и лубянскихъ курсовъ: тотъ же пестрый составъ аудиторіи, та же разница въ возрастѣ и степени подготовки и развитія, та же невозможность болѣе тѣснаго, непосредственнаго общенія между лекторомъ и аудиторіею, тоже пассивное слушаніе. Къ тому же на курсахъ общества естествоиспытателей отдѣлъ гуманитарныхъ наукъ вовсе не представленъ. Въ виду этого мысль объ-

* Проф. П. Бучинскій. Шестилѣтняя дѣятельность лекціоннаго комитета при Новороссійскомъ обществѣ естествоиспытателей. 1895—1901 гг. Одесса. 1901.

учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Одессѣ не была оставлена совершенно, и въ 1896 г. кружокъ изъ 43 профессоровъ и преподавателей новороссійскаго университета возобновилъ ходатайство объ этомъ. Это ходатайство, подъ которымъ въ числѣ прочихъ подписались старѣйшіе профессора университета—С. П. Ярошенко, Ф. Н. Шведовъ, А. А. Вериго, А. В. Клоссовскій, В. Н. Лигинъ (впослѣдствіи попечитель варшавскаго учебнаго округа, нынѣ покойный), А. А. Кочубинскій, Г. И. Перетятковичъ, Л. Ф. Воеводскій и др.—было выражено слѣдующимъ образомъ:*)

„Существующіе нынѣ въ С. Петербургѣ высшіе женскіе курсы достаточно показали, что среди молодыхъ двушекъ, ежегодно выпускаемыхъ изъ восьмого класса женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, немало такихъ которыя при неудержимомъ стремленіи къ продолженію учебныхъ занятій, къ расширенію и углубленію свѣдѣній, приобретенныхъ на школьной скамьѣ, оказываются и способными, и вполне подготовленными къ серьезному умственному труду и могутъ съ выдающимся успѣхомъ подъ руководствомъ компетентныхъ преподавателей работать въ высшихъ областяхъ научнаго знанія. Число лицъ, желающихъ получить высшее образованіе на С.-Петербургскихъ женскихъ курсахъ, съ году на годъ возрастаетъ, значительно превышая установленный первоначально правилами комплектъ, и его сіятельство г. министр народнаго просвѣщенія (графъ И. Д. Деляновъ) въ виду громаднаго наплыва такихъ лицъ милостиво разрѣшаетъ сверхкомплектныя поступленія. Но, какъ бы ни были обширны предѣлы этой милости, остается все же много окончившихъ полный восьмиклассный курсъ средней школы двушекъ, для которыхъ однако двери единственнаго въ Россіи высшаго женскаго учебнаго заведенія навсегда закрыты: таковы въ особенности уроженки далекой провинціи, для которыхъ переѣздъ въ столицу, необходимость разлуки съ родителями и семьей, нерѣдко перемѣна климата и вообще привычныхъ условій жизни являются неодолимыми препятствіями, отнимающими всякую возможность расширить кругъ приобретенныхъ ими знаній. Если и въ болѣе близкихъ къ С. Петербургу сѣверно-русскихъ областяхъ эти затрудненія въ значительной степени ограничиваютъ для женщинъ доступъ къ высшему образованію, то для всего южно-русскаго района еще настоятельнѣе назрѣла потребность въ такомъ учрежденіи, которое бы соотвѣтствовало идеѣ и назначенію С. Петербургскихъ курсовъ. Одесса съ ея трехсоттысячнымъ населеніемъ, съ ея университетомъ, съ ея благоприятными климатическими условіями и удобствомъ путей сообщенія является естественнымъ пунктомъ, къ которому прежде всего надлежало бы приурочить такое учрежденіе. Одинъ одесскій учебный округъ, насчитывающій въ настоящее время въ своихъ предѣлахъ 25 женскихъ гимназій, не говоря уже объ институтахъ и другихъ равныхъ съ ними по правамъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, доставилъ бы для проектируемаго учрежденія весьма значительный контингентъ слушательницъ. Но и кавказскій округъ, а равно южныя части округовъ кievскаго и харьковскаго также выслали бы въ Одессу на высшіе женскіе курсы немало своихъ воспитанницъ, подобно тому какъ и въ число студентовъ Новороссійскаго университета поступаетъ ежегодно много молодыхъ людей съ гимназическими аттестатами означенныхъ округовъ. Съ другой стороны необходимый для успѣшнаго веденія дѣла высшаго женскаго образованія учебный персоналъ достаточно обезпеченъ составомъ университетскихъ преподавателей, изъявляющихся при семъ совершенною своею готовностью содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ средствами правильной постановкѣ учебно-вспомогательной части предполагаемыхъ курсовъ“.

„Въ виду изложенныхъ соображеній нижеподписавшіеся профессоры и преподаватели Императорскаго Новороссійскаго университета осмѣливаются почтительнѣйше ходатайствовать объ учрежденіи въ г. Одессѣ высшихъ жен-

скихъ курсовъ съ двумя отдѣленіями,—историко-филологическимъ и физико-математическимъ по образцу существующихъ въ С.-Петербургѣ и съ программами сихъ послѣднихъ и о распространеніи на нихъ дѣйствія временнаго положенія о С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, Высочайше утвержденаго 25 іюня 1889 г., со всѣми послѣдовавшими къ нему дополненіями, а такъ какъ г. Одесса находится въ чертѣ еврейской осѣдлости, то и съ измѣненіемъ пункта 25 „положенія“ въ смыслѣ нѣкотораго увеличенія числа допускаемыхъ на курсы лицъ нехристіанскаго исповѣданія“.

„Что касается матеріальныхъ средствъ, которыми должно быть обезпечено существованіе проектируемыхъ курсовъ, то нельзя сомнѣваться, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ высшею учебною властью вопроса о ихъ открытіи въ благопріятномъ смыслѣ не замедлитъ наступить обильный притокъ крупныхъ пожертвованій и субсидій со стороны частныхъ лицъ и города,—особенно же, если министерство народнаго просвѣщенія сочтетъ удобнымъ предварительное основаніе въ г. Одессѣ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ по примѣру существующаго съ 1878 года въ С. Петербургѣ, объ учрежденіи котораго въ такомъ случаѣ имѣется въ виду немедленно возбудить въ установленномъ порядкѣ особое ходатайство. Самое открытіе курсовъ могло бы быть обусловлено въ случаѣ крайности обязательствомъ со стороны такого общества доставить въ продолженіе извѣстнаго срока необходимыя для начала дѣла средства, а равно пріискать подходящее бесплатное помѣщеніе. Съ своей стороны нижеподписавшіеся осмѣливаются заявить о полной своей готовности, еслибы это оказалось необходимымъ, нести трудъ преподаванія безвозмездно“ (слѣдуютъ 43 подписи).

Ходатайство было представлено черезъ г. попечителя одесскаго учебнаго округа въ министерство, но, насколько извѣстно, до сихъ поръ не получило своего разрѣшенія. Между тѣмъ нынѣ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи вступаетъ, повидимому, въ новую фазу и, быть можетъ, взаимнѣй учрежденія высшихъ женскихъ курсовъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ ихъ нѣтъ для женщинъ раскроются наконецъ двери университетовъ,—по крайней мѣрѣ двери тѣхъ факультетовъ, которые, какъ физико-математическій и особенно историко-филологическій, не отличаются многолюдствомъ. Слухи о томъ, будто предположенія такого рода дѣйствительно существуютъ въ правящихъ сферахъ возникли въ связи съ начавшимися преобразованіями учебнаго строя нашей средней школы и съ открытіемъ для женщинъ свободнаго доступа въ *гельсингфарскій университетъ* на основаніи Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 20 іюня с. г.

Впервые вопросъ о допущеніи женщины къ университетскимъ занятіямъ былъ поднятъ совѣтомъ гельсингфорскаго университета тридцать лѣтъ тому назадъ, и тогда же вопросъ этотъ получивъ благопріятное разрѣшеніе, но при этомъ въ виду ограниченности служебныхъ правъ женщины требованія, предъявлявшіяся къ ней, были сравнительно съ требованіями общими значительно понижены. Затѣмъ, спустя восемь лѣтъ, по мѣрѣ того какъ случаи поступленія женщинъ въ университетъ становились все чаще, совѣтомъ сдѣланъ былъ шагъ къ уравниенію этихъ требованій. Но положеніе студентки все таки во многомъ отличалось отъ положенія студента; самое допущеніе женщинъ къ слушанію лекцій всегда стояло въ зависимости отъ согласія вице-канцлера, доступъ къ занятіямъ медициною имъ былъ возбраненъ, къ участію въ корпораціяхъ онѣ не допускались и наконецъ съ самаго поступленія въ университетъ онѣ должны были находиться подъ особымъ наблюденіемъ ректора. Впрочемъ, первоначально желающихъ пользоваться

*) Останавливаемся съ большою подробностью на этомъ ходатайствѣ, такъ какъ оно представляетъ фактъ, въ печати никѣмъ никогда не отмѣченный и, повидимому, оставшіяся совершенно неизвѣстными лицамъ, занимающимся исторіею женскаго образованія въ Россіи.

благами высшаго образованія женщинъ въ Финляндіи было немного; въ 1890 г. насчитывалось всего 16 студентокъ. Приливъ женской молодежи въ университетъ сталъ возрастать лишь съ тѣхъ поръ, какъ успѣли развиться такъ назыв. „Samskolar“, т. е. среднія школы для совмѣстнаго обученія дѣтей обоого пола. Эти школы, въ которыхъ постоянное взаимное трудовое общеніе должно было воспитывать въ мальчикахъ и дѣвочкахъ сознание равенства ихъ въ правахъ и обязанностяхъ передъ обществомъ, немало способствовали развитію въ дѣвушкахъ стремленія къ продолженію своего образованія и стали доставлять наибольшій контингентъ университетскихъ слушательницъ. Въ 1897 г. въ гельсингфорскомъ университетѣ студентокъ насчитывалось уже 215, а въ настоящее время ихъ въ немъ болѣе 400. Пять лѣтъ тому назадъ женщинамъ было предоставлено право зачисляться въ корпорации на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ со студентами; ограниченіе въ правѣ выбора факультета теперь также уже не существуетъ. Недоставало до сихъ поръ лишь освобожденія ихъ отъ стѣснительной зависимости въ вопросѣ о правѣ зачисленія въ студентки отъ согласія вице-канцлера, и вотъ по Высочайшему соизволенію уничтожено и это послѣднее формальное затрудненіе.

Женщинъ, окончившихъ университетъ со степенью „кандидата“, теперь въ Финляндіи уже не мало; въ 1882 г. впервые была присуждена здѣсь женщинѣ магистерская степень, нынѣ есть нѣсколько «докторовъ философіи», наконецъ въ самомъ составѣ университетскихъ преподавате-

лей есть также женщина, — г-жа Седеріельмъ, доцентъ по кафедрѣ всеобщей исторіи.

Болѣе всего студентокъ числится на философскомъ факультетѣ, — на отдѣленіяхъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ, медиковъ меньше, юристовъ также немного. „Серьезныя занятія, говоритъ проф. I. Мандельштамъ („Женщина въ гельсингфорскомъ университетѣ“ см. „Россия“ 1901 г. № 777), — производятъ на студентокъ громадное вліяніе въ смыслѣ подъема собственнаго духа, подъема нравственности въ болѣе возвышенномъ значеніи слова. Мысль отвлекается отъ радостей, развивающихъ чувство тщеславія; скромность увеличивается отъ сознанія ограниченности человѣческихъ познаній, воля крѣпнеть въ стремленіи достигнуть результатовъ отъ трудовъ по изслѣдованіямъ. Человѣчнѣе становится женщина, близко стоя къ тому, что всего болѣе украшаетъ человѣка, — къ мысли, а чувства, свойственныя женской душѣ, облагораживаются и становятся рычагами, движущими жизнь впередъ по пути добра и счастья“.

Финскій народъ гордится своею женскою университетскою молодежью. По словамъ того же проф. Мандельштама, „дѣвѣтами привѣтствуютъ всякую, вступающую въ стѣны университета, и сходятся любоваться, какъ молодая дѣвушка надѣнетъ въ первый разъ бѣлую студенческую шапочку, бутоньерками украшается въ этотъ день весь костюмъ новой *civis academiae*, и въ этомъ проявленіи всеобщей радости и умиленія окружающихъ — большая прелесть высшей красоты нравственной: въ ней видятъ надежду родины — *spes patriae*“.

2. С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы.

Программа. С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы (Васильевскій островъ, 10 линія, д. № 33) состоятъ изъ двухъ отдѣленій, — историко-филологическаго и физико-математическаго, подраздѣляющагося со втораго курса на собственно-математическое и химическое.

На историко-филологическомъ отдѣленіи читаются: Богословіе.

Науки философскія: логика, психологія и исторія древней философіи, исторія педагогики, теорія эмпирическаго познанія.

Науки историческія: исторія Россіи, исторія древняго міра, исторія среднихъ вѣковъ, исторія новаго времени; исторія славянскихъ племенъ, исторія литературъ, — древнеримской, — всеобщей (исторія западно-европейскихъ литературъ: итальянской, французской, нѣмецкой и англійской) въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію русской литературы, — древней и новой русской литературы, — главнѣйшихъ славянскихъ литературъ; исторія искусствъ.

Науки филологическія: русскій и церковно-славянскій языкъ въ связи съ общими вопросами историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія; латинскій языкъ, славянскія нарѣчія (сербскій, болгарскій, польскій и чешскій яз.), французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Хоровое пѣніе (необязат.).

На физико-математическомъ отдѣленіи читаются: Богословіе — въ обоихъ подраздѣленіяхъ.

На математическомъ отдѣлѣ: введеніе въ анализъ, геометрія, тригонометрія, физика элементарная и высшая, химія (неорганическая), теорія опредѣлителей, аналитическая геометрія; дифференціальное исчисленіе; интегриро-

ваніе функций; механика; математическая географія; астрономія; опредѣленные интегралы; приложение анализа къ геометріи; высшая алгебра, интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій; теорія чисель; исчисленіе конечныхъ разностей; теорія вѣроятностей; варіаціонное исчисленіе; интегрированіе уравненій съ частными производными; эллиптическія функции.

На химическомъ отдѣлѣ: зоологія; ботаника, физика, физико-химія; органическая химія; кристаллографія; минералогія; физическая географія; аналитическая химія.

На обоихъ отдѣлахъ: французскій языкъ; нѣмецкій языкъ; латинскій языкъ; хоровое пѣніе (послѣдніе два предмета необязательны).

Лекціи читаются примѣнительно къ университетскимъ программамъ.

Условія приѣма: Желающія поступить въ число слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ присылаютъ о томъ прошеніе ¹⁾ на имя директора, прилагая къ этому прошенію подлинныя документы: а) свидѣтельство о званіи (съ копіей) ²⁾; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи (съ копіей) ³⁾; в) аттестатъ объ окончаніи полнаго восьмикласснаго курса въ женской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, или въ женской гимназіи учрежденій Императрицы Маріи, или въ институтѣ, а также въ равномъ съ оными по правамъ женскомъ учебномъ заведеніи (съ копіей) ⁴⁾; г) свидѣтельство о благонадежности, если просительница поступаетъ не въ годъ окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи; д) свое жизнеописаніе; е) письменное разрѣшеніе своихъ родителей, опекуновъ или вообще лицъ, на попеченіи которыхъ находится просительница; ж) свидѣтельство объ имѣннй просительницею достаточныхъ

¹⁾ Прошеніе гербовымъ сборомъ не оплачивается.

²⁾ Т.-е. копія съ формулярнаго списка или аттестата о службѣ отца, свидѣтельство о дворянствѣ, свидѣтельство изъ городской или мѣщанской управы и т. п.

³⁾ Метрическое свидѣтельство должно быть изъ духовной консисторіи.

⁴⁾ Въмѣстѣ съ этимъ свидѣтельствомъ представляется и аттестатъ объ окончаніи курса 7 класса гимназіи. Засвидѣтельствованія копій и оплаты ихъ гербовымъ сборомъ не требуется.

средствъ для безбѣднаго существованія во все продолженіе ученія на курсахъ и з) двѣ фотографическія карточки, съ собственноручною подписью просительницы ⁵⁾).

Въ прошеніи должно быть указано: отдѣленіе курсовъ, на которое желаетъ поступить просительница. ея точный адресъ и предполагаетъ ли она помѣститься въ С. Петербургѣ въ семьѣ родителей, или же въ интернатѣ курсовъ.

Вольнослушательницы, коихъ можетъ быть не болѣе 2 проц. всѣхъ учащихся на курсахъ, допускаются на курсы не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, исключительно изъ лицъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ въ семьяхъ или имѣющихъ постоянныя служебно-педагогическія занятія. Вольнослушательницы обязаны представить тѣ же документы, какъ и слушательницы.

Прошенія на имя директора должны быть присылаемы не позже 1-го августа по адресу: Васильевскій островъ, 10 линія, домъ 33.

Указанныя выше свидѣтельства о благонадежности должны быть представляемы лицами, живущими въ С.-Петербургѣ—отъ градоначальника, а лицами, прибывающими изъ губерній—отъ мѣстныхъ губернаторовъ.

Въ случаѣ непредставленія какого либо изъ указанныхъ выше документовъ прошеніе оставляется безъ послѣдствій.

Во избѣжаніе напрасной потери времени и траты на переѣздъ желающія поступить въ число слушательницъ курсовъ и не живущія въ С.-Петербургѣ присылаютъ прошенія со всѣми вышепоименованными документами по почтѣ, съ почтовыми марками на отвѣтъ, и затѣмъ *выжидаютъ письменнаго извѣщенія, по указанному въ прошеніи адресу, о допущеніи въ число слушательницъ или объ отказѣ.*

Вновь принятія слушательницы должны явиться на курсы непременно къ началу лекцій, т. е. къ 1-му сентября; въ противномъ случаѣ онѣ исключаются изъ списковъ слушательницъ.

По полученіи письменнаго (для иногородныхъ) или словеснаго извѣщенія о допущеніи въ число слушательницъ курсовъ, просительницы обязаны не позже 1-го сентября представить директору курсовъ половину годовой платы за слушаніе лекцій, т. е. пятьдесятъ рублей, а лица, которыя будутъ приняты въ общежитіе, сверхъ того и къ тому же сроку 200 рублей. Плата за слушаніе лекцій во второй половинѣ года 50 руб. и за помѣщеніе въ общежитіи 100 руб. вносится въ январѣ. Никакихъ отсрочекъ не допускается.

Внесенныя деньги не возвращаются, хотя бы слушательницы выбыли и ранѣе окончанія срока полугодія.

За указанную выше плату, т. е. 300 руб. въ годъ, слушательница получаетъ въ общежитіи помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою и стиркою бѣлья, чай, завтракъ и обѣдъ въ теченіи учебнаго года.

Изъ лицъ нехристіанскаго исповѣданія допускается не болѣе 3 проц. всѣхъ учащихся. Слушательницы перваго курса могутъ жить только въ интернатѣ или у родителей.

Администрація курсовъ. Директоръ курсовъ д. с. с. Н. П. Раевъ; руководитель учебною частью (деканъ) историко-филологическаго отдѣленія проф. И. А. Шляпкинъ; руководитель учебною частью (деканъ) физико-математическаго отдѣленія проф. А. М. Ждановъ; инспектриса вдова д. с. с. С. А. Москалева.

Столовая при курсахъ. Живущія въ общежитіи получаютъ утренній чай или кофе съ молокомъ и трехкопеечной булкой, завтракъ изъ мясного блюда (или двухъ немясныхъ) и чая, обѣдъ изъ супа, жаркого и сладкаго, вечерній чай, съ молокомъ и булкой. Меню составляется на десять дней, въ теченіи которыхъ кушанья по возможности

не повторяются, и въ составъ его обязательно входятъ телятина, живность, дичь, рыба. Меню вывѣшивается въ столовой, и желающія могутъ, записавшись наканунѣ, замѣнить каждый завтракъ двумя яйцами и стаканомъ молока, каждый супъ—чистымъ бульономъ и каждое жаркое говяжьей котлеткой. Приходящія получаютъ такой обѣдъ изъ трехъ блюдъ за 30 коп., изъ двухъ блюдъ (безъ сладкаго) за 25 коп., кромѣ того съ февраля 1899 г. введены удешевленные обѣды по 16 коп., въ составъ которыхъ входитъ тотъ же супъ, а на второе—мясо исключительно въ рубленомъ видѣ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда въ меню дешевыхъ обѣдовъ вводится и нерубленое мясо. Желающія могутъ брать вторыя порціи супа и жаркого. Въ столовой устроена грѣлка, чтобы кушанье во время раздачи его не остывало.

Столовая находится въ завѣдываніи одного изъ членовъ комитета общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ (въ послѣднее время завѣдующею состояла О. К. Нечаева). Въ помощь ему изъ членовъ того же общества выбирается особая коммиссія, наблюдающая за веденіемъ хозяйства по общежитію и столовой. Кромѣ того и слушательницы образовали изъ своей среды особую коммиссію въ составѣ 14 человекъ, которая, входя во всѣ подробности дѣла, значительно облегчаетъ отвѣтственный трудъ лица, завѣдующаго столовой. Этой послѣдней коммиссіи предоставленъ контроль за провизіей, выражающійся въ ежедневномъ наблюденіи за приѣмомъ ея.

Врачебный кабинетъ. При курсахъ устроенъ для приходящихъ слушательницъ особый врачебный кабинетъ съ наиболѣе необходимыми медикаментами, гдѣ два раза въ недѣлю врачъ (О. Ю. Каминская) принимаетъ больныхъ. Смежно съ этимъ кабинетомъ имѣется и маленькій приемный покой на одну кровать, на случай внезапныхъ заболѣваній; есть фельдшерка. Медицинская помощь подается слушательницамъ безвозмездно.

Общества при высшихъ женскихъ курсахъ. 1) *Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.* (Васильевскій островъ, 10 линія, 33) основано 4 октября 1878 г. Оно составляется изъ лицъ обоюго пола, всѣхъ состояній и званій, безъ ограниченія числа членовъ (§ 3 устава); ему предоставлено пользоваться всѣми дозволенными закономъ способами для увеличенія матеріальныхъ средствъ курсовъ (§§ 4 и 7); членскій взносъ опредѣленъ въ пять рублей ежегодно или въ сто рублей единовременно (§ 4); распорядительная и контролирующая власть принадлежитъ общимъ собраніямъ (§§ 22—28), исполнительнымъ же органомъ общества является комитетъ, состоящій изъ 12 членовъ по выбору общаго собранія (§§ 10—15). Комитетъ въ сущности фактической хозяйинъ курсовъ: онъ составляетъ ежегодную смѣту доходовъ и расходовъ, управляетъ и завѣдуетъ всею хозяйственною и имущественною стороною курсовъ, изыскиваетъ мѣры для увеличенія средствъ общества, вноситъ на разсмотрѣніе общаго собранія различныя предположенія въ предѣлахъ поставленной себѣ обществомъ цѣли и т. п. (§§ 16—21). Общество пользуется правомъ владѣть движимою и недвижимою собственностью, приобрѣтая таковую всѣми указанными въ законѣ способами (§ 23), и имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ (§ 29).

⁵⁾ На курсы слушательницы принимаются безъ вступительныхъ экзаменовъ; но вслѣдствіе большого числа просительницъ при приѣмѣ отдается предпочтеніе окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ шифрами, медалями и др. наградами.

Составъ комитета по послѣднему отчету (за 1899—1900 г.): председательница Е. И. Лихачева, товарищъ председателя—П. А. Коряковъ, казначей В. П. Тарновская, секретарь А. Р. Воронина; члены—И. М. Гревсъ, баронесса В. И. Искуль фонъ Гильденбандъ, С. А. Карѣва, Е. Я. Корсакова, О. К. Нечаева, С. Ф. Ольденбургъ, Е. П. Султанова, и А. П. Философова; кандидаты въ члены правленія—А. Б. Враскій, графиня С. В. Панина и Ѳ. Д. Батюшковъ.

Всѣхъ членовъ состоитъ 1091. По смѣтѣ на 1900—1901 ожидалось на приходъ 173.338 р., что вмѣстѣ съ наличными капиталами общества должно составить 200.129 р. 80 коп.; расходъ исчисленъ въ 173.050 руб.

2) *Общество вспомоствованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ* начало свою дѣятельность 22 февраля 1898 г. и имѣетъ своею цѣлью оказаніе систематической помощи нуждающимся слушательницамъ курсовъ выдачею денежныхъ ссудъ и пособій, которыя идутъ главнымъ образомъ на взносы за слушаніе лекцій. Дѣлами общества завѣдуетъ правленіе, члены котораго избираются на три года. Членскій взносъ—5 руб. ежегодно или 100 руб. единовременно.

Составъ правленія: председательница—В. П. Тарновская, товарищъ предс.—Н. П. Рассъ, казначей—Н. А. Вѣтвѣнницкая, секретарь—бар. М. В. Нольде, члены—А. И. Введенскій, М. М. Замятнина, Е. И. Максимова, С. А. Москалева, О. К. Нечаева, С. Ф. Ольденбургъ, В. И. Шиффъ, Г. В. Форстенъ.

Къ 1 сентября 1900 г. общество состояло изъ 477 членовъ; оно выдало пособій и ссудъ въ первый годъ своего существованія 82 слушательницамъ на сумму 4.238 руб., во второй годъ—50 слушательницамъ на сумму 2.252 р.; имъ приобрѣтено было въ 1-й годъ 9720 обѣдовъ, во 2-ой—6590, цѣною въ 25 и 16 коп.; послѣдніе предоставлялись слушательницамъ бесплатно, за обѣды же въ 25 коп. взималась плата въ 12½ или 5 коп., причемъ при назначеніи платы принималась во вниманіе лишь указанная самими слушательницами возможность платить ту или другую сумму. Съ осени 1899 г. общество имѣло двѣ квартиры, въ которыхъ пользовались помѣщеніемъ 19 слушательницъ за плату по 5 руб. Къ 1 сентября 1900 г. (по свѣдѣніямъ послѣдняго отчета) въ наличности въ кассѣ общества состояло: запасного капитала 825 руб., расходнаго 788 р. 69 коп.

3) *Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ* было основано съ 1893 г. небольшимъ кружкомъ лицъ, преимущественно бывшими слушательницами перваго выпуска, и къ 1 января 1900 г. насчитывало 319 членовъ. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы, оказывая помощь нуждающимся бывшимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ поддерживать между ними постоянную связь. Членскій взносъ—5 руб. ежегодно или 100 руб. единовременно. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ изъ 12 членовъ, избираемыхъ на три года общимъ собраніемъ. Въ 1895 г. при обществѣ учреждена особая издательская коммиссія, въ 1897 г. открыто бюро для пріисканія занятій окончившимъ курсъ, въ 1899 г. организованы курсы по новымъ языкамъ.

Составъ совѣта: председательница—Н. А. Вѣтвѣнницкая, помощница предс.—С. П. Лыжина, казначей—Л. И. Дитерихсъ, секретарь—Н. А. Колубовская, члены—Е. В. Балобанова, Т. А. Богдановичъ, М. Д. Величко, О. М. Петерсонъ, Н. Н. Платонова; кандидатки и члены совѣта—Е. И. Максимова, В. Т. Никольская, О. М. ф.-Фохтъ.

Въ послѣднемъ отчетномъ году (1900 г.) обществомъ было выдано пособій на сумму 1419 р. восемнадцати членамъ, изъ коихъ большинство городскихъ. Пособія выдавались на лѣченіе, на переѣздъ и устройство на новомъ мѣстѣ, для уплаты за слушаніе лекцій, при случайномъ отсутствіи заработка и т. п. Общая сумма прихода равнялась 5316 р. 67 коп., въ томъ числѣ возвращено пособій на 110 руб.

Члены состоящаго при обществѣ бюро ежедневно дежурятъ (В. О., 10 линіи, 33), принимаютъ заявленія, ведутъ переписку о мѣстахъ, собираютъ свѣдѣнія и т. п. Общество непрерывно слѣдитъ за судьбою и дѣятельностью бывшихъ слушательницъ, поддерживаетъ сношенія съ лицами, въ разное время окончившими курсъ, узнаетъ о ихъ занятіяхъ, семейномъ положеніи, мѣстожительствѣ, научныхъ и литературныхъ работахъ и т. п. На основаніи этихъ данныхъ обществомъ была издана въ 1897 г. памятная книжка окончившихъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ за время 1882—1889 гг. и 1893—1894 г., вышедшая въ 1896 г. вторымъ изданіемъ; въ 1897 г. было выпущено въ свѣтъ „Дополненіе“ къ ней съ статистической таблицей и библиографическимъ указателемъ.

3] *Московскіе высшіе женскіе курсы.*

Программа. Какъ указано выше, московскіе высшіе женскіе курсы организованы по образцу с.-петербургскихъ и имѣютъ ту же программу. Они состоятъ изъ двухъ отдѣленій,—историко-филологическаго и физико-математическаго, Продолжительность ученія—четыре года.

Условія пріема. Желающія поступить на курсы подаютъ прошенія о пріемѣ (безъ гербовой марки) въ канцелярію г. попечителя московскаго учебнаго округа. Въ прошеніи должно быть указано, гдѣ и когда просительница получила образованіе, какой имѣетъ аттестатъ, на какое отдѣленіе курсовъ желаетъ поступить и куда послать ей отвѣтъ, для чего должна быть приложена почтовая марка. По разсмотрѣніи этихъ заявленій въ срединѣ августа просительницы извѣщаются о результатѣ.

Администрація курсовъ. Курсы находятся въ завѣдываніи особаго *попечительнаго совѣта*. Во главѣ курсовъ стоитъ директоръ (проф. В. И. Герье); каждое изъ отдѣленій имѣетъ своего руководителя по учебной части (декана); надзоръ за слушательницами ввѣренъ инспектрисѣ.

Составъ попечительнаго совѣта: председатель—членъ совѣта министра) А. П. Расвѣтовъ; товарищъ предс.—помощникъ попечителя моск. уч. окр. В. Д. Исаенковъ; члены—отъ городской думы кн. В. М. Голицынъ, отъ губернскаго земства—Н. Н. Хмѣлевъ, отъ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ—А. С. Алферова, З. С. Иванова и М. Г. Коммисаровъ, кромѣ того директоръ, деканы и инспектриса

Общество для доставленія средствъ московскимъ высшимъ женскимъ курсамъ начало свою дѣятельность 30 апрѣля 1900 г. По утвержденному 18 марта 1900 г. министерствомъ внутреннѣхъ дѣлъ уставу, оно состоитъ изъ лицъ обоого пола, всѣхъ состояній и званій. Членскій взносъ—5 руб. ежегодно или 100 р. единовременно; лица, внесшія менѣе 5 р., считаются членами соревнователями, но не пользуются въ собраніяхъ общества правомъ голоса и не могутъ быть избираемы въ должности по обществу. Исполнительнымъ органомъ общества является комитетъ, состоящій изъ 12 членовъ, избираемыхъ на 3 года общимъ собраніемъ; кромѣ того непремѣнными членами комитета состоятъ директоръ высшихъ женскихъ курсовъ и два преподавателя курсовъ, по назначенію попечителя московскаго учебнаго округа. Члены комитета ежегодно избираютъ изъ своей среды председателя, его товарища, казначея и секретаря. *Должности эти могутъ быть замѣщаемы лицами обоого пола.*

Въ составъ перваго комитета общества входили: проф. В. И. Герье, графиня Е. А. Уварова, М. Г. Коммиссаровъ, З. С. Иванова, Е. И. Мамонтова, О. П. Кундасова, С. А. Сकिрумунтъ, А. С. Алферова, А. К. ф.-Меккъ, Е. С. Пѣтухова, А. Д. Котельникова и Е. В. Герье. Вновь избраны 30 апрѣля 1901 г. взаменъ выбывшихъ по жребію кн. Е. В. Оболенская и А. Д. Котельникова.

Вся сумма прихода общества за первый годъ его существованія равнялась 22.176 р. 24 к. По смѣтѣ на 1901—1902 учебн. г. пред-

положено истратить на покрытіе единовременныхъ расходовъ по обзаведенію общежитія 3000 р. 50 коп., на наемъ помѣщенія отъ 2400 руб. до 3000 руб., на столъ (обѣдъ, чай, ужинъ или завтракъ)—2500 р. При

курсахъ устроена химическая лабораторія; въ настоящемъ учебномъ году имѣлось въ виду открытіе кабинетовъ ботаническаго и зоологическаго.

4. Публичные курсы по естествознанію и математикѣ въ Одессѣ.

Въ 1901—1902 учебномъ году Новороссійское общество естествоиспытателей по примѣру прежнихъ лѣтъ открыло рядъ публичныхъ курсовъ по естествознанію и математикѣ въ помѣщеніи Новороссійскаго университета. За слушаніе взимается плата въ размѣрѣ 3 руб. въ полугодіе за предметъ; учителя и учительницы нисшихъ учебныхъ заведеній платятъ половину; освобожденіе отъ платы допускается для лицъ учебнаго вѣдомства съ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія лекціоннаго комитета. Соотвѣтствующія заявленія принимались комитетомъ до 5 сентября. Въ осеннемъ полугодіи чтенія продолжались съ 10 сентября по 10 декабря (7—9 час. вечера).

Курсы, объявленные въ осеннемъ полугодіи: 1) физика (прив. доц. Б. П. Вейнбергъ), пнд. 2) неорганическая химія (проф. С. Танатаръ) сбт. 3) ботаника (проф. Ф. М. Каменскій, втрн.); 4) анатомія чловѣка (проф. П. Бучинскій). Въ весеннемъ полугодіи (съ января 1902 г.) курсъ физики будетъ замѣненъ курсами математики (Ц. К. Руссиянъ) и бактериологіи (д-ръ Бардахъ).

За справками и разъясненіями можно обращаться къ проф. П. Бучинскому ежедневно отъ 10 до 2 ч. дня, въ зданіи университета на Преображенской улицѣ; тамъ же производится продажа билетовъ и выдаются бесплатно программы предстоящихъ лекцій.

Общедоступныя лекціи въ одесскихъ народныхъ аудиторияхъ. Въ первой городской одесской народной аудиторіи съ 1897 г. открыто чтеніе общедоступныхъ лекцій для народа по исторіи русской литературы, всеобщей исторіи, физикѣ, географіи, геологіи и химіи; нынѣ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи читать лекціи во всѣхъ четырехъ одесскихъ народныхъ аудиторияхъ (городской, пересыпской, пушкинской и на Слободкѣ-Романовкѣ), причѣмъ въ программу лекцій на 1901/1902 г. внесены новые предметы: техническая химія, алгебра, геометрія, ариеметика, астрономія, физическая географія, анатомія, законовѣдніе и русскій языкъ. При городской аудиторіи имѣется физическій кабинетъ и коллекція химическихъ приборовъ, анатомическихъ препаратовъ, картинъ для волшебнаго фонаря и проч. Нѣкоторые изъ прочитанныхъ курсовъ и отдѣльныхъ лекцій (по физикѣ, химіи и зоологіи) изданы лекціоннымъ комитетомъ и поступили въ продажу по цѣнѣ стоимости ихъ изданія.

В. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Литература по вопросу о женскомъ медицинскомъ образованіи въ Россіи. М. Михайловъ. Женщины въ университетѣ („Современникъ“ 1861, т. 86)—Песковскій Очеркъ исторіи высшаго женск. образованія въ Россіи („Наблюд.“ 1882, кн. 5, стр. 64 слл.) — „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ университетовъ“ СПб. 1862 (2-я часть)—П. Суцанскій Женщина-врачъ въ Россіи. Очеркъ десятилѣтія женскихъ врачебныхъ курсовъ СПб. 1882—Е. С. Некрасова. Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ („Вѣстн. Евр.“ 1882, кн. 12).—Абрамовъ Женскіе врачебные курсы („Сѣв. Вѣстн.“ 1886 кн. 2).—Г. Родзевичъ Матеріалы для біографіи первой русской женщины, получившей дипломъ доктора медицины, Н. П. Сусловой („Русск. Медицина“ 1892 №№ 37—38)—Автобіографія В. А. Кашеваровой (въ изданіи „Двадцатипятилѣтіе врачей, бывшихъ студентовъ Императорскаго медико-хирургическаго академіи выпуска 9 дек. 1868 г.“ СПб. 1893).—З. Окунькова-Гольдинеръ Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи („Дѣло“ Сборникъ въ пользу спб. женскаго медич. института, М. 1899).—Е. Лихачева Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. IV (1856—1880). СПб. 1901. Стр. 453 слл. — P. Tarnowsky Aperçu sur l'instruction médicale des femmes en Russie. S-Petersbourg 1900.—Haryett Fontanges Les femmes docteurs en médecine dans tous les pays 3-ème ed. Paris 1901.—A. Rebière Les femmes dans la science. 2-me ed., Paris 1897. Schelenz, Herm. Frauen im Reiche Aesculap. Leipz. 1899.

Начало женскаго медицинскаго образованія въ Россіи восходитъ къ XVIII в. Первая ученая акушерка (нѣмка) пріѣхала въ Россію изъ Брауншвейга вмѣстѣ съ принцессою Шарлоттою, женою царевича Алексѣя Петровича; въ 1718 г. въ Петербургѣ явилась другая акушерка, родомъ голландка, и потому всѣхъ акушерокъ нѣкоторое время у насъ называли „бабками-голландками“. Въ 1757 г., по почину лейбъ-медика императрицы Елисаветы Петровны П. З. Кондоиди, „медицинская канцелярія“ издала „Проектъ о сохраненіи народа“, одна изъ статей котораго гласила: „всѣхъ находящихся въ Петербургѣ и Москвѣ повивальныхъ бабокъ освидѣтельствовать, т. е. проэкзаменовать въ ихъ искусствѣ докторамъ, лѣкарямъ и присяжнымъ бабкамъ, и которыя окажутся достойны, тѣмъ давать отъ медицинской канцеляріи указы и публиковать о нихъ для народнаго свѣдѣнія, привести ихъ къ присягѣ и назвать ихъ присяжными бабками“. Вмѣстѣ съ тѣмъ докторамъ и акушеркамъ предписывалось читать цѣлый „коллегіумъ“ бабкамъ и ихъ ученицамъ,—анатомію на трупахъ и ученіе о правильныхъ и неправильныхъ родахъ. Это начинаніе впрочемъ не принесло замѣтныхъ плодовъ, и вплоть до половины прошлаго столѣтія, несмотря на возрастающую потребность въ хорошо подготовленныхъ къ своему дѣлу бабкахъ и акушеркахъ, „бабичье дѣло“, какъ говорили въ старину, правильной постановки у насъ, въ Россіи, не имѣло. Лишь около этого времени появляются самостоятельныя учебныя заведенія для подготовленія бабокъ и акушерокъ —

московская акушерская школа при воспитательномъ домѣ, школа при петербургской Калинкинской больницѣ для спеціального ознакомленія повивальныхъ бабокъ съ сифилисомъ и т. д.

Съ 1859 г. въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, женщины были допущены къ посѣщенію университетскихъ лекцій въ качествѣ вольнослушательницъ; ходили онѣ и въ медико-хирургическую академію, и двѣ изъ нихъ въ 1860 г. держали здѣсь экзаменъ по анатоміи у профессора Грубера, а одна выдержала при кievскомъ университетѣ полный экзаменъ на званіе врача. Годъ спустя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія была образована коммиссія для пересмотра университетскаго устава, и по поводу поданныхъ двумя женщинами прошеній, — одною о поступленіи въ медицинскую академію, другою о поступленіи въ университетъ,—возникъ принципиальный вопросъ о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій наряду со студентами и къ испытаніямъ на ученія степени. Мы знаемъ уже, что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно, но женщины продолжали еще ходить на лекціи въ медицинскую академію, и въ 1864 г. такихъ слушательницъ было въ ней болѣе 60 (Лихачева назв. соч., стр. 478). Одною изъ нихъ была первая русская женщина-врачъ Надежда Прокофьевна Сулова, поступившая въ академію вольнослушательницею въ 1861 г., по окончаніи курса въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ и по выдержаніи экзамена при

гимназіи на званіе домашней наставницы. Она усердно занималась подъ руководствомъ Грубера, Сѣченова, Здекауэра и др. и уже на второй годъ своего пребыванія въ академіи заявила о себѣ выдающеюся по научнымъ достоинствамъ работою подъ заглавіемъ: „Измѣненіе кожныхъ ощущеній подъ вліяніемъ электрическаго раздраженія“, которая была напечатана ею въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“. Но въ 1864 г. объявленъ былъ приказъ военнаго министра — не допускать съ слѣдующаго учебнаго года въ академію лицъ женскаго пола къ присутствію ни при лекціяхъ, ни при практическихъ занятіяхъ, и Н. П. Суслова должна была отказаться отъ продолженія столь успѣшно начатыхъ ею медицинскихъ занятій въ Россіи. Она отправилась за границу, въ Швейцарію, гдѣ, поборовъ со свойственною ей энергіею всѣ встрѣтившіяся ей затрудненія и препятствія (стремленіе женщины къ высшему образованію и за границую въ то время было дѣломъ новымъ), окончила курсъ въ Цюрихскомъ университетѣ, выдержала докторскій экзаменъ и 2 декабря 1867 г. защитила диссертацию на тему: „Къ ученію о лимфатическихъ сердцахъ“ *)

Упомянутый выше приказъ военнаго министра, преградившій для женщинъ доступъ къ занятіямъ въ медицинской академіи, не коснулся лишь одной изъ нихъ, — *Варвары Александровны Кашеваровой*, которая была прикомандирована съ разрѣшенія министра къ академіи на одинъ курсъ, т. е. на пять лѣтъ, съ обязательствомъ по окончаніи курса ѣхать въ качествѣ врача въ оренбургскій край для лѣченія башкирскихъ женщинъ. Это привилегированное положеніе В. А. Кашеваровой, получающей вдобавокъ еще и казенную стипендію, объяснялось тѣмъ особеннымъ участіемъ къ ней вліятельныхъ лицъ, которое было вызвано въ значительной степени непобѣдимымъ обаяніемъ отличавшей эту необыкновенную женщину беззаветной вѣры въ свое призваніе и самоотверженной любви ея къ наукѣ. Могли ли существовать какія нибудь формальныя преграды для той непреклонной энергіи, съ которою Кашеварова стремилась къ высшему медицинскому образованію, начавъ полуробенкомъ работать въ повивальномъ институтѣ Вел. Кн. Елены Павловны, затѣмъ выдержавъ экзаменъ при Калининской больницѣ и все таки въ концѣ концовъ отказавшись отъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ правъ вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ невозможности изучать одну какую либо отрасль медицины, не имѣя знакомства съ медициною въ ея цѣломъ? Это было исключеніемъ изъ общаго правила, и въ 1868 г. Кашеварова выдержала докторскій экзаменъ, а въ 1876 г. защитила и докторскую диссертацию. Но другимъ женщинамъ, подобно ей желавшимъ заниматься медицинскими науками, менѣе посчастливилось. Онѣ должны были для этого ѣхать за границу, — въ Цюрихъ, Бернъ, Женеву, Парижъ и проч. Правда, и въ Петербургѣ, и въ Казани слушательницы акушерскихъ курсовъ допускались къ работѣ въ анатомическомъ театрѣ, а съ 1869 г. для нихъ мало по малу стали открываться въ петербургской медицинской академіи доступъ и къ слушанію лекцій по гистологіи, гигиенѣ, фармакологіи и женскимъ болѣзнямъ, причемъ „контрабандою“ онѣ забѣгали и на курсы физиологіи и общей патологіи, къ Сѣченову и Боткину, — но все это только терпѣлось, не было признано правомъ, и во всякомъ случаѣ потребность русскаго общества въ высшемъ медицинскомъ образованіи для женщинъ этимъ не могла

быть удовлетворена. И вотъ въ виду предстоявшаго въ то время въ медицинскомъ совѣтѣ пересмотра „положенія“ о медицинскихъ учебныхъ степеняхъ д-ръ Н. И. Козловъ, бывший тогда главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, и профессора Н. Здекауэръ и А. Красовскій возбудили вновь вопросъ о допущеніи женщинъ къ общему врачебному образованію, насколько оно необходимо въ интересахъ повышенія уровня медицинскихъ знаній повивальныхъ бабокъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ установить и соотвѣтственную степень «ученой акушерки». Случилось такъ, что около того же времени Л. А. Родственною сдѣлано было пожертвованіе въ 50 т. р. съ тѣмъ, чтобы эти деньги послужили пособіемъ для устройства при медико-хирургической академіи женскихъ врачебныхъ курсовъ. Пожертвованіе это помогло успѣху проекта, и въ 1872 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на открытіе такихъ курсовъ „ученыхъ акушеровъ“ въ видѣ опыта на четыре года, съ отнесеніемъ расходовъ по ихъ содержанію частью на проценты съ пожертвованнаго г-жею Родственною капиталъ частью на суммы сбора за слушаніе лекцій. Когда же спустя два года стала сказываться потребность въ клиническомъ матеріалѣ, для слушательницъ курсовъ былъ постепенно открытъ доступъ въ больницы Калининскую, Обуховскую, дѣтскую принца П. Г. Ольденбургскаго и Маринское родовспомогательное заведеніе. Наконецъ въ 1876 г. былъ съ Высочайшаго разрѣшенія прибавленъ пятый учебный годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было совершенно отдѣлить женскіе курсы отъ медико-хирургической академіи для чего перенести всѣ занятія слушательницъ въ Николаевскій военный госпиталь, при которомъ и была образована пропедевтическая клиника. Новыя пожертвованія со стороны Л. А. Родственной (по мужу Шанявской) позволили курсамъ обзавестись необходимыми пособіями и собственнымъ анатомическимъ театромъ, котораго при Николаевскомъ госпиталѣ не существовало, а на средства, отпущенныя военнымъ министерствомъ, были устроены кабинеты и лабораторіи. Курсы стали такимъ образомъ самостоятельнымъ учрежденіемъ, и имъ было присвоено названіе „врачебныхъ женскихъ курсовъ“, а ихъ слушательницамъ по выдержаніи ими окончательныхъ испытаній было предоставлено право заниматься акушерской, женской и дѣтской практикой примѣнительно къ существующимъ постановленіямъ для вольно практикующихъ врачей, а равно исполнять врачебныя обязанности и самостоятельно пользоваться больныхъ въ женскихъ, родовспомогательныхъ и дѣтскихъ лѣчебныхъ заведеніяхъ.

Во главѣ курсовъ стоялъ д-ръ Вильчковскій, въ завѣдываніи котораго находился и Николаевскій военный госпиталь. Ихъ инспекрисою была М. Г. Ермолова. Число слушательницъ было въ 1 й годъ 90, во 2-й—89, въ 3-й—88, въ 4 й—93; общее число ихъ за первые десять лѣтъ равнялось 959.

Но близокъ былъ роковой для всѣхъ вышихъ женскихъ учебныхъ заведеній 1886-й годъ, который оказался роковымъ и для врачебныхъ курсовъ. Въ этотъ годъ они были закрыты. Уже и раньше, въ 1882 г., въ виду того, что съ отдѣленіемъ ихъ отъ военно-медицинской академіи въ сущности уже не было основанія удерживать ихъ въ вѣдомствѣ военнаго министерства, пріемъ новыхъ слушательницъ на курсы былъ пріостановленъ, и возникъ вопросъ

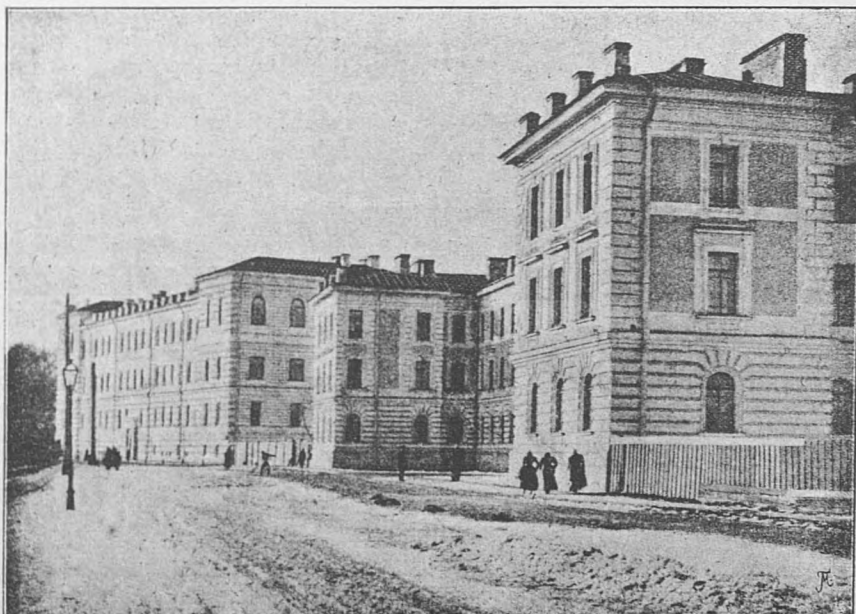
*) О Сусловой см. П. Н. Аріанъ Первый женскій календарь на 1901 г. (годъ третій), стр. 375; В. Бемертъ Университетское образованіе женщины Спб. 1873.

о передачу курсовъ въ вѣдѣніе города. С.-Петербургское общественное управленіе отнеслось къ этой мысли сочувственно, но, несмотря на состоявшееся тогда же постановленіе городской думы объ отпускѣ ежегодной субсидіи курсамъ въ размѣрѣ 15 т. р. и объ отводѣ для нихъ новаго помѣщенія, дѣло оставалось нерѣшеннымъ въ продолженіи девяти лѣтъ. За это время возникали предположенія о перемѣщеніи курсовъ изъ Петербурга то въ Москву, то въ одинъ изъ ближайшихъ провинціальныхъ городовъ, то даже куда нибудь подальше, напр. въ Сибирь, но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не имѣлъ серьезнаго значенія. Немалымъ препятствіемъ къ открытію курсовъ являлся и недостатокъ средствъ. Последнее обстоятельство побудило И. М. Сибирякова, ген. А. Л. Шанявскаго, В. А. Морозову, Сабашниковыхъ, Баранова, С. Лепешкина и др. друзей женскаго образованія вновь придти на помощь дѣлу своими крупными пожертвованіями, и, когда такимъ образомъ составилась капиталъ въ 700 т. р., то министръ народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ согласился войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о возобновленіи въ С.-Петербургѣ прежнихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ подъ новымъ названіемъ «женскаго медицинскаго института». На этотъ разъ дѣло окончилось благополучно, и 1 іюня 1895 г. „положеніе“ объ институтѣ было утверждено.

Во главѣ новаго учрежденія стала проф. Анрепъ. Городъ предоставилъ мѣсто на Петербургской сторонѣ, по Архіерейской улицѣ, для возведенія зданій института, — и работа закипѣла. Благодаря энергіи и неутомимости строителей, въ теченіи двухъ лѣтъ здѣсь были сооружены два большихъ зданія, изъ которыхъ въ одномъ помѣщались аудиторіи, лабораторіи и кабинеты, въ другомъ — анатомическій институтъ. Въ 1896 г. возникло «Общество для усиленія средствъ С.-Петербургскаго медицинскаго института», открывшее свое отдѣленіе и въ Москвѣ, и его стараніями была куплена рядомъ съ главнымъ корпусомъ выходящимъ на Архіерейскую улицу, земля, на которой возведено громадное зданіе для общежитія слушательницъ женскаго медицинскаго института, приспособленное на 120 человекъ. Другое общежитіе, рассчитанное приблизительно на 50, принадлежитъ „Обществу для пособія слушательницамъ женскаго медицинскаго института“.

Мѣсто, отведенное городомъ для института, занимаетъ площадь въ 2034 кв. саж., длиною въ 40 саж. по улицѣ. На этой землѣ выстроено четырехъ-этажное главное зданіе института, анатомическій театръ, служительскій флигель, электрическая станція, ледникъ для труповъ, специальная прачечная для бѣлья, поступающаго изъ анатомическа-

го зданія, и другія служебныя постройки. Рядомъ съ институтомъ находится городская Петропавловская больница, доставляющая ему клиническій матеріалъ по внутреннимъ и хирургическимъ болѣзнямъ. Возможность дальнѣйшаго расширенія этого учрежденія обеспечена приобрѣтеніемъ сосѣдняго большаго участка земли (10 т. кв. саж.), на которомъ предполагается помимо упомянутого выше дома общежитія воздвигнуть въ послѣдствіи собственныя клиники (гинекологическую, дѣтскую, глазную, нервную и психіатрическую) и институты химическо-гигіенической, гидро-терапевтической и проч. Интернатъ, помѣщающійся въ большомъ четырехъ-этажномъ зданіи, обставленъ не только съ комфортомъ, но даже съ роскошью. При немъ находится обширная столовая, въ которой ежедневно обѣдаютъ 200—300 слушательницъ института. За помѣщеніе въ интернатѣ взимается 300 рублей въ годъ; за эту плату слушательница получаетъ комнату съ мебелью, отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугою и стиркою бѣлья, чай, завтракъ и обѣдъ въ теченіи учебнаго года.

С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Программа. За-

нятія въ институтѣ продолжаются въ теченіи пяти лѣтъ или десяти семестровъ. Лекціи читаются примѣнительно къ учебнымъ планамъ, дѣйствующимъ въ университетахъ.

Предметы, преподаваемые въ институтѣ: описательная анатомія; гистологія съ эмбриологіей; физиологія; общая патологія; частная патологія; терапия, діагностика и медицинская химія; химія; физика; минералогія, ботаника и зоологія; сравнитель-

ная анатомія; фармакологія, рецептура и токсикологія; бальнеологія; патологическая анатомія и патологическая гистологія; акушерство и гинекологія; педиатрія; гигиена; хирургія; сифилитологія и дерматологія; офтальмологія; невропатологія и психіатрія.

Условія приѣма въ общемъ сходны съ условіями приѣма на С.-Петербургскіе высшіе курсы (см. выше стр. 110 сл.)

Отличія заключаются въ слѣдующемъ:

Въ слушательницы института принимаются лица женскаго пола *не моложе 20 и не старше 35 лѣтъ*. Изъ лицъ нехристіанскаго исповѣданія въ институтъ принимаются не свыше 5% общаго числа ежегодно поступающихъ слушательницъ, причѣмъ число лицъ іудейскаго исповѣданія не должно превышать 3% означеннаго общаго комплекта (§ 1). Желающія поступить въ число слушательницъ института присылаютъ при прошеніи на имя директора кромѣ документовъ, перечисленныхъ на стр. 110 сл., свидѣтельство о выдержаніи испытанія по латинскому языку и письменное разрѣшеніе родителей или попечителей, если родители не находятся въ живыхъ и просительница не достигла 21 года, а замужнія — письменное разрѣшеніе мужей (§ 2). Лица, окончившія полный курсъ гимназій или другихъ равныхъ съ ними по правамъ учебныхъ заведеній, должны для поступленія въ институтъ выдержать

испытанія изъ латинскаго языка по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ университеты. Испытанія сии производятся въ ближайшихъ по мѣсту жительства означенныхъ лицъ мужскихъ гимназій, а если въ городѣ имѣется нѣсколько гимназій, то въ той изъ нихъ, которая будетъ указана попечителемъ учебнаго округа. Лица, прошедшія высшіе женскіе курсы въ С.-Петербургѣ и выдержавшія тамъ установленныя испытанія по латинскому языку, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдавать таковыя, принимаются въ институтъ безъ вышеуказаннаго испытанія (§ 3). Прошенія на имя директора присылаются съ 15 юня по 1 августа по адресу: Спб., Архіерейская, д. № 6 (§ 4). Къ 15 сентября принятыя въ число слушательницъ института просительницы обязаны представить директору института половину годовой платы за слушаніе лекцій т. е. пятьдесятъ рублей, а лица, которыя будутъ приняты въ общежитіе, сверхъ того и къ тому же сроку *половину годовой платы за помѣщеніе въ общежитіи, т. е. 150 р.* (§ 10).

Администрація института. Денежныя средства института находятся въ вѣдѣніи попечительнаго комитета, а его хозяйственною и административною частью завѣдуетъ особый совѣтъ, въ составъ котораго кромѣ директора и инспектрисы входятъ по назначенію попечителя округа четыре профессора и два члена по выбору отъ попечительнаго комитета. Директоромъ института состоитъ проф. О. Д. Оттъ; инспектрисою г-жа Сенявина.

Общества состоящія при институтѣ: 1) *Общество для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института*, основанное 16 февраля 1896 г. Въ настоящее время оно насчитываетъ болѣе 300 членовъ; распорядительная и контролирующая власть принадлежитъ общимъ собраніямъ, исполнительнымъ же органомъ является особый комитетъ изъ 12 членовъ. За первый годъ своего существованія общество успѣло собрать 110 т. р.; кромѣ того Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ отпустить изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе общества для постройки дома общежитія 10 февраля 1897 г. 65 т. рубл. и 10 декабря того же года 100 т. р. Тогда обществомъ былъ приобретень упомянутый выше участокъ земли, на которомъ выстроены интернатъ. Общество имѣетъ свое отдѣленіе въ Москвѣ. 2) *Общество для пособія слушательницамъ педагогическихъ курсовъ и С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института*, происшедшее изъ слиянія двухъ обществъ послѣ закрытія женскихъ врачебныхъ курсовъ въ 1886 г. и 23 ноября 1899 г. праздновавшее уже свой 25 лѣтній юбилей. При началѣ своего существованія оно насчитывало около 700 членовъ, но впослѣдствіи число ихъ значительно уменьшилось, и къ 1 января 1899 г. ихъ состояло 223. Въ настоящее время дѣятельность общества съ образованіемъ

при немъ особаго комитета, имѣющаго своею задачею усиленіе средствъ женскаго медицинскаго института, замѣтно оживилась. Комитетъ устроилъ для слушательницъ института интернатъ и при немъ дешевую столовую; кромѣ того изъ суммъ общества выдавались недостаточнымъ слушательницамъ ссуды, стипендіи и пособія на уплату за слушаніе лекцій и на жизнь. 3) *Общество взаимной помощи женщинъ врачей*, имѣющее своею цѣлью оказывать матеріальную поддержку бывшимъ слушательницамъ врачебныхъ курсовъ и медицинскаго института.

Права лицъ, окончившихъ курсъ с.-петербургскаго женскаго медицинскаго института. Такимъ лицамъ выдается дипломъ на званіе „женщины-врача“, предоставляющій имъ: 1) право повсемѣстной свободной практики на основаніи постановленій о вольно-практикующихъ врачахъ; 2) право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства, 3) право въ качествѣ специалистокъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ занимать повсемѣстно должности врачей при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, а также при общинахъ сестеръ милосердія и врачебно-полицейскихъ учрежденіяхъ. 4) право быть допускаемыми губернскими врачебными управленіями къ завѣдыванію земскими медицинскими участками и находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами и приемными покоями, равно иными сельскими лѣчебными заведеніями, а также къ завѣдыванію въ городахъ специальными женскими и дѣтскими больницами и лѣчебными заведеніями и женскими и дѣтскими отдѣленіями общихъ больницъ и къ дежурству во всѣхъ отдѣленіяхъ сихъ больницъ и заведеній и 5) право быть приглашаемыми въ качествѣ помощницъ судебного врача при судебно-медицинскомъ освидѣтельствваніи женщинъ и дѣтей.

Допущеніе женщинъ-врачей къ занятіямъ въ Императорской военно-медицинской академіи. На основаніи особой инструкции женщины-врачи могутъ быть допускаемы къ практическимъ занятіямъ только въ женскія и дѣтскія клиники академіи и въ соответственныя отдѣленія клиническаго военнаго госпиталя, а также въ нервно-психиатрическую клинику для усовершенствованія въ избранныхъ ими специальностяхъ, съ особаго на каждый случай разрѣшенія начальника академіи и по представленію завѣдывающаго соответственною клинкою или отдѣленіемъ профессора, а въ нервно-психиатрической клиникѣ—по постановленію директора ея, срокомъ на два года. По истеченіи двухъ лѣтъ срокъ этотъ можетъ быть продолженъ еще на одинъ годъ. Число допускаемыхъ къ занятіямъ женщинъ-врачей сообразуется съ числомъ штатныхъ женскихъ и дѣтскихъ мѣстъ въ каждой клиникѣ или отдѣленіи, а именно допускается только по одной женщинѣ-врачу на каждыя 10—15 кроватей. Во время нахожденія въ клиникахъ и госпитальныхъ отдѣленіяхъ женщины-врачи несутъ обязанности ординаторовъ безъ всякаго за то вознагражденія и безъ правъ государственной службы, подчиняясь завѣдывающимъ клиниками профессорамъ, а въ отдѣленіяхъ госпиталя—также главному врачу послѣдняго, въ виду же безвозмездности несомаго ими труда онѣ освобождаются отъ установленнаго въ такихъ случаяхъ для врачей-мущинъ 20-рублеваго взноса.

В. Археологическій Институтъ.

(Спб., уолю Инженерной и Садовой, домъ 1—4).

Цѣль института. Археологическій Институтъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ на частныя средства въ 1877 г., имѣетъ своею цѣлью приготовленіе специалистовъ по различнымъ отраслямъ археологіи и по архивовѣдѣнію.

Программа. Въ институтѣ преподаются: палеографія, русскія древности, хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, архивовѣдѣніе, древняя географія (общая и спеціально русская).

Условія приѣма. Въ археологическій институтъ принимаются только лица, окончившія курсъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Курсъ ученія двухлѣтній, безплатный; лицамъ, отличившимся успѣхами въ наукахъ, выдаются стипендіи.

Администрація. Во главѣ института стоитъ его директоръ Н. В. Покровскій. Дѣла, касающіяся учебной части,

разсматриваются совѣтомъ института, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ онаго подѣ предсѣдательствомъ директора; хозяйственныя дѣла вѣдаются правленіемъ, состоящимъ изъ директора, правителя дѣлъ, трехъ почетныхъ членовъ института и одного изъ профессоровъ по выбору.

Права лицъ, окончившихъ курсъ института. Такія лица получаютъ аттестаты и пользуются содѣйствіемъ института въ полученіи мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Изъ нихъ, которыя изъявляютъ въ особой подпискѣ согласіе содѣйствовать своими трудами цѣлямъ института съ представленіемъ въ оный ежегодно своихъ научныхъ работъ или по крайней мѣрѣ отчетовъ о своихъ изслѣдованіяхъ, получаютъ отъ совѣта званіе действительныхъ членовъ института.

Примѣчаніе. Къ занятіямъ въ институтъ допускаются лица обою пола. Званіе дѣйств. члена института въ настоящемъ году впервые присуждено женщинѣ [М. А. Холоднякъ].

II. Высшее образованіе женщинъ заграницей.

Литература: Maddison, Isabel Handbook of British, Continental and Canadian Universities with special mention of the courses open to women 2 ed. New-York. 1899.—*„Minerva“* Jahrbuch der gelehrten Welt. herausgegeben von Karl Trübner. Strassburg—*Hochschul-Nachrichten*, herausgegeben von Dr P. v. Salvisberg. München.—*Illustriertes Konversation-Lexicon der Frau* in zwei Bänden. Berlin. 1900.—*The Englishwoman's Year Book* for 1901 ed. by Em. Janes. London.—*Pert, Camille*. Le livre de la femme. Guide pratique dans la vie. Paris. 1901.—*Hausmann, S.* Die Bestimmungen über das Universitäts-Studium der Frauen in Deutschland, Oesterreich-Ungarn und in der Schweiz (Die Frau. 1901, VIII).—*Schirmacher, Käthe*. Das Frauenstudium in Deutschland (Die Frauenbewegung. 1900 VI)—*Smith, Anna Tolmann*. Higher Education of Women in France (The Forum. 1900. XII).

А. Германія.

Въ Германіи двадцать университетовъ. Изъ нихъ по своей обширности, по богатству ученыхъ силъ, по обилію и доступности учебныхъ средствъ первое мѣсто занимаютъ университеты берлинскій, лейпцигскій и мюнхенскій.

Каждый германскій университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ,—богословскаго (теологическаго), юридическаго, медицинскаго и философскаго. На философскомъ факультетѣ преподаются науки историко-филологическія (въ томъ числѣ и восточные языки), математическія и естественныя, а въ нѣкоторыхъ университетахъ читаются еще и курсы по теоріи и исторіи музыки. Учебный годъ раздѣляется на два семестра (полугодія),—зимній (Winter-Semester), начинающійся приблизительно около половины октября и заканчивающійся около половины марта, и лѣтній (Sommer-Semester), продолжающійся съ половины апрѣля до половины августа. Впрочемъ фактически чтеніе лекцій начинается обыкновенно нѣсколькими днями позже официально объявленнаго срока начала семестра.

Университетскіе курсы бываютъ платные, къ слушанію которыхъ допускаются только лица, уплатившія въ пользу профессоровъ т. назыв. Collegiengeld, т. е. отъ 3 до 5 марокъ за недѣльный часъ въ семестръ, и бесплатные, именуемые „публичными“ (Collegia publica, öffentliche Vorlesungen), равно доступные для всѣхъ студентовъ и вольнослушателей. Подробныя росписанія чтеній по каждому университету въ отдѣльности (Vorlesungsverzeichnisse, Lecti- onskataloge) печатаются и выпускаются въ продажу (либо выдаются изъ университетской канцеляріи) предъ началомъ cadaго семестра, а общія свѣдѣнія о курсахъ, объявленныхъ на предстоящій семестръ по всѣмъ германскимъ университетамъ, публикуются въ берлинскомъ „университетскомъ“ календарѣ [Deutscher Universitäts-Kalender], выходящемъ также въ началѣ cadaго учебнаго полугодія, и въ соответствующихъ нумерахъ мюнхенскаго академическаго изданія «Hochschul-Nachrichten».

Отъ желающаго поступить въ университетъ требуется представленіе аттестата зрѣлости (Gymnasialabiturienten- zeugnis, иначе Maturitäts—или Reifezeugnis), а отъ переходящаго изъ одного университета въ другой — кромѣ того предъявленіе свидѣтельства о прослушанныхъ имъ курсахъ (Abgangszeugnis). Зачисленіе въ студенты [Immatriculation] въ первомъ случаѣ совершается по взносу вступной платы въ размѣрѣ 18 марокъ, а во второмъ — по взносу 9 марокъ. За право слушанія лекцій сверхъ того уплачивается особо по 5 марокъ въ семестръ. Иностранцы принимаются въ число студентовъ на основаніи дипломовъ, соответствующихъ по своему значенію аттестату нѣмецкой классической гимназіи (das humanistische Gymnasium),—съ которымъ впрочемъ теперь въ Пруссіи хотятъ сравнять и аттестаты нѣмецкихъ реальныхъ гимназій (Realgymnasien) и даже такъ называемыхъ высшихъ реальныхъ училищъ (Oberrealschulen), открывъ для лицъ, обладающихъ таковыми, доступъ къ „имматрикуляціи“. Для руководства въ выборѣ курсовъ и въ установленіи ихъ послѣдовательности служатъ примѣрные

учебные платы (Studienpläne), вырабатываемые отдѣльными факультетами.

Кто почему либо не удовлетворяетъ условіямъ зачисленія въ «студенты» (Studenten, Studirende), тотъ можетъ быть принятъ въ число „вольнослушателей“ (Hospitanten, Gasthörer или просто Hörer). Къ категоріи вольнослушателей же относятся по общему правилу и женщины, допущенныя въ университетъ,—хотя бы онѣ и обладали гимназическими аттестатами зрѣлости. Правомъ «имматрикуляціи» до сихъ поръ женщины пользуются наравнѣ съ мужчинами покаместъ только въ гиссенскомъ университетѣ [въ Гессенѣ],—и то лишь съ января 1899 г.,—да въ двухъ баденскихъ (гейдельбергскомъ и фрейбургскомъ), въ которыхъ это право имъ предоставлено «въ видѣ опыта» (versuchs- und probeweise) съ марта 1900 г.

Вообще вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ Германіи далекъ еще отъ своего окончательнаго разрѣшенія. Въ большей части прусскихъ университетовъ женщинамъ позволяется слушать курсы только одного философскаго факультета, но и это позволеніе имѣетъ условный характеръ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется согласіе ректора и для cadaго курса особое разрѣшеніе профессора. Университеты лейпцигскій и страсбургскій стали официально доступны для женщинъ только съ лѣтняго семестра 1899 г., а до этого времени допущеніе женщинъ къ слушанію курсовъ въ этихъ университетахъ, если и практиковались, то всегда было дѣломъ исключительнымъ,—и въ Страсбургѣ для такого допущенія оказывалось достаточно лишь согласія профессоровъ и университетскаго начальства, а въ Лейпцигѣ кромѣ того требовалось еще всякій разъ и дозволеніе министра народнаго просвѣщенія. Изъ трехъ баварскихъ университетовъ доступнѣе другихъ эрлангенскій; въ Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ женщины могутъ получить право посѣщать университетскія лекціи не иначе, какъ съ санкціи министра. Въ Тюбингенѣ (въ Вюртембергѣ) дѣло по представленію совѣта университета также рѣшаетъ министръ. Наконецъ въ Іенѣ (Саксенъ-Веймаръ) двери университета для женщинъ до сихъ поръ остаются закрытыми. Вина въ этомъ падаетъ впрочемъ не на университетъ: философскій факультетъ неоднократно ходатайствовалъ передъ саксонскими правительствами, на средства которыхъ содержится іенскій университетъ, о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Пруссіи, но ни эти ходатайства, ни отдѣльныя попытки женщинъ получить частное разрѣшеніе слушать лекціи въ іенскомъ университетѣ не увѣнчались успѣхомъ. Мало того, тенденція противъ высшаго образованія женщинъ здѣсь выразилась даже въ запрещеніи имъ принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ въ іенской учительской семинаріи, къ которымъ однако раньше онѣ допускались.

Кромѣ философскаго факультета въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ женщины имѣютъ доступъ и на факультеты юридическій, медицинскій и даже теологическій, но далеко не вездѣ въ одинаковой степени и съ одинаковою свободою. Такъ право изучать юриспруденцію имъ предоставлено въ Берлинѣ, Марбургѣ, Грейфсвальдѣ, Килѣ и Гиссенѣ. Что касается медицины, то лишь въ Бреславлѣ (и то только подъ условіемъ представленія гимназическаго аттестата зрѣлости) и въ Галле медицинскія занятія женщинъ не стѣснены разнаго рода ограниченіями, тогда какъ

напр. въ Лейпцигѣ женщины не могутъ пользоваться ни анатомическимъ институтомъ, ни клиниками, въ Берлинѣ изъ медицинскихъ курсовъ для нихъ доступны только курсы по физиологii, а въ иныхъ университетахъ изученіе медицины имъ и вовсе возбраняется. По теологическому факультету женщины допущены къ слушанію нѣкоторыхъ курсовъ, сколько извѣстно, пока лишь въ Кильѣ.

Размѣръ платы, взимаемой съ женщинъ за слушаніе лекцій, въ различныхъ университетахъ различенъ. Обыкновенно тамъ, гдѣ допущеніе ихъ къ университетскимъ занятіямъ составляетъ официально признанное правило, онѣ уплачиваютъ кромѣ обычнаго гонорара въ пользу профессоровъ еще и небольшую сумму въ пользу университета.

Библиотеки и читальни при университетахъ открыты для женщинъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и для мужчинъ. Но участвовать въ семинаріяхъ (практическихъ занятіяхъ) и пользоваться лабораторіями женщины могутъ лишь въ зависимости отъ размѣровъ помѣщенія, отъ числа вакансій и отъ доброй воли руководящаго работою учащихся профессора. Такая зависимость отъ случая и «усмотрѣнія» не можетъ конечно не отзываться крайне невыгоднымъ образомъ на правильности, полнотѣ и систематичности ихъ университетскихъ занятій и въ сущности превращаетъ для нихъ пресловутую „академическую свободу“ германскихъ университетовъ въ пустой звукъ.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что громадному большинству женщинъ пребываніе въ университетѣ не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ правъ: по опредѣленію германскаго союзнаго совѣта, состоявшемуся 24 апрѣля 1899 г., къ такъ назыв. государственнымъ экзаменамъ (Staatsprüfungen) допущены лишь тѣ изъ студентокъ и вольнослушательницъ, которыя избрали своею спеціальностью медицину или фармацевтику. Пересмотръ этого правила въ засѣданіи рейхстага 7 марта 1900 г., предпринятый на основаніи коллективнаго ходатайства студентокъ, не внесъ въ положеніе дѣла никакихъ измѣненій. Такимъ образомъ женщины, занимающіяся предметами философскаго факультета, должны покамѣстъ довольствоваться лишь предоставленною имъ въ Германіи возможностью пріобрѣсти высшую ученую степень „доктора философіи“,—это ихъ единственное право, но высшая ученая степень отнюдь не открываетъ для нихъ дороги къ ученымъ профессіямъ.

И однако, несмотря на всѣ эти ограниченія, на всю неопредѣленность и подчиненность положенія женщины, учащейся въ германскомъ университетѣ, число слушательницъ университетскихъ курсовъ продолжаетъ неуклонно расти и выражается уже теперь весьма внушительными цифрами. Вотъ статистическія данныя за послѣднее время [по семестрамъ]:

	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Берлинъ	234 (з.) 177 (л.)	406 (з.) 293 (л.)	439 (з.) 303 (л.)
Боннъ	26 „ 45 „	55 „ 61 „	100 „ 78 „

Въ Австріи восемь университетовъ, — два въ Прагѣ (нѣмецкой и чешской) и по одному въ Вѣнѣ, Грацѣ, Инсбрукѣ, Краковѣ, Лембергѣ и Черновицахъ; въ каждомъ изъ нихъ четыре факультета (теологическій, философскій, юридическій и медицинскій) кромѣ черновицкаго, въ которомъ нѣтъ медицинскаго факультета. Дѣленіе учебнаго года на два семестра, плата за слушаніе лекцій и условія поступленія приблизительно тѣ же, что и въ германскихъ университетахъ.

Допущеніе женщинъ къ слушанію отдѣльныхъ университетскихъ курсовъ съ особаго въ каждомъ случаѣ согласія факультета и совѣта и съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, но безъ имматрикуляціи, было впервые разрешено въ 1878 г. Правила, изданныя въ то время министерствомъ, были затѣмъ подвергнуты пересмотру въ мартѣ 1897 г., причѣмъ для женщинъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста и выдержавшихъ испытаніе зрѣлости (Reifeprüfung)

	1899 г.		1900 г.		1901 г.	
Бреславль	32 (з.)	27 (л.)	47 (з.)	42 (л.)	67 (з.)	42 (л.)
Вюрцбургъ	—	—	—	15	29	28
Галле	15	19	33	47	76	41
Геттингенъ	25	29	37	31	37	35
Гейдельбергъ	24	13	13	13	23	9
Гиссенъ	—	—	—	—	23	11
Греифсвальдъ	—	—	—	—	13	?
Кенигсбергъ	34	20	14	15	24	21
Киль	21	6	20	8	19	9
Лейпцигъ	19	?	?	27	79	69
Марбургъ	—	11	8	8	6	6
Мюнхенъ	—	—	—	11	31	26
Ростоки	—	—	1	2	3	?
Страсбургъ	—	—	15	?	16	20
Тюбингенъ	—	—	—	5	4	5
Фрейбургъ	—	—	—	12	38	38
Эрлангенъ	5	?	5	2	3	4

Не менѣе усердно посѣщаются женщинами и такъ назыв. „Ferienkurse“, т. е. небольшіе спеціальныя курсы, читаемые обыкновенно профессорами германскихъ университетовъ для смѣшанной аудиторіи въ теченіи четырехъ—пяти недѣль въ короткій промежутокъ осеннихъ каникулъ. Есть курсы педагогическіе и медицинскіе, курсы по общественнымъ наукамъ и по естествознанію, курсы новыхъ языковъ и т. п. По большей части они предполагаютъ въ слушателяхъ уже значительную подготовку, а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и совершенно спеціальное назначеніе (напр. для учителей и учительницъ, для врачей, для лицъ духовнаго званія и т. п.) Болѣе популярнымъ характеромъ отличаются „volksthumliche Hochschulkurse“ или „народные университеты“, существующіе въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вюрцбургѣ, Фрейбургѣ, Ганноверѣ и др. городахъ.

Въ Берлинѣ устройствомъ такихъ „университетскихъ курсовъ для народа“ занимается „Verein für volksthumliche Kurse von Berl. Hochschullehrern“. Нынѣшнею зимою предприняты двѣ обширныя серіи курсовъ. Изъ нихъ пока начата только первая, обнимающая десять цикловъ публичныхъ чтеній, изъ которыхъ каждый рассчитанъ на шесть полуторачасовыхъ лекцій. Городъ оказываетъ курсамъ субсидію въ 1000 марокъ.

Примѣчаніе. При большомъ наплывѣ учащихся женщинъ въ университетскихъ городахъ Германіи живо ощущается недостатокъ въ какихъ либо общежитіяхъ или убѣжищахъ для студентокъ. До извѣстной степени этотъ важный недочетъ восполняетъ въ Берлинѣ „Heimathaus für Töchter höherer Stände“, „Mädchenheim für Töchter höherer Stände“, „Heim des Pestalozzi—Fröbelhauses“, „Das israelitische Mädchenheim“ и берлинское отдѣленіе международного общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ (Home de l' un'on internationale et bureau de placement. Koethener, 43); изъ другихъ городовъ подобныя учрежденія есть въ Магдебургѣ, Франкфуртѣ н. М., Карлсруэ, Гамбургѣ, Штуттгартѣ, Страсбургѣ (Knoblochstrasse, 7) и др. Особое бюро для указанія квартиры учащимся имѣется по большей части при университетахъ.

Б. Австрія.

при одной изъ австрійскихъ гимназій или же представившихъ иное какое либо свидѣтельство, соответствующее аттестату этихъ гимназій, былъ открытъ доступъ на философскій факультетъ во всѣ австрійскіе университеты на правахъ „слушательницъ“ (ordentliche Hörerinnen) — съ имматрикуляціей, подчиненіемъ общей дисциплинѣ наравнѣ съ слушателями-мущинами, съ правомъ получать Abgangszeugnis при переходѣ изъ одного университета въ другой и съ допущеніемъ къ экзаменамъ (Rigorosen). Женщины, не имѣющія аттестата зрѣлости, допускаются какъ „вольнослушательницы“ (ausserordentliche Hörerinnen) на старыхъ основаніяхъ (по правиламъ 1878 г.).

Доступъ къ высшему медицинскому образованію для женщинъ въ Австріи долго все еще оставался закрытымъ, хотя 19 мая 1896 года министерствомъ сдѣлано было распоряженіе, въ силу котораго женщинамъ, достигшимъ 24-лѣтняго возраста и имѣющимъ кромѣ австрійскаго аттестата зрѣлости свидѣтельство какого либо иностраннаго университета о зачетѣ десяти семестровъ по медицинскому

факультету, разрѣшалось подвергаться окончательнымъ испытаніямъ и получать дипломъ врача наравнѣ съ студентами-медиками. Неудобства такого порядка вещей однако сильно давали себя чувствовать, и наконецъ въ самое послѣднее время преграды для зачисленія женщинъ на медицинскій, а затѣмъ и на юридическій факультетъ въ качествѣ „слушательницъ“ были устранены.

Впрочемъ число женщинъ, учащихъ въ австрійскихъ университетахъ, не особенно значительно. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что полученіе аттестата зрѣлости (Maturitätszeugnis) сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ въ Австріи женскихъ гимназій, курсъ которыхъ соотвѣтствовали бы курсу мужскихъ, мало, и для подготовленія къ экзамену на аттестатъ зрѣлости приходится прибѣгать къ помощи частныхъ преподавателей и пансіоновъ. За послѣдній (лѣтній) семестръ нынѣшняго года общее число женщинъ, учившихся въ австрійскихъ университетахъ, было 366. Оно распредѣлялось по отдѣльнымъ университетамъ и факультетамъ слѣдующимъ образомъ:

Вѣна	—119 (изъ нихъ 3 юр., 20 мед., 96 фил.)
Лембергъ	—66 (4 мед., 62 филос.)
Краковъ	—67 (11 мед., 56 филос.)
Грацъ	—53 (18 юр., 5 мед., 30 филос.)
Прага	—чешск. унив. 42 (10 мед., 32 филос.)
„	нѣм. унив. 13 (1 мед., 12 филос.)
Черновицы	—5 (филос.)
Иннсбрукъ	—1 (филос.)

Но, не довольствуясь официальнымъ допущеніемъ женщинъ въ правительственные университеты, общественное движеніе въ пользу расширенія женскаго образованія привело въ послѣднее время въ Австріи къ созданію особаго „свободнаго женскаго университета“. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было основаніе т. наз. „женской академіи“ (Damenakademie), которая возникла въ Вѣнѣ шесть лѣтъ тому назадъ по инициативѣ одного общества,

задававшего специальною цѣлью устраивать университетскіе курсы для женщинъ (Verein zur Abhaltung akademischer Vorträge für Damen). Успѣхъ этого предпріятія поддержанъ австрійскимъ правительствомъ, вызвалъ дальнѣйшую попытку болѣе широкой организаціи высшихъ женскихъ курсовъ, и 21 мая 1900 г. по предложенію «Союза австрійскихъ профессоровъ» (Vereinigung österreichischer Hochschuldocenten) составилось новое общество подъ громкимъ именемъ „Athenäum“, которое и поставило своею задачею выработать совершенно новый типъ высшаго учебнаго заведенія, положивъ въ основаніе принципъ неограниченной свободы академическаго преподаванія. Новый женскій университетъ не устраиваетъ экзаменовъ, не выдаетъ дипломовъ и разсчитываетъ только на такихъ слушательницъ, которыя желаютъ углубить свое образованіе и расширить свой умственный кругозоръ. Онъ имѣетъ свою программу, но она ни для кого не обязательна, и слушательницамъ предоставляется право распространять ее въ любомъ направленіи: какъ только наберется 30 слушательницъ, которыя пожелали бы прослушать курсъ какого нибудь предмета, не входящаго въ эту программу, фрейинъ обязывается организовать преподаваніе этого предмета. Плата за право слушанія лекцій установлена минимальная.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о трехъ венгерскихъ университетахъ (въ Будапестѣ, Аграмѣ и Клаузенбургѣ). Изъ нихъ только будапестскій университетъ имѣетъ полный составъ факультетовъ; въ Аграмѣ нѣтъ медицинскаго, въ Клаузенбургѣ—теологическаго факультета. Женщины допускаются къ занятіямъ медициною и науками философскаго факультета на общихъ основаніяхъ, т. е. подъ условіемъ представленія аттестата зрѣлости; при этомъ всѣ семинаріи, кабинеты и лабораторіи для нихъ открыты. Плата за семестръ 30 флориновъ.

В. Швейцарія*)

Въ Швейцаріи семь университетовъ, — въ Базелѣ, Бернѣ, Женевѣ, Лозаннѣ, Невшателѣ, Фрейбургѣ и Цюрихѣ. Всѣ они открыты для женщинъ.

Въ Базелѣ, Бернѣ и Цюрихѣ строй нѣмецкій, и преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ; ученая степень одна—докторская. Въ Женевѣ, Лозаннѣ и Невшателѣ лекціи читаются на французскомъ языкѣ, и университетская организація ближе къ организаціи французскихъ университетовъ: ученыхъ степеней три,—степени бакалавра, лиценціата и доктора. Во фрейбургскомъ университетѣ преподаваніе ведется на обоихъ языкахъ, но строй нѣмецкій. Учебный годъ дѣлится на семестры, —зимній (съ 15 октября до конца марта) и лѣтній (съ 4, 8 или 15 апрѣля до конца іюля или половины августа). Плата: въ Базелѣ—14 фр. за имматрикуляцію и 5 фр. за недѣльный часъ лекцій или лабораторныхъ занятій въ семестръ (на теологич. фак. 3 фр.); въ Бернѣ—15 фр. за имматрикуляцію, 5 фр. за пользование бібліотекой и обычный гонораръ профессорамъ (5 фр. за недѣльный часъ); въ Женевѣ 20 фр. за имматрикуляцію, 1 фр. за росписаніе курсовъ, 10 фр. за увольнительное свидѣтельство и 50—100 фр. за различные дипломы; въ Лозаннѣ—вступная плата 20 фр., а курсы дѣлятся на публичные (cours publics), читаемые бесплатно, университетскіе (с. universitaires), оплачиваемые по общей нормѣ, и спеціальныя (с. particuliers); въ Невшателѣ—10 фр. за имматрикуляцію, 2 фр. 50 сант. за недѣльный часъ лекцій въ зимнемъ и 2 фр. въ лѣтнемъ семестрѣ (вольнслушатели уплачиваютъ вдвойнѣ), отъ 5 до 30 фр. въ семестръ за пользование различными лабораторіями; въ Фрейбургѣ—30 фр. за первую имматрикуляцію и 20 фр. за вторую (при обычныхъ условіяхъ гонорара); въ Цюрихѣ—вступная плата 12 фр., прочіе семестровые взносы—7 фр., за лекціи—по 5 фр. за недѣльный часъ; докторскій дипломъ 310—420 фр.

Цюрихскій университетъ прежде другихъ открылъ свои двери для женщинъ. Сперва въ качествѣ случайныхъ слушательницъ (Auditoren), затѣмъ съ 1864 г. съ правомъ имматрикуляціи, но съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ слу-

чаѣ разрѣшенія дирекціи народнаго просвѣщенія, наконецъ съ 1872 г. на равныхъ основаніяхъ со студентами, женщины заняли мало по малу видное мѣсто среди слушателей этого университета и въ настоящее время допущены даже и къ занятію въ немъ каѳедръ. Впрочемъ осуществленіе этого послѣдняго права встрѣтило въ настоящемъ году въ Цюрихѣ неожиданное затрудненіе: просьба двухъ женщинъ о предоставленіи имъ *veniae legendi* была кантональнымъ управленіемъ отклонена со ссылкой на законъ 23 декабря 1859 г., который говоритъ о допущеніи къ приватъ-доцентурѣ только „научно-подготовленныхъ *мущинъ*“. Въ бернскій университетъ доступъ для женщинъ былъ открытъ въ 1874 г., въ базельскій только въ 1890 г. По числу слушательницъ изъ университетовъ нѣмецкой Швейцаріи первое мѣсто занимаютъ бернскій и цюрихскій, а изъ университетовъ Швейцаріи французской—женевскій. Въ общемъ число это возрастало въ слѣдующемъ порядкѣ: лѣтомъ 1890 г. во всѣхъ швейцарскихъ университетахъ женщинъ насчитывалось 184, въ 1892 г. (также за лѣтній семестръ) 227, въ 1894 г.—322, въ 1896 г.—372, въ 1898 г.—474, въ 1898/99 г.—555. По отдѣльнымъ университетамъ въ зимнемъ семестрѣ 1898/99 г. слушательницы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Базелѣ—2, въ Цюрихѣ 166, въ Бернѣ 117, въ Женевѣ 184, въ Лозаннѣ 67, въ Невшателѣ 19. Около пяти шестыхъ всего ихъ числа составляли иностранки, и между ними, какъ вездѣ за границею, на первомъ мѣстѣ русскія (въ Цюрихѣ за лѣтній семестръ 1900 г. изъ 214 слушательницъ русскихъ было 97, въ Бернѣ за лѣтній семестръ

*) *Гермтъ, В.* Университетское образованіе женщины. Спб. 1873.

настоящаго года изъ 269 женщинъ русскихъ было 207]. Въ минувшемъ лѣтнемъ семестрѣ студентокъ въ швейцарскихъ университетахъ было 748 (изъ нихъ 650 иностранокъ, въ томъ числѣ 560 русскихъ); кромѣ того постороннихъ слушательницъ числилось 250.

Условія поступленія не во всѣхъ швейцарскихъ университетахъ одинаковы. Въ Базелѣ въ число студентокъ принимаютъ только уроженокъ базельскаго кантона, а изъ иностранокъ только тѣхъ, которыя получили свое образованіе въ этомъ кантонѣ. Въ Фрейбургѣ женщины допускаются въ университетъ только въ качествѣ вольнослушательницъ, но на философскомъ факультетѣ имъ предоставляется право подвергаться испытаніямъ наравнѣ со студентами и получать ученые степени на общихъ съ ними основаніяхъ. Отъ вступающихъ въ университетъ почти вездѣ требуется возрастъ не моложе 18 лѣтъ, свидѣтельство о поведеніи и аттестатъ зрѣлости (Maturitätszeugnis, certificat de maturité); дипломы иностранныхъ учебныхъ заведеній принимаются лишь въ томъ случаѣ, если установлено ихъ соотвѣтствіе съ аттестатомъ зрѣлости швейцарскихъ или нѣмецкихъ гимназій.

Всѣ сомнительные вопросы разрѣшаются ректоромъ или факультетомъ.

Въ Женевѣ при университетѣ существуютъ для иностранцевъ курсы французскаго языка; плата въ семестрѣ 75 фр. Заявленія о желаніи поступить на эти курсы принимаются въ «Secrétariat du Departement de l'instruction publique». Въ Лозаннѣ съ 17 іюля по 26 августа а въ Невшателѣ — съ 10 іюля по 2 сентября ведутся каникулярные курсы по французскому и нѣмецкому языкамъ и по исторіи ихъ литературы.

Примѣчаніе. За различными указаніями и свѣдѣніями по вопросамъ, касающимся условій жизни и учебныхъ занятій въ Швейцаріи, можно обращаться въ русскія библиотеки въ Женевѣ (rue Calvin, 4), Цюрихѣ и Бернѣ, въ „женскій союзъ“ (Union des femmes) въ Женевѣ (Place de Port, 1), въ женевское „общество студентокъ“ (Société Internationale des Etudiantes de l'Université de Genève), въ цюрихскій Studentinnen-Verein. Въ Цюрихѣ (Neptunstrasse, 42) и въ Женевѣ есть русскія столовыя. Кромѣ того на всѣхъ вокзалахъ Швейцаріи и во всѣхъ вагонахъ вывѣшены списки адресовъ обществъ попеченія о молодыхъ дѣвицахъ съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ члены комитета встрѣчаютъ пріѣзжихъ на вокзалѣ и гдѣ можно за небольшую плату остановиться (И. Аріанъ Ж. К. 1901 стр. 278].

Г. Франція.

Разсадниками высшаго образованія во Франціи до 1896 г. были отдѣльные факультеты, — словесный (faculté des lettres) естественно-научный (f. des sciences), юридическій (f. de droit) медицинскій (f. de médecine). Эти corps des facultés съ присоединеніемъ къ нимъ высшихъ фармацевтическихъ школъ (école supérieure de pharmacie) и факультетовъ протестантской теологіи закономъ 1896 года объединены въ университеты (l'université), подчиненные особымъ университетскимъ совѣтамъ (conseil de l'université). Во главѣ cadaго факультета стоитъ деканъ (doyen), во главѣ фармацевтической школы — ея директоръ. Университетскій совѣтъ составляется изъ выбираемыхъ ординарными профессорами (professeurs titulaires) депутатовъ — по два отъ cadaго факультета, — изъ декановъ и директора фармацевтической школы. Въ немъ предсѣдательствуетъ ректоръ „академіи“, т. е. того академическаго округа, къ которому принадлежитъ университетъ. Такихъ округовъ семнадцать, изъ нихъ одинъ (савойскій) не имѣетъ университета.

Университетскіе города: Парижъ, Эксъ-Марсель (факультеты городовъ Aix и Marseille соединены въ одинъ университетъ), Безансонъ, Бордо, Канъ, Клермонтъ, Дижонъ, Гренобль, Лилль, Лионъ, Монпелье, Нанси, Пуатье, Реннъ, Тулуза. Но не всегда есть полный составъ факультетовъ. Словеснаго факультета нѣтъ въ Марселѣ, естественно-научнаго — въ Эксѣ, юридическаго — въ Безансонѣ, Клермонтѣ и Марселѣ; факультетъ протестантской теологіи есть только въ Парижѣ и Монтбанѣ; медицинскій факультетъ и высшая фармацевтическая школа — только въ Парижѣ, Нанси и Монпелье; въ Бордо, Лиллѣ, Лионѣ и Тулузѣ faculté mixte de médecine et pharmacie; въ Безансонѣ, Канѣ, Клермонтѣ, Дижонѣ, Греноблѣ, Пуатье и Реннѣ école préparatoire de médecine et pharmacie.

Кромѣ университетовъ во Франціи существуютъ «*всѣхъ школъ*» (écoles supérieures), соотвѣтствующія американскимъ и англійскимъ колледжамъ и подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія, и „свободные факультеты“ facultés libres (въ Анжерѣ, Лионѣ, Лиллѣ, Марселѣ, Парижѣ и Тулузѣ) или «свободныя школы», écoles libres (въ Лиллѣ, Нантѣ и Парижѣ), имѣющія особенную, болѣе независимую организацію.

Къ числу высшихъ учебныхъ заведеній, стоящихъ отдѣльно отъ университетовъ, принадлежатъ:

Ecole des hautes études: преподаются — исторія, филологія и археологія; богословіе, исторія христіанской церкви и каноническое право; математика, физика, химія и біологическія науки. Допущеніе къ

занятіямъ не подчинено какимъ-либо условіямъ возраста, національности или академической степени; требуется лишь трехмѣсячное предварительное испытаніе. Цѣль учрежденія — подготовленіе къ самостоятельной-научной дѣятельности.

Collège de France (Paris, 1, place Cambrai, rue des Ecoles, rue St.-jacques). Читаются лекціи частью для студентовъ университета, частью для публики по вопросамъ, относящимся къ области наукъ философскихъ, филологическихъ, историческихъ, социологическихъ, математическихъ и біологическихъ. Всего 42 кафедры. Курсы раздѣляются на два семестра. Каждый профессоръ обязанъ прочитать 40 лекцій въ годъ и совершенно свободенъ въ изложеніи своего предмета. Доступъ бесплатный; экзаменовъ нѣтъ, дипломы не выдаются; лицамъ, пожелавшимъ занести свои имена въ особые для этой цѣли установленные списки, выдаются бесплатно удостовѣренія въ томъ, что они посѣщали лекціи (certificats d'assistance). Преподаваніе начинается въ декабрѣ.

Museum d'histoire naturelle [Paris, 57, rue cuvier, Jardin des Plantes]. Читаются многочисленныя публичные курсы по естествознанію. Доступъ бесплатный.

Facultés libres de Paris (74, rue de Vaugirard.) Преподаются богословіе, философія, семитическіе языки, юридическія и социологическія науки. Условія поступленія и прохожденія курсовъ тѣ же, что и въ университетѣ. Для женщинъ установлены особые курсы.

Collège libre des sciences sociales. Paris 8, rue de Tournon.

Ecole libre des sciences politique. Paris, 27, rue St.-Guillaume Школа имѣетъ цѣлью подготовленіе молодыхъ людей къ дипломатической дѣятельности.

Ecole nationale des chartes (Paris, 17, rue de la Sorbonne). Цѣль учрежденія — приготовленіе ученыхъ архивистовъ. Принимаются бакалавры ès lettres; женщины допускаются лишь въ качествѣ слушательницъ (auditrices libres). Курсъ трехлѣтній. По окончаніи курса и выдержаніи соотвѣтствующихъ испытаній выдается diplôme d'archiviste paleographe).

Ecole du Louvre (Paris, Louvre, Cour Lefuel). Преподаваніе ведется въ формѣ собесѣдованій (conférences) по предметамъ искусства и археологіи въ связи съ художественными собраніями луврскаго музея. Курсъ трехлѣтній. Чтеніе лекцій начинается въ декабрѣ. Входные билеты получаютъ у секретаря школы (pavillon de l'Horloge du Louvre).

Ecole speciale des langues orientales vivantes [Paris, 2, rue de Lille]. Задача — знакомство съ живыми языками востока для коммерческихъ и дипломатическихъ цѣлей.

Alliance française (Paris, 45, Siege Social, rue de Grenelle) Ведется преподаваніе по французскому языку и французской литературѣ. 2 серіи чтеній, — съ 1-го іюля по 1-е августа и съ 1-го августа по 1-е сентября. Плата за полные курсы (160 лекцій и 24 собесѣдованія) — 150 fr. Допускается посѣщеніе и отдѣльныхъ лекцій.

Что касается университетовъ, то изъ университетскихъ курсовъ одни (cours fermés) по рѣшенію совѣта предназначаются только для дѣйствительныхъ студентовъ, другіе (cours libres), какъ это прежде вообще водилось на словесномъ и физико-математическомъ факультетахъ, открыты и для публики, но ректору академіи и деканамъ факультетовъ предоставлено право, буде они найдутъ это необходимымъ въ цѣляхъ сохраненія порядка, ограничивать доступъ къ слушанію лекцій только тѣми лицами, которыя имѣютъ установленные для слушателей билеты. Такіе билеты выдаются даромъ, но при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей (письменное прошеніе, въ коемъ должны быть сообщены ближайшія свѣдѣнія о личности просителя).

Женщины допущены во французскіе университеты наравнѣ съ мужчинами съ 1860 г., а въ 1882 г. во Франціи насчитывалось уже 109 женщинъ, имѣвшихъ академическія степени. По статистическимъ свѣдѣніямъ 1898 г. онѣ распредѣлялись къ 1 января этого года по университетамъ слѣдующимъ образомъ:

	Француженки.	Иностранки.
Парижъ	235	165
Эксъ-Марсель	52	—
Безансонъ	4	—
Бордо	27	2
Канъ	5	2
Клермонтъ	7	—
Дижонъ	1	1
Гренобль	35	1
Лилль	17	1
Лионъ	45	17
Монпелье	16	67
Нанси	4	34
Пуатье	2	2
Реннъ	23	—
Тулуза	12	—

Женщины на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами могутъ либо зачисляться въ списки кандидатокъ на ученія степени (s'inscrire), либо же поступать въ университетъ въ качествѣ свободныхъ студентокъ. Въ послѣднемъ случаѣ по окончаніи курса онѣ могутъ, буде пожелаютъ, получать такъ назыв. «certificat d'études supérieures», не дающій впрочемъ никакихъ служебныхъ правъ. При записи на лекціи, производимой въ секретариатѣ, требуется представленіе метрическаго свидѣтельства (съ засвидѣтельствованнымъ переводомъ на французскій языкъ), письменное заявленіе объ избираемыхъ для изученія предметахъ, письменное согласіе родителей или опекуновъ (въ случаѣ несовершеннолѣтія) и дипломъ на степень бакалавра (bachelier de l'enseignement secondaire, — classique ou moderne), взамѣнъ котораго можетъ быть представленъ аттестатъ зрѣлости или дипломъ восьмиклассной женской гимназіи. Русскій гимназическій дипломъ (или аттестатъ зрѣлости) долженъ быть обмѣненъ на соответствующій французскій; за обмѣнъ взимается 120 фр. Плата за слушаніе лекцій вносится по четвертямъ года (триместрамъ), — по 30 фр. Отъ подписавшихся на лекціи требуется прилежное посѣщеніе всѣхъ обязательныхъ курсовъ и участіе въ практическихъ занятіяхъ; за правильностью этихъ учебныхъ занятій наблюдаетъ деканъ, обязанный по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ извѣщать родителей или опекуновъ каждого студента о его успѣхахъ (bulletin scolaire)

Академическія степени, даваемая французскими университетами, суть: 1) *по словесному факультету* — а) licencié ès lettres (для полученія этой степени требуется дипломъ бакалавра ès lettres и четыре триместровыхъ записи на курсы факультета; экзамены производятся профессорами факультета въ ноябрѣ и въ июль); в) docteur ès lettres (каждый лиценціатъ можетъ получить эту степень послѣ публичной защиты двухъ диссертаций, — одной на французскомъ, другой — на латинскомъ языкѣ); 2) *по физи-*

ко-математическому факультету (f. des sciences) — а) licencié ès sciences (для допущенія къ соисканію этой степени требуется представленіе упомянутого выше certificat d'études supérieures) и б) docteur ès sciences (условіе полученія степени — публичная защита диссертации); 3) *по юридическому факультету* лицамъ, пробывшимъ годъ въ университетѣ и выдержавшимъ за соответствующій курсъ экзаменъ, выдается certificat de capacité en droit, — это первая ступень въ приобрѣтенію степени бакалавра правъ, для полученія которой нужно пробить еще одинъ годъ въ университетѣ и выдержать еще одинъ экзаменъ; затѣмъ по прослушаніи вновь четырехъ триместровыхъ курсовъ и по выдержаніи новаго экзамена, состоящаго изъ двухъ частей, дается степень лиценціата правъ, безъ которой никто не допускается къ юридической практикѣ. Обыкновенно большинство довольствуется степенью лиценціата, но для тѣхъ, кто ищетъ ученой карьеры, имѣется и высшая степень, — docteur en droit, — требующая еще одного года университетскихъ занятій, выдержанія двухъ успѣшныхъ испытаній и публичной защиты диссертации. Наконецъ 4) *по медицинскому факультету* для полученія степени доктора медицины (docteur en médecine) необходимо предварительное приобрѣтеніе выдаваемого физико-математическимъ факультетомъ послѣ года занятій и успѣшной сдачи испытаній „certificat d'études physiques, chimiques et naturelles“, а кромѣ того 16 послѣдовательныхъ записей (т. е. minimum четыре года занятій) по медицинскому факультету сдача пяти медицинскихъ экзаменовъ и защита диссертации.

Лиценціатки (licenciées) по словесному и физико-математическому факультетамъ имѣютъ право преподавать въ женскихъ лицеяхъ и коллегіяхъ (collèges), но ихъ служебное положеніе ниже, чѣмъ положеніе старшихъ преподавательницъ (professeurs agrégées), и, чтобы его достигнуть, онѣ должны выдержать конкурсное испытаніе (agrégation) при соответствующемъ факультетѣ. Это испытаніе производится въ концѣ каждого учебнаго года, въ августѣ или сентябрѣ, въ комиссіи, членъ которой назначается министромъ

Права даваемая университетскимъ образованіемъ, во Франціи стоятъ дорого. Полученіе перваго гимназическаго бакалаврата обходится въ 120 фр., плата за слушаніе лекцій въ университетѣ въ годъ — 120 фр., за пользованіе библіотекой взимается въ годъ 10 фр., за допущеніе въ лабораторію 200 фр., за экзамены отъ 25 до 170 фр. и т. д. Такимъ образомъ полученіе степени лиценціата правъ по меньшей мѣрѣ обходится въ 1430 фр., доктора правъ — въ 670 фр., доктора медицины въ 2285 фр.

Иностранцы свободно допускаются только въ провинціальныя французскіе университеты. Доступъ въ парижскій университетъ гораздо труднѣе, — онъ нерѣдко открывается только послѣ двухъ-трехлѣтняго пребыванія въ провинціальномъ университетѣ. Впрочемъ это относится лишь къ тѣмъ, которые желаютъ попасть въ списки дѣйствительныхъ студентовъ что же касается вольнослушателей, то какъ сказано, они допускаются безпрепятственно во всѣ университеты. Въ послѣднее время на физико-математическомъ факультетѣ сдѣлано нововведеніе, значительно облегчающее иностранцамъ прохожденіе, университетскаго курса. вмѣсто представленія французскаго диплома на степень бакалавра или равносильнаго ему иностраннаго аттестата можно держать при вступленіи въ университетъ и во время пребыванія въ немъ, сразу или въ опредѣленной послѣдовательности, по различнымъ группамъ предметовъ особые экзамены, по выдержаніи которыхъ выдаются отъ факультета „certificats d'études“. Три такихъ „certificats“ могутъ быть обмѣнены на дипломъ лиценціата.

Условія студенческой жизни въ Парижѣ. Стипендіи по общему правилу иностранцамъ не выдаются; но существуетъ попечительство (Comité de patronage des étudiants étrangers de Paris), цѣль кото-

раго именно поддерживать учащихся иностранцевъ. Оно по особой рекомендаціи университетскаго начальства выдаетъ пособія въ 200 и 350 фр. для уплаты за слушаніе лекцій. Въ общемъ однако при дороговизнѣ парижской жизни студенческая масса испытываетъ страшную нужду; есть, правда, студенческая касса взаимопомощи, но она не богата средствами и не можетъ удовлетворить всѣ предъявляемыя къ ней требованія. Большую поддержку иностранцамъ оказываютъ земляческіе союзы, между которыми первое мѣсто занимаетъ „англо-французская ассоціація“ (association franco-anglaise, franco-english guild), основанная въ 1891 г. Учредительницею ея была миссъ Вильямсъ, сумѣвшая соединить благотворительныя цѣли съ цѣлями образовательными и положить въ основаніе организациі общества принципъ взаимопомощи. При обществѣ, которое насчитываетъ теперь до 400 членовъ, устроены курсы французскаго и англійскаго языковъ и ихъ литература (съ 15 октября по 15 іюня, съ дѣленіемъ на триместры по 10 недѣль въ каждомъ, съ платою по 75 ф. за триместръ и по 25 фр. за экзаменъ), есть библіотека, читальня, дешевая столовая, бюро для доставленія частныхъ уроковъ и другихъ видовъ трудовой помощи интеллигентнымъ женщинамъ, педагогической музей; общество устраиваетъ ежегодно благотворительныя базары, сборъ съ которыхъ обращается вмѣстѣ съ другими доходами на стипендіи и пособія учащимся англичанкамъ, американкамъ и французкамъ. Въ октябрѣ 1899 г. при англо-французской ассоціаціи образовалась *франко-германская секція* (за подробными указаніями можно обращаться къ секретарю, m-lle Petrus-Blanc, 6, rue de la Sorbonne).

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о „союзѣ женскихъ христіанскихъ обществъ“ (Union parisienne des institutions féminines chrétiennes), помѣщающемся съ 1898 г. въ огромномъ собственномъ зданіи, rue du Parc Royal, 12. Цѣль союза служить потребностямъ духовной и матеріальной жизни женщинъ, доставлять имъ полезныя равненія и оказывать поддержку нуждающимся и неимущимъ. Первое мѣсто среди отдѣльныхъ обществъ этого союза занимаетъ „cercle Amicitia“, которое имѣетъ дешевую столовую для женщинъ, библіотеку, салонъ и общезжитіе. Въ это общезжитіе, обладающее помѣщеніемъ въ 30 комнатъ, допускаются иностранки всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но съ извѣстнымъ процентнымъ ограниченіемъ; отдѣльная комната стоитъ 25—35 фр. въ мѣсяцъ. Дамы посѣтительницы, желающія ознакомиться съ учрежденіями союза, допускаются по вторникамъ и пятницамъ отъ 2 до 4 часовъ; членскій взносъ 12 фр. въ годъ. Подъ эгидою союза процвѣтаютъ общества „учительницъ“ (institutrices chrétiennes), „попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ“ (les amies de la jeune fille), „попеченія о дѣвушкахъ, служащихъ въ коммерческихъ учрежденіяхъ“ [oeuvre des demoiselles de magasin] и проч. Наряду съ „cercle Amicitia“ можно далѣе поставить „Adelphie“ (Société d'aide mutuelle de dames). Это общество

помѣщается въ одной изъ наиболѣе элегантныхъ частей города (5, square du Roule, Faubourg St. Honoré) и подраздѣляется на множество секцій. При немъ также есть библіотека, читальня, салонъ, чайный буфетъ и бюро помощи. Что касается спеціально русскихъ учреждений, то къ нимъ принадлежатъ двѣ русскія столовыя (19, rue Berthollet и 20, rue Monge) и русская студенческая библіотека. (rue de la Glacière 20), есть также польская библіотека (place de la Sorbonne). Но русскія и польскія студентки въ Парижѣ принадлежатъ по большей части къ самымъ бѣднымъ элементамъ учащейся молодежи и покупаютъ высшее образованіе цѣною самыхъ ужасныхъ лишеній. Онѣ принуждены ютиться въ какихъ нибудь жалкихъ мансардахъ, живя впроголодь, одѣваясь кое какъ, терпя стужу. Въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ совершенный контрастъ съ студентками-американками, обставляющими свою жизнь заграницею полнымъ комфортомъ, имѣющими въ Парижѣ свой пансионъ (Lafayette Home), свой клубъ (187, rue de la Pompe). См. *Aimée Fabrégue Les étudiantes étrangères à Paris (Fronde, 1898, № 199)*. Въ октябрѣ 1901 г. въ Латинскомъ кварталѣ открыта студенческая дешевая столовая (Restaurant Coopératif), которая должна послужить первымъ звеномъ цѣлой цѣпи университетскихъ учреждений, имѣющихъ своею цѣлью создать для учащагося люда болѣе сносныя условія жизни. какими напр. пользуется англійская учащаяся молодежь въ университетскихъ колледжахъ. Въ созданіи этой „Cité Coopérative Universitaire“ принимаютъ участіе профессоры и студенты. Адресъ столовой—14, rue du Sommerard.

Народный университетъ. Наряду съ правительственными высшими учебными заведеніями въ Парижѣ для распространенія образованія дѣйствуютъ многочисленныя просвѣтительныя общества, какъ напр. Union de la jeunesse, Ligue française de l'enseignement, Société nationale de conférences populaires Cercle populaire des amis de l'enseignement laïque, Société de l'enseignement moderne и др. Всѣ эти ассоціаціи устраиваютъ публичные курсы по разнымъ предметамъ университетскаго преподаванія. Иногда впрочемъ подобныя общества, устраивая публичныя чтенія, преслѣдуютъ спеціальныя цѣли.—религіозныя (groupe de la libre pensée, les iconoclastes, ligue anticlericale и проч.); этическія (напр. цѣли борьбы съ алкоголизмомъ, проституціей, преступностью и проч.), политическія и т. д. Для содѣйствія возникновенію и развитію народныхъ университетовъ во Франціи существуетъ и особая общественная организациа, т. наз. Coopération des idées.

Литературные органы университетской жизни. *Revue universitaire* [Colin editeur, 5, rue de Mezieres].—*Revue internationale de l'enseignement*.—*Revue des cours et conférences* [15, rue de Cluny].—*Programmes de cours publics* (18, rue de la Sorbonne).—*Annuaire de l'instruction publique* (Delain editeur, 115, boulevard St. Germain).

Д. Бельгія.

Въ Бельгіи пять университетовъ, — два правительственныхъ (въ Гентѣ и Люттихѣ) и три „свободныхъ“ (въ Лувенѣ и Брюсселѣ); изъ нихъ гентскій университетъ считается по преимуществу фламандскимъ, люттихскій — валлонскимъ, а свободные университеты являются органами политическихъ партій, — лувенскій органомъ клерикаловъ, оба брюссельскіе—органами либераловъ и социалистовъ. Женщины допускаются во всѣ университеты кромѣ лувенскаго.

Дѣленіе на факультеты и условія пріема въ общемъ тѣ же, что и во французскихъ университетахъ. Въ Люттихѣ и Брюсселѣ съ университетами соединены и высшія техническія школы; кромѣ того при старомъ брюссельскомъ университетѣ съ 1897 г. существуетъ спеціальная школа общественныхъ и политическихъ наукъ, а при новомъ (université nouvelle de Bruxelles)—институтъ социальныхъ наукъ (institut des hautes études), а раньше существовалъ и рядъ институтовъ для производства различныхъ научныхъ работъ (instituts d'hygiène, des fermentations, d'histoire naturelle générale etc). Учебный годъ дѣлится на 2 семестра [они считаются съ перваго четверга въ октябрѣ и съ послѣдняго понедѣльника въ февралѣ]. Плата, взимаемая университетами, какъ правительственными, такъ и свободными, приблизительно

одинакова: за имматрикуляцію платится 15 фр., за слушаніе всѣхъ обязательныхъ курсовъ, знакомство съ которыми служитъ необходимымъ условіемъ для полученія соотвѣствующихъ ученыхъ степеней, — отъ 200 до 250 фр. въ годъ, за спеціальныя курсы по 40—80 фр. Экзамены на степени производятся въ особыхъ государственныхъ комиссіяхъ, въ составъ которыхъ входятъ въ равномъ числѣ представители отъ правительственныхъ и свободныхъ университетовъ. Ученыхъ степеней двѣ, — кандидатская и докторская; къ соисканію докторской степени допускаются лишь тѣ лица, которыя уже имѣютъ степень кандидата, для полученія которой нужно предварительно пробыть не менѣе четырехъ семестровъ въ университетѣ и сдать экзаменъ по двумъ группамъ предметовъ.

Русскія женщины допускаются къ имматрикуляціи подл условіемъ представленія диплома женской гимназіи и по выдержаніи экзамена изъ обоихъ древнихъ языковъ въ объемѣ курса шести классовъ мужской гимназіи (переводъ съ французскаго языка на греческій и латинскій) Для сдачи экзамена по древнимъ языкамъ опредѣлено четыре срока, — въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ. Можно поступить въ университетъ и не имѣя диплома, но съ обязательствомъ черезъ годъ сдать вступительный экзаменъ по курсу, соотвѣствующему курсу нашихъ женскихъ гимназій, а также и

по древнимъ языкамъ. Для поступления на медицинскій факультетъ нужно имѣть степень кандидата естественныхъ наукъ.

„Новый“ университетъ въ Брюсселѣ, который по широтѣ своихъ задачъ и смѣлой оригинальности своей учебной организаціи представлялъ много заманчиваго для любознательныхъ людей, просуществовалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ первоначально организованъ, весьма недолго. Правительство отказало ему въ признаніи его дипломовъ рав-

носильными съ дипломами другихъ университетовъ, и молодежь, нахлынувшая сперва въ его аудиторіи, стала ихъ покидать. Наступили финансовыя затрудненія, и университетъ за исключеніемъ состоявшаго при немъ „института социальныхъ наукъ“ былъ въ 1899 году закрытъ. Благотворительныя учрежденія въ Бельгіи, имѣющія свою цѣлью поддержку трудящихся женщинъ: Maison hospitalière pour jeunes filles sans place (Bruxelles, 152, rue Courdan; Anvers, 47, rue du Palais); Home pour institutrices et gouvernantes [тамъ-же Chaussée de Neerstalle, 35.

Е. Великобританія.

1. Англія *) Англійскіе университеты (кембриджскій, оксфордскій, лондонскій, дергемскій, уэльскій и унив. «Викторія») отличаются чрезвычайно своеобразною организаціею и представляютъ собою учебно-воспитательныя заведенія строго-аристократическаго характера. При каждомъ изъ нихъ состоятъ закрытыя школы (colleges & halls), въ которыхъ сосредоточивается главнымъ образомъ преподаваніе, такъ что иногда вся роль университета сводится къ производству испытаній лицамъ, подготовившимся въ этихъ школахъ (такъ напр. поставлено дѣло въ университетахъ дергемскомъ и лондонскомъ, которые являются только экзаменационными комиссіями examining bodies, въ лучшемъ же случаѣ (напр. въ Кембриджѣ и Оксфордѣ)—къ предоставленію учащимся въ колледжахъ возможности слушать дополнительные, болѣе спеціальныя курсы по предметамъ избранныхъ ими отраслей знанія. Въ самое послѣднее время предпринято широкое внутреннее преобразование лондонскаго университета въ связи съ расширеніемъ и самыхъ помѣщеній его, а на суммы, пожертвованныя богатымъ американскимъ коммерсантомъ Андрью Кернеджи (Carnegie, воздвигается новый университетъ въ Бирмингемѣ, гдѣ предполагено ввести въ преподаваніе и техническія и коммерческія науки, а равно организовать правильные вечерніе курсы для народа.

Вокругъ cadaго университета, какъ сказано, группируются коллегіи и авлы (aulae, halls), тѣсно съ нимъ связанные, но самостоятельныя закрытыя учебныя заведенія, обладающія значительными капиталами и земельными угодьями. Они возникали въ разное время на пожертвованія королей, епископовъ, магнатовъ и продолжаютъ возникать и теперь на средства частныхъ лицъ и по подпискамъ. Они имѣютъ корпоративное устройство и выборныхъ представителей, которые въ разныхъ коллегіяхъ носятъ разныя названія (president, prevost, master, principal, dean). Члены учебнаго персонала именуется fellows. Нѣкоторые изъ нихъ состоятъ въ тоже время профессорами университетовъ.

Большинство студентовъ помѣщается въ общежитіяхъ при коллегіяхъ; но допускаются и non-collegiate students, живущіе на частныхъ квартирахъ (private halls), которые впрочемъ, хотя и пользуются относительно свободою, тѣмъ не менѣе поставлены подъ надзоръ спеціальнаго ценза и особыхъ туторовъ.

Для поступления въ университетскую коллегію представленіе диплома средняго учебнаго заведенія необязательно: къ имматрикуляціи допускаются и лица съ домашней подготовкой,—провѣрка ихъ знаній производится по имѣющимся на этотъ счетъ въ каждой коллегіи правиламъ. Преподаватели отдѣльныхъ коллегій читаютъ воспитанникамъ лекціи и руководятъ ихъ занятіями съ цѣлью подготовить ихъ къ университетскимъ испытаніямъ. Испытанія бываютъ двухъ родовъ,—pass или previous examinations (иначе «Litt-

lego) и honours examinations (иначе «Tripos»). Различіе между тѣми и другими состоитъ въ степени обширности и трудности экзаменной программы. Проводятся они въ три приѣма на всемъ протяженіи университетскаго курса, и по выдержаніи ихъ лицамъ, подвергавшимся облегченному экзамену, дается ученая степень *бакалавра*, а лицамъ, экзаменовавшимся по болѣе сложной программѣ,—степень *бакалавра съ отличіемъ*. Степени эти приобретаются не по факультетамъ, а по специальности. Кромѣ нихъ существуютъ еще степени магистра и доктора.

Движеніе въ пользу допущенія женщинъ къ высшему образованію въ Англіи началось въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Уже тогда возникло особое общество (Society for promoting female education in the East), поставившее своею задачею добиться для женщины одинаковыхъ съ мужчиною правъ на образованіе. Первая коллегія для женщинъ была открыта въ Лондонѣ въ 1846 г., а въ 1867 г. лондонскій университетъ установилъ для нихъ особыя испытанія.—нѣчто вродѣ нашихъ испытаній зрѣлости,—по выдержаніи которыхъ имъ выдавались и соотвѣтственные дипломы. Дальнѣйше успѣхи женскаго дѣла въ этомъ направленіи въ значительной степени были результатомъ энергичной дѣятельности новаго общества содѣйствія высшему образованію женщинъ (Comittee for obtaining the admission of women to university examinations), возникшаго по почину миссъ Эмили Дэвисъ и миссъ Бусъ въ 1864 г. Спустя семь лѣтъ послѣ учрежденія, этого общества миссъ Дэвисъ при содѣйствіи другихъ его членовъ основала женскую коллегію въ Гитчинѣ, затѣмъ перевела ее въ Гертонъ близъ Кембриджа и добилась того, что она подъ именемъ Girton College была въ 1873 г. принята въ составъ университетскихъ коллегій. Въ 1878 г. лондонскій университетъ открылъ женщинамъ доступъ ко всѣмъ испытаніямъ и ученымъ степенямъ; его примѣру послѣдовали (правда, съ нѣкоторыми ограниченіями), и старѣйшіе англійскіе университеты—кембриджскій въ 1881 г. и оксфордскій въ 1884 г. По статистическимъ даннымъ, впервые обнародованнымъ въ 1894 г. въ календарѣ лондонскаго университета, этимъ правомъ держатъ университетскіе экзамены за первые 14 лѣтъ воспользовалось 4065 женщинъ, причѣмъ изъ нихъ 555 получили ученныя степени

Мало по малу возросло и число женскихъ коллегій. Въ 1880 г. въ составъ кембриджскаго университета была принята высшая женская школа Ньюнгемъ-голлъ (Newnham-hall); въ Оксфордѣ существуетъ уже четыре женскихъ интерната (Lady Margaret Hall, St Hugh's Hall, St Hilda's Hall и Sommerville College), сосгоящія въ завѣдываніи особаго женскаго общества (Association for the education of women in Oxford); къ лондонскому университету приурочены шесть частью спеціально женскихъ коллегій, частью такихъ, въ которыхъ имѣется отдѣленіе для женщинъ (какъ напр. въ King-College); кромѣ того есть еще одиннадцать женскихъ коллегій, связанныхъ (affiliated) съ университетами дергемскимъ, манчестерскимъ (Викторія) и уэльскимъ.

Типическимъ представителемъ всѣхъ этого рода учреждений можетъ служить Королевскій Голлоуей-Колледжъ (the Royal Holloway College) въ Эгамѣ, въ трехъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона: Эгамскій колледжъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ корпусовъ, соединенныхъ по срединѣ и съ концовъ поперечными флигелями. Въ

*) См. Ю. Кулаковскій. Современное состояніе англійскихъ университетовъ (Русск. Вѣстн. 1886,7).

главныхъ корпусахъ расположены аудиторіи, общежитіе для студентокъ и квартиры профессоровъ; помѣщеніе каждой студентки состоитъ изъ двухъ съ полнымъ комфортомъ обставленныхъ комнатъ,—спальни (bedroom) и кабинета (study), здѣсь же находятся небольшія гостинныя (sitting-rooms) на пять—шесть человѣкъ каждая, гдѣ собираются студентки для бесѣды и въ часы рекреаций. Во флигеляхъ помѣщаются капелла, картинная галлерей, 12 комнатъ для упражненій на фортепіано, двѣ большія музыкальныя аудиторіи, музей, библіотека, залъ для гимнастики, залъ для сценическихъ представленій, столовая, кухни и проч. Въ каждомъ этажѣ есть ванны; мансардныя помѣщенія отведены для прислуги. Всего въ колледжѣ до 1000 комнатъ, устроенныхъ съ расчетомъ на комплектъ въ 250 студентокъ. Стоимость всѣхъ зданій съ оборудованиемъ простирается до 10 милліоновъ рублей. (С. Гулишамбаровъ Первый національный университетъ для женщинъ въ Англіи. Сѣв. Вѣстн. 1889, 11).—Въ Эберистуайс-Колледжѣ, Aberystwith College, принадлежащемъ къ составу уэльскаго университета, учебный персоналъ состоитъ изъ женщинъ, бывшихъ воспитанницъ колледжа. Этотъ колледжъ соединенъ въ общежитіемъ Alexandra-Hall и устроенъ, какъ и Голлвей-Колледжъ, на средства частнаго лица. По статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1899 г. изъ 400 студентокъ, окончившихъ здѣсь курсъ, 73 получили степень baccalaureus artium 3—magister artium, 8—baccalaureus scientiae, 1—doctor scientiae, 9 съ успѣхомъ выдержали конкурсныя испытанія на степендію (Scholarship examination) въ Оксфордѣ и Кембриджѣ.

Во всѣхъ женскихъ колледжахъ, какъ и въ мужскихъ, наряду съ учебными занятіями процвѣтаютъ искусство (живопись, музыка), мастерства (швейное, поварское и др.) и спортъ.

Въ англійскихъ университетахъ, какъ и въ континентальныхъ, есть факультеты богословскій (theology) медицинскій (medicine), юридическій (law), физико-математическій (science) и словесный (arts). Въ составъ специальныхъ отдѣленій, обнимаемыхъ послѣднимъ факультетомъ, входятъ litterae humaniores (древніе и новые языки, исторія Греціи и Рима, логика, этика и политическая философія) modern history (всеобщая исторія и специальная исторія Англіи, политическая экономія, исторія европейскихъ литературъ), романо-германская филологія (mediaeval and modern languages), восточные языки и музыка.

Учебный годъ раздѣляется на три термина (terms): первый, осенній (Michaelmas term),—съ 15 октября по 15 декабря, второй, зимній (Hilary или Lent term),—съ 24 января до Пасхи; третій, весенній (Easter term) имѣющей колеблющуюся продолжительность; (обыкновенно восемь недѣль) и начинающийся въ среду на Фоминой недѣлѣ.

Вступительный экзаменъ, такъ назывъ «responsions» (первая часть упомянутыхъ выше previous examinations), сдается либо до зачисленія въ студенты коллегіи (undergraduates), либо вскорѣ послѣ него. Лица не желающія подвергаться этому экзамену, должны представить удовлетворительныя свидѣтельства о томъ, что они имѣютъ надлежащую степень подготовки. Второй экзаменъ сдается послѣ перваго года университетскихъ занятій а третій—черезъ три года послѣ второго. Для испытаній на степень бакалавра съ отличіемъ положены максимальные сроки, а именно—два года для первой части испытаній и четыре года—для второй.

Весь строй англійской университетской жизни, въ основѣ котораго лежитъ дуализмъ коллегіального и университетскаго обученія, обуславливаетъ собою почти полную недоступность высшаго образованія для малообеспеченныхъ людей. Правда, допускаются out-students, non-resident, non-collegial students, т. е. такіе студенты, которые живутъ не въ коллегіяхъ, а на квартирѣ у частныхъ лицъ, но ихъ немного, и они подчинены строгому наблюденію университетскаго начальства (женщины пользуются правомъ жить внѣ коллегій только въ томъ случаѣ, если онѣ живутъ съ родителями или же находятся въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ. Что же касается коллегій, halls и public hostels,

т. е. обычныхъ университетскихъ интернатовъ, то жизнь въ нихъ обходится дорого,—не менѣе 35 ф. стерл. въ терминъ (включая въ эту сумму и плату за обученіе); за стирку бѣлья, медицинскую помощь, университетскіе экзамены и частныя уроки музыки, пѣнія или живописи полагается особая плата; за пользование лабораторіями также; за пребываніе въ интернатѣ въ каникулярное время также. Въ общемъ наименьшій бюджетъ студента—150 фунтовъ въ годъ. Правда, при каждой коллегіи учреждены стипендіи (отъ 25 до 100 фунтовъ въ годъ), но для полученія стипендіи нужно выдержать конкурсное испытаніе и во всякомъ случаѣ въ теченіе нѣкотораго времени просуществовать на собственные средства

«Распространеніе университета» (University extension). По почину оксфордскаго профессора Джемса Стюарта въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ университетахъ оксфордскомъ и кембриджскомъ возникло движеніе, стремившееся «распространить» культурныя задачи разсадниковъ высшаго образованія въ смыслѣ организациі при нихъ и въ ихъ непосредственномъ завѣдываніи систематическихъ курсовъ для народа. Въ 1877 г. къ этому движенію присоединился и лондонскій университетъ, и въ Лондонѣ былъ учрежденъ центральный органъ новаго дѣла Joint Board, являвшійся чѣмъ то вродѣ исполнительной комиссіи по устройству публичныхъ университетскихъ курсовъ, причѣмъ въ составъ этой комиссіи вошли представители всѣхъ трехъ университетовъ. Просвѣтительное движеніе это, извѣстное въ Англіи подъ именемъ «расширенія» или «распространенія» университета (Univervit / extension), скоро приняло огромныя размѣры. Благодаря высшаго, университетскаго образованія стали достояніемъ всѣхъ классовъ и состояній. Вся Англія теперь покрыта сѣтью лекціонныхъ комитетовъ, организованныхъ университетами, снабженныхъ специальными передвижными библіотеками (travelling libraries), устраивающихъ практическія занятія и собесѣдованія по научнымъ вопросамъ, производящихъ испытанія (local examinations),—словомъ содѣйствующихъ демократизациі университета. Курсы бываютъ дневные и вечерніе.

На центральныхъ органахъ, завѣдывающихъ всѣмъ этимъ сложнымъ дѣломъ, лежитъ обязанность заботиться о доставленіи мѣстнымъ комитетамъ хорошо подготовленныхъ лекторовъ и экзаменаторовъ. За свой трудъ лекторы получаютъ 500—600 ф. стерл. въ годъ. Наибольше успѣшнымъ посѣтителемъ курсовъ, какъ бы въ видѣ награды, представляется возможность во время лѣтнихъ каникулъ побывать въ Кембриджѣ или въ Оксфордѣ, чтобы воспользоваться университетскими музеями, кабинетами, библіотеками и другими учебно-вспомогательными учрежденіями, а также и указаніями профессоровъ, случайно остающихся на лѣто въ этихъ городахъ. Такіе «лѣтніе съѣзды» (summer meetings) въ свою очередь вызвали появленіе специальныхъ коллегій,—university extension colleges,—въ которыхъ пріѣзжіе «студенты» этого народнаго университета (а они такъ дѣйствительно и называются—students) могутъ найти, кромѣ полнаго содержанія, за особую плату (по 1 фунту стерл. въ терминъ за каждый предметъ всѣ условія, необходимыя для подготовленія къ университетскимъ или инымъ какимъ либо экзаменамъ. Излишне прибавлять, что доступъ къ публичнымъ курсамъ устраиваемымъ университетами, равно какъ и въ упомянутыя коллегіи и во всѣхъ экзаменамъ, открытъ и для женщинъ. Женщины также занимаютъ видное положеніе во всѣхъ мѣстныхъ комитетахъ, устраивающихъ подъ эгидою университетовъ публичныя курсы. Въ 1890—1891 учебномъ году изъ 187 комитетовъ, зависѣвшихъ отъ оксфордскаго университета, въ 72 секретарями состояли женщины.

Курсы продолжаются съ конца сентября до начала іюля; этотъ промежутокъ времени раздѣляется на три термина, по 13 недѣль въ каждомъ; послѣдняя недѣля въ каждомъ терминѣ отводится на производство испытаній. Курсы распределяются въ группы, соответствующія дѣленію факультетскихъ предметовъ на litterae humaniores (словесныя науки), modern history (исторія новыхъ вѣковъ) и sciences (естественныя и математическія науки)*.

Женскія университетскія поселенія (University settlements).

Подъ «поселеніями» (settlements) разумѣются небольшіе кружки интеллигентныхъ людей, дѣйствующіе въ наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ крупныхъ англійскихъ городовъ съ филантропическими цѣлями. Одни изъ нихъ ставятъ своею задачею поднятіе религіозно-нравственнаго уровня бѣдняковъ, другіе стремятся къ улучшенію ихъ матеріальнаго и общественнаго положенія, третьи занимаются организацией врачебной помощи бѣднымъ, четвертые устраиваютъ полезныя развлечения для рабочей

* А. Околовскій Реформа англійскихъ университетовъ въ XIX стол. (Русск. Мысль. 1892 кн. 1, 2, 5).

по большей части фабричной молодежи, „клубы“ для мальчиковъ, ясли для маленькихъ дѣтей, „митинги“ для ихъ матерей и т. д. Всѣ такого рода кружки представляютъ собою настоящія „колоніи“ среди малокультурнаго населенія наиболее грязныхъ и заброшенныхъ частей большого города. Между этими колоніями есть и такія, которыя стремятся распространять на бѣдный рабочій людъ свѣтъ университетской науки. Впервые такое университетское поселеніе было основано бывшими оксфордскими и кембриджскими студентами въ Восточномъ Лондонѣ въ 1837 г. Теперь оно насчитываетъ до 900 человекъ. Другое подобное поселеніе организовано въ Манчестерѣ.

2. Ирландія. Изъ двухъ ирландскихъ университетовъ (оба въ Дублинѣ) Королевскій университетъ дѣятельность котораго сводится лишь къ производству испытаній, открытъ доступъ для женщинъ ко всѣмъ степенямъ, напротивъ Тринити-Колледжъ (второй дублинскій университетъ) пока мѣстъ еще закрытъ для женщинъ. Женскія университетскія коллегіи находятся въ Коркѣ, Бельфаствѣ и Гальвѣ.

3. Шотландія. Въ Шотландіи четыре университета (въ Эбердинѣ, Ст. Андрьюзѣ, Эдинбургѣ и Глазго). По своему устройству они болѣе всего соотвѣтствуютъ современнымъ германскимъ. Учебный годъ дѣлится на двѣ сессіи (зимнюю и лѣтнюю). Женщины начавшія здѣсь съ 1867 г. настойчиво добиваться высшаго образованія (особенно много сдѣлала въ этомъ направленіи the Edinburgh Association for the University Education of Women in Scotland) пользуются въ настоящее время свободнымъ допущеніемъ къ занятіямъ во всѣхъ университетахъ по историко-филологическому

(arts), физико-математическому (science) и медицинскому факультетамъ, а въ Эбердинѣ онѣ допускаются къ соисканію ученыхъ степеней и по юриспруденціи. Университетскій колледжъ въ Дѣнди (Dundee) подготавливаетъ молодежь къ испытаніямъ по всѣмъ факультетамъ. Интерната при этомъ колледжѣ нѣтъ.

Высшія спеціальныя школы. Въ Англіи и Шотландіи есть три спеціально женскія медицинскія школы, въ Лондонѣ (London School of medicine for Women), Эдинбургѣ и Глазго. Онѣ снабжены всѣми необходимыми учебно-вспомогательными учрежденіями. Что же касается клиническаго матеріала то для женщинъ, учащихся въ этихъ школахъ, открытъ доступъ въ соотвѣтствующіе госпитали. Учебный годъ дѣлится на двѣ сессіи. Для лицъ, занимающихся научно-экспериментальными изслѣдованіями, съ 1897 г. открыта (безъ различія пола и національности) «Фарэедеевская лабораторія въ Лондонѣ» (Davy Faraday research laboratory of the Royal Institution); по распределенію учебнаго времени занятія въ ней соотвѣтствуютъ общему дѣленію академическаго года на три термина. Высшая школа политико-экономическихъ наукъ (The London School of economics and political science), основанная въ Лондонѣ въ 1895, также представляетъ собою учрежденіе, рассчитанное на потребности тѣхъ лицъ, которыя, имѣя высшее юридическое образованіе, посвящаютъ себя спеціальному изученію вопросовъ политической экономіи (въ школахъ преподаются политическая экономія, статистика, палеографія и дипломатика, англійское конституціонное право, мѣстное право, коммерческое право, желѣзнодорожное дѣло, ученіе о кредитныхъ учрежденіяхъ).

Ж. Италія и другія страны.

Въ Италіи кромѣ правительственныхъ университетовъ (въ Болоньѣ, Генуѣ, Моденѣ, Неаполѣ, Падуѣ, Палермо, Пармѣ Павіи, Пизѣ, Римѣ Сиенѣ, Туринѣ, Кальяри, Катани, Мессинѣ и Сассари) имѣется четыре свободныхъ университета, (въ Камерино Феррарѣ, Перуджии, и Урбино) есть спеціальныя институты для изученія философіи и филологіи (R. Accademia scientifico litteraria) въ Миланѣ и другой институтъ — для изученія наукъ историко-филологическихъ, математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ (K. Istituto di studi superiori pratici e di perfezionamento)—во Флоренціи. Кромѣ того въ Римѣ существуютъ археологическіе институты, — американскій (american school of classical studies), нѣмецкій (Kaiserl. deutsches archäologisches Institut) и французскій (école française de Rome).

Женщины допускались въ Итальянскіе университеты съ XV вѣка; съ XIX в. это изстари признанное за ними право было формально восстановлено министромъ народнаго просвѣщенія Бонги въ 1876 г., а съ 1891 г. въ Римѣ учреждена женская классическая гимназія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены правила о допущеніи женщинъ къ испытаніямъ на ученія степени.

Учебный годъ на семестры не дѣлится; по уставу онъ продолжается съ 15 октября по 30 іюля, но въ дѣйствительности чтеніе лекцій начинается съ ноября, а оканчивается 15 іюня; студенты являются къ подпискѣ въ промежутокъ времени между 1 августа и 30 октября, причемъ уплачиваютъ, смотря по факультету, 20—40 лиръ за имматрикуляцію (tassa d'immatricolazione) и 50—165 лиръ за курсы (tassa d'iscrizione); за экзамены, за пользованіе лабораторіями, за дипломы полагается особая плата; вольнослу-

шатели (uditori) уплачиваютъ за имматрикуляцію 40 лиръ и за каждый курсъ отдѣльно по 8 лиръ за недѣльный часъ. Общій университетскій уставъ (regolamento universitaria) вмѣстѣ съ проспектомъ курсовъ и другими свѣдѣніями, касающимися каждаго университета въ отдѣльности (annuario accademico), можно получать въ университетскихъ канцеляріяхъ.

Что касается *Голландіи*, *Испаніи* и *Португаліи*, то въ этихъ странахъ собственно никогда не былъ прегражденъ для женщинъ доступъ въ университетъ; въ Утрехтѣ даже въ составѣ профессоровъ есть женщина (Катарина ванъ Туффенбрекъ). Въ *Норвегии* женщины допущены къ высшему образованію съ 1884 г., въ *Греціи*—съ 1895 г., въ *Америкѣ* уже въ 1778 г. одна 13-лѣтняя дѣвочка пыталась добиться высшаго образованія и выдержала вступительный экзаменъ въ Іельскій колледжъ, но тѣмъ не менѣе къ дальнѣйшимъ занятіямъ въ немъ допущена не была. Съ 1836 г. открылъ свои двери для женщинъ Оберлинъ-Колледжъ, а въ 1850 г. въ Филадельфіи была учреждена спеціально женская высшая медицинская школа (Woman's Medical College of Pennsylvania). Въ 1870 г. мичиганскій университетъ допустилъ женщинъ на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами. Наконецъ съ основаніемъ университетовъ Джона Гопкинса съ Балтиморѣ, станфордскаго и чикагскаго женщины и въ нихъ совершенно уравнены въ правахъ на научныя занятія, ученія степени и профессуру съ мужчинами. Въ настоящее время въ различныхъ университетахъ и колледжахъ Соединенныхъ Штатовъ работаютъ до 60-т. женщинъ; спеціально женскихъ колледжей 190.

II. Среднее образование.

Обыкновенно въ исторіи средняго образованія женщинъ въ Россіи за исходный пунктъ принимаютъ 1764 годъ, — годъ основанія „воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ“ въ Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ, который тогда только что былъ отстроенъ на мѣстѣ сгорѣвшаго загороднаго дворца императрицы Елизаветы Петровны и по имени бывшаго здѣсь прежде Смоленскаго двора получилъ названіе „Смоленскаго“. Это было первое общественное учебное заведеніе, въ которомъ, — правда, по разнымъ программамъ и на разныхъ половинахъ, — обучались какъ дворянскія, такъ и мѣщанскія дѣвицы; но въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ оно оставалось также единственнымъ. Въ 1797 г. императрица Марія Федоровна открыла на свои средства для бѣдныхъ сиротъ, дочерей купцовъ, мѣщанъ, священниковъ, ремесленниковъ, канцелярскихъ служителей и вообще лицъ, не имѣющихъ офицерскаго чина, „сиротское училище“, переименованное спустя три года въ Маринскій институтъ. Почти въ тоже время (въ 1798 г.) по мысли кн. Куракина было учреждено въ Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, — „безъ родни, имѣнія и призрѣнія“, — названное училищемъ ордена св. Екатерины (Екатерининскій институтъ). Къ этимъ двумъ новымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ скоро прибавилось и третье основанное сперва (въ томъ же 1798 г.) какъ отдѣленіе военно сиротскаго дома, а впослѣдствіи преобразованное также въ институтъ (Павловскій). Въ 1803 г. возникаетъ и въ Москвѣ женское училище ордена св. Екатерины, устроенное по образцу петербургскаго, а вмѣстѣ съ этимъ создается проектъ учредить институты благородныхъ дѣвицъ въ главнѣйшихъ губернскихъ городахъ. Проектъ, этотъ, принадлежавшій императрицѣ Маріи Федоровнѣ, осуществился впрочемъ не сразу. Первымъ изъ провинціальныхъ институтовъ былъ основанъ херсонскій (1812 г.), затѣмъ полтавскій (1818 г.), еще позже одесскій (1829 г.), кievскій (1834) и др.

Въ качествѣ закрытыхъ учебныхъ заведеній, притомъ съ устройствомъ, основаннымъ на принципѣ сословности, институты не могли однако удовлетворить все болѣе и болѣе назрѣвавшей въ русскомъ обществѣ потребности въ общедоступномъ среднемъ женскомъ образованіи, какъ не могли удовлетворить этой потребности и возникшія съ 1843 г. женскія епархіальныя училища, также закрытыя и также сословныя. Поэтому необходимо было либо открыть въ институты доступъ и для приходящихъ ученицъ, чтобы дать возможность дѣвушкамъ проходить курсъ средней школы, не разставаясь съ семействомъ, либо-же выработать новый, болѣе широкий типъ открытаго женскаго училища. Такой типъ и былъ выработанъ профессоромъ Н. А. Вышнеградскимъ, исполнявшимъ обязанности инспектора классовъ Павловскаго института, и составленный имъ проектъ отдѣльнаго отъ институтовъ женскаго всесословнаго открытаго учебнаго заведенія 19 февраля 1858 г. былъ черезъ принца П. Г. Ольденбургскаго подвергнутъ на усмотрѣніе императора Александра II, а затѣмъ по Высочайшей волѣ переданъ на предварительное обсужденіе главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Совѣтъ одобрилъ проектъ, и 19 апрѣля того же года въ Петербургѣ, у Пяти Угловъ открылось первое общедоступное женское училище новаго типа, съ семилѣтнимъ курсомъ обученія и съ правами, коими до тѣхъ поръ пользовались воспитанницы институтовъ (званіе до-

машней учительницы). Вскорѣ послѣ открытія этого училища, названнаго Маринскимъ (нынѣ Маринская гимназія) къ начальству его стали поступать изъ разныхъ частей города ходатайства родителей объ учрежденіи подобныхъ училищъ и въ другихъ мѣстахъ, — въ Коломенской части, на Васильевскомъ островѣ, на Петербургской и Выборгской сторонѣ. Эти ходатайства были удовлетворены, а въ началѣ 1859 г. по представленію виленскаго военнаго губернатора Назимова были открыты по образцу петербургскихъ женскія семиклассныя училища и въ западномъ краѣ. Всѣ они получали средства отъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и находились въ вѣдѣніи принца П. Г. Ольденбургскаго, но наряду съ ними и по ихъ типу создавались всесословныя женскія школы и по инициативѣ самого общества, — на средства составлявшіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ, сборовъ съ лотерей, спектаклей, концертовъ и т. п. ежегодныхъ отчисленій изъ городскихъ суммъ, взносовъ дворянъ-землевладельцевъ купцовъ, мѣщанъ и проч. Школы послѣдней категоріи, существованіе которыхъ зависѣло отъ случайныхъ источниковъ, были подчинены министерству народнаго просвѣщенія, и къ 1866 г. такихъ школъ въ вѣдѣніи этого министерства состояло 92. Число женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи также увеличивалось съ каждымъ годомъ, и въ 1866 г. ихъ было уже 25. Живучесть новаго типа среднеобразовательныхъ женскихъ учебныхъ заведеній ясно доказывалась съ одной стороны поступавшими въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ ходатайствами о преобразованіи таковыхъ вмѣсто предполагаемыхъ къ открытію институтовъ, съ другой же — тѣмъ, что и частныя женскія пансіоны, для которыхъ конкуренція съ гимназіями становилась не подъ силу, въ свою очередь стали приспособляться въ устройствѣ учебной и воспитательной части къ ихъ образцу и мало по малу превращались въ „частныя женскія гимназіи“, пріобрѣтая постепенно и присвоенныя имъ права. Орловскій институтъ, основанный въ 1864 г., былъ послѣднимъ учебнымъ заведеніемъ институтскаго типа; да и самый типъ этотъ въ томъ же 1864 г. т е ровно черезъ сто лѣтъ послѣ учрежденія воспитательнаго общества, подвергся коренному преобразованію; утративъ при этомъ прежній свой строго замкнутый и сословный характеръ.

А между тѣмъ въ русскомъ обществѣ продолжала расти потребность не только въ болѣе широкомъ распространеніи средняго женскаго образованія, но и въ расширеніи самой программы его. И вотъ въ 1856 г. г-жа Касторская, открывая въ Петербургѣ частный пансіонъ, включаетъ въ его программу законовѣдѣніе; подобнымъ же образомъ была въ различныхъ направленіяхъ расширена программа въ частныхъ училищахъ Э. Шаффе (1858), г-и Спѣшневой (1868) кн. Оболенской (1869) и др. Въ 1872 г. въ Москвѣ была открыта первая въ Россіи женская классическая гимназія г-жи Фишеръ.

Въ настоящее время женскія среднія учебныя заведенія распределяются по городамъ слѣдующимъ образомъ.

I. ИНСТИТУТЫ. а) **Въ С.-Петербургѣ.** 1) *Смоленскій* (Имп. воспит. общество благородныхъ дѣвицъ, Леонтьевская, 1). Курсъ семилѣтній. Начальница свѣтл. княжна Е. А. Ливень. Принимаются казенно-коштными воспитанницами дочери лицъ чиномъ не ниже полковника и статскаго совѣтника въ возрастѣ отъ 10 до 12½ лѣтъ (по баллотировкѣ, въ апрѣлѣ и маѣ), своекоштными — дочери потомств. дворянъ и лицъ, имѣющихъ чинъ штабсъ-капитана гвардіи или капитана войскъ всѣхъ родовъ оружія, — въ возрастѣ отъ 10 до 13½ лѣтъ. Плата — 400 рублей въ годъ. 2) *Александровскій* (Пальменбахская, 3), именуемый также

Смолянскъ. Нач.—ца А. А. Баллюэскъ. Своекостными принимаются дѣти всѣхъ сословій, казенно-коштными—дочери лицъ чиномъ не ниже штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, а также священниковъ и лютеранскихъ пасторовъ. Возрастъ 9—13 лѣтъ. Плата 350 р. Имѣется дополнительный (педагогическій) двухлѣтній курсъ. 3) *Маріинскій* (Кировная, 52). Нач.—ца М. С. Ольхина. Принимаются казеннокоштными дочери духовныхъ лицъ, ученыхъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ, изъ дочерей же дворянъ и лицъ, имѣющихъ военные и гражданскіе чины, лишь дочери тѣхъ лицъ, которыя отличались усердною и долговременною службою при самомъ институтѣ. Для своекоштныхъ этого ограниченія нѣтъ. Приемный возрастъ 9—11 лѣтъ. Плата 350 р. въ годъ и одновременно 30 р. на первое обзаведеніе. 4) *Павловскій* (Знаменская, 8). Нач.—ца О. М. Бутурлина. Курсъ восьмилѣтній. Своекостными принимаются дѣти всѣхъ сословій кромѣ податнаго съ платою 350 р. въ годъ и въ возрастѣ отъ 10 лѣтъ, казеннокоштными—дочери штабъ и оберъ-офицеровъ военно-сухопутнаго и морского вѣдомствъ до чина подполковника и капитана 2 ранга включительно, причеиъ дочери убитыхъ на войнѣ офицеровъ и круглыя сироты принимаются безъ баллотировки, остальные по публичной баллотировкѣ. 5) *Спб. училище ордена св. Екатерины* (Фонтанка, 36). Нач.—ца М. Н. Бюнтингъ. Казеннокоштными воспитанницами принимаются по публичной баллотировкѣ (въ апрѣлѣ или маѣ) дочери кавалерственныхъ дамъ ордена св. Екатерины, а также лицъ, имѣющихъ чинъ не ниже штабсъ-капитана гвардіи или маіора арміи и надворнаго совѣтника, въ возрастѣ отъ 10 до 12½ лѣтъ, а своекоштными кромѣ того и дочери потомствъ дворянъ въ возрастѣ отъ 8½ до 12½ лѣтъ. Плата 400 р. въ годъ. Курсъ семилѣтній съ двухлѣтнимъ дополнительнымъ (педагогическимъ). 6) *Елизаветинскій институтъ* (Вас. Остр. 13 л., 14). Нач.—ца кн. Е. М. Урусова. Казеннокоштными принимаются дочери лицъ оберъ-офицерскихъ чиновъ 10—12½ лѣтъ, своекоштными—дѣти всѣхъ сословій кромѣ податнаго 8—12½ лѣтъ. Плата 350 р. 7) *Николаевскій Сиротскій* (Мойка, 48). Нач.—ца Н. В. Булацель. Принимаются дочери недостаточныхъ чиновниковъ военной и гражданской службы на казенный счетъ въ возрастѣ отъ 6 до 12½ л.; пансіонерки—на счетъ родственниковъ или благотворителей до 13½ л. При институтѣ есть малолѣтнее отдѣленіе (Шлиссельбург. трактъ, Александр. дача), Александринскій сиротскій домъ (Мойка, 50), классъ учительницъ французскаго языка и Никольское женское училище (Фонтанка, 164), въ которомъ приготавливаются воспитательницы маленькихъ дѣтей (бонны) и учительницы танцевъ, гимнастики, рукодѣлія, чистописанія, рисованія, духовнаго и свѣтскаго хоровога пѣнія. 8) *Ксенинскій* (въ зданіи Николаевскаго дворца). Нач.—ца Е. А. Голицына. Въ институтѣ десять классовъ,—семь съ общею программою и три спеціальныхъ (профессиональныхъ). Приемный возрастъ 9—11½ (для казеннокоштныхъ). Своекостными принимаются полусироты дворянъ, не состоявшихъ на государственной службѣ. Плата 250 р. въ годъ. Комплектъ, (считая вмѣстѣ съ малолѣтними отдѣленіями) 350 человекъ: 9) *Патриотическій* [Вас. Остр., 10 лин., 3]. Нач.—ца кн. Е. А. Волконская. Казеннокоштными принимаются дочери офицеровъ, находящихя подъ покровительствомъ Александровскаго комитета о раненыхъ,—въ возрастѣ отъ 10½ до 12½ лѣтъ, своекоштными съ платою 400 р. въ годъ—дочери служавшихъ или служившихъ офицеровъ, отъ 8 до 12½ лѣтъ. 10) *Институтъ (училище) при цесарѣ Олденбургской*. (Петерб. ст., Большой просп., д. 73—36). Нач.—ца О. Я. Назимова. Допускаются кромѣ пансіонерокъ и приходящія ученицы (дѣти хорошо извѣстныхъ институту родителей). Плата—280 р. за полный пансіонъ и 100 р.—съ приходящихъ.

б) **Въ Москвѣ.** *Александровскій институтъ* (Н. Божедомка, соб. домъ): при немъ Александровское училище. Нач.—ца М. В. Веселкина. Принимаются своекоштными дѣти всѣхъ сословій кромѣ податныхъ, казеннокоштными—дочери лицъ съ чиномъ не ниже штабсъ-капитана и надворнаго совѣтника. Плата 350 р. въ годъ. 2) *Елизаветинскій* (Вознесенская ул., соб. д.). Нач.—ца О. А. Давидова. Условія приема тѣ же, что и въ Елизаветинскій институтъ въ Спб. 3) *Екатерининскій* (училище ордена св. Екатерины, Божедомка, соб. д.). Нач.—ца О. С. Краевская. 4) *Николаевскій Сиротскій* (на Солянкѣ, зд. Воспитательнаго дома). Нач.—ца кн. А. И.

Львова. Своекостными съ платою 300 р. въ годъ принимаются дѣти всѣхъ сословій, казеннокоштными—дочери штабъ и оберъ-офицерскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. При институтѣ есть отдѣленіе для малолѣтнихъ.

в) **Въ провинціальныхъ городахъ** 1) *Бѣлостокскій инст. Императора Николая I*; 2) *Варшавскій Александринско-Маріинскій инст.* (Нач.—ца М. Э. Эртель); 3) *Донской (Новочеркасскій) Маріинскій инст.* (Нач.—ца Н. П. Головачева); 4) *Иркутскій инст. Имп. Николая I* (Начальница Е. К. Кисель-Загорянская); 5) *Закавказскій инст. Имп. Николая I* (Начальница А. Д. Попова); 6) *Казанскій родіоновскій инст.* (Нач.—ца М. Л. Каземъ-Бекъ); 7) *Керченскій кучиниковскій инст.* (Нач.—ца А. Л. Ковальковская); 8) *Кіевскій инст. Николая I* (Нач.—ца М. Л. Ковновницына); 9) *Нижегородскій Маріинскій инст.* (Нач.—ца Н. А. Быкова); 10) *Одесскій инст. Имп. Николая I* (Нач.—ца В. П. Кандыба); 11) *Оренбургскій инст. Имп. Николая I* (Нач.—ца кн. С. К. Оболенская); 12) *Саратовскій Александровскій инст.* (Нач.—ца С. З. Гаршина); 13) *Полтавскій инст.* (Нач.—ца гр. Н. Ф. Апраксина); 14) *Саратовскій Маріинскій инст.* (Нач.—ца Н. П. Загосская); 15) *Тамбовскій Александровскій инст.* (Нач.—ца А. А. Скарятина); 16) *Харьковскій инст.* (Нач.—ца А. П. Голохвастова);

II. ГИМНАЗИИ (вѣдомства Имп. Маріи и министерства народнаго просвѣщенія) имѣются въ городахъ: Аккерманъ 1, Архангельскъ 1, Астрахани 1, Баку 1, Бердянскъ 1, Болградъ 1, Брянскъ 1, Бѣлгородъ 1, Варшавъ 1, Великихъ Лукахъ 1, Вильнъ 1, Витебскъ 1, Владивостокъ 1, Владиміръ 1, Вологдъ 1, Вольскъ 1, Воронежъ 1, Выборгъ 1, Вѣрномъ 1, Вязьмъ 1, Вяткѣ 1, Гатчинѣ 1, Гельсингфорсѣ 4, Глуховѣ 1, Гродно 2, Двинскъ 1, Ейскъ 1, Екатеринбургъ 1, Екатеринодаръ 1, Екатеринославъ 2, Ельцѣ 1, Елисаветградѣ 1, Енисейскѣ 1, Житомирѣ 1, Каменецъ-Подольскѣ 1, Кіевѣ 5, Казани 2, Калишѣ 1, Калугѣ 1, Керчи 1, Кишиневѣ 2, Ковно 1, Костромѣ 1, Красноярскѣ 1, Кранштадтѣ 1, Курскѣ 2, Кутаисѣ 1, Кельцахъ 1, Ливнахъ 1, Лодзи 1, Ломжѣ 1, Лубнахъ 1, Люблинѣ 1, Минскѣ 1, Могилевѣ 1, Мариуполѣ 1, Митава 1, Муромѣ 1, Нарвѣ 1, Нижнемъ Новгородѣ 1, Новгородѣ 1, Новгородъ-Сѣверскѣ 1, Новозыбковѣ 1, Новочеркасскѣ 1, Нѣжинѣ 1, Одессѣ 6, Омскѣ 1, Орлѣ 1, Оренбургѣ 1, Перми 1, Перновѣ 1, Пензѣ 1, Петровкѣ 1, Плоцкѣ 1, Полтавѣ 1, Прилукахъ 1, Псковѣ 1, Радомѣ 1, Рязани 1, Ревелѣ 1, Ригѣ 1, Ромнахъ 1, Ростовѣ-на-Дону 1, Рыбинскѣ 1, Саратовѣ 1, Симбирскѣ 1, Самарѣ 1, Севастополѣ 1, Серпуховѣ 1, Симферополѣ 1, Смоленскѣ 1, Сувалкахъ 1, Сумахъ 1, Сызрани 1, Съдлецѣ 1, Таганрогѣ 1, Тамбовѣ 1, Ташкентѣ 1, Твери 1, Тифлисѣ 4, Томскѣ 1, Троицкосавскѣ 1, Тулѣ 2, Уральскѣ 1, Уфѣ 1, Херсонѣ 1, Харьковѣ 6, Царицынѣ 1, Царскомъ Селѣ 1, Череповцѣ 1, Черниговѣ 1, Читѣ 1, Шуѣ 1, Ялтѣ 1, Ярославлѣ 2, Феодосіи 1.—*Въ С.-Петербурѣ* кромѣ 8 гимназій, 3 прогимназій и одного закрытаго училища св. Елены, состоящихъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, есть двѣ министерскія гимназій (Покровская и пріютъ принца П. Г. Ольденбургскаго) и шесть частныхъ съ правами гимназій министерства народнаго просвѣщенія [Стоюниной, кн. Оболенской, Таганцевой, Стеблинъ Каменской, Песковской, Стависской], а также гимназій Е. М. Гедда, Шаффе, М. А. Лохвицкой-Скалонъ, гимназія при училищѣ св. Петра, училища св. Анны при евангелической церкви и св. Екатерины при римско-католической, первозрядныя женскія учебныя заведенія Лебурде, Прокофьевой-Шне, Эртманъ, пансіоны (съ интернатомъ) О. Э. Миллера, В. А. Субботина, г-жа Макферсонъ, Хитрово и др. *Въ Москвѣ* имѣется 6 гимназій вѣдомства Имп. Маріи; къ тому же вѣдомству относятся училища Николаевское (на Солянкѣ), Александровско-Маріинское (на Пречистенкѣ), Маріинское (на Софійской набер.); въ вѣдомствѣ мин. народн. проsv. состоятъ гимназій Елисаветинская и Петропавловская, Набилковское училище, классич. гимназія С. Н. Фишеръ и 7 частныхъ гимназій (Арсеньевой, Бессѣ, Калайдовичъ, Констанъ, Перепелкиной Пусель и Ржевской)

Примѣчаніе. Литература по вопросу о среднемъ женскомъ образованіи въ Россіи весьма обширна (см. „Указатель литературы женскаго вопроса“ № 1097—1202). Изъ общихъ сочиненій на первомъ мѣстѣ стоитъ капитальный трудъ Е. Лихачевой (см. выше), большая часть котораго посвящена именно этому вопросу.

IV. Прикладное образованіе женщинъ въ Россіи и за границей.

А. Техническое и коммерческое образованіе.

Литература. *Corbon* De l'enseignement professionnel (Paris 1868). *L. Lambeaux* L'enseignement professionnel à Paris (1898). — Bericht des Wiener Frauen-Erwerbvereines. Rückblick auf seine 25-jährige Wirksamkeit [Wien. 1891]. — *Rücklin* Die Volksgewerbschule (Leipzig. 1889). — *Л. Чернова*. Очерки исторіи женскаго образованія (Женск. Образ. 1879 кн. 5, 8, 9, 10). — *В. Э. Иверсенъ*. Женскія ремесленныя и профессиональныя школы во Франціи, Бельгіи, Австро-Венгріи и Германіи. Спб. 1879. — *П. К. Плотровская*. Техническое женское образованіе [Вильна 1880] — *М. Г. Левицкій*.

О женскомъ прикладномъ и ремесленномъ образованіи (Спб. 1882).—И. А. Аноповъ. Современное состояніе технического и профессиональнаго образованія въ Россіи (Спб. 1895. Рѣчь). — Справочная книжка по женскому профессиональному образованію въ Россіи (Изданіе Общества поощренія ж. проф. образ. Спб. 1898).—М. М. Захарченко. Коммерческое и техническое женское образованіе въ Австріи, Франціи, Германіи и Россіи (Спб. 1900).—Срв. также „Указатель литературы женскаго вопроса“ №№ 1453—1484.

Вопросъ о женскомъ профессиональномъ образованіи, — техническомъ и коммерческомъ, — возникъ около половины XIX стол., когда вообще потребность въ созданіи новыхъ формъ жизни, способныхъ поставить женщину въ условія менѣе зависимаго существованія, стала повсюду въ Европѣ сознаваться и сказываться съ особенною настойчивостью. И какъ въ другихъ областяхъ женскаго образованія, такъ и здѣсь первый толчокъ исходилъ отъ частныхъ лицъ, отъ общественныхъ и городскихъ управленій. Первенство принадлежало въ этомъ отношеніи Франціи.

Франція. Когда вспыхнула революція 1848 г. и работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ Парижа сразу приостановилось, такъ что тысячи мужчинъ и женщинъ остались безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ помощь женщинамъ рабочаго класса по инициативѣ знаменитой *Элизы Лемонье* былъ основанъ «Союзъ работницъ» (*Travailleuses unies*), цѣлью котораго было создать центръ для раздачи работъ, положить начало сберегательной кассѣ работницъ и способствовать профессиональному обученію дѣвочекъ. По разнымъ причинамъ этотъ союзъ не получилъ дальнѣйшаго развитія, но на почвѣ заявленныхъ имъ стремленій возникло женское общество, поставившее своею задачею 1) давать техническое образованіе дѣвушкамъ, для которыхъ личный трудъ является единственнымъ средствомъ существованія, и 2) способствовать расширенію круга профессій, доступныхъ женщинамъ, чтобы такимъ образомъ упрочить ихъ независимость. Это общество, душою котораго была все та же Элиза Лемонье, начало свою дѣятельность въ 1852 г. въ составѣ небольшого дамскаго кружка и на первыхъ порахъ довольствовалось тѣмъ, что на средства, собранныя по подпискѣ, помѣщало ученицъ въ школу г-жи Гиллебрандъ въ Редельгеймѣ (близъ Франкфурта на Майнѣ), но мало по малу оно стало расширяться и въ 1856 г. превратилось въ „общество материнскаго попеченія“ (*Société de protection maternelle*), а въ 1862 г. было уже переименовано въ «Общество содѣйствія женскому профессиональному обученію». Была выработана программа, нанято помѣщеніе и налажена сперва одна, а черезъ годъ и другая профессиональная школа для дѣвочекъ.

Элиза Лемонье была врагомъ всякихъ теоретическихъ разсужденій о правахъ женщины, о равенствѣ ея съ мужчиною и т. п. — она лишь ясно видѣла, что, пока женщина коснѣетъ въ неаѣжествѣ, до той поры будетъ продолжаться и ея нравственная и матеріальная зависимость отъ мужчинъ. Поэтому ея мечтою было — открыть для женщины въ области практической дѣятельности такое поприще, на которомъ бы она могла проявить свою энергію, умъ, сообразительность, инициативу, способность въ точной и сложной работѣ. Цѣль профессиональной школы въ этомъ смыслѣ сводилась слѣдовательно не къ тому только, чтобы обучить дѣвушку какой либо прибыльной профессіи, которая дала бы ей возможность содержать себя въ будущемъ собственнымъ трудомъ, но и къ тому, чтобы расширить ея умственный кругозоръ, сообщить ей общее образованіе, воспитать въ ней личность, способную оказывать нравственное вліяніе на свою семью. Школы, возникшія по почину Элизы Лемонье, соединяли въ себѣ такимъ образомъ курсы техническихъ и коммерческихъ знаній съ курсомъ общеобраз-

вательнымъ. Въ нихъ преподавались предметы общіе, какъ то — французскій языкъ, ариѳметика, исторія, географія, естественная исторія, физика, химія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и предметы спеціальныя — счетоводство и бухгалтерія, коммерческая ариѳметика, начальныя свѣдѣнія по коммерческому праву, приложеніе рисованія къ ремесламъ, англійскій языкъ. При нихъ устроены были мастерскія — швейныя, дамскаго и дѣтскаго платья, гравированія на деревѣ, живописи по фарфору. Курсъ ученія былъ трехгодичный. Плата за обученіе была установлена довольно высокая — 10, а потомъ 12 франковъ въ мѣсяцъ. Этимъ имѣлось въ виду упрочить существованіе школъ и довести каждую изъ нихъ до такой степени матеріальнаго процвѣтанія, чтобы она могла не только покрывать свои расходы, но и расширяться. Для бѣдныхъ же ученицъ были установлены стипендіи.

Въ годъ смерти Элизы Лемонье (1865) была открыта третья школа этого типа, а вскорѣ затѣмъ и четвертая. Въ память той, по чьей инициативѣ эти школы возникли, всѣ онѣ получили ея имя и извѣстны въ Парижѣ подъ общимъ названіемъ „профессиональныхъ женскихъ школъ Элизы Лемонье“. Характерную черту ихъ составляетъ *принципъ труда*, полагаемый въ нихъ въ основу воспитанія. Передъ дѣвушкою, поступающею въ одну изъ этихъ школъ, постоянно выдвигается необходимость личнымъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и такимъ образомъ въ ней постепенно развивается потребность *самодѣятельности*. Но при незначительномъ числѣ стипендіатокъ съ одной стороны, при довольно высокой платѣ за обученіе — съ другой, школы Элизы Лемонье естественно стали исключительно буржуазными, рассчитанными на нужды средняго, преимущественно торговаго сословія. Онѣ получили строго утилитарное, практическое, главнымъ образомъ промышленно-коммерческое направленіе и, давая своимъ воспитанницамъ общее образованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ не ставили своею задачею развивать въ нихъ стремленіе къ продолженію научныхъ занятій на какихъ либо высшихъ курсахъ. Ихъ главнымъ стремленіемъ было образовывать женщинъ такъ, чтобы онѣ были не только свѣдущими коммерсантками, но и хорошими семьянинками, — и это прежде всего. Въ ученицахъ воспитывалось влеченіе къ идеаламъ буржуазнаго благополучія, и имъ постепенно сообщалась нравственная выдержка, необходимая для достиженія этихъ идеаловъ.

Почти въ одно время съ Э. Лемонье въ роли инициатора на томъ же поприщѣ женскаго профессиональнаго образованія выступила въ Лионѣ учительница г-жа Люкенъ, которая также безъ всякаго покровительства государства или муниципалитета подъ скромнымъ названіемъ „Курсы счетоводства для молодыхъ дѣвушекъ“ открыла въ 1856 г. первое женское коммерческое училище. Курсы эти пошли такъ хорошо, что вскорѣ лионская коммерческая палата и мѣстное городское управленіе оказали имъ матеріальную поддержку, а въ 1868 г. на нихъ обратилъ вниманіе тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи, назначившій имъ правительственную субсидію, и курсы превратились въ училище (*école de commerce et de comptabilité pour les jeunes filles*), ставшее образцомъ для соотвѣствующихъ училищъ С. Этьена, Марселя, Тулона, Тулузы, Нанта, Тура, Нанси и др. городовъ. Съ тѣхъ поръ его существованіе было

совершенно упрочено. Въ 1896 г. оно отпраздновало свою сороковую годовщину, а г-жа Люкенъ получила званіе главной инспектрисы женскихъ коммерческихъ школъ Франціи и была награждена орденомъ Почетнаго Легіона.

Въ настоящее время это училище помѣщается въ собственномъ зданіи на Госпитальной набережной (Lyon. Quai de l' Hôpital. 6). Учебный курсъ въ немъ продолжается три года и состоитъ изъ пригготовительнаго общеобразовательнаго класса и двухъ спеціально-коммерческихъ классовъ. Приѣмъ производится по свидѣтельству объ окончаніи полнаго курса высшаго городского женскаго училища, но съ повѣрочнымъ испытаніемъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ этого курса. Принимаются предпочтительно дочери коммерсантовъ, фабрикантовъ и служащихъ по той и другой части, а также и другихъ лицъ средняго сословія, притомъ дѣвушки въ возрастѣ не моложе 15 лѣтъ.

Далѣе по порядку возникновенія слѣдуетъ коммерческая школа г-жи Викторъ-Полень въ Парижѣ (10, rue de Bruxelles), основаная по образцу школъ Элизы Лемонье. Хорошо ознакомившись съ строемъ этихъ послѣднихъ въ качествѣ директрисы одной изъ нихъ, г-жа В. Полень открыла свою школу въ октябрѣ 1871 года и назвала ее „коммерческой“, такъ какъ главное мѣсто въ ней было отведено счетоводству и бухгалтеріи преимущественно передъ другими профессіями, которыя однако не исключались. Но, хотя въ основаніе ея была положена та же система, которая царилла и въ школахъ Эл. Лемонье, школа г-жи В. Полень отличалась болѣе передовымъ, прогрессивнымъ направленіемъ, стремилась къ улучшенію методовъ преподаванія, имѣла не столь рѣзко-буржуазный характеръ и преслѣдовала цѣль—давать равномерное развитіе всѣмъ способностямъ ребенка, т. е. развивая его умъ, въ то же время обучать его ремеслу, которое впоследствии могло бы его прокормить.

Въ томъ же 1871 г., когда возникла названная школа, основана была въ Парижѣ (arrond. X, rue d' Hauteville) профессиональная практическая школа г-жи Каро, поставившая своею задачею давать дѣвушкамъ *полное* профессиональное обученіе, т. е. готовить такихъ работницъ, которыя бы и по своимъ теоретическимъ познаніямъ, и по знакомству съ техникою ремеселъ могли впоследствии завѣдывать женскими мастерскими, быть руководительницами и хозяйками фабрикъ и т. п.

Мало по малу при нѣкоторыхъ изъ этихъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеній стали формировываться и особья общества, бравшія на себя заботу о доставленіи занятій молодымъ дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ профессиональнаго обученія. Примѣръ въ этомъ направленіи показали бывшія ученицы школъ Элизы Лемонье, учредившія въ 1878 г. первый союзъ такой взаимопомощи подъ названіемъ „association amicale des anciennes élèves des écoles professionnelles El. Lemonnier“.

Успѣхъ первыхъ попытокъ въ дѣлѣ женскаго профессиональнаго обученія не замедлилъ вызвать вниманіе съ одной стороны католическихъ конгрегацій, съ другой—муниципалитетовъ. Нужно замѣтить, что названныя нами профессиональныя школы были первыми женскими заведеніями, возникшими по частной инициативѣ, слѣдовательно свободными и вполне свѣтскими; въ нихъ не было даже обученія религіи, которое всецѣло предоставлялось семьѣ. Ученицы принимались въ возрастѣ не моложе 12 лѣтъ, послѣ перваго причастія. Католическимъ конгрегаціямъ съ ихъ дружною взаимною поддержкою въ общемъ дѣлѣ, съ ихъ настойчивостью и обширными средствами было конечно не трудно, воспринявъ отъ Элизы Лемонье и

ея послѣдовательницъ идею о профессиональномъ образованіи дѣвушекъ, скоро создать цѣлый рядъ своихъ школъ такого же типа, но уже съ рѣшительною католическою тенденціею. Эти школы, по большей части снабженныя прекрасными мастерскими, были подраздѣлены на двѣ категоріи: однѣ, съ болѣе высокою платою,—предназначались для достаточныхъ ученицъ, другія—съ бесплатнымъ обученіемъ ремесламъ—для дѣтей бѣднѣйшихъ слоевъ рабочаго класса. А рядомъ съ этимъ коммерческое и техническое образованіе стало мало по малу входить и во всѣ общеобразовательныя женскія учебныя заведенія, причемъ въ высшихъ городскихъ училищахъ и женскихъ лицеяхъ стали прибавляться въ концѣ курса особые спеціальныя классы прикладныхъ знаній, иногда даже, какъ въ училищѣ С. фи Жерменъ (école primaire super. Sophie Germain. Paris, rue de Jouy 9), съ четырьмя отдѣленіями,—*педагогическимъ* (для подготовленія начальныхъ учительницъ общеобразовательныхъ предметовъ, рисованія и рукодѣлія), *административнымъ* (для подготовленія къ службѣ на почтѣ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ сберегательныхъ кассахъ и т. п.), *коммерческимъ и промышленнымъ*.

Впрочемъ включеніе элемента прикладныхъ знаній въ программы общеобразовательной школы не помѣшало дальнѣйшему развитію собственно-профессиональныхъ училищъ, изъ которыхъ одни преслѣдуютъ исключительно цѣли спеціального образованія, въ другихъ же это образованіе по образцу школъ Элизы Лемонье поставлено въ тѣсную связь съ общимъ. Между тѣми и другими есть также школы городскія (напр. въ Парижѣ — écoles municipales professionnelles de jeunes filles, 1-e arr. III, rue de Poitou 7, 2-e arr. XVIII, rue Ganneron 26, école municipale professionnelle ménagère de jeunes filles—arr. XV, rue Fondary 20 и проч.) и частныя. Предметы профессиональнаго обученія обыкновенно раздѣляются на группы, между которыми учащимся съ согласія родителей или опекуновъ предоставляется выборъ. Наиболѣе принято дѣленіе на слѣдующія группы: 1) группа коммерческихъ курсовъ [счетоводство съ бухгалтеріей, коммерческая корреспонденція, коммерческое право, товаровѣдѣніе, коммерческая географія, англійскій или нѣмецкій языкъ, стенографія и письмо на машинѣ], 2) группа курсовъ графическихъ искусствъ [прикладное рисованіе, черченіе, составленіе узоровъ и образцовъ, рисованіе на матеріяхъ и, какъ дополнительные предметы, краткая анатомія челоуѣка и исторія искусствъ], 3) группа курсовъ моднаго дѣла и рукодѣлій (кройка, шитье и отдѣлка бѣлья и платьевъ, чистка, мойка и глаженіе ихъ, изготовленіе корсетовъ, головныхъ уборовъ, муфтъ, бантовъ, искусственныхъ цвѣтовъ, абажуровъ и т. п., изящное вышиваніе по атласу, тюлю, бархату и проч.).

Кромѣ упомянутыхъ выше изъ числа такихъ школъ можно еще назвать Cours commercial pour eunes filles à Paris (arr. XVI, rue de Passy, 29), école pratique de commerce et d'industrie de filles à St-Etienne (rue de la Charité 5), école la Martinière de filles à Lyon (rue Royale 20). Цѣль ихъ главнымъ образомъ подготовленіе къ службѣ въ торговыхъ домахъ, банкирскихъ конторахъ и проч. Учебный годъ обыкновенно считается съ 1 октября по 1 іюля; курсъ обученія продолжается 2—3 года. Приѣмъ въ возрастѣ 14—15 лѣтъ по конкурсному испытанію или по свидѣтельству объ окончаніи начальной школы. Подробныя свѣдѣнія о нихъ см. у *Захарченко* назв. соч., стр. 67—126.

Германія. Въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, вопросъ о необходимости школьной, систематической подготовки женщинъ къ промышленному труду былъ выдвинутъ и поставленъ на очередь въ шестидесятыхъ годахъ

прошлаго столѣтія, въ связи съ общимъ женскимъ движеніемъ. Писательница Fanny Levald Stahr въ числѣ другихъ не мало способствовала распространенію въ массѣ живого убѣжденія въ необходимости, прикладного образованія для женщинъ, и плодомъ этого убѣжденія было возникновеніе различныхъ обществъ, поставившихъ своею цѣлью поощреніе женской профессиональной дѣятельности. Однимъ изъ первыхъ въ этомъ направленіи—и даже именно съ этимъ названіемъ (Verein zur Förderung der Erwerbsthätigkeit des weiblichen Geschlechts)—было основано нынѣшнее „леттевское общество въ Берлинѣ, переименованное потомъ въ Lette verein въ честь президента Летте, который былъ его учредителемъ. Оно возникло въ 1866 г. и начало свою дѣятельность съ устройства бюро для присканія занятій для женщинъ, выставки и базара женскихъ рукодѣлій и женской коммерческой школы. Дѣла его пошли настолько успѣшно, что уже въ 1873 г. оно обладало обширнымъ собственнымъ зданіемъ (Königrätzerstrasse, 90), а вскорѣ присоединило къ нему и другое, расположенное по сосѣдству. Но въ настоящее время и этихъ двухъ обширныхъ зданій не хватаетъ, чтобы вмѣстить всѣ значительно разросшіяся благотворительныя и учебныя заведенія леттевскаго общества, и оно принуждено прибѣгать и къ найму помѣщеній. Ему принадлежатъ: женское коммерческое училище (Handelsschule), промышленное училище (Gewerbeschule), школа художественныхъ рукодѣлій (Kunsthandarbeitschule), школа фотографическаго искусства (photographische Lehranstalt), школа домоводства (Haushaltungsschule), курсы практической юриспруденціи, типографская школа, убѣжище для дѣвушекъ рабочаго класса (Mädchenheim), пансіонъ для учащихся женщинъ (Victoriasstift) съ образцовою столовою прачешною и проч.

Въ менѣе грандіозныхъ размѣрахъ, но столь же плодотворно развивается дѣятельность и другихъ обществъ, преслѣдующихъ подобно леттевскому цѣли распространенія профессиональныхъ знаній между женщинами, и благодаря имъ въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ германской имперіи возникъ уже цѣлый рядъ женскихъ и техническихъ *курсовъ* и промышленныхъ *училищъ*, въ которыхъ учащимся предоставляется право избирать для изученія либо отдѣльные предметы, либо извѣстныя ихъ группы. Въ нѣкоторыхъ же большихъ городахъ имѣются еще особыя женскія училища съ научно-практическими курсами какъ по коммерческой, такъ и по технической части. Для поступленія на курсы требуется свидѣтельство объ окончаніи начальнаго или средняго общеобразовательнаго училища; что-же касается промышленныхъ, коммерческихъ и разнаго рода техническихъ школъ съ высшими программами, то въ эти школы принимаются лишь окончившія курсъ среднеобразовательнаго и даже высшаго женскаго училища höhere Mädchen-schule).

Продолжительность обученія на профессиональныхъ курсахъ по различнымъ предметамъ различна,—отъ одного мѣсяца до одного года, съ занятіями отъ 2 до 10 часовъ въ недѣлю и съ платою отъ 50 пфен. до 20 марокъ въ мѣсяцъ за предметъ. На всѣхъ этихъ курсахъ (каковыя напр. Fachkurse des Heimathauses für Töchter höherer Stände въ Берлинѣ, städtische Fortbildungskurse für Mädchen тамъ же, Fortbildungskurse des Dresdner Frauenbildungsvereins, Fachkurse des Frauenbildungsvereins во Франкфуртѣ н. М. и др.) преподается рядъ предметовъ, изъ которыхъ учащіяся могутъ дѣлать выборъ примѣнительно къ потребностямъ ихъ семьи или ихъ профессіи, а эти предметы группируются обыкновенно въ двѣ спеціальности,—коммерческаго счетоводства и женскихъ рукодѣлій. Кромѣ того на

тѣхъ же курсахъ преподаются иностранныя языки, переплетное и картонажное мастерство, теорія веденія дѣтскихъ садовъ и проч.

Но, какъ сказано, рядомъ съ такими профессиональными курсами существуютъ и профессиональныя училища (съ правомъ изучать и отдѣльные предметы или группы ихъ). Разница заключается лишь въ требованіи болѣе широкой подготовки отъ вступающихъ. Главныя спеціальности: 1) женскія рукодѣлія (Handarbeit); 2) художественно-промышленное рисованіе, а въ нѣкоторыхъ училищахъ также декоративное искусство, фотографированіе, выжиганіе и рѣзьба по дереву и проч. На изученіе отдѣльныхъ предметовъ употребляется, смотря по трудности ихъ, отъ 2 часовъ въ недѣлю въ теченіи одного мѣсяца до 9 часовъ въ недѣлю въ теченіи 12 мѣсяцевъ, для усвоенія же цѣлой группы предметовъ отъ одного года до двухъ съ половиною лѣтъ съ занятіями отъ 4 до 8 часовъ въ день. Таковыя напр школы леттевскаго общества, Gewerbekurse des Heimathauses für Töchter höherer Stände въ Берлинѣ, Industrieschule des Frauen-Erwerb-Vereins въ Дрезденѣ и мн. др.

Спеціально-коммерческое образованіе дается въ высшихъ женскихъ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напр. Handelsschule des Lettevereins въ Берлинѣ, Klemich'sche Handelsakademie въ Дрезденѣ, städtische Riemerschmid'sche Handelsschule für Mädchen въ Мюнхенѣ и проч. Во всѣ эти училища принимаютъ дѣвушекъ въ возрастѣ не моложе 14 лѣтъ и по окончаніи курса средней школы, иногда съ повѣрочными испытаніями по языкамъ и ариѳметикѣ. Плата за обученіе отъ 60 до 160 марокъ въ годъ. Преподаваніе строго систематическое: курсъ двухлѣтній съ занятіями отъ 14 до 24 часовъ въ недѣлю.

Наконецъ остается еще упомянуть объ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ своею цѣлью приготавливать учительницъ различныхъ техническихъ предметовъ. Въ такихъ учительскихъ семинаріяхъ курсъ обученія обыкновенно двухлѣтній; занятія продолжаются отъ 12 до 35 часовъ въ недѣлю: плата за обученіе 5) —145 марокъ въ годъ. Таковы напр. Seminar für Zeichenlehrerinnen des Vereins der Künstlerinnen und Kunstfreudinnen въ Берлинѣ, Kurse für Handarbeits-Lehrerinnen des Heimathauses für Töchter höherer Stände, königliche Kunstgewerbeschule für Mädchen въ Мюнхенѣ и проч. (Срв. *Захарченко*, назв соч. стр. 127 - 210).

Австрія. Въ Австріи инициатива въ дѣлѣ распространенія прикладныхъ знаній между женщинами принадлежала вѣнскому обществу содѣйствія женскому промышленному труду (Wiener Frauen-Erwerb-Verein), которое возникло въ 1866 г. Это было *первое* общество, учрежденное въ Австріи съ цѣлью улучшенія положенія женщины при помощи подготовленія ея къ свободнымъ трудовымъ профессіямъ. Общество начало свою дѣятельность съ открытія швейной школы, въ которой преподаваніе производилось частью бесплатно, частью же съ платою по 30 крейцеровъ за двухнедѣльный урокъ. Кромѣ того общество исхлопотало нѣсколько мѣстъ для работницъ въ казенныхъ типографіяхъ и добыло 16 вакансій для ученицъ при вновь открытыхъ тогда женскихъ коммерческихъ училищахъ. Вскорѣ затѣмъ къ швейной мастерской присоединилась перчаточная, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ открытъ и базаръ для сбыта издѣлій ученицъ, учреждены курсы прикладнаго рисованія и основана своя небольшая коммерческая школа. Въ 1868 г. общество расширило свою дѣятельность учрежденіемъ курсовъ французскаго и англійскаго языковъ, а съ 1869 г. прибавило къ нимъ и курсы для телеграфистокъ. Австрійская публика обратила тогда сочувственное вниманіе на эту сторону дѣятельности общества и дружно поддержала его начинанія: со всѣхъ сторонъ стали являться запросы на произведенія принадлежащихъ ему мастерскихъ, притекали многочисленныя, а иногда и очень значительныя пожертвованія, предлагались мѣста подготовленнымъ въ учебныхъ заведеніяхъ общества

молодымъ дѣвушкамъ. Въ 1871 г. была открыта высшая рукодѣльная школа, еще черезъ два года—школа изящныхъ рукодѣлій, наконецъ приобретено собственное зданіе, въ которомъ сверхъ прежнихъ учреждений общества нашли для себя пріютъ курсы прачешнаго дѣла и химической чистки, моднаго дѣла, парикмахерскаго и кулинарнаго искусства. Въ довершеніе всего былъ открытъ женскій лицей съ общеобразовательнымъ курсомъ; при немъ въ послѣднее время по зимамъ читаются и особые дополнительные курсы, имѣющіе своею цѣлью дать возможность бывшимъ ученицамъ лицея, а также дѣвушкамъ и женщинамъ, стоящимъ съ ними на одинаковомъ уровнѣ образованія, расширить и утвердить свои познанія въ отдѣльныхъ отрасляхъ наукъ. Такимъ образомъ теперь вѣнское общество распространенія прикладныхъ знаній между женщинами имѣетъ двѣнадцать различныхъ специальныхъ учебныхъ заведеній (Handelsschule, höhere Arbeitsschule, kunstgewerbliche Zeichenschule, Stickerschule, Schneiderschule, Feinwäschereikurse, Modistenkurse, Frisierkurse, Kochkurse, französische Sprachkurse, englische Sprachkurse, Mädchenlyceum).

Во всѣхъ учрежденіяхъ общества принимаются дѣвушки безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, въ возрастѣ не моложе 14 лѣтъ (за исключеніемъ лицея, для котораго установленъ пріемный возрастъ 10 лѣтъ). Одновременно съ прохожденіемъ курса избраннаго училища ученицамъ разрѣшается заниматься и на другихъ специальныхъ курсахъ. Подробныя условія поступленія и программы см. у *Загарченко* назв. соч., стр. 23—44.

Вѣнскій Frauen-Erwerb-Verein, пользующійся теперь и правительственной, и общественной поддержкой, оказалъ не малое вліяніе на распространеніе вкуса къ коммерческому и техническому образованію женщинъ среди австрійской публики, и въ настоящее время, какъ и во Франціи, тому и другому отдѣлу знаній отведено уже значительное число учебныхъ часовъ и въ общеобразовательныхъ женскихъ училищахъ (fünfklassige Mädchen-Volksschulen, dreiklassige Mädchenbürgerschulen); но во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ имперіи имѣются для той и другой отрасли знанія также и специальные женскія учебныя заведенія, изъ коихъ въ однихъ специальное преподаваніе отличается болѣе научнымъ, въ другихъ—болѣе практическимъ направленіемъ. Обыкновенно всѣ такого рода профессиональныя, учебныя заведенія имѣютъ трехгодичный курсъ и требуютъ отъ поступающихъ общей подготовки въ объемѣ курса начальнаго пятикласснаго женскаго училища и возраста не моложе 14 лѣтъ. Среди нихъ много такихъ, которыя содержатся на средства частныхъ лицъ или обществъ. Такъ напр. въ 1875 г. въ Вѣнѣ возникло общество, задача котораго облегчать научное и прикладное образованіе дочерей лицамъ, состоящимъ на государственной и общественной службѣ,—это такъ назыв. „Verein für Beamtentöchter“. Общество это учредило коммерческое училище, высшее училище съ счетоводными, рисовальными и рукодѣльными курсами, практическіе курсы французскаго языка и дополнительные курсы прикладнаго рисованія. Подобныя же общества (Frauengewerbevereine) съ состоящими при нихъ школами прикладныхъ знаній существуютъ и въ другихъ городахъ имперіи.

Какъ и въ Германіи, въ Австріи есть также и женскія профессиональныя учительскія семинаріи, выпускающія учительницъ обыкновенныхъ и изящныхъ рукодѣлій, ученыхъ рисовальницъ и преподавательницъ графическихъ искусствъ. Для примѣра кромѣ соответствующихъ курсовъ при вѣнскомъ Frauen-Erwerb-Verein можно указать на вѣнскую же Fachschule für Kunststickerei и др.

Англія. Въ Англіи аналогичное движеніе началось съ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ школахъ южнаго Кенсингтона открылись сперва курсы рукодѣлій и кулинарнаго искусства для женщинъ, потомъ эта скромная программа профессиональнаго обученія стала по-

степенно расширяться и мало по малу включила въ себя весь кругъ предметовъ технического, промышленнаго и коммерческаго образованія. Какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, успѣхомъ своимъ дѣло было обязано общественному почину. Возникли общества, поставившія своею задачею содѣйствовать развитію прикладныхъ знаній между женщинами. Число женскихъ профессиональныхъ и коммерческихъ школъ стало расти. Во многихъ изъ нихъ была примѣнена тѣ же кооперативная система, равно выгодная и для работницъ, и для потребителей, которая оказалась уже столь плодотворною во Франціи и Германіи. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ обществъ этого рода занимаетъ „the women's cooperative guild“, существующее съ 1883 и въ настоящее время имѣющее уже 318 секцій (въ Англіи и Шотландіи), и болѣе 16 т. членовъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о „женскомъ промышленномъ совѣтѣ“ (women's industrial council), который возникъ въ 1894 г. и также имѣетъ отдѣленія во многихъ городахъ соединенныхъ королевствъ. Онъ преслѣдуетъ между прочимъ и образовательныя цѣли, учреждаетъ промышленныя школы для дѣвушекъ, организуетъ публичные курсы, издаетъ свой журналъ „The Women's Industrial News“ и проч.

Развитію школъ домоводства также содѣйствуетъ особое общество,—«the national union for the technical education of women in domestic sciences»,—открывшее цѣлый рядъ учебныхъ заведеній этого типа, въ которыхъ преподается кулинарное искусство, прачечное дѣло, швейное и портняжное мастерства, домашнее хозяйство, гигиена и проч. Полное техническое и коммерческое образованіе женщины могутъ получать въ высшихъ техническихъ и коммерческихъ училищахъ страны, доступъ въ которыя для нихъ открытъ наравнѣ съ мужчинами.

Бельгія. Въ Бельгіи первая профессиональная школа была основана въ г. Брюсселѣ, въ 1865 г. Субсидія въ 3600 фр., назначенная ей отъ брюссельскаго муниципальнаго совѣта, дѣла возможность сразу же дать дѣлу надлежащую постановку, и уже въ первый годъ своего существованія школа имѣла 60 ученицъ. Дальнѣйшее развитіе ея шло такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ, что она была принята въ разрядъ городскихъ общественныхъ школъ. Въ 1877 г. въ ней насчитывалось уже 300 ученицъ. Обученіе состояло изъ двухъ курсовъ,—общаго и specialнаго. Въ составъ перваго входили ариѳметика, французскій языкъ, исторія, естествовѣдѣніе, физика, химія въ примѣненіи къ главнымъ потребностямъ жизни, гигиена, домашнее хозяйство, краткій курсъ педагогики, рисованіе, пѣніе и гимнастика, въ составъ втораго—бухгалтерія, торговое счетоводство, торговое законодательство, нѣмецкій и англійскій языки, промышленное рисованіе (главнымъ образомъ въ примѣненіи къ швейному дѣлу), рисованіе по фарфору и матеріи, вышиваніе, шитье и кройка, цвѣтодѣліе. Брюссельская школа послужила образцомъ для многихъ другихъ, а по мѣрѣ распространенія прикладнаго образованія для женщинъ въ странѣ, въ соотвѣтствіи съ потребностями различныхъ классовъ, первоначальный типъ ея испыталъ различныя модификаціи. Наряду съ высшими школами, требующими отъ поступающихъ уже извѣстнаго образовательнаго ценза, возникли отдѣльные профессиональныя курсы, учебныя мастерскія, школы домоводства и проч. Въ настоящее время на профессиональное образованіе женщинъ въ Бельгіи затрачивается государствомъ около 200 тысячъ фр. въ годъ, не считая суммъ, употребляемыхъ на то же дѣло частными лицами коммунальными управленіями и провинціальными органами само-

управленія (*Гордеевичъ* „Нѣкоторыя черты народнаго просвѣщенія въ Бельгій“. „Образованіе“, 1900, кн. 3).

Россия. Что касается *Россіи*, то русскія женскія коммерческія и техническія училища съ болѣе широкими программами стали возникать лишь въ самое послѣднее время, по большей части лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, и число ихъ и до сихъ поръ остается все еще ничтожнымъ. Какъ и за границей, эти училища обязаны своимъ появленіемъ и развитіемъ главнымъ образомъ частной инициативѣ отдѣльныхъ лицъ либо общественныхъ группъ, и въ виду столь малаго опыта типъ русской женской коммерческой, какъ и технической школы естественно еще не успѣлъ вполнѣ сложиться и опредѣлиться. Всякая попытка классификаціи и общей характеристики этихъ школъ была бы поэтому врядъ ли своевременною, — тѣмъ болѣе, что, возникая по частному почину, онѣ отличаются даже при однородности стремленій и задачъ большимъ разнообразіемъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей и условій (срв. *Захарченко*, назв. соч.)

По времени первенство принадлежитъ женскимъ ремесленнымъ курсамъ рижскаго дѣвичьяго общества („Mädchen-Gewerbeschule des Jungfrauenvereins zu Riga“). Первоначальною задачею этого общества, возникшаго въ 1842 г., было оказывать поддержку дѣвушкамъ среднихъ классовъ трудовою и матеріальною помощью, но многолѣтній опытъ привелъ его къ убѣжденію въ необходимости профессиональной подготовки женщинъ къ работѣ въ разныхъ областяхъ прикладныхъ знаній. И вотъ въ 1876 г. оно рѣшило устроить школу кройки и шитья для бѣдныхъ дѣвушекъ, а въ 1883 г. эта школа была преобразована въ профессиональное женское училище съ общеобразовательными классами и ремесленными курсами. Теперь это училище состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, и окончившія въ немъ съ успѣхомъ курсъ получаютъ свидѣтельство на званіе учительницъ рукодѣлія, боннъ и подмастерицъ по разнымъ профессіямъ. Приемный возрастъ — 9 лѣтъ; плата за обученіе 27—32 р. въ годъ. На ремесленные курсы принимаются дѣвушки не моложе 15 лѣтъ; продолжительность обученія отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года, плата отъ 25 до 60 рубл. за курсъ.

Такимъ же образомъ на почвѣ благотворительности возникли профессиональныя школы Императорскаго женскаго патріотическаго общества въ Петербургѣ, изъ которыхъ иныя были учреждены уже при началѣ минувшаго столѣтія и всѣ кромѣ трехъ [Михайловской, Сухаревской и Елизаветинской] имѣютъ нынѣ свою цѣль въ связи съ ремесленнымъ давать и начальное общее образованіе.

Этихъ школъ шестнадцать: Николаевская, 1-я Василеостровская, Петербургская, Московская, Нарвская, Клейнмихельская, 2-я Василеостровская, принца Ольденбургскаго, Рождественская, Екатерининская, Голицынская, Михайловская, Сухаревская, Елизаветинская. Императора Александра II, и рукодѣлія Имп. Маріи Александровны. Въ школы патріотическаго общества принимаются дѣвочки отъ семи до двѣнадцати лѣтъ возраста пансіонерками и приходскими, преимущественно сироты и дочери бѣднѣйшихъ родителей, съ различною подготовкою. Курсъ обученія въ школахъ съ ремесленными классами продолжается отъ шести до девяти лѣтъ. Плата — 12 р. въ годъ съ приходскихъ и 120 р. — съ пансіонерокъ.

Подобныя же цѣли преслѣдуются Александринскимъ сиротскимъ домомъ въ Петербургѣ (Мойка, 50), который существуетъ съ 1840 г. и имѣетъ своею задачею готовить къ трудовой жизни круглыхъ сиротъ изъ дочерей лицъ духовнаго званія, купцовъ, мѣщанъ и розночницевъ христіанскихъ исповѣданій. Это заведеніе состоитъ изъ трехъ

отдѣленій, — для малолѣтнихъ, общеобразовательнаго и практическаго.

Въ составъ профессиональныхъ занятій входятъ слѣдующіе предметы: прикладное рисованіе, кройка и шитье бѣлья и платья, портняж. ное дѣло, методика фребелевскихъ занятій и ученіе объ уходѣ за дѣтьми, кулинарное дѣло. Обученіе по большей части бесплатно; съ пансіонерокъ взимается за ученіе и полное содержаніе по 75 руб. въ годъ. Окончившія съ успѣхомъ курсъ получаютъ свидѣтельства, дающія имъ право поступать въ магазины и на мѣста боннъ съ шитьемъ бѣлья и платьевъ.

Въ 1879 г. министерство народнаго просвѣщенія, найдя, что число женскихъ гимназій достаточно, предложило циркулярно начальствамъ учебныхъ округовъ «въ случаѣ ходатайствъ мѣстныхъ сословій, земствъ, обществъ и частныхъ лицъ объ учрежденіи новыхъ женскихъ гимназій и прогимназій склонять ихъ устраивать вмѣсто этихъ заведеній элементарныя женскія училища съ курсомъ городскихъ училищъ и при нихъ, а иногда и отдѣльно, женскія профессиональныя школы». Въ томъ же году въ видѣ первой попытки въ этомъ направленіи, по частному почину возникаетъ въ Петербургѣ профессиональная школа А. И. Коробовой. Вскорѣ затѣмъ по ея образцу открываются тамъ же практическія школы женскихъ рукодѣлій Л. П. Жемайловой и М. И. Аргамаковой съ особыми курсами для взрослыхъ женщинъ. Но наиболѣе широкую постановку получаетъ женское прикладное образованіе въ учрежденіяхъ двухъ обществъ — петербургскаго «Общества поощренія женскаго профессиональнаго образованія» и московскаго «Общества распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами». Стремясь къ тому, чтобы дать возможность будущимъ матерямъ семействъ собственными силами удовлетворять потребности домашняго обихода, а въ случаѣ нужды имѣть и обезпеченный заработокъ въ качествѣ масерицъ, учительницъ рукодѣлій, конторщицъ и т. п., эти общества успѣли развить весьма разностороннюю дѣятельность въ дѣлѣ организациіи женскихъ профессиональныхъ школъ, учебныхъ мастерскихъ, рукодѣленъ и пр.

Такъ при с.-петербургскомъ обществѣ поощренія женскаго профессиональнаго образованія (Петербургская сторона, Б. Ружейная ул., д. 5—8) въ настоящее время состоятъ: 1) *спеціальныя курсы для приотовленія учительницъ рукодѣлія и при нихъ общаго* (плата 250 руб. въ годъ съ пансіонерокъ и 50 руб. съ приходскихъ ученицъ; принимаются бывшія ученицы профессиональныхъ школъ, имѣющія право на званіе начальной учительницы, и лица, окончившія курсъ семи классовъ женскаго среднеучебнаго заведенія); 2) *профессиональная школа М. С. фонъ-Дервизъ* (учр. въ 1873 г.; школа состоитъ изъ двухъ отдѣленій изъ коихъ въ первомъ ученицамъ, принимаемымъ въ возрастѣ 11 лѣтъ и съ знаніемъ курса начальной школы, преподаются на ряду съ предметами прикладнаго образованія и общеобразовательные предметы, во второмъ же — исключительно мастерства, а именно: кройка и шитье платьевъ и бѣлья, изготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ, шляпъ и головныхъ уборовъ, изящныя рукодѣлія и прикладное рисованіе, вышивка гладью и вязанье; на это отдѣленіе принимаются дѣвушки не моложе 16 лѣтъ; плата 30 рублей въ годъ на первомъ отдѣленіи и 35 р. — на второмъ); 3) *мастерская женскихъ рукодѣлій А. Н. фонъ-Леманъ*; 4) *учебная мастерская г-жи Гевелль*; 5) *школа пошива искусств. г-жи Гунствъ*; 6) въ 1899 г. были открыты *лѣтніе курсы для учительницъ, занимающихся уже преподаваніемъ рукодѣлій*, желающъ усовершенствоваться въ приемахъ названнаго преподаванія и приобрести новыя познанія (занятія продолжались 6 недѣль съ платою по 15 р. за полный курсъ, а въ общежитіи при курсахъ, на полномъ пансіонѣ, по 40 руб.). Московское общество распр. практич. значій между образованными женщинами, образовавшееся въ 1883 г., за первое десятилѣтіе своей дѣятельности успѣло наладить семь профессиональныхъ школъ. Таковы: 1) *женская школа счетоводства* съ годичнымъ курсомъ и преимущественно вечерними занятіями, подготовляющая ученицъ къ веденію конторскаго дѣла и вообще къ службѣ по счетоводной части въ торговыхъ домахъ и казенныхъ учрежденіяхъ; 2) *школа женскихъ рукодѣлій съ пятью отдѣльными курсами* (методика рукодѣлій, изящныя рукодѣлія, цвѣтодѣліе, прикладная живопись, тисненіе по кожѣ); 3) *школа*

прикладно рисованія съ годичнымъ курсомъ; 4) школа кройки и шитья бѣлья; 5) школа кройки и шитья платьевъ; 6) школа моднаго дѣла, 7) кулинарная школа. При школахъ кройки и шитья бѣлья и платьевъ имѣются также практическіе курсы, предназначенные для усовершенствованія въ избранной спеціальности для лицъ, окончившихъ курсъ профессиональнаго образованія, а также и мастерскія, въ которыя принимаются лучшія изъ кончившихъ ученицъ, какъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ работѣ, такъ и съ цѣлью предоставленія имъ заработка. Плата различна въ зависимости отъ продолжительности и сложности занятій,—отъ 20 до 60 руб. за курсъ. При школахъ общества есть общежитіе для иногороднихъ ученицъ, *бюво для доставленія занятій и постоянная выставка съ продажей работъ бывшихъ ученицъ* (Никитскія ворота, д. Скоропадской). Во всѣ школы принимаются ученицы не моложе 16 лѣтъ по представленіи свидѣтельства объ окончаніи среднеучебнаго заведенія или соответствующемъ домашнемъ образованіи.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и *благодѣтельное общество артельной мастерской женскихъ рукодѣлій* (Спб. М. Итальянская, д. 3), образовавшееся въ 1876 г. Оно имѣетъ свою цѣлью оказаніе трудовой помощи женщинамъ, принужденнымъ снискивать себѣ пропитаніе работой, и состоитъ изъ членовъ-благодѣтелей, содѣйствующихъ этой цѣли ежегодными денежными взносами, и членовъ-работницъ (артельщицъ), между которыми распределяются прибыли и сбереженія артели. Запасный капиталъ общества, образуемый изъ членскихъ взносов и пожертвованій, предназначается для устройства при мастерской больницы, пріюта для престарѣлыхъ членовъ, дневнаго пріюта и школы для дѣтей. Общество имѣетъ мастерскую женскихъ рукодѣлій и магазинъ готовыхъ платьевъ. Въ мастерскую принимаются ученицы (не моложе 12 лѣтъ) для обученія всѣмъ производящимся въ ней работамъ съ правомъ стать членами артели по изученіи мастерства. Продолжительность курса 3—4 года; плата 5 руб. въ мѣсяцъ съ приходящихъ и 10 руб. съ живущихъ въ артели.

Наконецъ и Императорское челолюбивое общество въ числѣ своихъ благотворительныхъ учрежденій имѣетъ также женскую профессиональную школу имени вел. кн. Татіаны Николаевны (Спб. Вас. остр. 12 линія, д. 35).

Но большая часть существующихъ нынѣ профессиональныхъ школъ создана не обществами, а средствами и личной энергіей частныхъ лицъ. Таковы въ *Петербурѣ*: 1) школа кройки и шитья Кс. Глодзинскаго (Литейный, 64—78), 2) профессиональная школа для образованныхъ женщинъ А. Н. Прокопе (Садовая, 87), 3) бесплатная рукодѣльно-хозяйственная школа А. Г. Елисева (Вас. остр. 4 л., д. 20—27), 4) женское коммерческое училище и рукодѣльная школа при домѣ Анастолія Демидова (Мойка, 108). Нѣкоторыя изъ такихъ школъ пользуются субсидіей городской думы. Къ ихъ числу принадлежатъ: 1) школа рукодѣлій Л. В. Александрійской (Б. Гребецкая, 6), 2) мастерская дѣтскихъ и дамскихъ нарядовъ А. А. Базаровой (Литейный пр., 45), 3) школа кройки и шитья Ю. К. Котоминой (Невскій, 88), 4) школа кройки, шитья платьевъ и бѣлья А. П. Куличевской (М. Подъяческая, 96—2), 5) мастерская при литейно-таврическомъ кружкѣ [Кирочная, 30], 6), 7) и 8) профессиональныя школы М. А. Поспѣловой (Загородный, 28), Е. К. Семпровичъ (Пет. ст. В. просп. 7) и Е. П. Томиловской (Вас. о., 5 л., 34), 9), 10) и 11) школы рукодѣлій при жен. училищахъ восьмью литейномъ (Гагаринская, 8—36), первомъ адмиралтейскомъ (Вознес. пр., 4) и первомъ наварскомъ (6-я рота измаил. п. 22—18), школа рукодѣлій А. И. Мессингъ (Бассейная, 18—7) и многія изъ школъ, упомянутыхъ выше (Коробовой, Жемайловой, ф. Дервизъ и др.); въ каждой изъ нихъ содержится 10—45 ученицъ на городской счетъ. Въ *Москвѣ* кромѣ школъ общества распр. практич. знаній существуютъ школы кройки и шитья О. Випперъ, г-жи Пухотиной, Ю. К. Теодоръ, г-жъ Лузиной, Суворовой, Базаровой, Шишмаревой, женское профессиональное училище Лепешкиной (Пятницкая, 58), торлецкая ремеслен. школа для портныхъ (Моховая ул., д. Гагарина), стрекаловская ремеслен. школа для портныхъ (Остоженка, Зачатіевскій пер., с. д.), мясницкая школа, Александро-Маріинское училище съ ремесл. классомъ (В. Переведенка, близъ Покровскаго монастыря) и нѣк. др.—*Въ провинціи* по одной профессиональной школѣ есть въ Варшавѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, на Воткинскомъ заводѣ, въ Вѣрномъ, Екатеринбургѣ, Елисаветградѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Казани, Кіевѣ, курляндской губ., Кутаисѣ, лиф-

ляндской губ., Новочеркасскѣ, Омскѣ, орловской губ., Оренбургѣ, Пензѣ, пермской губ., псковской губ., Ревелѣ, Ригѣ, рязанской губ. Симбирскѣ, смоленской губ., Твери, Улеборгѣ, Череповцѣ,—по *девѣ* школы во владимірской и вятской губ., въ Кронштадтѣ, Костромѣ, Таганрогѣ и тверской губ.—по *три* школы въ минской и московской губ. (въ с. Александровѣ школа кружевницъ, въ Серпуховѣ ж. школа съ рукодѣльнымъ классомъ, въ Спасскомѣ—практическая рукодѣльная школа), *восемь* школъ въ могилевской губ., *девять* въ Одессѣ, *восемь-надцать* въ виленской губ., *девятнадцать* въ витебской губ., *двадцать* въ кубанской обл., *двадцать шесть* въ гродненской, *двадцать девять* въ ковенской губ. и *тридцать пять* — въ бессарабской губ.

Въ 1900 г. министерство народнаго просвѣщенія, полагая, что частныя общества не могутъ выполнять съ надлежащимъ успѣхомъ и въ полномъ объемѣ такую сложную задачу, какъ общее руководство дѣломъ женскаго профессиональнаго образованія, признало необходимымъ возложить эту обязанность на особо учрежденный съ этою цѣлью при отдѣленіи ученаго комитета по техническому и профессиональному образованію новый отдѣлъ, въ составъ котораго была между прочимъ приглашена и предсѣдательница петербургскаго общества поощренія женскаго профессиональнаго образованія С. А. Давыдова, извѣстный знатокъ кустарныхъ промысловъ.—женщина, посвятившая всю свою жизнь распространенію прикладныхъ знаній въ Россіи. Задачи вновь организованнаго отдѣла сразу опредѣлились: предстояло ознакомиться съ разнохарактерными типами и нуждами существующихъ нынѣ женскихъ профессиональныхъ школъ, дѣлавшихъ доселѣ свое дѣло въ раздробъ и ничѣмъ не объединенныхъ,—предстояло далѣе позаботиться объ учрежденіи новыхъ школъ въ зависимости отъ нарождающихся нуждъ населенія и промышленности, подвергнуть пересмотру дѣйствующіе въ школахъ учебные планы и программы, принятыя въ нихъ руководства и учебныя пособія и проч. Въ настоящее время въ трудахъ отдѣла принимается дѣятельное участіе и другая женщина,—Е. Н. Янжуль.

Широкое распространеніе профессиональнаго образованія среди женщинъ составляетъ несомнѣнно живую и настоятельную потребность современной русской жизни. Профессиональное обученіе стало проникать даже въ женскіе институты,—такъ напр въ ксеніинскомъ институтѣ преподается портняжное ремесло, кулинарное искусство и проч. Возбужденъ вопросъ о включеніи предметовъ прикладнаго знанія въ курсъ женскихъ гимназій. Правда, рѣчь пока идетъ главнымъ образомъ о расширеніи занятій рукодѣльями, графическими искусствами, нѣкоторыми отраслями домоводства. Но замѣчается уже спросъ и на другія отрасли женскаго профессиональнаго образованія,—возникаютъ курсы и классы для изученія *фотографіи* (обыкновенно при фотографическихъ обществахъ, существующихъ во многихъ большихъ городахъ), *телеграфнаго дѣла* (телеграфная школа для лицъ обоюга пола есть въ Петербургѣ; курсъ трехъ или четырехмѣсячный), *антикарскаго дѣла* и проч. О курсахъ дѣтскихъ садовницъ см. ниже въ отдѣлѣ «Педагогическое образованіе».

Чтоже касается спеціально коммерческаго образованія женщинъ, то въ Россіи оно рано обособилось отъ прочихъ видовъ прикладнаго образованія и нынѣ подчинено вѣдѣнію министерства финансовъ. Впрочемъ первая попытка расширить сферу обученія женщинъ и въ этомъ направленіи и такимъ образомъ подготовить ихъ къ занятіямъ по счетной части была сдѣлана въ вѣдомствѣ учрежденій Имп. Маріи, по почину принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ 1869 г. въ программу педагогическихъ курсовъ въ Петербургѣ было включено преподаваніе бухгалтеріи, а въ январѣ 1871 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о допущеніи женщинъ къ занятію

мѣсть по счетной части въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ виду чего въ Маринской рукодѣльнѣ патриотическаго общества и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ были учреждены особые курсы для приготовленія конторщицъ и приказчицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ совѣтовъ женскихъ гимназій стали поступать ходатайства о разрѣшеніи ввести въ курсъ обученія бухгалтерію въ видѣ необязательнаго предмета. Но изъ этихъ начинаній въ сущности ничего не вышло, и честь организациі въ Россіи систематическаго женскаго коммерческаго образованія принадлежитъ частному почину.

Первымъ по времени возникновенія женскимъ коммерческимъ училищемъ въ Россіи было училище *Е. А. Бухтѣевой въ Одессѣ*, преобразованное въ 1893 г. изъ семиклассной женской гимназій. Три года

спустя открылось и въ Петербургѣ женское коммерческое училище при „Домѣ *Анатолія Демидова*“ (неправильно именуемое „первымъ“). Затѣмъ постепенно возникали женскіе коммерческіе курсы *П. О. Ивашицевой* (Спб., Гороховая, 34), такіе же курсы при первой с.-петербургской женской артели *кассиршъ, продавицъ и бухгалтершъ* (Ямская, 9), курсы общества для распространенія коммерческихъ знаній (Спб. Невскій, 90), частныя спб. счетоводныя курсы для лицъ обоого пола (Невскій, 102), женскіе курсы счетоводства бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ учр. *М. Красновой* (Б. Московская, 8), счетоводныя курсы *Ө. В. Езерскаго* (Невскій, 18), частныя курсы бухгалтеріи *Г. В. Гиренсона* для лицъ обоого пола [Спб., Демидовъ пер. д. 5—29], въ Варшавѣ—частныя женскіе коммерческіе курсы, учр. *И. К. Смоликовскою* (Хмельная 31), частныя женскіе комм. курсы и торіовыя классы учр. *Ю. И. Семирадскою* (Маршалковская 140, Школьная 5), въ Кіевѣ женское коммерческое училище и наконецъ одесское женское коммерческое училище *А. В. Козленко-Поликарповой* (Троицкая, 47).

Б. Сельскохозяйственное образованіе.

Литература. Сборникъ свѣдѣній по сельскохозяйственному образованію (изданіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ). Выпускъ 1. Женское образованіе. Спб. 1898.—Сельскохозяйственное образованіе въ Россіи въ концѣ 1894 г. Справочная книжка, изданная департаментомъ земледѣлія. Спб. 1895 г.—Указатель сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ департаменту земледѣлія (по свѣдѣніямъ къ 1 янв. 1897 г.). Спб. 1897 (оффиц. изд.)—*Стебутъ, И. А.* Женское сельскохоз. образованіе. Рѣчь М. 1899.—*W. Herstatt u. O. Kamp* Die hauswirtschaftliche Unterweisung der Landmädchen und Frauen in Deutschland und im Ausland. Wiesbaden. 1896.

Женское сельскохозяйственное образованіе въ Россіи есть дѣло совершенно новое, — дѣло самаго послѣдняго времени. Что же касается того, что сдѣлано въ этомъ направленіи за границей, то и тамъ сельскохозяйственное образованіе стало доступнымъ для женщинъ также недавно, не болѣе четверти вѣка тому назадъ, и организациія его не представляетъ еще однообразной картины и той устойчивости школьныхъ типовъ, какою отличается напр. организациія средняго образованія. Въ общемъ женскія школы сельскаго хозяйства за границей распадаются на двѣ группы: 1) школы для дѣвушекъ болѣе обеспеченныхъ классовъ, не имѣющихъ надобности работать изъ-за насущнаго хлѣба, и 2) школы для бѣдныхъ дѣвушекъ, принужденныхъ работою добывать себѣ пропитаніе. Тѣ и другія устраиваются какъ для малолѣтнихъ ученицъ, такъ и для взрослыхъ.

По давности учрежденія школъ домоводства и сельскаго хозяйства (въ концѣ семидесятыхъ годовъ) и по численности ихъ *Германія* занимаетъ первое мѣсто. Своимъ возникновеніемъ здѣсь эти школы были обязаны главнымъ образомъ различнымъ сельскохозяйственнымъ и специальнымъ женскимъ обществамъ, католическимъ монастырямъ и др. общинамъ, областнымъ и сельскимъ управленіямъ, фабрикантамъ и вообще частнымъ лицамъ, а въ послѣднее время и правительству. Первоначально цѣль учрежденія такихъ школъ состояла въ томъ, чтобы дать взрослымъ крестьянскимъ дѣвушкамъ наилучшую подготовку для будущей ихъ дѣятельности въ качествѣ самостоятельныхъ хозяекъ, а потому и въ программу ихъ входили лишь такіе предметы, знакомство съ которыми безусловно необходимо для толковаго веденія крестьянскаго хозяйства, какъ-то: садоводство и огородничество, молочное хозяйство, птицеводство, приготовленіе кушанья и печенье хлѣба, стирка и глаженье, нѣкоторыя необходимыя въ домашнемъ быту рукодѣлія (кройка бѣлья и платьевъ, штопка, вязанье и проч.), а также ариѳметика, веденіе хозяйственныхъ книгъ, письмоводство, гигиена, уходъ за больными и хоровое пѣніе. Съ такою приблизительно программю были открыты впервые въ 1878 г. пять школъ въ Вюртембергѣ. Обученіе въ нихъ было преимущественно практическое, — ученицы самолично производили подъ наблюденіемъ и по указанію учительницы

домоводства (*Hausmutter*) по очереди всѣ работы на кухнѣ, на скотномъ дворѣ и въ птичникѣ, въ саду и на огородѣ, убрали комнаты, стирали и гладили и проч. Въ школы принимались дѣвушки 17—25 лѣтъ на полный пансіонъ съ платою отъ 80 пф. до 1 марки въ день за содержаніе и отъ 25 до 30 марокъ за обученіе. Учебные курсы продолжались 5—6 мѣсяцевъ, — зимній съ ноября по апрѣль и лѣтній—съ мая по октябрь, и нерѣдко бывало, что ученицы оставались въ школѣ въ теченіе двухъ курсовъ.

По примѣру вюртембергскихъ возникли вскорѣ затѣмъ подобныя же школы и въ другихъ мѣстахъ южной Германіи, — въ Баваріи и Баденѣ, — иногда съ добавленіемъ общеобразовательныхъ занятій въ послѣобѣденныя часы, иногда же съ исключительнымъ преобладаніемъ практически-дѣловаго характера школьной работы, — въ зависимости отъ состава ученицъ, отъ возраста и степени ихъ матеріальной обеспеченности. Съ другой стороны въ сѣверной Германіи выработался иной типъ сельскохозяйственнаго училища, — типъ фермы или учебнаго хозяйства, въ веденіи котораго ученицы могутъ принимать живое и непосредственное участіе въ качествѣ работницъ, несущихъ болѣе тяжелый или болѣе легкій трудъ, смотря по ихъ состоянію и въ зависимости отъ преслѣдуемыхъ ими практическихъ цѣлей. Главное вниманіе на фермахъ обыкновенно обращается на молочное хозяйство, но не пренебрегаются и другія отрасли сельской промышленности, — скотоводство, птицеводство, пчеловодство, заготовленіе въ прокъ различныхъ продуктовъ, садоводство и плодоводство, огородничество и т. п. Потребностямъ лицъ, желающихъ изучить лишь одну какую нибудь отрасль сельскаго хозяйства, не проходя полного курса сельскохозяйственной школы стремятся удовлетворить кратковременные, иногда *передвижныя* курсы (*Wanderkurse*) и публичныя чтенія, устраиваемыя въ селахъ и городахъ, женскіе курсы при мужскихъ сельскохозяйственныхъ школахъ и проч.

Въ *Австріи* женское сельскохозяйственное образованіе также обратило на себя серьезное вниманіе общества и правительственныхъ сферъ, и съ 1883 г., когда здѣсь возникла первая сельскохозяйственная школа домоводства въ *Пихлернъ-Маріенгофѣ*, въ Каринтіи, число такихъ школъ не

перестаетъ возрастать съ году на годъ. Нѣкоторыя изъ нихъ устроены совмѣстно съ мужскими сельскохозяйственными учебными заведениями, чѣмъ значительно удешевляется ихъ содержаніе, такъ какъ онѣ могутъ пользоваться для своихъ цѣлей учебными хозяйствами этихъ заведеній. Есть также и такія школы, въ которыхъ болѣе или менѣе продолжительный курсъ для мужчинъ чередуется съ таковымъ же для женщинъ (смѣшанныя школы, *gemischte Anstalten*, какъ напр. въ Ротгольцѣ (Тироль) и Зальцбургѣ. По окончаніи дневныхъ работъ ученицы обыкновенно обучаются рукодѣльямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проведено раздѣленіе по специальностямъ, и ученицы разбиваются на группы кухарокъ, прачекъ, садовницъ и мейеристокъ. По большей части женскія сельскохозяйственныя школы предназначаются для дѣвушекъ крестьянскаго, земледѣльческаго класса и принадлежать къ типу закрытыхъ учебныхъ заведеній,—иногда съ общеобразовательною программой, но чаще съ чисто практическимъ, профессиональнымъ характеромъ обученія. Къ числу старѣйшихъ принадлежатъ школы въ Мистельбахѣ (въ верхніе Австріи), въ Фридландѣ и Штецерѣ (въ Богеміи), въ Кремзирѣ и Зеле, близъ Нейтитштейна (въ Моравіи). Онѣ получаютъ субсидіи отъ правительства, земства и сельскихъ управленій, но возникновеніемъ своимъ чаще всего обязаны почину сельскохозяйственныхъ обществъ или частныхъ лицъ. Курсъ обученія по большей части годичный. Дѣлу распространенія сельскохозяйственныхъ знаній между женщинами немало способствуетъ также институтъ странствующихъ учителей, читающихъ курсы (*Wandervorträge*) различной продолжительности (отъ нѣсколькихъ дней до 6—8 недѣль) въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ школъ сельскаго хозяйства, и для лицъ, не имѣющихъ возможности посѣщать таковыя. Предметомъ чтенія на этихъ курсахъ обыкновенно служатъ отрасли сельской промышленности, имѣющія наибольшій мѣстный интересъ, напр. меліорация и луговоеводство, огородничество и плодоводство, винокурение, винодѣліе, пчеловодство, молочное хозяйство, коневодство и ветеринарія и проч.

Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ въ Австріи, такъ и въ Германіи, въ задачи сельскохозяйственныхъ школъ входитъ и насажденіе среди учащихся добрыхъ началъ нравственности, возбужденіе въ нихъ религіознаго чувства, воспитаніе любви къ порядку, чистоплотности, аккуратности, бережливости и учтивости. Такимъ образомъ школа вмѣняетъ здѣсь себѣ въ обязанность и со стороны развитія хорошихъ душевныхъ качествъ наилучшимъ образомъ подготовлять своихъ ученицъ къ выполненію ихъ жизненнаго призванія, какъ хозяйекъ дома, женъ и матерей.

Во *Франціи* преобладаютъ общеобразовательно-хозяйственныя закрытыя женскія школы, но ихъ немного. Таковы напр. школы въ Вузье (*Vouziers*, въ Арденнахъ), Канѣ, Бонвиллѣ (верхн. Савойя). Практическія школы и учебныя хозяйства, хотя и многочисленны, но доступъ для женщинъ въ эти учрежденія не всегда свободенъ.

Значительно выше стоитъ сельскохозяйственное образованіе въ *Бельгии*, гдѣ частныя лица и общества пользуются широкою поддержкою правительства въ дѣлѣ организаціи хозяйственныхъ школъ. Цѣль этихъ школъ, какъ она формулируется въ официальныхъ отчетахъ министерства земледѣлія, промышленности и общественныхъ работъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать дочерямъ земледѣльцевъ нѣкоторое общее образованіе и практическія свѣдѣнія, необходимые для веденія хозяйства на фермѣ,—сдѣлать ихъ интеллигентными, умѣлыми и экономными хозяйками. Въ

школахъ изучаются ариѳметика, географія, основы естественной исторіи, земледѣлія, огородной культуры и цвѣтоводства, зоотехнія, молочное хозяйство, домашняя экономія, элементы педагогіи, этики и гігіены, торговлевѣдѣніе, счетоводство и письмоводство, рукодѣлія. Ученицы живутъ обыкновенно въ пансіонахъ при школахъ, хотя допускаются и приходящія. Въ нѣкоторыхъ школахъ преподаваніе находится въ рукахъ монахинь, которыя обучаютъ дѣвицъ не только Закону Божію и нравственности, но и прочимъ предметамъ программы. Отъ поступающихъ въ сельскохозяйственныя школы требуется предварительная подготовка въ размѣрѣ курса начальнаго или средняго училища, и обученіе продолжается обыкновенно 5 мѣсяцевъ, такъ что въ годъ бываетъ по два выпуска. Впрочемъ большинство ученицъ остается въ заведеніяхъ въ теченіи цѣлаго года, чтобы познакомиться и съ лѣтними, и съ зимними работами.

Есть и специально молочныя школы,—постоянныя и временныя, устраиваемыя по большей части въ видѣ трехмѣсячныхъ курсовъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ для приходящихъ ученицъ странствующими учителями и учительницами. Въ 1892 г. стали устраиваться и 30-дневные курсы, а равно и отдѣльныя бесѣды и чтенія по маслослѣлю и сыроваренію. Въ результатѣ получился значительный подъемъ молочнаго хозяйства въ странѣ, выразившійся нагляднымъ образомъ въ постоянномъ возрастаніи числа „молочныхъ союзовъ“ (*laiteries coopératives*), которыхъ особенно много въ восточной Фландріи.

Тоже мы видимъ и въ *Голландіи*. Здѣсь все вниманіе почти исключительно обращено на одну отрасль женскаго хозяйственнаго образованія,—на сыровареніе и маслослѣланіе. Обученіе производится въ видѣ кратковременныхъ курсовъ для приходящихъ ученицъ. Эти курсы, продолжающіеся не болѣе мѣсяца, обыкновенно устраиваются на частныхъ фермахъ и устраиваются по почину и на средства провинціальныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Обученіе происходитъ бесплатно и ведется практическимъ образомъ, безъ книгъ. Въ 1894 г. въ Больсвардѣ была устроена большая школа молочнаго хозяйства,—нѣчто вродѣ учительской семинаріи, цѣль которой—подготовлять мейеристокъ-учительницъ и завѣдывающихъ большими фермами. Есть также школы, основанныя на принципѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Такова напр. практическая школа (учр. въ 1889) въ Удсгоорнѣ для приходящихъ учениковъ и ученицъ, устроенная въ видѣ образцовой фермы, на которой болѣе трудныя работы (на поляхъ и въ хлѣвахъ) исполняются мальчиками, а болѣе легкія (молочное дѣло, домашнее хозяйство)—дѣвочками.

Въ *Швейцаріи* преобладаютъ городскія домоводственныя школы. Что касается собственно сельскохозяйственнаго образованія для женщинъ, то оно распространяется главнымъ образомъ посредствомъ передвижныхъ курсовъ (*Wanderkurse*), причемъ излюбленную отрасль его составляетъ огородничество. Преподаваніе бесплатное, такъ какъ курсы обыкновенно субсидируются кантональными управленіями или женскими союзами. Продолжительность обученія—10 дней.

Что касается *Россіи*, то первымъ случаемъ спроса со стороны русской женщины на сельское хозяйственное образованіе было ходатайство трехъ дѣвушекъ (Е. и М. Федоровыхъ и Ю. Лермонтовой), представленное въ совѣтъ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи въ маѣ 1869 г., о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій. Ходатайство это было

отклонено министромъ государственныхъ имуществъ въ виду того, что по общему правилу доступъ для женщинъ въ высшія мужскія учебныя заведенія не разрѣшается. Почти 20 лѣтъ спустя, въ мартѣ 1888 г., была открыта первая въ Россіи *женская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства* при селѣ *Зозулинцы-Червоныя*, кiev. губ., бердичевского уѣзда, въ имѣніи А. И. Червонной. Учредительница этой школы задалась цѣлью соединить въ ней главныя черты учебныхъ заведеній, существующихъ за границею, раздѣливъ ее на два отдѣленія,—общехозяйственное и курсовое,—съ приѣмомъ на первое отдѣленіе 14—15-лѣтнихъ дѣвочекъ, желающихъ послѣдовательно ознакомиться съ полнымъ цикломъ предметовъ, преподаваемыхъ въ школѣ, а на второе—дѣвушекъ 19—25 лѣтъ, желающихъ изучить лишь одну какую нибудь отрасль хозяйства. На обоихъ отдѣленіяхъ преподаваніе идетъ по курсамъ, изъ коихъ въ составъ каждаго входитъ 1) одна какая либо отрасль сельскаго хозяйства, 2) домашнее хозяйство и 3) рукодѣліе. Школа неразрывно связана съ хозяйствомъ имѣнія, заключающаго около 1500 дес. земли. Есть молочная ферма, птичняя, инкубаторъ, пруды и планетныя сажалки, плодовый садъ, огородъ и проч.

Во главѣ школы стоитъ ея попечительница—М. Н. Мариуца-Гринева. Учебный курсъ продолжается 8 мѣсяцевъ. Приѣмъ ученицъ преимущественно весной. При поступленіи требуется метрическое свидѣтельство, видъ на жительство (отъ полиціи) и свидѣтельство о нравственности (отъ приходскаго священника). Адресъ для почтовой корреспонденціи: м. *Самородокъ*, Киев. губ., почтовое отдѣленіе. Ближайшая станція ж. д. Казатинъ (17 верстъ).

Годомъ позже была открыта въ имѣніи баронессы А. I. Будбергъ *понежская женская школа домоводства и сельскаго хозяйства* (Поневѣжъ, имѣніе Мурованный-Понемунъ, Ковенской губ.). Цѣль ея—сообщеніе молодымъ дѣвицамъ всѣхъ сословій, замужнимъ женщинамъ и вдовамъ практическихъ свѣдѣній по домоводству и нѣкоторымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Ученицы принимаются пансіонерками съ платою за обученіе и содержаніе въ годъ 150—200 руб.; есть 10 казенныхъ стипендій. Курсъ обученія двухлѣтній, выпускъ ученицъ производится два раза въ годъ,—10 мая и 10 сентября.

Допускаются ученицы съ правомъ изучать отдѣльныя отрасли хозяйства. При поступленіи должно быть представлено кромѣ метрическаго свидѣтельства и вида на жительство, свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ лицъ и учреждений, имѣющихъ право таковыя выдавать, или же письменныя рекомендаціи лицъ, извѣстныхъ попечительницѣ.

Съ 1891 г. въ имѣніи Н. Н. Неплюева (м. Ямполь, черниговской губ.) существуетъ *Преображенская женская сельскохозяйственная школа*. Она имѣетъ общеобразовательную программу и ставитъ своею цѣлью «воспитать молодыхъ дѣвушекъ въ сознательной вѣрѣ, приучить ихъ къ добрымъ христіанскимъ отношеніямъ другъ къ другу и общить имъ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, наиболѣе полезныя для жены и матери земледѣльца познанія по сельскому хозяйству вообще».

Курсъ ученія продолжается 4 года; выпускъ ученицъ производится 6 августа. Въ школу принимаются дѣвушки въ возрастѣ отъ 12—17 лѣтъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, съ предварительною подготовкою въ объемѣ курса начальныхъ народныхъ училищъ, по конкурсному испытанію (31 июля). Выдержавшія конкурсное испытаніе принимаются пансіонерками учредителей; съ частныхъ пансіонерокъ взимается плата по 120 руб. въ годъ. Школа находится въ хуторѣ *Воздвиженскомъ*, черниг. губ., глуховскаго уѣзда, въ 7 верстахъ отъ ст. ж. д. «Горѣлыя хутора». Ежегодно бываетъ 15—20 вакансій.

Позже возникли: 1) *Школа садоводства и огородничества*. Импер. общ. садоводства (Царское Село, близъ Павловска). Приѣмъ лицъ не моложе 13 лѣтъ и въ спеціальныя классы 15 л. Плата 75 р. въ

полугодіе и 50 руб. единовременно при поступленіи. 2) *Школа садоводства* (Спб. Импер. ботанической садъ). 3) *Женская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства г-жи Колпенской* въ с. Свиныхъ, елецкаго у., орловской губ. 4) *Сельскохозяйственная колонія* О. П. Ковалевской для крестьянскихъ дѣтей обоого пола въ селѣ Перевозъ псковской губ. 6) *Народныя бестды и курсы по сельскому хозяйству* въ помѣщеніи спб. пчеловоднаго музея (Черная рѣчка, 53).

Спеціальная школа молочнаго хозяйства (сыроварня) для лицъ обоого пола существуетъ въ с. Едимоновѣ, корчевскаго у., тверской губ. Она была учреждена въ 1871 г. извѣстнымъ сыроваромъ Н. В. Верещагинымъ.

Школы г-жи Гриневой (зозулинская), Колпенской, Будбергъ (понежская) и Н. Н. Неплюева (преображенская) пользуются пособіемъ отъ министерства земледѣлія.

Но всѣ перечисленныя школы готовятъ женщинъ главнымъ образомъ для домашняго хозяйства либо же сообщаютъ имъ спеціальныя знанія по отдѣльнымъ отраслямъ сельской промышленности, вырабатываютъ изъ нихъ мастерицъ по маслослѣлю, молочному хозяйству, огородничеству и проч., но не даютъ имъ болѣе широкой спеціальной подготовки для самостоятельнаго промышленнаго веденія хозяйства. И вотъ въ 1897 г. въ Петербургѣ образовался кружокъ лицъ, задавшихся цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ въ прикладномъ образованіи женщинъ. Имъ былъ представленъ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ проектъ женскаго сельскохозяйственнаго института, а затѣмъ и ходатайство о разрѣшеніи основать «общество содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію».

Въ апрѣлѣ 1899 г. общество это было уже открыто, а еще черезъ годъ, 4 мая 1900 г. оно торжествовало свой первый успѣхъ, открытіе *женскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ* подъ Москвою, въ Петровскомъ Разумовскомъ, близъ станціи трамвая «Соломенная сторожка», гдѣ на дачѣ г. Шнейдера было снято два деревянныхъ дома, изъ которыхъ одинъ былъ отведенъ для общежитія курсистокъ, а другой предназначался для занятій по счетоводству, управленію и организаціи сельскихъ хозяйствъ. Теоретическое преподаваніе должно было происходить въ аудиторіяхъ московскаго сельскохозяйственнаго института, а практическія занятія въ соотвѣствующихъ учрежденіяхъ института, на Бутырскомъ хуторѣ земледѣльческой школы и отчасти при помѣщеніи курсовъ. На устройство курсовъ было отпущено 1000 руб. обществомъ содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію и 3000 р. — министерствомъ земледѣлія.

Всѣхъ прошеній о приѣмѣ на курсы было подано 108, но изъ нихъ удовлетворено лишь 48, а именно 36 женщинъ было помѣщено въ общежитіи, а 12—приняты приходящими. Плата за слушаніе лекцій въ теченіе всего курса, съ мая по сентябрь, назначена въ 25 руб., а за содержаніе въ общежитіи по 25 руб. въ мѣсяць, причемъ курсистки кромѣ помѣщенія пользуются утромъ чаемъ, хлѣбомъ и молокомъ, затѣмъ обѣдомъ изъ трехъ блюдъ и ужиномъ изъ одного горячаго блюда и молока. Для поступленія на курсы требуется средняя общеобразовательная подготовка. Предсѣдателемъ педагогическаго совѣта состоитъ проф. К. А. Вернеръ, попечителемъ курсовъ — директоръ московскаго сельскохозяйственнаго института К. А. Рачинскій.

Идея женскаго сельскохозяйственнаго образованія нашла себѣ откликъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ и Киевѣ. Въ городахъ этихъ образовались кружки лицъ, обратившіеся въ совѣтъ общества содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію съ просьбою объ открытіи провинціальныхъ отдѣленій. Кромѣ того въ Москвѣ по инициативѣ кн. М. А. Урусовой возникло новое общество, имѣющее свою цѣлью содѣйствіе образованію и дѣятельности женщинъ по садоводству и огородничеству (членскій взносъ 5 р.). Наконецъ въ Петербургѣ, при Импер. сельскохозяйственномъ музеѣ учреждены курсы для лицъ обоого пола съ цѣлью распространенія сельскохозяйственныхъ знаній.

В. Нисшее медицинское образование.

Разсадниками нисшаго медицинскаго образованія женщинъ служатъ женскія училища лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ, повивальные институты и школы, зубоврачебныя школы, фармацевтическіе и гигиеническіе курсы.

1. ЖЕНСКІЯ УЧИЛИЩА ЛѢКАРСКИХЪ ПОМОЩНИЦЪ И ФЕЛЬДШЕРИЦЪ. а) **Въ С.-Петербургѣ.** *Училище лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерницъ при дамскомъ лазаретномъ комитетѣ* (уг. Рождественской и Суворовскаго пер., 2). Оно было открыто въ 1887 г. съ цѣлью подготовленія нисшаго санитарнаго персонала, сидѣлокъ, фельдшерницъ и аптекарскихъ ученицъ, для службы въ госпиталяхъ и въ походныхъ лазаретахъ. Условія приема: средняя общеобразовательная подготовка, здоровое тѣлосложеніе (медицинское свидѣтельство, возрастъ не моложе 18 и не старше 28 л., въ случаѣ несовершеннолѣтія—письменное согласіе родителей или опекуновъ; при прошеніи должны быть приложены свидѣтельства метрическое, о привитіи оспы, о званіи, о благонадежности и фотографическая карточка. Плата 250 руб. въ годъ за содержаніе на полномъ пансіонѣ и 50 руб. съ приходящихся. Курсъ обученія трехлѣтній. 2) *Подготовительныя курсы ухода за больными и ранеными попечительнаго комитета о сестрахъ Краснаго Креста* (Инженерная, 9), Курсъ двухлѣтній. Плата 10 руб. 3) *Школа сидѣлокъ попеч. комитета о сестрахъ Краснаго Креста* (Гороховая, 55—26). Срокъ обученія 6—9 мѣсяцевъ; возрастъ 18—35 л., принимаются незамужнія и вдовы: предпочтеніе отдается грамотнымъ,—неграмотныя обучаются грамотѣ въ школѣ. При поступленіи въ школу ученицамъ выдается полная экипировка и содержаніе, а кромѣ того по 1 р. въ мѣсяцъ на мелкіе расходы; по окончаніи же ученія онѣ поступаютъ въ полное распоряженіе правленія, которое и принимаетъ на себя дальнѣйшія заботы объ устройствѣ ихъ судьбы. 4) *Курсы спб. попечительнаго комитета о сестрахъ Краснаго Креста при общинѣ св. Евгеніи* (Пески, Старорусская, 3). 5) *Училище фельдшерницъ при Воспитательномъ домѣ* (Набережная р. Мойки). 6) *Женскіе курсы популярныхъ чтеній спб. общества самаритянъ.* Плата за курсъ 10 р.; лекціи читаются по вечерамъ. Подписка принимается съ 17 января (Вас. Остр. 13 л., 20). 7) *Обученіе практическому оспириванію* при Имп. Вольно-Экономическомъ обществѣ (Забалканскій просп. 33).

б) **Въ Москвѣ.** *Училище фельдшерницъ при Маріинской больницѣ* (Новая ул. Божедомка, с. д.)—2) *Училище для фельдшерницъ при Старо-Екатерининской больницѣ* (3-я Мѣщанская, соб. д.). 3) *Школа фельдшерницъ при Владычно-Покровской общинѣ* (Казенный пер., д. Александр. больницы).

2) ПОВИВАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ШКОЛЫ. а) **Въ Петербургѣ** 1) *Спб. родовспомогательное заведеніе съ повивальнымъ институтомъ* (На деждинская, 5) и *школа сельскихъ повивальныхъ бабокъ* (вѣдомства учр. Имп. Маріи), Ученицы раздѣляются на пансіонерокъ и вольнослушательницъ повивальнаго института и ученицъ школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Пансіонерками принимаются дѣвушки 18—26 л. всѣхъ сословій, но лишь христіанскихъ вѣроисповѣданій, вольноприходящими слушательницами дѣвицы, замужнія и вдовы 18—40 л. всѣхъ вѣроисповѣданій, ученицами—также дѣвицы, замужнія и вдовы 20—40 л. Для пансіонерокъ полагается вступительный экзаменъ по программѣ ж. гимназіи, для вольнослушательницъ—образовательный цензъ въ объемѣ курса четырехъ классовъ гимназіи; при приемѣ ученицъ предпочтеніе отдается грамотнымъ. Экзамены въ маѣ и августѣ; ученицы принимаются два раза въ годъ, 1 марта и 1 сентября. Продолжительность курса—два года для пансіонерокъ и вольнослушательницъ и не менѣе года для ученицъ Плата для пансіонерокъ 150 руб. въ годъ, для ученицъ школы сел. пов. бабокъ 100 р., для вольнослушательницъ—35 р. При выпускѣ, по выдержаніи экзамена, пансіонерки и вольнослушательницы получаютъ дипломъ на званіе повивальной бабки, дающій право на повсемѣстную практику, а ученицы школы—свидѣтельство, дающее имъ право зани-

маться практикою во всѣхъ мѣстечкахъ, слободахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ отъ правительства повивальныхъ бабокъ 2) *Еленинскій повивальный институтъ* (Фонтанка, 148). При институтѣ состоятъ: 1) курсы по акушерству и гинекологіи для врачей и женщинъ-врачей и 2) школа акушерокъ. Директоръ проф. Д. О. Оттъ. Для поступления требуется умѣнье читать и правильно писать по русски и твердо знать четыре правала ариметики и десятичныя дроби. Недостаточность подготовки можно пополнить занятіями въ классахъ русскаго языка и ариметики при курсахъ. Плата 70 р. въ годъ; при поступленіи требуется представить установленный наборъ инструментовъ, три форменныхъ передника и три платья. Окончившія курсъ получаютъ званіе повивальной бабки и право повсемѣстной практики. 3) *Имп. спб. клиническій институтъ* (Фонтанка, 148). При немъ имѣются повторительные курсы для повивальныхъ бабокъ, желающихъ обновить и пополнить свои познанія. Плата по 5 р. за семестръ. 4) *Суворовское училище повивальныхъ бабокъ.* (Фонтанка, зданіе Калинкинской больницы, 166). Плата 35 р. въ годъ и 25 р. за 8 мѣсяцевъ. Курсъ ученія подолжается 20 мѣс.; по окончаніи слушательницы имѣютъ право лѣчить, подъ надзоромъ врача, венерическія и кожныя болѣзни у женщинъ и дѣтей. 5) *Повивальная школа при Гаванскомъ бесплатномъ приютѣ Покровской общины сестеръ милосердія въ Спб.* Плата 60 руб. въ годъ. 6) *Повивальная школа при Маринскомъ родовспомогательномъ домѣ* (Петербургская сторона, Малый пр., 13). Плата за первую половину курса 25 руб. 7) *Курсы повив. искусства при Александровскомъ приютѣ* для женщинъ (В О. Большой просп., 51). б) **Въ Москвѣ.** 1) *Повивальный институтъ въ родильномъ госпиталѣ* (Воспитательный домъ). 2) *Долгоруковское училище для повивальныхъ бабокъ* (Мясницкая, зд. Мясницкой больницы). в) **Въ Одессѣ.** *Повивальная школа одесскаго общества для призрѣнія младенцевъ и родильницъ* (Старопортофр., д. № 4); основана въ 1892 году. Въ ученицы принимаются русско-поданныя, безъ различія сословій, не моложе 17 и не старше 38 лѣтъ. Курсъ двухгодичный. Плата за содержаніе и обученіе пансіонерокъ 250 руб. въ годъ, съ приходящихся 75 руб. Ученицы, выказавшія на выпускномъ испытаніи удовлетворительныя свѣдѣнія въ теоретич. и практич. акушерствѣ, признаются достойными званія повивальной бабки, съ правомъ заниматься практикою повсемѣстно въ Имперіи. г) **Въ Тифлисѣ.** *Повивальный институтъ съ программой и правами столичныхъ институтовъ.* Кромѣ того существуютъ повивальныя школы при акушерскихъ клиникахъ университетскихъ городовъ и при родильныхъ отдѣленіяхъ городскихъ больницъ въ городахъ Астрахани, Варшавѣ, Виленѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Гроднѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Кишиневѣ, Митавѣ, Могилевѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Тамбовѣ, Томскѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Читѣ, а также школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ въ Москвѣ и Тифлисѣ.

3) ЗУБОВРАЧЕБНЫЯ ШКОЛЫ. *Зубоврачебная школа Е. С. Вонилъ.* (Спб., Невскій, 26) Полный курсъ ученія въ школѣ продолжается два съ половиною года (пять семестровъ) Плата—240 р. въ годъ (по полугодно). *Московская зубоврачебная школа Коварскаго* (Петровка, д. Кабанова). *Варшавская зубоврачебная школа Я. Л. Джемсъ-Левича* (Чистая, 4); *школа Л. Шиманскаго* (Варшава, Сенаторская, 10). *Одесская зубоврачебная школа* (Одесса, Почтовая, д. Вургафта).

4) ГИГИЕНИЧЕСКІЯ ШКОЛЫ. 1) *Гигиеническіе курсы,* состоящіе подъ покровительствомъ Ея И. В. Принцессы Е. М. Ольденбургской при обществѣ охраненія здоровья женщины (Спб. Невскій, 81). Курсъ двухгодичный, плата 40 руб. въ годъ. Къ слушанію лекцій допускаются лица обоюго пола. 2) *Школа для изученія массажа и гимнастики* (Спб. Казанская, 26). *Курсы гинекологическаго массажа* для акушерокъ и фельдшерницъ (Москва, Знаменская, д. Ремехова).

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКІЯ ШКОЛЫ. *Спеціальные курсы для женщинъ, желающихъ заниматься фармаціей,* въ С. Петербургѣ, при городской барачной больницѣ въ память С. Н. Боткина.

V. Художественное образование.

А. Музыкальное образование.

Главнымъ органомъ музыкальнаго образованія въ Россіи является Имп. русское музыкальное общество. Оно возникло въ Петербургѣ, въ 1859 г., благодаря главнымъ образомъ стараніямъ А. Г. Рубинштейна, графа М. Ю. Вельгорскаго, Д. В. Стасова и др., встрѣтившихъ покровитель-

ство и дѣятельное участіе вел. кн. Елены Павловны. Воспользовавшись уставомъ существовавшаго раньше (съ 1840 по 1851 г.) „симфоническаго общества“ и поставивъ свою задачею содѣйствовать развитію всѣхъ отраслей музыкальнаго дѣла въ Россіи и въ особенности способствовать рас-

пространенію музыкальнаго образованія, оно учредило консерваторіи въ Петербургѣ и Москвѣ и покрыло всю страну сѣтью своихъ отдѣленій съ музыкальными училищами и классами при нихъ

Въ консерваторіи принимаются лица обоого пола, всѣхъ сословій и вѣросповѣданій, только подходящими, въ качествѣ *учениковъ ч вольнослушателей*, въ возрастѣ съ 10 лѣтъ (по инструментальнымъ классамъ) и 16—18 (по классу пѣнія). Учениками называются лица, которыя посѣщаютъ классы всѣхъ опредѣленныхъ учебнымъ планомъ предметовъ, *вольнослушателями*—лица, коимъ предоставляется (съ согласія директора и преподавателей) посѣщать по ихъ выбору одинъ только классъ спеціального предмета и всѣ или нѣкоторые классы обязательныхъ предметовъ. Лица, желающія поступить въ консерваторію, подаютъ о томъ до 20 августа прошеніе на имя директора съ обозначеніемъ избираемой ими спеціальности и съ приложеніемъ свидѣтельствъ: а) метрическаго, б) медицинскаго (о томъ, что занятіе спеціальнымъ предметомъ безвредно для здоровья, и о привитіи оспы), в) о научномъ образованіи, г) въ случаѣ принадлежности къ податному сословію—увольнительное, а также копіи съ оныхъ. Плата за обученіе, какъ для учениковъ, такъ и для вольнослушателей 200 р. въ годъ. Къ окончательнымъ испытаніямъ допускаются и постороннія лица.

Консерваторіи существуютъ въ *Петербургѣ* (Театральная площадь, соб. д.), *Москвѣ* (Никитская ул., соб. д.) Права консерваторій имѣетъ также *музыкально-драматическое училище* въ Москвѣ, состоящее въ вѣдѣніи московскаго филармоническаго общества (учр. въ 1866 г.) и музыкальный институтъ въ Варшавѣ (Окульникъ 1.)

Музыкальныя училища при отдѣленіяхъ Императорскаго русскаго муз. общества существуютъ въ городахъ: Астрахани, Воронежѣ, Казани, Кіевѣ, Кишиневѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Николаевѣ, Одессѣ, Омскѣ, Пензѣ, Псковѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Тобольскѣ, Томскѣ и Харьковѣ.

ЧАСТНЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА: а) Въ *Петербургѣ*. Спб. музыкальная школа (уг. Невского и Б. Морской, 16—7); плата за 1-й курсъ 90 р., за 2-ой—120 р., за 3-й—150 р.— *Музыкальныя школы* 1) *И. А. Гляссера* (Надеждинская, 5) съ пансіономъ и женскимъ учебнымъ заведеніемъ Л. М. Турыгиной, 2) *Даннемана и Кривошеина* (Чернышевъ пер., 26), 3) *Д. Платонова* (Б. Московская, 1—3), 4) *Серафимовой* (В. О., 8 линия, 3), 5) *Ст. Шлезингеръ* (Садовая, 66). — *Музыкальные классы Минтовъ - Чижъ* (Петербург. ст., Б. просп., 7). — *Музыкальная школа Розенталя*, — спеціально для виолончели. *Безплатная музыкальная школа* (зд. Городской думы) Дир. с. с. Балакиревъ *Спеціальныя классы фортепیانной игры* М. Б. Бенца-Эфронъ (Мойка, 9). *Уроки на цитрѣ* (Екатерининскій кан., 8). *Классы элементарной теоріи музыки* [Педагог. музей], *Классы гармоніи* [Педагогическій музей]. *Уро-*

ки пѣнія, музыки и аккомпанимента (Спасская, 16). *Уроки музыки* М. Р. Румянцева (Разъѣзжая, 15). *Общедоступныя музыкальныя классы* при Педагогическомъ музеѣ (Пантелеймоновская, зданіе Соляного городка). Плата 7 р. въ мѣсяцъ. При нихъ музыкально-педагогическіе курсы начального пѣнія и регентированія. Плата 25 р. въ годъ. *Хоровой классъ* при хорѣ Императорской русской оперы въ Спб. Принимаются не старше 25 лѣтъ, занятія отъ 15 августа до 1 апрѣля, бесплатно. *Классы дѣтскаго хорового пѣнія* при Педагогическомъ музеѣ (Соляной городокъ). По воскресеньямъ отъ 1 часу дня. Плата по 1 р. въ мѣсяцъ. *Приворонная пѣвческая капелла* (Мойка, 20). *Классы церковнаго нотнаго пѣнія*, при Педагогическомъ музеѣ, бесплатно. *Хоровой классъ Мельникова* (Городская дума). *Курсы пѣнія Эльстонъ* (Колокольная, 13). *Музыкальные классы Хитрово* (Изм. п., 1 рота, 7—9). б) Въ *Москвѣ*: *Музыкальныя школы* 1) *Вильборна* (Страстной бульв., д. Чижовыхъ); плата 100 р.; 2) *Ковальской* (Трубниковъ пер. д. Игнатъева); 4) *М. Н. Альтанъ*; 4) *А. И. Андреева*. — *Второе московское музыкальное училище* (Б. Дмитровка), плата 100 р. въ годъ. *Женскіе музыкальные классы* Е. Н. Визлера (Повар.-Борисоглѣбск. пер., д. Вильсонъ. *Классы пѣнія* М. К. Климентовой-Муромцевой [Пречистенка, Штатный пер., 24]. *Общедоступное музыкальное училище* (Никитскія ворота, Мерзляковскій пер., д. Дюгамель).

Что касается постановки музыкальнаго образованія за границею, то съ тѣхъ поръ, какъ уже въ 1537 г. возникла первая консерваторія въ Неаполѣ (Conservatorio Santa Maria di Loreto), число этихъ разсадниковъ высшаго музыкальнаго образованія стало быстро возрастать, и въ настоящее время оно чрезвычайно велико. Одною изъ старѣйшихъ и наиболѣе прославленныхъ консерваторій въ Европѣ является парижская (Conservatoire nationale de musique et de déclamation, 15, rue du Fauborg-Poissonnière). Она подраздѣляется на девять отдѣленій: 1) сольфеджіо и теорія музыки, 2) гармонія, органъ, композиція; 3) пѣніе, лирическая декламация; 4) фортепیانо, арфа; 5) струнные инструменты; 6) духовые инструменты; 7) классы совмѣстной игры; 8) классы выразительнаго чтенія и драматической декламации; 9) исторія музыки; исторія драмы и драматической литературы. Въ парижскую консерваторію принимаются лица обоого пола, по конкурсному испытанію, съ платою 1200—1800 фр. въ годъ за полный пансіонъ и безъ всякой платы за обученіе въ качествѣ экстерновъ, но въ предѣлахъ отъ 10 до 12 учениковъ на классъ. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о консерваторіяхъ пражской (осн. въ 1811 г.), вѣнской (1817 г.) брюссельской (1832), лейпцигской (1843), берлинской (1850), дрезденской (1856), штутгартской (1856), мюнхенской (1867) франкфуртской (1878), лондонской (the Royal College of musi, осн. въ 1883 г.) и проч. Въ нѣмецкихъ консерваторіяхъ обученіе производится за плату въ 150—500 марокъ въ годъ, смотря по спеціальности и по значенію преподавателя, въ классъ котораго ученица желаетъ поступить.

Б. Театральныя училища.

а) Въ *Петербургѣ*. 1-е *Петербургское театральное училище* (Театральная пл., 2), состоитъ изъ балетнаго отдѣленія съ пригготовительнымъ танкомъ и драматическихъ курсовъ. Принимаются своекоштные воспитанники и пансіонеры. Своекштные платятъ 300 р. въ годъ, 30 р. на первоначальное обученіе и сверхъ того одновременно 150 р. въ обезпеченіе правильнаго годоваго взноса. Съ подходящихъ ученицъ и учениковъ за обученіе танцовальному искусству и общеобразовательнымъ предметамъ платы не взимается. *Драматическіе курсы* при Спб. теат-

ральномъ училищѣ (Театральная пл., 2). Плата съ подходящихъ—100 р. въ годъ (по полугодно). *Драматическая школа А. Вренко* (Невскій, 131). *Музыкально-вокально-драматическіе курсы В. Полакъ*. (Невскій, 32) *Музыкально-драматическіе курсы Ратонъ* [М. Морская, 7]. б) Въ *Москвѣ*: *Театральное училище* (Уг. Софійки и Неглиннаго, собств. д.) для лицъ обоого пола. *Музыкально драматическое училище* московскаго филармоническаго общества (Бол. Никитская, д. Батюшкова), плата 150 р. въ годъ.

В. Училища живописи, ваянія и зодчества.

Высшее художественное образованіе по части пластическихъ искусствъ въ Россіи дается единственнымъ учрежденіемъ,—Имп. с.-петербургскою академіею художествъ (Вас. Остр., Университет. набережная. 17) По плану Петра

В. преподаваніе искусствъ должно было войти въ программу задуманной имъ „академіи наукъ и курьезныхъ художествъ“, и дѣйствительно вплоть до 1757 г., когда по мысли И. И. Шувалова рѣшено было учредить «особую трехъ знатнѣй-

шихъ художествъ академію», скульптура и живопись преподавались въ открытой при Екатеринѣ I академіи наукъ. Бюджетъ новаго учрежденія постепенно возросталъ съ 6000 р. до 72.626 р. въ годъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ расширялись его задачи и художественно-образовательныя средства. Въ настоящее время академія художествъ состоитъ въ вѣдѣніи министерства Императорскаго Двора, и подъ ея вліяніемъ художественное образованіе стало мало по малу предметомъ общаго значенія, оно вошло даже въ программы общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

а) **Въ Петербургѣ.** *Нормальная рисовальная школа* при педагогическихъ курсахъ академіи художествъ; принимаютъ лицъ не моложе 10 лѣтъ; бесплатно. *Классы рисованія* при педагогическомъ музеѣ для дѣтей отъ 12 лѣтъ; плата 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. *Рисовальная школа Императорскаго Общества поощренія художествъ* (Мойка, 83). Школа эта открыта для женщинъ съ начала 40-хъ годовъ. *Центральное училище техническаго рисованія бар. Штилица* (Соляной пер., д. 9). Принимаются лица обоего пола не моложе 14 лѣтъ по повѣрочному испытанію въ рисованіи гипсовыхъ орнаментовъ и геометрическихъ тѣлъ. При поступленіи въ число учениковъ или ученицъ требуется представленіе свидѣтельства въ знаніи научныхъ предметовъ въ размѣрѣ 4-хъ классовъ гимназіи; реальнаго училища или 3-хъ классовъ городского училища; отъ вольнослушающихъ такого свидѣтельства не требуется. Курсъ пятилѣтній. Классныя занятія ежедневно съ 8 ч. утра до 5 ч. вечера. Окончившіе курсъ выпускаются учеными рисовальщиками, учителями или учителями рисованія для средне-учебныхъ заведеній и профессиональныхъ школъ. Плата 6 р. за полугодіе. *Курсы рисованія акварели и живописи* класс. худ. О. А. *Кочетовой*, (М. Итальянская, 3) *Художественно-ремесленное училище* (Вознесенскій просп., д. 18). *Фотографическія курсы* при V отд. Императорскаго техн. общ. (Соляной городокъ, Пантелеймоновская, 2). Плата за полный курсъ 25 р. *Курсы практической фотографіи* (Загородный, 30). *Художественно-ремесленныя мастерскія* Императорскаго Общества поощренія художествъ (Демидовъ пер., 6); открыты мастерскія лѣпныя и декоративно-малярныя. Городскихъ стипендій 50. *Курсы прикладнаго рисованія* при профессиональныхъ школахъ (см. выше стр. 132).—*Курсы*

сы черченія при профес. школѣ Г. И. Аргамаковой (Владимирская, 4) для приготовления женщинъ чертежницъ.

б) **Въ Москвѣ.** *Строиновское центральное училище* технического рисованія (Рождественка, соб. д.). *Училище живописи, ваянія и зооанатоміи* (Мясная ул.). Плата: ученики 30 руб., вольноприходящіе—50 руб.

Заграницею женщины, посвящающія себя искусству, въ наиболѣе благопріятныя условія поставлены въ Италіи. Римская академія художествъ открыта для лицъ обоего пола; кромѣ того существуетъ въ Римѣ и подготовительная школа—для тѣхъ, которые не удовлетворяютъ болѣе высокимъ требованіямъ академіи. Обученіе и здѣсь, и тамъ бесплатно. Во Франціи женщины получили доступъ въ парижскую академію художествъ (école nationale des beaux arts, 14 rue Bonaparte) лишь въ 1898 г.; отъ иностранцевъ требуется представленіе рекомендательнаго письма отъ посла или консула. Принимаютъ въ возрастѣ отъ 15 до 30 лѣтъ по конкурсному испытанію по рисованію или лѣпкѣ съ натуры, смотря по тому, какое изъ отдѣленій академіи (живописное, скульптурное или архитектурное) избираетъ экзаменующійся. Обученіе бесплатно. Также открыты для лицъ обоего пола и многочисленныя школы въ Англии, не исключая знаменитой кенсингтонской школы. Что же касается Германіи и Даніи, то въ этихъ государствахъ доступъ въ академіи для женщинъ доселѣ остается закрытымъ. Въ Даніи учреждена особая специально-женская художественная школа, въ Германіи женщины имѣютъ доступъ въ королевскую школу въ Берлинѣ, въ художественно-промышленную школу въ Мюнхенѣ, въ такія же школы и въ другихъ родахъ, но главнымъ образомъ получаютъ художественное образованіе въ особыхъ женскихъ школахъ, учрежденныхъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ женскими художественными фереями и пользующихся нынѣ поддержкою отъ правительства.

VI. Педагогическое образованіе.

А. Женскіе педагогическіе курсы.

Въ Высочайше утвержденномъ 9 января 1862 г. уставѣ училищъ для приходящихъ дѣвицъ было между прочимъ опредѣлено, что сверхъ семикласснаго общаго курса при училищахъ «по указанію обстоятельствъ могутъ быть устроены педагогическіе курсы, въ которыхъ бы дѣвицы, окончившія общій курсъ и предназначающія себя къ педагогической дѣятельности, могли получать специальное педагогическое образованіе». На этомъ основаніи Н. А. Вышнеградскій въ 1863 г. возбудилъ ходатайство объ учрежденіи такихъ общихъ педагогическихъ курсовъ при с.-петербургской Маріинской женской гимназіи чтобы, какъ говорилось въ его докладной запискѣ, «открыть для женщинъ свободный путь для дѣятельности почтенной и полезной и чрезъ то спасти ихъ отъ того безцѣльнаго существованія, какое нынѣ составляетъ удѣлъ многихъ между ними». Ходатайство это было удовлетворено, и открыты въ томъ же 1863 г. при Маріинской гимназіи *женскіе педагогическіе курсы* были, —если не считать существовавшихъ раньше «кандидатскихъ» классовъ въ сиротскихъ институтахъ и «специальныхъ» при Смоленскомъ монастырѣ,—первымъ разсадникомъ специального педагогическаго образованія женщинъ.

Курсы раздѣлялись на два отдѣленія,—словесное и естественно-математическое; на обоихъ отдѣленіяхъ было по два класса,—теоретическій и практическій; программа перваго изъ нихъ была направлена главнымъ образомъ къ расширенію и углубленію знаній, приобрѣтенныхъ слушательницами въ гимназіяхъ и институтахъ. Въ число слушатель-

ницъ принимались дѣвушки не моложе 16 лѣтъ, окончившія курсъ гимназіи или равнаго ей заведенія либо выдержавшія испытаніе въ объемѣ гимназическаго курса; допускались и замужнія женщины и даже матери семействъ. Въ составъ учебнаго плана входили слѣдующіе предметы: ученіе о христіанской религіи, русская словесность, всеобщая исторія, русская исторія, статистика, педагогика, естествовѣдѣніе, математика и два иностранныхъ языка. По усмотрѣнію конференціи съ разрѣшенія главноуправляющаго могли быть вводимы и другіе учебные предметы, коль скоро 20—25 слушательницъ заявляли о своемъ желаніи слушать ихъ (къ числу такихъ дополнительныхъ предметовъ принадлежали напр. психологія и физиологія, преподаваніе которыхъ было введено на курсахъ вскорѣ по открытіи ихъ).

Въ 1871 г. курсы были переведены на Гороховую, въ домъ Александровской (прежде Вознесенской) гимназіи, а еще пять лѣтъ спустя при нихъ была открыта прогимназія, находившаяся въ ихъ завѣдываніи и распоряженіи. Въ 1878 г., почти одновременно съ учрежденіемъ высшихъ женскихъ курсовъ, они получили новую организацію съ трехлѣтнимъ курсомъ, причемъ однако 1) комплектъ слушательницъ во всѣхъ трехъ классахъ не долженъ былъ превышать ранѣе положеннаго (въ 250 ученицъ) и 2) курсъ третьяго класса, какъ предназначенный для практической подготовки женщинъ къ учительской дѣятельности, не долженъ былъ считаться обязательнымъ для тѣхъ слушательницъ, которыя не предназначали себя къ преподавательской дѣятельности.

Въ настоящее время на курсы принимаются дѣвицы не моложе 16 лѣтъ по представленіи удостовѣренія объ окончаніи средняго обще-

образовательного учебного заведения и по повѣрочному испытанію изъ русскаго языка, ариѳметики и одного изъ новыхъ языковъ (франц. или нѣм.) окончившія курсъ въ институтахъ или гимназіяхъ и имѣющія при этомъ удовлетворительную отмѣтку по одному изъ новыхъ языковъ, принимаются безъ экзамена. Курсъ трехлѣтній. Плата 100 руб. въ годъ. Окончившія курсъ ученія и выдержавшія успѣшно выпускной экзаменъ получаютъ право на званіе домашней наставницы.

Адресъ курсовъ. Гороховая, 10. Старшая надзирательница *О. А. Попкова.* Инспекторъ *А. Н. Страннолюбскій.*

Въ 1870 г., съ введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше

утвержденнаго новаго положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, были учреждены педагогическіе курсы также при десяти провинціальныхъ гимназіяхъ,—костромской, харьковской, нижегородской, казанской, самарской, вятской, таганрогской, херсонской, николаевской и тверской. Но въ 1874 г. было введено положеніе о восьмомъ (спеціально - педагогическимъ) классѣ женскихъ гимназій, и существованіе этихъ курсовъ прекратилось.

Б. Педагогическіе курсы спб. фребелевскаго общества.

(*М. Итальянская, 6.*)

Примѣръ Германіи, выработавшей и развившей типъ дѣтскаго сада, какъ учрежденія, на которое должна быть возложена трудная миссія рациональнаго воспитанія ребенка въ школьномъ возрастѣ, не замедлилъ вызвать подражаніе и въ другихъ странахъ, и мы встрѣчаемъ къ концу первой половины прошлаго столѣтія дѣтскіе сады въ Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Франціи, Испаніи, Англии и Америкѣ. У насъ, въ Россіи, первый дѣтскій садъ былъ открытъ въ 1863 г. г-жею С. А. Люгемилъ въ Петербургѣ. Вскорѣ затѣмъ среди петербургскихъ педагоговъ возникла идея объ учрежденіи фребелевскаго общества, былъ выработанъ его уставъ, который въ 1871 г. получилъ утвержденіе, и первымъ актомъ дѣятельности новаго общества было устройство спеціальныхъ педагогическихъ курсовъ для подготовленія дѣтскихъ садовницъ. Пять лѣтъ тому назадъ совѣтомъ фребелевскаго общества открыта школа нянь. Педагогическіе курсы до 1871 г. помѣщались въ зданіи Алексан-

дровской женской гимназіи, а затѣмъ были перенесены въ школьное помѣщеніе Михайловскаго двorca.

Курсъ двухгодичный. Предметы преподаванія: психологія; исторія педагогики; анатомія, фізіологія и гігіена, примѣнительно къ физическому воспитанію; естественная исторія; теорія фребелевскихъ работъ; дѣтская литература; рисованіе; лѣпка; пѣніе; гимнастика; практическія занятія съ дѣтьми до-школьнаго возраста и методика предметовъ начальнаго обученія. Кромѣ того желающимъ за особую плату преподается ручная трудъ. Къ прошенію поступающихъ въ число слушательницъ курсовъ должны быть приложены: а) свидѣтельство на званіе домашней учительницы; б) метрическое свидѣтельство; в) свидѣтельство о политической благонадежности; г) двѣ фотографическія карточки; д) лица іудейскаго вѣроисповѣданія должны представить сверхъ того разрѣшеніе г. градоначальника на жительство въ С.-Петербургѣ. Годовая плата 60 рублей. Не имѣющія свидѣтельства на званіе домашней учительницы, но желающія ознакомиться съ методикой воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста, могутъ быть приняты вольнослушательницами съ платою по 60 руб. за учебный годъ или по 10 руб.—за каждый избранный ими предметъ.

В. С.-Петербургская земская учительская школа.

(*Литовка, близъ вокзала Николаевской ж. д.*)

Курсъ трехлѣтній бесплатный.

Отъ поступающихъ требуется представленіе при прошеніи на имя директора вида на жительство и полицейскаго свидѣтельства о благонадежности; пріемный возрастъ не моложе 17 лѣтъ; вступительный экзаменъ производится въ августѣ. Для поступленія въ первый классъ требуется по Закону Божію—главныя событія священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и краткій катехизисъ (по руководству Д. Соколова „Начатки

христіанскаго ученія“), по русскому языку—сознательное чтеніе съ пересказомъ прочитаннаго, письменное изложеніе безъ грубыхъ ошибокъ даннаго образца и умѣнье указать въ данномъ текстѣ части рѣчи съ ихъ измѣненіями и части предложенія, по ариѳметикѣ—четыре дѣйствія съ цѣлыми отвлеченными и составными числами и понятіе о дробяхъ, по географіи—общій обзоръ всѣхъ частей свѣта, по русской исторіи—знаніе главныхъ событій изъ отечественной исторіи.

Г. Курсъ сельскихъ учительницъ.

(*Спб. Мойка, зданіе Воспитательнаго дома.*)

Допускаются къ занятіямъ только воспитанницы Воспитательнаго дома.

Д. Женская учительская семинарія въ Москвѣ.

(*Зубовскій бульв., 222—239.*)

Она имѣетъ своею цѣлью приготовить учительницъ для сельскихъ и городскихъ школъ и прогимназій.

Семинарія состоитъ изъ двухъ классовъ съ двухлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ. Курсъ млад. кл. теоретическій; курсъ старш. кл. теоретико-практической, т. е. воспитанницы занимаются въ начальной школѣ подъ наблюденіемъ преподавателей и преподавательницъ. Принимаются дѣвочки всѣхъ сословій не моложе 15 лѣтъ въ млад. кл. и 17 въ старш., стипендіатками (съ платою по 250 р. въ годъ) и своекоштными

(съ платою по 350 р. въ годъ). Въ каникулярное время воспитанницы продолжаютъ свои занятія самостоятельно, по предложеннымъ преподавателями программамъ. Въ семинаріи проходятся слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, математика, исторія, географія, естественная исторія, школовѣдніе, скорописаніе, рисованіе, пѣніе, женскія работы, шитье и кройка домашняго платья и бѣлья. Желающимъ преподается французскій или нѣмецкій языкъ въ особое отъ классныхъ занятій время, за особую плату 20 руб. въ годъ. Въ стипендіатки московскаго земства (30) принимаются по экзамену лица всѣхъ сословій не

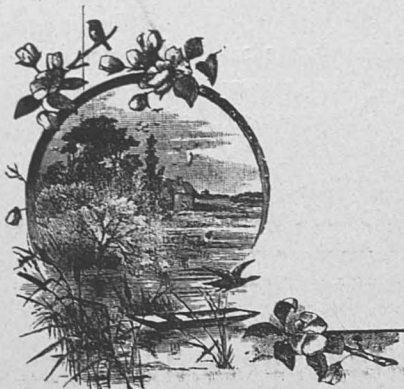
моложе 16 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія, безукоризненной нравственности, хорошаго здоровья, получившія общее образование и принявшія на себя обязательство по окончаніи курса прослужить четыре года въ моск. губ. въ должности учительницы сельской школы. Земскія стипендіатки поступаютъ въ старшій классъ въ маѣ и августѣ. Желающія поступить на стипендіи должны представить: 1. свидѣтельство о крещеніи, 2. свидѣтельство врача о неимѣніи органическихъ недостатковъ, препятствующихъ исполненію учительскихъ обязанностей. и 3) письменное, засвидѣтельствованное законеннымъ порядкомъ удостовѣ-

реніе въ томъ, что онѣ принимаютъ на себя обязательство прослужить по окончаніи курса определенное число лѣтъ въ моск. губ. въ должности учительницы сельской школы и вообще согласны подчиняться всѣмъ определеннымъ правилами требованіямъ. Если вновь поступающія стипендіатки воспитывались въ какомъ либо учебномъ заведеніи, то обязаны представить свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи отъ начальства этихъ заведѣй. Лица, поступившія на стипендіи и не пожелавшія продолжать свои занятія, обязаны внести всю сумму, израсходованную земствомъ на ихъ изученіе и содержаніе.

Е. Школы и курсы для изученія древнихъ и новыхъ языковъ (въ С.-Петербургѣ).

1) *Курсы учительницъ французскаго языка при Михайловскомъ дворцѣ* (Михайловская площадь). Своею цѣлью курсы имѣютъ готовить учительницъ французскаго языка для преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ. Обученіе продолжается 2 года. Принимаются лица, окончившія гимназію или институтъ.—2) *Женскіе курсы новыхъ языковъ М. М. Бобринцевой-Пушкиной* (Гагаринская, 36—8); кромѣ новыхъ языковъ преподаются исторія западно-европейскихъ литературъ, а также изящныя рукодѣлья. Существуютъ съ 1889 г.—3) *Женскіе курсы новыхъ языковъ, музыки и живописи М. Я. Лохвицкой-Скалонъ* (Невскій, 88). Школа состоитъ изъ трехъ специальныхъ отдѣленій. Въ отдѣленіи языковъ преподаются также исторія западно-европейскихъ литературъ и исторія цивилизаціи Франціи (или Германіи) на французскомъ (или нѣмецкомъ) яз., ведутся практическія упражненія въ разговорѣ и пись-

менномъ изложеніи на избранномъ иностранномъ языкѣ, для желающихъ читаются курсы латинскаго, русскаго языка и исторіи русской словесности. По выдержаніи окончательнаго испытанія слушательницы получаютъ дипломъ на званіе преподавательницы избраннаго языка съ правомъ преподавать его во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ и въ первыхъ четырехъ классахъ мужскихъ гимназій. Курсъ трехлѣтній; плата по 100 р. въ первый и второй годъ, 200 р.—въ третій годъ; за участіе въ отдѣльныхъ практическихъ курсахъ взимается 50—70 руб. въ годъ.—4) *Курсы новыхъ языковъ Ечинацъ* (Дмитровскій перд. 1) для лицъ обоего пола; преподаваніе ведется по натуральному методу, съ подраздѣленіемъ учащихся на группы.—5) *Вечерніе женскіе курсы древнихъ языковъ А. А. Кеммерлингъ* (Моховая, 10)—6) *Женскіе вечерніе классы для взрослыхъ; латинскій и новые языки* (Офицерская, 18)

Отдѣлъ II.

Женская благотворительность и трудовая помощь.

Предлагая вниманію читателей отдѣлъ женской благотворительности и трудовой помощи въ Россіи и за границей, мы сознаемъ, что наша попытка дать подробную характеристику положенія этого дѣла не можетъ быть названа вполне удачной. Многія безъ сомнѣнія важныя вещи здѣсь отсутствуютъ, и напротивъ нѣкоторымъ мелочамъ благотворительной области здѣсь придано большее, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, значеніе. Суть въ томъ, что статистическая и иная группировка фактовъ въ этомъ дѣлѣ пока еще далеко не доведена до степени совершенства. Здѣсь большею частью наблюдаются лишь разрозненныя усилія. Каждый бредетъ ощупью въ этой сферѣ, руководствуясь болѣе запросами и требованіями, иногда и даже часто немотивированными, своего сердца и не считаясь почти съ указаніями своего разсудка. Между тѣмъ раціональный, чисто головной взглядъ на вещи могъ бы именно въ этомъ дѣлѣ принести огромную пользу.

Большую часть матеріаловъ для нашего отдѣла мы заимствовали изъ журнала «Трудовая помощь», издающагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Журналъ этотъ, существующій всего лишь четыре года, неукоснительно слѣдитъ за движеніемъ благотворительнаго дѣла, какъ у насъ, такъ и за границей, и является живымъ отраженіемъ состоянія его въ каждый текущій моментъ. Онъ представляетъ собою у насъ первую попытку дать руководящія и направляющія принципы въ дѣлѣ организаціи связи всѣхъ благотворительныхъ учреждений въ Россіи.

Вотъ пунктъ, къ которому пришли въ настоящее время всѣ современные филантропы: объединеніе благотворительности. Дѣйствуя врознь, дѣйствуешь почти безъ пользы. Только въ объединяющемъ всѣхъ и вся принципѣ заключается спасеніе и нормальная дорога. Въ Москвѣ такую связующую роль взялъ на себя городской благотворительный совѣтъ. Въ другихъ городахъ пока только намѣчены попытки, довольно слабыя, къ объединенію всѣхъ филантропическихъ учреждений. Въ Одессѣ этихъ стремленій пока не замѣчается, и каждое учрежденіе нашего города къ сожалѣнію, идетъ своимъ путемъ.

Въ недалекомъ будущемъ филантропическія тенденціи въ лучшемъ и идейномъ смыслѣ слова *филантропія* возьмутъ верхъ. Принципъ трудовой помощи, какъ единственно раціональный, будетъ безъ сомнѣнія провозглашенъ руководящимъ принципомъ всего благотворительнаго дѣла. Пока онъ осуществленъ только въ домахъ трудолюбія, — единственная сфера благотворительнаго дѣла, которая можетъ считать себя, по всей справедливости, вполне объединенной.

Въ недалекомъ будущемъ филантропическія тенденціи въ лучшемъ и идейномъ смыслѣ слова *филантропія* возьмутъ верхъ. Принципъ трудовой помощи, какъ единственно раціональный, будетъ безъ сомнѣнія провозглашенъ руководящимъ принципомъ всего благотворительнаго дѣла. Пока онъ осуществленъ только въ домахъ трудолюбія, — единственная сфера благотворительнаго дѣла, которая можетъ считать себя, по всей справедливости, вполне объединенной.

Женская благотворительность и трудовая помощь въ Россіи.

А. Дома трудолюбія.

Въ настоящее время, какъ видъ трудовой помощи, болѣе всего распространены въ Россіи дома трудолюбія. Съ нихъ мы и начнемъ характеристику положенія благотворительности и трудовой помощи въ нашемъ отечествѣ.

Первоначально у насъ назывались домами трудолюбія женскія второразрядныя учебныя заведенія. Въ заведеніяхъ этихъ жили на полномъ содержаніи и получали образованіе бѣдныя осиротѣвшія дѣвочки. Такіе дома существовали въ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ. Этотъ типъ домовъ трудолюбія сохранился до сихъ поръ лишь въ Калугѣ. Въ 1847 г. дома трудолюбія были переименованы въ Елизаветинскія училища.

Дома трудолюбія, какъ мѣста для призрѣнія неимущихъ, стали основываться въ Россіи сравнительно недавно. Эта вторая форма домовъ трудолюбія, получившая теперь повсюду такое широкое распространеніе, имѣетъ своимъ родоначальникомъ рязанскій домъ, открытый въ 1821 г. и совмѣщающій въ себѣ начальную школу для убогихъ дѣтей, богадѣльню для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ и, наконецъ, работный домъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Главнымъ пропагандистомъ въ дѣлѣ учрежденія домовъ трудолюбія, какъ *принудительныхъ* мѣстъ

для борьбы съ нищетою, явился баронъ Буксгевденъ. Это — члвкъ идеи, посвятившій всего себя осуществленію и претворенію этой идеи въ жизнь. Чтобы ознакомиться со взглядами Буксгевдена на дома трудолюбія слѣдуетъ прочитать его статьи въ Schmolter's „Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich.“ Jahrg. 1885.

Дома, существующіе въ Россіи, открыты для мужчинъ и женщинъ. Въ совмѣстныхъ домахъ трудолюбія, конечно, обращено большое вниманіе на то, чтобы отдѣленія, въ которыхъ работаютъ мужчины, были наиболѣе тщательно изолированы отъ женскихъ отдѣленій. Въ нѣкоторыхъ домахъ однако существуютъ общія столовыя. Кромѣ совмѣстныхъ домовъ существуютъ у насъ и спеціально мужскіе, и спеціально женскіе дома трудолюбія. Есть также дѣтскіе дома, представляющіе собою типъ дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія. Образцомъ такого рода домовъ служитъ петербургскій Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія. Организація спеціальныхъ для мужчинъ и женщинъ домовъ трудолюбія объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что благотворительность значительно спеціализировалась теперь, въ особенности въ Петербургѣ. Кромѣ того мужскій и женскій трудъ имѣютъ каждый

свои особенности, преимущественно женской, добрыя три четверти котора о состоятъ изъ всевозможнаго рода шитья. Укажемъ здѣсь также на возникшіе недавно въ Петербургѣ дома трудолюбія, имѣющіе совсѣмъ спеціальныя цѣли. Таковы дома для образованныхъ женщинъ и для женщинъ, выходящихъ изъ родильныхъ пріютовъ (послѣдніе дома имѣютъ главною своею цѣлюю предоставление роженицамъ болѣе легкаго труда въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ до полнаго ихъ выздоровленія и восстановленія ихъ трудоспособности).

Въ устройствѣ домовъ трудолюбія, конечно, есть много всяческихъ пробѣловъ, которые современемъ, будемъ надѣяться, исчезнутъ. Всякое дѣло въ началѣ несовершенно. Укажемъ только на то, что потребность въ домахъ трудолюбія и, въ особенности, женскихъ домахъ чрезвычайно велика. Устройство женскихъ домовъ въ своей сущности должно различаться отъ устройства мужскихъ. По справедливому замѣчанію г. Евреинова, одного изъ ревностныхъ пропагаторовъ идеи домовъ трудолюбія, женскіе дома должны стоять какъ можно ближе къ населенію, т. е. должны быть разбросаны во всѣхъ частяхъ города и преимущественно тамъ, гдѣ ютится бѣдный людъ. „Тогда какъ (говоритъ г. Евреиновъ въ своей краткой запискѣ о положеніи домовъ трудолюбія въ Россіи „Трудовая Помощь“ № 1, 1899) въ мужскіе дома трудолюбія въ большинствѣ случаевъ являются люди, уже неимѣющіе постоянныхъ занятій и мѣста жительства, проводящіе день на улицѣ, а ночь въ ночлежномъ домѣ, въ женскіе дома трудолюбія наоборотъ часто приходятъ женщины семейныя, имѣющія свою квартиру и хозяйство, живущія на заработокъ мужа и желающія собственнымъ трудомъ лишь восполнить этотъ заработокъ въ виду его недостаточности для поддержанія семьи. Поэтому для женщинъ далеко небезразличенъ вопросъ о томъ, гдѣ будутъ расположены дома трудолюбія и будутъ-ли онѣ имѣть возможность пользоваться предложенною въ нихъ трудовою помощію, не покидая заботы о дѣтяхъ и хозяйствѣ. Существованіе потребности въ подобныхъ домахъ трудолюбія подтверждается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины, получившія облегченную работу по выходѣ изъ родильныхъ пріютовъ, продолжали работать въ домѣ трудолюбія, повидимому, и послѣ восстановленія полной своей трудоспособности, такъ какъ средній срокъ пребыванія женщины въ этомъ домѣ составляетъ около 4 мѣсяцевъ“.

Дома трудолюбія въ Петербургѣ.

[Для взрослыхъ лицъ обоого пола и специально женскіе].

1. *Первый домъ трудолюбія петербургскаго столичнаго попечительнаго общества о домахъ трудолюбія* (для приходящихъ обоого пола). Разсчитанъ на 260 человѣкъ. Обводный каналъ, № 145.

2. *Первый петербургскій городской домъ трудолюбія* (съ ночлежнымъ пріютомъ для лицъ обоого пола). Разсчитанъ на 200 человѣкъ. Открытъ въ 1848 г. Никольская площадь.

3. *Домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ* (приходящихъ). Разсчитанъ на 50 человѣкъ. Знаменская, № 2. Домъ учрежденъ въ 1886 году. Цѣль его — предоставленіе временнаго пріюта, а также возможности трудиться для полученія заработка впредь до болѣе прочнаго устройства своей судьбы — присканія постоянныхъ занятій. Сначала въ домѣ былъ устроенъ отдѣлъ переписки на пишущихъ машинахъ. Кромѣ переписки были организованы профессиональные отдѣлы работъ, введено теоретическое и практическое обученіе кройкѣ и шитью по системѣ г-жи Базаровой. Въ видахъ расширенія сферы женскаго труда введены курсы бухгалтеріи. На этихъ курсахъ занимались въ 1887 г. 15 женщинъ, изъ которыхъ семь получили дипломы, выдержавъ экзаменъ въ присутствіи директора департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскаго. Далѣе были организованы: переводы съ французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, испанскаго на русскій и обратно, корректура, составленіе плановъ и чертежей, брошюровка при работахъ литографскимъ способомъ на камнѣ, мѣтка гладью и крестами, живопись по стеклу, фарфору, бархату и атласу и разныя изящныя рукодѣлія. Занятія въ этомъ домѣ начинаются въ 10 час. утра и кончаются въ 6 час. вечера. Въ 4 часа — обѣдъ, бесплатно отпускаемый изъ столовыхъ баронессы Буксгевденъ и г-жи Аргиропуло. Американецъ г. Стоксъ (Stokes) пожертвовалъ 5,000 р. для выдачи съ нихъ процентовъ на ежегодное пособіе труженицамъ этого дома. Есть и другія крупныя пожертвованія.

4. *Первый домъ [трудолюбія въ Петербургѣ]* (для приходящихъ женщинъ). Разсчитанъ на 70 чел. Спасскій переулокъ, № 7.

5. *Первый домъ трудолюбія для женщинъ общества дешевыхъ сто-*

Комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Канцелярія комитета попечительства помѣщается въ Петербургѣ, Звенигородская ул., 22.

Изъ отчета о приходѣ и расходѣ суммъ попечительства за 1899 г. видно, что поступило: 1.170.809 р. 69 к. (остатокъ 1898 г. — 783.917 р. 92 к.), израсходовано: 317.835 р. 85 к. (въ томъ числѣ выдано попечительному обществу о домѣ трудолюбія для образованныхъ женщинъ въ Петербургѣ — 5,000 р.).

Приводимъ списокъ городовъ и селъ, въ которыхъ находятся дома трудолюбія.

Архангельскъ, Баку, г. Боровичи (Новгородской губ.), г. Бузулукъ (Уфимской губ.), село Бѣлое (Боровичскаго уѣзда), Варшава, Великія Луки, Верхнеуральскъ (Оренбургской губ.), Вильно, Витебскъ, Владиміръ, Вологда, Вольскъ (Саратовской губ.), Воронежъ, Вышній Волочекъ (Тверской губ.), Вятка, Гродно, Двинскъ (Витебской губ.), Екатеринбургъ (Пермской губ.), Елабуга (Вятской губ.), Елецъ (Орловской губ.), село Ивановское (Шлиссельбургскаго уѣзда), Калуга, Казань, Кіевъ, Ковно, Кронштадтъ, сл. Кукарка (Вятской губ.), Курганъ (Тобольской губ.), Курскъ, Люблинъ, Минскъ, Митава, Москва, Нижній-Новгородъ, Новая Ладога (Петербургской губ.), Новгородъ, Одесса, Омскъ, Орель, Оренбургъ, Орскъ (Оренбургской губ.), Петергофъ, Петрозаводскъ, Петроковъ, Плоцкъ, Полтава, Порховъ (Псковской губ.), Пермь, Псковъ, Радомъ, Ревель, Ростовъ-на-Дону, Рязань, Самара, Саратовъ, Семипалатинскъ, Симбирскъ, Слободской (Вятской губ.), Смоленскъ, С.-Петербургъ, Сызрань (Симбирской губ.), Сувалки, Таганрогъ (Области Войска Донскаго), Тамбовъ, Ташкентъ, Тверь, Тифлисъ, Тобольскъ, Томскъ, Торжокъ (Тверской губ.), Троицкъ (Оренбургской губ.), Тула, Уфа, Хабаровскъ, Харьковъ, Херсонъ, Хвалынскъ (Саратовской губ.), Царицынъ (Саратовской губ.), Царское Село, Челябинскъ (Оренбургской губ.), Череповецъ (Новгородской губ.), Черниговъ, Чита, Шадринскъ (Пермской губ.), Ямбургъ (Петербургской губ.), Яранскъ (Вятской губ.), Ярославль.

ловыхъ, чайныхъ и домовъ трудолюбія въ Петербургѣ (для приходящихъ). Разсчитанъ на 30 чел. Кромѣ этого комплекта 40 женщинъ работаютъ на сторонѣ. Женщины, работающія въ домѣ, получаютъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ и 2 раза чай съ хлѣбомъ. Заработная плата 10—20 коп. въ день. Продовольствіе — 12 к. Какъ во всѣхъ домахъ трудолюбія для женщинъ главная работа — шитье бѣлья. Присканіе работы — дѣло очень трудное и всецѣло зависитъ отъ личной энергіи надзирательницы. Домъ заключилъ подряды на 3 года съ управленіемъ варшавской желѣзной дороги на изготовленіе кителей для поѣздной прислуги, съ артиллерійскимъ училищемъ и съ начальствомъ военной школы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка на изготовленіе бѣлья. При домѣ трудолюбія — школа кройки и шитья. Число рабочихъ у него въ послѣднемъ отчетномъ году (1898—1899) было — 3,545. Петербургская сторона. Гулярная улица, № 8.

6. *Больше-Охтенскій домъ трудолюбія того-же общества* (для приходящихъ женщинъ и дѣтей). Разсчитанъ на 40 чел. Хотя домъ этотъ и не носитъ названія дома для дѣтей, тѣмъ не менѣе, главный его контингентъ составляютъ дѣвочки-подростки, 12—14 лѣтъ. Лучшія работы исполняются дѣтьми, которыя и выучились работать въ самомъ домѣ. Домъ занимается шитьемъ платьевъ, преимущественно дѣтскихъ, и бѣлья, а также вышиваніемъ, мѣткою гладью и вязаніемъ чулокъ. Работы начинаются въ 9 ч. утра и кончаются въ 6 ч. вечера. Больше-Охтенскій проспектъ, № 52—3.

7. *Домъ трудолюбія общества для вспоможенія бѣднымъ приходомъ Казанскаго собора* (для приходящихъ женщинъ). Разсчитанъ на 30 чел. Временно закрытъ. Екатерининскій каналъ, № 33.

8. *Домъ трудолюбія благотворительнаго общества при городскихъ родильныхъ пріютахъ въ Петербургѣ* (для женщинъ, выходящихъ изъ этихъ пріютовъ). Разсчитанъ на 20 чел. Фонтанка, № 60.

9. *Домъ трудолюбія общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Троицкой церкви, что въ Суворовскомъ участкѣ*. Свѣдѣній нѣтъ. Наличная улица, № 2.

Дома трудолюбия въ Петербургѣ для дѣтей.

1. *Петербургскій Ольминскій дѣтскій пріютъ трудолюбія.* Разсчитанъ на 200 чел. Царская Славянка, близъ г. Павловска.
2. *Дѣтскій пріютъ трудолюбія св. Олы.* На 35 чел. Петербургская сторона. Карповка, № 23.

3. *Домъ трудолюбія для дѣтей Сынной площади и дома Взвѣскаго.* На 70 чел. Фонтанка, № 95, кв. 20.
4. *Домъ трудолюбія для подростковъ въ Галерной тавани.* На 30 чел. Уголъ Косой линіи и Большого проспекта, № 1—66.

Женскіе дома трудолюбія въ Москвѣ.

Городской женскій домъ трудолюбія имени Торбовыхъ. Разсчитанъ на 100 человекъ. Въ 1899 г. за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по содержанію дома даль чистой прибыли отъ работъ — 5,338 р. 30 к. Согласно уставу своему домъ трудолюбія сумму эту обращаетъ въ спеціальныя средства дома для выдачи бѣднѣйшимъ работницамъ бесплатно приклада къ работѣ и т. под. помощи. Въ 1900 году черезъ домъ трудолюбія Московская городская управа начала производить хозяйственную заго-

товку бѣлья и одежды для больницы, богадѣленъ и друг. городскихъ учреждений. Почти всѣ 100 мѣстъ въ настоящее время заняты. По отчету за январь 1900 г. каждая работница за день въ среднемъ заработала 49 к. При домѣ имѣется столовая, гдѣ за 5 к. работницы получаютъ обѣдъ.

Общество „Московскій Муравейникъ“. Домъ разсчитанъ на 50 человекъ.

Провинціальныя женскіе и дѣтскіе дома трудолюбія.

Владимірскій женскій домъ трудолюбія разсчитанъ на 50 человекъ. Дѣятельность его заключается въ изготовленіи предметовъ разнаго рода одежды, которая затѣмъ бесплатно поступаетъ частью въ пособіе тѣмъ изъ бѣднѣйшихъ жителей губерніи, которые въ ней нуждаются, но большею частью въ пособіе сельскимъ обывателямъ, нерѣдко страдающимъ отъ опустошительныхъ пожаровъ. Средній годовою заработокъ одинокой женщины составляетъ около 50 рублей въ годъ, изъ которыхъ половина выдается марками столовой. Въ 1899 г. въ этомъ домѣ было изготовлено — 8,867 вещей. Принимались также заказы по размоткѣ шелка и по изготовленію бѣлья.

Смоленскій домъ трудолюбія, основанный въ 1898 г., судя по отчету за 1899 г., носитъ скорѣе характеръ женскаго дома трудолюбія чѣмъ мужскаго. Такъ, къ 1-му января 1900 г. въ немъ было 22 женщины и 3 мужчинъ. Въ теченіе 1899 г. женщинъ въ немъ перебывало 6,034, а мужчинъ — 962.

Во Вышнемъ Волочкѣ (Тверской губ.) домъ разсчитанъ на 75 чел. Работаютъ женщины и дѣти.

Во Бузулукѣ (Уфимской губ.) домъ разсчитанъ на 100 человекъ Преимущественно работаютъ дѣти.

Во Ельцѣ (Орловской губ.) дѣтскій домъ трудолюбія (для дѣвочекъ). Домъ разсчитанъ на 100 чел.

Во Люблинѣ домъ трудолюбія преимущественно служитъ для нуждъ женщинъ. Женщины подъ наблюденіемъ надзирательницы, руководящей работами, занимаются стиркою и глаженіемъ бѣлья, шитьемъ, штопаньемъ, уборкой комнатъ, сортировкой отбросовъ и оттуда же поступаютъ въ услуженіе. Люблинскій домъ трудолюбія имѣетъ еще и то особенное значеніе, что освобождаетъ женщинъ, поступающихъ въ него, отъ эксплуатаціи евреекъ-факторшъ. Въ 1899 г. работами было занято: 12 взрослыхъ мужчинъ, 124 женщины, 3 подростка, 48 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ.

Во Херсонѣ домъ разсчитанъ на 100 чел. Работаютъ преимущественно дѣти.

Во Яранскѣ (Вятской губ.) домъ разсчитанъ на 20 человекъ. Работаютъ дѣти.

Во Ярославлѣ домъ разсчитанъ на 40 чел. Работаютъ дѣти.

Б. Благотворительность С.-Петербурга.

Въ дѣлѣ женской благотворительности С.-Петербургъ сдѣлалъ въ послѣднее время огромные шаги впередъ. Съ каждымъ годомъ, почти даже съ каждымъ мѣсяцемъ число благотворительныхъ обществъ и учреждений, возникшихъ по инициативѣ женщинъ или руководимыхъ ими, все увеличивается. Отзывчивость, гуманность, доброта и мягкость сердца—вообще отличительныя черты нашей женщины. Но это положеніе долгое время было теоретическимъ, и его можно было оспаривать, такъ какъ для женской самостоятельности въ этой области не только не было поощренія со стороны высшихъ сферъ, а напротивъ скорѣе были мѣры запретительныя. Только въ послѣдніе годы правительство стало оказывать поддержку проявленіямъ активной работы женщинъ на этомъ глубоко симпатичномъ поприщѣ. Обращаясь къ характеристикѣ положенія женской благотворительности въ столицѣ, мы не намѣрены давать подробный и сухой, ничего не выражающій перечень всѣхъ обществъ и учреждений Петербурга, основанныхъ или управляемыхъ женщинами. Мы хотѣли-бы въ краткихъ картинахъ представить читателямъ наиболѣе выдающіеся пункты женской дѣятельности въ Петербургѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, наиболѣе крупныхъ городахъ нашего отечества.

Пока еще не объединенныя общей идеей и общимъ руководствомъ женскія благотворительныя общества Петербурга, Москвы и провинціи ведутъ жизнь нѣсколько разрозненную. Каждое общество и

учрежденіе почти всецѣло занято своимъ устройствомъ и выработкою мѣръ къ лучшей своей организаци и лучшему своему существованію, не интересуясь или мало интересуясь жизнью и развитіемъ другихъ подобныхъ ему обществъ и учреждений. Такъ дѣло обстоитъ нынѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ ясно, что идея общей организаци проникаетъ все глубже въ сознаніе женщинъ-благотворительницъ и, можетъ быть, недалеко то время, когда эта идея разовьется и перейдетъ въ жизнь, воплотится въ осязательныхъ формахъ, и тогда создастся, конечно, въ столицѣ какое-либо центральное для всей Россіи женское учрежденіе, направляющее жизнь и дѣятельность всѣхъ остальныхъ обществъ. Въ такомъ могучемъ и все вмѣщающемъ въ себѣ центральномъ органѣ вообще нуждается благотворительность нашего отечества. Примѣръ Западной Европы, гдѣ теперь всѣ стремятся къ объединенію благотворительности и трудовой помощи въ общихъ направляющихъ и указующихъ органахъ, не можетъ остаться совершенно безслѣднымъ для насъ. Идея благотворительности только тогда можетъ быть великой и сильной и только тогда можетъ проявить себя могуче, когда всѣ разрозненныя до сихъ поръ усилія будутъ приведены къ одному знаменателю. Это — главное, изъ чего надо исходить. Мы твердо вѣримъ и надѣемся, что эта идея, уже зародившаяся среди нашихъ женщинъ, вскорѣ осуществится, реализуется.

Россійское общество защиты женщинъ.

Въ С.-Петербургѣ, подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгениіи Максимиліановны Ольденбургской образовалось въ 1900 году „Россійское общество защиты женщинъ“. Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ по своимъ основнымъ идеямъ общество. Съ него мы и начнемъ свою характеристику женской благотворительности въ С.-Петербургѣ. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности быть вовлеченными въ развратъ и возвращенію уже падшихъ женщинъ къ честной жизни. Для достиженія этой цѣли общество: а) способствуетъ

устройству въ установленномъ законѣ или правительственными распоряженіями порядкѣ пріютовъ св. Магдалины, а также всякаго рода другихъ учреждений, имѣющихъ цѣлью улучшить матеріальныя и нравственныя условія жизни женщинъ, и оказываетъ поддержку существующимъ учреждениямъ подобнаго рода; б) содѣйствуетъ изысканію мѣръ для огражденія молодыхъ дѣвушекъ отъ обмана и эксплуатаціи и для доставленія пріюта и заработка какъ безпріютнымъ честнымъ женщинамъ, такъ и тѣмъ, которыя желаютъ оставить безнравственную жизнь; в) сообщаетъ подлежащимъ властямъ о дошедшихъ до его свѣдѣнія

случаяхъ преступнаго вовлеченія женщины въ развратъ и, при возбужденіи дѣлъ о преступленіяхъ сего рода, содѣйствуетъ потерпѣвшимъ отъ преступленія женщинамъ въ защитѣ ихъ интересовъ на судѣ въ предѣлахъ установленныхъ уставомъ уголовного судопроизводства правилъ; г) открываетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ портовыхъ городахъ и большихъ промышленныхъ центрахъ, свои отдѣленія, дѣйствующія въ предѣлахъ устава и особыхъ инструкцій; д) входитъ въ сношенія съ существующими обществами, имѣющими ту-же цѣль, способствуетъ всякими способами успѣшному развитію ихъ дѣятельности, устанавливаетъ въ потребныхъ случаяхъ между ними взаимодѣйствіе и служитъ посредникомъ между ними и иностранными обществами того-же типа; е) является представителемъ русскихъ обществъ защиты женщинъ въ учрежденномъ въ Лондонѣ Международномъ Комитетѣ борьбы съ продажей женщинъ, ж) старается, на сколько возможно, распространять здравыя понятія о нравственности и о вредѣ разврата и для сего, съ разрѣшенія надлежащей власти и съ соблюденіемъ требованій закона и правительственныхъ распоряженій, устраиваетъ публичныя чтенія, издаетъ литературныя и ученыя сочиненія и, въ случаѣ возможности, выпускаетъ свой періодическій органъ печати.

Общество состоитъ изъ Августѣйшей Предсѣдательницы и неограниченнаго числа членовъ обоего пола, достигшихъ совершеннолѣтія, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій. Управление дѣлами общества ввѣряется ея Августѣйшей Предсѣдательницѣ и особому комитету,

Общество попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ.

Общество это возникло въ 1897 году, насчитываетъ нынѣ до 300 членовъ и преслѣдуетъ цѣли трудовой помощи въ обширномъ смыслѣ этого слова. Общество, согласно уставу его, направлено къ тому, чтобы: 1) предохранитъ молодыхъ дѣвицъ, преимущественно рабочаго класса, какъ-то: ремесленницъ, фабричныхъ и служанокъ, отъ дѣйствія окружающихъ ихъ вредныхъ въ нравственномъ отношеніи условій жизни и 2) содѣйствовать ихъ нравственному развитію. Для болѣе успѣшнаго выполненія задачъ общества образованы отдѣлы его въ различныхъ частяхъ города. Первымъ по времени возникъ литеино-рождественскій отдѣлъ. Дѣятельность общества прежде всего выразилась въ устройствѣ воскресныхъ собраній, которыя предоставили-бы возможность дѣвушкамъ-работницамъ разумно, полезно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно провести свой праздничный день. Здѣсь желающія обучались кройкѣ, шитью, вязанію, упражнялись въ чтеніи, письмѣ (болѣе всего посѣщались курсы кройки). Далѣе шла духовная бесѣда. Потомъ чтенія научнаго характера. Съ пяти часовъ занятія прекращались и начинались развлечения. Дѣвушки танцевали подъ звуки рояля. Устраивались подвижныя игры. Съ 6 до 9 часовъ происходили литературно-музыкальное отдѣленіе. При обществѣ существовали читальня и буфетъ. Каждое воскресенье бывало отъ 100 до 200 посѣтительницъ. Съ цѣлью разнообразія программы устраивались также осмотры музеевъ, выставокъ и предпринимались различнаго рода экскурсіи. 1 октября 1899 г. общество открыло новое общежитіе дѣвушекъ-работницъ. Расчитанное

который состоитъ изъ предсѣдательницы или предсѣдателя, изъ 12-ти членовъ съ 6-ю къ нимъ кандидатами и по одному представителю отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Представители эти назначаются подлежащими министрами по принадлежности и, пользуясь вообще правами членовъ комитета наравнѣ съ другими, служатъ главнымъ образомъ посредниками между обществомъ и соответствующими центральными вѣдомствами въ цѣляхъ оказанія послѣдними первому возможному содѣйствію при достиженіи его цѣли. не неся однако какихъ-либо особыхъ по обществу обязанностей. Независимо отъ сего членами комитета состоятъ всѣ предсѣдатели отдѣленій общества, а равно и предсѣдатели всѣхъ тѣхъ обществъ и учреждений, преслѣдующихъ одинаковыя съ россійскимъ обществомъ защиты женщинъ цѣли. каковыя изъявляютъ согласіе пользоваться его посредничествомъ и будутъ къ тому допущены комитетомъ.

Предсѣдательство въ комитетѣ изволила принять на себя Ея Высочество Принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская. Товарищемъ предсѣдателя избранъ статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ. Члены комитета: графиня С. В. Панина, графиня В. В. Толстая, баронъ Г. Г. Винскенъ (казначей), В. Ф. Дерижинскій, графъ П. А. Капнистъ, графъ В. А. Мусинъ-Пушкинъ, д-ръ П. Е. Обозненко, Г. Л. Томашевскій (секретарь). Представители министерствъ: внутреннихъ дѣлъ — директоръ департамента полиціи С. Э. Зволинскій (замѣститель — вице-директоръ А. М. Войтовъ), иностранныхъ дѣлъ — директоръ втораго департамента Н. А. Малевскій-Малевичъ.

лишь на 19 человѣкъ. общежитіе нынѣ приспособлено на 38 человѣкъ. Оно состоитъ изъ 7 спаленъ. Въ общежитіи теперь помѣщаются уже 33 дѣвушки. Большая часть ихъ служитъ въ швейныхъ мастерскихъ. нѣкоторыя ходятъ работать пощенно или шьютъ дома. По правиламъ общежитія жилицы не могутъ принимать въ общежитіи мужчинъ. Возвращаться должны не позже 12 часовъ ночи, когда тушатся и яампы. При общежитіи есть столовая. Изъ 19 первоначальныхъ обитательницъ общежитія было — 16 портнихъ, 1 учительница гимнастики и 2 конторщицы.

Дополнительныя свѣдѣнія объ обществѣ попеченія о молодыхъ дѣвицахъ таковы: въ настоящее время открыто уже три воскресныхъ собранія въ Петербургѣ (на Пескахъ, на Воскресенскомъ проспектѣ и на Васильевскомъ островѣ) для дѣвушекъ рабочаго класса. Въ общемъ-на этихъ собраніяхъ бываетъ еженедѣльно около 600 посѣтительницъ. не моложе 14 лѣтъ и, разумѣется, большинство изъ нихъ — очень юныя дѣвушки, которыхъ внѣ воскресныхъ собраній ждали-бы иныя впечатлѣнія, иные интересы, зачастую увлекающіе дѣвушку на опасную дорогу.

Лицъ, интересующихся обществомъ, просятъ обращаться къ предсѣдательницѣ комитета А. В. Арцимовичъ (С.-Петербургъ, Шпалерная, 32), а желающихъ работать въ воскресныхъ собраніяхъ — къ завѣдующимъ ими: О. К. Нечаевой (Невскій, 5), О. Н. Спирингъ (Малый проспектъ, 14) и А. П. Рагозиной (Кузнечный переулокъ, 14).

Женское взаимно-благотворительное общество.

Дѣятельность существующаго въ Петербургѣ уже восьмой годъ такъ называемаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества ограничена только столицей. Тѣмъ не менѣе дѣятельность эта очень разнообразна и заслуживаетъ всяческаго вниманія и подражанія. Цѣль общества — оказывать помощь нуждающимся лицамъ женскаго пола, проживающимъ въ Петербургѣ.

Помощь выражается: а) въ предоставленіи лицамъ женскаго пола удобнаго помѣщенія для пребыванія въ свободное отъ занятій время; б) въ пріисканіи мѣста и занятія, в) въ доставленіи пищи; г) въ назначеніи по мѣрѣ возможности денежныхъ пособій и д) въ устройствѣ кассы взаимопомощи, читальни и т. д.

Число членовъ доходить до 2.000. Кромѣ членскихъ взносов (5 рублей каждый) получаютъ пожертвованія, сборы съ концертовъ, лекцій и т. д. Цѣль общества однако не только филантропическая, — общество стремится къ удовлетворенію умственныхъ потребностей своихъ членовъ и съ этой цѣлью учредило 3 отдѣла: 1) отдѣлъ научно-литературный или рефератный, 2) кружокъ домашнихъ чтеній и 3) музыкальный кружокъ. Въ первомъ кружкѣ рефераты носятъ самый разнообразный характеръ. Вотъ нѣсколько темъ: „Новыя женскіе типы въ скандинавской литературѣ“, „О положеніи интеллигентной работницы“, „Женщина въ народномъ образованіи“, „О женской преступности съ

антропологической точки зрѣнія“ и т. д. Въ кружкѣ домашнихъ чтеній разсматривались вопросы, болѣею частью относящіеся къ общественному и матеріальному положенію женщины. Между прочимъ были пренія по вопросу объ юридическомъ образованіи женщины. Далѣе при обществѣ существуетъ кружокъ изученія англійскаго языка, были курсы бухгалтеріи, дѣланія искусственныхъ цвѣтовъ, читался курсъ подачи лервой помощи при несчастныхъ случаяхъ, устроено фотографическій кружокъ, читались лекціи выразительнаго чтенія и декламации. Было также устроено справочное бюро, въ которомъ записывались ищущія занятій. Въ 1898 г., напр., цифры предложеній въ бюро дошли до 561 требованій — до 387, удовлетворено просьбъ до 163. Въ 1897 г. учреждена касса взаимной помощи по выдачѣ ссудъ, принятія сбереженій, при чемъ ежемѣсячный взносъ допускается, начиная съ 1 рубля.

Общество устроило мастерскую шитья для интеллигентныхъ работницъ; а также постоянное и временное общежитіе для нихъ. Составъ работницъ въ мастерской — самый разнообразный: гимназистки, институтки, кончившія профессиональныя школы. Здѣсь-же открыты курсы кройки и шитья, въ программу которыхъ включено чтеніе исторіи и теоріи моды, сочетаніе красокъ, ознакомленіе со стилемъ, анатомія, рисованіе, товаровѣдѣніе. Въ 1898 г. устроено постоянное общежитіе для интеллигентныхъ женщинъ, занимающее два каменныхъ флигеля

(Калашниковская пристань, № 30). Всѣхъ комнатъ въ общежитіи — 60. Цѣна этъ 5 до 28 рубл. въ мѣсяцъ. Въ столовой обѣдъ изъ 3 блюдъ — 35 коп., завтракъ — 15—20 коп. Въ одномъ флигелѣ помѣщаются только одинокія, въ другомъ могутъ жить и матери съ малолѣтними дѣтьми. Кромѣ постоянного есть еще временное общежитіе, организованное осенью 1899 года по совершенно новому образцу. При взаимно-благотворительномъ обществѣ существуетъ специальный благотворительный отдѣлъ. Цѣли отдѣла заключаются въ слѣдующемъ: оказаніе помощи больнымъ, престарѣлымъ и потерявшимъ заработокъ интеллигентнымъ женщинамъ, устройство постоянныхъ и временныхъ убѣжищъ, организація для бѣдныхъ врачебной помощи и, по возможности, возвышеніе трудовой способности женщинъ. Отдѣлъ имѣетъ два бюро: специальное, благотворительное и трудовой помощи. Последнее въ своей программѣ заключаетъ слѣдующіе пункты: организація курсовъ по специальнымъ предметамъ (напр., практическое изученіе французскаго языка и стенографіи), помѣщеніе нуждающихся на существующіе въ Петербургѣ курсы и въ профессиональныя школы, помощь въ покупкѣ нужныхъ для работы инструментовъ и машинъ, устройство выставокъ и складовъ для сбыта женскихъ работъ, а также организація и самыхъ работъ для проживающихъ въ убѣжищѣ. Устройство временнаго убѣжища представляетъ собою первый опытъ примѣненія этой программы. Убѣжище состоитъ изъ пяти комнатъ. Въ четырехъ помѣщаются жилички. Пятая — общая рабочая и пріемная. Двѣ комнаты имѣютъ по четыре кровати съ платою за каждую по 3 рубля. Въ остальныхъ двухъ находится по двѣ кровати, за которыя платится по 5 рублей. Въ рабочей комнатѣ

есть швейная машина, пишущая ремингтоновская, большой столъ для работы. Есть ванная. Обѣдъ изъ двухъ блюдъ — 20 коп. Срокъ пребыванія въ этомъ убѣжищѣ до отысканія работы ограниченъ тремя мѣсяцами. Въ исключительныхъ случаяхъ его можно продлить. Есть женщина-врачъ. Есть библиотека. Составъ жилищъ довольно разнообразенъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ учреждений общество основало еще кружокъ „На помощь дѣтямъ“. Здѣсь организовано шитье одежды для бѣдныхъ дѣтей. Въ 1897 г. съ исключительно благотворительною цѣлью по случаю наводненія въ Петербургѣ временно былъ образованъ кружокъ для помощи пострадавшимъ. Есть также комитетъ для помощи голодающимъ, который посылалъ отъ себя работницъ на мѣсто нужды.

Въ „Трудовой Помощи“ (іюнь, 1900 г.) есть статья М. Воропновой посвященная этому обществу. Авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Такъ какъ общество отвѣчаетъ существеннымъ потребностямъ русской жизни, то оно заслуживаетъ вполне сочувственной поддержки, при которой не слѣдуетъ смущаться случайными ошибками и промахами, вездѣ неизбежными. Пусть-же проявляется это сочувствіе, а въ самомъ обществѣ укрѣпляется солидарность съ устраненіемъ всякихъ личныхъ счетовъ и самолюбій, долженствующихъ уступить основному интересу — живой помощи тѣмъ, кому общество призвано помогать“. См. также В. Стасовъ „Н. В. Стасова. Воспоминанія и очерки“. Спб. 1899 г. — Е. Литвинова „А. Б. В и Г русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества“ (Женское Дѣло. 1899 кн. 1, 2, 4).

Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ.

Въ 1900 году исполнилось тридцатипятилѣтіе существованія въ Петербургѣ общества для пособія бѣднымъ женщинамъ. По своему уставу, утвержденному 15 сентября 1865 года, общество это имѣетъ цѣлью доставлять бѣднымъ лицамъ женскаго пола, какъ несовершеннолѣтнимъ, такъ и взрослымъ, способы вести честную и трудолюбивую жизнь, а равно заботиться о нравственномъ ихъ состояніи. Для достиженія этой цѣли общество прискиваетъ для бѣдныхъ женщинъ мѣста, учреждаетъ съ надлежащаго разрѣшенія школы, руководѣли, ремесленныя заведенія и богадѣли и заботится объ отправленіи бѣдныхъ лицъ, по ихъ желанію, на родину. Общество состоитъ изъ отдѣльных „кружковъ“, во главѣ которыхъ состоятъ особыя выборныя правленія съ предсѣдательницею, секретаремъ, казначеемъ и прочими членами; каждый изъ такихъ кружковъ вѣдаетъ то или другое изъ благотворительныхъ учреждений общества.

Въ настоящее время при обществѣ имѣются слѣдующіе кружки и учреждения: Александровскій пріютъ, состоящій подъ покровительствомъ Великой Княгини Елисаветы Мавриковны, литейно-таврической кружокъ, убѣжище для дѣтей слабосильныхъ и выздоравливающихъ,

состоящее подъ покровительствомъ Великой Княгини Ксеніи Александровны, домъ дешевыхъ квартиръ и пріютъ для старушекъ, убѣжище для престарѣлыхъ женщинъ и кружокъ по устройству дешевыхъ квартиръ для бѣднѣйшихъ жителей Галерной гавани по случаю наводненія. Кромѣ того при литейно-таврическомъ кружкѣ состоятъ: райоловскій пріютъ для дѣвочекъ и учебная мастерская съ приготовительными классами и убѣжищемъ. Особаго вниманія изъ этихъ учреждений заслуживаетъ между прочимъ пріютъ св. Ксеніи, имѣющій цѣлью дать возможность молодымъ учащимся дѣвизамъ имѣть за недорогую плату теплое помѣщеніе съ обстановкою, освѣщеніемъ и готовымъ домашнимъ столомъ. Въ 1898 году во всѣхъ учрежденіяхъ общества призрѣвалось 57 малолѣтнихъ дѣтей, 188 подростковъ, 61 трудящихся и учащихся дѣвицъ, 56 взрослыхъ и 20 престарѣлыхъ женщинъ. По тѣмъ-же учрежденіямъ и комитету общества числилось 393 членовъ. Пріходъ общества достигъ 70,520 р. 45 к. Израсходовано 53,964 р. 69 к. и къ 1 января 1899 г. капиталъ всѣхъ учреждений и комитета общества составлялъ 191,640 р. 93 к., помѣщенныхъ почти всецѣло въ процентныхъ бумагахъ, хранящихся въ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Общество попеченія о выздоравливающихъ и слабосильныхъ.

Общество возникло въ Петербургѣ въ 1895 году. Уставъ его утвержденъ 6 февраля 1895 г. Оно имѣетъ цѣлью дать возможность малосостоятельнымъ людямъ отдохнуть и оправиться послѣ перенесенной болѣзни и собраться съ новыми силами для добыванія трудового куска хлѣба. Въ виду имѣвшихся свѣдѣній объ особой необходимости придти прежде всего на помощь нуждающимся женщинамъ правленіе признало наиболѣе соответственнымъ создать для нихъ первое убѣжище

общества, надѣясь, что приливъ средствъ позволитъ ему открыть такое-же убѣжище и для мужчинъ. Убѣжище для женщинъ открыто 23 октября 1896 года. Въ убѣжищѣ два отдѣленія — для женщинъ рабочаго класса и интеллигентнаго класса. Тѣхъ и другихъ въ среднемъ болѣе 100 человекъ. Призрѣваемая занимаются шитьемъ разныхъ предметовъ. Предсѣдательницей правленія является баронесса В. И. Мейендорфъ, вице-предсѣдательницей — графиня В. В. Толстая.

Общество руководѣлія.

Петербургское общество руководѣлія было основано по желанію и почину Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ концѣ марта 1897 г. и состоитъ подъ Ея Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ. Цѣль общества — помогать бѣднымъ жителямъ Петербурга раздачею въ зимнее время одежды черезъ посредство благотворительныхъ учреждений и преимущественно по прошеніямъ, поступающимъ черезъ членовъ общества отъ лицъ извѣстныхъ, нуждающихся въ помощи, а также содѣйствовать распространенію занятія руководѣльными работами. Обще-

ство подраздѣляется на группы, которыхъ въ отчетномъ году было семнадцать. Предсѣдательницами этихъ группъ состоятъ: Великія Княгини Марія Павловна, Елисавета Мавриковна, Ксенія Александровна и Анастасія Николаевна и слѣдующія высокопоставленныя дамы: В. В. Арсеньева, М. А. Васильчикова, М. В. Воейкова, графиня С. П. Гендрикова, графиня Е. В. Левашева, А. Н. Нарышкина, Н. А. Огарева, графиня М. К. Паленъ, графиня С. В. Панина, М. Н. Сперанская, Н. И. Танѣева, баронесса Э. В. Фредериксъ и графиня Е. В. Шувалова.

Центральное общество благотворительности.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ недавно уставъ центрального общества благотворительности въ С.-Петербургѣ. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать успѣху благотворительности въ Петербургѣ путемъ ознакомленія, какъ съ положеніемъ нуждающихся въ

помощи лицъ и семей, такъ и съ существующими въ столицѣ благотворительными учрежденіями, а также путемъ объединенія благотворительной дѣятельности, упроченія ея и содѣйствія отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ цѣлесообразномъ осуществленіи задачъ по оказанію

помощи бѣднымъ и предупрежденію нужды. Въ объединяющемъ всѣ благотворительныя учрежденія столицы обществѣ давно уже всѣ нужды даются. Поэтому возникновеніе общества нельзя не привѣтствовать. Среди учредителей мы встрѣчаемъ имена княжны Е. Н. Оболенской,

княгини И. А. Лобановой-Ростовской, княжны М. С. Щербатовой, К. Д. Безиѣновой, графини З. И. Гендриковой, княжны И. А. Дондуковой-Корсаковой и др.

Благотворительная санаторія для женщинъ.

Съ марта 1900 года въ Петербургѣ существуетъ благотворительная санаторія для женщинъ. Въ санаторію принимаются женщины какъ образованнаго класса, такъ и изъ престопаго всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій, нуждающіяся въ отдыхѣ, подкрѣпительной пищѣ и хорошемъ воздухѣ для возстановленія силъ послѣ перенесенной болѣзни или усиленнаго труда. Не принимаются: чахоточныя, эпидемическія, поправляющіяся послѣ заразныхъ болѣзней или требующія особаго ухода и леченія. Санаторія помѣщается въ Лѣсномъ, по Старо-Поргаловской дорогѣ, въ собственномъ домѣ № 53, въ возвышенной, песчаной, изобилующей сосною мѣстности. Помѣщеніе санаторіи комфортабельно меблировано, съ свѣтлыми, постоянно вентилируемыми спальнями, обширными залами, широкими корридорами и ваннами. Срокъ пребыванія зависитъ отъ усмотрѣнія врача. Плата за

помѣщеніе съ полнымъ продовольствіемъ и общимъ медицинскимъ надзоромъ установлена по разрядамъ: 1) въ общей комнатѣ — 1 р. 75 к. въ недѣлю; 2) въ общей-же комнатѣ, но раздѣленной драпировками на 2 или на 3 особыхъ помѣщенія — 5 р. въ недѣлю. Хотя эта плата покрываетъ лишь отчасти издержки на содержаніе пациентки, но съ разрѣшенія правленія допускается и уменьшеніе платы или освобожденіе отъ нея по засвидѣтельствованію о бѣдности. Сочувствующіе важной цѣли своевременнаго поддержанія силъ бѣдныхъ труженицъ могутъ обращать пожертвованія деньгами или вещами къ д-ру Вагнеру—Невскій, № 19, или къ д-ру Бари — Васильевскій островъ, 1-я линія, № 56, гдѣ также принимаются членскіе взносы — 5 р. ежегодно или 100 р. единовременно. Единовременный взносъ — 1000 р. даетъ званіе почетнаго члена общества.

Маринскій родовспомогательный домъ *).

Однимъ изъ глубоко симпатичныхъ и образцовыхъ благотворительныхъ учрежденій въ Петербургѣ является Маринскій родовспомогательный домъ (уставъ дома Высочайше утвержденъ 26 ноября 1893 г.). Управленіе этимъ домомъ организовано по типу благотворительныхъ обществъ. Такъ, лица, содѣйствующія поддержанію Маринскаго родовспомогательнаго дома средствами или личнымъ трудомъ, получаютъ званіе почетныхъ членовъ и членовъ-благотворителей. Они образуютъ общее собраніе членовъ, которое уже отъ себя избираетъ для главнаго завѣдыванія родовспомогательнымъ домомъ совѣтъ его. Непосредственное-же завѣдываніе домомъ въ медицинскомъ, учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ возлагается на директора, которому подчиняется въ административномъ порядкѣ весь личный составъ дома, за исключеніемъ члена по хозяйственной части. Въ домъ принимаются всякія беременныя, за исключеніемъ лишь умалишенныхъ и одержимыхъ сифилисомъ или другими прилипчивыми болѣзнями. Интересно затѣмъ, что въ это заведеніе беременныя и роженицы принимаются безъ всякихъ видовъ на жительство и др. документовъ. „Если роженица почему-либо не желаетъ обнаружить своего имени, то никто не имѣетъ права принуждать ее къ этому. Въ подобномъ случаѣ она должна вручить директору запечатанную записку, въ которой обозначены фамилія ея, званіе и мѣсто жительства. Записка эта возвращается роженицѣ при выпискѣ изъ родовспомогательнаго дома и можетъ быть вскрываема только въ случаѣ смерти роженицы для зависящихъ распоряженій по погребенію, (§ 48 устава). Такое въ высшей степени гуманное правило примѣняется, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ. По правилу, принятому въ томъ-же Маринскомъ домѣ, въ него

поступаютъ преимущественно тѣ беременныя, у которыхъ роды уже начались. „Беременныя-же, у которыхъ роды предвидятся только чрезъ нѣсколько времени, отсылаются, причемъ имъ опредѣляется приблизительно день, когда онѣ могутъ быть приняты въ заведеніе... Изъ этого составляютъ исключеніе тѣ, у которыхъ хотя и не предвидится близкое наступленіе родовъ, но которыя одержимы важными страданіями, требующими безотлагательной помощи. Подобныя беременныя могутъ быть принимаемы за нѣкоторое время до родовъ...“ (§ 49). Здоровыя родильницы могутъ находиться въ заведеніи не болѣе 9 дней, больныя-же — сколько нужно по свойству ихъ болѣзни. Но родильницы, требующія продолжительнаго и спеціальнаго леченія, переводятся въ городскія больницы. „Всѣ родильницы обязательно должны сами кормить своихъ младенцевъ, ежели не представляется какихъ-либо противопоказаній къ этому“ (§ 51). Выходя изъ заведенія, онѣ обязаны взять съ собою своего младенца. Въ случаѣ-же заболѣванія матери, мѣшающаго кормленію грудью, „младенецъ, съ согласія ея, препровождается управленіемъ дома въ воспитательный домъ съ обозначеніемъ болѣзни матери“. При этомъ воспитательный домъ извѣщается также о выпискѣ матери по ея смерти (§ 53). Незаконорожденные-же младенцы по желанію матери препровождаются въ воспитательный домъ съ соблюденіемъ правилъ пріема, въ немъ установленныхъ [примѣчаніе къ § 53]. Благодаря всѣмъ этимъ правиламъ, постановка Маринскаго родовспомогательнаго дома во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовой, до которой другимъ подобнымъ-же частнымъ заведеніямъ не достаетъ еще очень многого.

Общество Краснаго Креста.

Глубоко гуманная идея, положенная въ основаніе общества Краснаго Креста, достаточно всѣмъ извѣстна. Распространяться объ этихъ великихъ идеяхъ и ихъ значеніи мы считаемъ излишнимъ. Фактическія данныя изъ жизни этого общества за 1899 и 1900 годы лучше всего могутъ показать, какъ плодотворна дѣятельность Краснаго Креста. Къ январю 1900 г. всѣ капиталы общества составляли 5.305,207 р. 62 к. Дѣятельность общества развивалась и расширялась. Были въ полномъ ходу всѣ его больницы, амбулаторіи, пріюты и другія учрежденія, число которыхъ достигло уже 570. Кромѣ того вновь открыты два комитета въ Петербургѣ и цѣлый рядъ комитетовъ, больницъ, общинъ сестеръ милосердія, вдовьихъ домовъ, убѣжищъ и т. д. въ разныхъ концахъ Россіи. Санитарный персоналъ общества состоялъ изъ 2,344 сестеръ милосердія, не считая запасныхъ. Красный Крестъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, наводненія, пожара и болѣзней. Сестры милосердія получали неоднократныя командировки въ различные пункты Россіи. Въ Черногорію отправленъ походный лазаретъ на 25 кроватей, стоившій 6,048 р. 75 сестрамъ, вышедшимъ въ отставку, выданы единовременныя пособія и 5 — выхлопотана пенсія. Въ лѣчебныхъ учрежденіяхъ общества подана

врачебная помощь 1.400.000 бѣдныхъ. Во многихъ пунктахъ прививалась населенію бесплатно оспа.

Въ пострадавшихъ отъ неурожая семи восточныхъ губерніяхъ Краснымъ Крестомъ была оказываема помощь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: продовольствіемъ, призрѣніемъ, устройствомъ пріютовъ и доставкой работъ. Въ этихъ губерніяхъ было устроено 7,518 столовыхъ на полтора милліона обѣдовъ. Всего здѣсь оказана была помощь 3.700.000 лицамъ. Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ цынгой, было устроено 450 больничекъ, въ которыхъ была оказана медицинская помощь 125.000 заболѣвшихъ. Для доставленія работы были устроены особыя „рабочія“ бюро. Обществомъ былъ организованъ и отправленъ врачебно-санитарный отрядъ въ Южную Африку. Помощь этого рода была предложена Краснымъ Крестомъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, но англичане съ благодарностью отказались отъ нея, а буры приняли съ признательностью. Отрядъ въ составѣ главнаго врача д-ра Кускова, 5 врачей-хирурговъ, 2 хозяйственныхъ агентовъ, 9 сестеръ милосердія, 4 фельдшеровъ и 12 санитаровъ съ оборудованіемъ на 25 кроватей выѣхалъ 28 ноября 1899 г. черезъ Одессу на Александрію. На организацію отряда было отпущено 100.000 р.

„Типы частныхъ лѣчебно-благотворительныхъ заведеній въ Россіи“

*). Данныя объ этомъ домѣ взяты нами изъ статьи Е. Максимова „Трудовая Помощь“ №№ 4—5, 1899.]

28 января 1901 года въ Петербургѣ состоялось общее собраніе членовъ общества Краснаго Креста. Въ этомъ засѣданіи были рассмотрѣны отчетъ за 1898 г. и извлеченія изъ отчетовъ за 1899 и 1900 гг., а также доложены были Высочайшія повелѣнія о предоставленіи правъ государственной службы лицамъ, занимающимъ должности въ учрежденіяхъ Краснаго Креста, о сборахъ въ пользу общества съ заграничныхъ паспортовъ и желѣзнодорожныхъ билетовъ и постановлено ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ о дарованіи правъ на пенсію всѣмъ сестрамъ милосердія и фельдшерницамъ Краснаго Креста съ передачею всего эмеритальнаго фонда государственному казначейству. Затѣмъ были прочитаны доклады о помощи общества воинамъ на дальнемъ востокѣ — лейбъ-хирурга Вельяминова и въ Трансваалѣ — доктора Н. И. Кускова.

Извлекаемъ нѣкоторыя данныя изъ этого послѣдняго доклада. Санитарный отрядъ пребывалъ на югѣ Африки съ конца 1899 года до середины августа 1900 года. За семь мѣсяцевъ его присутствія въ Трансваалѣ въ его лазаретѣ лежали 1.090 челов., въ томъ числѣ 123 раненыхъ; амбулаторныхъ больныхъ было 5.716 человекъ, которые сдѣлали 6.570 посѣщеній. Санитарная помощь бурамъ обошлась въ 112,096 рублей.

Попечительство о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи.

18 марта 1901 года въ Петербургѣ состоялось обычное годовое собраніе этого попечительства. Въ отчетномъ 1900 г. общество состояло изъ 530 членовъ. Капиталь увеличился на 3,705 р. и къ 1-му января 1901 г. въ кассѣ числилось 100.117 р. 33 к., изъ которыхъ образуются: оборотный капиталъ, фондъ для неизлѣчиво больныхъ, фондъ на основаніе убѣжища для престарѣлыхъ и больныхъ членовъ, школьный капиталъ, пенсіонный и др. Въ приходъ поступило 14,503 р. 24 к., израсходовано 10,655 р. 13 к. За указаніемъ воспитательницъ, учительницъ и надзирательницъ въ общество обращалось 357 лицъ, предложено со стороны членовъ общества было 247. Удовлетворено 198. Временными дешевыми квартирами общества пользовалось 62 лица, что дало дохода — 1,469 р. 30 к. при расходѣ въ 1.755 р. 10 к. Пособій

Вторую часть 1900 года Красный Крестъ проработалъ на дальнемъ востокѣ [докладъ Вельяминова]. Дѣйствія Общества Краснаго Креста на дальнемъ востокѣ начались въ срединѣ іюня. Къ 1 января 1901 года уже было собрано 930,592 руб. Не менѣе обильны были пожертвованія вещами. Дѣятельность Краснаго Креста на дальнемъ востокѣ была сосредоточена въ трехъ районахъ: Печилійскомъ, Примурскомъ и Забайкальскомъ. Всѣ три района были покрыты сѣтью лазаретовъ, этапнѣ эвакуаціонныхъ пунктовъ и складовъ госпитальнаго снабженія. Въ нихъ работало 400 слишкомъ лицъ, въ томъ числѣ 89 врачей, 10 фельдшерницъ, 207 сестеръ милосердія и 18 братьевъ милосердія. Въ распоряженіе этой санитарной арміи было отправлено Краснымъ Крестомъ 13 подвижныхъ лазаретовъ по 25 кроватей въ каждомъ.

Учрежденія російскаго общества Краснаго Креста къ 1 января 1901 года состояли изъ главнаго управленія, 8 окружныхъ, 85 мѣстныхъ учреждений, 271 мѣстнаго комитета, 2 центральныхъ складовъ госпитальнаго снабженія, 8 общинъ сестеръ милосердія, 2 школы для фельдшеровъ, 1 института братьевъ милосердія, 37 клиническихъ лѣчебницъ, 79 амбулаторій, 4 приемныхъ покоевъ, 9 инвалидныхъ домовъ и пріютовъ для взрослыхъ, 4 пріютовъ для дѣтей, 2 санаторій для дѣтей, 2 убѣжищъ для сестеръ милосердія и вдовьяго дома.

выдано — 18 лицамъ на 757 р. 35 к., пенсій на 2,640 р. — 22 пенсионеркамъ. Члены общества бесплатно пользовались библиотекую и медицинскими пособиями. Послѣ утвержденія отчета собраніемъ одобренъ былъ проектъ постоянного убѣжища для престарѣлыхъ и нуждающихся членовъ. Къ сожалѣнію, время основанія этого благотворительнаго и необходимаго учрежденія обозначить еще нельзя, такъ какъ весь фондъ на постройку равняется 938 руб. 12 коп. и необходимы добровольныя пожертвованія, чтобы помочь скорѣйшему открытію убѣжища. Комиссія по устройству убѣжища обратилась съ воззваніемъ къ сочувствующимъ этой идеѣ лицамъ. Пожертвованія принимаются въ правленіи общества [Бассейная, № 1].

Польское благотворительное общество.

Къ началу 1901 года польское благотворительное общество въ Петербургѣ состояло изъ 475 членовъ, въ томъ числѣ 139 почетныхъ и 342 дѣйствительныхъ. Обществомъ открытъ рядъ благотворительныхъ учреждений, одно изъ первыхъ мѣстъ среди которыхъ принадлежитъ убѣжищу для мальчиковъ. Далѣе идутъ убѣжище для дѣтей обоюго пола, въ которомъ приходящія дѣти обучаются по фребелевской системѣ, убѣжище для стариковъ и старухъ, призрѣвающее 33 челов., и особое убѣжище для дѣвочекъ отъ 9 лѣтъ, въ которомъ находится 40 пансіонерокъ. При убѣжищѣ для взрослыхъ существуетъ рабочій домъ, пред-

назначенный для лицъ, временно лишенныхъ занятій; здѣсь призрѣваемая женщины шьютъ бѣлье, дамскія платья, стираютъ, вяжутъ чулки и дѣлаютъ ковры. Въ особомъ отдѣленіи этого дома дѣвочки отъ 12 до 16 лѣтъ учатся шить. Наконецъ при обществѣ образованъ комитетъ по присканію труда, нашедшій въ прошломъ году занятія 650 лицамъ и комитетъ спеціальнаго капитала для оказанія денежной помощи воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній. Общество имѣетъ движимую и недвижимую собственность на 311.000 руб. и кромѣ того запасный капиталъ въ 19.400 р.

Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.

Одно изъ самыхъ популярныхъ и обширныхъ частныхъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургѣ. Главными дѣятелями и вдохновителями этого общества являются петербургскія благотворительницы. Состоитъ оно подъ покровительствомъ Великой Княгини Елисаветы Мавриковны. Задачи его: оказаніе всякаго рода помощи бѣднымъ и больнымъ дѣтямъ, защита дѣтей, являющихся жертвами различныхъ злоупотребленій, а равно находящихся въ дурныхъ условіяхъ жизни, и заботы о дѣтяхъ, впавшихъ въ преступленія. Общество основано въ 1882 году съ капиталомъ въ 1,300 р. безъ всякаго недвижимаго имущества. Къ концу 1899 года общество располагало средствами, доходящими до 400.000 руб., при чемъ общая стоимость принадлежащихъ ему имуществъ составляетъ около 200.000 р. Число членовъ общества доходить до 2.000.

Общество имѣетъ отдѣлы: Московско-Нарвскій, Василеостровскій, Коломенско-Адмиралтейскій, Спасско-Казанскій, Литейно-Рождественскій, отдѣлы Защиты дѣтей и Ремесленный. Кромѣ того существуетъ комиссія для помѣщенія дѣтей въ крестьянскія семьи. Обществомъ организованы слѣдующія учрежденія:

1. Для дѣтей грудныхъ и до-школьнаго возраста: Богдановскія ясли [Николаевская, 69], Забалканскія ясли [уг. Бронницкой ул. и Клинкаго просп., 17], Братскія ясли [Боровая, 42]. Первыя Василеостровскія ясли [Вас. остр., 14 линія, 65], Вторыя Василеостровскія ясли

[Выборгская стор., Сампсоніевскій просп., 23], Коломенскія ясли [Торговая, 25] и временное убѣжище для малолѣтнихъ [Пушкинская, 17].

2. Для дѣтей школьнаго возраста: Райволовскій пріютъ [по Финляндской жел. дорогѣ, близъ ст. Райвола, собственная усадьба. Въ пріютѣ этомъ можно помѣстить до 150 дѣтей], школа садоводства при Императорскомъ ботаническомъ садѣ; дѣтская колонія [ст. Плюсса, Петербургско-Варшавской жел. дороги, собственная усадьба; дѣвочки занимаются между прочимъ, шитьемъ, вязаньемъ и тканьемъ, а также приготвленіемъ кушанья на всю артель], убѣжище для дѣвочекъ [Вас. остр., 22 линія, 11. Въ это убѣжище принимаются дѣвочки съ цѣлью приготвленія изъ нихъ обученной домашней прислуги, т. е. кухарокъ, горничныхъ съ шитьемъ, развитыхъ нянь съ шитьемъ дѣтскаго бѣлья]. Коломенское дневное убѣжище [Торговая, 25], убѣжище безпріютныхъ дѣтей Спасско-Казанскаго отдѣла [Забалканскій просп., д. 15, кв. 15], два пріюта Литейно-Рождественскаго отдѣла [одинъ на 30 дѣвочекъ: уголь Старо-Парголовскаго просп. и Шишкова переулка, домъ Соловейчика] и, наконецъ, четыре семейно-ученическихъ квартиры для мальчиковъ и одна, такая-же, для дѣвочекъ. При квартирѣ для дѣвочекъ [Лештуковъ переул., 2] основана мастерская модныхъ дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ съ приемомъ частныхъ заказовъ, чистая выручка съ которыхъ идетъ на содержаніе квартиры.

3. Для призрѣнія дѣтей, требующихъ защиты отъ жестокаго съ

ними обращенія: 1-ое убѣжище „отдѣла защиты дѣтей“ для дѣвочек школьнаго возраста, 2-ое убѣжище — для мальчиковъ, 3-е убѣжище — для малолѣтнихъ обоого пола до 8 лѣтъ, общежитіе для дѣвочекъ [Бассейная, 21] съ мастерскою дамскихъ нарядовъ и убѣжище для дѣтей, остающихся по разнымъ несчастнымъ случаямъ безъ пристанища (рѣка Карповка, 11).

4) Для больныхъ дѣтей и для требующихъ постоянной помощи — лѣчебница для хронически-больныхъ дѣтей (Вас. остр., Большой просп.: 75), дѣтская амбулаторія (Боровая, 14), пріютъ калѣкъ и паралитиковъ (Петербургская стор., Лахтинская, 12).

и 5) Для питанія дѣтей: дѣтская столовая въ память 17 октября 1888 года (Торговая, 25), столовая Литейно-Рождественскаго отдѣла для дѣтей школьнаго возраста.

Петербургскія благотворительницы принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества. Такъ, графиня С. С. Игнатьева состоитъ предсѣдательницей комиссіи въ Райволовскомъ пріютѣ, Е. Г. Фонъ-Валь — предсѣдательницей комиссіи въ лѣчебницѣ для хронически-больныхъ дѣтей, А. С. Бѣлицкая — предсѣдательницей Московско-Нарвскаго отдѣла, М. Б. Огарева — предсѣдательницей Литейно-Рождественскаго отдѣла. Наконецъ, предсѣдательницей комитета, объединяющаго всѣ эти отдѣлы, состоитъ Е. В. Сабурова.

Отдѣлъ защиты дѣтей при этомъ обществѣ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ и популярныхъ отдѣловъ. Въ засѣданіяхъ бюро этого отдѣла былъ, между прочимъ, рассмотрѣнъ вопросъ о дѣтяхъ, проживающихъ въ притонахъ разврата и у одиноко-живущихъ проститутокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удавалось удалить дѣтей, но иногда матери сопротивлялись требованію участковыхъ попечителей.

Общество первой помощи бѣднымъ матерямъ.

Отмѣтимъ также среди возникшихъ въ послѣднее время въ Петербургѣ благотворительныхъ учреждений въ высшей степени симпатичное общество первой помощи бѣднымъ матерямъ. Общество учреждено при с.-петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи, гдѣ ежегодно призрѣвается свыше 5.000 женщинъ, нуждающихся въ медицинской помощи. Въ числѣ ихъ многія сотни матерей оказываются настолько бѣдными, что при выходѣ изъ заведенія мать новорожденнаго младенца не имѣетъ даже во что его завернуть; нѣтъ у нея и пристанища, въ которомъ она могла-бы собраться съ силами, раньше чѣмъ вернуться къ обычной трудовой жизни. Инициаторами этого дѣла являются почетный опекунъ, управляющій заведеніемъ Д. Н. Батюшковъ, и директоръ заведенія Н. Н. Феноменовъ.

Общество имѣетъ цѣлью оказывать помощь бѣднымъ женщинамъ, поступающимъ въ родильное или гинекологическое отдѣленіе заведенія, выходящимъ изъ него, а также семействамъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ задачу общества составляетъ облегченіе участи бѣднѣйшихъ учащихся, а также привлеченіе учащихся с.-петербургскаго родовспомогательнаго заведенія къ исполненію разныхъ обязанностей, направленныхъ къ облегченію участи нуждающихся. Согласно съ этой цѣлью общество оказы-

ваетъ помощь находящимся на пользованіи въ заведеніи неимущимъ лицамъ, а также тѣмъ, которыя по роду болѣзни или другимъ причинамъ не могутъ быть принимаемы въ заведеніе на полное содержаніе, но находятся въ нуждѣ; снабжаетъ находившихся на пользованіи въ заведеніи, при выходѣ изъ заведенія, одеждою, деньгами, питательными веществами, молокомъ, виномъ и т. п.; доставляетъ этимъ лицамъ возможность возвратиться на родину, устраиваетъ ясли, пріюты для сиротѣвшихъ дѣтей и т. п., заботится о помѣщеніи находящихся въ пріютахъ общества дѣтей въ ремесленные и другія заведенія: предоставляетъ призрѣніе выздоравливающимъ больнымъ; оказываетъ денежную помощь учащимся въ заведеніи, какъ во время прохожденія курса, такъ и при выпускѣ, и заботится о присканіи мѣстъ и работы окончившимъ въ с.-петербургскомъ родовспомогательномъ заведеніи курсъ ученія. Пособіями отъ общества пользуются на равныхъ правахъ лица всѣхъ исповѣданій, сословій, національностей. Членами общества могутъ быть лица обоого пола, всѣхъ званій, состоянній и исповѣданій.

Число членовъ общества насчитывается до 800.

Въ пользу общества были устроены въ послѣдніе годы: выставка картинъ англійскихъ художниковъ, историческая карусель, выставка въ Москвѣ, французскій базаръ въ Солянскомъ Городкѣ и проч., принесшіе дохода свыше 20.000 р.

Пожертвованія и членскіе взносы (3 р. въ годъ дѣйствительные члены) просятъ направлять въ контору с.-петербургскаго родовспомогательнаго заведенія (Надеждинская, д. 5).

Пріютъ „Добраго Пастыря“.

Пріютъ „Добраго Пастыря“ учрежденъ въ Петербургѣ въ 1865 г. для кающихся женщинъ и для призрѣнія такихъ, которыя находятся въ нравственной опасности. Въ пріютѣ принимаются исключительно только женщины римско-католическаго вѣроисповѣданія. Изъявившія желаніе поступить на исправленіе лица принимаются въ пріютъ бесплатно. Срокъ испытанія назначается отъ одного до трехъ лѣтъ. Молодыя-же дѣвицы, которыя вслѣдствіе несчастной для нихъ семейной жизни, находясь въ нравственной опасности, пожелали-бы поступить въ пріютъ съ цѣлью исправленія или изученія какого-либо мастерства, обязаны оставаться въ заведеніи не менѣе пяти лѣтъ. Со дня основанія пріюта,

т. е. съ 12 апрѣля 1865 г. въ немъ призрѣвались 281 дѣвушка, изъ нихъ 121 поступили въ услуженіе, 31 — возвращены родителямъ, 46 — вышли замужъ, 50 — потеряны изъ виду, 12 — нашли себѣ занятія при больницахъ въ „домѣ милосердія“, 9 — умерли и 12 состояли въ пріютѣ къ 1 января 1900 г. На приходѣ въ истекшемъ году поступило 5.247 р.; въ числѣ добровольныхъ жертвователей состоятъ: Е. И. В. Принцъ Ольденбургскій, баронесса Будбергъ, г-жа Бартелсъ, г-жа Сабурова, г-жа Половцева, г-жа Скребитская, г-жа Жерве, г-жа Кохъ и др. Израсходовано на содержаніе пріюта 5.115 р.

Общество оказанія трудовой помощи выдачею работы на домъ.

Въ Петербургѣ недавно возникло новое общество „Оказанія трудовой помощи выдачею работы на домъ“ при профессиональной школѣ А. Н. Прокопе, состоящей въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Всѣмъ извѣстно, что въ Петербургѣ существуетъ „кризисъ“ относительно наличности заработка для интеллигентныхъ работниковъ и работницъ, особенно ошутительный для послѣднихъ. Многочисленные конторы, желѣзнодорожныя правленія и т. п. учрежденія, въ которыхъ допускаются на службу женщины, постоянно переполнены, и на дверяхъ каждаго изъ подобныхъ учреждений уже заранѣе вывѣшенъ анонсъ:

„Прошенія не принимаются. Свободныхъ вакансій не имѣется!“ Вотъ почва, на которой возникло новое общество, имѣющее цѣлью оказывать помощь нуждающимся въ заработкѣ. При обществѣ открыто бюро для присканія занятія каждой интеллигентной, образованной женщинѣ, которая обратится въ общество съ просьбой. Вновь возникшее общество имѣетъ уже нѣкоторыя средства и находится въ вѣдѣніи Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

В. Благотворительность Москвы.

Московский городской благотворительный советъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, которыя собраны и опубликованы справочнымъ отдѣленіемъ по дѣламъ благотворительности при московской городской управѣ, въ 1900 г. въ Москвѣ числилось 628 благотворительныхъ учреждений, изъ нихъ 427 для взрослыхъ и 201—для дѣтей. Немудрено, если при такой раздробленности общественныхъ усилий, направленныхъ на дѣла благотворительности, мысль о желательности ихъ объединенія возникла давно.—уже въ 1886 г., когда съ этою цѣлью былъ даже устроенъ съѣздъ представителей благотворительныхъ учреждений. На съѣздѣ было рѣшено организовать въ Москвѣ постоянное бюро, въ которомъ былъ бы сосредоточенъ весь справочный матеріалъ по вопросу о благотворительныхъ учрежденияхъ города, но дѣло это какъ то оставалось безъ движенія до 1896 г., когда возникъ наконецъ *московскій городской благотворительный советъ*, имѣющій своимъ назначеніемъ объединеніе дѣятельности городскихъ и приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ съ дѣятельностью прочихъ благотворительныхъ обществъ, для установленія правильнаго и постоянного взаимодѣйствія между ними и городскимъ управленіемъ, но безъ нарушенія въ чемъ либо ихъ самостоятельности. Советъ открылъ свои дѣйствія въ

1899 г. Въ настоящее время при немъ сформировано справочное отдѣленіе, составлена библиотека изъ книгъ, посвященныхъ вопросамъ благотворительности (на русскомъ и иностранныхъ языкахъ), образованы коммисіи для выработки мѣръ помощи пришлому населенію, для изысканія средствъ борьбы съ алкоголизмомъ, для объединенія благотворительной дѣятельности, имѣющей цѣлью призрѣніе дѣтей, и проч. Кроме того советъ же явился организаторомъ и въ дѣлѣ устройства потребительнаго союза московскихъ благотворительныхъ обществъ и учреждений. Такъ какъ всѣ московскія благотворительныя общества вмѣстѣ владѣютъ огромнымъ капиталомъ, превышающимъ 45 милл. рубл., и движимостью, оцѣниваемую въ 30 мил. руб., то, забирая всѣ предметы продовольствія и различные матеріалы у своихъ поставщиковъ, они и переплачиваютъ имъ также въ общей сложности огромныя суммы. Цѣлью потребительнаго союза является такимъ образомъ сохраненіе въ кассахъ обществъ этой переплаты при покупкѣ всѣхъ необходимыхъ имъ предметовъ изъ первыхъ рукъ по существующимъ на рынкѣ оптовымъ цѣнамъ.

Московскія городскія попечительства о бѣдныхъ.

Число участковыхъ попечительствъ въ Москвѣ въ послѣдніе годы достигло 28. При нихъ имѣются швейныя мастерскія, въ которыхъ молодыя дѣвушки обучаются кройкѣ и шитью бѣлья и платьевъ, пріюты для престарѣлыхъ женщинъ и для дѣвочекъ, бюро для пріисканія работы и проч. Чтобы судить о размѣрахъ дѣятельности этихъ попечительствъ, приведемъ нѣсколько цифръ изъ отчета за 1898 г. Всѣхъ об-

рацавшихся за помощью въ попечительства въ этомъ году было 12.097 изъ нихъ 1765 мужчинъ (14,6%) и 10332 женщинъ (85,4%). Сотрудниковъ было 1221, изъ нихъ мужчинъ 582 и женщинъ 639. Это преобладаніе въ числѣ сотрудницъ надъ сотрудниками представляетъ за послѣднее время постоянное явленіе, причемъ изъ году въ годъ число сотрудниковъ убываетъ, а число сотрудницъ возрастаетъ.

Московское общество улучшенія участи женщинъ.

Подобно соотвѣствующимъ петербургскимъ обществамъ названное общество ставитъ своею задачею содѣйствовать распространенію общаго образованія и прикладныхъ знаній между женщинами, устраивая съ этою цѣлью публичныя лекціи, вечерніе курсы, воскресныя школы, читальни, библіотеки и проч., а также способствовать улучшенію и матеріальнаго положенія женщинъ, для чего озабочивается устройствомъ столовыхъ, общежитій и временныхъ помѣщеній, кассъ взаимопомощи, выставокъ съ продажей выставленныхъ предметовъ и т. п. Въ видахъ доставленія женщинамъ разумныхъ развлеченій общество устраиваетъ

музыкальные вечера, литературныя чтенія, драматическія представленія. Въ задачи общества входитъ также борьба съ алкоголизмомъ и развратомъ,—оно доводитъ до свѣдѣнія властей объ обнаруженныхъ имъ случаяхъ жестокаго обращенія съ женщинами или совращенія ихъ въ преступленія противъ нравственности, открываетъ убѣжища для падшихъ женщинъ и пріюты для малолѣтнихъ вовлеченныхъ въ развратъ, оказываетъ нравственную и матеріальную поддержку кающимся и т. д. Дѣйствительные члены общества вносятъ 3 р. ежегодно или 60 р. одновременно, почетные—50 р. ежегодно или 300 р. одновременно.

Московскій дамскій тюремно-благотворительный комитетъ.

Комитетъ этотъ, существующій четвертый годъ, пользуется уже значительною извѣстностью. Дѣятельность комитета заключается въ заботахъ о выходящихъ изъ тюрьмы арестанткахъ, въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей заключенныхъ, въ попеченіи о ихъ дѣтяхъ и въ содѣйствіи въ предѣлахъ устава тюремнымъ начальствамъ. Комитетъ оказываетъ поддержку женщинамъ, отбывшимъ срокъ тюремнаго заключенія и желающимъ возвратиться къ честной жизни. Онъ имѣетъ свой складъ платья, бѣлья и обуви,—свое убѣжище; при исправительной тюрьмѣ имъ организованъ патронатъ, имѣющій своею цѣлью содѣйствовать освобожденію отъ ссылки за бродяжничество, доставлять даровую защиту на судѣ всѣмъ заключеннымъ и юридическіе совѣты тѣмъ изъ нихъ, которые недовольны состоявшимся судебнымъ постановленіемъ и

желаютъ его обжаловать. Комитетъ принимаетъ на себя организацию учебно-воспитательнаго дѣла въ тюрьмахъ,—имъ устроены при московской пересыльной тюрьмѣ школы для ссыльно-каторжныхъ,—мужчинъ и женщинъ,—воскресная школа при исправительной тюрьмѣ, библіотеки при всѣхъ тюрьмахъ. Въ 1899 г. комитетъ открылъ школу тюремныхъ надзирательницъ, въ которую принимаются женщины въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ, христіанскихъ вѣроисповѣданій, грамотныя. Въ школѣ обучаютъ закону Божію по программѣ начальныхъ городскихъ училищъ, чтенію русскому и церковно-славянскому, исторіи и географіи, первоначальнымъ приемамъ ухода за больными и тюремновѣднью. Въ составъ комитета входило въ послѣднемъ отчетномъ году 147 членовъ.

Московское общество воспитательницъ и учительницъ.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ по инициативѣ Е. М. Мамоновой, С. Н. Юргенсона, Р. П. и Л. П. Острогорскихъ, въ Москвѣ возникла въ кружкѣ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ дѣлу воспитанія и обученія, мысль объ устройствѣ женскаго общества самопомощи, и въ 1866 г. былъ выработанъ и представленъ на утвержденіе уставъ „общества гувернантокъ“, который однако не былъ утвержденъ. Три года спустя было проектировано по образцу петербургскаго „попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи“ новое общество, и по ходатайству оберъ-пастора Г. Г. Дикгофа, сумѣвшаго возбудить сочувствіе къ его цѣлямъ и собрать капиталъ въ 10 т. р., уставъ его былъ утвержденъ. Общество открыло свои дѣйствія въ 1870 г. Число его членовъ быстро возросло до тысячи человекъ, а къ своему

25 лѣтнему юбилею (1895 г.) оно обладало уже капиталомъ и разнаго рода движимой и недвижимой собственностью на сумму болѣе 130 т. р. и могло расходовать на развитіе и поддержаніе своихъ учреждений до 22 т. р. въ годъ. Первымъ изъ такихъ учреждений была рекомендательная контора, доставляющая занятія членамъ общества (Арбатъ, д. общ. русскихъ врачей); затѣмъ постепенно возникли: домъ призрѣнія для членовъ общества, не могущихъ продолжать педагогическую дѣятельность дешевыя квартиры (временныя и постоянныя), библіотека и педагогическій музей, педагогическіе курсы и при нихъ образцовая школа. Съ 1875 г. были организованы при обществѣ уроки для подготовленія къ университетскимъ экзаменамъ и коллективные уроки по иностраннымъ языкамъ, потомъ прибавились коллективные уроки по исторіи и

литературѣ, по естествознанію и математикѣ, причемъ число участницъ доходило до 400. Общество выдаетъ своимъ членамъ вспомошествованія и безпроцентныя ссуды и имѣетъ пенсіонную кассу. Къ 1 января

1901 г. въ наличности въ кассѣ общества состояло 178.459 р. 43 коп.; приходъ за предшествовавшій годъ выразился 38.500 р. 96 к., расходъ—38.897 р. 65 к. Предсѣдательницею общества состоитъ Е. И. Мамонтова.

Г. Благотворительность Одессы.

Одесская Стурдзовская община сердобольныхъ сестеръ.

Цѣль общины—воспитаніе женщинъ для ухода за больными, какъ въ заведеніи, такъ и внѣ его. При богадѣльнѣ есть женская и дѣтская больницы и бесплатная амбулаторія.

Попечитель князь Ю. Е. Гагаринъ. Попечительница—графиня О. А. Мусинъ-Пушкина. Община основана въ 1850 г. Сестры общины по достиженіи преклоннаго возраста остаются въ богадѣльнѣ до смерти.

Касперовская община сестеръ Краснаго Креста.

Попечительница—графиня Е. В. Капнистъ. Организована община въ 1879 г. при мѣстномъ управленіи Краснаго Креста. Вступающія въ составъ сестеръ общины готовятъ по особой программѣ къ уходу за больными и по выдержаніи испытанія назначаются въ качествѣ сестеръ милосердія въ военные лазареты, опредѣляются на службу въ

городскія и земскія больницы и назначаются для ухода за больными въ частныя дома и лѣчебныя заведенія. Въ 1892 г. мѣстное управленіе Краснаго Креста построило собственный домъ для общежитія сестеръ и для амбулаторіи лѣчебницы, гдѣ ежедневно производится приемъ больныхъ съ платою по 15 коп. за визитъ и лѣкарство.

Общество попеченія о больныхъ дѣтяхъ.

Возникло въ 1887 г. по мысли нѣсколькихъ дамъ и врачей. Общество имѣетъ цѣлью врачеваніе и уходъ за дѣтьми. Первое время во главѣ этого симпатичнаго общества стояли предсѣдательницы Л. И. Курись и ея товарищъ Н. Я. Шведова. На другой годъ по своему основанію общество открыло лѣтнюю санитарную станцію для 40 дѣтей въ Усатовыхъ хуторахъ близъ Хаджибейскаго лимана. Графъ М. Д. Тол-

стой пожертвовалъ обществу участокъ земли по берегу лимана, гдѣ общество выстроило собственное обширное зданіе для станціи. Этому обществу принадлежитъ также дѣтская лѣчебница, устроенная докторомъ О. О. Мочутковскимъ на свои средства въ память матери его К. К. Мочутковской. Движимое и недвижимое имущество общества оцѣнивается въ 71 т. р.

Женское благотворительное общество.

Почетная попечительница общества графиня О. А. Мусинъ-Пушкина. Предсѣдательница правленія княгиня Е. К. Урусова. Среди почетныхъ членовъ находятся М. С. Роопъ, княгиня А. И. Гагарина-Стурдза, Е. Н. Иваницкая. Среди членовъ правленія: М. Д. Де-Вальденъ, К. И. Иванова, М. С. Илашкова, графиня Е. И. Мусинъ-Пушкина, Е. Г. Протопопова, Е. С. Иловойская, Е. Ю. Ралли, А. А. Яловичова.

Это общество одно изъ старѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій въ Одессѣ. Въ вѣдѣніи общества находятся: Благовѣщенскій сиротскій домъ для дѣвочекъ съ отдѣленіемъ для престарѣлыхъ, Михайло-Семеновскій сиротскій домъ для мальчиковъ и страннопримный домъ. Начало дѣятельности общества относится къ 1833 г., такъ называемому голодному году. Родители оставляли голодныхъ дѣтей своихъ на произволъ судьбы, не имѣя возможности ни дать имъ пищи, ни при-

крыть отъ несчастія. Въ это то время нѣсколько дамъ, во главѣ съ свѣтлѣйшей княгиней Е. К. Воронцовой и графиней Р. С. Эдлингъ, образовали кружокъ дамъ-благотворительницъ и помогли бѣдствующимъ. Онѣ выдавали пищу и топливо, продавали хлѣбъ вътрое дешевле, чѣмъ на базарахъ, раздавали деньги, лекарства, призрѣвали безпріютныхъ, открыли временную лѣчебницу и пр. Когда тяжелый годъ прошелъ, на рукахъ у временно-образовавшагося общества осталось 85 сиротъ, почему общество силою обстоятельствъ сдѣлалось постояннымъ и построило на отведенномъ участкѣ земли зданіе для сиротъ. Пріютъ былъ открытъ 25 марта 1835 года въ день Благовѣщенія Пр. Богородицы, почему и названъ впоследствии Благовѣщенскимъ сиротскимъ домомъ. Благовѣщенскій сиротскій домъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій,—для младшаго (до 7 лѣтъ) и старшаго возраста.

Городское попечительство дѣтскихъ пріютовъ.

Попечительство состоитъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. На средства попечительства содержатся три дѣтскихъ пріюта: Александровскій, Маринскій и пріютъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Александровскій пріютъ открытъ въ 1891 году по случаю бракосочетанія Императора Александра II. Маринскій пріютъ основанъ въ 1841 г. въ память посѣщенія Одессы покойной государыней Маріей

Александровной. Пріютъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны открытъ 26 февраля 1867 г. Специальное зданіе для этого пріюта построено по мысли почетной попечительницы пріюта Н. М. Зеленой. Городское управленіе предложило мѣсто въ 900 кв. сажень въ такъ называемыхъ Драгутинскихъ плантаціяхъ. Въ концѣ іюня 1891 г. зданіе было заложено, а 28 октября 1892 г. оно было освящено.

Общество для помощи бѣднымъ г. Одессы

(состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Е. И. В. Гос. Имп. Маріи Ѳеодоровны).

Въ городѣ имѣется девять мѣстныхъ или участковыхъ комитетовъ съ своими мѣстными собраніями. Во главѣ же общества стоитъ центральный комитетъ и общее собраніе. Кромѣ помощи бѣднымъ лицамъ на дому хлѣбомъ, а въ зимнее время углемъ, въ исключительныхъ же случаяхъ и деньгами, общество открыло *три дѣтскихъ столовыхъ, двѣ дешевыя столовыя и одну рукодѣльную. Дѣтскія столовыя* открыты при Соборномъ, Срѣтенскомъ и Молдаванскомъ комитетахъ. Дѣти бѣдныхъ родителей проводятъ въ столовыхъ цѣлый день, обучаются тамъ грамотѣ и рукодѣлію и занимаются полезными играми. За 5 к. въ день дѣти

получаютъ: утренній чай съ хлѣбомъ, блюдо горячаго кушанья съ кусками мяса въ полдень и горячую кашу въ 4 часа дня. Въ теченіе года эти столовыя посѣщаютъ около 12 тысячъ душъ дѣтей. *Дешевая столовая* существуетъ при Массовомъ ночлежномъ пріютѣ и на Конной площади въ собственномъ зданіи. *Женская рукодѣльная* (попечительница Н. Я. Бунина) учреждена комитетомъ общества съ цѣлью предоставить за небольшую плату работу женщинамъ, не находящимъ примѣненія своего труда. Прерсѣдательницею общества состоитъ графиня А. И. Шувалова.

Одесское отдѣленіе попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Отдѣленіе попечительства преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что и попечительство, т. е. принимаетъ на себя заботу о слѣпыхъ, обученіе ихъ грамотѣ, ремесламъ и пр. Районъ дѣятельности одесскаго попечительства составляютъ губерніи: херсонская, бессарабская, таврическая

и екатеринославская. Въ вѣдѣніи одесскаго отдѣленія находится училище для слѣпыхъ, съ 1892 г. имѣющее свой собственный домъ, пожертвованный г. Маврокордато. Въ училищѣ дѣти обоюга обучаются грамотѣ вязанью, плетенію и вышиванію.

Дамское общество вспомошествованія бѣднымъ родильницамъ.

Общество имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь бѣднымъ родильницамъ. Оно выдаетъ денежное пособіе, лѣкарства, бѣлье и пищу. Правленіе состоитъ изъ 9 попечительницъ. Общество дѣйствуетъ съ 1882 года.

Убѣжище „Всѣхъ скорбящихъ радость“.

Основано въ 1878 году графиней Александрой Петровной Алопеусъ и утверждено въ 1881 году. Оно имѣетъ цѣлью за небольшую плату давать пріютъ одинокимъ образованнымъ бѣднымъ женщинамъ,

замѣняя имъ домашній очагъ. Хотя общество и имѣетъ собственный домъ, но средства его, къ сожалѣнію, весьма скудны.

Убѣжище для гувернантокъ, преподавательницъ и боннъ.

Основано въ 1888 году. Оно имѣетъ цѣлью доставлять гувернанткамъ, преподавательницамъ и боннамъ, временно остающимся безъ мѣста, удобное и дешевое помѣщеніе со столомъ въ семейной обста-

новкѣ, содѣйствовать имъ въ присканіи мѣста и занятій, а также служить мѣстомъ отдыха въ воскресенье и праздничные дни для находящихся на должности гувернантокъ.

Общество для призрѣнія младенцевъ и родильницъ.

Общество имѣетъ цѣлью облегчать участь брошенныхъ дѣтей, а также бѣднѣйшихъ родильницъ. По инициативѣ доктора Линка въ 1864 году основанъ *Павловскій* пріютъ, куда принимаются грудные младенцы и дѣти (не выше трехлѣтняго возраста) извѣстныхъ родителей, сироты и родившіеся въ пріютѣ. При пріютѣ имѣется и родильное отдѣленіе, куда поступаютъ бѣднѣйшія родильницы. Въ 1868 году дѣятельность общества значительно расширилась, такъ какъ въ этомъ году городское общественное управленіе стало передавать обществу подкидышей

городского сиротскаго дома. Кромѣ того городъ выдавалъ субсидію обществу въ 500 р. Въ 1873 г. былъ утвержденъ уставъ общества. Въ томъ же году пріютъ названъ былъ Павловскимъ въ честь бывшаго новороссійскаго генераль-губернатора П. Ч. Коцебу. Въ 1878 г. пріютъ перешелъ въ собственное зданіе на старопортофранковской улицѣ. Въ 1890 г. городское общественное управленіе открыло свой пріютъ для призрѣнія младенцевъ и изъяло изъ вѣдѣнія общества своихъ питомцевъ. Предсѣдатель пріюта—графъ М. М. Толстой.

Общество покровительства отбывшимъ наказанія и безпріютнымъ.

Общество это основано не женщинами, но, такъ какъ во главѣ общества стоятъ женщины, извѣстныя своей благотворительностью въ Одессѣ, то мы полагаемъ необходимымъ посвятить ему нѣсколько словъ. Общество имѣетъ своею цѣлью оказывать поддержку и попеченіе преступникамъ обоюго пола, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, впавшимъ въ преступленіе малолѣтнимъ до 14 лѣтъ, освобожденнымъ

отъ наказанія, сиротамъ и безпріютнымъ дѣтямъ—скитальцамъ. Общество открыло свои дѣйствія въ октябрѣ 1887 г. Оно содержитъ пріютъ на 30 воспитанниковъ, которые обучаются дамами-благотворительницами начальной грамотѣ по программѣ народныхъ училищъ и кромѣ того, подъ руководствомъ особыхъ мастеровъ, мастерамъ переплетному и слесарно-кузнечному.

Женское отдѣленіе попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Заботится о женской тюрьмѣ: оно улучшаетъ пищу, прискиваетъ работы для женскихъ мастерскихъ и оказываетъ выходящимъ изъ

тюремъ помощь на средства, образующіяся отъ пожертвованій.

Общества взаимопомощи.

Къ этимъ обществамъ относятся: исключительно женское общество взаимопомощи повивальныхъ бабокъ и смѣшанное для мужчинъ и женщинъ—общество фельдшеровъ и фельдшерницъ. Оба эти общества

имѣютъ цѣлью оказывать пособія нуждающимся своимъ членамъ и ихъ семействамъ выдачею ссудъ, безвозвратныхъ пособій, а также заботиться о присканіи занятій, воспитаніи дѣтей и проч.

Убѣжище въ память 17 Октября 1888 г.

Построено для лицъ обоюго пола, впавшихъ въ нужду, въ 1889 г. Убѣжище это сооружено по инициативѣ бывшаго въ то время городскимъ головою Г. Г. Маразли, и въ первую годовщину событія оно было освящено. Убѣжище рассчитано на 20 лицъ. Большинство призрѣваемыхъ—женщины. Режимъ убѣжища нѣсколько отличается отъ обычнаго режима въ учрежденіяхъ подобнаго рода: призрѣваемые

пользуются полною свободой, каждый живетъ такъ, какъ ему хочется не выходя, конечно, изъ рамокъ элементарныхъ правилъ общежитія. Убѣжище предоставляетъ своимъ питомцамъ все необходимое, кромѣ одежды. Мужская и женская половины обособлены другъ отъ друга. Къ услугамъ каждаго питомца отдѣльная комната, прислуга, столъ, мытье бѣлья, ванна, бібліотека.

Общество св. Магдалины.

Возникло въ 1899 году и ставитъ себѣ цѣлью оказывать помощь женщинамъ, вступившимъ на путь порока и разврата предоставленіемъ имъ крова, пищи, работы и нравственнымъ воздѣйствіемъ. Въ основѣ

организации помощи лежитъ трудовое начало—самый могущественный двигатель. Въ задачи общества входитъ также призрѣніе и защита дѣтей.

Въ самое послѣднее время утвержденъ министромъ юстиціи уставъ одесскаго женскаго воспитательно-ремесленнаго пріюта для несовершенно лѣтнихъ. Пріютъ учреждается обществомъ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ и имѣеть цѣлью давать помѣщаемымъ въ него дѣвочкамъ религіозно-нравственное воспитаніе, начальное общее образованіе и знаніе мастерства или какого нибудь другого занятія, которое дало бы возможность его питомицамъ по выходѣ изъ заведенія, добывать честнымъ трудомъ достаточныя средства къ существованію. Въ пріютъ будутъ приниматься дѣвочки въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, по опредѣленіямъ и приговорахъ суда, нищенствующія, безпризорныя, которымъ грозитъ опасность впасть въ пороки и преступленіе. Первоначально пріютъ устраивается на 20 дѣвочекъ, которыя получаютъ образованіе въ объемѣ программы начальнаго народнаго училища и сверхъ того будутъ обучены домашнему хозяйству и ремесламъ. Различныя мастерскія будутъ открываться по мѣрѣ развитія пріюта и увеличенія его матеріальныхъ средствъ. Вышедшимъ изъ пріюта питомицамъ будетъ оказано содѣйствіе администраціи пріюта и членовъ совѣта общества въ пріисканіи мѣстъ и занятій.

Женщины состоятъ членами многихъ благотворительныхъ обществъ. Такъ мы встречаемъ дамъ въ спискѣ членовъ городского попечительства дѣтскихъ пріютовъ, общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей, общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ, общества для помощи бѣднымъ, общества покровительства животнымъ и т. д., и т. д.

Дамы также состоятъ предсѣдательницами многихъ благотворительныхъ обществъ: дѣтскаго пріюта имени Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Александровскаго дѣтскаго пріюта, Маріинскаго дѣтскаго пріюта, отдѣленія попечительства о слѣпыхъ и т. д. Е. А. Радлова состоитъ предсѣдательницей Черноморскаго морскаго благотворительнаго общества. Послѣдніе годы должно признать особенно плодотворными въ дѣлѣ расширенія женской благотворительности въ Одессѣ. Нѣтъ такого благотворительнаго поприща въ состояніи города, въ которомъ одеситки себя не проявили активно. Трудовое начало, которое теперь признается повсюду краеугольнымъ камнемъ настоящей благотворительности, пріобрѣтаетъ въ Одессѣ все большее и большее развитіе. Этому, конечно, приходится отъ души радоваться. Одно изъ наиболѣе заслуживающихъ сочувствія въ этомъ отношеніи женскихъ благотворительныхъ учреждений представляетъ собою только что основанное въ Одессѣ *общество попеченія о молодыхъ дѣвицахъ*. Уставъ его составленъ по образцу петербургскаго. Предсѣдательницею состоитъ Е. В. Прендель.

Р. С. Свѣдѣнія о благотворительности въ Одессѣ почерпнуты нами изъ брошюры А. Бориневича „Общественная дѣятельность женщинъ въ Одессѣ“ (изданіе Од. Гор. Обществ. Управл. 1873 г.) и изъ отчетовъ различныхъ женскихъ благотворительныхъ обществъ въ нашемъ городѣ.

Женская благотворительность и трудовая помощь за границей.

Германія и Австрія.

Централизація трудовой помощи.

Идея централизаціи благотворительныхъ учреждений, получившая теперь широкое распространеніе въ западной Европѣ, пустила между прочимъ глубокіе корни и въ Германіи. Вопросъ о необходимости объединенія благотворительныхъ обществъ страны возникъ здѣсь впервые на первомъ собраніи германскихъ обществъ для защиты лицъ, выпускаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, и другихъ аналогичныхъ съ ними обществъ. Всѣ они установили между собою прочный и тѣсный союзъ и дѣйствуютъ сообща. Къ этимъ обществамъ съ своей стороны уже примкнуло около 500 другихъ различныхъ обществъ и организаций, каковы напр. центральное управленіе баденскихъ ферейновъ, центральное бюро вюртембергскаго союза, прусскіе провинціальныя ферейны и пр.

Имѣя прежде всего въ виду ту же идею объединенія общественной благотворительности, возникло недавно и другое подобное же учрежденіе, *благотворительный союзъ католической Германіи*, а въ Штиріи съ объединительными цѣлями образовался *„Земскій союзъ благотворительности“*. Оба эти союза (первый, какъ видно по названію, преслѣдуетъ и религіозныя цѣли) ведутъ широко пропаганду благотворительности и издають журналы—первый „Charitas“, второй „Blätter für das Armenwesen“.

Такія же общія цѣли имѣеть и „*Германскій союзъ для призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности*“ (Der deutsche Verein für Armenpflege und Wohlthätigkeit), основанный въ 1880 г. Задачи его: объединеніе различныхъ стремленій къ реформамъ въ области призрѣнія и благотворительности и установленіе постояннаго обмѣна мнѣній между лицами, работающими на этомъ поприщѣ. Дѣлами союза завѣдуетъ центральное бюро, а для ознакомленія публики съ его идеями и дѣятельностью устраиваются публичныя собранія, на которыхъ разсматриваются различные вопросы, касающіеся филантропическихъ задачъ общества. Затѣмъ заслуживаетъ упоминанія *германское центральное бюро* для улучшенія быта трудящихся классовъ (Centralstelle für Arbeiter-Wohlfahrtseinrichtungen) Съ этимъ учрежденіемъ знакомитъ насъ журналъ „Zeitschrift für das Armenwesen“ (№ 1, 1900), основанный имъ же и выходящій подъ редакціей д-ра Мюнстерберга. Бюро возникло осенью 1891 г. Главной цѣлью его было распространять свѣдѣнія о существующихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Германіи и содѣйствовать возникновенію новыхъ. Въ 1898 г. при бюро возникло особое отдѣленіе, собравшее за короткое время богатый историческій и статистическій матеріалъ по вопросу о призрѣніи бѣдныхъ въ государствахъ Европы и Америки.

По своимъ цѣлямъ аналогично и возникшее недавно въ Берлинѣ *„германское центральное бюро для призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности“* (Deutsche Centralstelle für Armenpflege und Wohlthätigkeit). Во главѣ его стоитъ докторъ Якоби, а дѣлопроизводителемъ является тотъ же Мюнстербергъ. Задачи бюро: 1. Собираніе, обзоръ и систематиче-

ское веденіе описи матеріаловъ, касающихся постановки дѣла призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности, какъ въ Германіи, такъ и за границей; 2. Выдача справокъ по сдѣланнымъ запросамъ; 3. Содѣйствіе какъ научной обработкѣ вопросовъ по призрѣнію бѣдныхъ, такъ и постановкѣ дѣла благотворенія на практикѣ путемъ выпуска въ свѣтъ періодическихъ изданій, сочиненій или какимъ нибудь другимъ способомъ.

Адресъ „германскаго центрального бюро“—Berlin, W. Köthener-Strasse 23. Подробности о бюро можно найти въ „Sociale Praxis“ 1899 г., № 23.

Центральное общество для указанія работъ въ Берлинѣ. (Centralverein für Arbeits-Nachweis zu Berlin) представляетъ собою самый крупный органъ посредничества между работодателями и рабочими въ Берлинѣ. Оно основано въ 1883 г. и имѣеть и женское отдѣленіе, открытое въ іюнѣ 1891 г.

Подобныя же бюро, справочныя и рекомендательныя конторы, устраиваемыя по инициативѣ благотворительныхъ обществъ или городскихъ и сельскихъ управленій, существуютъ и въ другихъ городахъ Германіи,—въ Дрезденѣ (основано при городской управѣ въ 1883 г.), Франкфуртѣ н. М. (1886), Гамбургѣ (1898) и проч. Въ Австріи этотъ видъ трудовой помощи также получилъ широкое распространеніе. Въ Лигницѣ въ 1898 г. открыто *центральное бюро указанія работы*. Въ содержаніи его участвуютъ городская и сельскія округа Лигниця, нѣсколько промышленныхъ и общепользныхъ союзовъ и союзы сельскихъ и городскихъ работодателей. По своей организаціи это бюро примыкаетъ къ той группѣ рекомендательныхъ конторъ, которыя особенно распространены въ южной и западной Германіи и которыя содержатся на средства различныхъ заинтересованныхъ въ указаніи работы учреждений и союзовъ. Бюро вошло въ соглашеніе съ сельско-хозяйственной колоніей провинціи Силезіи и съ управленіемъ королевскихъ дорогъ, съ союзами попеченія о выпущенныхъ изъ тюрьмы, съ союзами рабочихъ гостиницъ, со станціями вспомошествованія натурой и др. благотворительными союзами. Бюро пріискиваетъ мѣста для рабочихъ бесплатно. За первые четыре мѣсяца его дѣятельности поступило заявленій о мѣстахъ 793, въ томъ числѣ для женщинъ—256. Просьбъ же о мѣстахъ поступило свыше 399, въ томъ числѣ отъ женщинъ—66. Опредѣлено на мѣста 124 мужчинъ и 39 женщинъ. По образцу лигницкаго бюро устроены такія же бюро въ городахъ и округахъ Горлицъ, Лаубанъ, Гиршбергъ, Ландсгутъ, Буницау, Гольдбергъ и Гайнау; въ другихъ округахъ подготавливается устройство ихъ.

Въ Баваріи болѣе замѣчательнымъ учрежденіемъ въ этомъ родѣ является монахенскій „Städtisches Arbeitsamt“, по образцу котораго созданы подобныя же учрежденія съ цѣлью оказанія рабочимъ классамъ трудовой помощи въ Эрлангенѣ, Бамбергѣ и др. городахъ. „Arbeits-

ami" преслѣдуетъ тройкую цѣль: а) посредничество между работодателями и рабочими; б) ознакомленіе какъ однихъ, такъ и другихъ со всѣми касающимися ихъ вопросами и состояніемъ рабочаго рынка и составленіе статистическихъ данныхъ мюнхенскаго городского статистическаго бюро. Онъ имѣетъ два отдѣленія,—мужское и женское. Изъ его отчета за 1899 г. видно, что за этотъ годъ онъ предоставилъ 14.316 женщинамъ занятія въ Мюнхенѣ и 1002-мъ—въ его.

Но какъ бы успешно ни развивалась дѣятельность подобныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, имъ приходится выдерживать довольно сильную конкуренцію съ многочисленными бюро частныхъ предпринимателей, не говоря уже о томъ, что многіе предпочитаютъ прибѣгать къ посредству газетныхъ объявленій вмѣсто того, чтобы обращаться въ какія бы то ни было справочныя конторы. Впрочемъ въ Пруссіи и Баваріи большинство частныхъ рекомендательныхъ и справочныхъ конторъ, имѣющихъ своею цѣлью организацію трудовой помощи женщинамъ, находится также въ рукахъ женщинъ. Такъ въ Пруссіи въ концѣ 1894 г. изъ 5216 такихъ конторъ 3931, т. е. почти три четверти, находились въ завѣдываніи женщинъ, въ Баваріи же это отношеніе было и еще болѣе значительно,—722 изъ 877, т. е. 82,3%, общаго числа конторъ было въ рукахъ женщинъ. Наряду съ устройствомъ такихъ бюро, которыя берутъ на себя заботу о присканіи постоянныхъ или временныхъ занятій для людей, снискивающихъ себѣ трудомъ пропитаніе, общественная благотворительность въ германскихъ государствахъ создала также цѣлый рядъ и другихъ учреждений, обезпечивающихъ для женщинъ рабочаго класса пріютъ и прокормленіе въ тяжелые дни безработицы. Сюда относятся напр. основанный въ 1854 г. въ Берлинѣ *Marthaheim*, многочисленная „колонія работницъ" (*Arbeiterinnenkolonien*), создаваемая по образцу мужскихъ колоній этого рода, „гостиницы для работницъ" (*Mägdeherbergen*) и т. п.

Строительныя союзы. Не менѣе важны результаты, достигнутые нѣмецкими благотворительными обществами въ дѣлѣ устройства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для бѣдныхъ. Лучшее всего этотъ вопросъ разрѣшенъ въ Гессенѣ, гдѣ создана квартирная инспекція, обществами и

даже частнымъ лицамъ предоставлена возможность пользоваться на очень льготныхъ условіяхъ ссудами изъ капиталовъ страховыхъ учреждений и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчены требованія строительныхъ уставовъ по отношенію къ дешевымъ жилищамъ. Въ послѣднее время въ Гессенѣ по инициативѣ великой герцогини гессенской организованъ союзъ, поставившій себѣ главною цѣлью улучшеніе жилищъ для недостаточнаго населенія. Среди другихъ союзовъ въ Германіи, преслѣдующихъ тѣ же цѣли, особеннаго вниманія заслуживаетъ „рейнскій союзъ для улучшенія жилищъ рабочихъ въ Дюссельдорфѣ. Благодаря энергіи этого союза въ рейнской провинціи образовалось до 74 строительныхъ союзовъ, построившихъ въ 1899 г. 2047 домовъ стоимостью въ 14.847.937 марокъ, въ которыхъ живетъ 4.249 семействъ. Правительства германскихъ государствъ въ свою очередь приходятъ на помощь рабочимъ, желающимъ обзавестись своимъ домомъ, выдавая субсидіи, ссуды, преміи и т. п., которыя и обращаются или на выкупъ въ собственность занимаемыхъ ими жилищъ, или на устройство новыхъ. Есть рабочія колоніи, устроенныя на средства частныхъ благотворителей (напр. *Wilhelmsruhe* близъ Кельна), но онѣ рѣдки. Чаще всего возникаютъ съ благотворительными цѣлями акціонерныя строительныя общества вроде берлинской „*gemeinnützige Baugesellschaft*" (сущ. съ 1847 г.), а въ послѣднее время начинаютъ появляться также строительныя союзы, основанныя на началахъ взаимопомощи и дѣйствующіе по большей части на средства, которыя имъ выдаются въ ссуду или въ пособіе акціонерными обществами. Таковы напр. *Berliner Baugenossenschaft*, *Berliner Spar- und Bauverein* и мн. др. Въ 1892 г. берлинскимъ дамскимъ кружкомъ въ память извѣстной англійской благотворительницы Октавіи Гилль (автора книги „*Homes of the London Poor*") было учреждено общество „*Frauenverein Octavia Hill*,"—которое поставило своею цѣлью устройство дешевыхъ квартиръ, причемъ завѣдываніе ими принадлежитъ членамъ общества, и такимъ образомъ послѣдніе, входя въ ближайшее соприкосновеніе съ обитателями квартиръ, могутъ ближе видѣть и ихъ нужды и въ случаѣ надобности прибѣгать къ содѣйствию и другихъ благотворительныхъ обществъ.

Германскій „Отечественный женскій союзъ Краснаго Креста".

Наиболѣе обширную организацію въ дѣлѣ помощи ближнему представляетъ и въ Германіи, какъ и въ Россіи, общество Краснаго Креста, центральное управленіе котораго находится въ Берлинѣ. Оно имѣетъ свои отдѣленія и комитеты, числомъ около 900, и насчитываетъ до 150 т. членовъ въ Пруссіи и другихъ болѣе мелкихъ государ-

ствахъ германскаго союза. Кромѣ того къ нему примыкаютъ: баварскій женскій союзъ, имѣющій 282 отдѣленія, центральное управленіе вюртембергскаго союза благотворительности, гессенскій „*Aliceverein*" саксонскій „*Albertverein*", мекленбургскій „*Maria-Frauenverein*", баденскій женскій союзъ, число отдѣленій котораго простирается до 250, и проч.

Скандинавскія государства.

Первое женское общество въ Даніи возникло въ 1871 г. Оно носило названіе „союза датскихъ женщинъ" и ставило своею цѣлью защитѣ правъ женщины. Въ настоящее время оно насчитываетъ болѣе 1000 членовъ и имѣетъ секціи во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Даніи. По его инициативѣ въ 1888 г. былъ созванъ въ Копенгагенѣ женскій конгрессъ, а въ 1895 г. устроена тамъ же „выставка труда", бюро которой имѣло въ своемъ составѣ до 150 женщинъ. Въ числѣ десяти отдѣленій выставки было и благотворительное. Задачи женской благотворительности въ Даніи сводятся, какъ и въ другихъ странахъ, главнымъ образомъ къ поддержкѣ одинокихъ молодыхъ дѣвушекъ, ищущихъ заработка, защитѣ и призрѣнію дѣтей, особенно сиротъ, попеченію о слабыхъ, больныхъ и престарѣлыхъ женщинахъ и т. п. Первое мѣсто среди обществъ, преслѣдующихъ эти цѣли, занимаютъ „*Bethania*", имѣющее множество отдѣленій, и „*la Naie*". Благотворительность входитъ также въ программу и „женской ассоціаціи прогресса", основанной въ 1885 г. Въ Швеціи и Норвегіи борьба съ пауперизмомъ привела къ со-

зданію цѣлага ряда учреждений, преслѣдующихъ цѣли трудовой помощи. Между ними по численности преобладающее положеніе занимаютъ дома трудолюбія. Первый домъ трудолюбія, существующій и понынѣ, былъ основанъ въ Стокгольмѣ уже въ 1796 г. Развитію профессиональнаго образованія содѣйствуютъ многочисленныя ремесленныя школы для дѣтей обоого пола, устраиваемыя благотворительными обществами. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго упоминанія филантропическая дѣятельность г-жи Рециусъ, по мысли которой въ 1887 г. возникъ въ Стокгольмѣ особый типъ учреждений трудовой помощи,—такъ назыв. „*Arbetsstugor*", т. е. „рабочая комната". Цѣль этого учрежденія давать возможность дѣтямъ бѣдняковъ, посѣщаящимъ школу, обучаться какому нибудь ремеслу въ свободное отъ школьныхъ занятій время. По образцу стокгольмской „рабочей комнаты" теперь устроены подобныя заведенія и въ другихъ городахъ Швеціи и Норвегіи, а также и у насъ, въ Финляндіи. Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть о знаменитой „*арміи спасенія*", о „союзахъ для защиты бѣдныхъ" (*Skyddsforeningen*) и проч.

Голландія

Центрами голландской благотворительности являются города Гаага и Амстердамъ. Изъ наиболѣе крупныхъ благотворительныхъ учреждений въ Гаагѣ заслуживаютъ упоминанія: 1) общество для доставленія дешевыхъ жилищъ неимущимъ [осн. въ 1854 г.], 2) общество „Убѣжища для бѣдныхъ" (1887), 3) два убѣжища „Арміи спасенія" и 4) столовая еврейской общины. Въ Амстердамѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе „Школа благотворительности" (*opleidings inrichting voor sociaal arbeid*), основанная небольшимъ кружкомъ лицъ съ цѣлью готовить къ дѣятельности въ области призрѣнія бѣдныхъ и трудовой помощи, устройства жилищъ для рабочихъ и распространенія между ними полезныхъ знаній, ухода за покинутыми дѣтьми и ихъ воспи-

танія, улучшенія быта рабочихъ и пр. Въ школѣ читаются лекціи по политической экономіи, государственному праву, рабочему законодательству, тюремновѣдѣнію и гигиенѣ, сообщаются свѣдѣнія о коопераціяхъ и артеляхъ, о сравнительномъ значеніи различныхъ ремеслъ для отечественнаго производства, о цеховомъ устройствѣ, о страховыхъ и сберегательныхъ кассахъ, о различныхъ благотворительныхъ организаціяхъ и ведутся практическія занятія, состоящія главнымъ образомъ въ посѣщеніи ремесленныхъ и хозяйственныхъ школъ и благотворительныхъ учреждений и въ практическомъ ознакомленіи учащихся съ ихъ дѣятельностью. Курсъ обученія въ школѣ двухлѣтній. Главный контингентъ учащихся составляютъ женщины. Три года тому назадъ учре-

жены въ Голландіи спеціальныя „рабочія палаты“, числомъ 62. Главная ихъ задача—слѣдить за состояніемъ рабочаго рынка, содѣйствовать заключенію договоровъ между рабочими и работодателями, предупреждать столкновения между тѣми и другими, улаживать несогласія и постановлять третейскія рѣшенія.

Въ Бельгіи главною задачею общественной благотворительности въ настоящее время, какъ и въ другихъ государствахъ, является организация трудовой помощи, и въ этомъ направленіи работаютъ многочисленные общества, усилиями которыхъ созданы „рабочія биржи“ и дома трудолюбія въ Брюсселѣ, Люттихѣ и Гентѣ. Мало по малу въ вѣдѣніе благотворительныхъ обществъ начинаютъ также переходить и справочныя и рекомендательныя конторы, операциі которыхъ состоятъ преимущественно въ отысканіи мѣстъ для прислуги (maisons des servants). До послѣдняго времени онѣ возникали обыкновенно съ спекулятивными цѣлями по почину частныхъ лицъ. Въ 1890 г. въ Брюсселѣ была произведена правительственная ревизія всѣхъ такихъ частныхъ бюро, обна-

режившая въ нихъ значительныя злоупотребленія (изъ 13 бюро только въ 4 всѣхъ операциі производились безусловно добросовѣстно).
Вниманіе благотворительныхъ обществъ обращается также на попеченіе о молодыхъ дѣвушкахъ, принужденныхъ зарабатывать пропитаніе личнымъ трудомъ. Въ этомъ направленіи имъ приходится даже вести борьбу съ злоупотребленіями частныхъ предпринимателей. Таже ревизія обнаружила, что изъ принадлежавшихъ къ Брюсселѣ частнымъ лицамъ 48 убѣжищъ для молодыхъ дѣвушекъ 17 представляли собою притоны разврата, 18 явно преслѣдовали цѣли денежной эксплуатаціи и только 13 выполняли свое назначеніе добросовѣстно.

Бельгія.

уружившая въ нихъ значительныя злоупотребленія (изъ 13 бюро только въ 4 всѣхъ операциі производились безусловно добросовѣстно).

Вниманіе благотворительныхъ обществъ обращается также на попеченіе о молодыхъ дѣвушкахъ, принужденныхъ зарабатывать пропитаніе личнымъ трудомъ. Въ этомъ направленіи имъ приходится даже вести борьбу съ злоупотребленіями частныхъ предпринимателей. Таже ревизія обнаружила, что изъ принадлежавшихъ къ Брюсселѣ частнымъ лицамъ 48 убѣжищъ для молодыхъ дѣвушекъ 17 представляли собою притоны разврата, 18 явно преслѣдовали цѣли денежной эксплуатаціи и только 13 выполняли свое назначеніе добросовѣстно.

Франція.

Центральные органы благотворительности.

Хотя обширный планъ объединенія всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Франціи и былъ выработанъ уже въ 1896 г., тѣмъ не менѣе онъ не получилъ еще въ цѣломъ необходимого развитія, и если осуществляется, то осуществляется лишь въ частностяхъ, въ видѣ отдельныхъ учреждений, объединяющихъ благотворительную дѣятельность по отдѣльнымъ районамъ.

Въ Парижѣ въ 1890 г. Леонъ Лефевьеръ основалъ *центральное бюро благотворительныхъ учрежденій* (office central des oeuvres charitables), цѣли котораго состоятъ въ томъ, чтобы быть связующимъ звеномъ между благотворителями и людьми, нуждающимися въ ихъ помощи, доставлять всевозможныя справки по дѣламъ благотворительности, вести статистику, давать рабочимъ свѣдѣнія о мѣстахъ, въ которыхъ они могутъ найти подходящую работу или поддержку во время безработицы, содѣйствовать возвращенію на родину бѣдняковъ, легкомысленно покинувшихъ родной уголокъ и не сумѣвшихъ устроиться въ столицѣ, и т. п. За 10 лѣтъ своего существованія бюро истратило на дѣла благотворительности 2.207.421 фр. и оказало услуги 135.522 лицамъ. Имъ созданы цѣлый рядъ новыхъ благотворительныхъ учреждений, — „трудовое убѣжище для матерей семействъ“, „хозяйственная школа для молодыхъ дѣвушекъ“ и проч. Управление бюро издаетъ ежегодно справочникъ по вопросамъ благотворительности, — „Manuel des oeuvres“. По

примѣру парижскаго подобнаго центральныхъ бюро организуются въ Марселѣ, Нанси и Лионѣ.

Еще болѣе широкими цѣлями задается основанный въ Парижѣ въ томъ же 1890 г. международный органъ благотворительности, — „Société internationale pour l'étude des questions d'assistance“ Впрочемъ хотя въ его программу входитъ также и установленіе международныхъ сношеній въ области призрѣнія бѣдныхъ и трудовой помощи, тѣмъ не менѣе названное общество пока мѣстъ органичилось лишь ученою частью своей задачи.

Необходимость такихъ объединительныхъ усилій очевидна. Въ одномъ Парижѣ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ число отдѣльныхъ благотворительныхъ учрежденій возросло до 3050. Не имѣя возможности входить въ подробности въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, мы остановимся лишь на наиболее крупныхъ явленіяхъ въ этой области, принимая при этомъ во вниманіе лишь тѣ учрежденія, которыя созданы женщинами или дѣйствуютъ при ихъ ближайшемъ участіи. Сюда относятся *женскія общества взаимопомощи* (Sociétés approuvées), число которыхъ въ Парижѣ доходитъ до 227 (кромѣ того насчитывается 2143 смѣшанныхъ обществъ этого рода), *общества трудовой помощи женщинамъ* (oeuvres du travail), *общества призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ женщинъ*, *дѣтскіе пріюты и ясли*, *убѣжища для молодыхъ дѣвушекъ и др.*

Женскія общества взаимопомощи.

Изъ числа женскихъ обществъ взаимопомощи, насчитывающихся въ одномъ Парижѣ 29.993 членовъ, старѣйшимъ является общество „Парижанка“ (la Parisienne), обязанное своимъ возникновеніемъ одной изъ наиболее почтенныхъ по своей дѣятельности религіозныхъ ассоціацій (soeurs de Marie Auxiliatrice), которая ставитъ своею главною задачею попеченіе о молодыхъ дѣвушкахъ рабочихъ классовъ. По уставу „Парижанки“ ежемѣсячныя членскія взносы въ размѣрѣ 1 фр. 50 сент. обеспечиваютъ за каждымъ изъ членовъ получене известнаго поденнаго вознагражденія или единовременнаго пособія въ случаѣ болѣзни. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ другое общество, аналогичное по своимъ задачамъ, — „Портниха“ („la Couturière“), члены котораго, работающія по большей части въ крупныхъ модныхъ мастерскихъ, взносятъ въ его кассу ежегодно по 25 фр. Недавно возникло „Общество взаимопомощи матерей“ („Mutualité maternelle“), основанное съ цѣлью обез-

печенія тѣхъ работницъ, которыя должны по случаю родовъ временно прекратить свою работу и, слѣдовательно, лишиться заработка. Это общество насчитываетъ уже около 2000 членовъ и значительно способствуетъ уменьшенію смертности новорожденныхъ своевременною поддержкою роженицъ. Пioneры кооперативнаго движенія среди парижскихъ женщинъ учредили „Синдикатъ иголки“ (le syndicat de l'aiguille) представляющую ассоціацію, въ которую входятъ членами и хозяйки швейныхъ мастерскихъ, и работницы. Синдикатъ выдаетъ своимъ членамъ безпроцентныя ссуды въ размѣрѣ, соответствующемъ мѣсячному содержанию или среднему мѣсячному заработку. Управление кассой находится въ рукахъ совѣта, въ составъ котораго входятъ двѣ хозяйки, двѣ старшія мастерицы и двѣ швеи. Результаты операциі оказались удовлетворительными, такъ какъ изъ 17.843 фр., выданныхъ въ ссуду въ теченіи 10 лѣтъ, не было возвращено всего 817 фр.

Общества трудовой помощи.

Учрежденія, имѣющія своимъ назначеніемъ оказаніе трудовой помощи женщинамъ, распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ ограничиваются лишь одною этою задачею, другія соединяютъ съ нею и заботы о призрѣніи женщинъ, нуждающихся въ помощи. Къ первой группѣ относятся „рукодѣльни“ или „рабочіе дома“. Образцовымъ учрежденіемъ этого типа является мастерская, устроенная въ Парижѣ союзомъ помощи бѣднымъ XVI городского округа (avenue de Versailles, 7). Въ учрежденіяхъ второй группы мастерскія и рекомендательныя конторы соединены съ пріютами, ночлежными домами и т. п. убѣжищами для работницъ. Къ числу такихъ организаций принадлежитъ напр. домъ трудолюбія (l'oeuvre de l'hospitalité du travail), устроенный монахинями общины Notre-Dame-du-Calvaire (avenue de Versailles, 52). При домѣ имѣется помѣщеніе, отдаваемое работницамъ въ пользованіе на срокъ до 40 дней причеиъ за работу онѣ получаютъ въ день по 1 фр. 50 сент.; Община располагаетъ двумя магазинами, въ которыхъ продаются издѣлія дома.

„Société de l'allaitement maternel“ (общество вскармленія материнскимъ молокомъ) имѣетъ также домъ трудолюбія, но съ спеціальнымъ назначеніемъ его для матерей, кормящихъ грудью своихъ новорожденныхъ дѣтей. Призрѣваемая находятъ здѣсь пріютъ и пищу въ обмѣнъ за работу и могутъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не окончится время кормленія.

Особый видъ трудовой помощи представляютъ учрежденія вродѣ „французской лиги своего угла“ („ligue française du coin de terre et du foyer“). Лига имѣетъ цѣлью изученіе, распространеніе и осуществленіе доступными ей средствами всевозможныхъ мѣропріяты для утвержденія семьи на ея естественномъ основаніи, т. е. на владѣніи землею, — она стремится доставить бѣдняку „свой уголокъ“. Такихъ мѣропріяты много: лига устраиваетъ рабочіе огороды, надѣляетъ участками земли въ видѣ приданаго бѣдныхъ невѣстъ и проч. Мысль о трудовой помощи землею уже осуществлена въ 39 пунктахъ Франціи; роздано 1722 огородныхъ участка. Главными дѣятелями лиги являются г-жа Эрвье и аббатъ Лемюръ.

Ясли.

Первые ясли были устроены в Парижѣ въ 1844 г. въ слѣдующемъ году ихъ было уже шесть, а въ 1895 г. число ихъ въ Парижѣ дошло до 88, а во всей Франціи—до 346. Дѣятельность ихъ объединяется центральнымъ „Обществомъ яслей“ („société des crèches“), которое оказываетъ имъ матеріальную поддержку. Средства этого общества слагаются главнымъ образомъ изъ пожертвованій и достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ (съ 1847 г. по 1895 они возросли до 880 т. фр.). Въ Парижѣ изъ 88 яслей 36 находятся въ завѣдываніи сестеръ различныхъ общинъ,—преимущественно конгрегаціи St.-Vincent de Paul. Особенною дѣятельностью на этомъ поприщѣ благотворительности прославилась г-жа Фуртало-Гейне. Центральное общество яслей издаетъ свой бюллетень.

Въ 1897 г. муниципальный совѣтъ г. Парижа въ виду все болѣе

и болѣе увеличивающейся смертности грудныхъ дѣтей, вскармливаемыхъ не материнскимъ молокомъ, учредилъ комиссію, которая должна была выработать мѣры борьбы съ этимъ зломъ. Комиссія между прочимъ нашла необходимымъ замѣнить обыкновенное кипяченое молоко стерилизованнымъ и продавать это молоко по самой дешевой цѣнѣ, а бѣднякамъ раздавать и совсѣмъ даромъ. Въ Парижѣ было учреждено девять пунктовъ даровой раздачи стерилизованнаго молока при нѣкоторыхъ госпиталяхъ, приемныхъ покояхъ и ясляхъ. Дѣятельность этихъ девяти пунктовъ проявлялась однако довольно слабо до тѣхъ поръ, пока не было организовано особое общество,—„l'oeuvre philanthropique du lait“—которое и принялось за дѣло съ большою энергіею. Дѣло этого общества состоитъ въ завѣдываніи женщинъ.

Убѣжища для падшихъ женщинъ.

Въ католическихъ странахъ попеченіе о судьбѣ падшихъ женщинъ обыкновенно берутъ на себя монахини ордена „Добраго Пастыря“. Орденъ этотъ, центральное управление котораго находится въ Ахенѣ, располагаетъ въ настоящее время слишкомъ 200 монастырями, разбросанными по всѣмъ большимъ городамъ. Во Франціи эти монастыри существуютъ во всѣхъ департаментахъ и въ особенности сосредоточены въ восточныхъ областяхъ страны. При нихъ состоятъ убѣжища, устроенныя по типу домовъ трудолюбія. Въ Парижѣ этотъ видъ благотворительности входитъ въ задачи и другихъ конгрегацій (soeurs de St.

Vincent de Paul, de Notre-Dame du Bon Conseil и др.). Но и въ свѣтскихъ обществахъ, преслѣдующихъ цѣли борьбы съ проституціею, нѣтъ недостатка. Главными органами партіи абolicіонистовъ сторонниковъ отмѣны полицейской регламентаціи являются „французская линия общественной нравственности“ (ligne française de la moralité publique) съ ея журналомъ „le Relèvement social“ (Общественный подъемъ) и „французская секція международнаго союза абolicіонистовъ“ (branche française de la fédératiotn abolitionniste internationale), возникшая по инициативѣ Жозефины Бутлеръ.

Англія.

Централизациа органовъ благотворительности въ большихъ промышленныхъ городахъ Соединенныхъ Королевствъ, гдѣ замѣчается непрерывное возрастаніе тѣхъ малообеспеченныхъ классовъ населенія, для которыхъ личный заработокъ служить единственнымъ жизненнымъ ресурсомъ, давно уже осуществлена въ видѣ особыхъ учреждений, которыя ставятъ свою цѣлью объединять разрозненныя усилія отдѣльныхъ всевозможныхъ организацій, преслѣдующихъ цѣли благотворительности. Въ Лондонѣ такимъ центральнымъ органомъ является „Charity organization society“—грандіозный союзъ, въ задачи котораго входитъ способствовать распространенію въ обществѣ здравыхъ идей и положительныхъ свѣдѣній по вопросамъ благотворительности, собирать относящіяся къ этой области справочный матеріалъ, содѣйствовать объединенію благотворительныхъ обществъ, сходныхъ по своимъ задачамъ, учреждать по мѣрѣ надобности новыя общества, служить посредникомъ въ дѣлахъ благотворительности, преслѣдовать всякія злоупотребленія, возможные на этомъ поприщѣ, и проч. Союзъ этотъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ всѣ нити этого обширнаго дѣла, покрылъ всю страну цѣлою сѣтью своихъ комитетовъ (въ одномъ Лондонѣ ихъ сорокъ). Онъ издаетъ „The annual charities register and digest“.

Болѣе специальнымъ характеромъ отличается „Национальный союзъ трудящихся женщинъ Великобританіи и Ирландіи“ (the national union of women workers of Great Britain and Ireland), имѣющій свои развѣтвленія во всѣхъ большихъ городахъ Соединенныхъ Королевствъ и стремящійся содѣйствовать „умственному, нравственному, религіозному общественному и гражданскому развитію и преуспѣянію женщины“, быть органомъ взаимнаго общенія и взаимной помощи женщинъ, работающихъ на разныхъ поприщахъ умственного и промышленнаго труда, заботиться объ улучшеніи ихъ участи и подвигать впередъ дѣло женской эмансипаціи. Во главѣ „Национальнаго союза трудящихся женщинъ“ стоитъ „національный женскій совѣтъ“ (national council of women), который собирается одинъ разъ въ годъ для выборовъ, должностныхъ лицъ и рѣшенія общихъ вопросовъ, но при которомъ состоитъ постоянная исполнительная комиссія, и она то собственно при посредствѣ многочисленныхъ субкомиссій, завѣдывающихъ отдѣльными частями сложной организаціи союза, и управляетъ всѣми его дѣлами. Подъ эгидою союза существуютъ въ Англіи и различныя женскія клубы, и кружки для совмѣстнаго чтенія и самообразованія, и общегитія для дѣвушекъ-работницъ, и дома трудолюбія, и учрежденія благотворительныя въ собственномъ смыслѣ этого слова (пріюты, богадѣльни, ссудныя и сберегательныя кассы и т. д.).

Въ послѣднее время женская благотворительность въ Англіи стала чаще всего принимать форму такъ называемыхъ благотворительныхъ „поселеній“ (settlements). Подъ этимъ именемъ разумѣются ассоціаціи интеллигентныхъ женщинъ, имѣющія свою цѣлью работать на

пользу населенія бѣднѣйшихъ кварталовъ того или другого города, въ особенности же женщинъ и дѣтей, стремясь къ поднятію ихъ благосостоянія и умственного и нравственного уровня. Благодаря этимъ ассоціаціямъ возникаютъ подвижныя библіотеки, публичные курсы по разнымъ отраслямъ университетской науки, школы для бѣдныхъ и слабоумныхъ дѣтей, ясли, лѣтнія колоніи, клубы дѣвушекъ, кулинарныя и хозяйственныя школы, бюро для присіанки мѣсты и т. п. Такія „поселенія“ существуютъ въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Глазго и др. городахъ. Число ихъ непрерывно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ сфера ихъ дѣятельности и кругъ ихъ вліянія все болѣе и болѣе расширяется.

Слѣдуетъ упомянуть также объ „эмиграціонныхъ“ обществахъ. Толчекъ эмиграціонному движенію женщинъ былъ данъ въ Англіи на конгрессѣ представителей социальныхъ наукъ въ Дублинѣ въ 1861 г. На этомъ конгрессѣ обратилъ на себя вниманіе членовъ докладъ миссъ Мери Рай, доказывавшей, что при трудности, почти невозможности для огромнаго большинства бѣдныхъ женщинъ средняго класса найти постоянный заработокъ въ Англіи единственный исходъ заключается въ томъ, чтобы правильно организовать эмиграцію образованныхъ женщинъ въ такія мѣста, гдѣ онѣ легче могутъ отыскать занятія и своимъ трудомъ содержать себя. Уже въ маѣ 1862 г. основалось первое „общество для эмиграціи женщинъ средняго класса“, содѣйствовавшее главнымъ образомъ выселенію молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ изъ Англіи въ колоніи, преимущественно въ Южную Африку, Австралію и Канаду. Въ настоящее время число такихъ обществъ разрослось, а организація ихъ значительно усовершенствовалась и усложнилась. При нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены дѣтскія пріюты, школы, убѣжища для дѣвушекъ и т. п. Во главѣ всѣхъ этихъ учреждений стоитъ „Британское общество для эмиграціи женщинъ“ (the united British women's emigration association).

Примѣчаніе. Разработкѣ всѣхъ вопросовъ благотворительности и общественнаго призрѣнія посвященъ „Вспитникъ благотворительности“, издаваемый центральнымъ управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учреждений Имп. Маріи (Спб. Казанская ул. 7). Журналъ этотъ выходитъ ежемѣсячно. Подписная цѣна за годовое изданіе съ доставкой и пересылкою 3 рубля. Въ журналѣ даются очерки русскихъ и иностранныхъ благотворительныхъ учреждений, литература, журналистика и хроника русской и иностранной благотворительности. Изъ иностранныхъ журналовъ назовемъ важнѣйшіе,—1) французскій „la Revue des etablissements de bienfaisance et d'assistance“ [Berger evrault, editeur, Paris, 5, rue des Beaux Arts, 2) немецкіе: „Jahresberichte der Mädchen- und Frauengruppen für sociale Hilfsarbeit“ (Berlin), „Jahresbericht der Frauenvereinigung für sociale Hilfsarbeit“ (Wien),—3) англійскій „the annual reports of the womens university settlement for work in the poorer districts of London“.

Отдѣлъ III.

Женское движеніе и его важнѣйшіе органы.

А. Женскіе союзы.

Женское движеніе вытекаетъ изъ глубокаго противорѣчія между культурными стремленіями и духовными запросами современной женщины съ одной стороны и тѣмъ социальнымъ ея положеніемъ, которое унаслѣдовано ею отъ прежнихъ временъ, — тѣмъ ограниченіемъ ея въ правахъ, которое повсюду освящено законами и стойкимъ обычаемъ. Противорѣчіе это давно уже стало причиною глухого недовольства, постепенно возраставшаго и впервые проявившагося въ эпоху великой французской революціи въ знаменитой «*декларации правъ женщины и гражданки*». «Женщина имѣетъ право взойти на эшафотъ, — дайте же ей также право вступать и на трибуну», — такъ былъ формулированъ заключительный тезисъ этой деклараціи, авторомъ которой была Олимпія де Гужъ, истинная родоначальница нынѣшняго феминизма. Съ тѣхъ поръ, какъ произнесены были эти слова, основныя задачи и цѣли женскаго движенія не измѣнились, — онѣ остаются въ сущности тѣ же: какъ сто лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь женщина стремится къ устраненію существующаго неравенства обоихъ половъ, — она добивается равенства передъ закономъ, равенства въ правѣ на трудъ, равенства въ правѣ на образованіе.

Провозвѣстница правъ женщины — Олимпія де Гужъ сложила голову на гильотинѣ. Но за нею стояла цѣлая фаланга ея соратницъ, дружно сплотившихся для борьбы съ противниками женской эманципации и образовавшихъ съ этою цѣлью въ Парижѣ и въ провинціи цѣлую серію различныхъ федерацій, — женскихъ и смѣшанныхъ. Къ числу такихъ союзовъ принадлежали въ Парижѣ „société fraternelle des Halles“, „société fraternelle des Minimes“, „société des deux sexes de Sainte-Geneviève“, „amies de la Vérité“, „société des republicaines revolutionnaires“ и др.; подобныя же общества существовали въ Безансонѣ и Лионѣ („amies de la liberté et de l'égalité“), въ Дижонѣ („amies de la république“), въ Нантѣ, Бордо („amies de la constitution“), По, Брестѣ и проч. Конвентъ декретомъ отъ 30 октября 1793 г. положилъ конецъ ихъ существованію, запретивъ женщинамъ подѣ страхомъ тюремнаго заключенія собираться въ количествахъ болѣе пяти человѣкъ, но онѣ не могли остановить движенія, успѣвшаго перейти за границы Франціи и захватившаго сосѣднія съ нею страны. Вопросъ о правахъ женщины сталъ вопросомъ дня, — онъ перешелъ въ литературу и кромѣ массы полемическихъ памфлетовъ, продиктованныхъ страстью и оттого страдавшихъ преувеличеніями, вызвалъ и серьезныя изслѣдованія. Почти въ одно время появились — во Франціи (въ 1787 г.) горячо прочувствованная статья Кондорсе, въ которой онъ требовалъ распространенія на женщинъ всѣхъ гражданскихъ правъ, въ Германіи — четырехтомная „Исторія женщины“ Мейнерса (*C. Meiners Geschichte des weiblichen Geschlechts. Hannover. 1788*), въ Англии — „Исторія женщинъ“ Александра (*Alexander History of women London. 1789*). Но болѣе замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ въ этой области была знаменитая книга миссъ Мери Уолльстонкрафтъ „Въ защиту правъ женщины“ (*Vindication of the rights of women*), вышедшая

въ свѣтъ въ 1792 г. и тотчасъ же переведенная и на нѣмецкій языкъ. Въ этой смѣлой книгѣ впервые былъ поставленъ вопросъ о недостаточности образованія, получаемого женщинами, и высказана та мысль, что только при совмѣстномъ обученіи обоихъ половъ, которое должно развивать въ учащихся общечеловѣческія чувства товарищества и взаимнаго уваженія, возможно устраненіе существующихъ аномалій въ отношеніяхъ одного пола къ другому и поднятіе общаго уровня нравственности. Почти въ одно время съ появленіемъ въ Англии сочиненія Мери Уолльстонкрафтъ былъ изданъ въ Германіи не менѣе замѣчательный анонимный трудъ, принадлежавшій перу Теодора фонъ-Гиппеля, подѣ заглавіемъ „Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber“ (Berlin, 1792), въ которомъ онъ требовалъ допущенія женщинъ ко всѣмъ профессіямъ, оставляя мужчинамъ „монополью меча“ на тотъ случай, если люди окажутся и на будущее время не въ состояніи обходиться безъ избіенія другъ друга, и указывалъ подобно англійской писательницѣ на необходимость давать женщинамъ „гражданское воспитаніе“, допустивъ ихъ къ совмѣстному обученію съ мужчинами.

Таковы были первые шаги въ томъ направленіи, которое привело къ феминизму нашихъ дней, когда нѣтъ такой страны, въ которой бы не существовало нѣсколькихъ женскихъ союзовъ, являющихся органами женскаго движенія. Наиболее сплоченною и организованною является женская партія въ Германіи. Первымъ по времени и по значенію здѣсь можно считать „Всеобщій женскій союзъ“ (*Allgemeiner Deutscher Frauenverein*), который возникъ по мысли извѣстной писательницы Луизы Отто-Петерсъ въ 1865 г. въ Лейпцигѣ и былъ первымъ женскимъ обществомъ въ Германіи, не преслѣдовавшимъ благотворительныхъ цѣлей. Союзъ ставилъ для своей дѣятельности иную цѣль, которая и наша себѣ слѣдующее выраженіе въ одномъ изъ пунктовъ его программы, выработанной уже на первомъ учредительномъ собраніи: „трудъ, на которомъ утверждается все новое общество, есть и обязанность, и честь для женской половины человѣческаго рода, и мы требуемъ права на трудъ и считаемъ необходимымъ, чтобы были устранены всѣ препятствія, встрѣчаемая женщиною на пути къ труду“. Въ 1866 г., т. е. спустя годъ послѣ своего возникновенія, союзъ основалъ свой журналъ „Neue Bahnen“ (Новые пути), издаваемый и доселѣ, тогда же положилъ начало періодическимъ женскимъ сѣздамъ (*Frauentage*), а къ концу второго десятилѣтія свей дѣятельности учредилъ стипендіальный капиталъ съ цѣлью содѣйствія женскому образованію. Онъ неоднократно бралъ на себя представленіе коллективныхъ петицій отъ женщинъ въ германскій рейхстагъ, — часто съ успѣхомъ. Въ настоящее время союзъ имѣетъ 12 отдѣленій и до 12000 членовъ. Во главѣ его въ качествѣ его предсѣдательницы по смерти Луизы Отто-Петерсъ (1895) стоитъ ея ближайшая сотрудница Августа Шмидтъ. По слѣдамъ и по примѣру союза стали возникать и другія ассоціаціи таковаго рода. Первоначально главною ихъ цѣлью служило

расширеніе правъ женщины на образованіе и на участіе въ промышленномъ трудѣ,—это были „Frauenbildungsvereine“ и „Frauenerwerbsvereine“,—но мало по малу ихъ дѣятельность стала выходить изъ рамокъ этой программы, и въ настоящее время весьма многіе изъ этихъ прежнихъ „обществъ содѣйствія женскому образованію“ обнаруживаютъ явное стремленіе и вообще къ завоеваніямъ въ области гражданскихъ правоотношеній. Въ общемъ по статистическому подсчету, не вполнѣ впрочемъ точно, число специально женскихъ общественныхъ группъ, считая и благотворительныя общества, и промышленныя кооперации, и кружки научныя, литературныя и артистическія, въ Германіи доходитъ до 4000. Въ 1894 г. по почину нѣкоторыхъ женщинъ, побывавшихъ на международномъ женскомъ конгрессѣ въ Чикаго и ближе познакомившихся съ положеніемъ женскаго дѣла въ Америкѣ, былъ организованъ съ цѣлью объединенія всѣхъ этихъ разрозненныхъ ассоціацій центральный органъ ихъ дѣятельности,—„*Союзъ германскихъ женскихъ обществъ*“, въ свою очередь примкнувшей къ „*Международному союзу женщинъ*“.

Елена Ланге.

Нѣмецкій «Союзъ женскихъ обществъ» (Bund der deutschen Frauenvereine) состоитъ подъ предсѣдательствомъ Августы Шмидтъ, ближайшею сотрудницею и помощницею которой является Елена Ланге,—женщина, проявляющая неутомимую дѣятельность и на литературномъ поприщѣ (она издаетъ одинъ изъ наиболѣе солидныхъ феминистскихъ журналовъ—«Die Frau»), и на поприщѣ педагогическомъ (по ея почину возникла «ассоціація нѣмокъ воспитательницъ», въ которой объединились 62 общества воспитательницъ и учительницъ), и наконецъ на поприщѣ активной борьбы за права женщинъ (она первая добилась того, что ея ученицы были допущены къ университетскому экзамену, соответствующему до нѣкоторой степени нашему экзамену на аттестатъ зрѣлости). Къ «Союзу» примкнуло около двухсотъ различныхъ отдѣльныхъ обществъ и цѣлыхъ группъ, въ составъ которыхъ входятъ десятки однородныхъ ассоціацій (таковы напр. «Allgemeiner deutscher Frauenverein» «Verband der Frauenbildungs und Erwerbsvereine» и проч.). При немъ состоятъ коммисіи по вопросамъ о расширеніи политическихъ правъ женщины, о женскомъ образованіи, о борьбѣ съ нищетою, съ проституціею, съ алкоголизмомъ, объ улучшеніи участи работницъ и проч. и издается журналъ «Centralblatt des Bundes deutscher Frauenvereine». Правда, въ послѣднее время въ средѣ союза нѣмецкихъ женскихъ обществъ обнаружился расколъ, явилось два развѣт-

вленія, двѣ фракціи, одна съ болѣе консервативнымъ направленіемъ нѣсколько буржуазнаго оттѣнка, другая—съ направленіемъ прогрессивнымъ. Первая фракція грѣшитъ своимъ равнодушіемъ къ вопросамъ экономическимъ и социальнымъ и страдаетъ недостаткомъ предприимчивости и активности, вторая же, примыкая къ рабочему движению, отличается нѣкоторымъ радикализмомъ и въ лицѣ своихъ руководительницъ слишкомъ рѣзко проявляетъ свою враждебность и нетерпимость по отношенію къ первой. Есть впрочемъ въ предѣлахъ той и другой и болѣе дробныя подраздѣленія. Такъ напр. среди женской партіи консервативнаго направленія есть умѣренные и крайніе, есть сторонницы болѣе широкихъ социальнo-христіанскихъ началъ и болѣе узкихъ началъ социальнo-эклeзіастическихъ и проч. Старая тенденція проявляется по преимуществу въ заботахъ объ образованіи, о расширеніи сферы доступныхъ женщинъ трудовыхъ профессій, объ организаціи женской благотворительности и т. п., причемъ политика и социальныя отношенія интересуютъ представительницъ этой тенденціи, такъ сказать, болѣе теоретически. Новая школа

Минна Кауэръ.

напротивъ стремится къ достиженію полного уравниенія женщинъ съ мужчинами и въ политическихъ правахъ,—она требуетъ для женщинъ права голоса въ дѣлахъ государственнаго управленія и въ законодательствѣ. Характеръ ея дѣятельности—боевой, дѣйственный, практической, тогда какъ характеръ дѣятельности старой школы—скорѣе созерцательный, теоретическій. Радикальное направленіе сказывается преимущественно въ различныхъ секціяхъ берлинскаго общества «*Благо женщинъ*» (Frauenwohl), которое было основано въ 1888 г., какъ специально женское отдѣленіе «германскаго академическаго общества» (Deutsch-akademische Vereinigung). Его главною задачею служить распространеніе идей, лежащихъ въ основѣ современнаго женскаго движенія, и оно выполняетъ эту задачу, издавая брошюры и книги по женскому вопросу, устраивая съѣзды и митинги для обсужденія вопросовъ текущей женской жизни и составленія разнаго рода петицій и проч. При обществѣ устроена специальная бібліотека по женскому вопросу (Bibliothek zur Frauenfrage des Vereins Frauenwohl). Отдѣленія общества дѣйствуютъ въ Кенисбергѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ, Минденѣ, Боннѣ, Ульмѣ, Рудольштадтѣ, Бромбергѣ, Ремшейдѣ. Во главѣ его съ самаго его возникновенія стоитъ *Минна Кауэръ*, одною изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудницъ которой является *Анита Аугшпуртъ* (докторъ юридическихъ наукъ). Общество имѣетъ свой

журналъ — „die Frauenbewegung“ (Revue für die Interessen der Frauen), являющийся вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ и цѣлаго ряда другихъ женскихъ союзовъ, примыкающихъ по своимъ задачамъ и направленію къ обществу „Благо женщинъ“. Журналъ этотъ редактируетъ Минна Кауэръ, а приложение къ нему, посвященное вопросамъ внутренней политики („Parlamentarische Angelegenheiten und Gesetzgebung“), — Анита Аугшпургъ.

См. Lina Morgenstern, Frauenarbeit in Deutschland. I. Geschichte der deutschen Frauenbewegung und Statistik der Frauenarbeit auf allen ihr zugänglichen Gebieten. II. Adressbuch und Statistik der Frauenvereine in Deutschland. Berlin. — Anna Simson, Der Bund deutscher Frauenvereine, — was er will und was er nicht will. Breslau, 1896.

Въ Австріи женское движеніе стало проявляться съ особенною силою въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, — и первый толчокъ къ этому движенію исходилъ отъ мужчинъ. Въ 1866 г. вѣнское „общество содѣйствія успѣхамъ народнаго хозяйства“ по предложенію д-ра Шранка, въ то время бургомистра г. Вѣны, постановило способствовать привлеченію женщинъ къ дѣлу организациі профессіо-

комитеты“, которые въ концѣ концовъ и добились учрежденія двухъ лицеевъ (въ Грацѣ и Прагѣ) и одной „высшей школы“ для женщинъ (въ Вѣнѣ), преобразованной впоследствии также въ лицей. Не менѣе значительныхъ результатовъ достигли и другія общества, число которыхъ стало возрастать изъ года въ годъ, — „общество поддержки дѣвушекъ („Mädchen-Unterstützungsverein“), „общество расширенія женскаго образованія“ („Verein für erweiterte Frauenbildung“), „австрійское общество помощи служащимъ женщинамъ“ („Oesterreichischer Hilfsverein der Beamtinnen“) и пр.

Цѣли ихъ по большей части были просвѣтительныя. Но не менѣе интенсивны были также усилія, направленныя нѣкоторыми изъ нихъ и къ расширенію политическихъ правъ женщины. Въ этомъ отношеніи особенно энергично дѣйствуетъ „Всеобщій австрійскій женскій союзъ“ (Allgemeiner österreichischer Frauenverein), который издаетъ журналъ „Dokumente der Frauen“, — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ органовъ нѣмецкаго феминизма.

Что касается Франціи, то ни по числу женскихъ союзовъ, ни по размѣрамъ ихъ дѣятельности она также не

Кэтъ Ширмахеръ.

Анита Аугшпургъ.

нальныхъ школъ для молодыхъ дѣвушекъ, причѣмъ эти школы должны были, по проекту Шранка, состоять въ вѣдѣніи особаго дамскаго комитета, который былъ организованъ по образцу знаменитаго берлинскаго „леттевскаго“ общества (см. выше, стр. 130) и получилъ названіе „Женскаго промышленнаго общества“ (Frauenerwerbverein). Общество начало свою дѣятельность дѣйствительно съ открытія профессиональныхъ школъ, но рамки этой дѣятельности скоро стали значительно расширяться. Въ 1870 г. въ одномъ изъ его засѣданій женщиною впервые было сдѣлано публичное сообщеніе, въ которомъ докладчица старалась обрисовать всю безпомощность и безправіе австрійской женщины и указать путь къ выходу изъ ея угнетеннаго положенія. Въ этомъ направленіи наиболѣе настоятельно оказывалась реформа женскаго образованія. Въ сообщеніи проводилась мысль о необходимости поднять уровень женской средней школы до уровня мужскихъ гимназій и о томъ, что, если починъ въ этомъ дѣлѣ не будетъ сдѣланъ правительствомъ, то его слѣдуетъ взять на себя обществу. Мысль эта встрѣтила сочувствіе, и черезъ нѣсколько дней правленію первой вѣнской сберегательной кассы извѣстило докладчицу, что имъ ассигновано 40 т. флориновъ на основаніе первой женской гимназіи по образцу мужскихъ. Дѣло не обошлось безъ препятствій, но вскорѣ въ Вѣнѣ, Грацѣ и Прагѣ образовались „учебные

уступаетъ другимъ европейскимъ государствамъ. Можно даже сказать, что феминизмъ въ настоящее время представляетъ во Франціи модное теченіе, и оттого и литература его растетъ здѣсь не по днямъ, а по часамъ, и общественныя группы, призванныя служить его органами, непрерывно возникаютъ и развѣтвляются, покрывая, какъ и въ германскихъ государствахъ, густо сѣтью всю страну. Тенденціи Олимпіи де Гужъ, какъ мы видѣли, съ нею не умерли, — онѣ были лишь временно подавлены и снова возродились въ эпоху іюльской революціи подъ вліяніемъ сень-симонизма, настойчиво требовавшаго женской „эманципациі“ (выраженіе, которое тогда именно и было впервые пущено въ ходъ). Правда, дѣло покаместъ шло главнымъ образомъ о свободѣ женщины въ правѣ располагать собою, своею личною жизнью и своими склонностями, — и въ этомъ смыслѣ идея женской эманципациі, нашедшая свое выраженіе въ романахъ Жоржъ-Зандъ, Александра Дюма сына и др., понималась вплоть до позднѣйшаго времени, когда, благодаря дѣятельности Леона Рише, Маріи Деремъ, г-жи Анри Шмаль и др., она значительно расширилась и углубилась. Въ шестидесятыхъ годахъ по образцу лондонскаго „общества поощренія женскаго труда“, по почину г-жи Алляръ (Allard) и Жюль-Симона, создано въ Парижѣ первое подобное же общество, послужившее въ свою очередь образцомъ для многихъ другихъ. Въ 1895 г. въ одномъ Пари-

жѣ было уже 18 такихъ обществъ, насчитывавшихъ до 35 членовъ, Наиболѣе радикальнымъ изъ женскихъ союзовъ во Франціи была основанная Леономъ Рише въ 1867 г. *«Лига защиты женскихъ правъ»*, отъ которой впрочемъ вслѣдствіе чрезчуръ рѣзкихъ требованій ея по женскому вопросу мало по малу отдѣлились всѣ болѣе или менѣе умѣренныя сторонники женскаго движенія, образовавшіе по инициативѣ Маріи Деремъ (Deraismes) *«общество улучшенія участи женщины»* (société pour l'amélioration du sort de la femme), которое и стало главнымъ очагомъ французскаго феминизма. Это самый обширный изъ французскихъ женскихъ союзовъ. Къ нему примыкаютъ такія ассоціаціи, какъ *«Solidarité»* (съ г жею Венсанъ во главѣ), *«Avant-Courrière»* (предсѣдательницею состоитъ г жа Анри Шмаль) и др. Въ своемъ стремленіи къ расширенію правъ женщины всѣ эти группы успѣли добиться значительныхъ успѣховъ. Въ 1868 г. женщины были во Франціи допущены къ дѣятельности въ качествѣ врачей. Вслѣдъ за тѣмъ для нихъ мало по малу были открыты всѣ свободныя профессіи и нѣкоторыя общественныя должности (телеграфистокъ, тюремныхъ надзирательницъ, инспектриссъ труда, учительницъ и надзирательницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ). Въ 1892 г. замужнимъ женщинамъ-работницамъ предоставлено право независимо располагать своимъ личнымъ заработкомъ. Въ 1897 г. прошелъ законъ, по которому женщины могутъ быть свидѣтельницами въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ, а съ 1898 г. онѣ допускаются въ качествѣ делегатовъ административныхъ совѣтовъ общественныхъ благотворительныхъ учреждений. Наконецъ съ 1899 г. по предложенію Рене Вивіани сенатъ вслѣдъ за палатою депутатовъ, въ которой существуетъ официально признанная группа сторонниковъ женскаго движенія подавляющимъ большинствомъ голосовъ принялъ законъ, позволяющій женщинамъ заниматься адвокатурою.

Швеція, Норвегія, Данія и Голландія вмѣстѣ въ общей совокупности имѣютъ до шестидесяти женскихъ союзовъ, посвятившихъ себя пропагандѣ идей женской эманципации. Въ *Бельгіи* очагомъ радикальнаго феминизма является *«лига въ защиту правъ женщинъ»* (ligue belge du droit des femmes), уже десятый годъ издающая журналъ *«La ligue»* и въ послѣднее время дѣйствующая совместно съ *«бельгійскимъ обществомъ улучшенія участи женщинъ»*. Женское движеніе въ *Италіи* началось вслѣдъ затѣмъ, какъ миновалъ періодъ революціонной борьбы, и его пионерами были женщины, посвятившія себя народному образованію, борьбѣ съ невѣжествомъ и тьмою. Изъ ихъ среды вышли наиболѣе выдающіяся современныя представительницы итальянскаго феминизма.—Юлія Коломбини, Катерина Франчески-Ферруччи, Феличита Моранди Эрминія Фуа-Фузинато, Анна-Марія Моццони и др. Подъемъ образовательнаго ценза итальянскихъ женщинъ открылъ имъ доступъ къ различнымъ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ, къ службѣ на почтѣ, телеграфѣ, телефонѣ, въ различныхъ канцеляріяхъ и бюро, а на педагогическомъ поприщѣ даже къ профессурѣ въ университетахъ: г-жа Катани (д-ръ медицины) состоитъ профессоромъ въ Болоньѣ, Паолина Шиффъ — въ Павіи. Въ связи съ этимъ идетъ борьба и за расширеніе политическихъ правъ. Въ программу основаннаго въ Болоньѣ въ 1891 г. *«общества улучшенія участи женщинъ въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи»* внесено требованіе для женщины избирательныхъ правъ. Въ Миланѣ, Туринѣ, Венеціи, Римѣ образовались такія же общества. Ихъ органомъ служитъ журналъ *«Женская жизнь»* (Vita femminile). Въ *Швейцаріи* движеніе сосредоточилось главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, отъ котораго впрочемъ не отстаютъ и другіе кантоны. Швицъ предоставилъ женщинамъ всѣ политическія права наравнѣ съ мужчинами, не исключая и права выборовъ. Важнымъ завоеваніемъ женщинъ въ области правъ было также допущеніе ихъ здѣсь къ преподаванію въ университетахъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ цюрихскимъ университетомъ, который предоставилъ въ 1892 г. *veniam legendi* по юридическому факультету г-жѣ Э. Кемпинъ; его примѣру послѣдовалъ въ 1898 г. бернскій университетъ. Но особенно значительныхъ успѣховъ достигло женское движеніе въ *Англіи и Соединенныхъ Штатахъ*

Сѣв. Америки. Толчекъ къ этому движенію былъ данъ американскими *«аболиціонистами»*, которые, горячо ратуя за уничтоженіе рабовладѣльчества, въ 1840 г. перенесли арену своей проповѣди изъ Америки въ Англію, на лондонскій конгрессъ, къ участію въ которомъ пожелали быть допущенными и женщины. Желаніе это вызвало протестъ и послужило поводомъ къ тому, что женскій вопросъ, уже имѣвшій въ Англій краснорѣчивыхъ поборниковъ въ лицѣ миссъ Мери Уолльстонкрафтъ, Вилльяма Томсона и др., сталъ предметомъ живого обсужденія въ обществѣ и литературѣ. Знаменитая книга Дж. Стюарта Милля *«О подчиненіи женщины»* (Subjection of women) представляла собою первую блестящую попытку его теоретическаго обоснованія. Какъ вездѣ, на практикѣ дѣло привело въ борьбѣ за право женщинъ на трудъ и на образованіе. Генріента Мартино, Джесси Бушеретъ и др. были первыми пионерами въ дѣлѣ предложенія для женщины новыхъ путей къ трудовымъ профессіямъ. Онѣ организовали въ 1859 г. *«общество вспоможенія женскимъ занятіямъ»*. Благодаря дружнымъ усиліямъ какъ этого общества, такъ и другихъ, возникшихъ вслѣдъ за нимъ и преслѣдовавшихъ одинаковыя съ нимъ цѣли, сфера женскаго труда стала быстро расширяться, и для женщинъ, которыя до тѣхъ поръ могли подвизаться только на педагогическомъ поприщѣ, мало по малу былъ открытъ доступъ къ службѣ на почтѣ, телеграфѣ, въ управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ типографіяхъ, торгово-промышленныхъ конторахъ, редакціяхъ періодическихъ изданій, бібліотекахъ, канцеляріяхъ, госпиталяхъ, аптекахъ и проч. Въ 1894 г. женщины были впервые допущены къ должностямъ фабричныхъ санитарныхъ инспекторовъ, а также и инспекторовъ школьныхъ комитетовъ. Въ области социальна-политическихъ реформъ женщинами также было достигнуто многое. Въ настоящее время во главѣ многочисленныхъ обществъ, преслѣдующихъ социальныя задачи, стоятъ два обширныхъ союза, которые насчитываютъ въ своемъ составѣ десятки тысячъ женщинъ. Это *«союзъ для освобожденія женщинъ»* (Women's liberal federation) и *«лига Примрозъ»* (Primrose-league). Слѣдуетъ упомянуть также общества *«Women's liberal national association»*, *«Women's liberal unionist association»*, *«Stansfeld trust»*, *«Women franchise league»*, *«Scottish women's liberal federation»* и др., въ программу которыхъ также входятъ политическія цѣли. Въ составѣ всѣхъ этихъ союзовъ, въ числѣ дѣятельныхъ ихъ членовъ, значится не мало представительницъ высшей англійской аристократіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ борьба за права ведется подъ эгидой крупной организациі, имѣющей вѣтви по всему союзу.—это *«Women suffrage association»*. Вслѣдствіе постоянной агитаціи *«суффражистокъ»* женщинамъ уже во многихъ штатахъ предоставлено право голоса въ управленіи школами въ одномъ штатѣ также участіе въ муниципальномъ управленіи, а въ четырехъ (Вайомингѣ, Колорадо, Ютѣ и Айдахо)—полное уравненіе въ правахъ съ мужчинами. Изъ 369 профессій для женщинъ открытъ доступъ къ 360. Но, какъ одно изъ противорѣчій американской жизни, должно быть отмѣчено также и основанное въ 1894 г. *«женщинами же „Общество противниковъ женской эманципации“ (Women's anti-suffrage association)* Огнясья съ сочувствіемъ къ стремленіямъ феминистовъ, направленнымъ на улучшеніе матеріальнаго положенія женщины, на расширеніе сферы доступныхъ ей профессій и на уравненіе ея съ мужчинами въ правахъ на образованіе это общество протестуетъ противъ дарованія ей избирательныхъ правъ въ виду того, что она не можетъ выполнить обязанностей гражданина.—быть солдатомъ, полицейскимъ, присяжнымъ засѣдателемъ.

Въ заключеніе этого краткаго обзора необходимо остановиться на *«международномъ союзѣ прогрессивныхъ женщинъ»*. Союзъ этотъ, основанный въ 1899 г. по инициативѣ тридцати членовъ лондонскаго женскаго конгресса, не имѣетъ ни какой либо официальной администраціи кромѣ секретаря для дѣловыхъ сношеній, ни капиталовъ, ни имущества. Его программа гласитъ:

«Собравшіяся въ Лондонѣ женщины всѣхъ странъ рѣшили объединиться для общей международной пропаганды

съ цѣлью получить равенство правъ въ областяхъ экономической, законодательной и политической".

„Мы не соперничаемъ съ другими женскими обществами“, говоритъ секретарь этого «союза» Кетъ Ширмахеръ (извѣстная своими изслѣдованіями по вопросу о положеніи работницъ), „наша дѣятельность отчасти филантропическая, отчасти организаторская; мы надѣемся одержать побѣду путемъ служения общему благу. Мы не станемъ писать на нашемъ знамени конечныя desiderata женскаго движенія; мы сыграемъ роль передовыхъ бойцовъ, которые открываютъ огонь и прокладываютъ путь для слѣдующихъ за ними рядовъ“.

Оригинальный союзъ этотъ, въ организациіи котораго принимали дѣятельное участіе Анита Аугспургъ, Минна

Б. Женскіе конгрессы.

Первый женскій конгрессъ состоялся въ Америкѣ въ 1848 г. За нимъ послѣдовалъ второй, тамъ же спустя два года (въ 1850 г.), потомъ вскорѣ третій и т. д. Они происходили въ отдѣльныхъ, наиболѣе прогрессивныхъ штатахъ, какъ Нью-Йоркъ, Массачузетъ и др., имѣли чистоту мѣстный характеръ, стремились къ достиженію для женщины избирательныхъ правъ и именовались „національными“ (national women suffrage convention). Гражданская война, обративъ въ другую сторону вниманіе и интересы американскихъ женщинъ, отвлекла ихъ на нѣкоторое время отъ начатой борьбы, но съ 1869 г. въ Вашингтонѣ снова собралась „женская національная конвенція“, и съ тѣхъ поръ конгрессы происходятъ въ Америкѣ регулярно черезъ каждые два года и по прежнему преслѣдуютъ ту же цѣль,—расширеніе политическихъ правъ женщины. Одною изъ главныхъ дѣятельницъ въ этомъ направленіи является миссъ Сусанна Антони, заслуженный ветеранъ женскаго дѣла, работавшая на этомъ поприщѣ болѣе 50 лѣтъ. Въ Европѣ первый съѣздъ женщинъ состоялся въ 1889 г. въ Парижѣ. Онъ имѣлъ уже болѣе широкій, интернаціональный характеръ, и главною задачею его было объединить разрозненныя усилія женщинъ въ ихъ борьбѣ за права и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить современное положеніе женскаго вопроса. За парижскимъ конгрессомъ послѣдовали конгрессы въ Чикаго (1893), Берлинѣ (1896), Брюсселѣ (1897), Лондонѣ (1899) и снова въ Парижѣ (1900). Берлинскій конгрессъ возникъ по мысли одной изъ замѣчательнѣйшихъ поборницъ женской эманципаціи Лины Моргенштернъ. Она умѣла создать организаціонный комитетъ изъ представительницъ раз-

Кауэръ, Сусанна Антони и др., предоставляет полную свободу дѣйствій своимъ членамъ. Сообразно потребностямъ каждой данной страны они могутъ хлопотать о реформахъ самыхъ смѣлыхъ или же, наоборотъ, лишь самыхъ скромныхъ, наиболѣе осуществимыхъ. Такимъ образомъ члены союза одновременно будутъ добиваться въ одномъ мѣстѣ синдикальной организаціи, въ другомъ—устройства женскихъ политическихъ союзовъ, въ третьемъ, наконецъ, подавать петиціи въ установленномъ порядкѣ. Тамъ, гдѣ женское движеніе уже въ полномъ ходу, „союзъ прогрессистокъ“ будетъ только поддерживать и усиливать его; въ нѣкоторыхъ же государствахъ членамъ «союза» придется выступить въ роли пионерокъ, придется на многое отважиться и многимъ рисковать.

личныхъ женскихъ обществъ, который выработалъ программу съѣзда и разослалъ во всѣ концы цивилизованнаго міра приглашенія. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія: съѣхалось болѣе 200 женщинъ, было прочитано болѣе сотни докладовъ. Почти не было націи, которая не имѣла бы своихъ представительницъ,—въ числѣ докладчицъ выступали уроженки славянскихъ земель, Кавказа (Маргарита Меликъ-Бегларіанцъ), Финляндіи, Португаліи и проч. Въ особыхъ секціяхъ разрабатывались вопросы педагогическіе (объ устройствѣ дѣтскихъ садовъ, о совмѣстномъ обученіи, отъ учительскихъ семинаріяхъ, объ университетскомъ образованіи и реформѣ средней школы и проч.), социальныя (объ угнетеніи участи женщинъ-работницъ, о расширеніи сферы женскаго труда, объ охраненіи здоровья женщины, о тредъ-юнионизмѣ и проч.), нравственныя (обязательность одинаковыхъ требованій нравственности для обоихъ половъ, этика развлеченій, трезвость), политическія и проч. Изъ послѣдующихъ конгрессовъ наибольшее число членовъ правленъ лондонскій, предсѣдательницею котораго была графиня Абердинъ, и въ особенности парижскій, который собственно можно разсматривать какъ два конгресса [первый—по вопросу о *результатахъ* женскаго движенія („Oevres et institutions feministes“), второй—по вопросу о *правахъ* женщины и ея видахъ на будущее (Congrès de la condition et des droits de la femme)]. Подробности о томъ и другомъ см. въ журналѣ „Женское Дѣло“, за 1899 г. апрѣль (стр. 185) и сентябрь (стр. 114) и 1900 г. июнь-июль (стр. 146). Предсѣдательницею перваго была Сара Моно, втораго—Марія Поньонъ, мѣсто которой часто заступала Маргарита Дюранъ.

В. Женскіе клубы.

Хотя инициатива женскихъ клубовъ и не принадлежитъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ,—стоитъ вспомнить о французскихъ женскихъ клубахъ эпохи великой революціи, объ англійскомъ „Клубѣ Синихъ Чулокъ“ (Blue Stocking club), основанномъ въ Лондонѣ въ 1842 г., и проч.,—но они далеко опередили другія страны какъ въ организациіи, такъ и въ дѣятельности такихъ клубовъ. Первый американскій женскій клубъ былъ открытъ въ Нью-Йоркѣ въ 1868 г. и носилъ названіе „Sorosis“. Вскорѣ послѣ того по его образцу возникли другіе клубы [напр. „New Century“ и „New Englands Women's Club“—въ Филадельфіи], которые, сразу проявивъ необычайную жизнеспособность, съ неимоверной быстротой разрослись въ широкія организаціи, развѣтвились и распространились по всей странѣ. Появленіе одной организаціи стимулировало собою возникновеніе другой, съ иными задачами, и въ настоящее время ихъ уже насчитывается до 1200, а число ихъ членовъ простирается до 150 т. Это по большей части учрежденія, въ которыхъ клубное общеніе женщинъ между собою не исключаетъ возможности совмѣстной ихъ работы для общей пользы, и, въ то время какъ напр. англичанки смотрятъ на свои клубы, какъ на чайныя или столовыя, случайно оживляемая музыкою, чтеніемъ и лекціями по научно-популярнымъ вопросамъ, американки смотрятъ на свои, какъ на разсадники образовательной, научной и промышленной дѣятельности. Громадное большинство женскихъ клубовъ въ Америкѣ сумѣло пробудить въ районахъ своего вліянія особый интересъ къ общественнымъ дѣламъ и въ убѣжденія необходимости реформъ въ муниципальномъ и общемъ законодательствѣ. Клубы эти ставятъ себѣ слѣдующія цѣли: развитіе гражданственности, изученіе основъ общественныхъ наукъ, изслѣдованіе профессій и промысловъ, имѣющихъ значеніе для домашней жизни, изслѣдованіе условий, которымъ „должно удовлетворять рациональное воспитаніе, попеченіе о брошенныхъ, нуждающихся и бездомныхъ дѣтяхъ, улучшеніе быта и положенія рабочихъ, распространеніе въ народныхъ массахъ образованія и проч. Клубы содѣйствовали учрежденію стипендій для американскихъ женщинъ въ университетахъ и специаль-

ныхъ школахъ, основанію женскихъ гимназій, бібліотекъ, художественныхъ галлерей, воскресныхъ вечернихъ концертовъ; ихъ стараніями были воздвигнуты въ разныхъ мѣстахъ памятники въ честь историческихъ дѣятелей, устроены скверы, бассейны, бульвары, публичныя эстрады для музыки, организованы фонды для подачи помощи больнымъ, пріюты для выздоравливающихъ, общежитія и квартиры для дѣвушекъ, дешевые завтраки для работницъ и учащихся, бюро для совѣщанія по юридическимъ вопросамъ. По настоянію клубовъ образована инспекція надъ жилищами рабочихъ дѣвушекъ,—ими организуются образовательныя путешествія и экскурсіи, устраиваются большія промышленныя корпораціи и проч. Ихъ дѣятельность разнообразна и разностороння, какъ сама жизнь. При этомъ духъ солидарности, широкой терпимости и предприимчивости привелъ къ объединенію всѣхъ этихъ многочисленныхъ союзовъ, съ составъ которыхъ входятъ самыя разнородныя общественныя элементы, а главнымъ образомъ представительницы трудящихся классовъ, подъ эгидою особаго центрального органа ихъ взаимодѣйствія и общенія,—такъ назыв. „генеральной федераціи женскихъ клубовъ“, имѣющей свои отдѣленія въ тридцати штатахъ. Большинство клубовъ имѣетъ собственныя зданія, всѣ они живутъ на собственныя средства, дѣйствуютъ на началахъ коопераціи и полной свободы, управляются выборными лицами.

Идея женскаго клуба привилась и въ Англии, но здѣсь это—учрежденіе, въ которыхъ англійская женщина ищетъ общенія съ себѣ подобными для развлеченія, отдыха, совмѣстнаго чтенія или обмѣна мыслей,—и болѣе ничего. Они не преслѣдуютъ широкихъ общественныхъ цѣлей. Таковы напр. лондонскіе клубы „Alexandra“ (900 членовъ), „Sesame“, „University Club“, „Green Park Club“, „Pioneer Club“ (500 членовъ), „Somerville Club“ и мн. др. Подобные же клубы существуютъ и во многихъ провинціальныхъ городахъ—Батъ, Эксетеръ, Ливерпуль, Манчестеръ, Ньюкестлѣ и др. Особнякомъ стоятъ многочисленныя „дѣвичьи клубы“ (girls' clubs), предназначаемыя для дѣвушекъ работницъ и состоящія въ завѣдываніи различныхъ центральныхъ обществъ и коми-

тетовъ (напр. „the London girl's club union“, „the girl's friendly society“, „the factory helper's union“ и проч.)

Во Франціи существуетъ только одинъ женскій клубъ, основанный писательницею Бертою де Марси въ Парижѣ (Boulevard Malesherbes). Онъ носитъ англійское наименованіе „Ladies club“. Въ Германіи первая попытка устроить клубъ для женщинъ принадлежала „леттевскому“ обществу въ Берлинѣ, но она не имѣла удачи. Въ 1893 г. со-

зданъ былъ второй женскій клубъ тамъ же, и на этотъ разъ дѣло пошло успѣшно: онъ имѣетъ до 400 членовъ („Deutscher Frauenclub“, Berlin, Schadowstrasse). Кроме того одно изъ берлинскихъ благотворительныхъ обществъ организовало въ послѣднее время по образцу англійскихъ „girl's clubs“—клубъ для работницъ съ общежитіемъ, которымъ пользуются 50 женщинъ, и столовою, въ которой обѣдаетъ ежедневно свыше 100 человекъ.

Г. Женщина въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

„Роль женщины въ борьбѣ съ развитіемъ алкоголизма, приносящаго съ собою разрушеніе семьи, ясна изъ самаго ея положенія жены и матери. Признавая важное значеніе ея въ этомъ дѣлѣ, „Орденъ Добрыхъ Храмовниковъ“ съ 1852 г. сталъ принимать женщинъ въ число своихъ членовъ. Съ тѣхъ поръ образовалось въ Америкѣ и Англии нѣсколько большихъ женскихъ обществъ трезвости. Дѣятельность этихъ обществъ имѣла немало полезныхъ результатовъ: обязательное преподаваніе въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ, введеніе запретительной системы въ штатѣ Вермонтъ и проч. Опытъ показалъ, что тамъ, гдѣ женщинамъ были даны избирательныя права, онѣ вездѣ выступали съ цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ противъ производства и торговли спиртными напитками. Основываясь на этомъ, миссъ Грей выразила требованіе, чтобы женщина въ интересахъ блага человечества вездѣ имѣла гражданскія и общественныя права. Въ 1895 г. по словамъ д-ра А. М. Коровина („Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ“ М. 1896, 54 стр.) въ Англии дѣйствовало всего 12 женскихъ обществъ умеренности. „При изученіи англійскихъ лѣчебницъ для алкоголичекъ, пишетъ онъ, я не разъ поражался умѣньемъ вести дѣло. Не разъ меня спрашивали англійскія женщины, что сдѣлала русская женщина для спасенія своихъ близкихъ отъ этого яда... По примѣру англійскихъ, американскихъ и скандинавскихъ женщинъ германскія женщины въ 1894 г. тоже основали союзъ для борьбы со спиртными

напитками. По словамъ Оттилии Гоффманъ (изъ Бремена) въ настоящее время союзъ имѣетъ 105 отдѣленій съ 80000 членовъ. Дѣятельность союза заключается въ слѣдующемъ: проведеніе принциповъ воздержанія въ воспитаніи дѣтей въ школахъ; проповѣдь воздержанія посредствомъ публичныхъ собраній и въ печати и т. п.; основаніе ресторановъ трезвости для всѣхъ классовъ общества, подготовленіе общества къ законодательному ограниченію спиртныхъ напитковъ; помощь жертвамъ алкоголизма помѣщеніемъ ихъ въ убѣжища для алкоголиковъ и привлеченіемъ въ общества трезвости. Въ Парижѣ по примѣру Англии, Америки и Германіи французскія женщины по почину жены д-ра *Легрэн* [Legrain, основаннаго въ 1895 г. „Ligue contre l'usage des boissons spiritueuses“] организовали женское общество трезвости“.

„Въ Массачузеттѣ есть одно общество трезвости (Women Christian temperance Union), членами котораго состоятъ преимущественно женщины. Въ число задачъ дѣятельности этого общества входитъ организація кружковъ трезвости между учащимися, сообщеніе въ школахъ свѣдѣній о спиртныхъ напиткахъ и изданіе для послѣдней цѣли разныхъ учебниковъ, въ которыхъ свѣдѣнія по анатоміи, физиологіи и гигиенѣ идутъ рядомъ съ указаніемъ на вредъ злоупотребленія спиртными напитками“. (Изъ статьи *М. Плотицкова*. „Алкоголизмъ и роль школы въ борьбѣ съ нимъ“. „Образованіе“, 1900 янв.)

Д. Женщина въ борьбѣ съ милитаризмомъ.

Стремленіе къ водворенію мира въ человечествѣ, характеризующее христіанство, въ послѣднее время стало находить себѣ выраженіе въ особыхъ обществахъ, на знамени которыхъ начертано призваніе къ вѣчному миру. Старѣйшимъ изъ нихъ является американское „общество мира“, основанное въ Америкѣ въ 1817 г. извѣстнымъ апостоломъ мира Элигу-Бурритомъ, который въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершилъ путешествіе по Европѣ съ специальною цѣлью пропаганды идеи всеобщаго разоруженія и возбудилъ повсюду въ Англии и Германіи большой энтузіазмъ. Одною изъ горячихъ сторонницъ и первыхъ провозвѣстницъ этой идеи среди женщинъ была Луиза Отто-Петерсъ. Подъ вліяніемъ проповѣди Элигу-Буррита возникла въ Женевѣ „международная лига мира“ (Ligue internationale de la Paix), въ организаціи которой также главное участіе принимали женщины (особенно Марія Геггъ изъ Лозанны). Первый международный конгрессъ антимилитаристовъ состоялся въ 1870 г. въ Лондонѣ. Участницами его были и женщины. Особенно яркою въ этомъ направленіи является дѣятельность баронессы Берты Ф. Зуттнеръ, автора книги „Долой оружіе“ (Die Waffen nieder!), появившейся въ 1888 г. и переведенной на всѣ европейскіе языки. Впечатлѣніе, произведенное этою книгою, было такъ сильно, что съ по-

явленіемъ ея въ свѣтъ замѣчается и особенное оживленіе въ области мирной пропаганды. Въ 1890 г. возникаетъ „Общество австрійскихъ друзей мира“, насчитывающее нынѣ до 5000 членовъ, въ 1893 г.—„Нѣмецкое общество мира“ (Deutsche Friedensgesellschaft). Во главѣ того и другого стоятъ женщины. Вслѣдъ за тѣмъ, и во Франціи образовалась „Ligue universelle de la Paix“, основанная также женщинами. Во время послѣдней парижской выставки, въ сентябрѣ 1900 г., въ числѣ прочихъ состоялся международный конгрессъ и по вопросамъ мира. Онъ имѣлъ широкую программу, въ которой первое мѣсто было отведено выясненію роли женщины, какъ матери, воспитательницы и общественной дѣятельницы, въ дѣлѣ водворенія мира въ человѣческихъ обществахъ. Эта роль впрочемъ была замѣчена уже Линою Моргенштернъ, которая свою рѣчь въ пользу вѣчнаго мира на берлинскомъ конгрессѣ 1896 г. заключила словами: „мы женщины, можемъ и хотимъ быть представительницами идеи мира въ воспитаніи и общественной жизни. Не сословная и племенная вражда, не религіозная и политическая нетерпимость дадутъ человечеству счастье и процвѣтаніе: одна только справедливость и любовь къ ближнему сдѣлаютъ его обладателемъ этихъ благъ“.

Е. Женскіе журналы.

Число женскихъ журналовъ разрослось въ настоящее время до огромныхъ размѣровъ. Здѣсь слѣдуетъ различать нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Наибольше значительную по численности группу составляютъ журналы, почти лишенные всякаго идейнаго содержанія, если не считать даваемыхъ ими легковѣсныхъ литературныхъ приложений, и посвященные модамъ, рукодѣльямъ, домашнему хозяйству и проч. Такихъ журналовъ очень много. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ нѣмецкій „Die Moden und Galanterie-Zeitung“, основанный въ 1758 г. въ Эрфуртѣ. Почти одновременно съ нимъ сталъ выходить въ Парижѣ „Le Courrier de la nouveauté“. Роль модныхъ журналовъ играли также некоторое время ежегодные альманахи. Въ настоящее время число модныхъ журналовъ чрезвычайно велико. Наибольше распространенными изъ нихъ являются—во Франціи: „Moniteur de la mode“, „Mode artistique“, „L'art et la mode“, „La saison“, въ Англии: „The Queen“, „Ladies Gazette of fashion“, „Ladys Pictorial“, въ Германіи: „Die Modenwelt“ (выходитъ на 12 языкахъ, въ томъ числѣ на русскомъ подъ заглавіемъ „Модный Свѣтъ“ и „Модный Магазинъ“), „Der Vazar“ (на 10 языкахъ, въ томъ числѣ на русскомъ подъ заглавіемъ „Новый русскій базаръ“), „Grosse

Modenwelt“, „Wiener Mode“, „Wiener Chic“ и проч. Одинъ изъ этихъ журналовъ,—„Femina“ (publication bi-mensuelle illustrée),—ставитъ своею задачею по возможности всесторонне удовлетворить интересамъ женской жизни, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ ставятъ своею задачею улучшеніе женскаго костюма въ гигиеническомъ отношеніи и такимъ образомъ стремятся содѣйствовать охраненію здоровья женщины. Таковъ напримѣръ нѣмецкій журналъ „Mittheilungen des allgemeinen Vereins zur Verbesserung der Frauenkleidung“. По характеру съ нимъ можно поставить рядомъ нѣсколько журналовъ, посвященныхъ вопросамъ спорта (напр. „Deutsche Turnzeitung für Frauen“, „Die Radlerin“, „Damen-Sport“ и др.). Есть далѣе журналы спеціальныя,—по вопросамъ женской и дѣтской гигиены, педагогики, женскаго образованія, искусства, техническихъ профессій, благотворительности и проч. Нѣкоторые изъ нихъ были уже указаны выше. Не оставиваясь на нихъ, мы назовемъ здѣсь лишь тѣ періодическія изданія, которыя посвящены женскому вопросу. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить „Фронду“ („La Fronde“, journal quotidien politique, littéraire, Paris 14, rue Saint-Georges). Это большая ежедневная га-

зета, въ которой весь трудъ, — редакция, ведение постоянныхъ отдѣловъ, наборъ, корректура, печатаніе, — производится исключительно женщинами. Попытки этого рода бывали и раньше во всё время крупныхъ политическихъ движеній (въ 1789, 1830, 1848 гг.), но ни одна изъ нихъ не имѣла столь прочнаго успѣха, какъ это изданіе, во главѣ котораго въ качествѣ редактора состоитъ Маргарита Дюранъ (Durand). По своему направленію „Фронда“ — органъ французской республиканской партіи, чуждой какихъ либо специальныхъ пристрастій ни въ религиозномъ, ни въ національномъ отношеніи. Вокругъ нея группируются такія литературныя силы, какъ г-жа Северинъ, Клемансъ-Ройе, Даніель Лесюэръ, Берта Мандесъ, Марія Бонвиаль, Леопольдъ Лакуръ (псевдонимъ) и проч. Первый номеръ „Фронды“ вышелъ 9 декабря 1897 г.

Кромѣ „Фронды“ во Франціи издается 16 феминистскихъ журналовъ: „L'Amaranthe“, „L'Avant-Courrière“, „Bulletin de la société Maria Deraisme“, „Le Conseiller des femmes“, „Le Désarmement générale“, „Les Droits des femmes“, „La Femme“, „Le Féminisme chrétien“, „La Femme et l'enfant“, „Le journal des femmes“, „Le progrès des femmes“, „La Revue féministe“, „La Revue pour les jeunes filles“, „Société d'études féminines“, „La Tribune des femmes“, „L'Union des femmes de France“. Особенно многочисленны журналы, посвященные женскому вопросу, въ Германіи и Австріи. Таковы: „Neue Bahnen“ (Лейпцигъ), „Die Gleichheit“ (Штутгартъ), „Die Frauenbewegung“ (Берлинъ), „Centralblatt des Bundes deutscher Frauenvereine“ (Берлинъ), „Blätter des badischen Frauenvereins“ (Карлсруэ), „Deutsche Frauenzeitung“ (Берлинъ), „Deutsche Hausfrauen-Zeitung“, „Neues

Frauenblatt“, „Die Frau“, „Frauenblätter“, „Zeitschrift für die christliche Frauenwelt“ (Вѣна), „Frauenwerke“ (Корненбургъ), „Dokumente der Frauen“ (Вѣна) и др. Вопросамъ общественной нравственности посвящены журналы: „Revue de Morale sociale“ (Genève, Place du Port) — съ девизомъ „pro justitia“, съ программой, въ которой первое мѣсто занимаютъ вопросы о нравственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ одного пола къ другому; „Le Relèvement social“ (съ особымъ приложеніемъ по вопросу о проституціи — „Supplément spécial“). Адресъ редакціи: St. Etienne, Loire, 2, Rue Belay; „La ligue“ (Bruxelles, rue de l'Escalier, 22), „L'Union pour l'action morale“ [Paris, rue de Vaugirard, 52] и проч. Въ Англии издается 55 женскихъ журналовъ, изъ нихъ семь — специально по женскому вопросу: „The Englishwomen's Review of social and industrial questions“, „the Women's Signal“, „The Woman's Trades Union Review“, „Our Sisters“, „Womens Suffrage News“, „Shafts“, „Woman's Industrial Council“; къ этому слѣдуетъ присоединить англійскіе журналы, издающіеся въ Америкѣ (важнѣйшіе изъ нихъ — „the Womans Tribune“ въ Вашингтонѣ и „the Woman's journal“ въ Бостонѣ). Кромѣ того есть одинъ итальянскій журналъ (Vita femminile), одинъ шведскій (Dagny), одинъ чешскій (Zenske Listy), нѣсколько голландскихъ и датскихъ.

Въ Россіи попытки основать періодическій органъ печати по вопросамъ женской эманципации дѣлались не разъ, но не имѣли успѣха. Наибольше значительными были журналы „Женское Образование“ и „Женское Дѣло“ (послѣдній издавался два года, въ 1899 и 1900 гг.).

Нѣсколько справочныхъ книгъ.

„Первый женскій календарь“, состав. П. Арянь. Годъ четвертый (1902). Спб. Ц. 1 р.

„Русская женщина на государственной и общественной службѣ“. Сборникъ постановленій и распоряженій правительства, опредѣляющихъ права и обязанности русской женщины по службѣ, съ приложеніемъ уставовъ и положеній казенныхъ и частныхъ вспомогательныхъ кассъ и обществъ, услугами которыхъ могутъ пользоваться женщины. Составилъ А. Полянский. М. 1901 Ц. 1 р. 50 коп.

„Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія“ Изданіе „Родительскаго кружка“ при педагогическомъ музеѣ военно-учеб. заведеній, подъ редакціей П. Каптерева. Ц. 12 р. (по подпискѣ).

„Illustriertes Konversations-Lexicon der Frauen“, in zwei Bänden. Berlin. 1900. Въ этой книгѣ, снабженной множествомъ прекрасныхъ рисунковъ,

преимущественное вниманіе обращено на роль женщины въ общественной дѣятельности. Особенно полною отличаются отдѣлы о женщинахъ-работницахъ, врачахъ, писательницахъ, художницахъ, о женскихъ обществахъ, о женскомъ образованіи, объ уходѣ за дѣтьми, о женской и дѣтской гигиенѣ и проч.

„Les femmes dans la science“ par A. Rebière. 2 éd. Paris. 1897. (Портреты и краткія біографіи).

„Les femmes docteurs en médecine dans tous les pays“ 3 éd. Paris. 1901
„Die Frauenfrage, ihre geschichtliche Entwicklung und ihre wirthschaftliche Seite“, von Lily Braun. 1901.

„Le féminisme français“ par Ch. Turgeon. Paris. 1092 (2 тома).

Текущую библиографію женскаго вопроса можно найти въ журналѣ „Dokumente der Frauen“.

С. Л—ва.

Оглавление.

Литературный отдѣлъ.

	Стр.
Ольга Шапиръ. Мечта, разсказъ	1
О. Чюмина. Рапсодія жизни (изъ Елизаветы Броунингъ) стихотвореніе	15
З. Венгерова. Елизавета Барретъ Броунингъ	18
Л. Е. Оболенскій. Женскій вопросъ и нравственность	23
Е. Богрова. Домовой	28
И. Гриневская. Вопросы, стихотвореніе	34
Эленъ Кей. Эрнестъ Альгрень, перев. М. М.	36
В. Каменская. Поэту, стихотвореніе	55
Н. Кирпичникова. Первый семестръ въ Цюрихѣ. Письмо русской студентки	57
М. Волкова. Причины нервности нашихъ дѣвушекъ	65
М. Салтынова. За что? (Нѣсколько словъ о воскрес- ныхъ школахъ)	77
С. Д. Полевая. Стихотвореніе	83
И. Звонкинъ. Стихотвореніе	84
И. Гриневская. Неудача	85
М. Мандесъ. Сафо. Очеркъ изъ исторіи греческой куль- туры	88

Справочный отдѣлъ.

	Стр.
I. Женское образованіе. Сост. проф. А. Деревницкій.	
1. Высшее образованіе женщинъ въ Россіи	99
2. Высшее образованіе женщинъ за границей	117
3. Среднее образованіе	126
4. Прикладное образованіе женщинъ въ Россіи и за границей	127
5. Художественное образованіе	137
6. Педагогическое образованіе	139
II Женская благотворительность и трудовая помощь. Сост. X.	
1. Женская благотворительность и трудовая помощь въ Россіи	142
2. Женская благотворительность и трудовая помощь за границей	153
III Женское движеніе и его важнѣйшіе органы. Соста- влено С. Л-вою.	
1. Женскіе союзы	157
2. Женскіе конгрессы	161
3. Женскіе клубы	161
4. Женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ	162
5. Женщины въ борьбѣ съ милитаризмомъ	162
6. Женскіе журналы	162
Нѣкоторыя справочныя книги	163

On parle français
Говорятъ по французски.

„ДАМСКОЕ СЧАСТІЕ“

ГЛАВНОЕ ДЕПО

Самые Большіе Магазины Мануфактуръ

по дешевымъ цѣнамъ (-безъ торгу“)

въ Харьковѣ (Россія).

Наша система продажи состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться наименьшей пользой при продажѣ товаровъ въ нашихъ Магазилахъ „Дамское Счастье“. Этому правилу мы твердо слѣдуемъ, чѣмъ приобрѣли непрерывный и безпримѣрный успѣхъ.

Главное депю, Самые Большіе Склады и Магазины Мануфактуръ—Шелковыхъ, Суконныхъ, Ковровыхъ, Полотняныхъ и пр.

Потомственнаго Почетнаго Гражданина

Теодора Григорьевича Енуrowsкаго.

„AU BONHEUR DES DAMES“.

Grands Magasins du bon marché

à Kharkow (Russie).

Le système de vendre au prix minimal et entièrement de confiance est absolu dans la maison „Au bonheur des Dames“. Ce principe punctuellement observé nous a valu un succès extraordinaire - et sans precedent.

Principal Depôt et Grands Magasins de héréditaire honoraire citoyen

Theodore Grigoriewitch Enourowsky.

„LADIES DELIGHT“.

Great Magasines of Manufactures

Charkov (Russia).

The principle of our trade consists in selling our goods with the smallest profit, reckoning thereby only on the increased frequenting of our costumers.

This principle loyally observed has obtained us unprecedentend and continual success.

Principal stare house and magazines of manufactures of the hereditary honorary citizen

Theodor Grigoriewitch Enurowsky.

„DAMEN GLÜCK“.

Haupt Depot, grosse Magazine Manufaktur Waaren

ZU BILLIGEN PREISEN

in Charkow (Russland).

Unser System beim Verkaufe besteht darin, dass wir die Waaren mit dem geringsten Gewinne abgeben und unseren Vortheil ausschliesslich im regen Zuspruch des Publikums suchen. Diesen Grundsatz konsequent befolgt hat uns bereits unvergleichliche und dauernde Erfolge errungen.

Haupt Depot von Manufaktur Waaren
de Erblichen Ehrenbürgers

Theodor Grigoriewitsch Enurowsky.

English spoken.
Говорятъ по англійски.

Parlo italiano.
Говорятъ по итальянски.

ВИНА

Южнаго Берега Крыма
ПОДВАЛОВЪ

ВИНА

Мокмакова и Молоткова

ВЪ АЛУШТЪ.

Винамъ фирмы присуждены серебряныя медали:

1) На Всемирной выставкѣ винодѣлія въ Бордо 1895 г. 2) На Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 г.

Главный складъ: Алушта, Таврической губерніи.

Отдѣленія:

въ Одессѣ—Соборная площ., д. Русова. Тел. № 901.
» Москвѣ—Тверская, домъ Толмачевой.
» Ялтѣ—Магазинъ Тор. д. Н. К. Кандинскій и К^о.

въ Симферополь—Приютинская улица.
» Севастополь—Нахимовскій просп., д. Топалова.
» С-Петербургъ—Центральный погребъ Петрова.

Фирма гарантируетъ цѣльность и натуральность своихъ винъ и покорнѣе проситъ обращать вниманіе на бархатную пробку съ ея штемпелемъ.

ПЕРВАЯ НА ЮГЪ РОССІИ

по количеству производства и качеству продуктовъ

П А Р О В А Я

Колбасная
Фабрика

К. Н. БЪЛОГРАДОВА

ОДЕССА,

Малороссійская ул., соб. д., № 69.

Всевозможные сорта колбасъ, мясныя соленія
и копченія, галантины и проч.

ОТПРАВКА ВО ВСѢ ГОРОДА РОССІИ.

Заказы исполняются

при полученіи 20% задаточной суммы.

Прейсъ Куранты высылаются бесплатно.

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ

ИЗДѢЛІЙ

Мельхіоровыхъ и Накладного
СЕРЕБРА

Иосифа Фрање

ВЪ ОДЕССѢ.

Дерибасовская, домъ Сепича, № 13.

Большой выборъ:

столовыхъ приборовъ, блюдъ, судковъ. Чайныя сервизы,
самовары, корзинки для хлѣба. Вазы для фруктовъ, подносы,
туалетныя зеркала. Церковная утварь изящной работы.

Всѣ заказы исполняются безъ
замедленія.

Адресъ для телеграммъ:
Харьковъ, Василю Мернелъ.

Саратовскія Сарпинки.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
и розничный магазинъ
ХАРЬКОВЪ.

Николаевск. площ.,
д. Гладкова.

Василія Христіаковича Меркель

ОТДѢЛЕНІЕ:

Николаевъ, Соборная улица,
домъ Голубова.

Имѣть всегда большой выборъ
сарпинки для платья и бѣлья.

Торговля оптомъ и въ розницу.

Музыкально- Инструментальный

МАГАЗИНЪ
и Мастерская

ЦИММЕРМАНА

ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ,

Проспектъ, домъ Пронина.

Продажа оптомъ и въ розницу:

струнныхъ, духовыхъ, голосовыхъ, са-
моиграющихъ и легкоизучаемыхъ музы-
кальныхъ инструментовъ и принадлеж-
ностей къ нимъ.

Рояли, Піанино и Фисгармоніи.

Адресъ для телеграммъ:

Циммерманъ, Екатеринославъ.

„Журнальное дѣло“

— и —

„Журналы послѣднихъ Модъ“

В. АЛЬШВАНГЪ

 И А. ГЕРЛАХЪ

МОСКВА, Неглинная, 4, противъ
Малаго театра.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ

на всѣ русскіе и иностранные журналы.

Продажа отдѣльными номерами.

ВЫКРОЙКИ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

Отправка во всѣ города наложеннымъ
платежемъ.

Каталогъ высылается бесплатно.

ОБУВНЫЙ МАГАЗИНЪ

М. КУКУРИЧКИНЪ и К^о

въ Одессѣ.

Дерибасовская ул., домъ Вагнера.

Основанъ въ 1860 г.

ОБУВЬ

лучшаго качества

ЗАГРАНИЧНАЯ

— и —

РУССКАЯ.

МОДАНАЯ ОБУВЬ

въ самомъ разнообразномъ ВЫБОРѢ.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Итальянскій магазинъ

Э. ЛУКАЧИНИ

ПРЕЕМНИКЪ

А. МУТТИ

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Пассажъ № 41—42.

Большой

выборъ кожан-

ныхъ издѣлій: альбомы,

дорожные нессесеры, ридикулы,

бумажники, кошельки, портмонэ и

бювары. Самыхъ лучшихъ

заграничныхъ

фабрикъ.

Туалетныхъ

и кабинетныхъ вещей.

Золотыхъ серебряныхъ издѣлій.

Цѣны на всѣ товары

самыя

умѣренныя.

ИЗЪ ИНДИЙСКИХЪ ТРАВЪ

„ВИКТОРИЯ“

ПОМАДА ДЛЯ КОЖИ

СОСТАВЛЕНА

В. Ф. НЕСТЕРОВЫМЪ

ДЕПО. г. Кіевъ. Безаковская, 20.

Банка въ 1½ унц. 1 руб. безъ пересылки.

Чайная Торговля

ФИРМЫ

„АНАНІЙ КІЕВСКІЙ“

ВЪ ОДЕССѢ,

Екатерининская ул., д. Вагнера.

Фирма, со времени своего основанія, въ 1864 году, въ теченіе десятковъ лѣтъ, по принципу, ведетъ торговлю чаями исключительно высокаго качества и на правильныхъ началахъ, совершенно избѣгая приманокъ для публики въ видѣ, практикуемыхъ иными торговцами. ГРОШЕВЫХЪ ПРЕМІЙ, которыя безусловно отражаются на качествѣ чая.

Пересылка чаевъ повсемѣстно.

МАГАЗИНЪ

ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ

и всевозможныхъ изящныхъ работъ

Г-жи Р. ЦИММЕРМАНЪ

ВЪ ОДЕССѢ.

ул. Дерibasовской и Садовой ул., д. Руссова.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ.

НАСТОЯЩЕЕ СРЕДСТВО

ФЕНОМЕНЪ

Жидкость для укрѣпленія волосъ.

КРЕМЪ МОНГОЛЬСКІЙ.

Разрѣш. къ торговлѣ на общ. основ. Од. Вр. Управл., какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ для здоровья веществъ, безъ всякаго, однако, ручательства въ полезномъ его дѣйстви. Чтобы укрѣпить корни волосъ и дать имъ ростъ, нужно каждый день утромъ и вечеромъ натирать корни волосъ только легко и нѣжно до суха, три раза подрядъ. Употреблять должно въ теченіе (minimum) 2-хъ мѣсяцевъ. Г-жа ЛАВО обращаетъ вниманіе своихъ покупателей, что не слѣдуетъ мыть голову въ теченіе времени употребленія жидкости. ЦѢНА большого флакона 5 р., полъ флакона—2 р. 50 к. Во избѣжаніе поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на красную печать

Есть новое изобрѣтеніе для дамскаго туалета и КОЖИ ЛИЦА. Изобрѣтательница Е. ЛАВО, Одесса, Дерibasовская ул., д. Парижск. гост., магазинъ № 7.

Практиковавшій долгое время въ оптическомъ дѣлѣ въ Парижѣ
СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОПТИКЪ

ТЕСЕЛЬМАНЪ

Изготовляетъ ОЧКИ, ПЕНСНЭ и ЛОРНЕТКИ

самаго лучшаго качества, штука отъ 75 к., золотыя отъ 7 р.; очень строго наблюдается какъ вѣрность № № стеколъ, такъ и всѣ правила, треб. глаз. врачами. Починка очковъ, пенснэ и биноклей произв. добросовѣстно. Дерibasовская, № 21, входъ съ подъѣзда. Учащимся значит. уступка.

Художествен. вышивки на обыкновен. швейной машинѣ ЗИНГЕРЪ.

Статья А. И. Маркова,

Швейная машина при томъ усовершенствованіи, какое въ послѣднее время достигнуто извѣстной Мануфактурной компаніей Зингеръ, дѣйствующей съ капиталомъ въ 60 милліоновъ долларовъ (120 милліон. руб.) и рабочимъ составомъ въ 40 тысячъ человекъ, можетъ сказать въ помянутомъ направленіи огромныя услуги развитію художественной и кустарной промышленности.

Вотъ почему намъ кажется небезполезнымъ обратить вниманіе нашего въ особенности **женскаго общества** на то, что уже сдѣлано и что еще можетъ быть сдѣлано обыкновенной швейной машиной Зингеръ въ области художественной промышленности, а въ настоящемъ случаѣ—**художественныхъ вышивокъ**.

Изъ многихъ швейныхъ машинъ новѣйшаго времени особаго совершенства въ конструкціи обыкновенной швейной машины добылась именно названная фирма такъ что для выполненія художественныхъ вышивокъ на ея машинѣ не требуется никакихъ особыхъ приспособленій; обыкновенная швейная машина различныхъ образцовъ и наименованій, предназначенная для домашняго пользованія, вполне достаточна для означенной цѣли.

Толчкомъ къ производству истинно художественныхъ работъ на швейной машинѣ послужило желаніе означенной фирмы показать на всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ 1893 г. воочію всему свѣту тотъ необыкновенный прогрессъ въ дѣлѣ машино-швейнаго производства со времени изобрѣтенія первой практической швейной машины основателемъ компаніи И. М. Зингеромъ.

Выставка художественныхъ вышивокъ компаніи Зингеръ въ Чикаго была устроена съ большимъ вкусомъ. Въ двухъэтажномъ зданіи въ стилѣ Renaissance, внутреннія помещенія коего состояли изъ большаго англійскаго „Hall“ съ соотвѣтствующей лѣстницей, изъ приѣмной столовой, въ стилѣ Генриха VIII, спальни нынѣшняго времени и разныхъ другихъ покоевъ, не было почти ни одного предмета, относящаго до внутренней обстановки квартиры,—за исключеніемъ конечно мебели,—который не былъ бы обработанъ на швейной машинѣ Зингеръ. Великолѣпныя занавѣсы, (Gardinen Vorhänge, Partieren) во всѣхъ комнатахъ, вышитыя въ различныхъ стиляхъ, обои изъ матеріи въ столовой, чехлы (Ueberzüge) кресла и даже ширмы передъ печью (Ofenschirm) скатерти, салфетки, коврики, полотенца, одѣяла и многое, многое другое, съ вышивками въ византійскомъ стилѣ со сквознымъ швомъ, съ богатѣйшими узорами самыхъ разнообразныхъ стилей,—все это была работа швейной машины.

Художественныя вышивки, исполненныя на швейной машинѣ, представляютъ очень разнообразныя и существенныя преимущества предъ вышивками, исполненными, рукою. Машина даетъ возможность выполнить работу равномерно и правильно, чего при ручномъ способѣ почти невозможно выполнить. Самыя нѣжныя тончайшія переплетенія нитей производятся на машинѣ легко и быстро, при чемъ избѣгаются нежеланныя вальки и концы нитей вовсе не видны; самымъ же важнымъ въ машинной работѣ слѣдуетъ, однако, признать возможность исполнять вышивки совершенно одинаково на правой и лѣвой сторонѣ,—преимущество, имѣющее весьма крупное значеніе для занавѣсей и тому подобныхъ вещей, что точно также очень трудно сдѣлать рукою. Кто знаетъ, сколько усидчиваго терпѣнія кропотливаго труда требуется для красивой художественной вышивки, тотъ сразу оцѣнитъ значеніе этого нововведенія вышиваній на машинѣ, дѣлающей работу труженницы во много разъ болѣе производительной и легкой.

Техникъ художественнаго вышиванія на машинѣ легко научиться: для этого нужно только нѣсколько часовъ внимательной работы и потому понятно, что женщина, обладающая художественнымъ чутьемъ и вкусомъ, можетъ создать поистинѣ художественныя произведенія и приобрѣсть себѣ такимъ образомъ весьма существенный заработокъ; оттого-то швейная машина Зингеръ за границей и начинаетъ становиться необходимымъ предметомъ домашней обстановки.

Какъ уже было сказано выше, художественныя вышивки производятся на обыкновенной швейной машинѣ, слѣдуетъ только отвинтить лапку до начала работы, благодаря чему игла можетъ вытягивать нитью болѣе или менѣе длинныя или короткія линіи, и при выполненіи работы нужно только перемѣщать матеріалъ для вышивки, смотря по рисунку или образцу, по которому выполняется вышивка. Въ общемъ эту работу можно уподобить такому копированію съ рисунковъ, при которомъ поверхность—подвижна, грифель же укрѣпленъ. Художественность работы зависитъ конечно, отъ выбора, оттѣнка и расположенія красокъ, и только правильнымъ распредѣленіемъ этихъ трехъ частей—работа можетъ приобрѣсть значеніе въ художественной промышленности.

Въ 1897 году въ Россіи образовалось подъ эгидой Американской Мануфактурной Компаніи Зингеръ акціонерное общество для устройства русскихъ заводовъ швейныхъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ съ капиталомъ въ 5 милліоновъ руб.

Кому не знакомо

ЭТО КЛЕЙМО?

На 10 миллионѣхъ швейныхъ машинъ „Зингеръ“ оно распространено по всему свѣту. Настоящія швейныя машины „Зингеръ“ для домашнаго употребленія, художественныхъ вышивокъ и промыш-

ленныхъ цѣлей приобрѣли свою славу благодаря образцовой конструкціи, превосходному качеству и громадной производительности, составляющимъ отличительныя достоинства издѣлія К' „Зингеръ“.

Фабричное клеймо.

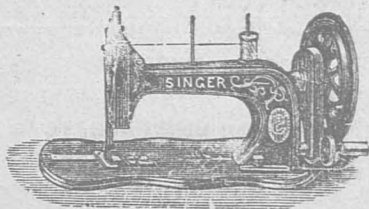
„GRAND PRIX“

(ВЫСШАЯ НАГРАДА)

Всемирная выставка въ Парижѣ 1900 года.

Бесплатное обученіе шитью и художественнымъ вышивкамъ.

Компанія ЗИНГЕРЪ.

Отдѣленія *Одесса*: 1) Пале-Рояль, д. Страца, № 21. 2) Преображенская, д. Шора, 3) Московская, д. Брюлинскаго, № 31. *Могилевъ-Подольскъ*: Владимирская ул. д. Гиндеса. *Каменецъ Подольскъ*: Центральная площ., рядомъ съ магаз. Журавлева, *Тульчинъ*: Соборная улица д. Рудова; *Жмеринка*: д. Новиковскаго, быв. Глинера. *Проскурово*: Александровская ул., д. Гольдмана *Аккерманъ*: Николаевская, д. Рахенберга, № 50 *Измаилъ*: въ рядяхъ бр. Радіоновыхъ. *Бендери*: уг. Андреевск. и Алек. сандр., д. Пестера. *Балта*: В. Купеческ. ул. (она же Бульварн), д. Горника.

Женское Училище
М. С. ИХТЕЙМАНЪ

ОДЕССА.

Базарная ул., д. Райха, № 92.

Открытъ приемъ ученицъ.

Въ приготовительный классъ принимаются дѣти безъ всякихъ знаній. Желаящимъ готовиться въ гимназію и коммерческое училище дается соответствующая подготовка. Въ число обязательн. предметовъ входятъ древнееврейскій языкъ и исторія еврейскаго народа.

ПРЕПОДАЮТСЯ

музыка, пѣніе, танцы и всѣ виды рукодѣлій.

Пріемъ ежедневно съ 11—2 час. дня.

Херсонская улица, д. № 33.

Профессиональная школа
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

подъ управленіемъ

члена московской комисіи прикладныхъ знаній по женскимъ ремесламъ

Л. Ф. БАЙЕРЪ

ПРЕДМЕТЫ ОБУЧЕНІЯ: кройка и шитье платья дамскаго и дѣтскаго. Кройка и шитье бѣлья мужскаго, женскаго и дѣтскаго. Штопка и починка бѣлья. Изящныя рукодѣлія. Всевозможные виды работъ на ручномъ ткацкомъ станкѣ, какъ-то: смирскіе ковры, нижнія юбки, одѣяла, шелковыя галстуки, и т. п. вещи. Бархатныя ковры и подушки на Флосса аппаратѣ. Изящныя работы на аппаратѣ La fee du foyer.

Подготовленіе учительницъ рукодѣлія.

Образцы работъ можно видѣть въ школѣ.

Пріемъ ученицъ ежедневно отъ 10—2 час.

Херсонская улица, д. № 38.

Художественно-
Фотграфическое Ателье

Б. М. Лодольскаго

Премъ фотографическихъ работъ, исполняемыхъ приглашеннымъ
изъ Мюнхена художникомъ позировщикомъ,
всѣ ретушерныя работы, а также анварельныя, пас-
пельныя и масляными красками.
Фотографія обставлена новѣйшими загранич-
ными приспособленіями.

Дерибасовская, уг. Гавач-
д. Исаковича № 10.

Дерибасовская, 9.

Конфекціонъ

1-ой Одесской Ремесленной
АРТЕЛИ

ДАМСКИХЪ
ПОРТНЫХЪ

Дерибасовская ул., д. Ралли, № 9.

Выполняетъ заказы дамскихъ верхнихъ
ПЛАТЬЕВЪ
ПО ПОСЛѢДНИМЪ МОДЕЛЯМЪ.
изящно, добросовѣстно и аккуратно.
по умѣреннымъ цѣнамъ.

Дерибасовская, № 9.

Дамско-рукодѣльный магазинъ

Я. С. КОРНИНА

ВЪ ОДЕССѢ.

Ришельевская, уг. Греческой, № 9.

Матеріалы для вышиванія: Бумага, нитки, гаруса, шелка, синели и шнурки. Полотнянный товаръ: Скатерти, полотенца, салфетки, полоски для столовъ съ бахромой. Канебойныя вещи: Туфли, ковры, полосы для качалокъ, подушки и ламбрикены.

Филейныя и плюшевыя вещи
Ковры съ вышиваніями для дѣтей. Портфели, порт-
визиты, вѣшалки и маты. Отдѣлка подушекъ съ
кистями и понпонами.

Broderie et Tapisserie
J. KORNIŃ, ODESSA.
Rue Richelieu, № 9.
On reçoit des commandes.

Шмуклерскій Дамско-Рукодѣльн. магазинъ

Я. С. КОРНИНА въ Севастополь

Нахимовскій проспектъ, домъ Коганъ.

ТОРГОВЛЯ
Аптекарскими и Косметическими Товарами
ПРОВИЗОРА
А. ТРУБИЧА
Одесса, Херсонская и Троловая, д. Бенетато.

ДУХИ и МЫЛО лучшихъ русскихъ и заграничн. фабрикъ.
Туалетныя принадлежности. Хирургическія, перевязоч-
ныя и патентованныя средства и минеральныя воды.

Поразительное средство
ДЛЯ ИСТРЕБЛЕНІЯ НАСѢКОМЫХЪ
ПОРОШОКЪ
ВЕРМИТЬ
Привилегія Акц. О-ва John Galabrese et Co L^{td} въ Лондонѣ.
Поставщики Военнаго и Торговаго Флотовъ и Военнаго Вѣдомства
Великобританіи, а равно всевозможныхъ учрежденій.
Представитель для всей Россіи
Ц. И. Боссалини, — Одесса.

Конторско-

Коммерческую Скорпись,

т. е. писать замѣчательно красиво и скоро, а также каллиграфическій почеркъ, шрифты и рондо, готикъ, фрактуръ, курсивъ, батардъ етс преподаеть лично и ЗА ОУЧЕНО (псредствомъ переписки) въ ШЕСТЬ уроковъ каждый шрифтъ

Профессоръ Каллиграфіи

А. КОССОДО.

Самый плохой, ломанный и дрожащій почеркъ превращается въ блестяще красивый и правильный въ теченіе пятнадцати уроковъ (заочно) и десяти уроковъ (лично).

Медотъ удостоень отзывомъ Императорскаго Новоросійскаго Университета и многихъ гимназій

Медали на Парижскихъ выставкахъ 1889 и 1900 г. Почетный дипломъ Парижской Академіи и пр.

Пробное письмо шрифтовъ и подробныя условія высылаются за 4 семи коп. марки.

Адресъ: ОДЕССА, Дерibasовская, д Альма-жена, Проф. Каллигр. А. Коссодо.

СКЛАДЪ НОТЪ,

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

книжныхъ изд. товариществъ М. О. Вольфъ,

поставщиковъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Г. С. БАЛЪЦА

(быв. Цаноти),

53-й годъ существов. фирмы

Механическіе самоиграющіе инструменты

для чайныхъ клубовъ и т. д.

Участіе въ прибыли

для Гг. клиентовъ въ количествѣ 15% съ назначенныхъ цѣнъ на всевозможныхъ струнныхъ инструментахъ, футлярахъ къ нимъ и корнетахъ.

Постоянные участники въ прибыли, пользующіеся обусловленною скидкою: Одесское Музыкальное училище, Экономическое Общество Офицеровъ Одесскаго Округа, Одесское Педагогич. общество взаимопомощи и др.

ГРАМОФОНЫ и ФОНОГРАФЫ

МАГАЗИНЪ

Прорѣзная, № 3.

домъ Кирхгейма.
Ежедневно свѣжее жаренное коффе.

Прорѣзная, № 3.
Какао разныхъ фирмъ

ФАБРИКА

на Набережной Лыбедской, соб. д. № 17.

О. Ч. ЛОМБАРДЪ

Мебель

продается съ аукціона въ Ломбардѣ на Успенской ул. № 16 - по средамъ въ 10 час. утра. Ежедневно - по назначен. цѣнамъ, въ Ломбардѣ, на Полицейск. ул., отъ 9 до 4-хъ час.

Экипажи

продаются съ аукціона въ Ломбардѣ - на Махайловской ул., № 25 - по четвергамъ въ 10 час. утра. Ежедневно - тамъ же - по назначеннымъ цѣнамъ, отъ 9 до 4 хъ часовъ.

Вещи разные домашнія

продаются съ аукціона въ Ломбардѣ - на Полицейской ул. - по средамъ съ 12 часовъ дня. Ежедневно - по назначеннымъ цѣнамъ - тамъ же съ 9 до 4 часовъ.

Драгоценныя вещи

продаются съ аукціона въ Ломбардѣ - на Полицейской ул. по понедѣльникамъ и пятницамъ съ 12 час. дня. Тамъ же, ежедневно по назначеннымъ цѣнамъ, отъ 9 до 4 часовъ.

VI г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

1902 г.

на Ежедневную Политическую, Экономическую и Литературную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую въ г. ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакторъ Н. П. Цакни.

Издатель Г. М. Бейленсонъ.

Съ настоящаго года въ „Южномъ Обозрѣніи“ принимаютъ участіе:

Максимъ Горькій, Владиміръ Галактіоновичъ Короленко, Антонъ Павловичъ Чеховъ.

СОСТАВЪ РЕДАКЦІИ: М. А. Брагинскій, К. Н. Есинсъ, П. Т. Герцо-Виноградскій, А. С. Изгоевъ, А. М. Коганъ, Лоэнгринъ, Е. Н. Любичъ, А. В. Мазаракій, В. Н. Маракуевъ, Н. Н. Новиковъ, И. А. Хмѣльницкій, Э. П. Цакни, Н. П. Цакни, О. Н. Юровскій, Я. К. Яковлевъ.

Кромѣ того общали свое постоянное сотрудничество:

Д. Я. Айзманъ Имьярекъ), А. А. Андріевскій, С. В. Гуляевъ, пр. доц. В. Ф. Лазурскій, Проф. Н. Н. Ланге, А. Н. Лисовскій, П. А. Нилусъ, Проф. Р. М. Орженцкій, Проф. А. А. Павловскій, Г. М. Пекаторосъ, проф. М. Я. Пергаментъ, М. Рафаиловъ, М. И. Сосновскій, В. Н. Твердохлѣбовъ, С. Л. Чудновскій и другіе.

ПО БОСКРЕСЕНЬЯМЪ газета выходитъ въ увеличенномъ объемѣ: прилагается

Иллюстрированный полулистъ

съ оригинальными и переводными разсказами, ксристическими рисунками, статьями популярно-научнаго содержанія.

Редакция предполагаетъ дать въ теченіе года рядъ научно-литературныхъ рефератовъ, прочитанныхъ въ мѣстныхъ и иногороднихъ литературныхъ обществахъ. Въ случаѣ надобности, по четвергамъ, къ газетѣ будетъ прилагаться **отдѣльный полулистъ**

Въ дни выдающихся событій будутъ выпускаемы отдѣльныя вечернія телеграммы.

Подписная цѣна на газету „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

6	Р.	Въ Одессѣ съ доставк.	на г. 6 р. — к.	!	На города (съ перес.)	на г. 8 р. — к.	8	Р.
		„ „ „ „	„ 6 м. 3 р. 50 к.		„ „ „ „	„ 6 м. 4 р. — к.		
		„ „ „ „	„ 3 м. 1 р. 80 к.		„ „ „ „	„ 3 м. 2 р. — к.		
		„ „ „ „	„ 1 м. — 60 к.		„ „ „ „	„ 1 м. — 70 к.		

ПРИ ГОДОВОЙ ПОДПИСКѢ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при тип. „Исаковичъ и Бейленсонъ“. Гав. с. д.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. М. Лукашевскаго и К^о.

Необходимо имѣть въ каждомъ домѣ поступившій въ продажу

Народно-Медицинскій и Ветеринарн. Календарь на 1902-й г.**„ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“**

Составленный д-ромъ И. А. Сахновскимъ и ветеринарнымъ врачомъ Э. Р. Пенскимъ.

— Цѣна 20 к. (безъ пересылки). —

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ слѣдующія изданія на 1902-й г.

Техническій, городск. и сельскаго хозяйства**СБОРНИКЪ****2-й Г.** подъ редакціей Инженеровъ Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева. **2-й Г.**

— Цѣна 75 к. —

8-й Г. „Адресная и справочн. книга г. Одессы“. 8-й Г.

Съ указаніемъ фамилій домовладѣльцевъ, №№ домовъ по улицамъ и подсудности полицейскимъ и судебно-миров. участк. (новѣйшее распредѣленіе на 18 м. уч.), полный адресъ—указатель г. Одессы.

— Цѣна 30 к. (безъ пересылки). —

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

въ конторѣ книгоиздательства Л. М. ЛУКАШЕВСКАГО и К^о

Одесса, Ришельевская улица, д. № 39.